

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. Я. ЛУРЬЕ

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Курс лекций

Под редакцией проф. Э. Д. Фролова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

ББК 63.3(0)3

Л86

Э. Д. ФРОЛОВ

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета*

**ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО: С. Я. ЛУРЬЕ
И ЕГО «ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ»**

Л86 Лурье С. Я.

История Греции/Сост., авт. вступ. статьи Э.Д.Фро-
лов.— СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та.
1993. — 680 с.
ISBN 5—288—00645—8

В книге, состоящей из двух частей (ч. 1 вышла в 1940 г., а ч. 2 публикуется впервые), рассматривается период древней истории от начала греческой цивилизации во II тыс. до н. э. до установления македонской гегемонии на Балканах (время Филиппа Македонского). Автором выдвигается оригинальная версия исторического развития древних греков. Значительное внимание уделяется микенской цивилизации, а также периоду после ее крушения — времени Темных веков (XI—IX вв. до н. э.) и социальной революции в архаическую эпоху (VIII—VI вв.), результатом которой явилось рождение греческого полиса. В книге дается новое истолкование греко-персидского конфликта в первой половине V в. до н. э., исследуется время расцвета афинской демократии при Перикле и кризис греческого полиса в IV в.

Для специалистов-историков, преподавателей, студентов, всех, интересующихся античной историей.

Для любого, кто интересуется историей научной мысли в своей стране, нет ничего более интересного и увлекательного, чем знакомство с биографией выдающегося отечественного ученого. Жизнь и научное творчество одного из крупнейших наших антиковедов Соломона Яковлевича Лурье (1891—1964) в этом плане особенно примечательны. В них, как в зеркале, отразились все испытания, которые судьба уготовила российской интеллигенции в XX веке: и восторги революционного подъема, и увлечения новыми истинами, и отрезвляющее воздействие жизненного и научного опыта. Обладая натурой яркую, одаренную, деятельную, Лурье сделал максимум возможного на том жизненном поприще, которое он для себя избрал, — на поприще ученого — гуманитаря, исследователя античной истории, в особенности истории и культуры Древней Греции. Глубоко переживая современные ему бурные перемены в общественной и духовной жизни России, он в рано увлекшей его античности старался отыскать схожие процессы и явления и на их примере и с их помощью яснее представить и себе и другим суть происходящего в новое время. Эта поверенная на античном материале реакция на современность не была сугубо рефлектирующей; быстрая и полнокровная, она выплескивалась в чрезвычайно продуктивной исследовательской, литературной и педагогической деятельности. Сталкиваясь все более и более с возростающим идеологическим давлением советской системы, эта деятельность неизбежно должна была приводить к трениям и конфликтам, чему немало способствовал характер ученого — скромного и даже застенчивого в обиходе, но весьма резкого и бескомпромиссного в публичных выступлениях, устных или литературных. Свою долю обусловленных этим официальных гонений Лурье вынес сполна.

Но если личная судьба С. Я. Лурье интересна как еще одно яркое отражение характерной для советского времени коллизии живой индивидуальности с каменеющей официальной идеоло-

0503010000-024

" 076(2)-93

4 92

ББК 63.3(0)3

ISBN 5—288—00645—8

© С. Я. Лурье, 1993

Вступ. статья

© Э. Д. Фролов, 1993

гией, то не менее значимо и представляет совершенно самостоятельную ценность также и его научное творчество. Крупный ученый, автор более 200 научных работ, в том числе более 20 отдельно изданных книг, живо откликнувшийся в своих публикациях как на вновь обнаруженные материалы, так и на новые оригинальные идеи, всегда старавшийся открыть какие-то иные, не замеченные другими, черты в давно, казалось, изученной истории античности, Лурье оставил нам богатейшее научное наследие. Его изучение само по себе представляет задачу большой историографической важности, поскольку в нем так же, как и в творчестве других представителей старшего поколения советских антиковедов (в Ленинграде — таких, в частности, как С. И. Ковалев, К. М. Колобова, А. И. Доватур и др.), предметно реализовалось развитие отечественной науки об античности в первые, самые трудные десятилетия после того грандиозного и драматического перелома, каким стала в жизни России Октябрьская революция 1917 г.,

Как сложились дела в такой традиционно весьма консервативной области научного знания, какой была наука о классической древности, какие перемены она испытала под воздействием общих революционных сдвигов, как сильно актуализировалась под влиянием новых историософских концепций и, в первую очередь, марксизма, — для суждения об этом научное наследие С. Я. Лурье предоставляет отличную, несравненную возможность. А если учесть к тому же, что речь идет об ученом, не столь уже далеко, по меркам истории, отстоящем от нашего времени, то очевидным окажется и другое, чисто практическое назначение такого обращения к чужому опыту. Знакомство с трудами Лурье может явиться для каждого из нас отличным способом приобщения к ряду все еще актуальных проблем и идей антиковедения XX в., до некоторой степени — способом шлифовки собственной научной подготовки.

Наконец, помимо всех этих общих соображений, надо указать на еще один конкретный повод нашего обращения к теме С. Я. Лурье. Это — предпринятое нынче по инициативе кафедры античной истории Ленинградского (Петербургского) университета новое издание его университетского курса «История Греции». Первая часть этого труда была опубликована еще в 1940 г., вторая (и без малого вдвое большая) была подготовлена к изданию, но уничтожена на последней стадии набора в 1948 г. Выпавшие на долю этого труда и его автора испытания были поистине драматическими — этого отрицать не приходится. Однако, чтобы разобраться по существу в истории с курсом Лурье, необходимо ближе познакомиться с личностью, жизненным путем и деятельностью автора. Тогда мы сможем более осознанно судить как о научных и литературных достоинствах этого во всяком случае наиболее подробного (из существующих на русском языке) университетского курса греческой истории,

так и о тех особенных обстоятельствах, которые затянули полное опубликование его чуть ли не на полвека.

Соломон Яковлевич Лурье родился 25 декабря 1890 по старому или 7 января 1891 г. по новому стилю в интеллигентной еврейской семье в Могилеве.¹ Отец его, видный врач-окулист, был убежденным приверженцем либеральных и даже радикальных идей (в духе Д. И. Писарева) и держался материалистических научных взглядов, отвергавших любые формы мистицизма и признававших в качестве критерия истины одну лишь объективную рационалистическую логику. Эти взгляды полностью были усвоены и его сыном — будущим историком античности. По окончании гимназии в Могилеве Соломон Лурье в 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал специализироваться по классической древности — по греко-римской филологии и истории. Его формирование как ученого проходило в русле уже сложившейся к тому времени петербургской исторической школы, отличительными признаками которой были стремление к научной точности и достоверности, преимущественная опора на исторический источник и ориентация на возможно полную реконструкцию отдельных фактов до теоретической, идейной интерпретации исторического процесса в целом. Пафос исследований петербургской школы в области классической древности заключался в стремлении постичь античность самым что ни на есть адекватным образом, опираясь по возможности на нее самое, на оставленные ею материалы, без привнесения в антиковедение общих и, как казалось, не относящихся к делу концепций.

Столпами этого направления на рубеже столетий были в Петербургском университете выдающиеся эллинисты — родоначальник русской эпиграфической школы Ф. Ф. Соколов и его ученик С. А. Жебелев. Последний и стал едва ли не главным наставником С. Лурье в университете. От него молодой ученый воспринял принципы строго научного антиковедения, стремившегося к синтезу исторических задач и филологических приемов, а также понимание значения и вкус к использованию эпиграфических документов. Другим университетским наставником Лурье был ученик и младший коллега Жебелева И. И. Толстой, который, помимо прочего, привил своему подопечному интерес к изучению древней литературы и фольклорных мотивов, искусство их сравнительного анализа и сопоставления с исторической средой. Сильное влияние на Лурье оказал также

¹ Для биографии С. Я. Лурье важнейшие материалы: К 70-летию профессора С. Я. Лурье // Вестник Древней истории (ВДИ). 1960. № 4. С. 196—198. Амусин И. Д., Ботвинник М. Н., Глускина Л. М. Памяти учителя // Там же. 1965. № 1. С. 228—230; Nadel V. Profesor Solomon Luria // Meander, rok XX. 1965. № 6. P. 209—225. Но все это перекрывается недавно изданной книгой сестры С. Я. Лурье: Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Париж, 1987.

блестящий петербургский филолог-классик Ф. Ф. Зелинский — глубокий эрудит и вдохновенный интерпретатор идей античности, не принадлежавший собственно к школе Соколова и со страстью отстаивавший более широкий взгляд на духовный мир греков и римлян, на его тесное соприкосновение с культурой нового времени и возможность обнаружения и постижения вполне современных идеалов на почве античности.

Все это было воспринято С. Лурье не механически, а во взаимодействии с тем комплексом более общих идей и представлений, которые были усвоены им из уроков отца и благодаря знакомству с передовой научной и просветительской литературой. Результатом явилась выработка собственной достаточно причудливой и по видимости эклектичной, но чрезвычайно богатой духовными импульсами и, в общем, весьма добротной системы воззрений, где усвоенный в университете строгий историко-филологический метод соседствовал с жгучим современным интересом, а общая приверженность материалистическому монизму дополнялась более конкретными увлечениями и идеями, почерпнутыми из эволюционной теории Дарвина или этно-антропологической школы Фрэзера. При всем том эта система обладала своим центральным звеном, которое оставалось неизменным: это было убеждение в объективной детерминированности исторического процесса — концепция, которая придавала решающее значение в историческом развитии действию объективных материальных факторов и соответствующих законов и сводила к нулю роль субъективного момента, роль индивидуальной воли и личного действия.

Курс обучения в Петербургском университете С. Я. Лурье завершил вполне уже сложившимся ученым. Это подтверждается высокой оценкой его выпускного сочинения, посвященного истории Беотийского союза, сюжету из политической истории Греции V—IV вв. до н. э. Оно было удостоено большой золотой медали (1911 г.), а вскоре было и опубликовано, сначала в виде серии статей (в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1914 г.), а затем и отдельной книгой (Беотийский союз. СПб., 1914). По рекомендации С. А. Жебелева Лурье был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (что-то вроде современной аспирантуры). Казалось, обстоятельства складывались самым удачным образом и впереди открывался путь для успешной научной карьеры, однако начавшаяся в России с 1-й мировой войной полоса потрясений и смут спутала карты и надолго отдала достижение профессорства. Лишь после долгих мытарств, выпавших, впрочем, в годы революционного лихолетья на долю не одного только Лурье, он смог приступить, наконец, к работе в Петроградском университете (1923 г.).

С этого времени положение С. Я. Лурье обретает достаточную устойчивость, что немедленно сказалось и на его ученой

деятельности. Начав печататься еще накануне мировой войны (первая публикация относится к 1913 г.) и, невзирая на все трудности, находя позднее способы каждый год выступать в печати с одной или двумя работами, он с 1924 г. стремительно расширяет круг своих научных занятий, резко увеличивает число ежегодных публикаций, доводя их в иные годы до десятка, и очень скоро вырастает в фигуру первой величины в новом советском антиковедении. После досадной интермедии на рубеже 20—30-х годов, когда преподавание истории было изгнано из университета, с восстановлением в 1934 г. правильной структуры исторических факультетов, а на них в Москве и Ленинграде — специальных кафедр древней истории, Лурье становится одним из ведущих преподавателей — историков древности в Ленинградском университете. В том же 1934 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

На 30-е и 40-е годы падает расцвет научной деятельности С. Я. Лурье, и в те же годы он становится одним из самых видных ленинградских профессоров — учителей науки. Огромная эрудиция и живость мысли, сообщавшие оригинальность и глубину его научным суждениям, большое педагогическое мастерство, с особым блеском проявлявшееся в практических, семинарских занятиях по древней истории и в преподавании древних языков и эпиграфики, привлекали к нему вдумчивую университетскую молодежь. Вокруг Лурье складывается целый круг учеников, которых он приобщал к высоким принципам не только научно-исследовательской работы, но и гражданского поведения и которые платили ему за это искренним восхищением и любовью. К этой главной плеяде «лурьянцев» относятся те, кто в дальнейшем сами стали видными учеными-антиковедами, чьи имена и заслуги хорошо известны в ученом мире: И. Д. Амусин, позднее ставший архететом советского кумрановедения, В. Г. Борухович, М. Н. Ботвинник, Л. М. Глускина, Б. Б. Маргулес, Е. А. Миллиор, Э. И. Соломоник, эти все сохранившие главное направление работ своего учителя, т. е. исследовавшие, как и он, главным образом проблемы древнегреческой истории.

Война и последовавшая эвакуация из Ленинграда прервали эту плодотворную деятельность. Впрочем и во время войны С. Я. Лурье не прекращал совершенно своих научных занятий и даже подготовил и защитил специальную диссертацию на степень доктора филологических наук (1943). С окончанием войны Лурье вновь — одна из центральных фигур на историческом факультете Ленинградского университета. Однако, как оказалось, ненадолго. Счастливо прошедший через полосы массового террора 20-х и 30-х годов, он, наконец, также оказалась задет советской колесницей Джагернаута. В 1948—1949 гг., когда новое наступление на интеллигенцию, на этот раз сопряженное с самым низменным шовинизмом, выплеснулось в пресловутую

борьбу с космополитизмом, Лурье, который и до того неоднократно попадал в трудные положения из-за своей человеческой и научной прямоты, стал объектом крутой тенденциозной проработки (тогда-то и был рассыпан набор второй части университетского курса «История Греции»), а с 1 июня 1949 г. он был уволен из Ленинградского университета «за несоответствие занимаемой должности».

Для ученого, к тому времени прочно вросшего в университетский быт, отлучение от его естественного очага обернулось тяжким испытанием. Поначалу совершенно невозможно было найти работу по специальности. Некоторое время (около года) С. Я. Лурье состоял младшим научным сотрудником Комиссии по истории физико-математических наук (ныне Институт истории естествознания и техники Российской Академии наук), куда он был определен по ходатайству тогдашнего президента Академии наук С. И. Вавилова. Формальным, впрочем весьма достаточным, основанием для этого послужила долголетняя работа Лурье по проблемам истории античной и средневековой науки, в том числе физики и математики, нашедшая отражение в многочисленных публикациях (о математических занятиях Протагора и Демокрита, о приближенных вычислениях в Древней Греции, о теории бесконечно малых у древних атомистов и др.). Но это не могло быть настоящим выходом из положения, и в 1950 г. Лурье в поисках работы по специальности пришлось оставить Ленинград. Он устроился на работу в Одессу, в местный Институт иностранных языков (1950—1952), а затем во Львов, где, наконец, вновь получил работу по своей основной специальности. С 1953 г. и до самой смерти (30 октября 1964 г.) он состоял профессором кафедры классической филологии Львовского университета, который стал для него, таким образом, новым, после Ленинградского, ученым пристанищем.

Заканчивая это краткое обозрение биографии С. Я. Лурье, заметим: его жизнь не была богата внешними событиями, как это, впрочем, и обычно у ученых-гуманитаров, однако два знаменательных события в ней все-таки надо выделить. Одно, яркое и радостное по его собственным признаниям, — время Февральской революции 1917 г., окрылившее многих представителей российской интеллигенции, вселившее в них надежды на возможность обретения по-настоящему европейских, цивилизованных условий жизни и деятельности на основах свободы и демократии. Можно представить себе, сколь горьким было для демократически настроенной российской интеллигенции отрезвляющее воздействие дальнейшего развития, с новой революцией, гражданской войной и последующим террором. Именно социалистическая революция перечеркнула все надежды на свободное творчество, столь долго вынашивавшиеся интеллигенцией России, все возможности свободной работы мысли в области духовного, гуманитарного знания, за вычетом, может быть, неко-

торых, определенных системой, сфер, вроде марксистской теории исторического процесса — единственного дозволенного интеллектуального занятия более или менее высокого уровня.

Другое важное событие в жизни профессора С. Я. Лурье, событие противоположного, трагического плана, — это изгнание его из Ленинградского университета в 1949 г., за которым через год последовал вынужденный отъезд на юг в своего рода добровольную ссылку. Очевидно катастрофическое значение этой жизненной перемены, и если пожилой ученый (ему было уже около 60) не сломился и нашел в себе силы продолжить свою научную и педагогическую деятельность в новой среде, то этим он был обязан не столько эфемерной оттепели после смерти Сталина (она не вернула его в родной университет), сколько собственной на редкость здоровой натуре, своему жизнелюбию, неукротимому влечению к творчеству и природной способности работать в любых, даже, казалось бы, невыносимых условиях.

Что же представляет собой созданное С. Я. Лурье? От внешней биографии ученого обратимся теперь к обзору его научной деятельности. При этом вынесем за скобки и оставим напоследок его университетский курс греческой истории как сюжет для нас наиболее важный и требующий особого комментария.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с научным наследием С. Я. Лурье, это, помимо внушительного объема (более 200 опубликованных работ), удивительная его целостность.² Не то чтобы круг научных интересов Лурье был узок, отнюдь нет, свидетельствами противного могут служить специальные работы этого эллиниста, посвященные древней истории еврейского народа и специально библейским сюжетам, равно как и целый ряд переводов из литературы нового времени, отражавших его глубинный интерес к истории науки (среди авторов, чьи сочинения переводились или комментировались им, — Фрэнсис Бэкон, Бонавентура Кавальери, Леонард Эйлер, Ф. У. Т. Эпинус, О. Нейгебауэр). И все же главное внимание Лурье было сосредоточено на Древней Греции, истории и духовной культуре которой была посвящена подавляющая часть его трудов. При этом надо заметить, что Лурье был ученым редкой одаренности и наделен был способностью к равновеликому изучению как собственно политической истории, этого, так сказать, основного ствола любого прошлого, так и ее необходимых корней, ее литературной и документальной подосновы, равно как и ее духовной кроны — философии и науки. В своем лице он счастливо совмещал историка, филолога и специалиста по истории науки, в том числе и естественнонаучных знаний, включая физику и математику, что является большой редкостью

² Список трудов С. Я. Лурье, составленный И. Д. Амузиным, см.: ВДИ. 1965. № 1. С. 231—236 (211 номеров). Дополнение (7 номеров): Вопросы классической филологии. № 5. (Изд-во Львов, ун-та) 1966. С. 8.

среди исследователей классической древности. Он чувствовал себя и действительно был хозяином во всех областях избранного исторического сюжета — древнегреческой истории, и эта многосторонность знания, сопряженная с редкой литературной продуктивностью, дала ему возможность внести большой вклад в дело изучения древнегреческой цивилизации, этой колыбели европейской цивилизации вообще.

Даже беглого обзора научных занятий Лурье-эллиниста будет достаточно, чтобы убедиться в этом. Вот первое, с чего он начал, — политическая история классической Греции, а в ней — история Беотийского союза. Посвященное этому сюжету первое большое сочинение Лурье оказалось на редкость интересной работой, высветившей многие стороны до того остававшегося в тени древнего Беотийского союза и обосновавшей его перерастание в первое в греческой истории собственно федеративное государство. И в дальнейшем на протяжении всей своей жизни Лурье неоднократно обращался к различным темам греческой политической истории, причем его всегда интересовали острые, проблемные сюжеты: политическая борьба в Спарте и, в частности, конфликты между царями и эфорами; роль Солона в демократическом движении в Аттике и социальная политика Писистратидов; отношения афинян с их союзниками и внутренняя политическая борьба в Афинах в классический период; смута в архаическое время в Митилене на Лесбосе и значение пережиточных форм социально-политической организации типа мужских союзов в Милете и Силлии (Малая Азия); наконец, проблемы политической и религиозной истории античных городов Северного Причерноморья.

В связи с последним подчеркнем верность С. Я. Лурье традиционному интересу отечественных антиковедов к северопричерноморским древностям. Показательно также для личной позиции Лурье, что обращение его к одной из самых интересных и деликатных проблем северопричерноморской истории — восстанию Савмака на Боспоре — обернулось форменным скандалом. Вчитавшись в текст херсонесского декрета в честь Диофанта, где содержится свидетельство о выступлении скифов во главе с Савмаком против боспорского царя Перисада (IOSPE, I², № 352), Лурье решительно отверг как принятое понимание контекста, так и дополнительное высказанное С. А. Жебелевым предположение о рабском статусе Савмака, равно как и опирающуюся на это предположение, укоренившуюся в советской историографии концепцию восстания рабов на Боспоре. Официальным советским антиковедением критическая работа Лурье была воспринята как вредная ревизия и чуть ли не порухение основ марксистско-ленинской исторической науки.³

³ В советской печати было опубликовано только краткое изложение доклада С. Я. Лурье: Вопросы истории. 1948. № 12. С. 183. Полный текст см.: Meander, rok XIV. 1959. № 2. P. 67—78.

Параллельно собственно историческим развивались и филологические — литературоведческие и текстологические — штудии С. Я. Лурье. Интерес к античной литературе и, шире, античной письменности был усвоен им, что называется, с молоком матери: в Петербургском университете, этой alma mater отечественной науки о классической древности, комплексное изучение античности в исторических фактах и письменных свидетельствах древности было условием sine qua non успешного постижения существа древней цивилизации. Кроме того, Лурье несомненно от природы обладал высоким вкусом и способностями к изучению древних языков, письменности и литературы.

Так или иначе, филологические исследования всю жизнь сопутствовали его историческим занятиям, доставляя необходимые точки опоры в источниках или иллюстрации из древней литературы при изучении и реконструкции тех или иных исторических явлений. Это нашло отражение в филологических работах различного жанра: в специальных статьях, посвященных отдельным сторонам творчества чрезвычайно импониовавшего ему своим демократизмом и грубоватым юмором Аристофана, но также и других поэтов — Архилоха, Алкея, Эсхила, Эврипида, Менандра; в большой филологической диссертации, посвященной отражению в древней трагедии актуальных вопросов внутренней и внешней политики Афинского государства («Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», 1943 г.); в издании новых русских переводов Ксенофонта (Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935) и Плутарха (Плутарх. Избранные биографии. М.; Л., 1940), специально ориентированных на использование в практических занятиях со студентами (переводы снабжены вступительными статьями и обширнейшими комментариями с массой параллельных свидетельств);⁴ наконец, в многочисленных исследованиях, посвященных реконструкции текста и интерпретации содержания древних надписей, в особенности беотийских и аттических.

Среди эпиграфических исследований выделяются по своему интересу и значению этюды, посвященные двум афинским надписям, содержащим установления относительно военно-земледельческих колоний (клерухий) на Саламине (IG. I², № 1) и Лемносе (IG. II², № 30), и еще одной локридской надписи с текстом постановления о разделе земли между гражданами и приеме эпойков в одной из общин Западной Локриды (новое издание — ML, № 13). Большое научное значение имеют также объемные исследования аттических надписей на предмет уточнения их формулы (их прескриптов) и датировки, а также

⁴ Перевод Ксенофонта выполнен самим С. Я. Лурье, перевод Плутарха — группой ленинградских антиковедов при его участии и под его руководством.

в связи с более общей проблемой возникновения и развития новой алфавитной письменности у греков.

В пожилом уже возрасте, после 2-й мировой войны, С. Я. Лурье обратился к изучению нового и чрезвычайно специфического эпиграфического материала — древнейших (от II тыс. до н. э.) надписей Крита и Микенской Греции. Исполненные своеобразным линейным письмом эти надписи, как известно, распределяются по двум сериям — линейного письма А и линейного письма Б. Первая серия, датируемая XVII—XV вв., происходит, по-видимому, от древнейшего догреческого населения Крита (так называемых этеокритян), вторая, датируемая XV—XIII вв. до н. э., — от микенских греков. Лурье одним из первых по достоинству оценил значение этих древнейших документов и принял деятельное участие в работе по их дешифровке. Он с восторгом приветствовал успех английского филолога М. Вентриса в разгадке линейного письма Б (более ранняя система линейного письма А до сих пор не поддается убедительной дешифровке) и, читая надписи Микенской Греции по методу Вентриса, первым дал обстоятельное исследование проблемы в целом: и языка микенских греков, и их цивилизации (в монографии «Язык и культура Микенской Греции», М.; Л., 1957).

При этом С. Я. Лурье были высказаны очень важные и достаточно обоснованные суждения о микенской цивилизации, позволяющие видеть в ней хотя и весьма отдаленную, но все же предшественницу классической античной цивилизации: о присутствии в микенском обществе общинного начала (тема дамоса) и характерной невыразительности фиксируемого, впрочем, в документах начала монархического; о наличии у греков уже в то отдаленное время частного владения рабами и землей; наконец, о формировании у них уже к исходу II тыс. до н. э. по крайней мере главных элементов олимпийской религии и мифологии, этой основы основ их духовной культуры. Можно без преувеличения сказать, что сделанное Лурье составило важное основание для развития советской и в известной степени мировой микенологии, а набросанная им картина греческого общества в микенские времена до сих пор остается наиболее полным и убедительным вариантом исторической интерпретации, признающей своеобразие микенской цивилизации и ее сложное, неоднозначное отношение как к последующей, собственно античной цивилизации греков, так и к цивилизациям Переднего Востока, с которыми обычно ее и сближают.

Но послушаем самого историка, который, суммируя значение нового документального материала для истории, одновременно дает выразительную характеристику общества микенских греков. «Только вновь найденные надписи, — пишет Лурье, — убедили нас окончательно в том, что описываемые Гомером греческие общества микенской эпохи были не примитив-

ными родовыми общинами, «военными демократиями», а централизованными государствами с большим бюрократическим аппаратом, частной собственностью на землю и развитым рабовладением. С другой стороны, мы увидели, что эти государства не были деспотиями восточного типа: наряду с *vanaka* (по-видимому, «божественным царем») стоит не только «воевода», но и народ (*zamo, damos*), распоряжающийся большими пространствами земли и даже имеющий своих рабов. Это были государства, в которых особым почетом и значением, наряду с представителями культа, пользовались ремесленники (в противоположность обществу, изображаемому Гомером) и т. д.»⁵

Проведенного обзора, мы думаем, вполне достаточно, чтобы показать объемность и яркость вклада С. Я. Лурье в разработку древнегреческой истории. Подчеркнем, однако, еще одну примечательную особенность исторических трудов Лурье — силу их воздействия на читателей. Действительно, они никого не оставляли равнодушным, даже если и не вызвали совершенного согласия. Причиной тому были не только глубокая эрудиция и тонкость мысли ученого, но и сильнейший эмоциональный заряд, реакция на древнюю историю как на нечто не просто интересное, но по существу и близкое, задевающее за нутро ошутимым созвучием с современностью. Ярчайшим примером такой реакции надо считать написанную Лурье еще в молодые годы книжку «Антисемитизм в древнем мире» (Пг., 1922), которая, естественно, вызвала живой отклик в русской прессе, почти немедленно была переведена и издана в Германии, а позднее также и в Израиле.

Разумеется, такая позиция возможна лишь для страстной натуры, каким и был Лурье. Как отмечено его биографами, «античность никогда не была для Соломона Яковлевича далеким прошлым, куда он мог бы уйти от повседневной действительности. Произведения древнегреческих писателей воспринимались им как живая литература. Он никак не мог примириться с распространением среди литературоведов представлением об «особом мышлении» людей древнего мира.»⁶ Более того, продолжают те же авторы, «в Афинах V—IV вв. у Соломона Яковлевича были свои друзья и враги. Противников политической свободы в Древней Греции он ненавидел столь же страстно, как и душителей демократии XX века..»⁷

Будучи сам убежденным демократом, С. Я. Лурье всегда симпатизировал афинской демократии и был готов защищать ее от любых нападков. Совершенно иным было его отношение

⁵ Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М., 1957. С. 11 сл.

⁶ Амусин И. Д., Ботвинник М. Н., Глускина Л. М. Памяти учителя. С. 228.

⁷ Там же.

к олигархической Спарте: он с неприязнью отзывался о казарменной муштре спартиатов и полицейском строе жизни в Спартанском государстве и написал специальную статью против тенденций идеализировать спартанские порядки и спартанскую доблесть, чем особенно увлекалась в 30-е годы немецкая нацистская историография. Среди древних писателей его любимцами были близкие народу и демократии Архилох, Эврипид и, конечно же, Аристофан. А среди ученых его особенно привлекали своим демократизмом и открытостью ко всему интересному, хотя бы и чужеземному, отец истории Геродот, а в новое время — Генрих Шлиман и Майкл Вентрис. С последним он подружился (разумеется, только заочно, по переписке), восхищался его ярким дарованием и приветливым характером и горестно переживал его раннюю трагическую гибель.

Наряду с собственно историческими (или историко-филологическими) штудиями другим важным направлением исследовательской работы С. Я. Лурье было изучение духовной культуры древних греков — их общественной мысли, философии и науки. И здесь у него были свои любимые темы и герои. В греческой философии его более всего интересовало формирование материалистической доктрины в связи с развитием естественнонаучных знаний. С разных сторон подходил он к этой теме и разные персонажи привлекали его внимание: выразитель радикальных социологических взглядов, решительный критик установившихся порядков, в том числе и института рабства, софист Антифонт, которого он, как и некоторые другие новейшие ученые, отличал от одноименного реакционного оратора; другой софист, обосновавший целесообразность и закономерность демократических порядков, Протагор; наиболее результативный из ранних натурфилософов, творец оригинальной диалектико-материалистической системы Гераклит. Но более всего привлекало его творчество великого материалиста древности Демокрита. Не с сократиками Платоном и Аристотелем, как это обычно делают, а с Демокритом, разработавшим концепцию атомного строения материи, связывал Лурье кульминацию научно-философской мысли в Античной Греции. Творчеству Демокрита он посвятил целую серию работ, в том числе и книгу, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» (Демокрит. М., 1937).

Глубоко сожалел об утрате сочинений любимого философа, ученый потратил много труда на розыски их фрагментов — цитат, переложений или хотя бы реплик в позднейшей античной и раннехристианской литературе. В результате составилось новое большое собрание фрагментов Демокрита, намного превышающее другие аналогичные собрания (в частности, в известной хрестоматии Г. Дильса и В. Кранца), но сам составитель не успел его опубликовать. Дело, однако, было доведено до конца стараниями учеников и друзей С. Я. Лурье, и в 1970 г. вышел в свет самый обширный из его трудов «Демокрит: тексты, пере-

вод, исследования», издание — подчеркнем это, — включающее не только переводы, но и оригинальные тексты на древних языках, а потому, в силу своей научной и полиграфической полноты, представляющее редкое явление в советской литературе об античности.

С изучением научной подосновы материалистической доктрины древних были связаны также и специальные исследования С. Я. Лурье по вопросам античной математики, в том числе такие значительные работы, как «Приближенные вычисления в Древней Греции» (опубликовано в «Архиве истории науки и техники». Сер. I. Вып. 4. 1934) и «Теория бесконечно малых у древних атомистов» (отдельное издание. М., 1935). Ряд статей и целую монографию посвятил он специально такому корифею античной механики и математики, каким был Архимед (монография: Архимед. М., 1945).

Еще одну и совершенно иную плоскость интересов С. Я. Лурье в области изучения античной науки, именно интерес к развитию гуманитарного знания, отражала его монография, посвященная отцу истории «Геродот» (М., 1947). В изображении Лурье Геродот выступает как крупный исторический писатель, первый автор универсальной истории, прелестный в своей простой и наивной любознательности. Он — человек своего времени и своего народа, малоазийский грек, чуждый общеэллинского патриотизма, которого тогда еще и не могло быть, а тем более шовинизма, но готовый в угоду Афинам, где он сблизился с кружком Перикла, подчеркнуть их роль в войнах с персами. Этой теме мы еще коснемся ниже, в связи с анализом университетского курса «История Греции». Теперь же упомянем о двух обобщающих сочинениях Лурье по проблемам духовной жизни древних греков. Это — «История античной общественной мысли» (М., 1929) и «Очерки по истории античной науки» (М., 1947). В первой из этих книг были прослежены политические идеи и программы различных общественных группировок, обрамлявшие течение греческой истории в архаическое и классическое время (в том числе — аграрный социализм Писистрата, рационализм ионийской натурфилософии, программа гражданского мира в ранней классике и проч.), во второй центральной частью является изложение материалистического учения Демокрита.

«История античной общественной мысли» замечательна еще и тем, что в ней с наибольшей полнотой и резкостью выражено убеждение автора в безусловной подчиненности личной воли и разума людей, в том числе и так называемых сильных личностей, объективным историческим законам. «Мы а ргіогі — заявляет автор, — отказываемся видеть в отдельных „исторических“ личностях и их произвольных действиях самостоятельные факторы исторического развития. С нашей точки зрения, самые эти действия насквозь подчинены закону причинности и поэтому могут рассматриваться не как причина того или иного хода ис-

торического развития, а только как частный случай для иллюстрации того или иного социального закона».⁸

Свой тезис автор обосновывает, сопоставляя человеческое общество с миром животных. Он именно отказывается видеть сколько-нибудь принципиальное различие между этими мирами. «Поэтому,— продолжает он,— при объяснении эволюции человеческих обществ мы вправе применять те же научные методы, какие положены в основу объяснения эволюции в животном мире. И здесь, как и там, мы вправе пренебречь, как бесконечно малыми величинами, разумом и свободной волей, так как исторические законы, как и законы биологии, суть законы статические, — различно направленные „свободные воли“ взаимно парализуют друг друга и в результате могут быть приняты за нуль. Поэтому мы вправе и здесь, как в биологии, при объяснении процессов социальной жизни исходить из необходимости приспособления к новым экономическим условиям, из потребностей борьбы за существование и продолжение вида».⁹

Мы не можем согласиться с этим обоснованием стопроцентного объективного детерминизма в истории, не можем, потому что согласиться с этим означало бы лишить людей всякой надежды на целесообразность и плодотворность собственных усилий, т. е. признать, что человеческая жизнь лишена какого бы то ни было смысла. К счастью для человечества это не так, и исторический опыт все время демонстрирует нам исключительное значение исполненных осознанной воли людских поступков. Отвергая детерминистический пафос С. Я. Лурье как необоснованную и неоправданную крайность, мы, однако, должны признать глубину и тонкость многих суждений, развитых в его сочинении, и в частности важность одного из центральных положений работы — о вечном противоречии существующих на данный момент и находящихся в развитии экономических условий, с одной стороны, и окаменевшего психологического уклада, обусловленного экономическими отношениями прежней, отжившей эпохи — с другой. Интересна также и попытка автора разработать и последовательно применить к греческому материалу собственный метод системной реконструкции социального мышления в прошлые эпохи по отдельным социально-психологическим рудиментам, — метод, который он называет, по примеру С. Рейнака, социальной палеонтологией.

Суммируя общие впечатления от деятельности С. Я. Лурье как ученого, подчеркнем прежде всего богатство и оригинальность того, что он успел сделать в науке несмотря на весьма неблагоприятные внешние условия. В его трудах с полной раскрылись особенности его научного дарования: эрудиция и вкус

к аналитической работе с источниками в традициях петербургской историко-филологической школы; одновременно — тяготение к острой идейной интерпретации прошлого с естественной, в таком случае, тенденцией к модернизации древней истории; наконец, наличие собственной оригинальной философии истории, представлявшей причудливое сплетение дарвиновского эволюционизма, идей антропологической школы и марксистской социологии.

Проявления этих черт особенно ярко прослеживаются в разработанном С. Я. Лурье университетском курсе греческой истории, к характеристике которого мы сейчас перейдем. Однако прежде, чтобы совершенно уже покончить с общим обзором, укажем на еще одну сторону многогранного дарования Лурье — на обращенность его ученой деятельности к людям. К эрудиции, интенсивности и оригинальности научного творчества у него естественно добавлялись способности эмоционального восприятия и воспроизведения исторического материала, что, при общей живости характера и любви к общению с молодежью, делали из него отличного университетского наставника, учителя науки в самом полном и высоком смысле слова.

Желание поделиться своими знаниями и увлечь других на поиск новых истин великолепно проявилось в его популярных, специально обращенных к молодой аудитории книжках. Сюжеты для них брались из истории греческой культуры. Это — увлекательно составленные рассказы о папирусах и школьном образовании и древности (Письмо греческого мальчика. М., 1932), об открытии тайны микенского письма (Заговорившие таблички. М., 1960), о яростном и неукротимом зачинателе лирической поэзии Архилохе (Неугомонный. М., 1962), о великом материалисте древности Демокрите (Путешествие Демокрита. М., 1964).¹⁰ Те же качества — подлинное знание и оригинальная интерпретация древней истории, интерес к аудитории и стремление поделиться с нею результатами своих изысканий — обеспечили успех Лурье-профессора в университете. Особенно удачными были его практические занятия с кругом заинтересованных студентов, тех, кто сознательно избирал своей специальностью изучение древней истории. Семинары, ставившие целью сблизить студентов с древними материалами, научить их работе с источниками и нешаблонному их восприятию, равно как и элементарные занятия древними языками или эпиграфикой, которые он вел с особым увлечением и тщательностью (для занятий эпиграфикой он, например, собственноручно переписывал необходимые тексты), были исключительно результативны, возбуждали большой, стойкий интерес и сплачивали вокруг учителя круг преданных учеников.

⁸ Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929. С. 7.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Последняя книга написана в соавторстве с М. Н. Ботвинником.

Менее удачны были выступления С. Я. Лурье в качестве лектора, читающего общий курс античной истории: небольшого роста, стеснительный, с не очень отчетливой дикцией, он не мог тягаться с такими мастерами публичного слова, как, допустим, его коллеги С. И. Ковалев и Д. П. Каллистов. Он, по-видимому, и сам понимал это и несколько тяготился этой частью своих обязанностей, но только в плане непосредственного ораторского исполнения, отнюдь не подготовкою лекционного курса как такового. Насколько увлекало его дело разработки общего университетского курса, как умело он мог воспользоваться возможностью в легкой, даже несколько неотшлифованной форме представить общий ход греческой истории и высказать любимые, выношенные годами идеи — опять-таки свободно, без необходимых и нередко утомляющих внимание аудитории ученых аксессуаров (ссылок, примечаний и т. п.), — обо всем этом мы можем судить по подготовленной Лурье и частично им опубликованной «Истории Греции».

Это — наиболее обширный из известных нам университетских курсов древнегреческой истории: по своему объему он гораздо больше, чем популярный в 30-х годах очерк греческой истории, составленный С. И. Ковалевым,¹¹ или более новые и считающиеся вполне солидными пособия послевоенных лет.¹² Правда, в отличие от этих последних курс С. Я. Лурье не включает эпохи эллинизма (изложение доведено до Коринфского конгресса 338/7 г. до н. э., легализовавшего македонскую гегемонию в Элладе), но это сделано сознательно и не может считаться неким просчетом или недостатком. Дело в том, что традиционное членение античной истории на две части — Грецию и Рим — не является безусловным. Эпоха эллинизма, наряду с собственно греческой и римской историей, может быть предметом вполне самостоятельного рассмотрения, что, кстати, и делалось обычно и продолжает делаться в Ленинградском (Петербургском) университете. Курс греческой истории читается здесь достаточно подробно только до Александра Великого, эллинистическому периоду посвящаются одна-две обзорные лекции, а обстоятельно он излагается в специальном курсе, читаемом, правда, лишь студентам, специализирующимся по античной истории.

Так или иначе, курс С. Я. Лурье являет собой обширное и целостное изложение истории Древней Греции в пору ее независимого существования — от самых начал (крито-микенская эпоха) до потери греками своей независимости во 2-й трети IV в. до н. э. Курс этот не только обширен, но и чрезвычайно

добротен: изложение ведется обстоятельно, с непрерывною опорой на источники, которые часто прямо цитируются в тексте (что теперь практически не делается в университетских учебниках), с обсуждением различных высказанных в науке точек зрения, с полноценным охватом как собственно политической истории, так и сопутствующих явлений экономической и культурной жизни древних греков. Курс завершается подробным источниковедческим очерком — обзором античной историографии греческой истории от логографов до «малых» историков IV в. до н. э. (Кратипп, Ктесий, Эфор, Феопомп и др.).

Обстоятельности изложения сопутствует глубина, а временами, когда автор вступает в полемику с принятыми взглядами, и острота идейной интерпретации, в рамках которой С. Я. Лурье высказан целый ряд оригинальных, опирающихся на собственные научные изыскания суждений по принципиальным вопросам древнегреческой истории. Среди этих суждений, заслуживающих самого пристального внимания и, в общем, одобрения, отметим:

— решительное отвержение концепции Б. Л. Богаевского о родовом характере крито-микенского общества и обоснование высокого уровня цивилизации (включая наличие государственности) древних критян и микенских греков уже во II тыс. до н. э.;

— признание исторического регресса в последующую, так называемую гомеровскую эпоху и обусловленного этим возвращения греческого общества к патриархально-родовому укладу жизни (XII—IX вв.);

— верное понимание архаической эпохи (VIII—VI вв.) как времени социальной революции, приведшей к освобождению греческих общин от засилья родовой знати и развитию и утверждению, по крайней мере в передовых городских центрах, демократического строя. Признание фундаментального значения колонизации и выделение, в контексте архаической революции, законодательной реформы и тирании как двух наиболее важных форм свершавшегося в греческом обществе социально-политического переворота;

— понимание исторического значения Греко-персидских войн как важного момента в окончательном переходе древних греков на античный путь развития, с утверждением классических форм рабства, с одной стороны, и принципов полисного гражданства — с другой;

— правильная оценка факторов, определявших политическую жизнь греков в классический период (V—IV вв.), признание, в этой связи, первостепенного значения борьбы за торговые пути и, в частности, за обладание Черноморскими проливами, а с другой стороны — стремления к некоему балансу сил, гарантировавшему независимое существование отдельных поли-

¹¹ Ковалев С. И. История античного общества. Греция. Л., 1936
¹² Мы имеем в виду издания: Сергеев В. С. История древней Греции. Изд. 3-е М., 1963; История древней Греции/Под ред. В. И. Кузищина М., 1986.

— наконец, выявление в мире греческих государств новых политических структур, являвших собою альтернативу автономному и автаркичному полису — федеративного государства, созданного в Беотии, и территориальной монархии эллинистического, как считал Лурье, типа, построенной Дионисием I в Западном Средиземноморье.

Большие достоинства университетского курса С. Я. Лурье очевидны. Это — не только яркий памятник исторической мысли 30—40-х годов, но и весьма полезное, сохраняющее свою ценность до сих пор пособие для всех тех, кто интересуется античностью и желает подробнее познакомиться с историей Древней Греции. Однако польза, которую современный читатель может извлечь из книги Лурье, зависит не только от внимательного прочтения и усвоения представленного в ней исторического материала, но и от правильного понимания присущих и ей тоже, как и любому другому историческому труду, недостатков. Одним из таких недостатков, бесспорно, является некоторая небрежность изложения, проявляющаяся в нередких фактических погрешностях (в настоящем издании исправленных, поскольку они были замечены), а еще больше — в стилистической неотделанности текста. Мы, однако, не сочли себя вправе проводить радикальную косметическую отделку (во всяком случае в больших масштабах), поскольку, во-первых, это неизбежно привело бы к стилистической ломке и разнобою, а во-вторых, потому, что в самой внешней неотделанности изложения Лурье есть свой настрой и своя логика, выдающие продуманную установку на более доходчивый, как это понимал автор, рассказ о прошлом. Таковы, в частности, неоднократные повторы слов и даже целых фраз, что режет глаз современному придирчивому стилисту, но без чего, вообще говоря, не обходится ни одно изложение, сопряженное с объяснением или поучением, будет ли то исторический рассказ (можно напомнить, кстати, о манере Геродота), или учебная лекция (ср. стиль Аристотеля).

Другая и более серьезная проблема — это неубедительность или даже неверность некоторых идей, высказанных С. Я. Лурье отчасти в пылу полемики, в качестве нарочито заостренных возражений против принятых мнений, отчасти же — под влиянием модных научных или распространенных политических представлений (в том числе, разумеется, и марксистских), от воздействия которых не может быть застрахован ни один даже самый крупный ученый. Мы уверены, однако, что сделанных нами замечаний будет достаточно, чтобы предостеречь тех, кто будет теперь знакомиться с книгой Лурье, от некритического восприятия взглядов, не защитимых с позиций современной науки.

Для удобства обозрения мы разделим положения, нуждающиеся в критическом комментарии, на три категории: общего теоретического плана, более конкретного, исторического, и частного. Среди неверных, на наш взгляд, тезисов общего плана

должны быть названы следующие (разделявшиеся, впрочем, в советской литературе не одним только Лурье):

— представление о восточной, греческой и римской формах рабства как этапах развития рабовладения, а именно от более примитивного, патриархального, к более высокому (см. начало введения). Между тем естественнее и правильнее было бы видеть в них различные конкретно-исторические варианты одного и того же социологического явления;

— концепция единого рабовладельческого класса, объединявшего в античности и знать и народ (гл. XIV, § 4), тогда как, по современным представлениям, структура античного гражданского общества была более сложной: в ней надо различать по крайней мере два класса — состоятельных людей, представлявших собственно рабовладельческую верхушку, и массу прочих свободных, крестьян и ремесленников, непосредственно занятых трудовой деятельностью и объединяемых понятием «демос» (простой народ);

— убеждение в преимущественно натуральном характере античной экономики (гл. XIII, § 3), укоренившееся в советской литературе отчасти под влиянием теорий И. Родбертуса и К. Бюхера, отчасти же — с оглядкой на некоторые близкие им высказывания К. Маркса в прямом противоречии с действительным достаточно широким развитием товарно-денежных отношений в классической древности (в Греции во всяком случае со времен Гесиода);

— аналогичного рода (т. е. продиктованное установкой, примитивизирующей античность) убеждение в неразвитости политической жизни в греческих городах и отказ, ввиду этого, признать за политическими объединениями демократов или олигархов в Афинах качества политических партий (гл. VII, § 3);

— тенденциозное апологетическое отношение к античной демократии, доходящее до оправдания не только просчетов, но и преступлений Афинского государства, таких, например, как расправа с жителями Мелоса (гл. X, § 2) или казнь философа Сократа (гл. X, § 8);

— столь же избирательное, тенденциозное отношение к течениям в античной общественной мысли и философии, восторженное отношение к материалистическому учению Демокрита и признание его кульминационным пунктом в развитии античной философии и науки (гл. IX, § 9) и, наоборот, резкое неприятие и умаление значения Сократа и его школы как носителей реакционного идеалистического начала (гл. X, § 8; гл. XI, § 11; гл. XII, § 2; гл. XV, § 4).

Думается, что и отказ древним македонянам в праве быть греками продиктован не столько собственно историческими или лингвистическими соображениями (они во всяком случае не бесспорны), сколько желанием подчеркнуть радикальную чуждость греческому миру — и в первую очередь афинской демо-

кратии — тех, кто лишил этот мир его свободы (см. гл. XII, § 3).

Среди более конкретных исторических суждений незащитима, прежде всего, предполагаемая связь распространения железа в Балканской Греции с переселением дорийцев (гл. I, § 5). Новейшие исследования показали, что широкое распространение железа в Греции должно быть отнесено на одно-два столетия позже дорийского завоевания. Марксистским шаблоном продиктована характеристика гомеровского, по существу, невзирая на известную реанимацию родовой общины, аристократического общества как «военной демократии», равно как и категорическое отрицание существования в гомеровское время каких-либо денежных единиц (гл. I, § 6). Отсюда же (т. е. от односторонней оценки послемикенского времени как периода глубоко регрессивного) характеристика геометрического стиля как явления примитивного и убогого (там же), между тем как современные исследователи (например, Ч. Старр) справедливо усматривают в этой геометрии первые проблески нового рационалистического духа. Благими намерениями, но именно в духе советской исторической социологии, продиктована, далее, модернизаторская и по существу неверная трактовка старшей тирании, в частности и режима Писистрата в Афинах, как демократической диктатуры (гл. II, § 4; гл. III, § 3), тогда как на деле это была разновидность древнего бонапартизма.

То же надо сказать об отрицании национал-шовинистического («расового») момента в противополжении эллинства и варварства в греческой литературе до середины V в. (гл. II, § 5), между тем как привкус этого чувствуется уже у Гомера и отчетливо прослеживается у писателей архаики (Архилох) и ранней классики (Гераклит). Столь же искусственным выглядит и отрицание принципиального национального и политического противостояния греков персидской агрессии (по Лурье, это — фикция, разработанная Геродотом в угоду афинской демократии, см. гл. V, § 5). Показательны, наконец, защита старшей софистики ввиду ее философского и политического радикализма (по Лурье, выливавшегося в «революционные материалистические идеи», а на деле приводившего к крайнему релятивизму и нигилизму) и снятие с софистов рано и небезосновательно предъявленных обвинений в беспринципности и шарлатанстве (см. гл. X, § 9).

Отметим также ряд случаев, когда в курсе Лурье подхвачены и развиты модные в свое время, но весьма спорные идеи — о возникновении форм рабства типа илотии не столько вследствие покорения завоевателями местного населения, сколько поначалу спонтанным путем, за счет разорения и закабаления соплеменников (гл. IV, § 1—3, точка зрения Эд. Мейера); о становлении Спартанского государства в его классическом, «законсервированном» виде не в раннеархаическое время, в ре-

зультате реформ, связанных с именем Ликурга, а лишь в VI столетии, после Мессенских войн, ради подавления ставшего уже многочисленным класса илотов (гл. IV, § 3, развитие концепции переворота VI в., разработанной Г. Дикинсом, Г. Т. Уэйд-Джери и В. Эренбергом); о деятелях конца V в. Алкивиаде, Лисандре и Кире Младшем, бывших и в самом деле политиками нетрадиционного плана, как о подлинных предтечах эллинизма (гл. X, § 1 и 4; гл. XI, § 1).

Кроме того, в книге Лурье есть много неточных или незащитимых утверждений по отдельным частным поводам. Такова парадоксальная трактовка завершившего Греко-персидские войны Каллиева мира (447 г.) как успеха скорее персов, чем афинян, а фиксировавшего передышку в борьбе Афин со Спартой Тридцатилетнего мира (445 г.) — как крупной дипломатической победы афинян, а не их вынужденной уступки (гл. VII, § 6). Столь же парадоксальным выглядит признание самостоятельного характера Архидамовой и Декелейской войн (соответственно 431—421 и 415—404 гг.) и отвержение Фукидидовой концепции единой, целостной Пелопоннесской войны (гл. IX, § 1). Едва ли убедительно отнесение восстания рабов в Сиракузах, о котором рассказывает Полиэн (I, 43, 1), ко времени первого, морского вторжения афинян в Сицилию (427—424, см. гл. IX, § 5), а не к годам непосредственной осады ими города Сиракуз (415—413 гг.), как это обычно принимается специалистами (Ад. Гольмом, Эд. Фрименом и др.). Необоснованным представляется нам и «смешливое» переложение Лурье депеши, посланной бедствующими спартанскими воинами на родину после неудачного сражения при Кизике в 410 г. (гл. X, § 3). Фразеология предлагаемого перевода — «Деревяшки (это о боевых кораблях!) погибли. Миндар приказал долго жить (это о погибшем главнокомандующем!) и т. д.» — представляется совершенно неуместной в официальном обращении подчиненных к своему правительству, да и лексика оригинала (Ксенофонт. Греческая история, I, 1, 23), как кажется, не дает повода к осуществленному Лурье перетолкованию.

Указанные недостатки не должны, однако, затемнять главного положительного качества книги С. Я. Лурье — ее большой добротности, позволяющей ей и поныне оставаться ценным университетским пособием. Более того, если можно так сказать, своя сила заключена даже в слабостях этого труда: шероховатость стиля, нарочитая заостренность или видимая необедительность отдельных положений, даже раздражающая иных манера ссылаться от первого лица на собственные работы и достижения могут возбудить внимание, вызвать желание поспорить и самостоятельно поразмышлять гораздо больше, чем некоторые хорошо отглаженные и выверенные в словах и мыслях произведения, вызывающие мертвую скуку от одного лишь соприкосновения с ними.

Нам остается сказать еще несколько слов о предлагаемом вниманию читателей сочинении. В целом это — труд, изготовленный, что называется, собственноручно самим С. Я. Лурье, за одним или двумя исключениями: глава XI («Кризис IV в.») была просмотрена и частично переработана учеником Лурье К. П. Лампсаковым, а глава XII («Конец свободной Греции») была написана другим его учеником В. Г. Боруховичем. Все это было оговорено (как оговаривается и теперь) в помещенной перед второй частью заметке «Вместо предисловия». В настоящем издании было признано целесообразным снять как эту заметку, так и главу «Греческие колонии северного побережья Черного моря», составленную также учеником Лурье Б. И. Надлем. Сделано это было отчасти по соображениям экономии, а еще больше ввиду совершенной устарелости очерка, посвященного столь интенсивно разрабатываемому в нашей стране сюжету, как Античное Причерноморье. Зато добавлены «Хронологическая таблица», «Библиография» и «Указатель имен», позволяющие лучше ориентироваться как в событиях и персонажах древнегреческой истории, так и в посвященной ей специальной литературе.

Часть I

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОБРАЗОВАНИЯ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ

Древняя история, т. е. история древнего Востока, древней Греции и древнего Рима, охватывает весь огромный промежуток истории от первого появления государств в третьем тысячелетии до н. э. до образования феодального общества в IV—V вв. н. э. В курсах древней истории приходится говорить по общей связи и об истории более ранних периодов, но, по существу говоря, та эпоха, в которой родовой строй еще находится в стадии расцвета и разложение его только начинается, относящимся к истории доклассового общества. Характерным определяющим моментом всей древней истории является рабовладение. Это рабовладение в различных местах очень различно; можно выделить, однако, четыре основных типа рабовладения.

1. Рабовладение патриархальное. В эпоху господства этого типа рабовладения резкой грани между свободным и рабом еще нет. Бесправное положение раба есть еще результат того случайного несчастья, которое его постигло; к нему относятся сплошь и рядом как к члену семьи, и положение его в доме хозяина часто лучше и почетнее, чем положение свободного поденщика.

2. Дальнейшей стадией развития рабства является рабство древневосточное. Источником рабства в этом обществе является чаще всего долговая кабала и продажа детей родителями. Формы рабства еще очень различны и неустойчивы: встречается рабство временное, рабство добровольное и т. д. Раб еще не является вещью, он сохранил с древнейших времен право участвовать в культе и пользуется известными правами. Так, его в ряде обществ нельзя убить или изуродовать; он должен быть в определенное время освобожден от работы, а в определенные периоды даже отпущен на волю и т. д. Обычно рабы этого типа платят определенный оброк, и этот оброк нельзя повышать беспредельно. Раба нельзя согнать с земли, на которой он рабо-

тает, нельзя отобрать у него имущество и т. д. Он может жаться на свободной; рабыня, прижившая детей от хозяина, становится по смерти его свободной вместе с детьми. Такое рабство,¹ имеющее, как указывает Энгельс, некоторое внешнее сходство со средневековым крепостным состоянием, мы находим и в некоторых отсталых общинах Греции, например, на Крите, в Спарте, в Фессалии.

3. Еще более высоким типом рабства было рабство в древней Греции. Греческие рабы приобретались обычно путем грабежа и покупки большими массами на рынках Востока. Они имели обычно другие привычки и обычаи, чем господа, и говорили на другом языке. Эти рабы считались вещью; их можно было безнаказанно подвергнуть насилию, убить, ограбить; их можно было также лишить их земли и инструмента и продать на сторону, разлучив членов одной и той же семьи. Рабы этого типа часто работают на рудниках, в мастерских и ни в каком отношении членами семьи их хозяина не являются. Они подвергаются очень тяжелой эксплуатации, но, тем не менее, каждый хозяин озабочен, чтобы его рабы были живы и здоровы. Так как мастерские в эту эпоху еще мелкие, исключая сплочения больших масс рабов, а метод и размеры эксплуатации их еще не делают их жизнь абсолютно невозможной, то восстания в эту эпоху — сравнительно редкое, случайное явление. Уже в это время рабам иногда удается (по большей части разными обходными путями) выйти на свободу, но это явление для Греции не типичное.

4. Наиболее развитой формой рабства было римское рабство. Здесь рабы работали сплошь и рядом большими массами и подвергались бесчеловечной эксплуатации: часто заранее делалась ставка на то, что раб через определенный промежуток времени умрет от усталости и истощения. Поэтому восстания рабов были в Риме обычным, закономерным явлением; с другой стороны, здесь рабы целыми массами выходили на свободу, часто становились богатыми людьми и даже занимали видное положение в римском обществе.

Наша книга посвящена только одному отделу древней истории — истории независимой Греции.

В самых общих чертах ход исторического развития в Греции представляется в следующем виде.

Древнейшая эпоха греческой культуры носит название крито-микенской. Это название обусловлено тем, что ведущим культурным центром в эту эпоху был сначала остров Крит на Эгейском море, а затем город Микены на восточном побережье Пе-

¹ Конечно, в этом отношении особенно поучительны сравнительно отсталые восточные общества, как, например, шумерийское, еврейское, ассирийское; высокому экономическому развитию в государстве Хаммурапи соответствовала и более передовая форма рабства.

лопоннеса. Уже в начале второго тысячелетия плодородный Крит делается объектом нападения культурных народов Востока — Ассирии, Вавилонии, а может быть и Египта, стремящихся присоединить его к своим владениям. Это заставляет маленькие общины на Крите, жившие примитивным родовым бытом, объединиться в одну сплоченную общину. Население Крита не было родственно грекам, а принадлежало, по-видимому, к числу яфетических племен, живших и в более позднее время в Малой Азии и на Кавказе. Могущественные монархи города Кноса объединили под своей властью весь Крит и создали могущественный флот, господствовавший на Эгейском море. Они вели оживленную торговлю со всеми культурными странами древнего Востока, а также с полудикой материковой Грецией, где в это время впервые появились орды поселенцев с севера — греков; критянам удалось подчинить некоторые племена Греции и заставить их даже платить себе дань.

Большинство греческого населения жило в это время еще первобытным родовым строем, но жители отдельных поселений — главным образом, на восточном побережье Греции — быстро усваивали критскую культуру и сами переходили к занятию ремеслами, мореходством и торговлей с культурными странами древнего Востока. Необходимость общими силами отражать новые натиски переселенцев с севера привела к тому, что все они объединились под общей властью сильного монарха, имевшего резиденцией Микены, на восточном побережье Пелопоннеса. Микенские греки (принадлежавшие, главным образом, к племени ахейцев) имели уже не только сильный флот, как критяне, но и сильное сухопутное войско, состоявшее из конницы (на колесницах) и пехоты в медных доспехах (железо появляется лишь в следующую, гомеровскую, эпоху). Благодаря этому ахейцам удалось покорить остров Крит, разрушить его города, образовать сильное ахейское государство на южном берегу Малой Азии и уничтожить могущественную Трою, лежавшую у входа в Гелеспонт.

Однако эти «микенские общества» оказались не в состоянии выдержать натиск новых масс греческих переселенцев из племени дорян, пришедших на Балканский полуостров примерно в XI в. Дорьянам удалось разрушить почти все центры микенской культуры. Наступает глубокий культурный упадок.

Эта эпоха носит в истории название гомеровской (приблизительно 1000—750 гг.), так как в эту эпоху окончательно сформировались поэмы Гомера. Как ни низок был экономический строй и культурный уровень этой эпохи, она таила в себе зародыши дальнейшего прогресса. Залогом этого прогресса было железо, которого не имели микенские греки. «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоя-

ять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов».

В результате освоения морского дела, в результате торговли и колонизации греческие племена перестают жить замкнутым хозяйством и все более расширяют обмен. В связи с этим прогрессирует классовое расслоение, и родовое общество начинает переходить в классовое. Культурными центрами в эту архаическую эпоху (750—480 гг.) были сначала Фокея и Милет в Малой Азии, затем Коринф и остров Евбея, и, наконец, в самом конце этой эпохи на первое место выдвигаются Афины. Появляется ряд государств, которые уже не могут существовать без привозного хлеба. Хлеб привозится, главным образом, с северного берега Черного моря (Крым и нынешняя южная Украина), из Сицилии и Италии. К концу VI в. Персия завладевает проливами, ведущими в Черное море, следствием чего был тяжелый экономический кризис в Греции.

Естественно поэтому, что эта эпоха заканчивается греко-персидскими войнами. В результате победы над персами в 480 г. греческие ремесло и торговля получили невиданный для того времени размах, и начинается эпоха расцвета (480—338 гг.). Теперь не только хлеб, ткани и изделия Востока, но и огромные массы рабов наводнили греческие рынки. Рабовладение достигает высокого развития, появляются мастерские с десятками и даже сотнями рабов. Культура Греции достигает в эту эпоху наивысшего уровня. Эксплуатация рабов и организация власти в греческих государствах в это время приобретают две типичные формы: в одних государствах (самое значительное из них Афины) устанавливается демократический строй, т. е. такой строй, при котором бедные граждане участвуют в управлении государством формально на равных правах с богатыми. В этих государствах доходы от эксплуатации рабов путем обложения налогами богатых людей распределяются и между бедными гражданами.

В ряде других государств существовало аристократическое устройство, т. е. доход от эксплуатации рабов поступал только в карманы кучки аристократов, которым принадлежала и вся государственная власть. Наиболее резко эта форма правления выступает в Спарте, где огромное большинство населения было обращено в зависимое состояние, близкое к рабству. Эти зависимые люди, так называемые илоты, были прикреплены к земле, принуждены были отдавать небольшой группе аристократов (спартиатам) половину всего урожая и услуживать им; малейшая попытка неповиновения каралась жестокими наказаниями, а часто и смертной казнью.

2 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 163.

Понятно, что такие две системы не могли существовать рядом; к этому присоединялась еще и торговая конкуренция между Афинами и Коринфом. В 460 г. в Афинах власть окончательно переходит к демократам, и с этого же года начинается вооруженная борьба между Афинами и аристократическими государствами Пелопоннеса, тянувшаяся с перерывами до 371 г. В 404 г. Афины принуждены были сдаться, передать власть кучке насильников и фактически стать зависимыми от Спарты. Но это положение продолжается недолго; вскоре вершителем судеб в Греции становится Персия, а затем бывшие союзники Спарты, испугавшись ее чрезмерного усиления, объединяются для борьбы с ней. С 378 г. выдвигается на первое место Беотийский союз, возглавляемый Фивами. Фивам удается нанести сокрушительный удар Спарте, но теперь Афины, испугавшись усиления Фив, объединяются со Спартой.

Начинается бесконечная междоусобная война, приводящая к тому, что лежащее к северу от Греции примитивное монархическое государство, Македония, приобретает решающее влияние на греческие дела и в 338 г. фактически подчиняет себе всю Грецию. Начинается новая эпоха, носящая название эпохи эллинизма (338—146 гг.).

Эта эпоха открывается походом македонского царя Александра на персов. Александру удается в короткий срок покорить всю персидскую державу, включая Египет, южный Туркестан и даже западную Индию. Однако после смерти Александра в 323 г. это огромное государство перестало существовать, распавшись на несколько больших монархий, возглавляемых неограниченными правителями, так называемыми диадохами: в Египте образовалась монархия Птолемеев (столица Александрия), в Передней Азии — монархия Селевкидов (столицы — Антиохия и Селевкия в Малой Азии), Македония с значительной частью материковой Греции образовала македонское государство.

Об основных отличиях эллинизма от уклада эпохи расцвета будет сказано ниже.

1. СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Само собой понятно, что чем ниже стадия развития общества, чем меньше оно приспособлено к борьбе со стихийными явлениями, тем большую роль играют в его жизни географические и климатические условия. Поэтому, если никак не следует ссылаться на географические условия при объяснении процесса развития античного общества, то влияния географических условий в процессе его первоначального формирования нельзя недооценивать.

Одним из древнейших культурных очагов человечества было

Средиземное море. К Средиземному морю примыкают материки с различными географическими условиями и с различной экономической и общественной структурой населения. При отсутствии искусственных путей реки и морское побережье являются наилучшими средствами сообщения. В бассейне Средиземного моря уже в очень раннюю эпоху имел место обмен товарами и культурными ценностями между жителями бассейна Нила, Передней Азии и, может быть, отдельных частей Европы, а такой обмен является важнейшей предпосылкой для быстрого культурного прогресса.

Из всех частей Средиземного моря особенно благоприятными условиями отличалось Эгейское море, лежащее между Балканским полуостровом и Малой Азией. Все это море усыпано островами так, что если плыть с Балканского полуострова к берегам Малой Азии, передвигаясь от острова к острову, то путешественник с каждого из этих островов всегда видит следующий и, таким образом, никогда не теряет из вида земли и не оказывается в открытом море. Между тем в древние времена люди путешествовали на лодках сравнительно небольшой величины и неглубоко сидящих. Пускаться на таких лодках в открытое море было бы безумным риском, и если ветер случайно уносил лодку в открытое море, то путешественники считали себя почти обреченными на смерть и им оставалось только молиться морскому богу о спасении. Плавание в эту эпоху было каботажным, т. е. совершалось вдоль берегов.

Густая сеть островов в Эгейском море дала впервые возможность оторваться от суши и направиться прямым путем к противоположному берегу моря. Это было чрезвычайно важным шагом в области международных отношений.

Острова южной части Эгейского моря делятся на две группы: юго-западную, так называемые Киклады, и остальные острова — Спорады. Самые важные из Киклад представляли собою когда-то в доисторические времена длинный гористый полуостров, бывший продолжением горного массива Фессалии. Впоследствии море разорвало эту узкую гористую ленту на ряд отдельных островов, отделенных друг от друга по большей части сравнительно узкими проливами. Непосредственным продолжением Фессалийского массива служит самый большой из всех этих островов — Евбея. Евбея отделяется от материка Евбейским проливом, а в одном месте подходит к материку совсем близко, причем остается лишь узкий проход, называемый Еврипом. Через этот пролив можно было переправляться и на совсем небольших лодках. За Евбеей следуют Андрос, Тенос, миниатюрный островок Делос, имеющий всего несколько километров в окружности; он лежит в географическом центре архипелага и приобрел впоследствии огромное культурное и религиозное значение. Продолжением той же каменной гряды являются острова Наксос и Парос. Несколько южнее указанного горного

массива расположены два вулканических островка — Мелос и Фера.

Из других островов большое значение имели Самос, Кос (с храмом бога медицины Асклепия и знаменитой школой врачей) и Родос. Все эти острова находятся у малоазиатского побережья, и сообщение с ними с берега не представляло никаких трудностей. К северу от Самоса лежат также расположенные вдоль берега Малой Азии Хиос и Лесбос. Еще далее к северу разбросаны в море Скирос, Лемнос и Фасос (последний у берегов Фракии). Все эти острова лежат довольно далеко от берегов, на которых поселялись греки; поэтому последние проникли сюда значительно позднее, чем на указанные выше острова. Наконец, надо указать еще на остров Киферу, расположенный недалеко от берегов Пелопоннеса, к югу от него.

В открытом Средиземном море, к югу от архипелага, лежит большой и очень плодородный остров Крит, центр одной из древнейших культур; далее, недалеко от южных берегов Малой Азии и берегов Сирии находится остров Кипр.

Мореходство по Эгейскому морю делали удобным не только густая сеть островов, но и чрезвычайно изрезанный берег как со стороны Балканского полуострова, так и со стороны Малой Азии. Берег образовывал целый ряд небольших бухточек, защищенных горами от ветров, с песчаным неглубоким дном и таким же берегом. В древнейшее время к гавани предъявляли совсем другие требования, чем в наше время. Теперь мелкие бухты не считаются удобными для стоянки кораблей. Древние греки обычно во время стоянки вытаскивали корабли на берег, и поэтому мелководные бухты с песчаным невязким грунтом считались наиболее удобными.

Западный берег Балканского полуострова не представлял таких удобств, как восточный: он был мало изрезан, и островов здесь было немного. Самые крупные из них: Итака (родина Одиссея) и Керкира. Море, омывающее этот берег, называется Ионийским.

Значительно затрудняли навигацию в древнейшее время ветры, дувшие в Эгейском море. С ноября до февраля, или «от захода до восхода Плеяд», как говорили греки, определявшие время по звездам, дули сильные ветры в различных направлениях, и в это время навигация была крайне опасной. Точно так же в древнейшее время считалось непригодным для навигации наиболее жаркое время года после летнего солнцестояния: июль—сентябрь. В это время дули сильные северные ветры: поэтому, когда мореходство уже значительно подвинулось вперед, в эти месяцы можно было очень быстро плыть из Греции в Египет или из Черного моря и Фракии в Грецию, но не наоборот. В более древнее время плыть в эти месяцы вообще не решались. Наиболее удобным и безопасным временем для судоходства считались осенние месяцы — с конца сентября по

ноябрь. Более отважные люди путешествовали и весной, с февраля по май, но погода в это время была очень капризной и ненадежной. Всю эту информацию мы заимствуем у беотийского поэта VIII—VII вв. Гесиода:

Если же по морю хочешь опасному плавать, то помни:
После того, как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд и падут они в мглисто-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабли в это время,
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду
Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу,
Вытащи втулку — иначе сгниет он от зевсовых ливней.
После того отнесешь к себе в дом корабельные снасти,
Да поладнее свернешь корабля мореходного крылья,
Прочно сработанный руль корабельный повесишь над дымом,
И дожидайся, пока не настанет для плаванья время.
В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такую
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться.. .
Вот пятьдесят уже минуло дней после солнцеворота,
И наступает конец многотрудному, знойному лету.
Самое здесь-то и время для плаванья: ни корабля ты
Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская.
Разве нарочно кого Посейдон, сотрясающий землю,
Или же царь небожителей Зевс погубить пожелают,
Ибо в руке их кончина людей и дурных и хороших.
Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха, теперь свой корабль быстроходный
В море спускай и товаром его нагружай всевозможным.
Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
Не дожидайся вина молодого и ливней осенних,³
И наступленья зимы и дыханья ужасного Нота.
Яро вздымает он волны и зевсовым их поливает
Частым осенним дождем и тягостным делает море.
Плавают по морю люди нередко еще и весной,
Только что первые листья на кончиках веток смоковниц
Станут равны по длине отпечатку вороньего следа,
Станет тогда же и море для плаванья снова доступным.
В это-то время весной и плавают. Но не хвалю я
Плаванья этого. Очень не по сердцу как-то оно мне:
Краденым кажется. Трудно при нем от беды уберечься.

Таким образом, в VIII в. морские путешествия считались более или менее безопасными только в течение двух-трех осенних месяцев. В V в., с прогрессом мореходства, уже путешествовали не менее восьми месяцев в году, но и теперь мореходство зимой прекращалось, а в случае дальних путешествий приходилось зимовать где-нибудь в пути. Как сообщает историк V в. Геродот, так поступали даже такие опытные мореходы, как финикияне: «При наступлении осени они приставали к берегу

³ Южного ветра — С. Л.

и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы, а по уборке хлеба плыли дальше».

Во время прихода на Балканский полуостров греки были сухопутным народом, так долго жившим вдали от моря, что они уже утратили общеиндоевропейское слово «море», «*mare*» и заменили его карийским словом «талатта».

Еще в эпоху Гесиода, как мы видим, греки были в достаточной мере беспомощными на море. Однако им удалось очень быстро освоиться с морем, с направлением ветров, с временем бури и затишья, и морские путешествия стали пугать их гораздо меньше, чем путешествия по суше в неизвестные им страны. Уже в начале VII в. фокейцы, жившие на малоазиатском побережье, решаются путешествовать к берегам нынешней южной Франции и Испании; но когда спартанский царь Клеомен узнал, что его войску придется путешествовать три месяца по суше, он резко оборвал своего собеседника, сказав ему: «Прежде чем зайдет солнце, уходи из Спарты. Предложение твое совершенно невыполнимо, если ты желаешь, чтобы лакедемоняне отошли от моря на три месяца пути». Когда воины Ксенофонта, долго пространствовав на суше, наконец приблизились к морю, и передовые отряды его войска, взойдя на высокую гору, неожиданно увидели море, они подняли такой крик, что Ксенофонт решил, будто на них напали неприятели и поспешил к ним на помощь. Оказалось, они кричали: «талатта, талатта!». Даже находясь в неизвестной им стране, окруженные со всех сторон врагами, они почувствовали себя почти дома, увидев перед собою море.

Действительно, сухопутные сообщения в Греции никак нельзя назвать удобными. Вся Греция изрезана горными хребтами, подчас довольно высокими, и все сообщение происходило по узким горным тропинкам, часто проложенным по крутым склонам, обрывающимся далеко внизу в горную речку. Если небольшой отряд заберется на такую гору и станет сверху бросать камни или стрелять из луков, то он будет в состоянии задержать многочисленное войско. Путешествовали обыкновенно пешком, нагрузив вьюк на осла, или верхом. На повозках ехали только богатые люди, и такое путешествие возможно было далеко не всюду. Как показали данные раскопок, дороги были очень узки — настолько узки, что если повозка встречалась с пешеходом, то он должен был сойти с дороги. (Такой случай описывается, например, в трагедии Софокла «Эдип-царь».) Этот вид сообщения легко может представить себе тот, кому случалось бывать в горных районах нашего Кавказа.

Горные хребты, идущие с севера на юг, делят Грецию на западную и восточную: в северной части Греции — Пинд, в южной части (в Пелопоннесе) — широкая Ахейско-Аркадская возвышенность, разветвляющаяся на юге на два горных хребта: восточный — Парнон, выходящий в море Малейским мысом, и

западный — Тайгет, выходящий в море Тенарским мысом. Поперечными же хребтами Греция делится на северную, среднюю и южную.

В восточной части северная Греция отделена от лежащей к северу от нее Македонии хребтом, часть которого, выходящая к Эгейскому морю, называется Олимпом. Это одна из высочайших горных вершин Греции. В древнейшее время греки предполагали, что Олимп достигает вершиной до неба, и думали, что там живут боги. В более позднее время небесный Олимп был отделен от земного. Стало ясным, что для того, чтобы оказаться на небе, недостаточно взобраться на Олимп. К югу от Олимпа вдоль морского берега расположены еще две горы — Осса и Пелион. По греческому преданию, когда жившие на земле гиганты, взобравшись на небо, захотели свергнуть власть Зевса, им пришлось поставить все эти три горы одну на другую.

Северная Греция разделяется Пиндом на две области: на западе находится Эпир, область, остававшаяся полудикой вплоть до IV в. В греческой жизни эта область имела значение прежде всего потому, что здесь, близ Додоны, находился знаменитый старинный храм Зевса с босоногими жрецами, «седлами». Здесь давались предсказания по шелесту листьев священного дуба. К востоку от Пинда расположена Фессалия, плодородная область, чрезвычайно удобная для скотоводства, и коневодства в частности. Она орошается самой большой из греческих рек — Пенеем, одной из четырех греческих рек, не высыхающих летом. Нижняя часть долины Пеней называлась Темпейской. В средней Греции к западу от Пинда лежали также полудикие области Акарнания и Этолия, отделенные друг от друга невысокой рекой Ахелоем. На западе средняя Греция отделяется от северной горным хребтом, к югу от которого протекает река Сперхей и лежит Малийская область, ограниченная с юга заливом того же имени. Далее хребет Эта отделяет эту область от Локриды Опунтской, а Парнас — Локриду Опунтскую от Фокиды и Локриды Озольской. Хребет Эта подходил к самому Малийскому заливу, свергаясь к морю. Путь из долины Сперхея в Локриду Опунтскую вел через узкое ущелье Фермопилы; сообщение по этому ущелью легко было сделать невозможным, расположив вооруженные отряды на нависающих над ним горах. Между Опунтской и Озольской Локридами лежала маленькая область Дорида, имевшая лишь то значение, что дорийцы, населявшие значительную часть Греции, считали себя выходцами из этой маленькой области. К югу от Акарнании, Этолии и Озольской Локриды находится узкий и длинный Коринфский залив, отделяющий эти области от Пелопоннеса. Расположенная к юго-востоку от Локриды Фокида выходит и на Коринфский и на Евбейский заливы, как и лежащая за Фокидой Беотия. Фокида была замечательна лежащим недалеко от Коринфского залива городом Дельфами с знамени-

тым храмом и оракулом Аполлона Пифийского. Беотия (главный город Фивы) отделяется от Фокиды хребтом Геликоном, который, как и указанный выше Парнас, считался местопребыванием муз, богинь музыки и изящных искусств. Беотийская равнина отличалась чрезвычайным плодородием. В центре ее находится Копайдское озеро.

Горный хребет Киферон отделяет Беотию от Аттики (главный город Афины). Наиболее плодородные части Аттики — западная часть, равнина с городом Элевсином, где находился знаменитый храм Деметры, богини плодородия, и равнина близ Афин. Остальная часть Аттики перерезана горными хребтами: Пентеликоном и Лаврионом. Аттика делилась на три больших района: Педию с городом Афинами, северную гористую область Диакрию (самое крупное поселение — Марафон) и южную часть Паралию, населенную преимущественно мореходами, так как здесь был ряд удобных гаваней. Впрочем, самыми удобными гаванями были Фалер близ Афин, а в более позднее время Пирей, соединенный с Афинами «длинными стенами».

Против Афин на море (в так называемом Сароническом заливе) лежит большой остров Саламин, за обладание которым афиняне в течение VII и VI вв. вели войну с соседним государством — Мегарами, лежавшим на перешейке, который соединяет Аттику с Пелопоннесом. Другой остров — Эгина, лежащий на том же Сароническом заливе, был независимым государством.

Перешеек между Коринфским и Сароническим заливами в южной части назывался Истмом. Здесь он имел в ширину всего несколько километров, и через него перетаскивали волоком суда. Несколько к югу лежал крупный торговый город Коринф. За Истмом начинается уже южная Греция, или Пелопоннес.

Пелопоннес делился на следующие области: северную часть центральной возвышенности вместе с побережьем Коринфского залива занимает Ахайя; южную часть этого плоскогорья занимает Аркадия (крупнейшие города Мантинейя и Тегей); к востоку от Аркадии лежит Аргонида. В древнейшее время крупными городами здесь были Микены и Тиринф; в более позднее — Аргос и Эпидавр (в последнем находился знаменитый храм бога медицины Асклепия). Лакония лежала на юге Пелопоннеса в долине реки Еврота, между Парноном и Тайгетом. Сообщение с Аркадией возможно было только по крутым гористым тропинкам, вьющимся над обрывистым крутым берегом Еврота. Главным городом Лаконии была Спарта, или Лакедемон. На западном берегу Пелопоннеса лежат: к западу от Аркадии Элида, к западу от Лаконии, за Тайгетом, Мессения. Через Элиду протекает невысокая река Алфей. У Алфея находился знаменитый храм Зевса Олимпийского, где каждые четыре года происходили конные и гимнастические состязания (так называемые Олимпийские игры).

Кроме перечисленных трех рек — Пеней, Ахелоя и Алфея — и еще одной реки, Памиса в Мессении, все остальные представляют собой маловодные горные ручьи, наполняющиеся водой и бурно разливающиеся в дождливый сезон и совершенно высыхающие летом. Не удивительно поэтому, что в древней Греции источникам и горным ключам воздавались божеские почести и что рытье колодцев и оросительных канавок здесь имело большое значение для земледелия.

Климат Греции чрезвычайно благоприятен. Снег, выпадающий здесь, обыкновенно сейчас же тает, морозов никогда не бывает. Густой снег в северной Скифии так поразил греческих путешественников, что возникла легенда о птичьих перьях, густо падающих с неба в Скифии. Геродот рассказывает как о чуде, о том, что в Скифии, если разжигать зимой костер (на снегу), то вокруг него становится мокро и грязно, а если налить воду, то сухо; естественно было бы, чтобы огонь сушил, а вода мочила. Геродот рассказывал даже, будто скифы едут зимой на повозках по льду. Но греки считали этот столь обычный для нас факт явной ложью, а Лукиан приводит этот рассказ как образец фантастических выдумок путешественников. Вообще греки относились к климату северного Причерноморья (например нынешних Одессы и Севастополя), как мы относимся к климату Якутска или Вилюйска — они считали эту страну предельно холодной и суровой. Отсюда мы можем видеть, насколько мягок климат Греции. Однако идеальным он бывает только с марта по июнь и с сентября по декабрь. В зимнее время, с декабря по февраль, дуют мучительные ледяные ветры, переходящие нередко в ураганы; в горных местностях иногда выпадает на короткое время снег, засыпающий дороги и делающий их непроходимыми. Зимой не только мореходство или война, но и простые путешествия из города в город были затруднительны вследствие непрерывного ветра; люди предпочитали сидеть дома и заниматься домашними работами. Зимой древний грек надевал, как мы читаем у Гесиода, рубашку, доходящую до земли, поверх ее шерстяной плащ, войлочную шляпу и обувь, выстланную изнутри войлоком (меховой одежды греки не носили, считая ее отличительным признаком дикарей). По словам Гесиода

**.. выглядят люди тогда, точно старцы
С сгорбленной круто спиной, с головою, к земле обращенной.
Бродят, как старцы, они, избегая блестящего снега.**

В летние месяцы, с июля по сентябрь, в Греции стоит нестерпимая жара; средняя температура июля в Афинах 27°, причем нередко она достигает 40° в тени. В течение этих месяцев не только не бывает ни разу дождя, но даже не показывается на небе ни малейшего облачка. Вся трава выгорает. Работы по хозяйству начинаются с раннего утра и прекращаются

к десяти—одиннадцати, когда люди прячутся в тень или спят до наступления вечерней прохлады. Все ручьи высыхают, в воздухе носится сухая, разъедающая глаза пыль. Впрочем, иногда эта жара умеряется прохладными ветрами, дующими с моря.

В древнейшие времена Греция была в значительной части покрыта лесом и кустарником. Охота, скотоводство и рыболовство, как можно заключить из греческих мифов, были главными занятиями населения. Однако уже в древнейшую эпоху большое значение имело и примитивное земледелие. По мере роста населения и перехода к земледельческим занятиям все больше стал ощущаться недостаток плодородной земли, так как почвы, пригодной для земледелия, в Греции немного. Значительная часть страны не только в древнейшее время, но и позже была покрыта лесами, колючими кустарниками, нагромождением камней или представляла собой скалистые обрывы. Даже там, где почва была плодородной, слой ее был очень тонким. Так, на горных склонах в результате дождей и разливающихся ручьев почву нередко смывало дочиста, и обнажалась голая скала. Приходилось делать специальные заграждения и террасы, чтобы вода не сносила почвы. Не меньшим бичом земледелия было отсутствие невысыхающих рек и летних дождей. Отсутствие дождей не только приводило к неурожаю, но и вызывало разного рода эпидемии и эпизоотии. Насколько неравномерно выпадают осадки в Греции, видно из того, что в Афинах бывают такие годы, когда в какой-нибудь один день выпадает восьмая или даже четвертая часть годового количества осадков, бывают такие ливни, когда в один час выпадает одиннадцатая часть всего количества осадков за год. Эту, так неэкономно расходуемую небом воду необходимо было попытаться как-то распределить на весь год. Это делает понятным, какое огромное значение имела в греческих государствах организация правильного водоснабжения.

С того момента, как в Грецию стал ввозиться хлеб из других более плодородных мест, культура хлебных злаков стала невыгодной: при тех огромных трудах и затратах, которые приходилось расходовать на обработку земли, было более выгодным делом разведение трудоемких культур — винограда и оливы, в обмен на которые можно было получить значительно больше хлеба, чем могло родиться на данном участке.

Однако таких мест, на которых даже при большой затрате труда можно было выращивать виноград, оливу или плодовые деревья, было также сравнительно немного; в ряде греческих общин уже очень рано стал остро ощущаться недостаток земли. В тех местах, где несмотря на все принимаемые меры земледелие не обещало доходов, например, на крутых горных склонах¹¹ на плоскогорьях (в Аркадии), каменистых и покрытых кустарником пространствах, было и в более позднюю эпоху широко развито скотоводство, в первую голову разведение коз и овец.

В ряде других мест в связи с увеличением числа жителей населению ничего не оставалось, как заняться ремеслами и морской торговлей. Занятию ремеслами благоприятствовало наличие в Греции большого числа ископаемых. На Пентеликонских горах в Аттике, на острове Паросе и ряде других мест добывался мрамор. В очень многих местах были залежи замечательной гончарной глины, например, в Аттике, в Коринфе, на Евбее. На побережье Беотии, примыкавшем к острову Евбее, было много пластической глины (терракоты), из которой лепили изящные статуэтки, известные под названием «танагрских». На острове Кеосе, лежавшем недалеко от Аттики, добывался сурик, прибавлявшийся к глине и придававший ей красный цвет; эта прибавка сурика дала аттической посуде победу над ее конкурентами. Железо привозилось в Аттику главным образом из Малой Азии; в небольших количествах железную руду добывали и в различных частях Греции, например в Лаконии. Медь добывалась на острове Евбее, в районе города Халкиды (Халкида означает по-гречески «медный город»), но наиболее богатые медные рудники находились на острове Кипре. Серебряные рудники разрабатывались в Аттике, на горном хребте Лаврион, и во Фракии, в долине реки Стримона. Золотые россыпи находились на побережье Фракии, против острова Фасоса, которому и принадлежали.

Сырьем для ремесла служили в Греции не только ископаемые, но и продукты сельского хозяйства и скотоводства. Масло, добывавшееся из оливок, употреблялось не только в пищу: различные сорта его употреблялись и для смазывания тела, и для изготовления благовоний. Из овечьей шерсти изготавливалась одежда, начиная от самых грубых и кончая высокими сортами. Сырьем для изготовления одежды служил также разводившийся в различных местах Греции лен. Из дерева вырабатывался уголь, употреблявшийся и в кузнечном производстве, и для отопления помещений — жаровни с углем были наиболее распространенным способом обогрева.

Уже очень скоро недостаток хлеба в ряде греческих государств вынудил их жителей изготавливать ремесленные изделия не только для личных потребностей и потребностей сограждан, но и на вывоз в обмен на хлеб.

Греческие государства разделялись в общем на три типа. К первому относились государства, вполне обеспеченные хлебом, с мало развитыми ремеслом и торговлей (например, Фессалия, Беотия, Лакония); ко второму — государства, в которых земледелие было сравнительно слабо развито и само положение обуславливало значительное развитие в них торговли и ремесла (такowymi были ряд общин малоазиатского побережья, большая часть островов Эгейского моря и Коринф,⁴ лежавший у пе-

⁴ Южное побережье Пелопоннеса было усеяно острыми подводными скалами, поэтому судоходство вокруг Пелопоннеса было неудобно. Так как

решейка Истма); наконец, к третьему типу относились общины, где и земледелие, и торговля, и ремесло были высоко развиты. Наиболее известное из таких государств — Афины. Остров Евбея (на котором находились медные рудники и два крупных торговых города, Халкида и Эретрия) в то же время был настолько богат хлебом, что не ввозил, а вывозил его; кроме того, здесь были и замечательные пастбища крупного рогатого скота и конских табунов. Равным образом и остров Хиос имел лучшие в Греции виноградники и в то же время был важным торговым центром (прежде всего по торговле рабами). Высоко развитое виноделие было также на островах Наксосе и Лесбосе.

Скотоводство достигло большого развития в Аркадии и Фессалии. Из Фессалии вывозились в большом количестве шерсть и мясо; так, Афины в IV в. в значительной мере снабжались фессалийским мясом.

Хлебные излишки на Евбее были незначительны, причем хлеб оттуда вывозился почти исключительно в Аттику. Главными же источниками хлебного снабжения были окраины греческого мира: северное Причерноморье, Фракия, Сицилия с Италией и Египет. Черноморским хлебом кормились преимущественно жители малоазиатского побережья, островов Эгейского моря, Аттики, Эгины и Мегар; государства Пелопоннеса, испытывавшие недостаток в хлебе, получали хлеб из Сицилии и Италии. Египет был богатейшей в мире житницей хлеба, но в эпоху расцвета Греции Египет был преимущественно под властью Персии и обслуживал, главным образом, не-греческие государства древнего Востока. Поэтому афиняне были заинтересованы в поддержке восстаний египтян против власти персов. От времени до времени в Афины приходили крупные транспорты хлеба из Египта, но, пока Египет находился под властью персов, нельзя было наладить этот транспорт регулярно. Важной статьёй торговли был также строевой лес, получавшийся из Македонии, Фракии и города Антандра в северной части малоазиатского побережья, а также сушеная рыба из Причерноморья.

Греция во всех направлениях изрезана трудно проходимыми горными хребтами; исключая лишь Фессалию, в Греции нет ни одной равнины, которая бы имела в длину более двадцати, а в ширину более двенадцати километров. Вполне понятно, что здесь не было условий для образования крупных племенных организаций. Наоборот, так как отразить нападение соседей при этих условиях было нетрудно, здесь были налицо все условия для образования множества совершенно политически независи-

античные торговые суда были по существу большими лодками, то для торговцев, везущих свои товары из Эгейского моря в Сицилию или Италию или наоборот, проще было перетаскать свой корабль через Истм. Понятно поэтому, что Коринф, расположенный около Истма, получал большие барыши на пошлинах и на торговом посредничестве.

мых карликовых общин. Такой характер действительно носила Греция в древнейшую эпоху.

Греция состояла из сотен таких «государств». Были государства, состоявшие из одной небольшой деревни; так, например, по произведенному мною вычислению население беотийского государства Корсий в III в. составляли 64 человека. Каждое из этих государств цепко держалось за свою политическую и хозяйственную независимость, и многие из жителей этих государств, не задумываясь, отдавали жизнь за эту независимость. Хозяйственные нужды властно требовали объединения этих карликовых государств в большие образования,⁵ тем не менее все попытки таких образований разбивались о косную партикуляристическую психологию греков.

2. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Вопрос об этническом характере населения Греции для советского историка не имеет того значения, какой он имеет, например, для немецких историков, стоящих на расовой точке зрения. Мы знаем, что «чистых» рас не существует и никогда не существовало — они созданы лишь воображением историков-расистов. Переселения и смешения различных племен имели место уже в глубокой древности. Язык — еще более необходимое орудие в человеческом обиходе, чем огонь, топор или лук. Язык, лучше и проще выражающий необходимые в общегитии понятия, чрезвычайно быстро заимствуется людьми самого различного происхождения.

Нас этническая проблема интересует не потому, что мы хотим противопоставить друг другу низшие и высшие расы или обосновать право одних рас на господство над другими, на «ущемление», притеснение или уничтожение других рас. Нас эта проблема интересует только для установления хронологии и пути передвижения тех или иных этнических групп, так как эти передвижения часто проясняют нам важнейшие исторические факты.

Уже в середине XIX в. ряд ученых пришел к выводу, что большая часть языков Европы и Передней Азии (греческий, латинский и другие романские языки, т. е. французский, итальянский, испанский, португальский и румынский; германские языки, т. е. немецкий, английский, голландский и скандинавские; русский и другие славянские языки, т. е. чешский, польский, сербский, украинский, белорусский; балтийские языки, т. е. латышский и литовский, наконец, персидский, индийский и некоторые другие) сходны между собой и составляют одну группу индоевропейских языков.

⁵ Впрочем, и эти большие образования объединяли в лучшем случае 200—300 тысяч жителей.

В самом деле, целый ряд слов во всех этих языках звучит почти одинаково, напр. mater, «мать», tri, «три» и т. д. В ряде других случаев совпадение в звуковом составе выражается не тождественностью, а соответствием (корреспонденцией) звуков в разных языках, которое можно установить на ряде примеров как постоянный закон. Особенно часто наблюдается такое явление в тех случаях, когда звук, существующий в одном языке, отсутствует в другом и не может не быть заменен близким к нему. Так, например, в древнеиндийском и персидском языках существует звук dh; в греческом, латинском, русском и немецком его нет. Греки заменили его звуком th, русские и немцы — звуком d, например:

Др.-персидский и др.-индийский	Греческий	Русский	Немецкий
dhars/ati	thars/os	ders/kij (дерзкий)	dreis/t
dhum/as	thym/os	дым/ъ (дым)	Dam/pf (пар) Dun/st (испарение)

Точно так же в древнеиндийском и древнеперсидском существует звук bh; в греческом, латинском, русском и немецком его нет. Греки заменили его звуком ph, римляне — звуком t, русские и немцы — звуком b, например:

Др.-персидский и др.-индийский	Греческий	Латинский	Русский	Немецкий
bhu	phy/o	fu/i	by/t' (быть)	bi/n
bhav/ati			byv/at' (бывать)	
bhar/ati (несу, беру)	pher/o	fer/o	ber/u (беру)	Bahr/e (носилки)
bhrata (корень: bhratar)	phrator	frater	brat/g (брат — из славянского bratъgъ, братьгъ)	Bruder

Такие же совпадения существуют в области образования падежей, лиц, времен и т. д. Например, третье лицо единственного числа в различных индоевропейских языках кончается на t: bhara-ti (санскр.), бере-т (рус), phere-tai (греч.), fer-t (лат.), bring-t (нем.) и т. д.; им. падеж ед. числа женского рода — на a: стран-а (рус), choга (греч.), terra (лат.) и т. д.; им. падеж мн. числа среднего рода кончается тоже на a: имен-а (рус), опомат-а (греч.), nomin-a (лат.) и т. д.

Такое сходство называется морфологическим. Есть между этими языками и большое синтаксическое сходство. Например, для обозначения принадлежности во всех индоевропейских языках употребляется родительный падеж, от глагола можно образовать прилагательное, сохраняющее особенности времени и залога (причастие) и т. д.

Итак, на основании ряда замечательных совпадений в словарном запасе, фонетике, морфологии и синтаксисе удалось установить взаимную близость указанных выше языков. Все эти языки мы называем индоевропейскими; немецкие ученые националистического направления называют эти языки арийскими или индогерманскими, полагая, что все эти народы разветвились из одного «праиндогерманского» народа, имеющего белокурые волосы, подобно нынешним германцам. Поскольку эти индоевропейские ученые относятся с презрением к современным им неиндоевропейским племенам, являющимся в основной своей массе объектом эксплуатации индоевропейцев, они наделяют этих праарийцев всевозможными совершенствами: храбростью, честностью, супружеской верностью, упорством, высоким эстетическим чувством, привычкой управлять другими и т. д., а также врожденным презрением к неиндоевропейцам. Шовинистический и антинаучный характер этой теории бросается в глаза (подробнее мы покажем несостоятельность ее ниже).

Изучив сравнительную грамматику индоевропейских языков, мы можем в ряде случаев выделить в греческом языке элементы, чуждые индоевропейским языкам и заимствованные или у более древнего населения Греции, или у других народов. Это дает возможность судить о том, что принесли с собой греки на Балканский полуостров и чего у них не было, что им пришлось заимствовать у других народов. Так, например, имена целого ряда греческих городов, как и отдельные слова, имеют суффиксы *-nth-*, *-SS-*, *-en-* и т. д., чуждые индоевропейским языкам, но имеющиеся в сохранившихся словах критского языка и в языках народов Малой Азии. Отсюда можно сделать заключение, что эти слова заимствованы греками у народа, жившего до него в Греции и родственного жителям Крита и Малой Азии. И действительно, города с такими названиями оказываются существовавшими еще в микенскую эпоху. Далее, слово, означающее «вино» (греч. *voinos*, позже *oinos*, лат. *vinum*), заимствовано, как полагают, у семитов — очевидно, у финикийцев, игравших роль культуртрегеров в Греции в мрачные XI—VIII века (у семитов это слово звучит: *jajin*).

Кроме того, было еще обращено внимание на сходство мифологических представлений у различных индоевропейских народов.

Из всего этого был сделан вывод, что некогда Европа была заселена племенами, говорившими не на индоевропейских языках, но наряду с ними где-то в Европе или в Азии жил великий

и добродетельный праарийский народ, затем покоривший эти племена. К сожалению, относительно места, где проживали эти праарийцы, ученые никак не могли договориться: Передняя, или центральная, Азия, как родина праарийцев оскорбляла национальную гордость европейских ученых: поэтому, например, немцы полагали, что эти праарийцы жили на севере («*no-gdisch*»), т. е. в Германии; русский ученый А. А. Шахматов считал, что праарийцы жили в Новгородской области, и т. д.

Соображения, основанные на сходстве мифов, уже очень скоро должны были отпасть; так называемая «сравнительная индоевропейская мифология» была дискредитирована в конце XIX в. Те мифы, которые считались характерной особенностью индоевропейских народов, оказались налицо не только у народов Средиземноморского бассейна и средней Европы, но и у народов Азии вплоть до Индо-Китая. Попытка видеть в этих мифах только разнообразные варианты солнечного мифа также совершенно дискредитирована.

Гораздо серьезнее соображения языкового характера. Однако, несмотря на сходство и в словаре, и в словообразовании, и в грамматике различных индоевропейских языков, говорить о едином праязыке уже не приходится, особенно после работ Н. Я. Марра. И исторические, и географические наблюдения показывают, что на низкой ступени развития, при отсутствии регулярного обмена и сношений, чуть ли не каждая деревня имеет свой язык. На почве экономических взаимоотношений и культуры происходит заимствование слов одним племенем у другого, языки сближаются друг с другом, и получается так, что большие многолюдные племена говорят на одном и том же языке. Для того чтобы колонизовать всю Европу и Переднюю Азию, переселившиеся сюда орды должны были быть очень многолюдными. Они, несомненно, находились еще на низкой ступени развития и, следовательно, не могли говорить все на одном языке. С другой стороны, язык не есть кабинетная выдумка, а живой продукт экономических и социальных отношений. У народов, живущих в различных уголках мира, на почве сходных экономических и классовых взаимоотношений нередко возникают одинаковые обычаи и одинаковые общественные формы. Почему же у различных народов не могут на почве одинаковых бытовых условий возникнуть и одинаковые языковые формы? Исходя из таких предпосылок, некоторые советские ученые и предполагали, что различные индоевропейские языки возникли в разных местах независимо друг от друга.

Яфетическая теория справедливо критикует буржуазные конструкции, выводящие сходные явления в различных языках из одного и того же праязыка. Несомненно, люди независимо друг от друга могут в результате определенных общественных потребностей прийти к тому, чтобы выражать определенные понятия одними и теми же средствами. Таковы, например, прин-

ципы передачи различных оттенков мысли при помощи различных способов расстановки слов в предложении, принцип изменения значения слова при помощи изменения гласных, согласных или разного рода приставок (предлогов, послеслогов и инфиксов, т. е. вставки звуков или слогов внутри слова). Благодаря таким приемам язык переходит на высшую ступень, так называемую флективную, тогда как на самой первобытной стадии речь состоит только из отдельных совершенно неизменяемых слов с неизменяемым значением, просто нанизываемых друг на друга, и не дает возможности с достаточной ясностью выражать состояния, отвлеченные понятия и т. д. Понятно точно так же, что первые слова, произносимые ребенком, состоят из губных звуков и что поэтому названия отца, матери, няни и ближайших родственников обозначаются у различных народов независимо друг от друга сходным комплексом губных и носовых звуков, легче всего произносимых («папа», «мама», «баба», «няня» и т. д.); независимо друг от друга могли возникнуть у разных народов и звукоподражательные названия («ку-кушка» и т. п.). Но вся остальная масса корней слов и тех или иных конкретных окончаний склонений и спряжений обязана своим происхождением случайным фактам чисто местного характера. Совершенно невозможно предполагать, что индусы, персы, русские, греки, римляне, немцы и т. д. независимо друг от друга пришли к идее называть число 3 одним и тем же словом «tri», слово «тереть» корнем *ter* или *tr*. Таких примеров, совершенно несомненных, можно привести много сотен: очевидно, считать, что все эти совпадения возникли случайно, на почве одинаковых условий, невозможно.

Невозможно объяснить их и сношениями между различными племенами, если в то же время допускать, что эти племена всегда сидели на тех местах, на которых они находились и впоследствии. В самом деле, можно ли допустить, чтобы между жителями Индии и Англии за тысячи лет до новой эры существовали столь оживленные сношения, что они привели к заимствованию друг у друга названий для обыденнейших понятий и предметов первой необходимости, к заимствованию падежных и глагольных окончаний? Это, конечно, исключено.

Отсюда неизбежный вывод: индоевропейские племена, расселившиеся по всей Европе, первоначально жили на небольшом пространстве близко друг от друга.

К числу индоевропейских языков принадлежат и различные диалекты греческого языка. Это заставляет нас отнести с большим доверием к античной традиции, по которой различные греческие племена пришли в позднейшую Грецию из северной части Балканского полуострова.

Но единого греческого племени с единым греческим языком не существовало: существовал ряд греческих племен, говоривших на различных диалектах.

В Аргосе, Лаконии и Мессении говорили на диалекте, называвшемся дорийским. На этом же диалекте говорили в ряде колоний, выведенных из Пелопоннеса: в дорийских городах южного и юго-западного побережья Малой Азии с прилегающими островами Родосом и Косом, а также на островах Крите, Мелосе и Фере. В остальных частях Пелопоннеса, кроме Аркадии, а также в средней Греции, исключая Беотию, Аттику и остров Евбею, говорили на так называемых западно-греческих диалектах, близких к дорийскому. Но хотя на северном побережье Пелопоннеса и говорили на дорийском диалекте, оно называлось Ахайей, а население Сикиона (в Ахайе) делилось на четыре филы, из которых три считали себя дорийскими, а четвертая ионийской. Точно так же жители Трезены в Арголиде считали себя ионянами и родственниками афинян. Ионийское происхождение этих племен подтверждается и религиозными обрядами и пережитками. Таким образом, из языка, на котором говорит та или иная группа, еще нельзя сделать никакого вывода о ее происхождении, так как язык легко заимствуется одним племенем у другого.⁶

В Аркадии и на острове Кипре говорили на особом наречии, существенно отличавшемся от других наречий. Большое сходство с этими наречиями имеет и язык Памфилии на южном берегу Малой Азии. У греков эта группа диалектов особого названия не имела; нынешние ученые называют этот диалект ахейским.

К ахейскому диалекту близок эолийский диалект, на котором говорили в эолийских колониях Малой Азии, занимавших северную часть ее западного побережья, и на острове Лесбосе. Языки Беотии и Фессалии представляли собой смесь эолийского и дорийского диалектов.

В ионийских колониях Малой Азии, занимавших среднюю часть ее западного побережья, а также на всех островах Эгейского моря, исключая перечисленные выше, говорили на ионийском диалекте. К ионийскому диалекту был очень близок диалект Аттики.

Нам для дальнейших выводов важно ответить на вопрос: пришли ли ионяне, ахейцы, эолийцы и дорийцы в Грецию одновременно (на рубеже третьего и второго тысячелетия), или одно из этих племен — дорийцы — пришло позже других (в конце второго тысячелетия)?

В пользу предположения о более позднем приходе дорян в Пелопоннес говорит целый ряд фактов.

1. В поэмах Гомера дорийцы, как правило, не упоминаются — очевидно Гомер знает, что в описываемую им микенскую эпоху дорийцев в Пелопоннесе еще не было. Дорийцы встречаются

⁶ Так, например, евреи, будучи семитами по происхождению, говорят (исключая Японию и Китай) только на индоевропейских языках.

у него только в одном позднем месте, при описании Крита, но и то лишь в качестве одного из многих племен, населяющих Крит (между тем как в историческое время на Крите жили только дорийцы):

**Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду обьятый водами, людьми изобильный,
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки; там находишь ахеян
С перволеменной породой воинственных критян, кидонян,
Там обитают дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих великом.**

Жителей Пелопоннеса Гомер называет ахейцами, прежде всего аргивян и лакедемонян. Имя ахейцев сохранилось в названиях местностей (Ахайя на северном побережье Пелопоннеса, Ахайя Фтиотидская в средней Греции); жрецы Афродиты на Крите назывались ахейскими жрецами. Ахейцы упоминаются в хеттских и египетских текстах, где никогда не упоминаются доряне.

2. Античная мифологическая традиция единодушно говорит о переселении дорян с севера в Пелопоннес, населенный ахейцами, и об ожесточенной борьбе пришельцев с коренным ахейским населением. Этот рассказ содержался уже в одной из поэм Гесиода, относящейся к VIII—VII вв.; об этом же говорит и спартанский поэт Тиртей, живший в конце VII в. Конечно, мифологическая традиция не то же самое, что историческая, она обычно построена на бродячих фольклорных сюжетах. Однако игнорирование исторического элемента, содержащегося в мифах, приводит к очень неприятным для историка последствиям, как мы покажем ниже.

3. Наиболее важный довод: в историческое время на всем побережье Пелопоннеса говорили на дорийском наречии. В центре Пелопоннеса — в Аркадии, не имеющей выхода к морю, говорили на другом наречии; на этом же наречии говорили на острове Кипре; на близком диалекте говорили в Памфилии (южный берег Малой Азии). Далее, на Кипре в V и IV вв. был в употреблении только силлабический (слоговой) шрифт, т. е. каждый знак обозначал не отдельный звук, а слог, — шрифт, сходный с тем, который нашли на Крите и, как думают Перссон и Нильссон, тождественный с тем, которым сделана одна надпись из Арголиты микенской эпохи. В Памфилии же, судя по хеттским надписям, жили «Ахийава», которых виднейшие ученые отождествили с ахейцами. Из Аркадии не могли быть отправлены колонии на Кипр и в Памфилию, так как Аркадия не имела выхода к морю. Очевидно, в эпоху высылки колоний за море, на побережье Пелопоннеса жили не доряне, а еще ахеяне; затем пришедшие доряне отнесли их в глубь Пелопоннеса, на Аркадскую возвышенность.

Разумеется, установление факта последовательных переселений греков ни в каком случае не приводит к тем антинаучным расистским выводам, к которым пришли некоторые немецкие ученые. Противопоставление «арийских» и «неарийских» черт в греческом национальном складе совершенно праздное занятие: мы видели уже, что все национальности смешанные, что язык легко заимствуется, и потому по языку никак нельзя заключать о национальном происхождении тех или иных групп. Не только ионяне и ахейцы возникли в результате постоянного скрещивания и смешения до-греческого населения с греческим, но не в меньшей степени и дорийцы, которых некоторые немецкие ученые считают «чистокровными» «арийцами» или «северянами» (nordisch), т. е. немцами чистой воды. Именно изучение дорийской спартанской культуры покажет нам, что в быте этих племен сохранилось особенно много черт, заимствованных у до-греческого населения. Вдобавок и вся эта «арийская» греческая культура, являющаяся родоначальницей нынешней культуры, в своих основных чертах восходила к культуре критского народа, а отчасти и к египетской культуре; однако, по общему мнению всех ученых, ни критяне, ни египтяне индоевропейцами не были.

3. УСТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ФАКТОВ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Связную картину античной истории мы можем дать только потому, что до нас дошли сочинения древних историков. Одни из них жили во время описываемых ими событий и являются, таким образом, очевидцами; другие жили позже описываемых ими событий, но пользовались устными распросами современников, трудами современных авторов, нам уже недоступными, и документами. Из этих сочинений мы знаем, какова была хронологическая последовательность этих событий, как они влияли друг на друга, как их расценивали современники.

Такие источники мы имеем для событий греческой истории, начиная с VI в. до н. э. Правда, для VI в. дело обстоит не очень хорошо, так как собственно историков в ту эпоху еще не было, писались только краткие официальные хроники и лишь начинали появляться первые исторические труды; однако в следующем, V в. сохранилось еще немало живых воспоминаний об этом времени. Поэтому, несмотря на то, что значительная часть дошедших до нас сведений имеет сказочный, недостоверный характер, общий ход истории VI в. (а отчасти уже и VII) нам известен хорошо.

Еще лучше обстоит дело с V в. до н. э. Основные события этого века — Греко-персидские войны (500—479), образование Афинского морского союза, т. е. союза государств Малой Азии и островов Эгейского моря под руководством Афин (479—460),

эпоха правления Перикла (460—431) и Пелопоннесская война (431—404). Греко-персидские войны подробно описаны Геродотом, жившим в эпоху Перикла, но еще имевшим возможность лично беседовать с современниками этих войн. Пелопоннесская война описана ее современником, одним из руководителей Афинского государства и афинским военачальником — Фукидидом. Тот же Фукидид дает в виде введения к своему труду краткий очерк событий с 479 по 431 г., основанный на показаниях очевидцев. Фукидид успел довести свое описание Пелопоннесской войны только до 411 г.; события с 411 по 362 г. описал Ксенофонт, будучи также современником излагаемых событий, и т. д.

Наряду с сочинениями этих современных или почти современных событий авторов до нас дошел и ряд более поздних сочинений, основанных на недошедших до нас трудах V и IV вв. Из них самые важные — «Афинская политаия» Аристотеля (386—322), дающая краткий очерк истории афинского государственного устройства в VI и V вв., и биографии греческих государственных деятелей VI—IV вв., написанные уже в начале II в. нашей эры Плутархом.⁷

Имея твердую схему греческой истории, данную этими авторами, мы можем уже дополнять ее из других источников. Такими источниками являются прежде всего произведения изящной литературы. Пока запомним только знаменитых сценических поэтов V в. — Эсхила, современника греко-персидских войн, Софокла — современника Перикла, и Еврипида, писавшего часть в эпоху Перикла, частью в эпоху Пелопоннесской войны. Эти три поэта писали трагедии. Сюжеты их трагедий, взятые из сказочной мифологической эпохи, содержат тем не менее немало политических намеков. Эсхил написал также трагедию «Персы» с сюжетом не из мифологии, а из современности (здесь описана битва при Саламине 480 г.). Еще большее значение имеют комедии Аристофана, написанные во время Пелопоннесской войны, так как основным содержанием этих комедий является современная им политическая борьба.

Другим очень важным источником для пополнения наших сведений, почерпнутых из сочинений античных историков, являются надписи. Греки имели обыкновение вырезать законы и постановления народных собраний на мраморных или известняковых таблицах. Многие из этих надписей до нас дошли (некоторые в поврежденном виде); они обогащают нас целым рядом фактов из античной истории. Для более поздней эпохи (начиная с III в. до н. э.) такую же роль играют папирусы, раско-

⁷ Более подробный очерк греческой историографии и источниковедения может быть дан только после того, как основные факты истории будут усвоены. Он помещен в конце книги.

панные в большом количестве в Египте.⁸ Это частью различные документы, частью отрывки из произведений научной и изящной литературы древности.

Меньшее историческое значение, чем надписи и папирусы, имеют для VI и последующих веков античные монеты и археологические памятники, т. е. памятники неписьменные, как, например, орудия производства, произведения искусства, постройки, предметы быта и т. д.

В значительно худшем положении мы находимся, когда нам приходится излагать историю Греции до VI века. Греческие авторы сплошь и рядом начинали свои исторические труды с незапамятных времен, доводя непрерывное и систематическое изложение событий вплоть до их времени. Так, например, «Историческая библиотека» Диодора из Сицилии, жившего в I в. до н. э., начинается с сотворения мира. Но эта «древнейшая история Греции» не заслуживает никакого доверия: она имеет источником народные сказки и легенды (мифы), искусно фальсифицированные родословные таблицы знатных греческих родов, считавших своими предками богов, и скудные воспоминания об исторических событиях, искаженные при устной передаче. Уже Фукидид подвергал сомнению эти источники и впервые применил другой способ восстановления древнейших событий — метод обратного умозаключения: из пережитков, сохранившихся в его время, он пытался заключать об общественном строе древнейших эпох. При помощи этого гениального метода ему действительно удалось получить несколько верных выводов; однако связной исторической картины и таким путем нельзя получить.

Огромное же большинство греческих авторов считали эти мифологические рассказы таким же историческим источником, как и сообщения историков, и в их трудах нет никакой грани между мифологической и подлинной историей. Основным письменным источником для древнейшей эпохи служили большие эпические поэмы, впервые записанные, по-видимому, только в VI и V вв. Из них наиболее популярными были поэмы «Илиада» и «Одиссея», легшие в основу школьного воспитания. Греки были убеждены, что обе эти поэмы от начала до конца были написаны гениальным поэтом древности Гомером и что они с документальной точностью описывают Троянскую войну и последовавшие за ней события, имевшие место в XI в. до н. э.

⁸ Античная бумага (папирус) готовилась из растения того же названия. Это растение росло в Ниле; оно несколько походило на нашу озерную лилию, но стебли его были не круглые, а трехгранные. Они расщеплялись острым ножом на длинные полоски. Эти полоски склеивались между собой выделявшимся из них же при давлении клеем. Получались большие листы, которые затем сворачивались в свитки.

Содержание рассказа о Троянской войне Следующее. Вся материковая Греция представляла собой некогда ряд могущественных царств. Во главе каждого государства стоял богатый и могущественный царь (басилей), окруженный богатырями («героями») и начальствующий над большой ратью. Богатыри сражаются на колесницах, а простой народ в пешем строю; богатыри во много раз сильнее простых людей, и поэтому решающую роль в сражениях играют они. И в мирное время эти богатыри имеют больше прав и влияния, чем простые люди, образуя аристократию общины.

Над всеми этими царями стоит верховный царь Агамемнон, живущий в крепком замке в Микенах. Его верховная власть простирается не только на весь Пелопоннес и острова, но, по видимому, также и на северную Грецию. По его зову все греческие цари обязаны явиться со своими отрядами в общегреческое войско; уклонившегося ждет тяжелый штраф. Из руководимых им царей наиболее могущественными были Менелай, царь Спарты, брат Агамемнона; Ахилл, царь мирмидонов в Фессалии, самый сильный греческий богатырь, и Одиссей, царь острова Итаки на Ионийском море.

На другом берегу Эгейского моря, в северной части Малой Азии, находилось могущественное Троянское царство. Оно возглавлялось богатым городом Троей с неприступным кремлем — Пергамом. Царем Трои был старец Приам, имевший множество сыновей. Из них самым сильным и храбрым был Гектор, а самым красивым — Парис-Александр.

Парис приплыл в Спарту, соблазнил жену царя Менелая, прекрасную Елену, и увез ее в Трою. Чтобы вернуть Менелая жену, Агамемнон объявил общий поход греков на Трою.

«Илиада» описывает события десятого года осады Трои. После долгой осады греки, вероятно, взяли бы Трою, если бы не поссорились между собою Агамемнон и Ахилл. Поссорились же они по следующей причине. В греческом войске началась чума. Эта чума была наслана на греков богом Аполлоном в наказание за захват Агамемноном Хрисеиды, дочери жреца Аполлона. Узнав о гневе бога, Агамемнон возвращает Хрисеиду, но зато отбирает у Ахилла его возлюбленную Брисеиду, также полученную Ахиллом из военной добычи. Разгневанный Ахилл не участвует больше в сражениях и обращается к богам с мольбой, чтобы троянцы одерживали победы над греками до тех пор, пока Агамемнон не даст ему удовлетворения и пока сам Ахилл не вернется в бой. Зевс исполняет просьбу Ахилла. Описание этого «гнева Ахилла» и составляет содержание двадцати четырех песен «Илиады». Не только земля, но и небо разделилось на два лагеря: из богов Аполлон и Афродита сочувствуют троянцам, Афина и Гера — грекам. Боги даже сражаются между собой и ранят друг друга.

В конце конце, согласно обещанию Зевса, троянцы наносят решающее поражение грекам и отгоняют их к кораблям. Тогда Ахилл склоняется к просьбам греческих вождей и посылает вместо себя своего друга Патрокла. Дела греков быстро поправляются, но в бою Гектор убивает Патрокла. Ахилл, приведенный в отчаяние смертью друга, сам бросается в сражение, хотя ему и было предсказано, что в этом случае он должен погибнуть. Ахилл убивает Гектора и издевается над его трупом. Старик Приам является в ставку Ахилла просить выдачи трупа Гектора. Ахилл, преисполненный жалости к старику, возвращает ему тело. На этом кончается «Илиада».

В других эпических поэмах, не дошедших до нас, рассказывалось, как Ахилл был убит Парисом и как, в конце концов, Троя была взята хитростью. Греки соорудили огромного деревянного коня и посадили внутрь его храбрейших воинов, а затем отплыли. Троянцы втащили в город коня, не зная, что внутри него сидят богатыри, и думая, что греки уплыли навсегда. Однако ночью греки незаметно вернулись; богатыри, заключенные в коне, открыли им ворота, и таким образом Троя была взята и разрушена.

Вторая поэма, «Одиссея», описывает странствования Одиссея после взятия Трои, продолжавшиеся также десять лет. Действие «Одиссеи» происходит в десятый — последний год этих странствований; однако в уста Одиссею вложен рассказ и о предшествующих его странствованиях.

Знаменитейшие жители острова Итаки, где царствовал Одиссей, и смежных с нею островов требуют, чтобы жена Одиссея, добродетельная Пенелопа, вышла замуж за одного из них (в древнейшие времена рука царицы давала право на престол). Эти женихи ежедневно собираются во дворце Одиссея, поедают его запасы и развращают служанок. Но Пенелопа остается верна мужу и терпеливо ждет его возвращения. Она обещает женихам выйти замуж за одного из них, когда будет соткан ею плащ, но каждую ночь она распускает сотканную за день ткань. Сын Одиссея, Телемах, возмущенный насилием женихов, отправляется путешествовать, чтобы узнать о местопребывании отца; он прибывает к царю мессенского Пилоса мудрому Нестору и к царю Спарты Менелая. В это же время возвращается и Одиссей. Ему пришлось перенести ряд тяжелых испытаний: его корабль с трудом прошел между двумя скалами, Скиллой и Харибдой, сдвигающимися, когда между ними проходят корабли, и раздавливающими их; вместе со своими спутниками он попал к одноглазому великану-киклопу Полифему, который съел нескольких из них и собирался пожрать остальных; только благодаря хитрости Одиссея удалось ослепить киклопа и спастись. Далее Одиссей попал к волшебнице Кирке, обратившей его товарищей в свиней. С трудом ему удалось заставить ее вернуть им человеческий вид. После долгих странствований,

лишенный всех своих спутников, Одиссей был выброшен на остров Схерию, населенный счастливыми людьми, феаками. Царь феаков Алкиной и его супруга радушно принимают Одиссея. Феаки замечательные мореходы; они отправляют Одиссея на Итаку. Здесь Одиссей встречается с возвращающимся Телемахом и составляет с ним общий план действия. Никем не uznанный, в образе нищего, он проникает в свой дворец. С помощью Телемаха и верного раба Евмея ему удается перебить женихов и завладеть своим престолом.

Таково содержание гомеровских поэм. Мы встречаем в них целый ряд сказочных мотивов, повторяющихся не только в сказках других европейских народов, но и в других сказаниях самих же греков. Так, например, рассказ об одноглазом чудовище, пожирающем путников, и его ослеплении, о волшебнице, превращающей людей в свиней, о муже, попавшем на свадьбу своей жены и убивающем ее женихов,⁹ и многие другие засвидетельствованы для самых различных народов. Ниже мы покажем, что и основное содержание «Илиады» представляет собой бродячий сказочный сюжет. Вдобавок, в гомеровских поэмах есть целый ряд несообразностей и противоречий: герои, о смерти которых мы читаем, в дальнейшем тексте снова оказываются живыми и т. д.

Все это не позволяет нам, вслед за греками, видеть в гомеровских поэмах настоящий исторический источник. Это было замечено уже в первой половине XVIII в. Гениальный итальянец Вико утверждал, что никакого Гомера на самом деле не было, что «Илиада» и «Одиссея» возникли из отдельных народных песен, передававшихся из уст в уста. Эти гениальные догадки были обоснованы строго научно Фридрихом-Августом Вольфом в 1795 г. В своей работе «Prolegomena ad Homerum» на основании глубокого научного анализа гомеровских поэм он пришел к выводу, что гомеровские поэмы имеют источником эпические песни, исполнявшиеся устно в течение многих столетий; они были, по его мнению, приведены в порядок и слиты воедино только при Писистрате. Из продолжателей Вольфа наибольшее значение имел К. Лахман, который с полной несомненностью показал в своих работах (1837, 1841) наличие противоречий в «Илиаде» и указал на отдельные части, бывшие некогда самостоятельными произведениями. Дальнейшие попытки восстановить первоначальный вид отдельных частей «Илиады» окончились полным крахом. Это вызвало (в работах Г. В. Нича и ряда других ученых) резкую реакцию; эти ученые — так называемые унитарии — настаивали на том, что «Илиада» представляет собой единое художественное целое. Я не буду останавливаться на дальнейших перипетиях этого спора; укажу

⁹ Этот сюжет специально изучен проф. И. И. Толстым.

лишь на те пункты, на которых в настоящее время сходятся почти все наиболее выдающиеся исследователи.

1. О собирании Писистратом гомеровских поэм нельзя говорить серьезно; античные сообщения о Писистрате свидетельствуют как раз о том, что уже в эпоху Писистрата каждая гомеровская поэма представляла собой единое художественное целое. «Редакция» Писистрата могла в лучшем случае сводиться к тому, что поэмы были записаны, исправлены явные ошибки, вставлено несколько стихов.

2.¹⁰ Каждая поэма представляет собой творение великого поэта, единое художественное целое, в котором почти каждая часть служит, как правило, общей цели и которую поэтому никаким образом нельзя разрезать на самостоятельные поэмы. Здесь дело обстоит совсем не так, как с библейским «Пятикнижием», где мы имеем дело с несколькими самостоятельными письменными источниками, механически соединенными вместе и лишь в некоторой части переработанными.

3. Тем не менее работа этого древнего поэта существенно отличалась от работы нынешних поэтов. Как всякий «сказитель», он знал огромное множество стихов из разных эпических поэм и умел сочинять новые стихи по образцам старых, ему уже известных, видоизменяя в них часто лишь отдельные слова. Из 27 853 стихов в этих поэмах 2118 встречаются по два раза и больше, так что число этих повторных стихов равно 5162, т. е. пятой части всего Гомера. Если же сюда включить и стихи, совпадающие между собой не полностью, то результат будет еще более поразительным. Гомер выбрал ряд эпизодов и отдельных стихов из старых поэм, дополнил их отчасти и своими стихами по образцу этих старых стихов и таким образом создал единое целое, объединенное общим планом и общей мыслью.

Теперь спор между унитариями и их противниками в основном сводится уже к вопросу об объеме собственной работы поэта и ее совершенстве: нужно ли для объяснения противоречий у Гомера непременно допускать противоречие в его источниках, есть ли в этих поэмах части, не имеющие никакого художественного значения для целого, и т. д.? Эти споры для историков большого значения не имеют: так называемый «гомеровский вопрос» важен, прежде всего, для историков литературы.¹¹

Замечательное открытие Вольфа имело и свою отрицательную сторону: оно подорвало значение гомеровских поэм как

¹⁰ Вопросы о том, действительно ли великий поэт, написавший «Илиаду», носил имя Гомера, мы здесь не касаемся.

¹¹ «Вопрос» этот в основном сводится к следующему: является ли каждая из гомеровских поэм индивидуальным творением одного великого поэта или это систематизированное собрание народных песен, создававшихся рядом анонимных авторов (сначала певцов-аздов, затем — рапсодов-декламаторов) в течение многих столетий? Как мы уже видели, самая постановка вопроса в этом виде неправильна.

исторического источника. Поход на Троию стал рассматриваться как мифологическая борьба светлых сил с темными; Троию считали городом сказки, лежащим в «тридесатом государстве, влево от луны, вправо от солнца». При этом забывали, что «Илиада» не сказка, а эпическая поэма, а в эпических поэмах всех народов, наряду с мифологическим элементом, всегда имеется историческое зерно.

Так же относились и к другим сообщениям из древнейшей истории Греции: из них не пытались выделить историческое содержание, а относили их целиком к области сказки. Так, известный историк Б. Г. Нибур начинал свою историю Греции прямо с 776 г., а еще более знаменитый автор двенадцатитомной «Истории Греции» англичанин Дж. Грот в выпущенных им в 1846 г. первых двух томах этого труда очень подробно рассматривает мифы, но только потому, что без них нельзя понять греческой культуры классического времени; он и не пытается анализировать их с исторической стороны, считая, что подлинная история Греции начинается только с 776 г.

Между тем изучение эпических поэм других народов более близкого к нам времени, от которого до нас дошли и настоящие исторические памятники, показывает, что — несмотря на мифологический сюжет и ряд анахронизмов в этих поэмах — и обстановка, и ряд отдельных сообщаемых фактов — чисто исторические.

Возьмем для сравнения наши русские былины. Герой, который сидит тридцать три года сиднем на печи; странники, которые подносят ему вино, после чего он сразу становится богатырем; Соловей-разбойник, сидящий на дубу и убивающий своим свистом проезжающих, — все это примитивные сказочные сюжеты (обычно вместо соловья в этих сказках фигурирует змей). Такие же сказочные сюжеты — царь, отправляющий героя на подвиги, борьба с чудовищами (например, со Змеем-Горынычем); борьба богатыря с неузнанным им собственным сыном («Илья и сын»; такой же миф существует об Одиссее); герой на свадьбе собственной жены (Добрыня Никитич: тот же сюжет, что и в «Одиссее»). С другой стороны, татары и турецкий султан, с которыми борются богатыри князя Владимира, упоминание Москвы, включение в число этих богатырей Ермака и Никиты Романовича — явные анахронизмы. Но наряду с этим двор киевского князя Владимира, как центр тогдашней Руси, борьба с кочевниками и богатырские заставы на краю степи — все это исторические факты.

Начало научного изучения древнейшей греческой истории связано с именем одного из замечательнейших исследователей XIX в. Генриха Шлимана.

Шлиман родился в Мекленбург-Шверине в 1822 г., в семье бедного протестантского пастора. Уже в детстве на него произвела неизгладимое впечатление «Илиада» Гомера, в частности

картина неизвестного нам художника, изображающая горящую Троию. Он считал все, что рассказывается в «Илиаде», святой истиной и мечтал, что когда он вырастет, он выкопает остатки Трои из-под земли. Будучи приказчиком в мелочной лавке, а затем в торговой конторе в Гамбурге, он тратит все остающееся у него свободное время и свои ничтожные средства на изучение иностранных языков, в том числе и русского; для того, чтобы производить раскопки в Трое, ему необходимо было разбогатеть, а разбогатеть тогда легче всего было в России. Благодаря коммерческим способностям Шлиману удается в 1846 г. получить место агента торгового дома в Петербурге, а затем и открыть самостоятельную торговлю. Во время ажиотажа, сопровождавшего Крымскую кампанию, Шлиман пускается в рискованные торговые операции и, наконец, в 1858 г. становится миллионером.

После этого Шлиман прекращает всякую коммерческую деятельность и весь накопленный капитал тратит на отыскание Трои. Вместе с женой он отправляется в 1870 г. на то место, где, по его мнению, должна была находиться Троя Гомера, нанимает рабочих и начинает копать.

После долгих лишений и опасностей Шлиману удалось найти на описанном Гомером месте развалины и остатки даже не одного древнего города, а целых семи, последовательно строившихся один на месте другого в течение долгого исторического времени. Последний из этих городов — греко-римской эпохи, а остальные — более древние. Гомеровской Троей Шлиман считал второй город. В «Илиаде» он видел исторический, безусловно достоверный памятник; поэтому, руководствуясь «Илиадой» как путеводителем, он пытался точно локализовать дворец Приама, Скейские ворота и т. д. Дальнейшие исследования показали, что гомеровскому описанию соответствует не второй, а шестой город; здесь найдено много бронзовых вещей, вполне подходящих к гомеровским описаниям.

Еще важнее были открытия Шлимана в Микенах. Здесь раскопки в еще большей мере, чем в Трое, показали, что историческая обстановка, описываемая в гомеровских поэмах, в общем правильна. Шлиман обнаружил внутри мощных стен Микен, сложенных из огромных каменных глыб,¹² целый ряд предметов, близко подходящих к описаниям, данным в «Илиаде». Так, например, найден кубок с ручками, украшенными пьющими воду голубями; такой причудливый кубок описан у Гомера («кубок Нестора»). Гомер называет Микены «златообильными», и действительно в подземных гробницах Микен найдено огром-

¹² Древние греки не могли себе представить, что стены, сложенные из таких камней, могли быть сделаны руками человеческими. Поэтому они называли эти стены «киклопическими» и думали, что их построили великаны-киклопы.

ное количество чрезвычайно ценных вещей. Только в одной из них Шлиман нашел 870 золотых предметов, не считая очень мелких предметов и обломков; остальные гробницы не уступают этой.

После раскопок в Микенах, древней столице Агамемнона, Шлиман направился в Тиринф, находящийся недалеко от Микен и также упоминаемый у Гомера; и здесь результаты оказались столь же блестящими; и здесь обнаружены памятники богатой и развитой культуры.

Открытия Шлимана произвели целый переворот в науке. То, что считали сказками, оказалось историческим фактом. Более того, уже Фукидид, а вслед за ним вся европейская наука до Шлимана считала, что Гомер чрезвычайно преувеличивает и поэтически разукрашивает описываемую им эпоху: поскольку она предшествовала эпохе, когда писались поэмы Гомера, она должна быть, по мнению этих ученых, гораздо более бедной и примитивной. Раскопки показали, что, наоборот, поэтической фантазии Гомера не хватило для описания микенской эпохи, что «царство Агамемнона» было значительно богаче и могущественнее, чем даже Гомер предполагал.

Не удивительно, что опубликованные Шлиманом результаты его раскопок были на первых порах встречены с большим недоверием; ученым-специалистам не хотелось ломать привычных школьных взглядов. Это недоверчивое отношение европейской науки и было причиной того, что результаты раскопок Шлимана, вероятно, остались неизвестными и Энгельсу. Лишь постепенно результаты этих раскопок были оценены по достоинству — к сожалению, не всюду. До сих пор среди советских ученых есть те, которые видят в микенских памятниках памятники первобытной родовой культуры.

После Шлимана раскопки производились в различных местах Греции и привели к правильному выводу: во всех тех местах, о которых упоминает Гомер (за редкими исключениями), найдены памятники микенской эпохи; чем большее значение город имеет у Гомера, тем больше памятников микенской эпохи в нем найдено; в городах, не упомянутых у Гомера, памятники микенской культуры, как правило, отсутствуют. Этот вывод показывает, что певцам гомеровских поэм, по изустной традиции, была хорошо известна историческая обстановка того времени, которое они воспевали, и у них гораздо меньше анахронизмов, чем можно было бы ожидать.

Правда, поэмы Гомера в их нынешнем виде составлены значительно позже микенской эпохи, в X—VIII вв., а некоторые стихи даже были добавлены в VII и VI вв.; однако описанные в них события, по мысли автора, относятся к более древнему времени, к глубокой старине. Действительно, мы здесь имеем быт и общественные отношения, никак не соответствующие тому времени, когда поэмы были составлены. На это несоответствие

не обращалось должного внимания, пока за поэмами Гомера совершенно отрицали значение исторического источника.

Более того, раскопки дали нам ряд подтверждений того, что троянский поход — исторический факт. В Трое найдены черепки от сосудов, изготовленных в сфере микенской культуры; такие же черепки найдены в Палестине и Египте. В одной гробнице в Микенах найдено изображение осады крепости. Крепость эта несколько не похожа на микенские крепости, а представляет собою типичную азиатскую крепость. Точно так же и защитники крепости — голые, с короткими курчавыми волосами, — скорее всего, изображают азиатов. Наоборот, воин, опирающийся, по-видимому, на весло и прибывший, следовательно, с моря, носит на голове типичный микенский шлем, украшенный зубами вепря, о чем мы скажем ниже. Таким образом, картина изображает, по всей вероятности, осаду какого-то азиатского города ахейцами.

Еще менее доверия, чем «Илиада» и «Одиссея», внушал к себе дошедший до нас в собраниях греческих мифов рассказ об афинском царевиче Тезее и критском царе Миносе.

Согласно этому рассказу, афиняне принуждены были платить дань царю Миносу, могущественному владыке города Кноса на Крите, господствовавшему над всем морем и совершавшему походы на Грецию. Эта подать состояла из четырнадцати мальчиков и девочек, которые отправлялись в жертву людоеду Минотавр, чудовищной помеси человека с быком. Минотавр жил в здании, представлявшем собою такую запутанную сеть комнат, что всякий смертный должен был там неизбежно заблудиться. В числе мальчиков, посылаемых на Крит, оказался и царский сын Тезей. Он уговорился с отцом, царем Эгеем, что в случае, если он будет благополучно возвращаться обратно, корабельщики подымут на корабле белый парус, а если погибнет на Крите, то черный. Мальчик прибыл на Крит, и здесь в Тезее влюбилась царская дочь Ариадна. Чтобы он со своими товарищами не заблудился и мог выйти из лабиринта, Ариадна дала ему клубок ниток, которые он должен был разматывать за собой. Тезей со своими товарищами был брошен в лабиринт, но ему удалось благодаря своей храбрости и силе убить Минотавра, а затем, идя по нитке, выбраться из лабиринта, после чего он с товарищами сел на корабль и благополучно приплыл домой. Но на радостях Тезей забыл переменить черный парус на белый, и отец его, видя с берега, что плывет судно с черным парусом, и решив, что сын убит, покончил с собой, бросившись со скалы в море, названное по его имени Эгейским.

Не трудно показать, что перед нами во всех подробностях типичная сказка, свойственная не только различным народам Европы, но и Азии и Африки. Во всех этих сказках мальчики отправляются в заколдованный замок, стоящий в глухом лесу, откуда не найти выхода. И в этих сказках их отправляют соб-

ственные родители, и в этих сказках фигурирует клубок, при помощи которого они находят дорогу, и черный флаг, выставленный по ошибке вместо белого. И в этих сказках они попадают к страшному людоеду, но спасаются от него чудесным образом, причем им помогает женщина, живущая у людоеда.

Понятно, что этот миф встречал со стороны европейских ученых не больше доверия, чем рассказы «Илиады» и «Одиссеи», несмотря на то, что легенды о могуществе критского царя Миноса принимались всерьез виднейшими греческими писателями — Геродотом, Фукидидом и Диодором и что воспоминания о царстве Миноса содержатся в «Одиссее» и в поэме Гесиода, жившего уже в VIII в. Он сообщал о Миносе следующее:

**Был он из смертных царей царем наиболее сильным;
Не было больше царя, кто бы столько окрестных народов
Власти своей подчинил; владел он божественным скиптром,
Скиптром державного Зевса: затем и владел городами.**

Геродот рассказывает, что Минос завоевал целый ряд островов Эгейского моря. С сообщением Геродота совпадают и слова Фукидида:

«Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эллинским (т. е. Эгейским), достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевидно также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы вернее получать доходы».

Платон приписывает Миносу также составление древнейшего свода законов:

«Он дал своим согражданам законы, благодаря которым и Крит оставался, с тех пор как он начал ими пользоваться, всегда счастливым, и Лакедемон, так как эти законы были божественными».

Приблизительно то же сообщает и Диодор, но он сообщает еще, что все три больших города на Крите принадлежали одному и тому же царю:

«Минос основал немало городов на Крите, но из них наиболее замечательны были три: Кнос в части острова, обращенной к Азии, Фест — у моря на южном берегу и Кидония — в западной части острова против Пелопоннеса. Минос написал для критян немало законов».

После того как раскопки Шлимана в Трое и Микенах реабилитировали гомеровские поэмы, естественно было ожидать, что раскопки на Крите дадут подтверждение и этих мифов, тем более, что уже в конце семидесятых годов на месте древнего Кноса на северном побережье Крита местными жителями были обнаружены развалины древнего большого здания, причем было

найдено и несколько сосудов. Шлиман действительно собирался копать здесь, но умер, не успев осуществить этого намерения.

Эту идею удалось осуществить англичанину Артуру Эвансу, приступившему к раскопкам в самом конце XIX в., после того как ему удалось обнаружить здесь памятники древнего до-греческого письма. В начале XX в. он раскопал на месте древнего Кноса огромный дворец, по размерам далеко превосходящий все дворцы, раскопанные Шлиманом. Впоследствии такие же, но меньшие дворцы были обнаружены еще в двух местах на южном побережье Крита — на месте древнего города Феста и близ нынешнего селения Агия Триада.

Эти дворцы являются по существу комплексом нанизанных одна на другую построек. В центре этого комплекса лежит большой открытый, окруженный колоннами двор, а вокруг него целый ряд примыкающих друг к другу сооружений в несколько этажей. К сожалению, верхние этажи в большинстве случаев разрушены, и мы можем знакомиться только с помещениями нижнего этажа. Это, прежде всего, парадные комнаты: так, например, в Кносе найдена комната со стоящим в ней треном. Из других парадных помещений интересен зал для зрелищ, во всю ширину которого находились поднимающиеся одна над другой ступени, на которых сидели зрители. Судя по рисункам на стенах дворца и по аналогии с обычаями других народов древности, происходившие здесь представления состояли из торжественных религиозных процессий и театральных действий в честь богов, главным образом богов плодородия. Далее, здесь происходили древнейшие в мире игры с быками, очень опасные для участников и требующие от них большой ловкости.

Найдены здесь и ваннные комнаты, водяная уборная и водопровод, также древнейшие в мире, внутренние лестницы, соединяющие между собой этажи и открытые сверху — для того чтобы здание лучше освещалось. Эти световые шахты, дворы к большие окна делали критские жилища светлыми и уютными в отличие от позднейших греческих жилищ. Лестницы в каждом этаже соединялись с большими открытыми верандами. Найден также длинный коридор, в который выходили двери из целого ряда узких и длинных кладовых. В этих кладовых до наших дней стоят, как и в древности, длинные ряды огромных глиняных сосудов (так называемых пифосов), отчасти даже с остатками зерна и других продуктов. Найдены также комнаты для хозяйственных работ, в одной из комнат обнаружен пресс для растительного масла, и мастерские для ремесленников. Кроме того, эти «дворцы» включают в себя большое количество комнат для жилья.

При постройке этих зданий больше думали о практической пользе, чем об архитектурном изяществе. Колонны, суживающиеся книзу, служат главным образом не для архитектурного членения, а для поддержки плоской крыши или верхних эта-

жей, ряд колонн обычно идет как раз по средней линии зала, так что дверь приходится прорубать сбоку. Наружу выходят глухие стены; то, что мы назвали бы фасадом, обращено к внутреннему двору.

В дворцах Крита найден целый ряд замечательных произведений искусства: фрески с высокохудожественными изображениями пейзажей, групп людей и т. д., прекрасные, реалистически выполненные барельефы, художественная посуда. Найдены также тысячи глиняных табличек с письменами, свидетельствующими о том, что письмо было широко распространено на Крите.

Таким образом, раскопки Эванса и других ученых показали, что в греческих преданиях о Крите — так же, как в «Илиаде» — имеется историческое ядро. Вполне понятно, что и Эванс, подобно Шлиману, несколько увлекся и оказался склонным считать историческими фактами и такие сообщения греческих писателей, которые относятся к области мифологии — так, например, имя царя Миноса, может быть, было вопреки мнению Эванса вовсе не именем великого исторического деятеля, а именем божества, мифического героя или даже нарицательным словом на критском языке.

Одновременно с раскопками в Трое, Микенах и на Крите был сделан ряд открытий в области истории великих государств древнего Востока. Эти открытия не только подтвердили результаты раскопок Шлимана и Эванса, но и позволили точнее датировать отдельные моменты истории Крита и Микен. Так, в Египте был найден целый ряд критских изделий, а на Крите — египетских, а поскольку хронология Египта известна сравнительно точно, это дало возможность датировать и соответствующие критские изделия.

Так, критские изящные сосуды стиля камарес, о которых мы скажем ниже, присутствуют в большом количестве в Египте вплоть до Нубии, уже в находках эпохи Среднего царства. В надписях фараонов Среднего царства Сенусерта II (1903—1887) и Аменемхета III (1849—1801) говорится об участии критян («кефтиу») в постройке пирамид. В соответствующем слое в кносском дворце найдена диоритовая статуя египетского чиновника. К началу XVII столетия относится найденная в Кносе крышка от сосуда из алебаstra с именем правившего в Египте царя Хиана.

В последующее время, в эпоху высшего расцвета критской культуры, сношения Крита с Египтом делаются еще более оживленными. На Крите находят в большом количестве египетские сосуды из алебаstra, камня и фаянса; скарабеи с именем фараона Тутмеса III (первая половина XV в.) и его преемников; наконец, такие предметы, как слоновая кость и яйца страуса, могли быть завезены только из Египта. На критских фресках мы встречаем лилии и пальмы, произрастающие не на Крите,

а в Египте. На кинжале работы критского мастера, найденном в Микенах, мы видим характерный нильский пейзаж с кошками, водившимися тогда только в Египте, и египетские папирусы. Египетского же происхождения также колонны с капителями из листьев, сфинксы, изображения различных обезьян, на одном из которых начертано имя фараона Аменхотепа II (1480—1455). На изображении процессии жнецов из Агия Триада перед хором представлен типичный египетский певец с бритой головой в кожаном переднике с египетским музыкальным инструментом — систром.

Данные «Илиады» и раскопок Шлимана также нашли свое подтверждение в открытиях, сделанных в сфере древнего Востока.

В «Илиаде» наряду с троянцами упоминаются их сородичи дарданцы и город Дардания. Это имя сохранилось в названии позднейшего города Дардана, лежавшего на Геллеспонте, недалеко от развалин Трои. Далее Рамзес II (1300—1232) среди народностей, сражавшихся вместе с хеттами, упоминает и «дардана»; возможно, что это тот же народ. Преемник Рамзеса II, Мернептах, сообщает о нападении на Египет коалиции народов «из стран моря» — «северян, пришедших из всевозможных стран». Здесь упомянуты Ахайваша, в которых справедливо видят ахейцев, старинное название которых «Ахайвой».

При следующем фараоне, Рамзесе III, опять приходят «люди с моря» и в их числе «данауна», упоминаемые также уже около 1400 г. Этих «данауна» отождествляют с «данайцами» — слово, которое у Гомера является почти синонимом слова «ахейцы».¹³

Еще более интересными для истории крито-микенской эпохи оказались открытия Э. Форрера. Уже в XIX в. близ селения Богаз-кеой в Малой Азии был найден при раскопках ряд памятников древнего могущественного царства хеттов, о котором упоминается и в документах древнего Египта и в Библии. При этих раскопках было найдено большое количество клинописных таблиц, которые сразу расшифровать не удалось, так как хеттский язык не был известен. Расшифровка этих таблиц началась только в двадцатых годах нашего века (главная заслуга в этой расшифровке принадлежит чешскому ученому Б. Грозному), но интересующие нас таблички были расшифрованы в 1924 г. Э. Форрером. Из этих табличек мы узнали, что на юге Малой Азии в XIV—XIII вв. находилось царство Ахийава.

Царство Ахийава упоминается в документах царя Мурсилы II (приб. 1320—1315 гг.). Оно граничило с Лугга (ликийцами) и, следовательно, как правильно предположил Форрер, находилось в Памфилии, где и в последующую эпоху говорили

¹³ Сравни с этим известных из греческой мифологии Данаю (это имя означает просто «данайскую женщину»), Данаю, Данаид и т. д.

на языке, близком к аркадскому, т. е. к ахейскому. При хеттском царе Тутхалиясе IV (прибл. 1260—1230 гг.) в числе равноправных с хеттским царем великих царей, наряду с царями Египта, Вавилона (Кардуниаш) и Ассирии, назван царь Ахийава.

Далее в этих документах рассказывается о войне, которую Аттарисья, царь Ахийава, вел с хеттами. Наконец, при царе Арнувандасе IV (прибл. 1230—1200 гг.) тот же Аттарисья совершает набег на остров Кипр, бывший тогда во власти хеттов.

Тождественность Ахийава с Ахайваша и Ахайвой вряд ли может подлежать сомнению.¹⁴

Таким образом, в XIV—XIII вв. на южном берегу Малой Азии образовалось сильное Ахейское царство, которое вело войну с хеттами и совершало набеги на Кипр.¹⁵

Итак, нет никаких сомнений в том, что поход, описываемый в «Илиаде», — исторический факт, и что исполнители гомеровских песен в общем сохранили довольно верное представление об исторической обстановке XIV—XII вв.

Это не дает, тем не менее, права пользоваться «Илиадой» как историческим документом и считать, например, похищение Елены Парисом, имена Агамемнона и Менелая и гнев Ахилла настоящими историческими фактами.

Таким образом, основным источником для древнейшей эпохи греческой истории являются археологические памятники; как мы видим, эта история построена на базе археологии. Однако при всем огромном значении археологических памятников их недостатком является то, что при отсутствии литературных свидетельств, они не дают возможности сколько-нибудь точно датировать находки и восстановить ясную и вполне убедительную картину соответствующего общественного строя. Только литературные памятники, главным образом древнего Востока, дали Эвансу возможность распределить эти памятники по определенным хронологическим периодам.

Найденные на Крите памятники Эванс распределяет на три большие эпохи: древнеминойскую, охватывающую эпоху перехода от неолита к бронзе (до 2100 г.), среднеминойскую (2100—1580) и позднеминойскую (1580—1180), относящиеся к эпохе бронзы. Образование критского государства относится уже к началу среднеминойской эпохи. Каждую из этих эпох Эванс

¹⁴ Форрер допустил ряд преувеличений, вычитав в хеттских надписях имена греческих царей Этеокла и Атрея, упоминание города Илиона, острова Лесбоса и т. д., и это в значительной степени дискредитировало его теорию. Однако основной установленный им факт остается непоколебленным.

¹⁵ Кипр, как мы теперь заключаем из особенностей греческого наречия, на котором говорили на Кипре, затем в значительной части был покорен и населен ахейцами. Здесь найдено особенно много памятников микенской культуры; еще в историческое время предсказатели назывались здесь «ахейскими предсказателями» (achaio manteis). Согласно «Илиаде» (XI, 21), Кипр был в зависимых отношениях от Агамемнона.

подразделил в свою очередь на три периода: I, II и III. Так, замечательные вазы стиля камарес относятся к II среднеминойскому периоду (1900—1750); высший расцвет критской культуры, господства на море, сношений с Египтом и письменности — к I позднеминойскому (1580—1450); разрушение кносского дворца и конец морской власти Крита — к концу II позднеминойского (1450—1400) и началу III позднеминойского (1400—1180). Для материка Греции принято то же деление, но вместо «минойский» употребляется термин «элладский» (так, например II позднеминойскому периоду на Крите соответствует II позднеэлладский на материке и т. д.). Эпоха наибольшего распространения критской культуры на материке относится к I и II позднеэлладским периодам; эпоха наивысшего расцвета власти микенских царей — к III позднеэлладскому.

4. КРИТ И ЕГО КУЛЬТУРА

На Крите, как и повсюду в древнейшее время, общественный строй был родовым. В пользу этого говорят археологические памятники; равным образом позднейшие критские дворцы, согласно правильным наблюдениям проф. Б. Л. Богаевского, являются, судя по их плану, пережитком так называемых «больших домов», т. е. коллективных построек, в которых жил сообща целый род. Приведенные выше свидетельства об оживленных торговых сношениях между Критом, Египтом и другими странами Передней Азии, а равно и археологические памятники, о которых мы скажем ниже, доказывают с несомненностью, что примерно с начала второго тысячелетия до н. э. на Крите отдельные племена, жившие родовым бытом, уже сплотились и образовали одно мощное государство.

В Египте и Вавилонии причиной перехода от первобытно-родового к древневосточному примитивно-рабовладельческому способу производства была необходимость организации массового коллективного труда для регулирования разливов и орошения полей. Производство таких работ было невозможно при том общественном и культурном уровне, который характеризует родовое общество. Необходимо было сделать этот труд принудительным, а для этого понадобилась древневосточная монархия, построенная на примитивно-рабовладельческой базе. Но не везде на древнем Востоке именно в этом была причина образования государства: у хеттов, финикийцев, древних евреев таких причин не было. В Финикии или на Крите образование государства было ускорено необходимостью тесного сплочения отдельных племен для создания общего флота, войска и т. п. Эти государства лежали на морском пути между большими монархиями древнего Востока, и отсутствие такого сплочения сделало бы их добычей их сильных соседей.

Действительно, мы знаем, что в XIX в. до н. э., когда складывалось классовое общество на Крите, государства Передней Азии точили зубы на Крит и Грецию.¹⁶

Такое сплочение племен для отпора внешней опасности и здесь ускорило гибель родового общества. По справедливому замечанию Энгельса, родовой строй в полном расцвете предполагает «крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, отсюда почти полное подчинение человека... природе... Племя оставалось для человека границей...»¹⁷ «Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало¹⁸ ее разрушения... Все, что было вне племени, было вне закона».

Для отражения нападения с моря нужно было не только собрать весь Крит под властью одного сильного вождя, но и создать мощный флот, а для этого необходима была организация коллективного труда в широких масштабах, ускорившая начавшееся выделение аристократической верхушки и порабощение масс. После того как непосредственная опасность покорения извне была преодолена, такой флот не мог оставаться в бездействии. На первых порах он, вероятно, был использован для пиратских набегов на ближайшие острова, а затем при помощи этого флота стали осуществляться и оживленные торговые сношения с государствами древнего Востока. Мы приводили уже сообщения древних писателей (Гесиода, Геродота, Фукидида и более поздних) о том, что флот критского царя Миноса господствовал на море; говорили мы также о том, что критяне («Кефтиу») упоминаются в египетских памятниках. Действительно, изображения кораблей на критских рисунках свидетельствуют о высокой кораблестроительной технике: корабли имеют высокие борта, острые металлические носы и реи для крепления парусов; во время морского боя могут передвигаться как на парусах, так и на веслах; коммерческие грузовые суда имеют вместительный трюм и высокие мачты. Иногда они снабжены крытыми каютами для пассажиров, как египетские нильские суда.

О высоком уровне мореходства говорит тот факт, что критские суда делались не из местного, а из привозного леса. Еги-

¹⁶ Ассирийский царь Саргон I (ок. 1900 г. до н. э.) называл себя царем Каптару, т. е. Крита; в то же время государство Мари, на среднем течении Евфрата, как мы узнаем из клинописи, поддерживало сношения с тем же Каптару. И действительно, на Крите найдены вавилонские цилиндры XIX—XVIII вв., а на острове Кифера близ Пелопоннеса — каменная табличка с клинописной надписью царя города Эшмуны (близ нынешнего Багдада) — Нарамсина (около 1950 г.).

¹⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи...//Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 21, С. 99.

¹⁸ Там же.

петский фараон Тутмес III, находясь в 1467 г. в Финикии, видит здесь критские суда, сделанные из ливанского кедра.

Какую роль играла торговля в жизни Крита, можно заключить из остатков густонаселенных городов, расположенных у моря, на скалистых мысах, в местах, лишенных воды, где земледелие было невозможно. Они могли быть населены только ремесленниками, мореходами или пиратами. Такие чисто торговоремесленные поселения не могли возникнуть в эпоху родового общества: они предполагают государство с правильно организованным ввозом и вывозом.

Если мы обратим внимание на те материалы, из которых сделаны найденные в большом числе на Крите предметы ремесла и искусства, то мы также должны будем прийти к выводу о чрезвычайно оживленной торговле между Критом и странами Передней Азии. Так, на Крите найдены изделия из золота и слоновой кости. Это сырье могло получаться только из Египта. Точно так же растение сильфион, изображение которого мы находим на Крите, могло привозиться только из Ливии, лошади — из Малой Азии, серебро — скорее всего из Испании или Сардинии, камень обсидиан — с острова Мелоса, янтарь — с Балтийского моря (из третьих или четвертых рук). Такие материалы, как алебастр, фаянс, стекло, ляпис-лазурь, а вероятно, и железо, бывшее тогда драгоценным металлом, на Крите не обнаружены и также должны были привозиться.

Из всех этих материалов на Крите делались художественные ремесленные изделия. Они не могли изготавливаться патриархальным домашним способом: тонкость и изящество их обработки показывают, что они — дело рук специалистов-мастеров. Огромное количество критских изделий, найденных в различных местах древнего мира (прежде всего в Египте и в материковой Греции), показывает, что эти мастера работали в значительной части на вывоз, на внешний рынок. Большое количество черепков критских сосудов, находимых во всех странах, прилегающих к восточной части Средиземного моря, указывает на то, что с Крита вывозилось масло, зерно и другие сельскохозяйственные продукты.

Итак, Крит вел оживленную торговлю со всеми культурными государствами тогдашнего мира, ввозя разнообразное сырье (дерево, металл и т. д.) и вывозя продукты своего ремесла и сельского хозяйства.

Насколько развита была критская торговля, видно из того, что в этой торговле была в ходу и «денежная» единица — медный талант. Этот талант имеет форму растянутой кожи; это — характерный рудимент, показывающий, что в более древнее время единицей ценности были действительно кожи или животные (быки). В гомеровскую эпоху счет ведется на число быков; это несомненный регресс по сравнению с крито-микенской культурой. Вес такого таланта около 29 кг, и как раз такой же вес

имеет каменная гиря, найденная в кносском дворце. Интересен находящийся на глиняной табличке расчет цен каких-то товаров: посредине нарисованы весы (соответствующие, вероятно, нашему знаку равенства (=)), слева изображен талант и черточками обозначено число таких талантов, справа — число единиц товара. Целых девятнадцать таких талантов найдено во дворце в Агиа-Триада, семнадцать — в море близ Кимы на Евбее, вероятно, они затонули во время кораблекрушения. Кроме того, такие таланты нашли в Кносе, Фесте, в Аморге, на Евбее, Сардинии и в ряде других мест; в Египте они изображены в числе даров, которые приносят кефтиу.¹⁹ Маленькие каменные кружки, с выбитой на них цифрой, служили, может быть, мелкой разменной «монетой». Золотой «монетой» служили, по-видимому, золотые бычьи головы (попадают, впрочем, и медные); они также встречаются на изображении критских даров в Египте.²⁰

Таким образом, критяне вели мировую торговлю в таком размере, в каком не вели ее даже греки в VI в., проникали во все места тогдашнего культурного мира, имели своеобразные «денежные» и весовые единицы.

Мы могли бы, конечно, представлять себе торговлю Крита с Египтом в виде торговли «варваров», живущих первобытным родовым строем, с большим соседним государством. Так, нередко «варвары», живущие еще родовым строем, привозят свои сельскохозяйственные продукты в обмен на произведения высокой культуры. Это объяснение, однако, в данном случае несостоятельно уже потому, что Крит вывозил не только сельскохозяйственные продукты, но и ремесленные изделия, стоявшие и по технической отделке и по художественности выполнения значительно выше египетских.

Разумеется, мы не собираемся отрицать влияния переднеазиатских культур на Крит (о влиянии Египта мы говорили уже в предыдущей главе), нельзя отрицать также воздействие народов Малой Азии и Месопотамии. Так, употребление глиняных табличек в качестве писчего материала несомненно восходит к Вавилону; точно так же изображение богини плодородия, изображения героев или богов, удушающих львов, существ, представляющих собой помесь человека с животным, божества, стоящего на возвышенности, с симметрично, наподобие герба, расположенными львами и грифами, характерны для искусства Передней Азии. На Крите найдены также печати несомненно вавилонского и хеттского происхождения.

¹⁹ Критяне.

²⁰ Характерно, что в Греции имеется целый ряд городов, называемых «Миной», и как раз на этих местах имеются остатки крито-микенской культуры. Такие «Миной» имеются как раз в Мегаре и Сицилии, куда, по преданию, ходил походом Минос. Если даже поводом к легенде послужило существующее название, то самые эти названия достаточно любопытны.

Однако обратное влияние Крита на эти государства было не меньшим. В XIV в. в эпоху фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV в египетском искусстве происходит резкий сдвиг. Шаблонные, условные, безжизненные изображения сменяются поразительными по свежести реалистическими, чрезвычайно похожими на критские. Это стремление к реализму и движению совершенно чуждо египетскому искусству предшествующих и последующих веков; по мнению специалистов, культура эпохи этих великих фараонов насквозь пропитана критским влиянием.

Крит был, таким образом, в семье великих древневосточных государств не отсталой примитивной общиной, а одним из наиболее передовых и культурных центров.

Данные раскопок показывают правильность приведенных выше сообщений древних авторов: Крит действительно был единым централизованным и очень могущественным государством, господствовавшим на море. Наиболее показательным в этом отношении отсутствие городских стен в критских городах, в противоположность микенским, о которых мы будем говорить ниже, и наличие прекрасных, сложенных из крупных плит, дорог между главными центрами Крита — Кносом и Фестом. Это показывает, что Крит образовывал единое государство и что критяне не боялись нападения с моря, а следовательно, действительно располагали сильным флотом и имели широкую возможность заниматься морской торговлей. С этим прекрасно гармонирует и содержание настенных изображений на Крите. В египетских, а впоследствии и в микенских, дворцах любимой темой фресок было изображение сражений и побед — очевидно, и египтянам, и впоследствии микенцам приходилось вести непрерывные войны. В критских дворцах такие сцены вовсе отсутствуют: очевидно, Крит в течение долгого времени не вел войн, так как господствовал на море.

Каков же был внутренний строй Крита? Как мы видели, сообщения древних авторов говорят о том, что Крит управлялся могущественным монархом. Разумеется, данные раскопок не позволяют нам видеть в критском владыке монарха типа Августа; с другой стороны, разобранные нами данные археологических и литературных источников делают совершенно невозможной мысль о родовом строе на Крите в эпоху его высшего могущества, а следовательно и о царе — родовом вожде. Но и для классового общества нам известны более примитивные формы царской власти, например, в Египте. Любопытно, что здесь монарх считается одаренным сверхчеловеческой божественной силой; он мыслится либо как самостоятельное божество, либо как земное воплощение, или как сын небесного божества. Египетский фараон считался земным воплощением бога Ра и в то же время его сыном: отцом каждого фараона считался не его земной отец, а бог Ра, во время особого религиозного об-

ряда якобы вступающий в общение с будущей матерью фараона.

По господствовавшему тогда представлению здоровье и благополучие такого божественного царя было теснейшим образом связано с плодородием женщин, скота, деревьев и хлебных злаков: как только царь начинал слабеть или стареть, начинала стареть и природа. Поэтому божественных царей сплошь и рядом убивали при наступлении первых признаков старости и на их место избирали других, более молодых. Этот бесчеловечный обычай впоследствии сменился в ряде мест другим: по истечении определенного срока (в районе Средиземноморья, по-видимому, после восьми лет) царь должен был отказаться от престола. Далее этот обычай еще более смягчается: по истечении срока царь отказывается от престола, но затем по воле богов снова вступает на престол на такой же срок.²¹

Если мы примем в соображение, что на Крите, как в Египте и в некоторых местах древнейшей Греции (память о чем сохранилась в пережитках в позднейшей Греции), верховное божество мыслилось в образе быка (это подтверждается и археологическими раскопками), то мы увидим, что критский царь несомненно был богоцарем вроде фараона. Согласно мифу, критский царь Минос — сын бога Зевса; его жена сходится с быком и рождает Минотавра — получеловека-полубыка. Как мы говорили уже выше, по преданию Афины были когда-то в зависимости от Крита и критская культура оказала большое влияние на афинскую. В Афинах царская власть была уже рано отменена. Но должность царя (басилея) сохранилась, хотя он и выбирался только на год и выполнял лишь некоторые религиозные и незначительные административные обязанности. Однако жена этого «царя» — «царица» (басилинна) сохранила с древнейших времен довольно странные функции; она должна была отправляться в особое здание, называемое «бычьим стойлом» (буколейон) и там вступала в мистическое брачное общение с богом Дионисом, очевидно мыслившимся первоначально в виде быка. Этот обряд, восходящий, по-видимому, к Криту, показывает нам истинный смысл мифа о минотавре: первоначально критская царица вступала в мистический брак не с быком, посланным богом (как говорит легенда о минотавре), а с самим богом в образе быка.

Легенда сохранила нам воспоминание и о том, что критский царь, подобно другим божественным царям, в конце восьмилетнего периода слагал с себя царскую власть и затем снова назначался верховным божеством на тот же срок на эту должность. «Одиссея» рассказывает следующее:

²¹ Соответствующий материал собран в книге Дж. Фрезера «Золотая ветвь».

В городе Кносе... царствовал Минос Каждый девятый год собеседник Крониона мудрый.

Платон в «Миносе» сообщает в пояснение этого места Гомера, что Минос уже в детстве был воспитан Зевсом, а затем в конце каждого восьмилетнего периода удалялся в пещеру Зевса, чтобы отдать отчет Зевсу, как он выполнил его приказания. Он основал также, прибавляет Платон, великую морскую державу, покорив большую часть островов, и первый из эллинов властвовал на море; он прославился мужеством и справедливостью.

Есть основания думать, что запутанное здание — Лабиринт, о котором мы говорили выше, излагая миф о Тезее, и есть раскопанный в Кносе дворец с его чрезвычайно сложной системой комнат. В кносском дворце в самых различных местах на стенах находятся изображения двойной секиры. Мы имеем также изображения богов и молящихся, держащих в руках такую же двойную секиру, или людей, приносящих жертву такой двойной секире. Такая секира в классическое время называлась на Крите и у карийцев (которые, по Геродоту, пришли из Крита) *labrys*. Далее, заключающийся в слове *labyrinthos* суффикс *-uth-* характерен для до-греческих слов, вошедших в греческий язык. Наконец, карийский Зевс, вооруженный такой же двойной секирой, называется Зевсом Лабраиндским (город, где находится его храм, также называется Лабраинда). Поэтому лабиринт (*labyrinthos*), очевидно, означает «дом двойного топора», так что это, по-видимому, историческое название кносского дворца. Точно также на критских печатях найдены изображения человека с головой быка, соответствующие легендарному Минотавру.

Таким образом, есть все основания полагать, что критский царь был типичным «богоцарем», характерным для древневосточных государств.

Как мы уже говорили выше, искусство Крита достигло исключительной высоты. Его не только нельзя сравнить с искусством великих стран древнего Востока — Египта, Ассирии и Вавилонии, но и греческое искусство VI в. лишь изредка поднимается на ту высоту, которой достигло искусство Крита. В критском искусстве поражают тонкая наблюдательность, любовь к природе, исключительная динамичность и благородство красок. Достаточно сравнить критские рисунки с рисунками IX, VIII вв. — так называемыми изображениями геометрического стиля, чтобы видеть, как глубоко было падение искусства за протекшие восемь столетий. Конечно, и эти геометрические рисунки сохранили кое-что от критского искусства, и в них можно иногда увидеть проблески таланта, но в целом мы имеем несомненную «варваризацию» — эти рисунки напоминают рисунки детей или дикарей, стоящих на самой примитивной сту-

пени культуры. Характерно, что этот процесс варваризации был постепенным: микенские рисунки, подражающие критским, уже значительно хуже их; а рисунки конца микенского периода уже представляют собой нечто среднее между критскими и геометрическими рисунками.

Наоборот, в промежутке между 2000 и 1400 гг. заметен непрерывный подъем искусства; уже к началу второго тысячелетия относится целый ряд художественных изделий: сосуды из камня, металлов и глины, замечательное оружие, украшения для тела, печати, резные камни. Изделия эти весьма разнообразны и показывают, что художественные навыки культивировались в течение долгого времени. Особенно характерна разрисовка сосудов этого времени (так называемый стиль Камарес, по имени нынешней деревни Камарес, близ которой эти сосуды найдены).

Они выделяются яркой, пестрой раскраской и строгостью своих стилизованных форм; изображены на них, главным образом стилизованные растения. Эти глиняные сосуды представляют, очевидно, подражание металлическим образцам и являются прекрасным образчиком того, как действительно одаренный художник «обгрызает» даже те преграды, которые ставит ему труднообрабатываемый материал; строгость и стилизация форм первоначально были, по-видимому, вызваны трудностью передачи деталей рисунка при чеканке металла.

Примерно с 1700 г. искусство Крита становится гораздо более реалистическим и динамическим. Искусство стремится воплотить движение; подвижность фигур и верность схваченных положений искупают анатомические ошибки в изображении мужского тела, присущие критскому искусству (в угоду господствующей моде мужчин изображали чрезмерно худощавыми с непомерно узкой талией и непомерно развитыми мускулами). Другими такими же условностями является изображение глаза en face, в то время как все лицо изображено в профиль; изображение мужского тела коричневым цветом, а женского — белым. Все это, несомненно, влияние египетского искусства, но в Египте и все прочие стороны изображения подчиняются этим условностям, критяне же их преодолели, заменив глубоко реалистическим изображением природы, так что сохранившиеся условности почти не портят общего впечатления.

В эту эпоху прототипом изображений на сосудах является стенная живопись: роспись сосудов — лишь искусство второго разряда. К сожалению, от стенной живописи сохранилось немного. Основная тема этой живописи — сцены мирной жизни, особенно праздничные обряды, процессии, сцены ловли и приручения быков, бой быков (вернее: игра с быками). С большой любовью изображена и природа: сады, луга, море с рыбами и птицами, растения, животные — например, быки, львы. Изображены и животные, не водившиеся на Крите (например, кошки, павиан).

Перечислим сюжеты наиболее интересных критских рисунков. Чрезвычайно красиво и жизненно изображение мальчика, собирающего на лугу цветы в сосуд. Очень интересна также группа кокетливых элегантных женщин с искусной прической и длинными прядями черных волос, падающих на грудь, в платьях с глубоким декольте, с очень узкой талией и широкими вздутыми рукавами. Самая раскраска платьев — сочетание голубого и желтого цветов — очень изящна. Дамы сидят рядом друг с другом, и, по-видимому, ведут между собой разговор; позади них стоят мужчины. Не менее интересно изображение воина, стоящего навтыжку перед бородатым военачальником, с пером на голове, держащим на плече палку. Не менее любопытны и фрески, изображающие пейзажи. Краски этих пейзажей необыкновенно яркие и жизненны. На одном из них изображен пестрый фазан, сидящий на ветке, из-за куста выглядывает дикая кошка, бросающая на него жадный взгляд. На другой фреске бурый бык пробирается между деревьями и раздвигает рогами ветви. На третьей заяц бежит по покрытому травой и цветами лугу. Обычны также изображения дельфинов, рыб, полипов, цветов и т. д. Очень интересны и рельефные изображения — например, фаянсовая статуэтка, изображающая козу с сосунком — сцена выполнена очень живо; и здесь верность позы искупает анатомические ошибки. Эд. Мейер в своей «Истории древности» помещает на рисунке рядом друг с другом критское изображение юноши с сосудом, сделанное египетским художником. Пропасть между настоящим художественным искусством Крита и ремесленной техникой египетских рисовальщиков прямо поражает.

Очень красив и критский орнамент, имеющий в основе религиозно-магический момент: он, по-видимому, возник из изображений священных предметов и символов, которые делались на зданиях и предметах, чтобы защитить их от злых духов (как впоследствии христианский крест). Такими изображениями были двойной топор и голова быка: из чередования их с растениями и изображениями полипов и получился критский орнамент, представляющий собой резкий контраст с греческим прямолинейным орнаментом.

Мы уже обращали внимание на отсутствие симметрии в критских зданиях. В этом основное отличие критского искусства от искусства древней Греции. В основе искусства древней Греции, начиная уже с изображений геометрического стиля, лежит любовь к прямым линиям и к симметрии, любовь к архитектурности. Наоборот, критское искусство сознательно избегает прямых линий и симметрии. Этим и объясняется то, что архитектура Крита не заключала в себе элементов художественности, так как всякая архитектура основана на прямых линиях и симметрии. Критские дома не имеют фасада; коренастые приземистые колонны, суживающиеся книзу, выполняли лишь функ-

ции подпорок, а не интегрального художественного элемента; планы зданий беспорядочны, не представляют собой художественного целого, и даже входная дверь расположена сбоку. Точно так же критский город представляет собой беспорядочное нагромождение домов с кривыми, извилистыми улицами.

О высоком культурном уровне Крита говорит и развитая письменность, вовсе отсутствующая в последующую, гомеровскую эпоху. Подобно вавилонянам, критяне писали на глиняных табличках. Древнейшие письма (2000—1700 гг.) носят пиктографический характер — это изображения людей, частей тела, утвари, животных, растений и т. д. Очень вероятно, что эта письменность возникла под влиянием египетских иероглифов.

Несколько особняком от других критских иероглифов стоит найденный в 1908 г. в Фесте знаменитый глиняный диск, покрытый с обеих сторон письменами. Письмена эти идут спиралью от центра к окружности, представляя собой сравнительно хорошо выполненное изображение людей, птиц, рыб, растений, одежды и инструментов. Есть основание думать, что этот текст написан слоговым письмом и что перед нами какой-то религиозный гимн с повторяющимся рефреном. Особый интерес представляет встречающееся здесь изображение ручных оков.

Около 1700 г. на Крите происходит тот же процесс, который задолго до этого имел место в Египте. Подобно тому как в Египте ради удобства и быстроты письма иероглифические изображения были упрощены в так называемый иератический шрифт, так и на Крите иероглифический шрифт преобразуется в линейный.²²

Хотя в одном Кносе найдено более 1500 табличек с письменами, они до сих пор не разобраны; интересные попытки англичанина А. Эванса, финна И. Зундвалла и других пока к убедительным результатам не привели. Причина, очевидно, в том, что нам совершенно не известен язык, на котором говорили на Крите, а язык этот, очевидно, не индоевропейский. Правда, до нас дошло несколько надписей, написанных греческими буквами на этеокритском («собственно критском») языке, но и их понять до сих пор не удалось. Шансы на расшифровку этих надписей значительно увеличились с нахождением в 1939 г. большого числа таких же надписей на материке Греции (см. ниже, стр. 96—97).

²² Различных знаков всего восемьдесят, и некоторые из них имеют большое сходство со знаками слогового (силлабического) шрифта, который еще в V и IV вв. применялся для написания греческих слов на о. Кипре: есть все основания думать, что и критский шрифт был силлабический и что из него непосредственно развился микенский шрифт (см. ниже о надписи из Асины близ Микен) и затем кипрский. Однако некоторые из критских знаков, как полагают, служили для обозначения той смысловой группы, к которой принадлежало данное слово (идеограммы, как в Египте).

О высоком культурном уровне критян говорит также замечательное развитие техники. Мы говорили уже, что в критских дворцах существовал водопровод, водяные уборные и ванны.

Любопытно, что Гомер сохранил еще воспоминание о крито-микенской ванне; он называет ее догреческий словом «асаминт» с тем же суффиксом -нт (-nth-), который имеют древнекритское имя царя «Радамант» и слово «лабиринт», о котором мы говорили выше. Греки в древнейшее время уже не знали теплых ванн, и только в конце V в. эти ванны появляются снова.

Эти водопроводные сооружения заставляют нас думать, что критяне были, хотя бы практически, знакомы уже с основами гидравлики, а развитие мореходства и дальние морские путешествия приводят к заключению, что они были знакомы и с основами астрономии.

Религия Крита, как и всякая религия, была наиболее косным элементом общественной жизни и носила в значительной мере пережиточный характер, не отражая живых общественных отношений. Тем не менее сложность критской религии, наличие в ней различных, взаимно исключающих элементов, говорит о сложной, весьма развитой общественной организации с глубоким прошлым.

С одной стороны, здесь был очень развит культ умирающих и рождающихся божеств, культ богини плодородия (Афродиты), обнаруживающий непосредственное влияние восточных культов (таково, например, дошедшее до нас на одной из печатей изображение богини плодородия, стоящей на возвышенности и окруженной с двух сторон симметрично львами). Находим мы и следы симпатической магии: найдены грубо сделанные изображения отдельных членов человеческого тела, приносившиеся в храмы богов-целителей.²³ С другой стороны, характерен культ, не сопровождающийся изображением божеств ни в виде людей, ни в виде животных. Храмы отсутствуют; божества чтутся на алтарях под открытым небом, в пещерах и на горах; жертвоприношения и молитвы, как мы видим из критских рисунков, совершаются на обнесенных оградой священных участках перед священными камнями, деревьями, столбами, священным символом — двойным топором, может быть, также перед священным треном божества. Здесь мы имеем несомненно пережитки фетишизма: первоначально эти деревья, столбы и камни сами мыслились как божества; на одном критском рисунке изображено даже дерево, отвечающее поклоном на благочестивые приветствия. Но культурная часть критского общества, по-видимому, уже мыслила богов в виде человекоподобных духов, незримо обитающих в этих священных предметах: на некоторых

²³ Этот способ борьбы с болезнями широко применялся не только в классической Греции, но даже в Германии XIX в. (см. стихотворение Гейне «Паломничество в Кевлаар»).

критских рисунках божество изображено в виде маленькой человеческой фигурки, парящей в воздухе рядом со священным предметом. Из этих фетишей особенно интересно изображение бога в виде круглого щита; в одном случае из-за щита выглядывают конечности и голова, чтобы символически выразить, что изображенный щит представляет собой божество. Понятно, что когда был изобретен щит из металла и кожи, закрывавший все тело воина и предохранявший его от вражеских стрел, он должен был казаться каким-то благодетельным божеством и стать предметом почитания.²⁴

Большую роль в критском культе играли также религиозные процессии и состязания. Особенно интересно изображение процессии жнецов (или молотильщиков), несущих на спине колосья и земледельческие орудия. О культовых играх с быками, отразивших приручение дикого быка, мы говорили уже выше.

Не чужд был критянам и культ злых божеств — демонов. На одном из рисунков страшный демон изображен в виде египетского бегемота, на другом — страшное морское чудовище нападает на лодку с гребцами; быть может, мы имеем здесь прототип гомеровского мифа о Скилле и Харибде.

Особо нужно отметить центральную роль, которую играла в культе женщина. И изображенные божества, и молящиеся перед их алтарями — главным образом женщины; большую роль играют женщины и в религиозных процессиях.

Погребение и заупокойный культ не играли большой роли на Крите. Покойники обычно хоронились в тесных глиняных гробах, раскрашенных всевозможными орнаментами и изображениями, имеющими магическое защитное значение; пышные гробницы относятся лишь к самому последнему времени и представляют собой, как думает Эд. Мейер, подражание купольным гробницам микенской культуры.

Критские погребальные обряды изображены на саркофаге из Агиа-Триада. Мы видим, что в жертву покойнику приносились бык и дикие козы, что флейтистки сопровождали жертвоприношение игрой на флейтах. Рядом находится изображение

²⁴ Изображение такого же типа («палладий»), по преданию, находилось в троянском акрополе, а позже оно преобразилось в богиню Афину, атрибутом которой остался щит, обладавший божественной силой: взглянувшие на него умирали. Замечательно, что в Беотии Афина и в позднейшее время чтится в виде щита, который изображается на беотийских монетах. На Крите, в городе Полиррени, вплоть до II в. символом государства был точно такой же щит. Любопытно, что между беотийскими Фивами и Полиррением сохранилась до позднего времени связь; возможно, что эта связь была культовой и отражала перенесение культа богини щита с Крита на греческий материк. Изображение богини, сидящей под деревом и получающей от женщин приношения в виде цветов, напоминает культ Елены Древесницы в Терапне близ Спарты. Она тоже почиталась в виде платана, который поливали маслом и украшали цветами; культ Елены и Менелая в Спарте, как мы покажем ниже, несомненно микенского происхождения.

божества (в данном случае, может быть, божества смерти) в виде двойной секиры, помещенной на верху высокого шеста; на этой секире сидит птица. (Любопытно, что смерть символизируется топором и изображением птицы еще на русских монетах XV в.) Далее мы видим, что в жертву покойнику приносятся плоды и пироги («кутья») и совершается возлияние кровью жертвенного животного. Рядом с деревом и алтарем находится миниатюрное изображение человека, которому также приносится в жертву два теленка. По аналогии с разобранными выше миниатюрными изображениями божеств, парящими в воздухе рядом со своим алтарем, Эд. Мейер предположил, что здесь изображен покойник, ставший божественным духом после смерти. Рядом имеется изображение, которое истолковывается как изображение богинь, уводящих покойника в загробный мир.

Наш очерк культуры и общественной жизни Крита носит, разумеется, чрезвычайно фрагментарный, а отчасти и проблематический характер. Так, например, мы очень много говорили о международных отношениях Крита, о торговле, о ремеслах. Между тем мы видели, что одним из главных предметов вывоза из Крита были земледельческие продукты. Религиозная процессия жнецов, о которой мы говорили выше, также показывает, какое большое значение имело сельское хозяйство в жизни Крита. Понятно, что читатель хотел бы узнать о земледельческом быте на Крите так же подробно, как он узнал о торговле и о ремеслах. Однако, для того чтобы удовлетворить любопытство читателя, пришлось бы прибегнуть к домыслам, так как сохранившиеся памятники, насколько я знаю, не содержат достаточно убедительного материала по этому вопросу. Равным образом и по вопросу об общественной организации на Крите наш материал не дает возможности сказать что-либо определенное, кроме того, что здесь была сильная централизованная монархия, а следовательно государство уже сформировалось. Из наличия среди знаков критского алфавита изображения человека со связанными на спине руками и из изображения ручных оков можно, по-видимому, заключить что такое лишение свободы было обычным на Крите, и постулировать существование на Крите примитивного рабства. За это говорят, по мнению Б. Л. Богаевского, и обнаруженные в Кносе подземные темницы в виде колодцев. Впрочем, и априорно можно предположить наличие на Крите примитивного рабства, поскольку Крит входил в число древневосточных монархий. Далее, нахождение на Крите дорого стоящего, роскошного тяжелого вооружения, шлемов, кинжалов с инкрустациями и даже колесниц, а также различия в одежде и способах погребения показывают, что в критском обществе было резкое разделение на богатых и бедных. Но до тех пор, пока не расшифрованы критские письмена, на основании одних археологических памятников мы не можем восстановить в частностях картину критского

общественного строя; нам приходится довольствоваться утверждением, что критское общество было по своей структуре одним из древневосточных обществ.

Конечно, отнеся критское общество к числу древневосточных обществ, мы вовсе не обязаны представлять себе государственный строй Крита как точную копию с египетской или ассирийской деспотии. Древневосточные примитивно-рабовладельческие государства были чрезвычайно разнообразны, и, например,, по мнению ученых, в хеттском обществе был ряд элементов «народоправства». Точно также и в критском обществе прослеживается, несомненно, ряд демократических черт. Так, в театр, находившийся во дворце, допускался народ (он вмещал более 500 человек); нигде мы не находим сцен униженного преклонения перед царем или жестокой расправы с непокорными и пленниками, как это обычно на египетских и ассирийских рисунках. На ассирийских рисунках постоянно встречается изображение царя, причем фигура царя во много раз превосходит фигуры подданных. На Крите же вообще не найдено ни одного изображения, которое можно было бы с уверенностью считать изображением царя, и уж во всяком случае он не изображается в большем размере, чем прочие люди. Массовые сцены без всякой центральной фигуры традиционны для критского искусства. Наконец, бросается в глаза значимость женщины в критском обществе, что несомненно является пережитком матриархата. Все это не мешает нам видеть за этими отдельными чертами основное: наличие классового расслоения и примитивно-рабовладельческого общества.

Вопрос о национальности носителей критской культуры не представляет для нас такого интереса, как для историков-расистов, так как «чистых» наций и рас, по нашему убеждению, не существует, и язык не определяет происхождения. Что касается языка критян, то уже из того факта, что все попытки разобрать критские надписи ни к чему не привели, можно заключить, что этот язык не был индоевропейским. Наконец, наличие суффиксов -nth-, -SS- (например, в словах «лабиринт», «Кносс») показывает, по-видимому, что население Крита было родственна догреческому населению Балканского полуострова, где эти же суффиксы вошли в названия народов и некоторые другие греческие слова догреческого происхождения.

В заключение необходимо еще указать на то, что в советской науке недавно был выдвинут взгляд на критское общество, резко отличающийся от общепринятого. Этот взгляд был выставлен проф. Б. Л. Богаевским. С его точки зрения, критское общество даже в момент своего высшего расцвета было родовым, первобытно-коммунистическим, и ни о каком государстве на Крите не может быть и речи. Прежде я посвящал в своем курсе целый отдел полемике с этим взглядом; в настоящее время в этом не представляется необходимости, поскольку ни

один исследователь ни в Союзе, ни за границей не выступил печатно с обоснованной поддержкой точки зрения Богаевского.

Б. Л. Богаевский не привел ни одного серьезного аргумента в защиту своего взгляда. Он, несомненно, прав, указывая на сходство плана критских дворцов с планом так называемых больших домов в родовом обществе. Но нет ни одного древнего государства, в котором бы не сохранилось пережитков родового общества. Из наличия таких пережитков нельзя делать никаких выводов, тем более что план дворца, очень сходный с планом критских дворцов, теперь обнаружен в стране хеттов, где, несомненно, существовало государство. Ссылка Богаевского на сходство этих дворцов, как и критской культуры вообще, с дворцами и культурой некоторых американских народов не убедительна хотя бы уже потому, что, как указал мне проф. Мачинский, и в Америке мы имеем в соответствующем случае не родовое, а раннеклассовое общество.

К сожалению, приходится констатировать, что схема Богаевского не является удовлетворительной научной гипотезой, т. е. не объясняет наиболее простым и убедительным образом дошедший до нас фактический материал. Вдобавок у Богаевского неправильно понят марксистский принцип общественного развития: он считает необходимым, чтобы родовому обществу, существовавшему в раннегомеровскую эпоху, обязательно предшествовало, не только на материке Греции, но и в других местах, еще более примитивное родовое общество. Однако, рассуждая так, он должен был бы и хеттское (в Малой Азии), и вавилонское, и египетское общества, хронологически предшествующие гомеровскому, считать родовыми, а это заведомо противоречит действительности. Таким образом Б. Л. Богаевский в сущности подменяет диалектическую теорию Энгельса прямой схематической «теорией прогресса» — теорией К. Бюхера.

МИКЕНСКОЕ И ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

1. КЛАССОВОЕ И РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО НА МАТЕРИКЕ ГРЕЦИИ

На историческом материале можно без труда показать, что не так редко в одно и то же время в географически довольно близких местах существуют общины, принадлежащие по своему устройству к различным общественным формациям. Достаточно сравнить общественный строй ранней Византии со строем смежных обществ на территории нынешней Украины или общественный строй нынешних эскимосов (Аляска) с общественным строем живущих рядом с ними американцев и т. д. В пограничных областях между общинами, столь различными по своему строю, нередко наблюдаются весьма причудливые и отступающие от обычного шаблона картины развития. Нередко общество с родовым строем вследствие соседства более высоко развитых народов переходит на высшую, классовую стадию развития значительно быстрее, чем это произошло бы при нормальных условиях; в других случаях долго держатся причудливые переходные формы с наличием, казалось бы, непримиримых друг с другом элементов, принадлежащих к той и другой формации, и, наконец, зарегистрировано немало случаев, когда оазисы классового общества, находящегося в стадии внутреннего распада и разложения, не могут удержаться в окружении примитивных родовых общин; здесь классовое общество уступает место более примитивному, родовому. Сходное явление мы наблюдаем, например, в некоторых местах Европы в эпоху падения Римской империи, когда римское рабовладельческое общество сменили остготы, лангобарды, франки и т. д. с их разлагающейся родовой общиной — маркой, фарой и т. п.

В материковой Греции и в течение всей классической эпохи между передовыми городскими общинами Востока и рядом примитивных племенных организаций Запада существовала глубокая пропасть. В общинах Запада родовой строй не разложился еще окончательно даже в V в.; здесь почти отсутствует город (полис); нет внутренней безопасности — люди выходят из дому только с оружием; сохранилась родовая месть; рабство чрезвычайно мало распространено и носит патриархальный характер; свободное население состоит сплошь из крестьян с слабо выраженным классовым разделением; торговля и ремесло не играют никакой роли и т. д. Наоборот, в передовых полисах Востока в это же время рабство достигло высокого развития — рабы

массами покупаются на рынках и массами работают в мастерских и рудниках; свободные граждане резко разделяются на богачей и бедноту, на земледельцев и торговцев с ремесленниками и т. д.; между всеми этими группами идет ожесточенная, подчас кровавая борьба.

Если даже в наше время при чрезвычайно быстром и оживленном обмене между самыми различными местами земли могут сосуществовать на близком расстоянии друг от друга общества различных формаций, то чем дальше мы уходим в глубь веков, чем менее развит обмен и чем затруднительнее сношения, тем больше шансов встретить и общества различных формаций в непосредственном соседстве друг с другом.

Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы мы во втором тысячелетии до н. э. увидели в Греции картину, слабым отражением которой было отношение между западными и восточными общинами Греции в V в., т. е., с одной стороны, классовые общества, экономически и культурно связанные с Критом, а с другой — примитивные родовые общины.

Материал, находящийся в нашем распоряжении, заставляет считать такое предположение наиболее вероятным. С одной стороны, как показали Морган, а вслед за ним Энгельс, явные пережитки родового строя в классической Греции заставляют постулировать родовой строй; переход от этого строя к государственному завершился лишь в конце VI в. С другой стороны, изучение памятников критской культуры и родственных ей памятников греческого материка заставляет нас, как мы увидим, думать, что в отношении экономического развития крито-микенское общество стояло не только значительно выше общества следующей эпохи, условно называемого гомеровским, но во многих отношениях и выше греческого общества VII—VI вв.

Действительно, как мы уже говорили, на материке Греции Шлиман, а вслед за ним и ряд других исследователей нашли памятники XVII—XII вв. до н. э. Памятники эти настолько близки по стилю к критским, что, не зная места их нахождения, их можно было бы принять за критские. Памятники эти найдены в самых различных районах материковой Греции — от Фессалии на севере до Лаконии на юге и Мессении на западе; но больше всего их найдено в Микенах. Поэтому все эти памятники принято называть памятниками микенского искусства, а общество, создавшее их, — микенским обществом. Сходство между критским и микенским искусством так велико, что некоторые ученые склонны были считать чуть ли не все эти памятники награбленными или привезенными с Крита. В последнее время около Микен и Тиринфа при раскопках обнаружены гончарные печи. Это показало, что микенская керамика при всем ее сходстве с критской была местного происхождения, а не привозилась с Крита. Более того, в настоящее время удается по

характеру и химическому составу глины определять происхождение сосуда. Обнаружилось, что немногие из этих сосудов привезены с Крита, тогда как большая часть их создана в различных местах греческого материка. Изучение памятников показало, что можно констатировать некоторую разницу, с одной стороны, между изделиями Крита и материка, с другой — между различными центрами производства на материке. Однако все эти местные особенности весьма незначительны, так что мы имеем полное право говорить о крито-микенской культуре как о едином целом.

При сличении памятников искусства различных эпох микенской культуры мы наблюдаем непрерывную деградацию — процесс, который историки искусства называют варваризацией. Еще значительно беднее и гораздо более примитивное впечатление производят памятники X—VIII вв., т. е. памятники той эпохи, которую мы называем гомеровской. В искусстве этой эпохи преобладают прямые линии и зигзаги, рисунки крайне схематичны, нереалистичны, беспомощны. Этот стиль носит название геометрического. Впрочем, в этом искусстве еще сохранились следы высокой техники микенской эпохи. Микенская культура не умерла — отдельные ее памятники еще существовали, отдельные навыки сохранились, и из этих навыков впоследствии выросла классическая греческая культура.

С другой стороны, в гомеровском обществе были некоторые данные для быстрого и высокого развития техники, отсутствовавшие в микенскую эпоху. В микенскую эпоху железо было драгоценным металлом; оружие и различные орудия делались из бронзы. В гомеровском обществе железо становится все более доступным и получает широкое распространение.

2. «ИЛИАДА» И «ОДИССЕЯ» КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ МИКЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Как мы говорили выше, Гомер описывает могущественную державу микенского царя Агамемнона и поход греков под Троию. Раскопки Шлимана с несомненностью показали, что эти события относятся к микенской эпохе, т. е. что Гомер (вернее, гомеровские певцы) стремился изобразить в своих поэмах микенскую эпоху, воспоминания о которой еще жили в это время в народной памяти. Однако гомеровские поэмы — эпические поэмы, а в эпических поэмах, как мы говорили уже выше, совершенно неизбежно, во-первых, смешение исторических фактов с мифологическими, а во-вторых, — анахронизмы. И то и другое должно быть налицо у Гомера, и мы уже априори должны ждать, что и в гомеровских поэмах на чисто историческом фоне разыгрывается мифологический сюжет.

Действительно, такой сюжет положен в основу всего мифа о Троянском походе: заморский царь похищает царевну или ца-

рицу; два брата отправляются спасать ее; после долгих перипетий они спасают ее и возвращают на родину. Этот сюжет мы находим в сказках различных народов, но нам незачем так далеко идти: он очень обыкновенен и в греческой мифологии; в частности, мы имеем другую такую же версию похищения Елены, где о походе на Трою нет и речи: Елена была похищена афинским царем Тезеем; два ее брата, Кастор и Полидевк, отправляются в Аттику спасать ее; они наносят поражение Тезею, разрушают крепость Афидны и возвращают Елену на родину.¹

Другой миф, положенный в основу эпизода, описываемого в «Илиаде», такой: от брака сверхъестественного существа с человеком рождается герой, которому суждено совершить героический поступок, но умереть в раннем возрасте, причем виновницей его смерти является его собственная мать. Это фессалийский миф; с ним сходен этолийский миф о Мелеагре, где, кстати, так же, как в «Илиаде», речь идет о гневе героя.

Ясно поэтому, что и у Гомера, как и в русских былинах, должен быть ряд анахронизмов. Для выделения этих анахронизмов необходимо разбить гомеровские поэмы на ранний и поздний слой, используя для этой цели данные археологии. Эта работа проделана М. П. Нильссоном в его классической книге «Homer and Mysenae» (1935).

К позднему слою, явно не имеющему отношения к микенской эпохе, относится прежде всего упоминание финикиян как купцов, ведущих морскую торговлю в греческих городах. В микенскую эпоху финикияне такой роли не играли. Мы видели, что критяне господствовали на море; народы микенской культуры, как мы увидим, также были специалистами морского дела и в торговом посредничестве не нуждались. Из других народов широкую морскую торговлю вели в это время тирренцы, египтяне, но никак не финикияне. Между тем в «Илиаде» и «Одиссее» почти всюду в качестве торговцев фигурируют финикияне; можно найти одно-два упоминания о торговцах-греках, но к ним относятся с презрением. Характерно, что финикийцы здесь часто называются сидонянами. Приблизительно до 1100 г. значительным торговым городом в Финикии был не Сидон, а Библ; после 677 г. эта роль переходит к Тиру. Таким образом, здесь имеется в виду обстановка не микенской эпохи, а примерно 1000—700 годы.

Не менее характерно упоминание железа. Не забудем, что крито-микенская эпоха была бронзовым веком, когда всякого рода орудия и оружие делались из бронзы, а железо употребля-

¹ Эд. Мейер обратил внимание на то, что в «Илиаде» похититель Елены называется то Александром, то Парисом; он остроумно объяснил это тем, что в греческом мифе, легшем в основу «Илиады», похитителем царицы был греческий царевич Александр (Александр — греческое имя); когда этот миф был спроецирован в обстановку похода ахейцев в Малую Азию, грека Александра пришлось отождествить с троянцем Парисом.

лось как драгоценный металл. Наоборот, в X—VII вв., когда создавались гомеровские поэмы, орудия и оружие делаются уже из железа. В «Илиаде» и «Одиссее» почти всюду речь идет о бронзовом оружии, но упоминается и железо. Правда железо упоминается в «Илиаде» очень редко, а в «Одиссее» довольно редко. Но поэт выдает себя тем, что незаметно для себя употребляет железо в метафорическом смысле, в пословицах и поговорках. Так, вместо того, чтобы сказать «суровая, неумолимая душа», он говорит: «железная душа». В «Одиссее» (XVI, 294) Телемах предлагает убрать (медное) оружие из комнаты, при этом он хочет сказать: «оружие невольно влечет людей к брани» и употребляет пословицу: «железо само влечет к себе мужей». Железо могло получить значение оружия вообще, а слово «железный» — смысл «суровый, жестокий» тогда, когда уже давным-давно оружие делалось из железа, и это казалось чем-то само собой разумеющимся.² Правда, эти анахронизмы — исключение, но они показывают, что поэмы в их теперешнем виде сочинялись в позднюю эпоху. Поэт всеми силами старался правильно передать колорит микенской эпохи, и в общем это ему удавалось. Так, в «Илиаде», XI, 632, мы находим такое описание кубка Нестора:

.. На нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой,
Будто клевали, золотые, и были внизу две подставки.

Это описание было совершенно непонятно до тех пор, пока Шлиман не нашел в Микенах кубок, соответствующий этому описанию; только ручек здесь не четыре, а две. Ясно, что автор перенял эти стихи от поэта, близкого к микенской эпохе.³

² Другие примеры. У Гомера три раза упоминаются роскошные двойные булавки (фибулы): «Илиада», XIV, 180; «Одиссея» XVIII, 292; XI, 401-В последнем месте, например, читаем:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотую прекрасной, с двойными крючками,
Брошь держалась мантия. Мастер на броши искусство
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял... и т. д.

Между тем двойные булавки появляются только в самом конце микенской эпохи, и то чрезвычайно простые и скромные. Описанная здесь булавка с резными изображениями характерна для очень поздней эпохи (VII—VI вв.); наконец, как указал Нильссон, упоминаемые в «Илиаде» локоны у мужчин характерны лишь для IX—VII вв.; к столь же поздней эпохе относятся описанные у Гомера женские головные уборы и изображения медведя.

³ Другие примеры. В «Илиаде», X, 261, читаем:

На главу же надел Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда, и туда, воздымаясь
В стройных, красивых рядах.

Наконец, поэт умышленно избегает говорить о железном оружии и железных изделиях своего времени и всюду заменяет железом бронзой. В «Илиаде» на 329 упоминаний бронзы приходится 23 упоминания железа (1/14); в более поздней поэме «Одиссее», на 103—25 (1/4). При этом в «Илиаде» железо упоминается как материал, из которого сделано оружие или орудие, только три раза; зато оно часто упоминается как драгоценный металл, чем оно и было в микенскую эпоху.

Итак, сравнение описываемых у Гомера предметов с археологическими находками показывает, что мы здесь имеем дело с двумя слоями: один описывает микенскую эпоху, другой — значительно более позднюю эпоху, современную поэту.

К такому же выводу можно прийти из изучения языка «Илиады». Я не могу здесь подробнее заняться этим вопросом, так как не могу предполагать у моих читателей знания греческих диалектов. Укажу только, что гомеровские поэмы написаны на языке, на котором никто никогда не говорил. Ионийские формы преобладают в поэмах Гомера, так как сам поэт говорил на ионийском диалекте и вряд ли умел свободно выражаться на ахейском: он жил, как единодушно утверждает литературная традиция, в ионийских колониях Малой Азии, где на ахейском языке никто не говорил. Но наряду с ионийскими у него встречаются эолийские и, что для нас всего интереснее, более древние ахейские формы.

Следовательно, в гомеровских поэмах автор пытается изобразить микенское общество; но, будучи не историком-антикваром, а поэтом, он невольно привносит в свое описание ряд черт своей эпохи, совершенно неуместных в микенскую эпоху. Такую же картину мы наблюдаем впоследствии даже в исторических драмах Шекспира, — тем более естественны эти анахронизмы у неграмотного сказителя X—IX вв. до н. э.

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее: многих исследователей поражало несоответствие между изображением общественной жизни в различных частях гомеровских поэм. В одних местах речь идет о могущественном микенском царе, власти которого подчиняется почти вся Греция, в других местах поход на Трои изображен как совместное предприятие многих равноправных греческих царей; Агамемнон лишь избран ими как руководитель данного похода, но даже

Шлем, точно соответствующий этому описанию, дважды изображен на микенских рисунках. Кроме того, до нас дошли пластинки из сплава, имитирующие зубы вепря, с дырочками для прикрепления их к шлему.

В «Одиссее», VII, 86, так описаны стены богатого дома:

Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом из синего камня.

Такой карниз из синего стекла также найден при раскопках в Микенах, как найдено и «медное жало копья, а кольцо вокруг него золотое», дважды упоминаемое в «Илиаде» (VI, 320; VIII, 495).

в военное время остальные цари неохотно подчиняются его руководству и всячески ропщут. В одних местах Агамемнон самодержавный властитель, в других — решающая власть принадлежит народному собранию. Эти разногласия дали даже повод к курьезному спору: одни ученые говорят о военной демократии и примитивном родовом обществе в поэмах Гомера, другие — о централизованной монархической власти, третьи о господстве аристократии и т. д. С этим связан и вопрос о том, в каких кругах возникли гомеровские поэмы.

Если мы вспомним то, что было сказано выше о различных слоях в поэмах Гомера, то мы должны будем прийти к выводу, что самая постановка вопроса в этих спорах неправильная. Мы должны будем задать вопрос: не обстоит ли дело с общественным строем так же, как с торговлей и вооружением? Нельзя ли допустить, что Гомер пытается изобразить общество микенской эпохи, но невольно вносит в него ряд черт, характерных для того времени, когда жил автор? Общество этого времени возникло из общественных образований двух типов: с одной стороны, из отсталых родовых общин греческого материка, находившихся в стадии прогрессирующего развития, с другой стороны — из передовых общин критского типа с классовой структурой, находившихся в стадии глубокого упадка и разложения. Поэтому можно уже априорно сказать, что гомеровское общество гораздо ближе к первобытному родовому обществу, чем более древнее микенское, но в то же время имеет гораздо более импульсов для быстрого прогресса классового расслоения, чем всякое другое родовое общество.

3. МИКЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Раскопки в различных местах Греции показали, что культура, широко распространившаяся в XVI-XIII вв. по материковой Греции, была чрезвычайно близка к критской. Любопытно, что наиболее выдающиеся художественные памятники критского искусства найдены как раз на материке. Таков, например, кубок из Вафио (в Лаконии) с изображением охоты на быков и их укрощения; это, несомненно, лучший из всех памятников критского искусства. Наряду с этими изделиями здесь найдены изделия местного производства, сходные с изделиями критского искусства и лишь немного им уступающие. Далее, как мы говорили уже, здесь найдены и изделия, представляющие собой неуклюжие подражания критским изделиям, — то, что в искусстве называется «варварским подражанием». И, наконец, рядом с обломками сосудов высокого критского искусства, в одних и тех же гробницах найдены совершенно грубые изделия местной работы, представляющие собой резкий контраст с критскими изделиями: рядом с прекрасными лакирован-

ными критскими сосудами, покрытыми стильными художественными изображениями, — сосуды из плохо обработанной матовой глины, тускло разрисованные линейными орнаментами или кругами и спиралями; иногда даже эти рисунки просто нацарапаны. Наряду с художественными изображениями из Крита здесь находятся грубые идола, изображающие богинь, и примитивно вылепленные изображения коров из плохо обработанной и плохо покрашенной глины или изображения человека на лошади, напоминающие рисунки первобытных людей на самых низких стадиях культуры.

Совместное нахождение предметов столь различных культур может служить лишним подтверждением нашего предположения об одновременном сосуществовании на материке Греции общин критской культуры и общин первобытно-родовых. Разумеется, в этом случае между общинами того и другого типа должны были существовать какие-то взаимоотношения, ближе, однако, нам неизвестные. Вряд ли эти отношения ограничивались меновой торговлей; вероятно, немало этих родовых общин было путем вооруженного нападения или экономической кабалы превращено в поселения рабов и другого рода зависимых людей; несомненно, эксплуатация и грабеж этих общин носили подчас жестокие и грубые формы. Тем не менее наличие в классическую эпоху в западной Греции ряда свободных общин примитивного типа показывает, что на многие области этот процесс порабощения вовсе не распространился, а в других местах носил временный и непрочный характер.

Археологические памятники микенской культуры дают право заключить, что жители микенских городов, в отличие от жителей Крита, не чувствовали себя в безопасности и должны были постоянно опасаться набегов извне. За это говорит наличие здесь, в противоположность Криту, укрепленных замков и городских стен, сложенных из вытесанных и пригнанных друг к другу гигантских многоугольных камней. Эти камни чрезвычайно велики: греки думали даже, что они сложены великанами-киклопами. Действительно, такая постройка требовала мобилизации огромного количества человеческих сил, что уже было невозможно в Греции классической эпохи.

В связи с этим и сюжеты фресок, украшающих дворцы владетелей материковой Греции, существенно отличаются от сюжетов в дворцах Крита. Сражения, осада городов и т. д. — обычные сюжеты этих фресок. Можно полагать, что этим внешним врагом были все снова и снова прибывающие с севера орды греческих кочевников; возможно также, что эти укрепленные замки служили цели защиты правящего класса от восстаний угнетенных групп населения.

Стены, сложенные из гигантских камней, огромные дворцы, выложенные камнями дороги, колоссальные гробницы и т. д., требовавшие применения массы человеческих рук, вряд ли

могли быть выполнены на той стадии коллективом свободных граждан. По-видимому, мы имеем дело с тяжелой принудительной работой, которой властители обременяли подчиненное им население.

Далее, в курганах, насыпанных над микенскими гробницами, наряду с трупами животных, принесенных в жертву на поминках покойника, и с осколками сосудов, употреблявшихся при этом, найдены трупы людей, свидетельствующие и о человеческих жертвоприношениях на могиле. Такой заупокойный культ, при котором убивалось большое число людей, свидетельствует о наличии значительного числа рабов или, по крайней мере, военнопленных.

Обездоленному свободному населению, обремененному тяжелой барщиной, и рабам противостояла сильная и богатая аристократия. Микенские дворцы не дают уже возможности судить надлежащим образом о богатстве правящего класса, так как до нас дошли только остатки огромных дворцов и стенных фресок. Содержимое этих дворцов давно разграблено. Зато до времени Шлимана сохранился целый ряд гробниц, которые не успели разграбить, и они дают нам ясное представление о богатстве и могуществе этой знати. Так, близ Микен Шлиман обнаружил шесть подземных, так называемых шахтных гробниц, относящихся к XVI в., и пять надземных сооружений, так называемых купольных гробниц, относящихся к XV и XIV вв. В подземных гробницах найдено огромное количество чрезвычайно ценных вещей, положенных вместе с трупом. Это — диадемы, цепочки, привески, золотые пластинки в виде листьев, цветов, бабочек, каракатиц, сфинксов и т. д., которые микенские дамы, по-видимому, пришивали к своим платьям. Число золотых вещей, найденных в этих гробницах, равно нескольким тысячам. Находки в этих гробницах показывают, что правившая в Микенах аристократия была прежде всего военной аристократией. Так, здесь найдено очень много художественно выполненных мечей и кинжалов чрезвычайно разнообразных типов, с инкрустированными изображениями.

Мы вправе утверждать, что во главе этой богатой и могущественной аристократии стоял сильный монарх, власть которого простиралась на Пелопоннес, острова, а частью и на среднюю и северную Грецию. В пользу этого говорят данные археологических раскопок, хотя их одних было бы недостаточно для такого утверждения.

Просторные гробницы, наполненные золотом и другими драгоценными вещами и вмещавшие лишь несколько трупов, свидетельствуют не только о резком расслоении микенского общества на богатей и бедняков: этих гробниц так немного, что они скорее принадлежат правившим последовательно друг за другом могущественным властителям. В одном из гробов найден замечательный скипетр, обложенный золотом и украшенный

листьями из хрусталя, являющийся как бы роскошной репликой царского скипетра, описанного у Гомера.

Можно думать, что это царский скипетр и что мы имеем дело с гробницей царя.

Есть одно обстоятельство, дававшее некоторым исследователям право утверждать, что и в микенское время Пелопоннес был так же разделен на ряд независимых друг от друга общин, как в эпоху написания поэм Гомера. Всего в пятнадцати километрах от Микен находился город Тиринф с таким же крепким замком и с такой же городской стеной, как в Микенах. Из того, что на одной и той же равнине так близко друг от друга лежат два укрепленных города, делали вывод, что эта равнина была разделена между двумя независимыми государствами, Микенами и Тиринфом. В этом случае приходилось допускать, что прибрежная область принадлежала Тиринфу и что, следовательно, Микены не имели выхода к морю, а это совершенно невероятно, имея в виду то значение, которое Микены играют в эпосе. Против всего этого говорит и следующий факт: из так называемых львиных ворот в Микенах выходила целая сеть дорог, искусно выложенных из огромных каменных плит.

Дороги эти рассчитаны на одну колесницу (лошади и колесницы впервые появляются в Греции на изображениях XVI в.) и имеют в ширину только 31/2 м. Дороги идут почти горизонтально; для достижения этой цели они в некоторых местах сделаны довольно извилистыми. Там, где дороги пересекаются ручьями, сооружены мосты с ложными сводами, также сложенные из огромных, циклопических камней. По такой дороге можно было, по-видимому, передвигаться в колеснице с большой скоростью и удобством. Сохранились остатки дорог, ведущих на север и восток через горы до самого Истма, а также дорога, ведущая вдоль горного хребта на юг к храму Геры, почитавшейся по всей Арголиде. Такая же дорога вела и по равнине через Тиринф к морю, но от нее сохранились лишь жалкие остатки. Сооружение такой единой, правильно распланированной сети дорог свидетельствует о широком применении массового человеческого труда и о наличии единой централизованной власти. Очевидно, здесь не могло быть речи о ряде самостоятельных микроскопических общин: надо полагать, что Тиринф и другие бывшие здесь города находились в зависимости от могущественных Микен.

К такому выводу уже в 1901 г. пришел Эд. Мейер, один из величайших исследователей древности. Он утверждал, что до переселения дорян в Пелопоннесе «существовало великое аргосское царство», и видел доказательство этого прежде всего в сети дорог, которая устроена для передвижения военных колесниц и поэтому дает нам возможность сделать вывод о военной организации. «Можно ли утверждать, что что-либо по-

добное могло существовать на базе конгломерата мелких государств?»

Разумеется, приведенных нами скудных археологических свидетельств недостаточно для такого утверждения. Но Эд. Мейер пришел к этому выводу на основании изучения гомеровских поэм, а археология явилась для него только дополнительным подтверждением: «Можно ли, — говорит он, — в такой мере игнорировать свидетельства литературной традиции? Верно, что не во всех песнях «Илиады» Агамемнон является начальником других царей; однако в некоторых, и притом в древнейших, это так. Вполне естественно, что поэзия в своем развитии все более уподобляет государственные отношения эпохи героев государственным отношениям современности, когда никакого верховного царя не существует. Но как мог кто бы то ни было, исходя из тех общественных отношений, в которых жили певцы, прийти к концепции верховного царя? То, что вся Греция была объединена когда-то под властью одного царя, должно было тогда казаться чем-то совершенно невыносимым».

Действительно, ряд указаний гомеровских поэм вполне подтверждает этот вывод: с точки зрения авторов древнейших частей «Илиады» и «Одиссеи», Микены были центром большой державы.

Приведем ряд поучительных мест из Гомера. «Илиада», IX, 147 — Агамемнон обещает Ахиллу выдать за него свою дочь:

.. Я ж в приданое ей предоставлю
Столько добра, как никто своей дочери не дал доньне.
Семь отделию я ему городов, хорошо населенных...
Люди живут в них богатые овцами, также быками.
С богом его наравне они чествовать будут дарами,
Будут под скиптром его платить богатейшие дани.

«Илиада», IX, 480 — Феникс бежит к Пелею; рассказывает, как Пелей его принял:

Сделал богатым меня и народа мне выделил много.

«Одиссея», IV, 174 — Менелай рассказывает, что было бы, если бы Одиссей поселился в Лаконии:

Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища,
Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целой дружиной, и область для них бы очистил, в которой
Ныне сельчане живут, моему подвластные скиптру.

Из этих мест совершенно несомненно, что гомеровский царь мог одаривать своих приближенных населенными городами, с тем, чтобы они кормились добровольными дарами и установленными поборами; если же у поселяемого была своя свита и

⁴ Перечисляется семь мессенских городов.

дружина, то он мог переселить местное население на другое место, чтобы «люди» (laoi) нового вождя получили для себя достаточные земельные участки.

Далее, в пользу существования большого централизованного государства говорит тот факт, что у Гомера басилей обязаны в случае похода выставлять свои контингенты в войско великого басилея Агамемнона. Так, Одиссей был обязан сопровождать Атридов в Трою; как сообщалось в «Киприях», он, не желая идти в поход, притворился сумасшедшим, но его заставили пойти, выкрыв у него его сына Телемаха.

Этот же рассказ имелся в виду и в 24-й песне «Одиссеи» (стих, 116): Агамемнон прибывает на Итаку, чтобы «подогнать» (otrynein) Одиссея и заставить его отправиться с Менелаем под Трою. Из 24-й песни «Илиады» (стих, 398) мы узнаем, что старец Поликтор должен был отправить вместо себя под Трою одного из шести сыновей, и сыновья решили жребием, кому пойти. Еще показательнее следующее сообщение («Илиада», XXIII, 295): сикионский басилей Эхепол дарит царю Агамемнону кобылицу за то, чтобы тот освободил его от обязанности идти в поход на Трою.

Эфу 5 — которую в дар Эхепол Анхисид Атрейону
Дал, чтоб ему яе идти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома.

Кто не выходил по требованию Агамемнона в поход, должен платить большую тягостную виру. Так, коринфянин Евхенор, сын Полиида («Илиада», VIII, 665), пошел в поход, хотя и знал, что его ждет смерть, так как иначе ему пришлось бы платить разорительную пеню.

Не менее показательное и замечательное описание скипетра Агамемнона в «Илиаде» (II, 101):

Восстал Агамемнон со скиптром.
Скиптр сей Гефест даровал молносноному Зевсу Крониду...

Далее рассказывается, что этот скипетр Зевс передал Гермесу, Гермес Пелопу, Пелоп Атрею, Атрей Фиесту:

И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
Чтоб он над тьмой островов и над Аргосом всем воцарился.

Здесь под Аргосом, как и в большинстве других мест «Илиады», разумеется весь Пелопоннес; таким образом власть Агамемнона простиралась на Пелопоннес и на большое число островов.

Столь же показателен, как справедливо указал Нильссон, быт олимпийских богов, ибо (как замечал уже греческий философ Ксенофан), изображая богов, люди только переносят на

⁵ Эфа — имя кобылицы.

небо человеческую жизнь; религия отражает обычно лишь немало более раннюю эпоху жизни человеческого общества.

Здесь, на небе, мы имеем тех же «басилеев» разных рангов, начиная от нимф и кончая Зевсом. Из них менее знатные живут на своих участках, более знатные — в крепком городище верховного басилея, на Олимпе. Их созывают, с ними совещаются, но в конце концов все решает единовластно верховный басилей; он настолько сильнее всех прочих басилеев, что остальным басилеям, в конце концов, остается, несмотря на протесты, только подчиниться ему; конечно, дело не обходится при этом без попыток устроить переворот и сбросить верховного басилея («Илиада», I, 400 и сл.).

Характерно, что в этом небесном государстве великие правители отдельных областей считают за честь исполнять обязанности слуг при дворе Зевса («Илиада», VIII, 440):

Коней его распряг Посейдон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножье поставил.

Все эти черты совершенно чужды гомеровскому обществу, которое, как указывал Энгельс, представляло собой ряд совершенно независимых друг от друга общин с явственными пережитками военной демократии. Эти общины могли объединяться для общего похода, но при этом сохраняли полную независимость.

Подобно тому, как в описании быта, оружия, одежды и утвари мы нашли явственные следы микенской эпохи, сохраненные певцами по традиции, так и при описании общественных отношений эта же традиция сохранила ряд воспоминаний о великой микенской державе, резко противоречащих всему гомеровскому укладу. Эти выделенные нами черты прекрасно гармонируют и с сооружением киклопических стен и дорог, требующих применения массы рабочих рук и свидетельствующих о власти микенских царей на большом пространстве, и с роскошными дворцами, и с богатыми усыпальницами, содержащими еще до наших дней огромные массы золота и драгоценностей.

4. МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА. ГИБЕЛЬ КРИТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Примерно с 1600 г. микенская культура представляет собой только ответвление критской без сколько-нибудь существенных отличий. Поэтому все, что было сказано о культуре Крита, по существу относится и к микенской культуре. Здесь мы отметим только те отличия, которые имеют принципиальный интерес.

Наиболее резкое различие мы находим в области архитектуры. На Крите в центре здания находится открытый двор, окруженный множеством бессистемно распланированных комнат. В Микенах в центре здания находится большая комната

(мегарон), покрытая кровлей, имеющей отверстие в центре. Под этим отверстием находится очаг, являющийся в то же время и алтарем. По мнению ряда ученых, такая архитектура естественна для более северных стран, где жилища нуждаются в искусственном согревании; поэтому и думают, что эта архитектура занесена греками с севера. Входом в мегарон служит коридор с двумя колоннами. В противоположность критским зданиям, микенские здания отличаются симметрией и выражают определенную архитектурную мысль. Стены зданий украшены фресками, исполненными, несомненно, художниками критского происхождения. Вдоль стен идут скамьи, на которых могло поместиться много гостей. Если план центральной части дворца резко отличается от плана критских дворцов своей стройностью, то расположенные в полном беспорядке вокруг этой центральной части многочисленные комнатки и коридоры вполне сходны с соответствующими частями так называемых дворцов на Крите. Здесь имеется даже характерная для Крита ванная комната.

Большое сходство с дворцом в Микенах имеет и дворец в Тиринфе. План этого дворца также резко отличается от плана критских дворцов; из ворот вход ведет в переднюю, снабженную колоннами, далее следует большой двор, окруженный колоннадой, с алтарем посередине, и, наконец, большой крытый мужской зал (мегарон) с алтарем, над которым находится отверстие в крыше, подпертой четырьмя колоннами. У одной из стен на возвышении находится трон.

Если древнейшие микенские гробницы — те шахтные гробницы, о которых мы говорили выше, — замечательны только богатством найденного в них инвентаря, то более поздние гробницы XV—XIII вв. поражают и своими колоссальными размерами и своей художественной отделкой. Это так называемые купольные гробницы. Они представляют собой замечательные архитектурные сооружения. Многоугольные камни, из которых были сделаны микенские стены, здесь постепенно заменяются четырехугольными плитами правильной формы. Наиболее красива по своей архитектуре гигантская гробница, называемая неправильно сокровищницей Атрея.

Большое совершенство постройки крепостных укреплений показывает, какую большую роль играли в жизни государств микенской эпохи непрерывные войны. Любопытно, что рука об руку с упадком микенской живописи идет прогресс в области крепостного строительства, достигая своего высшего расцвета в XIV—XIII вв. Мы говорили уже выше о замечательных «киклопических» стенах, окружавших Микены, имевших такую высоту и толщину, о которых не могли и мечтать греки в классическую эпоху. Наиболее замечательным произведением монументальной скульптуры этой эпохи (XIV в.) являются Львиные ворота в Микенах — сходные по виду с современными им гербами: два симметрично расположенных льва подпирают на-

ходящуюся в центре колонну, на которой покоится уменьшенное стилизованное изображение дворца. Эти ворота служат частью городской стены, рядом с ними находилась башня. Микенские архитекторы вполне владеют искусством сооружения так называемого ложного свода. К микенскому акрополю примыкал, как видно из раскопок, нижний город, не укрепленный, имевший вид большой деревни. Раскопки вполне подтверждают гомеровский эпитет «ευρυαγυῖος», «с широкими улицами», прилагаемый им к Микенам.

Тириф также обнесен высокой стеной с башнями, сохранившимися остатки замечательных ложных сводов; и здесь за городской стеной лежит неукрепленный нижний город.

Археологические памятники Крита также дают нам возможность сделать кое-какие выводы о Микенском государстве — о его внешних сношениях и торговых связях.

Примерно с XVI в. в ряде общин, населенных теперь, несомненно, греками, начинает господствовать критская культура (остатки ее найдены уже для XVII в. в Микенах, Тирифе и на Эгине). Весьма возможно, что на первых порах ряд греческих общин находился и в прямой политической зависимости от Крита. Такое положение вещей отражено в мифе о Тезее и Миносе; несмотря на мифологический сюжет, самая обстановка здесь, очевидно, историческая. Несомненно, критское влияние не ограничивалось ввозом критских изделий, переселением на материк критских должностных лиц, торговцев и ремесленников и созданием на материке мастерских, работающих по критским образцам: критское влияние отразилось не в меньшей мере на строе, быте, одежде и т. п. Так, прославляемые в мифе критские законы, данные якобы Зевсом царю Миносу, может быть, действительно послужили основой для законодательства некоторых греческих государств; еще в позднее время спартанцы возводили свои законы к критским.

Эта эпоха микенской истории носит название раннемикенской, охватывая XVII и XVI вв. С середины XV в. начинается среднемикенская эпоха, когда соотношение сил между Критом и Микенами изменяется. В это время критская культура уже клонилась к упадку. По тонкости отделки критское искусство стоит еще на прежней высоте, но в нем чувствуется уже окоченение, стилизация. Исчезает жизнерадостное реалистическое изображение природы; растения, цветы, полипы и кораллы, бывшие обычной темой разрисовки сосудов и в лучшие эпохи критского искусства, теперь схематизируются и стилизируются, превращаясь в архитектурный орнамент (так называемый дворцовый стиль). Пестрая раскраска сосудов заменяется черным блестящим рисунком строгого стиля на светлом фоне глины. Такая же стилизация замечается и в формах художественных изделий и в изображениях сцен; чувствуется высокое мастерство, но отсутствуют творческий порыв и внутренняя жизнь.

В связи с этим критские товары теперь все реже и реже появляются на рынках островов Эгейского моря, Египта и Малой Азии; их постепенно вытесняют «микенские» товары, т. е. товары с греческого материка. Найдено значительное количество «микенских» изделий, относящихся уже к XVI—XV вв., в Египте, Палестине (в Лахише и Гезере), в Финикии (Рас-Шамра), в Трое, на Кипре. И, наоборот, в Аргосе и Микенах найдены египетские и малоазиатские изделия этой же эпохи. О сношениях с Египтом в эту эпоху говорят изделия из золота и слоновой кости, привозившиеся в то время только из Египта. На одном из кинжалов этой эпохи изображены кошки, охотящиеся за утками. Кошка тогда водилась только в Египте, и изображенный здесь пейзаж (заросли папируса) представляет собой берег Нила. Все это свидетельствует о чрезвычайно оживленных сношениях с Египтом, тогда как находимые в Микенах изделия из янтаря свидетельствуют о связях (через третьи руки) даже с северной Европой. К этой же эпохе относится и появление лошади, хотя нам уже трудно судить, заимствована ли она непосредственно из Малой Азии или из Крита.

Из того, что культурное влияние Крита в эту эпоху было еще преобладающим, нельзя сделать заключения, что Микены продолжали оставаться и под политической властью Крита. В этом отношении очень поучительна параллель между влиянием Крита на греческом материке в XVI—XIV вв. и влиянием греков в Этрурии в VI—V вв. И здесь и там все произведения искусства — либо привозные, либо подражание привозным; тем не менее в обоих случаях не может быть речи о завоевании или покорении на сколько-нибудь длительный срок.

К концу XV в. роли уже начинают меняться. Есть веские основания полагать, что окоченелый дворцовый стиль на Крите возник уже под влиянием искусства греческого материка.

Начало следующей, позднемикенской, эпохи (1400—1200) датируется со времени разрушения критских дворцов. Это как раз тот момент, когда военная техника микенского государства достигает высшего расцвета: именно в эту эпоху построены в окончательном виде дворцы и городские стены Микен и Тирифа, включая замечательнейший памятник микенской архитектуры — Львиные ворота.

Ослаблению критского государства, быть может, содействовало разрушительное землетрясение, случившееся незадолго до этого времени. Но, конечно, решающим моментом могли быть только внутренние социальные сдвиги.

Мы можем себе представить (хотя, конечно, это будет пока весьма произвольно), что окоченению в области искусства соответствовало и окоченение в формах общественной жизни. К сожалению, единственное, что дошло до нас, — это произведения архитектуры и искусства, и мы вынуждены строить наши выводы на этом шатком основании, вполне отдавая себе отчет

в их проблематичности. Мы представляем себе, что во главе городов стала замкнутая, окостеневшая аристократия, в угоду которой и создавалась эта искусственная стилизованная живопись. Быть может, пропасть между этой аристократией и остальной массой свободных стала непроходимой. Это и вызвало народное недовольство и восстания. Из класса организаторов и военных руководителей эта аристократия, должно быть, превратилась в класс паразитов. Благодаря такому внутреннему разложению власть Крита на море ослабела. Если города Крита были до сих пор настолько могущественными, что их даже не обносили стенами, то теперь критяне оказались уже не в состоянии отражать морские набеги полудиких обитателей островов и греческого материка.

Понятно, что власть сильнейших из правителей материка,, правителей богатых Микен, могла беспрепятственно усиливаться. Подобно тому, как правители Кноса объединили под своей властью весь Крит, так и микенским правителям удалось объединить под своей властью значительную часть Пелопоннеса, тем более что их войско состояло из представителей воинственных, почти первобытных племен, еще не разложившихся вследствие внутреннего классового расслоения.

Мы видели уже, что культура Микен — заимствованная, что это лишь немного видоизмененная критская культура. Западные историки, желающие подчеркнуть самобытность культуры «арийцев»-греков как индоевропейского народа, обращают внимание на дома с мегароном в центре и на крепостные сооружения. Дом с мегароном, быть может, действительно принесен с севера, где, в противоположность Криту, была потребность в отоплении жилища. Однако этот тип застройки первоначально сводился, очевидно, к маленькому домику, состоящему только из сеней, подпертых двумя колоннами, и одной комнаты с очагом. Расширение такого домика в большой дворец, присоединение к нему внутреннего двора и довольно беспорядочного нагромождения боковых покоев производится уже, как мы видели, по критскому образцу. Точно так же из того, что критяне не нуждались в крепостных сооружениях, еще не следует, что они этих сооружений не умели строить и что грандиозные крепостные сооружения на материке не есть дело рук критских мастеров.

В действительности, если исключить технику военного дела и военные сюжеты микенской живописи, то в искусстве Микен мы не заметим ни малейших следов оригинальности. Даже ученые, стоящие на расовой точке зрения, принуждены признать, что, несмотря на переход политического и культурного влияния в эту эпоху к Микенам, они не внесли ничего нового в критское искусство, и их произведения можно отличать от критских... только по химическому составу материалов, из которых они сделаны. Так, украшающий дворцы XIV в. фриз из стеклянной

массы; пол, раскрашенный под ковер, с изображением дельфинов и полипов; изображение женщины-акробатки, прыгающей через быка и хватающей его за рога, — все это и по теме и по исполнению продукты критского искусства. Единственное, что мог бы здесь заметить опытный глаз, — это начало упадка искусства и варваризацию. Правда, среди памятников микенского искусства найдены и памятники, не только не уступающие памятникам Крита, но и превосходящие их по художественности; таковы, например, золотые маски, снимавшиеся с лица покойника и чрезвычайно тонко передающие черты лица (найлены в шахтных гробницах Микен), и сцены охоты на быков и их укрощения на кубке из Вафио близ Спарты (лучшее произведение всего крито-микенского искусства). Но как раз эти изделия относятся ко времени расцвета Крита и скорее всего являются либо ввозными критскими изделиями, либо работой критских мастеров, переселившихся на греческий материк.

С разрушением городов Крита (в том числе и Кноса), происшедшим около 1400 г., Микены и другие города микенской культуры стремятся занять то место, которое до этого времени занимал Крит. Сам Крит, по-видимому, попадает в зависимость от материка. Все три крупнейших критских города (Кнос, Фест и город, лежавший на месте нынешнего селения Агиа-Триада) теперь превратились в груды развалин. Местное население сохранило независимость только на небольшом пространстве восточной части острова; весь остальной остров, по-видимому, попал в руки ахейцев. Большая часть критских сооружений так и осталась в развалинах, и только небольшая часть их была кое-как восстановлена, и здесь, очевидно, поселились вожди ахейцев. Памятники искусства, относящиеся к этой эпохе, представляют собой довольно бездарное подражание классическому критскому искусству.

В отношениях с передовыми государствами древнего Востока города материковой Греции начинают играть важную роль. Ахейцы упоминаются в хеттских и египетских документах («Ахийава» у хеттов, «Ахайваша» у египтян). Мы видим, что эти ахейцы колонизируют Кипр и будущую Памфилию, т. е. южное побережье Малой Азии, и образуют здесь могущественное царство, с которым приходится считаться даже хеттам. Мы знаем, что в разбираемую эпоху ахейцы разрушили могущественную Трою. В союзе с другими племенами они отваживаются нападать даже на далекий Египет.

Несомненно, ахейцы не ограничивались только военными набегами, а вели и правильные торговые сношения. Приблизительно с 1400 г. прекращается в египетских памятниках упоминание о критянах (кефтиу). Однако налаженные торговые сношения с Египтом ахейцы продолжают развивать с большой энергией; в Египте найдено много черепков, относящихся к этой

поздней эпохе. Материковые города микенской эпохи быстро захватывают рынки на островах Эгейского моря, на Кипре, в Сирии и Палестине; теперь эта торговля принимает еще большие размеры, чем прежде торговля Крита; еще «Илиада» (XI, 21) сохранила воспоминание о торговой связи Кипра с Микенами.

Письменность крито-микенского периода, к сожалению, в гомеровскую эпоху была совершенно забыта (гомеровское общество было неграмотным) и потому не оказала никакого влияния на общегреческое письмо классической эпохи, заимствованное у финикийцев, и бывшее не слоговым, а буквенным.

Греки, жившие на Кипре и говорившие на старинном ахейском наречии, писали еще в V и IV вв. письменами, резко отличающимися от греческих. Это письмо было слоговым.⁶

Среди памятников микенской культуры найдены письмена, очень сходные с кипрскими и дающие основание предположить, что эти письмена занесены на Кипр еще в микенскую эпоху. Одну из таких надписей, найденную в Асине, на южном побережье Арголитиды, разобрал шведский ученый А. Перссон, и, по-видимому, удачно. Знаки этой надписи очень сходны с кипрскими, и если прочесть их как кипрские письмена, то получится: «О, Лимнория, Ианасса и Кимо. В святилище Посейдона вам посвятил меня (такой-то)». Идя по пути Перссона, Э. Милонас в 1938 г. разобрал еще несколько надписей (к сожалению, за отсутствием его работы в СССР мы лишены пока возможности удостовериться в убедительности его расшифровки). В настоящее время шансы на расшифровку критских и микенских надписей еще более увеличились: невдалеке от мессенского Пилоса К. Бледжен и К. Куруниотис обнаружили позднемикенский дворец, в котором в числе прочих предметов найдено около 600 глиняных табличек с письменами, написанных тем же линейным шрифтом, который был в ходу и на Крите. Так как эти тексты написаны, скорее всего, на греческом языке, то все данные за то, что удастся расшифровать и критские письмена (как думает П. Кречмер).

Критское письмо вымерло вместе с микенской культурой и не перешло к классической Греции (исключая Кипр). Причина, может быть, в том, что это письмо было удобно лишь для критского языка и родственных с ним, но чрезвычайно затруднительно для прочтения при применении его к греческому языку.⁸

⁶ Так, например, здесь не было буквы «н», а было целых пять букв, означавших на, не, ни, но, ну, и так для каждого согласного звука; сюда присоединялись еще обозначения для пяти гласных звуков.

Лимнория, Ианасса и Кимо — известные из греческой мифологии морские богини. Выражение «посвятил меня» (говорит посвящаемая вещь) обычно в греческих посвящениях.

С каждым годом находят все большее число центров крито-микенской культуры, но, как правило, места находок всегда совпадают с городами, упомянутыми в поэмах Гомера. Памятники микенской культуры найдены, например, на ряде островов Эгейского моря и в средней Греции, главным образом в Аттике, Беотии и Фессалии, не говоря уже о Пелопоннесе, где, кроме Аргоса, памятники микенской культуры обнаружены, например в Лаконии и Мессении.

Любопытно, что между памятниками неолитического периода, найденными в различных местах Греции, отличия весьма значительны, тогда как различия между предметами микенского искусства, найденными в различных местах Греции, ничтожны. Это говорит за то, что раздробленность на отдельные независимые общины, характерная для классической Греции, существовала уже с древнейших времен, и только микенским правителям удалось на некоторое время объединить этот конгломерат обособленных общин в одно государство.

5. РАЗЛОЖЕНИЕ МИКЕНСКОГО ОБЩЕСТВА. ВЛИЯНИЕ МИКЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ГРЕЧЕСКУЮ

Во всех центрах микенской культуры наблюдается одно и то же явление: чем к более поздней эпохе относится памятник, тем ниже он в художественном отношении. Это заставляет нас представлять себе ход событий следующим образом. Значительная часть Греции вовсе не была затронута микенской культурой и жила еще примитивным родовым бытом (к такому же выводу привело нас и то обстоятельство, что в одних и тех же гробницах, наряду с высокохудожественными памятниками критской культуры, находят совершенно примитивные «варварские» изделия). С приходом все новых и новых волн греческих «варваров» с севера центры микенской культуры частью подвергались разрушению, частью получали новое население, значительно менее подготовленное для восприятия этой культуры. Особенно ускорилось это падение с приходом последней волны — дорийцев. Исключая, быть может, лишь немногие центры (например, Аттику, не задетую дорийским переселением), во всей Греции упрочивается привычный для этих переселенцев родовой строй; но даже и в тех центрах, где удержалась микенская мо-

⁸ Нам известно 75 знаков кипрского письма, а всего их было до 85. Эти знаки приспособлены для языка, на котором за каждой согласной следует гласная. Для греческого языка эти знаки чрезвычайно неудобны, так как здесь часто за согласной следует согласная, а для согласных без гласной кипрский алфавит не имел особых знаков. Приходилось вставлять недостающие гласные от себя, например, вместо «птолин» писать «по-то-ли-не», вместо «Кипрос» — «Ки-по-ро-се». Вследствие этого кипрские надписи иногда превращаются в загадку, так как одни и те же знаки могут означать различные слова.

нархия, в связи с новым соседством и с прекращением морских сношений общественные формы значительно деградируют в сторону примитивно-родового строя.

Однако родовой строй, водворившийся на развалинах микенской монархии, существенно отличался от родового строя, не затронутого более высокой цивилизацией. Элементы классового разделения, как и влияние микенской культуры вообще, давали себя чувствовать в течение всей так называемой гомеровской эпохи, чтобы дать пышные всходы в VIII—VI вв.

Те стороны критской культуры, которые оказались доступными грекам, стоявшим на первобытной стадии развития, были усвоены, хотя конечно, довольно наивным образом. Так, в грубо первобытных рисунках греков самого конца микенской эпохи и греков гомеровского времени мы неожиданно встречаем черты, несомненно заимствованные из крито-микенского искусства. Таким путем микенская культура оказала воздействие и на греческую. Точно так же греческие мифы гомеровской и классической эпох часто даже в мелочах обнаруживают следы микенской переработки, хотя сами они, несомненно, древнее эпохи микенской культуры. Прежде всего наследием микенской культуры необходимо считать централизованную религию с сонмом богов, возглавляемым единым верховным богом. Религии этого типа (ср. Египет и Вавилон) всегда отражают централизованное государство, подчинившее себе отдельных местных властителей. А такое государство существовало в Греции только в микенскую эпоху. Это, разумеется, не значит, что религия олимпийцев была создана целиком в микенскую эпоху. Основа ее значительно более древняя (браки братьев с родными сестрами, убийство каждым богом своего отца и т. д.). С другой стороны, подробная разработка картины жизни олимпийцев относится, несомненно, к эпохе гораздо более поздней, чем микенская: она — дело певцов, живших при дворах малоазиатских властителей в гомеровскую эпоху. Но самый «государственный строй» Олимпа отражает общество микенской эпохи. Точно так же культ Афродиты был одним из центральных микенских культов, и классическое представление об Афродите с голубками соответствует крито-микенским изображениям Афродиты с теми же голубками. Этим же объясняется, что в классическую эпоху центром культа Афродиты был Пафос на Кипре, где сохранились и ахейский диалект, и ахейский шрифт, и особые священнослужители, носившие название ахейских прорицателей («ахеомантейс»). Точно также щит, как символ городской богини (Афины) в Беотии и Афинах, имеет прототипом такой же щит, представляющий собой символическое изображение богини.

Очень интересно следующее: в «Илиаде» мы встречаем четыре раза рассказ о золотых весах, на которых Зевс взвешивает судьбу борющихся героев. Так, например, мы читаем (XX, 268):

Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия смерти, в сон погружающей вечный:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: покинул Гектора жребий;
Тяжкий, к Аиду упал...

Эта сцена изображена на одном микенском рисунке: герой едет на колеснице, а перед ним стоит бог с весами в руках и взвешивает его судьбу.

Далее на сосудах микенской эпохи, найденных в Беотии, изображены известные нам из греческой мифологии сцены (или сходные с ними их прототипы): встреча Эдипа со Сфинксом; убийство Орестом своей матери Клитемнестры (убившей его отца Агамемнона) и ее любовника Эгисфа.

Мы не можем пройти мимо вопроса о причинах образования классового государства на материке Греции уже в XVI в. и о причинах его гибели.

По-видимому, мы здесь имеем дело с фактами, вполне аналогичными тем, какие в свое время имели место на Крите. Непрерывные передвижения греческих племен с севера, продолжавшиеся все время, делали спокойную и регулярную хозяйственную жизнь в Пелопоннесе совершенно невозможной. Чтобы успешно отражать эти нападения, необходимо было соединить ряд общин воедино, создать внушительную силу и, главное, построить колоссальные стены, недоступные для внешнего нападения, и удобные дороги для сношений между государствами и городами. Такие коллективные предприятия могли осуществляться в то время только подневольным трудом и неизбежно вели к классовому расслоению. Массовые походы, необходимые в виду излишка населения, которое не могло существовать на внутренние ресурсы, и широкая международная торговля, обогащавшие одних и разорявшие других, вели к дальнейшему усилению классовых противоречий.

Таким образом, судьба микенского государства должна была повторить судьбу критского. И здесь правящая верхушка, воспитанная на критской культуре, естественно должна была оторваться и изолироваться от народных масс. Недовольство свободных прогрессирующим порабощением, бесконечными изнурительными работами при постройке крепостей, дворцов и дорог, поборами в пользу царя и знати и, наконец, стремление каждой общины к самостоятельности — все это неизбежно вело к обострению классовой борьбы и внутреннему разложению общества.

Как раз в это время с севера в Грецию вторгаются большие массы дорийских переселенцев, обладавших, быть может, более прочным и лучше поддающимся обработке материалом для оружия, чем народы крито-микенской культуры: в эпоху их прихода в Грецию здесь впервые вместо бронзового появляется железное оружие. Почва для их победы была, как мы видели,

подготовлена. Они занимают все наиболее удобные места материковой Греции — только в Аттику, на остров Евбею и в некоторые другие небольшие области им не удалось проникнуть, и здесь сохранилось прежнее (ионийское) население. На Пелопоннесе местное ахейское население частью сливается с пришельцами в результате длительного процесса, частью уходит в горы на трудно доступную Аркадскую возвышенность, не привлекая новых поселенцев. Микенская культура гибнет вместе с гибелью международных сношений и торговли, бывших ее основой. Роскошные дворцы превращаются в развалины, а замечательные каменные дороги покрываются землей. Люди живут теперь в скромных хижинах, сделанных только пилой и топором без помощи рубанка (этот обычай и позже сохранился в архаической Спарте), едят на простой глиняной посуде, сохраняя микенскую утварь, может быть, только в качестве священных реликвий, и сообщаются в случаях необходимости по горным тропинкам, так как каждое поселение снова стало независимым, а пиратство и грабеж за пределами племени — обычным явлением.

6. ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Время переселения дорян в Грецию (прибл. XI в.) было временем, когда вся восточная часть Средиземного моря была потрясена целым рядом переселений первобытных народов. Самое переселение дорян, быть может, было обусловлено тем, что их сзади теснили иллирийцы и фракийцы. Эти же фракийцы переселились уже в XIII—XII вв. в Малую Азию, и под их ударами, по-видимому, пало самое могущественное из азиатских государств — государство хеттов. Часть коренных жителей Крита, вытесненных с острова сначала ахейцами, а затем двинувшимися по тому же пути дорийцами, отвоевывает у евреев и других семитских племен сирийское побережье. Народ этот носил название филистимлян, а отсюда и вся страна получила название Палестины. Из Крита же, по-видимому, пришли в Малую Азию и ликийцы. Библия считает родиной филистимлян остров Кафтор (старинное название Крита; критяне на египетских памятниках называются кефтиу).

Все эти пертурбации были, быть может, причиной того, что Греция в эту эпоху ее ослабления и распада не попала в подчинение какому-нибудь крупному государству, а могла развиваться совершенно независимо.

Переселение греческих племен на восток началось уже в эпоху расцвета Микен. Они двигались через Кипр и Родос в Малую Азию. Это переселение уже с древнейших времен носило в значительной мере торговый характер.

Переселение дорян усилило эту волну колонизации. Фессалийские эоляне захватывают лежащий наиболее близко к ним Лесбос и северную часть западного побережья Малой Азии. Ионяне Аттики, Евбеи и северного побережья Пелопоннеса захватывают ряд островов и южную часть малоазиатского побережья Эгейского моря с большим городом Милетом, существовавшим еще в микенскую эпоху. Здесь жило стоящее на довольно высокой культурной ступени карийское население, с которым ионяне в значительной степени смешиваются. Наконец, и сами доряне устремляются вслед за другими греческими племенами и захватывают Крит, Родос, два небольших острова на юге архипелага — Феру и Мелос — и юго-западную часть малоазиатского побережья. Наиболее активными из этих переселенцев были ионяне; поэтому на языке восточных народов (в частности, евреев) слово «яван» означает «грек» вообще: на древнеионийском языке слово «ионянин» звучало как «явон».

Что касается самого материка Греции, то доряне и родственные им так называемые западногреческие племена переселились сюда в таком большом количестве, что несмотря на свой низкий культурный уровень, сделали дорийские языки господствующими здесь почти всюду, исключая лишь Аттику и Евбею. Только в Фессалии и Беотии — областях, сохранивших (как и Аттика) большое количество памятников микенской культуры, — образовались языки, соединившие в себе элементы дорийского и эолийского диалектов.

В гомеровском обществе нет и следа той централизации, которая была присуща микенскому обществу. Повсюду восстановился тот примитивный родовой строй, который существовал в микенскую эпоху в большей части Греции, почти не затронутой микенской культурой, и лишь в торговых центрах был вытеснен более передовыми общественными отношениями. Каждая маленькая община совершенно независима от других и имеет своего правителя — басылея. Даже когда жители различных греческих городов объединяются для совместного набега, эти басылеи чрезвычайно ревниво охраняют свою независимость и пресекают всякие покушения на причитающуюся им часть военной добычи. Эта добыча немедленно по окончании набега делится между его участниками; никакой общей войсковой казны нет. На общем собрании войска, в присутствии воинов Ахилл может позволить себе говорить Агамемнону такие слова:

Пьяница грузный, со взором собаки, с душою оленя...

Царь — пожиратель народа, над жалким народом царишь ты!

Само собою разумеется, что не в военное время эти местные басылеи чувствовали себя еще более независимыми.

Социальный уклад греческого общества вслед за приходом дорян в основном мало чем отличался от уклада древнейших

первобытных обществ, предшествовавших микенской культуре и современных ей. Гомеровское общество на его ранней стадии является военной демократией, не знающей частной собственности на землю. И теперь, как и в древнейшую эпоху, отдельные общины находятся между собой в состоянии непрерывной войны, и жизнь человека, находящегося за пределами своей общины, ничем не защищена. И в эту эпоху значительная часть «полисов», несомненно, представляла собой еще не резиденцию властителя или аристократии, а только место, куда стекалось и где отсиживалось население во время нападения врагов; полисы этой эпохи строятся очень часто на склонах и других возвышенных местах.

Впрочем, и в гомеровскую эпоху, и даже позже, в классическую эпоху, сохранялись некоторые отличия между общинами восточного побережья и общинами, лежащими в глубине страны, особенно в северо-западной ее части. Прежде всего на западе, несомненно, гораздо резче и отчетливее выступал патриархальный род, и деление на отдельные общины не было таким дробным, как у населения восточного побережья. Жители западной Греции — например, локрийцы, акарнанцы и элидцы — еще в исторические времена в значительной степени сохранили черты этого первоначального быта пришедшего сюда греческого населения. Процедура, применявшаяся этими племенами при образовании новых колоний и известная нам из надписей, дает нам возможность представить себе, как поступали в первое время после появления на Балканском полуострове пришедшие сюда греки.

Никаких укрепленных поселений эти пришедшие племена в большинстве случаев не строили. Они расселялись в ряде небольших открытых поселков (*komai*). Земля распределялась между родами или семьями пришельцев на равные участки по жребию; поэтому отдельные участки и носили название клеров, т. е. жребиев. Эти участки предоставлялись отдельным семьям лишь на время; принадлежали они общине. Время от времени происходил передел этих участков (*anadasmus*).⁹ Эти переделы остались в памяти народа до классического времени и наряду

⁹ Еще в начале V в. в одной локрийской надписи предусматривается общий передел даже земель, находящихся под садовыми культурами, в случае прибытия новых поселенцев (в этом случае в передел вступает половина всей земли, находящейся под этими культурами); очевидно, для передела земли, находящейся под хлебными культурами, не существовало даже таких ограничений. В другой надписи из Черной Керкиры (Далмация), относящейся уже к IV в., при устройстве колонии особо оговаривается запрещение передела земли в будущем; очевидно, это было до сих пор обычным явлением; впрочем, как можно заключить из контекста надписи, запрещение передела относится лишь к определенной части земли. На Крите огромные пространства обрабатываемой общинной земли сохранились до позднего времени.

с «отменой долгов» (лозунг, также восходящий к старинному запрещению взимать проценты) стали главным лозунгом греческих революционных партий начиная с VI в. Только вожди племени и храмы богов получали без жребия в собственность особо хорошие и плодородные участки (*temene*). Переделы вызывались прибытием новых поселенцев или рождением новых граждан, которых надо было также снабдить наделом, а это можно было осуществить только при систематических переделах земли.

Ряд мест из «Илиады» и «Одиссеи» показывают, что певцы поэм сохранили еще воспоминания не только о переделах, но и о коллективной обработке земли. Предпринятая с тенденциозной целью модернизаторская попытка Р. Пельмана перетолковать эти места в смысле частной собственности на землю не убедительна. Вот эти места («Илиада», кн. XII):

Два человека, соседи, за межю раздорят,
Оба с саженью в руках на общем¹⁰ стоящие поле,
Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят.

Далее на щите Ахилла, описанном в XVIII кн. «Илиады», противопоставлены друг другу, с одной стороны, общая пашня, обрабатываемая сообща общинниками-земледельцами (*aroteres*; когда они приходят к концу борозды, их угощает «муж» — очевидно, общинный виночерпий); с другой — «теменос базилея» (*temenos basileion*), где работают наемники (*ertrhoi*), а за их работой надзирает базилей со скипетром.¹¹

Племя устраивало регулярно общенародные собрания на каком-нибудь открытом месте. В дни собраний здесь появлялись палатки и другие временные сооружения, которые затем сносились, и место снова становилось пустым. Это собрание имело значительную власть и активно контролировало действия правителя. Впрочем, такое собрание решало лишь вопросы войны и мира и другие наиболее важные дела. Все прочие дела решались внутри родовых группировок. В отношении этих группировок между собой племя, как целое, обычно не вмешивалось:

¹⁰ Т. е. общинном. Если бы речь шла о споре между братьями-наследниками, об этом было бы так или иначе сказано.

Различные виды землепользования могут восходить к разным слоям гомеровских поэм и, следовательно, к разным эпохам, но могут, возникнув в различное время, затем сосуществовать (см.: Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. С. 126 сл.—На эти страницы книги М. М. Ковалевского ссылаются и Энгельс в «Происхождении семьи...»). Так, в Пенджабе мы находим в одно и то же время «и нераздельное владение с совместной эксплуатацией, и выросшую на ее развалинах сельскую соседскую семью с пожизненными неравными наделами, и сравнительно недавно образовавшуюся общину с периодическими переделами» (с. 130) и т. п.

между ними могла существовать кровавая месть, и они могли вести между собой войны.

Для этой раннегомеровской эпохи характерен тот существовавший с очень древних времен патриархальный родовой строй, пережитки которого Энгельс отметил в общественных учреждениях классической Греции.¹² Эти пережитки следующие:

1) Особые религиозные празднества в отдельных родах и культ определенного бога, которого считают родоначальником данного рода. Значительная часть родов, как знатных, так и незнатных, не только представляла собой патриархальный союз родственников по крови людей (так было и впоследствии), но и возводила себя к определенному родоначальнику.

2) Общее место погребения членов рода (например, родовая усыпальница Филаидов и т. д.). Этот вопрос неясностей не содержит, и мы на нем останавливаться не будем.

3) Право взаимного наследования. Еще в V—IV вв. продавать и дарить землю можно было только при отсутствии сыновей, а если наследницей была дочь («эпиклера»), а сыновей не было, то ее выдавали замуж в принудительном порядке за члена ее же рода для того, чтобы имущество не ушло из рода. Наследовать имущество могли только члены рода или лица, усыновленные членами рода и искусственно включенные в род. Так как продажа и дарение земли лицами, не имеющими наследников, впервые были разрешены Солоном в начале VI в., то можно с уверенностью утверждать, что до Солона земля должна была оставаться внутри рода. В государствах с олигархическим строем это правило сохранилось еще дольше. «В олигархиях... земельные участки наследуются не по дарению, а по родам» (Аристотель).

4) Обязательство взаимной помощи, защиты и вооруженной поддержки всех членов в случае насилия над одним из его членов, т. е. обычай родовой кровавой мести. Так, в «Илиаде» (XIII, 465) Деифоб требует, чтобы Эней сразил Идоменея, убившего его зятя Алкафоя:

Тебе заступиться должно за родного.

В «Одиссее» (XV, 272) Феоклимен говорит:

Странствую также и я — знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен, в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском.
Гибель и мстятую Керу от них опасаясь встретить,
Я убежал.

¹² Разбор этих указаний Энгельса с соответствующими иллюстрациями в книге Е. Г. Кагарова (Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков. М., 1934. С. 8 сл.)

¹³ До нас дошел закон Драконта, законодателя VII в., где устанавливается, кто имеет право заключить примирение с невольным убийцей члена рода, после чего судебное дело о нем прекращается. Это — отец, затем

5) Обязанность в некоторых особых случаях выдавать дочерей исключительно за членов того же рода. Об эпиклерах мы уже говорили выше; если эпиклера уже была замужем, ее могли развести с мужем и выдать за члена ее рода.

6) Наличие, в некоторых случаях, родовой собственности, особого архонта (начальника) рода и казначея.

7) Греки называли себя по отчеству, следовательно происхождение велось по мужской линии.

8) Право усыновления лиц, стоящих вне рода, и включение их в род. Такое усыновление было всегда исключением и требовало согласия родственников приемного отца.

9) Еще в классическую эпоху сохранилось деление полиса, города-государства, на филы, фил — на фратрии, фратрий — на роды. Они имели свои особые собрания и своих особых должностных лиц. Так, еще в позднее время во главе филы стоял царь филы — филобасилей, во главе фратрии — начальник фратрии, фратриарх. В большинстве греческих государств, например в Афинах и Спарте, это деление имело в классическую эпоху уже чисто религиозное значение, а в гражданской жизни было заменено новым, построенным на принципе места жительства (локальном). В гомеровскую эпоху это деление было еще живым делением гражданства, и между членами одной и той же филы или фратрии существовала тесная духовная связь. Так, в «Илиаде» престарелый Нестор советует Агамемнону («фила» у Гнедича переводится словом «племя», а «фратрия» словом «колено»):

Боев, Атрид, раздели ты на их племена и колена:
Пусть помогает колено колону и племени племю.

«Военное устройство древних греков, — говорит М. М. Ковалевский¹⁴ по поводу этого места, — очевидно было снимком с гражданского, точь-в-точь как мы видели это в древней Индии. Отсюда то заключение, что и в мирное время греки времен Гомера жили теми же родовыми и семейными общинами, из которых состояли низшие и второстепенные деления их войска».

Так, на Крите, где сохранилось наиболее старинное общинное устройство, совокупность взрослых мужчин каждой филы называлась стартоэ («войско», «полк»); эти *startoi* были одновременно и тактическими единицами в войске и политическими

брат, затем сын, затем и более дальние родственники до двоюродного брата и его сыновей. Это — организованная форма выкупа (виры) за убийство, заменившая обязанность кровавой мести за убитого, лежавшую на всех членах рода. Воспоминания об этой кровавой мести сохранились и в греческом мифе, например, в мифе об Оресте, причем миф в его окончательном виде утверждает, что обязанность кровавой мести имеет в виду лишь родство патриархальное (по мужской линии).

¹⁴ Ковалевский М. М. Первобытное право. Вып. 1. М., 1886. С. 55.

единицами в государстве. Сходное положение вещей было к в Арголиде.

Еще в VII в., как мы узнаем из стихотворения современника, спартанского поэта Тиртея, в спартанском войске каждая из трех дорийских фил — Памфилы, Гиллеи и Диманы — выстраивалась отдельно:

Каждая фила отдельно — Памфилы, Гиллеи, Диманы,
Страшные копыя свои крепко сжимая в руках.

Наконец, и в Афинах классической эпохи войско строилось по филам. Правда, это локальные филы, но, поскольку эти филы только заменили в 507 г. более старые родовые филы, вряд ли можно сомневаться в том, что до 507 г. войско строилось по родовым филам, а это устройство восходило к глубочайшей старине.

Совокупность всех этих черт доказывает с несомненностью, что у предков греков существовал родовой строй в резко выраженном виде. Однако для понимания позднейшей истории Греции не менее интересна и та своеобразная деформация патриархального родового уклада, с которой мы встречаемся в Греции.

Взаимоотношения между отдельными гражданами и общиной были с древнейшего известного нам исторического времени уже значительно более живыми и активными, чем связь гражданина с его родом, а тем более с фратрией или филлой, которые в большинстве греческих общин уже сравнительно рано стали лишь окаменелыми пережитками прошлого.

Первенствующую роль в Греции стала играть уже в гомеровское время община как целое, и даже род мыслился, прежде всего, как ее подразделение. Вся жизнь человека без остатка принадлежит не ему, а общине: право отдельного человека на личное счастье крайне ограничено. Для блага общины ребенок, появившийся на свет, может быть убит по приказанию старейшины. Выросши, он воспитывается сплошь и рядом вместе со сверстниками вдали от родительского дома. Победа на войне, победа на состязаниях рассматривается, прежде всего, как победа общины, к которой принадлежит победитель. Община накладывает свою печать на весь уклад личной жизни и имеет право безгранично вмешиваться в эту жизнь. В греческих городах существовали специальные чиновники, обязанностью которых было наблюдать за личной жизнью граждан. Государство могло требовать смерти отдельных граждан, например, когда это нужно было для человеческого жертвоприношения. Неисполнение воинского долга считалось самым тяжелым преступлением и клеймилось общественным мнением.

Если гражданин был беззаветно предан своей общине, то и, наоборот, все, что находится за ее пределами, будь то дере-

вушка, отстоящая на 5—6 км, было для него вражеской территорией, на жителей которой не простираются ни законы, ни принципы нравственности. Ограбить такое соседнее селение, увести из него скот и поработить людей считалось молодецеством, даже геройством и уж, во всяком случае, не вызывало чьего-либо осуждения, если только с этим поселением случайно не был заключен договор, закрепленный религиозным обрядом. Попав в чужой город, человек оказывался совершенно беззащитным.

Война между общинами была почти постоянной. Поводов для вражды между соседними деревушками было более чем достаточно; вдобавок, такие поводы вовсе не были необходимы. При самодовлеющем характере хозяйства общин эти войны были бытовым явлением. Они были, кроме того, необходимым фактором в экономической жизни общества, имея назначением поглощать излишний прирост населения: нельзя забывать, что одной из причин и условий устойчивости этого строя была неподвижность (отсутствие прироста) населения. Напомним в этой связи об оценке войн в жизни примитивного общества, данной в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса: «У варварского народа-завоевателя сама война является еще... регулярной формой сношений, которая используется все шире, по мере того как прирост населения... создает потребность в новых средствах производства».¹⁵

Фукидид указал уже на то, что из пережитков, сохранившихся в V в., можно заключить, что в древнейшее время города Греции подвергались постоянным нападениям соседей и что тогда грабить жителей соседних селений не считалось преступлением. «Угнать стада у соседнего племени или выплыть в море на быстрых кораблях с тем, чтобы неожиданно пристать к чужим берегам и подвергнуть их разграблению, считалось самым благородным видом заработка. Противная сторона не медлила, конечно, ответить тем же; поэтому вся эта эпоха наполнена никогда не прекращавшейся враждой. Каждый должен был ежеминутно быть готов с оружием в руках отстаивать свою жизнь и имущество; меч был неразлучным спутником мужчины, никто не выходил из дому безоружным» (Белох.). Только совершение определенных религиозных церемоний (припадение к алтарю, очагу)¹⁶ могло в известных случаях спасти жизнь путешественника.

¹⁵ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 21.

¹⁶ Целый ряд более поздних фактов показывает, что дело обстоит в древнейшее время действительно так. Еще в конце VII в. аттический закон считал не подлежащим наказанию убийство путешественника в пути. Еще в начале V в. Халейон и Эантея, два маленьких города, расположенных близ Дельфов, заключают договор, в силу которого граждане каждого из городов обязуются не грабить граждан другого города на своей территории и в своей гавани, но здесь ничего не говорится о запрещении грабить в от-

Итак, в начале гомеровской эпохи греки жили родовым бытом. Греческое общество было еще бесклассовым, с общественной собственностью на землю. Но постоянные войны заставляли отдельные родовые группы объединяться в тесно спаянные общины.

Такое устройство не могло, однако, продержаться долго при условии оседлой жизни. Первоначально каждая фила, фратрия и род селились отдельно от других, но уже очень скоро в обстановке прироста населения, земельных переделов, браков и т. д. в одном и том же месте оказывались живущими члены различных родовых групп; все большее значение должны были получить общие экономические интересы соседей, живущих в одном и том же поселении, независимо от принадлежности к различным родам. В ряде греческих государств уже в раннее время прослеживается процесс замены родовых фил локальными.

В начале гомеровской эпохи земля была общинной собственностью, подвергавшейся систематическим переделам. Однако даже и эти выделенные участки получали не отдельные лица, а родовые объединения. Такой порядок не мог сохраниться надолго в связи с развитием отношений собственности. Кроме того, уже в гомеровскую эпоху разводили оливу и виноград; с расширением товарообмена эти культуры, как мы увидим, получают все большее значение. Эти многолетние культуры значительно повышают стоимость земли; поэтому два участка одинаковой величины могут теперь иметь очень различную ценность. При таких условиях передел земли начинает ощущаться как вопиющая несправедливость и вызывает протесты со стороны владельцев. Естественно, что переделы сначала ограничиваются участками, засеянными хлебными злаками, т. е. такими, в которые не вложено много труда, а затем и вовсе выходят из употребления. Только пастбища остаются общинной собственностью, остальная земля становится собственностью отдельных родов, к которым принадлежало все свободное население; лишь в немногих местах (например, на Крите) сохранилась старая общинная собственность на культивируемую землю.

крытом море. В 540 г. до н. э. самосский правитель Эак, отец знаменитого Поликрата, в сохранившейся до нашего времени надписи с гордостью приносит богине Гере десятину добычи, награбленной им путем пиратства (sylen). а сыну своему он даже дал имя «Силосон» («прячущий награбленное»). Важнейшей целью международных договоров древнейшей эпохи было установление правил раздела добычи при совместных набегах; так, на Крите, где древнейшие установления сохранились до сравнительно позднего времени, еще в начале V в. в договоре между кносянами и тилисийцами читаем: «Каждый тилисиец может безнаказанно добычничать, лишь бы он вносил в казну часть, причитающуюся кносянам. От всего же, что будет взято при совместном набеге у недругов, при разделе добычи мы обязуемся отдавать (союзникам) от сухопутной добычи третью часть, от морской — половину» и т. д., и т. д.; и ниже: «Добыча, взятая у врагов при нескольких участниках (набега), делится согласно постановлению кносян и аргиев».

Другим, гораздо более важным процессом, разложившим эту первоначальную бесклассовую военную демократию, основанную на равенстве граждан, было образование классов, именно выделение аристократии. Конечно, в городах, бывших под влиянием критской культуры, в городах микенского государства и других, сходных с ним, аристократия возникла уже гораздо раньше; но теперь аристократия возникает всюду в силу экономических и политических причин. Образование антагонистических классов здесь, как и всюду, было результатом угнетения уже выделившейся верхушкой всего остального населения, но самое это выделение, т. е. разделение на пока еще не антагонистические группы внутри родового бесклассового общества, было обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего в Греции, несомненно, имелось немало участков, не поступавших в общее распределение по жребию. Это были местности, поросшие лесом, колючим кустарником, засыпанные камнями и т. п. Человек, расчистивший и обработавший такой участок, несомненно, получал его уже в личную собственность. Такое положение дел сохранилось, например, на Кипре, по свидетельству Страбона, еще в классическую эпоху; здесь существовало постановление, «разрешающее желающим и имеющим к тому возможность вырубать лес и очищенный таким образом участок иметь в частной собственности и свободным от налогов». Далее, прирост населения должен был быстро довести ту или иную область до такого состояния, когда дальнейшее уменьшение наделов становилось уже невозможным и приходилось идти уже по пути запрещения деторождения сверх определенной нормы (таково законодательство Филолая в Фивах) и т. п. Разумеется, несмотря на эти запрещения часть участков продолжала дробиться; с другой стороны, в семьях, где не было мужского потомства, участки переходили вместе с рукой дочери к людям, которые могли, таким образом, сосредоточить в одних руках два участка. Такому же сосредоточению участков содействовали эпидемии, неурожаи, войны, в результате чего отдельные общины, совершенно разорившиеся, попадали в кабалу к своим более удачливым соседям, которые присваивали себе и их земли.

С другой стороны, роль человека в общине зависела в то же время от его роли на войне, а богатство — от количества награбленной добычи. Между тем военное дело становилось все сложнее; вместо стрел и лука, пращи и дубины, теперь сражаются копьями и мечами; для защиты необходим тяжелый шит из кожи и металла, как это было принято и в войске микенской эпохи. Наконец, как мы видели, уже в микенскую эпоху главную роль на войне играли воины, сражающиеся на колесницах — часто именно они и решали судьбу всего сражения. Все эти усовершенствования, разумеется, усвоили и дорийцы, пришедшие в Грецию, с той только разницей, что их оружие было

еще более смертоносным и на первых порах еще более дорогим, так как оно было из железа, а железо поначалу было дорогим металлом. Правда, колесницы уже очень скоро были вытеснены конницей, но кони, годные для войны, также стоили тогда очень дорого, а еще дороже стоил уход за ними; сюда присоединяется еще необходимость иметь особых конюхов и слуг и т. д. Но и в пехоте прекрасно вооруженные аристократы выстраивались в первых рядах (*promachoi*) и фактически решали сражение. Людям, лишившимся наделов или получившим только часть клера, было совершенно не под силу нести эти повинности, и они, естественно, оказывались вне гражданской общины. Однако и граждане, имевшие лишь по одному клеру и принужденные обрабатывать его в поте лица, не имели достаточно свободного времени для того, чтобы получить специальную военную подготовку; на войне они сражались как рядовые воины, не оказывая большого влияния на результат сражения. Таким образом, эти люди лишались и решающего влияния в общине. Во второй книге «Илиады» мы видим, как Одиссей обходит греческое войско, причем совершенно по-разному относится к «царям и выдающимся людям», т. е. к аристократии, и к «людям из народа»:

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
Смолкни, несчастный, воядь и других совещания слушай...
Значашим ты никогда не бывал, ни в боях, ни в совете...

Только граждане, сосредоточившие в своих руках большое количество земли и военной добычи и имеющие под своей властью целый ряд слуг и зависимых людей, имели возможность, не заботясь о пропитании, с детства посвятить себя обучению военному делу, приобрести себе дорого стоящее вооружение и лошадей и благодаря этому играть решающую роль в набегах и сражениях. Пользуясь своим влиянием в общине, эти люди захватывают в свои руки часть общинной земли, не поступившей в раздел, — например, пастбищной земли. Они передают свое имущество, положение и навыки своим детям, и, таким образом, их ведущая роль становится наследственной. Возникает особое, отделенное от народа сословие, представители которого именуют себя то «лучшими людьми» (*aristees*),¹⁷ то «начальствующими над народом» (*hegetores, anaktes andron*), то «басилеями», т. е. «говорителями», так как (как мы видели только что из сцены с Одиссеем) говорить перед народом фактически имели право только знатные.

Считаясь с той решающей ролью, которую играли аристократы на войне, крестьянам приходилось терпеть и то, что ари-

¹⁷ От греческого слова *aristos* — «лучший»; отсюда и происходит наше слово «аристократия».

стократы играют руководящую роль и в мирное время. Так, в «Илиаде» ликийский царь Сарпедон говорит Главку:

Главк, почему нам в Ликии почет воздают перед всеми
Местом передним, и мясом отборным, и полною чашей
И обращают к нам взоры, как будто к богам вечносущим?
Мы отчего подле Ксанфа особым владеем участком,
И виноградником славным, и пашней, ячмень приносящей? ..
Вот почему нам теперь надлежит пред ликийской дружиной
В ряду переднем стоять и в горячую битву бросаться.
Пусть говорит о нас всякий ликийский боец крепкобронный...
... «Не даром едят они тучных баранов,
Сладким, как мед, запивая вином: они доблестны силой,
Ибо в переднем ряду пред ликийской дружиною бьются».

Эти «лучшие» защитники укрепленных поселений, как их называет Гомер, строят себе укрепленные замки, окружают себя многочисленными слугами и зависимыми людьми и фактически приводят всякими правдами и неправдами в зависимость от себя и тех членов родового объединения, которые сохранили еще экономическую самостоятельность.

Таким образом, первоначально демократические общины превращаются в аристократические, т. е. в общины, разбитые на два антагонистических класса — аристократов-угнетателей и угнетенный простой народ. Полноценными членами общины начинают считать только ближайших родственников тех аристократов, которые теперь возводят свой род к мифическим героям старины или к богам — отличным от тех богов, которые считались родоначальниками всей группы родов. Военачальники племени (которых мы привыкли для простоты называть царями) не могут уже не считаться с влиянием, достигнутым аристократами, и образуют из них свой совет. Совместные обеды мужчин, характерные для военной демократии, теперь превращаются в совместные обеды вождей аристократических родов вместе с царями, происходящие ежедневно в царском дворце, причем часто расходы на эти обеды (обычно в форме натуральной повинности)¹⁸ покрываются народом.

Ввиду натурального характера хозяйства распределение имущественных благ было в это время еще чрезвычайно устойчивым. Наиболее знатный человек почти всегда был и наиболее богатым. «Эпитеты «богатый» и «знатный» почти всегда стоят рядом» (Бузольт).¹⁹

¹⁸ Народ теперь участвует в общих обедах только в торжественные дни, в дни праздников в честь богов племени, когда закалывается множество быков («гекатомба»; это значит по-гречески 100 быков); все взрослое мужское население рассаживается на скамьях, и особые должностные лица разносят мясо, которое редко приходилось есть в других случаях. Такой пир описан, например, в третьей книге «Одиссеи».

¹⁹ Знатный был при этом не только самым богатым и боеспособным, но был также самым «образованным» и самым религиозным: только у знатных было достаточно досуга, чтобы пройти и трудную военно-гимнастиче-

За ссудой при натуральном хозяйстве и устойчивости экономических отношений обращались только в минусы крайней нужды. Поэтому, как бы ни была велика «благодарность», она считалась естественной, так как в большинстве случаев речь шла о семенной ссуде перед засевом, буквально спасавшей должника от голодной смерти:

Точно отмерив, бери у соседа займы: отдавая,
Меряй такую же мерой, а можешь — так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, как нужда приключится.

Так говорит еще Гесиод, живший уже после описываемого нами времени. Здесь, таким образом, зародыш ростовщичества, причинившего столько бедствий, например, аттическому крестьянству.

Однако нет ничего ошибочнее, чем представлять себе, будто в эту эпоху крестьянство было уже совершенно бесправной массой. Оно, конечно, не участвовало в фактическом управлении подобно «басилеям», но тем не менее представляло собою замкнутое, а по сравнению с переселенцами-иностранцами в своем роде привилегированное сословие, пользовавшееся хотя небольшими, но строго установленными традицией правами: участвуя в войне, крестьяне получали свою долю военной добычи, они имели право на военную и судебную защиту своего имущества и жизни. Далее, как мы увидим, когда будем говорить о народном собрании, и политическое значение крестьянства в эту эпоху не было таким уж ничтожным.

Племенное или «полисное» хозяйство этой эпохи — в общем еще замкнутое и натуральное. Культурно-утонченная обстановка жизни правящего класса, характерная для крито-микенского мира, в течение этих столетий почти исчезает; разница между культурным уровнем жизни аристократа и крестьянина становится незначительной.

Вместе с упадком торговли сокращается и кругозор грека; ярким показателем этого положения вещей является характерное для гомеровских поэм представление, будто конец света,

скую выучку, и тот сложный цикл религиозно-образовательной мудрости, который при почти полном отсутствии письменности требовал много времени и привычки усвоения. Наконец, знатному удалось навязать массам не только свою религию, которая теперь стала искусно обслуживать интересы правящего класса, но и свои моральные воззрения, согласно которым умение соблюдать сложные предписания «хорошего тона» тогдашнего общества, военная доблесть, гостеприимство и щедрость определяют нравственное совершенство, а так как эти добродетели доступны только богатым, то в греческом языке *agathos* стало означать одновременно и благородного по происхождению, и богатого, и добродетельного, слово *kakos* — и человека из простонародья, и дурного в нравственном смысле; слово *ropagos*, «обремененный трудом» (от слова *ropos*, труд), стало означать «подлый». Так и в русском языке слово «подлый» первоначально просто означало «человек низшего сословия».

полный чудовищ и всякого рода фантастических ужасов, находится совсем недалеко от Греции. Теперь привозятся в незначительном количестве только предметы роскоши для знати. Их привозят в первую половину изучаемой нами эпохи финикийские купцы на финикийских кораблях, так как греки этой эпохи лишь постепенно начинают научиться каботажному торговому мореплаванию, т. е. плаванию вдоль берегов.

Поселения финикийцев не носили прочного характера.²⁰ Финикийские купцы выгружали на берег свои товары и вели торговлю с местными племенами; когда же все товары были распроданы, они вовсе покидали место стоянки, причем, если удавалось, грабили местное население, уводили женщин и т. д. В XV книге «Одиссеи» мы читаем:

Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Много соблазнов они привезли в корабле чернобоком...
Те, целый год оставаясь на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя товаром.

Мы узнаем также, что это были за «соблазны»; это были яркие драгоценные безделушки, которые столь неотразимо действовали на женщин:

В дом он отца моего дорогое принес ожерелье,
Золото в нем и янтарь чудесный друг друга сменяли,
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались. Оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали...

Уезжая, финикийцы, как рассказывается дальше, похитили царского сына. Точно так же и Геродот, сообщая старинный миф об Ио, рассказывает, что финикийцы, распродав свои товары, напали, как было у них заранее условлено, на пришедших к кораблю женщин; несколько женщин им удалось схватить и увезти. В этом мифе, быть может, сохранились воспоминания об обстановке гомеровской эпохи.

В другом месте «Одиссеи» рассказывается, как грек впервые научается торговать у финикийца. Здесь один из братьев, получивший слишком малый участок земли в наследство и предпочитавший войну мирным занятиям, отправляется в море. После того как пиратское нападение на Египет окончилось

²⁰ Финикийцы не основывали постоянных колоний в Элладе, как впрочем, и в других местах. Исключение составляли только Карфаген и поселения в западной Сицилии. О колониях финикийцев в восточной Сицилии Фукидид сообщает следующее: «По всей Сицилии жили финикийцы, ради торговли с сикулами (туземцами Сицилии) занявшие мысы и прилегающие островки. Но после того как многие эллины стали тревожить финикийцев с моря, последние покинули большую часть острова».

²¹ Таким образом, финикийцы сохранили через ряд посредников торговые связи с Балтийским морем, существовавшие уже в крито-микенскую эпоху (отсюда привозили янтарь).

плачевно, герой был пощажен египетским царем и жил у него из милости.

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало...
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плеть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем,
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил.

Наконец, в «Илиаде» мы встречаем уже купца — греческого аристократа:

Тою порою пристало к нам много судов из Лемноса,
Черным вином нагруженных, Эней Ясонид снарядил их...
Детям Атрея, царям Агамемнону и Менелаю,
Чистого тысячу мер подарил он вина дорогого,
А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев
Все покупали, платя — кто железом, кто яркую медью,
Или рабами людьми...

Отметим попутно, что здесь, как и в других местах у Гомера, нет еще речи ни о чем, напоминающем деньги.²² Торговля чисто меновая, наиболее распространенная в гомеровскую эпоху, счетная единица — быки. Несомненно, однако, что греческие купцы еще были редким явлением; аристократия относилась к ним полупрезрительно. См. кн. VIII «Одиссеи»:

Но Евриал Одиссею ответственвал с колкой усмешкой:
«Странник! Я вижу, что ты не подобисься людям искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных: должно быть
Ты из торговых людей, объезжающих бурное море
В многovesельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Вволю нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходишь».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный и т. д.

Это предположение чрезвычайно оскорбило Одиссея. В то же время, несмотря на наличие большого числа зависимых людей и на появление рабства, знатный аристократ еще не видит ничего зазорного в том, чтобы самому заниматься физической работой. Так, мы из «Одиссеи» узнаем, что отец царя Одиссея Лаэрт сам перекапывал виноградник. Сам Одиссей собственноручно изготавливает себе кровать.

При захвате вражеской территории мужское население обыкновенно убивалось, так как иметь в доме в качестве раба бывшего неприятеля, сохранившего любовь к свободе и вражду к разорителю своего города, считалось нецелесообразным. По-

²² Правда, у Гомера шесть раз (три раза в «Илиаде» и три раза в «Одиссее») упоминаются золотые таланты. Но во всех этих местах они упомянуты не как эквивалент ценности какого-либо товара (как быки), а лишь как один из предметов в списке различных подарков. Если под этими «талантами» понимаются сохранившиеся до этой эпохи микенские «деньги», то, во всяком случае, теперь они потеряли былое значение

этому рабов было очень мало, и это были по большей части люди, попавшие в рабство случайно, оказавшиеся на чужбине; гораздо больше было рабынь, которых охотно захватывали для того, чтобы сделать из них не только домашних работниц, но и наложниц. Впрочем, и домашними работами свободные женщины занимались наравне с невольницами. В «Одиссее» царская дочь Навсикая идет на море стирать белье вместе со своими рабынями. По сообщению Геродота, в Афинах в раннее время за водой «всегда ходили дочери и сыновья граждан, так как в то время ни у них, ни у других эллинов еще не было рабов». «У локрийцев, так же как и у фокейцев, до самого последнего времени не было принято иметь рабынь и домашних рабов».²³

Впрочем, труд рабынь имеет в поэмах Гомера довольно широкое применение, например:

Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных невольниц,
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити пряли другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя. Ткани
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло...
... На мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие все, кончив работу, а эта, слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый...

В усадьбах аристократов работало и большое число свободных специалистов-ремесленников. Иногда это были иностранцы, лишившиеся своего отечества из страха перед кровавой мстью или по другим причинам. Но немало ремесленников было и из числа граждан, почему-либо лишившихся земельного участка или вследствие физического недостатка неспособных заниматься земледельческими работами. Так, например, в кузнецы, по-видимому, обычно шли хромые. Это можно заключить из того, что бог Гефест, считавшийся небесным покровителем кузнецов, изображался хромым.²⁴ Эти же кузнецы занимались и изготовлением изделий из золота и серебра. Далее, в гомеровских поэмах мы встречаем упоминание о горшечниках, плотниках, кожевниках, изготовителях луков. Встречается у Гомера и свободная ткачиха, хотя обычно эта работа выполняется рабынями:

Как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату.

²³ Как сообщает Тимей, историк III в.

²⁴ Любопытно что кузнец по-гречески еще и в классическую эпоху назывался «медник» (chalkeus). В гомеровскую эпоху широкое распространение, как мы видели, получило уже железо; очевидно, это название сохранилось еще от микенской эпохи.

Наконец, в древности к ремесленникам относили также глашатаев, небесным покровителем которых был бог Гермес, певцов, снотолкователей и врачей; последние находились под покровительством бога Асклепия.

Все эти ремесленники считались, подобно наемным рабочим, стоящими на более низкой ступени общественной лестницы, чем земледельцы, хотя в отдельных случаях к ним и относились с большим уважением и их очень ценили. Эти ремесленники ходили из одного дома в другой, хозяева поили и кормили их, снабжали их материалом для работы, а по окончании платили им условленную плату натурой, а часто давали еще подарки. Закончив работу, они переходили к другому заказчику. Так, в «Одиссее» мы читаем:

.. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, или искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом,—
Их приглашают с охотою все земнородные люди.

Наиболее тяжелым в гомеровском обществе было положение свободных наемных рабочих, не имевших особой квалификации, — так называемых фетов. Мы видели уже, какие причины вели к обнищанию крестьян и к появлению среди них безземельных. В феты попадали те из них, которые почему-либо не хотели или не могли попасть в постоянную зависимость от аристократа. Иностранцы-переселенцы, о которых мы говорили выше, принадлежали обычно к группе фетов. Фет работал приблизительно на тех же условиях, что и ремесленник, но его заработная плата была меньше, и с ним хозяин гораздо меньше церемонился. Так, в «Илиаде» Посейдон говорит Аполлону:

.. Повинуйся воле Кронида,
Здесь Лаомедону гордому мы за условную плату
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги,
И продать, как раба, на остров чужой и далекий.
Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
Так, удалились мы, на него негодуя душою.

Перейдем теперь к организации общины гомеровской эпохи. Во главе ее стоит базилей, «царь», реже — два базилея. В гомеровских поэмах часто образ микенского неограниченного наследственного «божественного царя» смешивается с базилеем — племенным начальником родового общества гомеровской эпохи; с другой стороны, мы встречаем здесь ряд черт еще более позд-

²⁵ Ср. «Одиссея», XI, 488 — здесь самым тяжелым уделом на земле считается удел поденщика, работающего у бедного пахаря.

ней эпохи. В раннегомеровскую эпоху царь был, несомненно, племенным вождем, выбираемым начальниками родов (которые тоже назывались базилеями) или народным собранием, хотя в гомеровских поэмах нет прямых указаний на такое избрание. Как правило, царем избирался сын скончавшегося базилея. Цари носят название «вскормленные Зевсом» или «рожденные Зевсом» и имеют ряд жреческих функций. В мирное время царь делит свою власть с базилеями отдельных родов, будучи «первым между равными»; однако он пользовался гораздо большим авторитетом у народа, чем эти родовые старейшины; он «царственнее» их (*basileuteros*), он «самый царственный» (*basileutatos*) из всех. На войне власть царя — неограниченная. Кроме военных, основными функциями царя были еще судебные.

Важнейшей привилегией царя является получение теменоса, т. е. выделенного участка общинной земли, большого и плодородного и не поступающего в передел, подобно клерам отдельных граждан. Далее, царь получает традиционные подарки (*dotinai*) от отдельных граждан, в частности от тяжущихся сторон после произнесения приговора. Подчиненные общины вносят царю также «положенные» налоги (*themistes*); с граждан своего полиса царь взыскивает налоги только в экстренных случаях — например, на угощение и дары иностранным гостям. Точно так же во время войн и пиратских набегов царь получает наибольшую и наилучшую часть добычи.

Совет старейшин всех родов в то время, когда написаны гомеровские поэмы, превратился уже в совет базилеев, старейшин аристократических родов. Так как это по большей части пожилые и почтенные люди, они называются «стариками» («геронтами»). Они обедают в царском доме, и царь совещается с ними о всех важнейших делах. В наиболее важных случаях, когда царь и геронты находят это нужным, они заседают под открытым небом, и тогда их обступает со всех сторон народ, — это и есть народное собрание той эпохи, когда в древней военной демократии уже выдвинулась на первое место аристократия. Так как эти собрания происходят на городской площади, агоре, то и самое собрание носит название «агора». Если на Итаке совет старейшин и народное собрание в отсутствие Одиссея не собирались двадцать лет, то это исключительный случай: он говорит о том, что фактически на это время община распалась и власть осуществлялась отдельно в каждой родовой или локальной единице, возглавляемой отдельным базилеем.

Народные собрания собирались прежде всего в случае предстоящей опасности войны, но они могли заниматься и любыми делами внутреннего управления. Особенно часто народ собирался для решения судебных дел.

Дела об убийствах не относились к компетенции народного собрания, потому что в гомеровском обществе кровавая родовая месть была узаконенным институтом. Чтобы оградить себя от

родовой мести в том случае, когда обиженный род не хочет принять выкупа, для гражданина есть только одно средство: покинуть навсегда пределы своей отчизны. Если же обиженный род согласился примириться с обидчиком за определенный выкуп и обидчик не уплатит обещанного выкупа, дело подлежит уже компетенции суда.

Говорить о «правах» царя, народного собрания и геронтов в эту эпоху было бы неуместно. Письменного закона не существовало: при решении дел руководились обычаем и общественным мнением, а также фактическим соотношением сил в каждый отдельный момент. Руководящую роль аристократии, ввиду ее значения на войне, народные массы принимали обычно как нечто неизбежное.

Никакой закон не запрещал кому бы то ни было из граждан говорить в народном собрании, но в эту эпоху усиления аристократии рядовые граждане, если и пользовались этим правом, то в исключительных случаях; как правило, в народном собрании выступали только аристократы.

Однако и аристократы, считавшие себя «лучшими людьми» (*aristoi*), в эпоху, когда традиции военной демократии были еще сильны, не могли не ставить высоко репутацию и общественное мнение. Конечно, это общественное мнение тогда, как и позже, господствующему классу не трудно было инспирировать и фальсифицировать, но известными рамками он был все же стеснен; так, например, сурово порицалось всякое отступление от вековой традиции. «Народной молве... придавалось большее значение. Агора (народное собрание) в такой же мере доставляла славу мужам, как битва... Общественное мнение было могучей силой; действовать против определенно выраженной воли народа казалось безрассудством» (Бузолт).

Знать считала себя обязанной обо всех важных государственных делах докладывать народному собранию; если это и не вело к фактическому участию народа в управлении, то во всяком случае служило для народа гарантией от слишком резкого нарушения традиций и добрых нравов.

Судебные дела не имели такого злободневного значения, как вопросы государственной политики; естественно поэтому, что влияние народа в этой области оставалось значительным. Конечно, и здесь речь не может идти о голосовании подобно тому, как это было в Афинах в V в. И в судебных заседаниях, как и в политических заседаниях народного собрания, никто не считал голосов за и против; народ выражал свою волю криком, и таким образом при вынесении решения аристократическим магистратам был предоставлен большой простор, тем более, что формально с волей большинства они вовсе не обязаны были считаться. Но здесь не считаться с волей народа было, тем не менее, еще труднее, чем при решении политических и военных вопросов.

В древнейшие времена судил царь, но на суде присутствовал народ, и вряд ли можно сомневаться, что царь больше всего стремился снискать репутацию мудреца у этого же присутствующего народа. Как и другие функции царя, его судебные функции переходят к специалисту. На суде, вероятно уже с древнейшего времени, рядом с народом присутствуют аристократические старцы, голос которых имеет гораздо больший вес, чем мнение рядовой массы. Никакого голосования ни среди народа, ни среди геронтов (старцев) не происходило. Судья стремился не к формально правильному, а к «пристойному», «подобающему»; его задача сводилась не к простому подсчету голосов, поданных за и против, а к следованию той линии поведения, которая, не отступая слишком далеко от образа мыслей правящей аристократии, представленной геронтами, в то же время показала бы достаточно мудрой и достойной присутствующему народу.²⁶

7. КУЛЬТУРА ГОМЕРОВСКОЙ ЭПОХИ

Гомеровская эпоха была временем, когда железо получает в Греции такое распространение, что из него уже изготавливаются не только украшения, но также, и во все больших количествах, хозяйственные орудия и оружие. Переход от бронзы к железу есть прогресс. Но должны ли мы на этом основании считать, что гомеровское общество стояло на более высокой ступени, чем микенское, также и в области культуры, как рассуж-

²⁶ В этом отношении чрезвычайно поучительна сцена суда, изображенная в «Илиаде». Два человека спорят относительно выкупа за убитого; один уверяет, что он уплатил его, другой — что он ничего не получил. Спорная сумма — два золотых таланта — заложена в третьи руки до приговора. На суде присутствует народ, разделившийся на две партии и бурно выражающий свои симпатии и антипатии. К этому-то народу обращаются со своими речами стороны. В центре на почетных местах сидят геронты и «судят». Но это «судят» не следует понимать в смысле нынешнего суда; в этом же смысле, как здесь, мы употребляем это слово в выражении «судить и рядить». Действительно, и в надписи, содержащей старинное уголовное законодательство Драконта, слово «судить» (*dikazein*) еще имеет этот старый смысл, и ему противопоставляется выражение *diagonai* (выносить приговор). Право *diagonai* в гомеровской сцене, несомненно, принадлежало упомянутому здесь судье — специалисту «доке» (*istor*). Нигде в гомеровской сцене мы не находим указания на подсчет голосов. Таким образом, с точки зрения формально-юридической, в изображенной Гомером сцене «простым свидетелем» был не только народ, но и подающие голоса геронты, а власть должностного лица была чуть ли не самодержавной; несмотря на это, тягущиеся обращаются в своих речах не к этому самодержавному судье, а к «простому свидетелю», к публике. Очевидно, став на такую формально-юридическую точку зрения, мы совершим грубую ошибку: это будет модернизацией, неумением проникнуться духом той эпохи, когда на месте проникающего во все уголки человеческой жизни законодательства стоит окаменевшая и нерушимая традиция.

дают у нас в СССР Б. Л. Богаевский и его последователи?²⁷ Не трудно убедиться, что здесь мы имеем по существу недиалектическую (бюхеровскую) схему развития, стоящую в прямом противоречии с фактами. Совершенно упускается из виду, что сознание людей сплошь и рядом отстает от экономики. Все возрастающее распространение железа, действительно, содействовало дальнейшему росту греческой культуры, но вследствие косности античной психики этот дальнейший прогресс осуществился лишь через 200—300 лет после того, как железо стало проникать в экономику Греции. В самом деле, ни один серьезный исследователь, оперирующий с историческими фактами, а не с собственными произвольными конструкциями, не сможет отрицать резкого упадка культуры, наступившего после вторжения дорян.

Как мы видели, в микенском обществе письменность имела широкое распространение; существовали целые библиотеки табличек. С точки зрения Гомера, умение читать «зловещие знаки», начертанные на табличке, — один из видов колдовства, вызывающий суеверный ужас рассказчика:

В Ликию выслал его и вручил зловещие знаки,
Много на гибель ему начертав их на дощатом складе.
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.
И когда он принял зловещие зятевы знаки,
Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру...

В языке автора этой песни нет даже слова, означающего «читать»! Это единственное упоминание письма, и не может быть сомнения в том, что общество, слушавшее эту песнь, было совершенно безграмотным, и умение писать и читать считало чуть ли не волшебством. Единственным видом литературы были эпические поэмы, распевавшиеся под аккомпанемент кифары певцами-аэдами. Они частью заучивались наизусть, частью тут же импровизировались по старым образцам.

Дома гомеровской эпохи, даже царские дворцы были очень примитивны по сравнению с дворцами микенской эпохи. Из камня, по-видимому, строились только маленькие спальные комнаты для главы дома и членов его семьи. Большие залы, в которых принимали гостей, ели и пили, строились из бревен и досок; из досок же сооружались кладовые и помещения для рабов. Полom служила плотно убитая земля. Стены и перегородки были изнутри гладко выстроганы, но они были черными от дыма, который шел от очага, не имевшего труб (дым выходил через отверстие в крыше), от жирного чада, исходящего от жарившейся пищи, и копоти примитивных светильников. Сажа садилась на все предметы. Отбросы убитых животных, за-

²⁷ Необходимо, с другой стороны, указать на то, что на древнем Востоке классовое общество сплошь и рядом появляется уже в эпоху бронзы.

пачканные кровью, валялись прямо на полу, в углах комнаты. Двор был грязен: здесь лежали кучи навоза.

Художественное творчество этой эпохи производит чрезвычайно убогое впечатление по сравнению с творчеством предшествующего периода. Это так называемый геометрический стиль, названный так в виду преобладания в нем линейного геометрического орнамента. Симметричное расположение, чередование по определенной системе простых геометрических фигур — кругов, треугольников, ромбов и т. д. — вот те простые средства, при помощи которых достигался художественный эффект.

Человеческая фигура изображалась всегда в профиль, в чистом силуэте, и состояла из перевернутого вершиной вниз треугольника-туловища, двух приставленных к нему огромных ног, двух плетевидных рук и маленькой круглой головы с выдающимся вперед носом. Из таких однотипных, будто вырезанных по одному шаблону фигур комбинировались иногда весьма сложные сцены — похоронные процессии, битвы, хороводы и т. д., отличающиеся полным незнанием перспективы и похожие скорее на ребусы или идеографическое письмо, чем на изображение живой действительности. Художники рисовали их по памяти, довольствовались передачей предметов в самом общем их виде, и мысль об изучении форм природы еще не приходила им в голову.

Абстрактный геометрический стиль представляет собой настолько резкий контраст со стилем крито-микенской эпохи, проникнутым живым восприятием реального мира, что в западно-европейской науке возникло предположение о привнесении геометрического стиля в Грецию целиком извне переселившимися туда в конце II тысячелетия северными племенами. Несостоятельность подобной гипотезы очевидна. Крито-микенская культура не могла исчезнуть бесследно и не могла не стать составной частью культуры нарождавшейся классической Греции... Простое сопоставление крито-микенской и геометрической эпох свидетельствует о сильном упадке культуры. Крито-микенское общество знало все виды монументального искусства, а его художественное ремесло было основано на высокоразвитой специализированной технике. Круг художественных изделий X—VIII вв. ограничивается расписной керамикой, бронзовой утварью и мелкими поделками из глины, камня, кости и золота. Крито-микенские изделия экспортировались далеко за пределы Греции; мастера геометрической эпохи работали почти только на внутренний, ограниченный узкими географическими рамками, сбыт. Их изделия не поднимаются над уровнем простых ремесленных товаров, предназначенных для удовлетворения потребителей из местного населения. Искусство пало до уровня простого ремесла, и именно это обстоятельство и объясняет внедрение геометрического орнамента, который не требует от мастеров, никакой специальной художественной подготовки.

«Вследствие своей простоты геометрический орнамент свойственен искусству многих народов, находящихся на низкой ступени социально-экономического развития. Однако аналогия между греческим геометрическим стилем и таким же стилем первобытных народов не полная. В отличие от примитивной керамики, греческие расписные вазы геометрического стиля технически весьма совершенны. Они сформированы в гончарном кругу, обожжены в печах и расписаны стойким блестящим лаком, изобретенным на Крите в первой половине II тысячелетия. Кроме того, орнамент греческих vaz не разбросан беспорядочно, но подчинен строгой системе, приравливаемой к индивидуальной форме каждого сосуда. Высокая гончарная техника и острое чувство формы свойственны и крито-микенскому искусству, и не подлежит сомнению, что, несмотря на общее падение культуры, геометрическая и крито-микенская эпохи связаны цепкой ремесленной и художественной традицией, на базе которой выросло и позднее греческое искусство» (проф. М. И. Максимова).²⁸

Скульптура этой эпохи стояла на еще более низкой ступени, чем живопись. Статуи богов, восходящие к этой эпохе (так называемые «бретас» или «ксоанон»), представляли собой безобразные, бесформенные деревянные обрубки или доски с примитивно намеченными чертами лица; у греков VI и V вв. они вызывали только смех.

Религия, в том виде, как мы ее находим в поэмах Гомера, не была религией широких народных масс. Она была религией узкого аристократического круга, также унаследованной еще от микенской эпохи и отражающей общественные отношения этой эпохи. Боги Гомера — это те же сытые и счастливые аристократы; они проводят время в пирах и, соблюдая весь этикет аристократической вежливости, развратничают и обманывают друг друга. Более того, боги Гомера стоят на более низкой культурной ступени, чем его герои: так, Зевс бьет свою жену, а когда сын заступает за мать, сбрасывает его с неба, причем сын ломает себе ногу. Для этой аристократической религии гомеровской эпохи характерно небольшое количество богов, образующих замкнутую коллегию, подчиненную верховному богу Зевсу. Культ предков у Гомера отсутствует; низшие природные божества, как-то боги источников, деревьев и т. д., играют лишь незначительную роль. Боги и по внешнему виду, и по характеру и привычкам мыслятся человекоподобными (антропоморфизм); живут они на Олимпе. Под Олимпом первоначально понимали

²⁸ Столь же «цепкая» художественная традиция заметна и в мифологии гомеровской эпохи, легкой в основу позднейшей греческой мифологии. Для целого ряда сюжетов греческой мифологии (убийство Сфинкса Эдипом и Клитемнестрой Орестом, рождение Афродиты, взвешивание Зевсом на весах судеб героев) найдены прототипы уже в изображениях микенской эпохи.

гору Олимп в Фессалии, а затем, с углублением религиозного сознания, боги стали мыслиться живущими на небе, и небесный Олимп был отделен от земного. Боги, живущие на земле и под землей, не играют большой роли в этой олимпийской религии.

Всякая религия — включая и нынешние — носит пережиточный характер и наряду с поздними чертами имеет и очень первобытные (как, например, причащение в христианстве). Естественно, что и эта олимпийская религия, отображающая на небо быт микенского и гомеровского аристократического общества, имеет и ряд более древних черт. Эти черты таковы: 1) каждый новый бог, захватывающий небесный престол, убивает или оскотляет своего отца; 2) боги женятся на собственных сестрах. Основной миф этой религии следующий: сперва царствовали Уран (небо) и жена его, его сестра Гея (земля); от них произошли титаны: старший из них, Кронос, сверг с престола своего отца Урана и женился на своей сестре Рее. Дети Кроноса и Реи были: Посейдон (бог моря), Аид (бог преисподней) и Зевс; дочери — Гестия (богиня очага), Деметра (богиня земледелия).

Кронос был свергнут с престола и оскотлен или низвергнут в Ад Зевсом. Дети Зевса были: Гермес, Афина, Аполлон, Артемида, Арес (бог войны), Афродита (богиня любви), Гефест (бог кузнечного и гончарного дела).

Однако в этом виде олимпийская религия не была религией народных масс ни в эту, ни в более позднюю, классическую эпоху. Наряду с ней, причудливо амальгамируясь с ней, существовала подлинно народная религия, религия широких масс.

Еще не так давно, говоря о греческой религии, имели в виду греческую мифологию в том завершенном виде, который был придан ей не только гомеровскими поэмами и Гесиодом, но и значительно более поздними римскими писателями, точно определившими сферу компетенции каждого божества. В действительности религия является только одним из источников этой мифологии.

Под религией мы разумеем здесь прежде всего то, что составляло ее действительную сущность в глазах широких масс, т. е. ее обрядность: «... главным была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях... можно было доказать свою принадлежность к определенной религии».²⁹

В древнейшую эпоху никакой общей для всех греков иерархии богов не существовало. Число их было неопределенно большим, а сфера компетенции каждого чрезвычайно разнообразной и неопределенной. Никакого отчетливого разграничения между

²⁹ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. I. 19. М., 1961. С. 313.

богами, полубогами, демонами, святыми («героями») и, вероятно, даже просто людьми, одаренными, по мнению современников, сверхъестественной «божественной» силой, не существовало.

Но самое важное следующее: уже задолго до появления олимпийской религии, наряду с второстепенными «специальными» богами, богами источников, рек, деревьев, ремесел, жилищ, семей и т. д., в Греции, как и во всем средиземноморском мире, в каждой отдельной общине имелся свой бог, несравненно более могущественный, чем эти специальные боги, верховный бог. Специфическая задача этого бога — покровительствовать всей данной общине и защищать ее от всех других богов и людей. Эти религиозные представления, носящие в науке название генотеизма, коренились в душе грека не менее глубоко, чем в душе евреев и других народов древнего Востока.³⁰

В поэмах Гомера мы находим ясные следы генотеистических представлений. Подобно тому, как людей, участвующих в совместном походе разных государств, называют по национальности (например, Эант-саламинец и т. п.), так и богини иногда называются по их городам (например, «Гера-аргивянка»).

Однако такой местный бог-покровитель не считался ни универсальным, ни всемогущим. «Национальные боги могли терпеть рядом с собой других национальных богов у других народов, — и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собой»³¹.

Власть местного бога распространялась только на территорию данного государства. За пределами своего государства этот бог был бессилён. В соседних государствах господствовали другие, столь же могущественные боги, в каждом свой; поэтому война между государствами сопровождалась борьбой между этими богами. Победенный бог, по понятиям того времени, лишался своей власти; его кумир переносился в храм бога-победителя, а он сам отныне занимал подчиненное положение по отношению к богу-победителю.

³⁰ Даже в классическую эпоху богиня Афина еще мыслилась как покровительница своего города — Афин, а богиня Гера — Самоса; вот почему, когда в 407 г. афиняне заключают договор с Самосом, над текстом договора изображены богини Афина и Гера, пожимающие друг другу руки. Так, например, по мнению Солона, главная обязанность Афины — быть защитницей своего города Афин на небе:

Город же наш не погибнет по воле державного Зевса,
Ни по решению иных в сонме бессмертных богов:
Великодушная наша защитница дева Афина,
Дщерь громовержца, свою руку простерла над ним.

Другие примеры — в моей книге «История античной общественной мысли» (М., 1929. С. 196—198).

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 312.

В противоположность представлениям, легшим в основу гомеровских поэм, чрезвычайно важную роль в греческой народной религии всех этих эпох играл культ предков и вообще покойников (некоторые рудименты этих воззрений имеются, впрочем, и в «Илиаде», — например, в описании погребальных церемоний в честь Патрокла). Целый ряд этических норм мотивировался обязанностями перед этими покойниками и мстостью с их стороны в случае нарушения этих обязанностей. Величайшим несчастьем грек считал вымирание семьи, отсутствие потомства; в религии это мотивировалось тем, что некому будет справлять заупокойный культ по погибшим предкам. Ближайшим непосредственным долгом перед покойником было надлежащее погребение, причем покойника в древнейшее время в Греции снабжали всем необходимым ему в загробной жизни (соответствующим жилищем, утварью, пищей, женщинами и рабами, специально закалывающимися на его могиле).

Такой же обязанностью перед покойником считался долг кровавой мести, т. е. преследование его убийцы и отомщение кровью; впоследствии кровавая месть заменилась судебным преследованием. Это преследование возбуждали в первую очередь родичи покойного; кроме того, оно являлось обязанностью и всех сограждан, так как скверна (по-гречески «миазм»), лежащая на убийце (она мыслилась в виде живого существа), поражает прежде всего родичей, а затем и все государство. Обиженные духи покойников не находят успокоения, пока покойник не похоронен и над ним не совершены все религиозные обряды и пока виновник его смерти или виновники того, что эти обряды не совершены, не будут разысканы и казнены. В противном случае обиженные духи покойников не находят успокоения и жестоко мучают родичей и сограждан, душат их и сосут из них кровь, пока за их кровь не будет воздано кровью убийцы.³²

³² Так, в 406 г., в тяжелый момент войны со Спартой, афиняне предали смерти свое правительство — стратегов, одержавших блестящую победу над Спартой, — только за то, что они не приняли достаточно энергичных мер для того, чтобы подобрать трупы убитых, упавшие в море во время бури. Эти представления мы находим еще у оратора Антифонта, выступавшего в V в. по делам об убийстве. Для духов-мстителей мы находим у него целый ряд технических названий: *aliterios*, *prostropaios*, *enthymios*. Души убитых он представляет себе незримо присутствующими в городе; они жаждут мести, наводят ужас на убийцу и родных убитого и требуют помощи. «Миазм» распространяется от убийцы на весь город: являясь в храмы, убийца оскверняет их; садясь за общий стол, он превращает трапезу, в которой незримо участвуют боги, в кошунство; пока он находится в среде граждан, весь город страдает от бесплодия; если он садится на корабль, то навлекает гибель на ни в чем неповинных попутчиков. Если судьи несправедливо оправдывают убийцу, то «миазм» обрушивается уже не на весь город, а на самих судей и их потомство; если они накажут убийцу, то «миазм» как бы сходит со всех зараженных им предметов и перемещается на голову убийцы (дважды у Антифонта: «посадите „миазм“ убийцы на него самого!»).

Но даже и после того, как все эти обязанности по отношению к покойнику выполнены, родные обязаны периодически устраивать жертвенные игры в его честь.

Долг перед духами предков играл важную роль в античном брачном и общественном праве, в нравственном представлении греков. То, что потомок отвечает за грехи отдаленных предков, так же характерно для греческих, как и для еврейских представлений; эти представления проходят красной нитью через всю греческую мифологию, и на них часто построена коллизия в греческой трагедии.

В этом культе предков отчетливо сохранились пережитки религии родового общества. В то же время он показывает, что, когда создавались эти представления, род уже мыслился прежде всего как подразделение общины. Отсюда — представление о скверне, поражающей всю общину, и об обязанности кровавой мести и культа покойников, лежащих на всей общине. Отсюда характерные представления, что власть духов-мстителей, как и власть бога общины и вообще всех духов, привязанных к месту почитания, ограничена пределами их родного города. «Государственная граница есть не только граница власти полиса, но и граница власти духов-мстителей; за границей они бессильны» (В. Роде).

Поэтому у греков (как и у древних евреев) считалось величайшим несчастьем быть похороненным на чужбине.³³ Вопрос о выдаче трупов для погребения играл важную роль в античных войнах.

Древнейшие религиозные формы (культ животных, териоморфизм; культ неодушевленных предметов, фетишизм) сохранились в виде ясных пережитков вплоть до позднейшего времени. Боги в образе животных мыслятся теперь, однако, либо как спутники, либо как один из временных образов человекоподобных божеств: Зевс «принял вид» быка, сова стала спутницей Афины: эпитет Афины *glaukopis* — «сововидная» — впоследствии истолковывался как «сероглазая». Известна та громадная роль, которую играл в античной религии, например, священный дуб в Додоне, по шестелу листьев которого жрецы предсказывали будущее. Замечательно также, что древнейшие (и наиболее чтимые) кумиры богов часто еще не имеют человекообразного вида, а представляют собой камень или бревно.

Статуи и другие художественные изображения богов — сравнительно позднего происхождения; к этой же, более поздней эпохе относится и появление храмов, первоначально имевших целью служить прикрытием для статуй. Однако наряду с этими

³³ Например, в трагедии Еврипида «Троянки» говорится даже, что павшие победителями греки несчастнее павших побежденными троянцев; первые пали на чужбине, вторые — на родной земле.

храмами до позднего времени сохранили свое значение не только стоявшие под открытым небом алтари для жертвоприношений, но и священные камни или груды их, деревья, роши, столбы и т. д., в которых видели богов или вместилище богов и которым непосредственно приносили жертвы. Мы видели уже, что религия критской эпохи еще имела только такие формы.

Наконец, следует обратить внимание на то, что народные массы еще в классический период больше почитали божества хтонические (подземные), чем обитателей высших сфер. Так, например, особенно популярен был культ богини плодородия Деметры и ее дочери Коры, живущей в подземном царстве. Культ Деметры был только одним из видов культа богини Земли, чтившейся под различными наименованиями. Этот культ в классический период, правда, был в значительной мере вытеснен олимпийской религией, но отчетливые следы этой борьбы еще сохранились в мифах (победа олимпийцев над земными титанами; победа Аполлона над Землей или хтоническим божеством Пифоном и занятие им ее святилища в Дельфах и т. д.). Как мы видели уже, памятники критской (и микенской) эпохи показывают нам, что в древнейшее время и фетишизм и культ этих божеств был преобладающим и что поэтому он был древнейшим слоем греческой религии.

Весьма интересный материал для характеристики общественного строя разбираемой нами эпохи дают содержащиеся в греческой религии генотеистические черты. «Истинной религией» древних был культ их собственной «национальности», их «государства».³⁴ «Все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ними».³⁵

Культ генотеистического, локального «единого» бога и культ предков в его разобранном выше государственном виде отражает экономически изолированную маленькую «общину», постоянно пребывающую в состоянии войны со всем окружающим миром. Основным подразделением внутри этой общины являются, прежде всего, родовые группы, отразившиеся в религии в виде культа предков. При приближении сильного врага члены общины устремляются с полей за крепостные стены, где у них запасен провиант на такой случай, и здесь отсиживаются, пока враг не уйдет. Недаром на ряде греческих монет городской бог или богиня изображены в короне в виде городской стены с зубцами — бог проецирует на небо общину с ее главным оплотом — городской крепостью.

³⁴ Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung»//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 99.

³⁵ Энгельс Ф. Бруно Бауэр...//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 312.

8. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗДНЕГОМЕРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В следующей главе мы будем говорить о тех внешних причинах, которые привели к быстрому разложению аристократического общества. Здесь скажем несколько слов о тех внутренних причинах, которые медленно, но верно подготавливали это разложение. С одной стороны, басилеи, пользуясь по традиции большим престижем и влиянием в широких народных массах, пытаются усилить свою власть, играя на противоречиях между враждебными друг другу группами аристократов. Чтобы парализовать такие попытки, руководящие группы аристократии выдвигают из своей среды влиятельных должностных лиц, узурпирующих значительную часть царской власти. Таковы, например, спартанские эфоры, архонты в Афинах и беотийских городах, дамиурги в Аргосе и в ряде городов западной Греции; в некоторых местах это высшее должностное лицо, выдвинутое аристократией, просто называется «тот, который занимает высшую должность», как, например, в Элиде. Далее, знать добивается того, что царь приносит клятву этим высшим магистратам (как, например, в Спарте) или выбирается народом из всех представителей царского рода, или весь царский род правит как целое, как Бакхиады в Коринфе. Этот процесс кончается тем, что царь сохраняет за собой только религиозные и некоторые другие почетные функции, а вся его власть переходит к аристократическим магистратам.

Наиболее подробно нам известен этот процесс в Афинах, но примеры отделения от царской власти, в частности, военного начальствования мы находим уже у Гомера.

Встречаем мы в эту эпоху и проявления открытого недовольства народных масс. Одной из причин этого недовольства было разорение сельского хозяйства, вызываемое постоянными грабительскими походами, предпринимаемыми по почину аристократических вождей, и неравномерное распределение добычи — рядовые воины получали из нее лишь жалкие крохи. В одной из поздних частей «Илиады» выведен уже народный вожак, демагог Ферсит. Характерно описание внешности Ферсита. Настоящий аристократ получал надлежащую гимнастическую выправку и знал в совершенстве хорошие манеры; Ферсит — урод.³⁶ Он — опытный демагог:

В мыслях имея всегда непристойные многие речи,
Вечно искал он владык оскорблять, презирая пристойность.

36 Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону.
Был косоглаз, хромоног, совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием и была лишь местами усеяна пухом.

Указав на неравномерное распределение добычи, Ферсит обращается к рядовым воинам с призывом оставить поле сражения и уплыть назад, в Грецию:

«Слабое, срамное племя! Ахейки мы — не ахейцы!
В дома свои отплывем, а его мы оставим под Троей
Здесь насыщаться чужими наградами: пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим».

Автор указывает, как надо обращаться с подобными демагогами: Одиссей «... молвил и скиптром его по хребту и плечам он ударил. Вдруг на спине полоса под ударом тяжелого скиптра вздулась багровая» и т. д. — это действительно веское возражение, после которого Ферсит немедленно замолкает.

Такие случаи не могли пройти бесследно. Число недовольных среди бедноты должно было все более увеличиваться; благодаря колонизации это демократическое движение приняло более регулярные формы. Мы переходим, таким образом, к новой, так называемой архаической, эпохе.

ГЛАВА II

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА

1. КОЛОНИЗАЦИЯ

Аристократическое общественное устройство могло сохраняться лишь до тех пор, пока в среде простого народа не появилось значительного числа людей, получивших благодаря своему богатству большое влияние в общине, и пока, с другой стороны, в среде самой аристократии не появилось значительного числа людей, настолько обнищавших, что они не могли уже вести образ жизни, подобающий аристократу.

Основной причиной этого распада была колонизация. В гомеровском обществе был ряд причин, делавших необходимым систематическое устранение избытка населения. Эту функцию выполняли, как мы видели, непрерывные войны. Этой же цели достигали путем убийства или продажи в рабство детей, которых нельзя было обеспечить клером. Такая продажа была обязательной по законам старинного беотийского законодателя Филолая. Но по мере поднятия общего культурного уровня наиболее распространенным и эффективным средством борьбы с перенаселением стала высылка граждан в колонии. Эта высылка стала возможной с тех пор, как греки снова овладели мореходным делом настолько, чтобы решиться совершать путешествия на кораблях, двигаясь вдоль морского побережья или от острова к острову. Лишь много позже греки решаются выплывать в открытое море.¹

Отправлялись за море обычно люди, не получившие земельного надела, так как в ряде мест запрещалось дробить клеры. Далее, отправлялись часто представители побежденного рода, лица, опасавшиеся кровавой мести или других преследований со стороны рода-победителя, и вообще жертвы гражданской войны.

Первоначально эти колонии носили чисто земледельческий характер. Переселенцы совершенно не учитывали того торгового значения, которое смогут в будущем приобрести эти колонии. Так, мегарцы заняли было Византий, а потом переселились оттуда в Халкедон, так как почва там была плодороднее. Ви-

¹ Религия нередко сохраняет в виде пережитков много старинных обычаев. Поэтому из сообщения Геродота, что религиозные посвящения в храм Аполлона доставлялись из Ольвии (недалеко от устья Днепра) в Афины кружным путем через ряд прибрежных городов, мы вправе также заключить, что первоначально сообщение по морю происходило именно таким образом.

зантий заняли другие колонисты, и вскоре он стал одним из богатейших городов Греции, так как он закрывал Геллеспонт и служил ключом к черноморскому хлебу.² Такими же чисто земледельческими колониями были колонии, высланные городом Халкидой на острове Евбее. Они колонизовали полуостров Халкидику во Фракии. Земледельческий характер носили, несомненно, также древнейшие колонии в Сицилии и в так называемой Великой Греции, т. е. в Италии. Они были выведены теми же ионийскими халкидянами, которые, высадившись на западном побережье и основав здесь колонию Керкиру, переправились отсюда на восточный берег Сицилии и основали здесь Наксос, Леонтины, Катану и колонию на острове Ортигии. Тогда же, т. е. около середины VII в., мегарцы основали здесь колонию Мегары Гиблейские.

Однако уже через самое короткое время колонисты должны были заметить, каким выгодным делом является торговля с местным населением. В «Одиссее» описывается, с каким восторгом житель дикой Тринакрии великан Киклоп набросился на греческое вино; вероятно, таким же успехом оно пользовалось у каких-нибудь сикулов в Сицилии, скифов и т. д. Вывезенные колонистами из дому глиняные изделия, которым они, может быть, не придавали большой цены, видя в них только сосуды для хранения жидкости, казались первобытным их соседям верхом художества и могли быть проданы, с точки зрения греков, за баснословную цену. Такой же успех, вероятно, имели греческие ткани, оливковое масло и т. д. Колонист, предприняв поездку на родину и привезя оттуда уже специально товары, ходкие у его первобытных соседей, сразу становился богатым человеком и мог даже затем поселиться на старой родине в качестве богатого и всеми уважаемого человека, хотя недавно он был бедняком, не имевшим никакого влияния. Такие люди должны были вызывать зависть у тех из своих обеспеченных сограждан, которым до этого времени и в голову не приходило уезжать в колонии. Не только люди из престолярства решаются теперь вкладывать свои деньги в морскую торговлю: аристократия распадается в ряде государств на две группы — на реакционную земледельческую аристократию и на передовую торговую аристократию, представленную, например, в Афинах, родом Алкмеонидов. В Милете одна из аристократических партий носила название «аэйнавтов», т. е. вечных моряков. Эти торгово-аристократические партии иногда вступают в союз с купцами из престолярства.

Ряд бывших земледельческих колоний получает в связи с этим торговый характер, как, например, колонии в Сицилии.

² Как сообщает Геродот, впоследствии персидский сановник Мегабаз никак не мог этого понять и говорил, что «халкедоняне были слепы, — иначе они не заняли бы худшего места, когда могли занять лучшее».

В самой материковой Греции к этому времени большое торговое значение получает Коринф. Он лежал у узкого перешейка Истма. Плавание вокруг Пелопоннеса в виду скал у его южного берега было сопряжено с большими опасностями. Для мореходов, отправлявшихся с восточного берега Греции на западный или наоборот, выгоднее было перетаскивать суда через Коринфский перешеек. При этой перегрузке часть товаров сбывалась в Коринфе; вдобавок коринфяне взимали пошлины. Поэтому Коринф быстро разбогател, и здесь появилась влиятельная торговая аристократия. Заметив, какие выгодные опорные пункты для торговли приобрели халкидяне, Коринф отправляет своих колонистов вслед за ними; коринфяне отбирают у них Керкиру и остров Ортигию. На Ортигии и прилежащем побережье они строят город Сиракузы, впоследствии и по величине и по торговому значению далеко оставивший позади Коринф. Однако, кроме Сиракуз и маленьких Мегар, весь восточный берег Сицилии остался в руках ионийцев. На южном берегу утвердились дорийцы из Родоса и Крита, основавшие «хлебодородную» Гелу и Акрагант; западная оконечность осталась в руках финикийцев из Карфагена, финикийского города на северном побережье Африки.

На материке Италии древнейшая колония была выведена также халкидянами. Это — лежавшие на западном берегу, в Кампании Кумы, значение которых стало особенно велико потому, что они находились недалеко от владений этрусков, бывших в то время наиболее могущественным и культурным народом Италии, а также от латинов и Рима. Кумы впоследствии выслали колонию в соседний Неаполь.

Далее идет волна поселенцев из менее значительных областей Греции, не выславших колоний, правильно организованных государством. Случайные эмигранты из Ахайи на севере Пелопоннеса и различных государств средней Греции высаживаются в Италии в Тарентском заливе и образуют колонии Кротон, Сибарис и Метапонт. Наконец, спартанцы основали здесь же Тарент, ставший вскоре крупнейшим из греческих городов Италии. Это были преимущественно сельскохозяйственные колонии, владевшие обширными территориями, простиравшимися до Тосканского моря; они торговали хлебом, который был главным предметом вывоза из Италии в Пелопоннес.³

Около 600 г. греки впервые пускаются в путь на запад от Италии, в места, которые до этого времени считались населен-

³ Очень интересно то, что наибольшее количество аттических ваз найдено в Этрурии. Обычно полагают, что афиняне получали взамен вывозимого масла и изделий железо с Эльбы, славившееся своими высокими качествами. Но нельзя считать случайным то, что главные места находок аттических ваз (северное Причерноморье, Египет, Италия) оказываются как раз местами, наиболее богатыми хлебом; поэтому очень вероятно, что этруски, наряду с прочими товарами, торговали итальянским хлебом.

ными чудовищами и о которых рассказывали страшные сказки.

Колонисты из Фокеи, бывшей в то время одним из крупнейших торговых городов Малой Азии, минуют Италию и основывают недалеко от устья Роны колонию Массилию (нынешний Марсель). Эта колония наладила прекрасные отношения с кельтами, карфагенянами, этрусками, а впоследствии и с Римом. В 545 г., после покорения Фокеи персами, сюда устремляется новая многолюдная волна переселенцев, благодаря чему Массилия становится большим цветущим городом, в свою очередь высланным еще дальше на запад колонию Менаку (около нынешней Малаги, в Испании). Греки дошли таким образом почти до Атлантического океана. С другой стороны, Коринф вместе с Керкирой высылают колонию далеко на север — в Эпидамн, на Иллирийском побережье.

В VII в. в связи с указанными выше причинами, наряду с сельскохозяйственными, появляются и чисто торговые колонии. Уже до греков финикийцы основали целый ряд факторий в различных местах Средиземного моря. Это были временные торговые поселения. После распродажи товаров они обычно совершенно покидались, и купцы уезжали на родину. Греки также основывали такие фактории (по-гречески эмпории); однако греки обладали гораздо большим искусством налаживать постоянную связь с туземцами. Сплошь и рядом возле такого эмпория возникал постоянный греческий поселок «апойкия», впоследствии превращавшийся в большой торговый город. Характерно, что греки не делали попыток завладеть обширными территориями в глубине материка, боясь быть отрезанными от берега, а довольствовались овладением побережьем, «как лягушки на берегу пруда», по выражению Платона.

Ряд колоний, выведенных в VII в., уже носит преимущественно торговый характер. Характерно, что Халкида и Коринф, бывшие главными центрами колонизации, становятся также главными центрами по изготовлению художественных ваз. И эти вазы находят в большом количестве в колониях. Очевидно, торговцы в эту эпоху уже не удовлетворялись вывозом случайных изделий: так как спрос был очень велик, появляются мастерские, специально работающие на вывоз. Впоследствии наиболее значительные из этих керамических мастерских находились в Афинах.

Коринфяне оценили торговое значение Халкидики, граничившей с Фракией и Македонией: эти страны были очень богаты серебром, золотом и корабельным лесом, которого не было в Греции; вывозился отсюда также и хлеб. И вот на самом узком месте Палленского полуострова, на перешейке, коринфяне в правление Тирана Периандра основали колонию Потидею. Эта колония перерезала путь между халкидскими сельскохозяйственными колониями Паллены⁴ и северными племенами.

⁴ Палленой называлась западная оконечность Халкидики.

Она служила этим колониям как бы защитой против нападения диких племен, но зато, наладив мирные отношения с этими племенами, она присвоила себе все выгоды от торговли с ними, сведя прочие колонии полуострова на роль чисто земледельческих поселений. Коринф придавал этой колонии особенно большое значение; сюда посылались из Коринфа особое должностное лицо — эпидамиург, имевший высшую власть в колонии.

Богатая Фракия привлекала к себе внимание и ряда других торговых греческих общин. Так, небольшой ионийский остров Парос, лишь в более позднее время получивший известное значение благодаря замечательному мрамору, был в VII в. очень перенаселен. Часть граждан, желавших заниматься земледелием, отправилась в город Сирус, в Италию. Другие, более смелые и любившие приключения, решились поплыть к побережью Фракии. В числе их был и Архилох, величайший лирический поэт античности.

Очевидно, переселенцев привлекали сюда слухи о богатейших золотых россыпях, лежавших на материке против острова Фасоса. Но здесь жило сравнительно культурное и очень храброе фракийское племя, саййцы, и с их стороны следовало ожидать самого отчаянного сопротивления. Только смелые авантюристы вроде Архилоха могли решиться на такое путешествие.

В остром копые у меня замешан мой хлеб. И в копые же
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копые.

Выселиться прямо на побережье было опасно. Мы знаем, что и впоследствии, когда греков стало здесь гораздо больше, фракийцы не раз нападали на греческие поселения и вырезывали всех до последнего человека. Но фракийцы не были мореходами; грекам поэтому выгодно было обосноваться на пустынном гористом острове Фасосе и уже отсюда совершать нападения на побережье.

Фасос был торговой колонией, мало приспособленной в то время для земледелия. Архилох описывает его в следующих словах:

.. Как осла хребет —
Заросший диким лесом, он вздымается,
Невзрачный край, немилый и нерадостный,
Не то, что край, где плещут волны Сируса.

Архилох называет его «несчастливым трижды городом», граждан его — «измученными нуждою»:

Словно скорби всей Эллады в нашем Фасосе сошлись.

Он с горечью вспоминает о Паросе и его смоковницах и с ужасом думает о нападении фракийцев, нависшем над островом как камень Тантала.

Но таким положение было только до тех пор, пока шла упорная борьба с фракийцами на материке. Эта борьба на первых порах сопровождалась рядом неудач. Архилох, человек нового склада, с подчеркнутым цинизмом рассказывает, как он бросил щит⁵ и бежал из сражения с фракийцами:

Носит теперь горделиво саец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.

В другом стихотворении Архилох рассказывает об ужасной судьбе греков, попадавших в плен и рабство к фракийцам.

Колониальное могущество греков основывалось не столько на их военной доблести, сколько на умении ладить с другими племенами и ловкой дипломатии. Фракийцы численно во много раз превосходили греков, и им нетрудно было одержать верх над греками и перебить их всех. Но сами они делились на множество племен, постоянно враждовавших одно с другим. Если приходилось воевать, то греки заключали союз с одними племенами, подстрекали их против других и в сражениях имели союзниками часть самих фракийцев. Но чаще всего они старались избегать войны с фракийцами. Нападать решались преимущественно в тех случаях, когда победа была обеспечена. Так, Архилох с горькой усмешкой рассказывает:

Мы настигли и убили счетом ровно семерых.
Целых тысяча нас было!

Но чаще всего греки жили в мире с фракийцами, заключая с ними договоры о дружбе.

Мы остановились так подробно на основании Фасоса, ставшего вскоре одним из богатейших греческих городов, потому, что картина, нарисованная нами здесь по Архилоху, в значительной степени типична и для других греческих колоний.

Не только паросцев привлекли слухи о фракийском золоте: богатый ионийский город Хиос (на острове того же имени) высылает колонию в Маронею на то же побережье. Впрочем, эта колония приобрела особое значение благодаря своим замечательным виноградникам. Самое название Маронеи происходит от имени бога (или полубога) Марона, покровителя виноделия, очень близкого к Дионису.

В том же VII в. на побережье, недалеко от Фасоса, жители ионийского города Клазомен, которые, вероятно, также мечтали о фракийском золоте, основали колонию Абдеры, но это поселение было уничтожено фракийцами.

⁵ Бросить щит считалось у греков величайшим позором.

Милет, бывший самым культурным торговым городом Греции в VII в., лишь сравнительно поздно принял участие в колонизации. Он вел оживленную посредническую торговлю между Грецией и переднеазиатскими государствами и вследствие своего богатства не был вынужден идти по пути высылки колоний. Однако в VII в. образуется могущественное лидийское государство, руководимое династией Мермнадов. Царь Гигес обеспечивает ему независимое и могущественное военное положение, благодаря чему Лидии удается сосредоточить в своих руках всю сухопутную торговлю в Передней Азии. Лидия пыталась монополизировать и морскую торговлю. Лидийские цари упорно ведут войну с Милетом, но взять его им не удается. Правда, они постепенно, один за другим, превращают малоазиатские греческие города в своих данников, но, по-видимому, лидийцы не вмешивались во внутренние дела этих городов и за неимением собственного флота отдали в их руки всю морскую торговлю.⁶ Поэтому греки не тяготились лидийским господством, так как оно было для них скорее выгодным.

Величайшим культурным завоеванием лидийцев было изобретение ими монеты.⁷ Уже до этого времени куски металла служили деньгами, т. е. эквивалентом при торговых сделках, и им придавали определенную условную форму, например, палочек, колец, распяленных шкур и т. д. Но изготавливали их частные торговцы и каждый раз при получении денег их приходилось взвешивать. Лидийские цари изготавливали монеты вполне определенной величины из естественного сплава золота с серебром («электрон»). На них стояла царская печать (впоследствии изображение льва), служившая ручательством того, что монета имела установленный вес. Монетное дело было монополией государства, и частный человек, изготавливавший такую же монету, считался тягчайшим государственным преступником и подвергался мучительной смертной казни. Это создало необыкновенное упрощение в обороте и облегчение торговых сделок и, быть может, в большей мере содействовало захвату Лидией всей сухопутной торговли, чем ее сильное войско. Но появление монеты быстро оживило и торговлю на всем Эгейском море,

⁶ Геродот рассказывает следующий не лишенный интереса анекдот о попытке лидян заняться морской торговлей и покорить жителей островов. Греческий мудрец Питтак, услышав о такой затее лидийского царя Креза, будто бы рассказал ему, что жители островов скупают лошадей с целью идти походом на Сарды. Крез не понял шутки, рассмеялся и очень обрадовался, так как лидийская опытная конница была тогда лучшей в мире и победа над островитянами была обеспечена. Тогда Питтак ему ответил. «Неужели ты не понимаешь, что жители островов, старые опытные мореходы, услышав о твоём намерении построить флот и сразиться на море, будут также смеяться и радоваться». После этих слов Питтака Крез якобы устыдился и оставил свою затею.

Впрочем, нынешние нумизматы считают возможным, что жители острова Эгины изобрели свою серебряную монету с изображением морской черепахи одновременно с лидянами и независимо от них.

а следовательно и колонизацию. Греческие города малоазиатского побережья — в первую голову, конечно, Милет — начинают один за другим чеканить монету из того же материала и той же величины, что и лидийская, и часто также с изображением льва, но значительно более художественным.⁸

Милет не пожелал отказаться от сухопутной торговли в пользу Лидии. Однако, чтобы сохранить в своих руках эту торговлю, ему нужно было прежде всего завладеть позициями в тылу у Лидийского государства. Это можно было сделать, только укрепившись на северном побережье Малой Азии, т. е. проникнув в Черное море, которое считалось до этого времени очень опасным, — о нем рассказывали сказочные ужасы. Проникновение же в Черное море открывало и другие богатые перспективы и прежде всего давало возможность получать скифский (т. е. украинский) хлеб из первых рук, а не через посредство ряда азиатских народов. Но для прочного овладения черноморскими торговыми путями необходимо было прежде всего обосноваться на Геллеспонте. И вот, в середине VII в. милетцы основывают в Геллеспонте Абидос и Кизик, жители Лесбоса — Сест, жители Фокеи, самого северного из ионийских городов Малой Азии, — Лампсак. Но особенно важное торговое значение приобретает лежащий у выхода из Геллеспонта недалеко от Черного моря, Византий, основанный, как мы говорили уже, мегарцами как чисто земледельческая колония. Он запирает узкий вход в Черное море (Босфор) и поэтому мог облагать пошлиной проходящие суда.

Теперь милетяне большими массами устремляются в Черное море. Это море уже персы называли Черным, по-персидски «Ахшайна» (греки наивно поняли слово «ахшайна» как греческое «аксенос» — «негостеприимное» и, не желая пускаться в море с таким страшным названием, переименовали его в «евксейнос» — «гостеприимное»). На северном берегу Малой Азии милетяне основали два замечательных торговых города — Синоп и Трапезунт. Особенно интересно название второго города, так как оно происходит от слова «трапеза», что означает «стол менялы», или первобытный банк. На позднейших трапезунтских монетах, действительно, изображен стол менялы с деньгами на нем. Оба эти города лежали к востоку от реки Галиса, образовавшей восточную границу Лидии, и, таким образом, вели непосредственную торговлю с малоазиатскими племенами, минуя Лидию. Цель Милета была достигнута, но милетяне не останавливаются на этом: они переправляются на северный берег Черного моря и основывают на месте нынешней Керчи, где

⁸ Особенно широкое распространение имели такие монеты, чеканенные в Фокее, самом северном из ионийских городов Малой Азии. Отсюда можно заключить, что Фокея была одним из важнейших торговых центров того времени.

уже с VIII в. находилась греческая фактория для торговли со скифами, важный торговый город Пантикапей. Не меньшее торговое значение имела и другая милетская колония — Ольвия, лежащая недалеко от устья реки Борисфена, нынешнего Днепра. Эти колонии вели со своими скифскими соседями оживленную торговлю. На рынки греческого материка было брошено такое большое количество хлеба, что сеять хлеб на продажу оказалось невыгодным: он обходился много дороже, чем привозной. Крестьяне в государствах, ввозящих хлеб, сами сеют хлеб только в незначительном количестве для собственного употребления, а всю прочую почву отводят под виноград и оливу, так как вино и оливковое масло имели широкий сбыт в греческих колониях.

Но, с другой стороны, эта обширная хлебная торговля произвела экономический переворот и в жизни скифов, населявших нынешние южноукраинские степи. До этого времени скифы были кочевниками, питавшимися молоком и мясом, и не были знакомы с культурой хлебных злаков. Теперь скифы, жившие по соседству с греками, вместе с прочими завоеваниями греческой культуры усваивают питание хлебом, хотя, конечно, главным образом сеют его для продажи. Скифы же более отдаленных областей сеют большое количество хлеба, хотя сами его не едят. Геродот сообщает:

«От торгового города борисфенитов (Ольвия), составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собой эллиновскифов; выше их живет другой народ, именуемый алазонами. Как эти последние, так и каллипиды во всем ведут такой же образ жизни, как и скифы, но хлеб они сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. Над алазонами обитают скифы-пахари, сеющие хлеб не для собственного употребления в пищу, но для продажи».

Через посредство скифов и живших к северу от них племен велась торговля с побережьем Балтийского моря, откуда получался янтарь (мы уже видели, что у греков янтарь считался драгоценностью). Так, в 1824 г. в деревне Шубине, в Познани, был найден клад афинских монет времен Писистрата; в 1882 г. в Бранденбурге, в Феттерфельде, были найдены художественные вещи из «электрона» (сплава золота и серебра), несомненно сделанные ионийскими мастерами VI в.

⁹ В эту торговлю был вовлечен целый ряд племен, населявших в древности территорию нашей страны. В последнее время памятники греческой культуры найдены в бассейне Камы вплоть до Урала. Это подтверждает уже ранее сделанную догадку, что упоминаемые Геродотом «плешивые люди, живущие у подножья высоких гор», — это жившие у подножья Урала и брившие себе головы предшественники башкиров. Так, Геродот рассказывает, что эти люди питаются особым кушаньем «асхи», приготовленным из процеженного сока ягод черемухи, смешанного с молоком; башкиры до наших дней едят это кушанье и называют его «ахша».

Кроме хлеба, из северного Причерноморья ввозилась в Грецию сушеная рыба — крайне важный предмет питания для греческой бедноты. Другой важной статьей вывоза были рабы. Скифские рабы отличались силой и красотой; поэтому греческие государства (прежде всего Афины) охотно приобретали их и делали из них государственных рабов — они служили низшими чиновниками, прежде всего полицейскими. Далее, как мы видим из рисунков на вазах, в войске Писистрата служило много скифов. Это были либо рабы, либо на вербованные наемники, но и в том и в другом случае вывоз их из Скифии производился планомерно.

Вопрос о ввозе в Скифию разрешается тем фактом, что здесь найдено очень много черепков греческих (особенно афинских) сосудов из-под вина и оливкового масла. Очевидно, главным предметом ввоза были вино, оливковое масло, расписные глиняные сосуды и другие художественные изделия. Интересно, что в Скифии найдены серебряные сосуды греческой работы со сценами из жизни скифов. Они либо заготовлены специально в расчете на сбыт в Скифии, либо, что еще вероятнее, выполнены в Скифии приезжими греческими мастерами.

Вслед за милетцами в Черное море направились и колонисты из Мегар. Они основали Гераклею Понтийскую на лидийском побережье Черного моря, а отсюда уже — Херсонес, близ нынешнего Севастополя. Впрочем, колонии Мегар в классическую эпоху никогда не достигали такого расцвета, как милетские.

Как мы уже говорили, сообщение с Черным морем на первых порах шло каботажным путем, вдоль берегов Греции и Фракии. Не удивительно поэтому, что хорошие гавани на этом пути приобретали большое значение как места, где корабли могли остановиться в пути, произвести необходимые починки, запастись водой и провизией и т. д. Если в середине VII в. основанная клазоменянами в устье Неста колония Абдеры оказалась нежизнеспособной, то примерно через сто лет, в середине VI в. колонизовать Абдеры удалось маленькому, но культурному и торговому ионийскому городу Теосу; этот город был перенаселен¹⁰ и поэтому принужден был выслать колонию. Благодаря выгодному положению на главном торговом пути Абдеры быстро стали одним из наиболее богатых и культурных торговых городов Греции.

Остается еще сказать о колониях в странах древневосточных культур.

Уже в VIII в. ионяне успешно конкурировали с финикийскими купцами в Ассирийском государстве, которому во второй половине VIII в. принадлежала вся Передняя Азия, а с 679 г. и Египет. Так, в 711 г. филистимский город Ашдод отлагается

¹⁰ Как мы узнаем из дошедшей до нас надписи начала V в., этот город остро нуждался в хлебе.

от Ассирии в надежде на египетскую помощь. Филистимляне изгоняют ассирийского наместника и выбирают предводителем какого-то грека с Кипра. Характерно, что здесь, как вообще в семитических памятниках, грек назван «яван», т. е. «ионец», хотя на Кипре ионийцы не жили: ассирийцы из греческих купцов имели дело только с ионийцами, и поэтому всех греков называют «яван», «ионийцами». В 709 г. семь греческих царей с острова Кипра в знак верноподданнических чувств прислали подарки ассирийскому царю Саргону.

Ассирийцы терпели уже существовавшие греческие колонии на Кипре, как терпели они и отдельных купцов-греков в Сирии. Однако ассирийцы не желали допустить, чтобы греки вывели колонию на принадлежащее им средиземноморское побережье. Когда греки высадились (около 695 г.) на побережье Киликии, ассирийский царь Синахериб выступил против них, разбил и на месте сражения поставил свою статую с надписью в память победы.¹¹

Какую большую роль играли греческие купцы в городах Сирии, мы видим из слов библейского пророка Иезекииля. Былую мощь Тира он описывает, между прочим, следующими словами: «Яван... торговали с тобой; товарами, которые они тебе привозили, были рабы и медные сосуды».

Только после падения Ассирии грекам с Родоса удалось вывести несколько незначительных колоний на киликийское побережье. Точно так же и в Вавилон и Египет греки начинают проникать большими массами лишь тогда, когда эти государства возвращают себе свободу. Греки проникают сюда двумя путями: в качестве воинов-наемников и в качестве купцов.

Сохранилось стихотворение лесбосского поэта Алкея (скорее всего, начала VI в.), посвященное его брату, служившему наемником у халдейского царя в Вавилоне:

От пределов земли меч ты принес домой.
Рукоять на мече — кости слоновой
Вся в оправе золотой. Знать, вавилонянам
Воин пришлый служил доблестью эллинской.
Ставкой — жизнь. Чья возьмет? И великана ты
Из царевых убил, единоборствуя,
Что без малого был ростом пяти локтей.

Египетский царь Псамметих I, как сообщает Геродот, освободил свою страну от ассирийского ига (около 645 г.) благодаря

¹¹ Ассаргадон в 671 г. в своей надписи, описывающей победы над Тиром и Египтом, прибавляет, что все цари моря «от Кипра и Греции («Яван») до Таршиша» (в нынешней Испании) покорились ему и платят ему дань, но это — очевидное преувеличение: в лучшем случае речь может идти о нескольких городах малоазиатского побережья, согласившихся платить дань Ассаргадону.

помощи ионийских и карийских пиратов, случайно высадившихся в Египте и поступивших к нему на службу наемниками.¹²

Для торговых операций милетцы основали факторию в одном из устьев Нила, называвшуюся «Милетская крепость» («Милесион тейхос»). Псамметих I разрешил грекам построить в Канобском устье Нила постоянное городское поселение, которое было названо Навкратисом.

Гражданское население Навкратиса состояло из выходцев из двенадцати городов: Милета, Самоса и Эгины, имевших свои храмы, а также Хиоса, Теоса, Фокеи, Клазомен (ионийские города), Родоса, Книда, Галикарнасса, Фаселида (дорийские) и Митилены на Лесбосе (эолийский). Эти города сообща соорудили себе храм Эллений в честь «богов эллинов»; эти города назначали также сообща «блюстителей торговли».

Навкратис был огромным для того времени городом. Здесь жили богатые авантюристы, и потому город поражал своей роскошью.¹³

Из Египта вывозился прежде всего хлеб, затем полотно, финики, произведения центральной Африки (пряности, благовония, слоновая кость, обезьяны и т. д.), папирус, изготовлявшийся из листьев водяного растения того же названия, росшего в Ниле (он заменял грекам бумагу), и некоторые сорта растительного масла.

Не меньшее значение, чем Навкратис, имела греческая колония Кирена, основанная в нынешней Ливии жителями маленького дорийского острова Феры.¹⁴ Жители Кирены занимались земледелием и скотоводством; отсюда вывозилось, кроме хлеба, еще и растение сильфион, сбыт которого был монополизирован царем. Это растение пользовалось большим спросом в Греции, так как оно играло роль нынешней касторки.¹⁵

С началом колонизации совпадает и появление в Греции письма. Мы говорили уже, что в гомеровскую эпоху старая

¹² До нас дошла греческая надпись несколько более позднего времени (590—585 гг.), из которой мы узнаем, что греческие наемники участвовали в походе Псамметиха II в Элефантину. Она вырезана на левой ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле (Нубия). Здесь читается: «Когда царь Псамметих пришел в Элефантину, это написал те, которые плыли на кораблях вместе с Псамметихом, сыном Феокла. Они прошли выше Керкия до тех пор, докуда позволяла река, Потасимто предводительствовал иноязычными, а Амасис — египтянами. А написал меня Архон, сын Амебиха, и Педек, сын Евдама».

¹³ Так, сюда приехал брат знаменитой митиленской поэтессы Сафо, Харакс, и влюбился здесь в продажную женщину Родопис. «Считают,— говорит Геродот,— что в Навкратисе продажные женщины вообще прелестны, но Родопис так прославилась, что ее имя стало известно всем грекам... Харакс выкупил Родопис из рабства и возвратился в Митилену; а Сафо жестоко осмеяла его за это в одном стихотворении».

¹⁴ Эта колония была выведена в VII в., когда Фера еще управлялась царями; поэтому во главе Кирены и в более позднее время стояли цари.
¹⁵ В последние годы итальянцами найден в Кирене целый ряд интересных надписей, характеризующих быт и законы Кирены.

микенская письменность, неудобная для греческого языка, была (за исключением о. Кипра) почти совершенно забыта. Новые потребности торгового оборота делали необходимым применение письма. Мы уже видели, как греческие купцы учились у финикийян торговой технике. У них же они заимствовали форму букв. Финикийский алфавит был удобен тем, что здесь каждая буква обозначала уже не слог, а отдельный звук. Правда, здесь не было знаков для гласных звуков, но зато у семитов был ряд гортанных звуков, отсутствующих в греческом языке. Эти знаки были использованы для гласных. Для звуков, отсутствующих у семитов, греки придумали новые начертания. Сами греки называли в V в. свои буквы «финикиеями», т. е. финикийскими знаками. Названия букв имели у семитов определенный смысл: алеф — скот, бет — дом, гимель — верблюд, далет — дверь и т. д. Греки сохранили эти же названия — альфа, бета, гамма, дельта, но у них эти слова не имели никакого смысла. Различные греческие города внесли свои изменения в этот алфавит; однако характерно для связи между письменностью и торговлей то, что четыре основных видоизменения греческого алфавита возникли в четырех крупнейших торговых городах: в Милете, Халкиде, Коринфе и Афинах. Милетский алфавит есть нынешний греческий алфавит, из которого образовался наш русский, а из халкидского — путем незначительных изменений развился тот латинский алфавит, который употребляют ныне все западноевропейские народы.

2. ВЛИЯНИЕ КОЛОНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ

Колонизация оказала глубокое влияние на жизненный уклад греков — не только в колониях, но и в метрополии. Целый ряд людей, которых «лучшие» люди в городе, аристократы, считали париями и которые сами на себя смотрели как на людей второго сорта, стали владеть крупными богатствами и поставили в зависимость от себя много сограждан, благодаря чему приобрели влияние в государстве. Греческие города гомеровской эпохи обычно лежали в нескольких километрах от морского берега; теперь на берегу моря около этих городов вырастают большие торговые поселки с гаванью для судов и рынком. В позднегомеровскую эпоху города служили, главным образом, местопребыванием аристократии; сюда крестьянам запрещено было появляться. Теперь в этих городах появляются целые кварталы, населенные ремесленниками и торговцами. Движимое богатство начинает завоевывать себе такой же почет, как богатство земельное. Многие мастера получают мировую известность и с гордостью пишут свои имена на своих изделиях. На своих надгробиях ремесленники обозначают свою профессию и называют себя «мудрецами» («софос») в своем деле. Они быстро богатеют и начинают затмевать роскошью рядов старых ари-

стократов. Они начинают добиваться не только политического равноправия, но и руководящего влияния в государстве.

Крестьянин часто не находит уже выгодным сеять хлеб, так как привозной хлеб обходится много дешевле: он переходит к культуре винограда и оливы. Но это многолетние растения, и приходится ждать несколько лет, пока они начнут давать доход; у крестьянина же нет свободных капиталов, чтобы прожить несколько лет в ожидании будущих доходов — он принужден обращаться к богатому соседу и брать у него деньги взаймы под высокий процент (по-видимому, в древнейшее время ходовым процентом было 50 % годовых). Часто случалось, что крестьянин не мог отдать долга с процентами, и тогда ему приходилось предоставлять кредитору право распоряжаться на своей земле или даже он вынужден был продавать своих детей, а иногда жену и самого себя в рабство. Ждать милосердия от богатого соседа не приходилось: теперь он знал уже, как распорядиться с излишком денег — он мог истратить их на предметы роскоши, получающиеся из-за границы, так как жизнь стала гораздо приятнее. Не может быть никакого сомнения, что наряду с «добровольной» отдачей себя под покровительство и различными видами экономического закабаления здесь имело место и применение грубого физического насилия. Еще в более позднее время аристократы распевали такую застольную песню, сочиненную на Крите:

**Много у меня богатства:
копье и меч,
Также и щит
прекрасный, чтобы закрыть им тело.
Пашу я мечом,
мечом и жну я,
Мечом я сладкое вино
выжимаю в чаны.
Мечом же черни я внушил
меня величать владыкой.
Те же, что иметь не смеют
копье и меч,
Также и щит
прекрасный, чтобы закрыть им тело,
Трепещут, припав
к моим коленям,
Лепечут робкие мольбы,
на земле простершись,
И рады жалким языком
меня величать владыкой.**

Если аристократы в эту эпоху были достаточно могущественны, чтобы захватывать частную собственность бедняков, то само собой понятно, что полководцы из аристократов, пользуясь своим положением, захватывали для себя и для своих близких вновь завоеванную общественную землю. Расслоение происходит и внутри отдельных родов: богатые члены рода

охотно подчинялись закону и передавали землю после смерти своим сыновьям, если они у них были, но при отсутствии сыновей передача земли побочным родственникам им не улыбалась, и они пытались, в нарушение закона о родовой собственности, распорядиться землей по своему усмотрению. В результате этого процесса в одних государствах (на Крите, на котором написана приведенная застольная песня, в Фессалии, в Спарте) образуется зависимый крестьянский класс, положение которого близко к положению рабов, в других — крестьянская революция приводит к признанию недействительными кабальных сделок на землю и к эмансипации крестьянства (например, в Афинах).

Развитию обмена соответствовало и улучшение земледельческой, ремесленной, а в связи с ней и военной техники.

До этого времени зерно растиралось каждой домохозяйкой с домашними рабынями в ручных мельничных ступках. Это отнимало очень много времени, и хлеб получался плохой. Теперь начинают строить большие мельницы, где жернов приводится в движение ослими или сильными рабами-мужчинами, подгоняемыми бичом надсмотрщика. Владельцы таких мельниц быстро становятся богатыми людьми, а один из таких владельцев, Питтак из Митилены, даже стал верховным правителем своего государства.

Значительный прогресс был сделан в эту эпоху в области ремесла. Важную роль здесь сыграли восточные образцы, привозившиеся в большом количестве в Грецию с усовершенствованием судоходства. Но основной причиной расцвета ремесла является быстрое развитие общественных форм на почве классово-вой борьбы и связанный с ним рост потребностей. В течение почти всего гомеровского времени железные и медные рудники в самой Греции нигде не разрабатывались; обрабатывались лишь куски металла, полученные путем обмена с Востока. В архаическую эпоху всюду идет энергичная добыча руды и переработка ее в металл. На первых порах получение руды производилось в ямах, но вскоре были изобретены небольшие печи. Уже в гомеровскую эпоху была известна горячая обработка металла — литье и закалка. Но отливали лишь небольшие предметы, причем отливались они целиком, путем заполнения формы разжиженным металлом. Большие же предметы получались только путем чеканки: листы металла накладывались на деревянный шаблон, нужная форма придавалась им ударами молотка, а затем острым инструментом наносился рисунок. В архаическую эпоху изобретены были спайка и полое литье.

Далее, как мы видели, в гомеровскую эпоху большая часть ремесленной продукции производилась еще самим крестьянином и его семьей. Теперь положение резко меняется: домашним путем изготавливаются только хлеб и ткани. Впрочем, это относится лишь к простой материи. В подражание Востоку входят в моду пестрые дорогие платья, длинные и широкие, с художе-

ственным рисунком; их окрашивают дорого стоящим пурпуром, добываемым из морских раковин. Такие платья изготавливаются в особых мастерских (главный центр — Милет), откуда они развозятся по всему миру, так как и греки и варвары предъявляют на них большой спрос.

Самой передовой областью ремесла была керамика, изготовление художественной посуды. Изобретение гончарного круга, т. е. станка, вращающегося при прикосновении руки, дало уже в микенскую эпоху возможность придавать сосудам точную, правильную форму; прибавление к глине окиси железа или сурика придавало ей приятный для глаза цвет (о разрисовке греческой керамики сказано ниже). Сначала на все рынки Средиземноморья проникает милетский товар, затем его вытесняет коринфский, а с середины VI в. — афинская посуда. В Афинах возникают сравнительно большие мастерские (примерно на 10—15 рабочих). Вопрос сбыта керамики становится в центр политики греческих государств; так, например, милетяне запрещали ввоз коринфской посуды. С другой стороны, интересы торговли заставили греческие государства объединиться в две большие коалиции (с одной стороны — Милет, Сибарис, Эретрия на Евбее, с другой — Самос, Кротон, Халкида на Евбее), долгое время враждовавшие и воевавшие между собой.

Большую роль в развитии ремесла сыграло также прогрессирующее разделение труда. В эту эпоху литейное и кузнечное дело окончательно отделяются друг от друга, равно как и профессия каменотеса от профессии скульптора. Особенно же продвинулось разделение труда в передовой отрасли — керамике. Разрисовка сосудов с VI в. стала производиться уже не горшечниками, а специалистами-художниками, причем низшие производственные процессы осуществляли рабы, высшие — свободные.

Не меньшее значение имело и локальное разделение труда, т. е. специализация по городам. Так, центром оружейного производства становится Халкида, производства тканей — Милет, производства панцирей — Коринф, керамики — Афины. Горшечный мастер, желающий иметь обеспеченный сбыт товаров, должен был переезжать в Афины.¹⁶

Развитие ремесленной техники стало требовать специального обучения ремеслу. Развивается ремесленное ученичество. Впрочем, обычно в тайны ремесла посвящаются дети самого ремесленника; нередко ремесленные навыки передаются от отца к сыну в ряде поколений.

Большое развитие получило также кораблестроение. Мелкие плоскодонные небольшие корабли гомеровского времени заме-

¹⁶ Так, например, в Афинах работал мастер-специалист с египетским именем Амасис.

няются более быстроходными и большими по величине судами. Они изготавливаются из специального корабельного леса, привозимого из Трояды, Фракии и Македонии. В начале архаической эпохи для превращения торгового корабля в военный довольствовались прикреплением острого металлического бивня к его носу. Затем разница становится все резче: торговые корабли (так называемые «круглые») — широкие, приводятся они в движение главным образом парусами, военные корабли — узкие и приводятся в движение пятьюдесятью гребцами («пентеконтеры»). К концу архаической эпохи были изобретены дорогостоящие, но зато исключительно быстроходные и хорошо лавирующие триеры. Они приводились в движение двумястами гребцов, скамьи которых были расположены в три этажа. Триера имела особые палубы для воинов, две мачты и металлический нос-бивень.

Параллельно с развитием техники кораблестроения идет и развитие морского дела. В гомеровскую эпоху греки вовсе не занимались мореходством — оно находилось в руках финикийцев. В начале архаической эпохи греки уже плавают по морю сами, но их морская техника еще настолько несовершенна, что они решаются выплывать в море только в течение трех осенних месяцев и то плывут только вдоль берега или от острова к острову. К концу разбираемой нами эпохи греки плавают уже девять месяцев в году и без страха пускаются в открытое море. Они пересекают Средиземное море, плавают в Египет и Кирену (Африка), пускаются в бурное Черное море, которое в гомеровское время считалось населенным морскими чудовищами. На западе греческие корабли доплывают до Гибралтара и испанского побережья Атлантического океана.

Не менее значительно было и изменение в технике сухопутного боя, оказавшее наибольшее влияние на весь государственный строй древних греков. Колесницы совсем выходят из употребления, а конница играет лишь второстепенную, вспомогательную роль. Решающее значение в сражении играет теперь глубокий сплоченный строй тяжеловооруженных, «гоплитов». Гоплит вооружен панцирем, шлемом, небольшим круглым щитом из кожи и металла, коротким мечом и длинным железным копьем, ставшим теперь главным оружием в бою. В гоплитском строю служат все сколько-нибудь зажиточные крестьяне, имеющие возможность на свой счет приобрести вооружение; лишь небольшая беднейшая часть населения не могла приобрести тяжелого вооружения и сражалась в качестве легковооруженных, т. е. без панциря, вооруженная луком, стрелами и дротиком.

В технике изготовления оружия и доспехов также замечается в эту эпоху большой прогресс. Особенно славился умением изготавливать доспехи Коринф: коринфский панцирь плотно прилегает к телу, отражая все его анатомические особенности.

3. ВЛИЯНИЕ КОЛОНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Огромный переворот вызвала колонизация и в социальных отношениях. В колониях, куда часто попадали случайные люди из разных городов, родовые связи, естественно, не могли удержаться в том виде, как в метрополии. Государственная организация здесь покоится уже сплошь и рядом не на родовом, а на локальном принципе, а земля служит здесь предметом свободной купли-продажи. Эти изменения не могли не повлиять и на метрополию. Здесь борьба между крупными землевладельцами и торгово-ремесленным классом на первых порах была борьбой родовых организаций. Роды выступали как сплоченное целое, и каждая из борющихся групп возглавлялась аристократами. Так, в Афинах и группа, защищавшая интересы крупных землевладельцев, и группа, защищавшая интересы торгово-ремесленного класса, возглавлялись знатными родами; более того, группа, защищавшая интересы беднейшего крестьянства, и та возглавлялась здесь знатным родом. Даже государственную монету чеканили здесь отдельные роды и ставили на ней свой герб. Однако к концу разбираемой нами эпохи эти родовые объединения быстро распадаются вследствие противоречивости экономических интересов богатых и бедных членов родового объединения.

До VI в. на высшие государственные должности могли выбираться только лица знатного происхождения, обладавшие к тому же значительным богатством. Высший совет в государстве также состоял из аристократов — часто из бывших (аристократических) должностных лиц, отслуживших свой срок. Наряду с этим советом существовало народное собрание, но значение его в начале архаической эпохи было ничтожным: оно только выслушивало предложения аристократических сановников и выражало свое одобрение. Точно так же и суд находился в руках аристократических судей. Теперь, в связи с усилением городского класса, народное собрание все больше вмешивается в государственные дела и завоевывает себе значение. Наряду с аристократическим советом появляется народный совет, избираемый из числа граждан, имеющих достаточно средств, чтобы приобрести себе тяжелое вооружение, так как теперь уже не передовые аристократические бойцы, а сплоченная фаланга гоплитов решает судьбу сражений. Такой народный совет, *boule demosie*, наряду с аристократическим, засвидетельствован для Хиоса уже в VII в. Для несения общественных повинностей приходится привлекать и богатых граждан из простонародья; они требуют теперь участия и в управлении. Поэтому для занятия ряда должностей теперь уже требуется не происхождение, а только высокий имущественный ценз.

То, что законодательство и суд находятся в руках аристокра-

тов, ощущается торговым классом как нелепый анахронизм: этот класс нуждается в своих должностных лицах для регистрации торговых сделок и разбора торговых конфликтов. С другой стороны, произвол и эксплуатация крестьян ростовщиками-аристократами становятся невыносимыми. Повсюду раздаются требования издания писаных законов. Особенно быстро совершается этот процесс в чисто торговых городах, где класс аристократов-землевладельцев незначителен и не играет большой экономической роли: здесь власть захватывает энергичный представитель народа, организующий кровавую расправу над аристократами. Индивидуум уже не чувствует себя только составной частью государственного целого и не считает, что весь смысл его жизни — с честью занимать место, раз навсегда отведенное ему в государстве. Каждый стремится путем жестокой конкуренции стать выше людей своего класса, затмить их, прославиться, обратить на себя всеобщее внимание.

О дальнейшем развитии внутреннего строя греческих государств мы скажем подробно в параграфе «Законодатели и тираны». Теперь же перейдем к организации международных отношений. По древнему праву, убийство в дороге, пиратство и вообще ограбление иностранца не считалось преступлением. Только припав к алтарю или к очагу кого-либо из жителей чужого города, можно было рассчитывать на спасение жизни. Но такой проситель попадал в полную власть своего хозяина, и тот мог его по желанию либо сделать членом своего рода путем особых обрядов усыновления, либо сделать зависимым человеком или рабом.

С развитием торговли такое положение стало совершенно невозможным. Применяется целый ряд способов для облегчения международной торговли. Прежде всего территория храмов чтимых всеми божеств (Аполлона в Дельфах, Аполлона на Делосе, Зевса в Олимпии) объявляется открытой для всех, священной и неприкосновенной. Дорога, ведущая через ряд греческих государств в такой храм, получает название священной дороги (*hierá hodós*). В храмы собираются жители различных городов на религиозные праздники и состязания. Тот, кто посягнул бы на территории храма на жизнь или имущество другого, считался бы святотатцем и осквернителем храма. Люди, отправляющиеся на религиозный праздник, носили особую одежду, и напасть на паломника, идущего по священной дороге, считалось таким же святотатством.¹⁷ Сюда стекались огромные массы народа, которых привлекала возможность участвовать в пышном богослужении, сопровождавшемся щедрым угощением, и посмотреть и показать свои наряды. Наиболее интересными для собравшейся

¹⁷ См. легенду об Ивиковых журавлях у Шиллера (в переводе В. А. Жуковского).

публики в этих праздниках были международные состязания в быстроте колесниц, в беге, силе и ловкости. Здесь же выступали музыканты и поэты.

Такое многочисленное сборище народа и охраняемая религией безопасность территории храма и ведущего к нему пути создавали наилучшие условия для торговли: эти праздники приобрели поэтому значение ярмарок (таково же происхождение и нынешних ярмарок). Как свидетельствует один древний автор, люди приходят на празднества прежде всего для того, чтобы выгодно сбыть свой товар; здесь можно было найти товары, прибывшие с самых различных концов Греции. Безопасность территории храма и идущего к нему пути приводила к тому, что он становился не только торговым центром, но и древнейшим предшественником банков. Сюда отдавали деньги и ценности на хранение, так как знали, что напасть на храм никто не посмеет. Со своей стороны администрация храмов отдавала вклады и дарения под проценты.¹⁸ Такие празднества международного значения происходили в Олимпии, в Дельфах (Пифийские состязания), в Аргосе (Немейские состязания), в Коринфе (Истмийские состязания) и др.

Греция была разбита на множество небольших государств. Монеты отдельных государств были не вполне одинаковы как по весу, так и по качеству. По приезду в чужой город необходимо было обменять привезенную монету на местную. Появились особые менялы, «трапезиты» (от слова «трапеза» — стол, на котором они раскладывали свои деньги). Они обменивали монеты за небольшую плату и должны были иметь некоторый запас ее, а следовательно, и надежные хранилища. Поэтому частные люди стали отдавать им деньги на хранение, а они, располагая излишками, стали отдавать их под проценты. Кредит получал, таким образом, все большее значение.

Не меньшее значение, чем эти праздники, имели и амфиктионии. Так назывались союзы соседних племен (амфиктионов), объединившиеся вокруг какого-нибудь популярного местного храма. Их целью было прекращение войн между соседними государствами и защита храмов и праздничных собраний от нападений. Из этих амфиктионий наиболее важной была пилейско-дельфийская, которая собиралась у Фермопильского прохода и объединяла первоначально государства северной Греции; в более раннее время большое значение имела калаврийская амфиктиония, объединившая города Саронического залива (исключая Коринф), а также Аргос и Афины.

Далее, ряд международных обычаев имел целью затруднить грабеж на большой дороге и заставить ограбившего подверг-

¹⁸ Впрочем, в храмах обычно хранили свои сбережения только государства и очень богатые люди. Для людей бедных и среднего достатка функции банков выполняли трапезиты.

нуться суду. Процедура задержания имущества одного из сограждан грабителя в обеспечение возврата награбленного применялась широко и на Востоке и у греков; она носила название *sylan* (ограбление).¹⁹ Разумеется, это было лишь первым довольно беспомощным шагом для улучшения международных отношений; дальнейшим шагом было заключение договоров между государствами о запрещении жителям этих государств грабить друг друга (*asylia*), о разрешении гражданам этих государств заключать браки друг с другом (эпигамия), о выдаче рабов, о третейском суде и т. д.

Применяли и другие способы для защиты торговли: например, устраивали рынок на самой границе (*агога еrhoia*), так что половина его находилась в одном государстве, половина в другом. При этом товары купцов каждого города лежали на их собственной территории и ограбление этих товаров означало бы уже объявление войны.

В Греции уже с древнейших времен между гражданами различных государств (главным образом, конечно, между знатными и богатыми гражданами) существовали особые союзы гостеприимства («ксения»). Эти союзы были наследственными и переходили из рода в род. Такой гостеприимен («ксен»; по нынешнему кавказскому выражению «кунак»), приезжая в чужой город, поселялся у своего гостеприимца, который оказывал ему всяческую поддержку и защиту. Кто обижал ксена, тем самым обижал и хозяина. Это учреждение было, однако, недостаточным в интересах международной торговли, так как ни один торговец не мог иметь друзей во всех городах, где ему приходилось бывать. Вдобавок, теперь торговцы часто происходили из простонародья и никаких связей за границей вообще не имели. Поэтому отдельные граждане, желающие получить расположение иностранного государства, становятся ксенами не какого-нибудь отдельного лица, а всего этого государства в целом. Такие люди получают название «проксенов» («вместо ксенов»: они играют роль, несколько сходную с нынешними консулами). Государства, интересы которых они представляют у себя на родине, дают им ряд отличий и привилегий. Однако сограждане проксена не могут, стоя на античной точке зрения, мириться с тем, что всякий иностранец, приезжая в город, оказывается почти в положении гражданина; право пользоваться защитой проксена предоставляется только лицам, прибывающим в данный иноземный город на короткий срок; после этого срока приезжие записываются в особую группу неполноправных переселенцев — ме-

¹⁹ Уже в египетском папирусе, рассказывающем о путешествии Унуамона, мы читаем, что у Унуамона были похищены деньги на территории сирийского города Дора. В ответ на это Унуамон забирает примерно такую же сумму денег у первых попавшихся ему навстречу людей из Дора и держит их у себя до тех пор, пока пострадавшие не заставят свое правительство разыскать виновника ограбления.

теков: они платят особые налоги, обязаны жить в определенных кварталах города и подвергаются особым ограничениям. Права приобретать землю и дом переселенцы в Греции никогда не имели: они должны были снимать помещение в чужих домах, а это считалось у греков большим неудобством. Из приведенного ниже стихотворения Тиртея (см. с. 168) мы увидим, каким несчастьем греки считали жизнь на чужбине: часто они предпочитали смерть изгнанию.

4. ЗАКОНОДАТЕЛИ И ТИРАНЫ

Мы видели уже, что в результате происшедших глубоких экономических сдвигов изменились и группировки внутри греческих родов: с одной стороны, выдвинулся влиятельный городской торгово-ремесленный класс²⁰, добивающийся, чтобы его экономическому могуществу соответствовало и могущество политическое; с другой стороны, крестьяне, попавшие в долговую кабалу, не могли мириться с создавшимся положением, и в их среде шло глухое брожение. Земледельческая аристократия теряла теперь всякое право на преимуществонное положение. В области экономики ведущая роль переходит к торговому классу; в области военной вводится строй тяжеловооруженных (гоплитов), где судьбу сражения решает уже крестьянская масса, а не отдельные передовые бойцы из аристократии; большое значение приобретает теперь и флот, а в морском деле аристократия не имела решительно никаких преимуществ. Поэтому аристократия вырождается теперь в кучку насильников: пользуясь тем, что законы в эту эпоху были устные и хранителями их были аристократические должностные лица, она всячески извращает их в интересах своего класса. Поэтому теперь народными массами выдвигается требование записи законодательства. В различных греческих государствах выдвигают пользующихся доверием граждан для записи законов. Так, из законов VII в. были особенно известны законы Залевка из Локр (локрийская колония в южной Италии), законы Харонда из Катаны в Сицилии и, наконец, законы Драконта в Афинах. Только в Спарте писаных законов никогда не существовало, но здесь и эмансипации крестьян никогда не произошло.

От этих законов до нас дошли отдельные фрагменты, но о том, как они были отредактированы, мы можем судить по дошедшему до нас законодательству из Гортины на Крите или по священным законам, найденным итальянцами в Кирене и опубликованным в 1927 г. Эти законы, как правило, имеют казуистический характер, т. е. не касаются основных положений права, которые представляются общеизвестными, а рассматри-

²⁰ Слово «класс» мы здесь, как и в других местах, употребляем в условном смысле.

вают ряд отдельных случаев, в значительной мере религиозного и ритуального характера, например: «Если кто-нибудь принесет в жертву богу животное, которое этому богу не полагается приносить, то он должен...» и т. д.

Поскольку в задачу этих законодателей входила только запись старого права, они обычно закрывают глаза на происшедшие экономические изменения и пытаются бороться с этими изменениями путем запрещения. Так, по законам Залевка, запрещается всякая посредническая торговля. Крестьянин может продавать свои продукты только непосредственно потребителю. Письменные договоры воспрещаются. Всякие договоры должны совершаться устно, при свидетелях. В области уголовного права господствует еще старинный принцип: «око за око, зуб за зуб». Таким образом, торговый класс совершенно игнорируется; если законодатель и пытается ослабить аристократический гнет, то только в интересах крестьянства. Мы увидим еще, что эта косность характерна для всего VI в.; торговый класс на первых порах был доволен уже тем, что все более ослабляется его главный враг — аристократия.

Эта запись законодательства, однако, могла привести к успокоению только в государствах чисто земледельческого типа, где экономическое влияние еще оставалось в руках аристократии. Так, поэма Гесиода «Работы и дни» показывает, что он видит причину несчастий только в несправедливости аристократических судей и в недостаточно интенсивном ведении хозяйства крестьянами. И действительно, запись законов, произведенная Филолаем, внесла здесь успокоение: ни о какой революции в Беотии мы не слышим.

Совершенно иную картину видим мы в торговых городах. Здесь после ряда попыток примирения между классами (такие примирители назывались эсимнетами) наступает полоса кровавых революций, так называемых тираний.²¹

Английским ученым П. Юром в 1912 г. была выставлена теория, по которой Тираны являются «капиталистами», выдвинувшимися благодаря их денежному могуществу. Они были, по его мнению, вождями торгово-ремесленного класса и всецело защищали его интересы. Непосредственно же опирались они, якобы, на своих наемных рабочих, в частности на шахтеров из

²¹ Слово «тиран» вызывает у нас ряд неправильных ассоциаций, так как мы сопоставляем его со словом «тиран» в его теперешнем употреблении, и нам кажется поэтому, что тираны обязательно должны быть насильниками, угнетателями, нарушающими справедливость и нравственность. Однако это неверно: тираны действительно становились иногда на путь террора, но лишь для того, чтобы сломить сопротивление аристократии. Слово «Тиран» получило нынешний смысл лишь в конце V в. в аристократических кругах, а затем это понимание стало общепринятым. В VI и начале V в. слово «тиран» означало только «царь», «властитель». Так, поэт Архилох называет тираном лидийского наследственного царя Гигеса, причем не вносит в это выражение ни малейшего оттенка осуждения.

рудников, так как основным источником могущества этих тиранов было, по мнению Юра, владение серебряными рудниками. Из русских историков эта теория усвоена акад. А. И. Тюменевым, который эклектическим образом соединил теорию Юра с трактовкой Тирана как «демагога, обманывающего народ». Между тем, при нынешнем состоянии традиции о VI в., серьезно историкане может интересоваться чтением души Тирана — это занятие мы можем поручить тарху, за которым в своих оценках часто слепо следует и А. И. Тюменев. Для историка важно лишь выяснить, в чьих интересах проводились осуществлявшиеся Тиранами мероприятия.

Рядом исследователей показана несостоятельность этой теории: Тираны, как правило, выдвигаются не из торгового класса, а из аристократии благодаря военным подвигам: не только афинский Тиран Писистрат выдвинулся благодаря победам над Мегарами, но и сикионский Тиран Орфагор — благодаря победе над Пелленой; милетский Тиран Фрасибул достиг власти благодаря успешной защите города от лидийского царя Алиатта; митиленец Питтак стал во главе государства не потому, что его отец имел мельницу, а потому, что он одержал блестящую победу над афинянами, а его жена принадлежала к Атридам, потомкам Агамемнона, и т. д. С другой стороны, те диакрии, на которых опирался Писистрат, были вовсе не горнорабочими, а крестьянами, из северо-восточной Аттики.

Тирания появляется только в государствах с сильным торгово-ремесленным классом; в государствах чисто земледельческого типа, как Беотия или Лакония, мы ничего не слышим о Тирании. Однако отсюда еще нельзя сделать вывод, что во всех государствах Греции Тирания была выразителем интересов городского демоса. В тех государствах, где наряду с городским демосом еще существует сильный землевладельческий класс, равнодействующая борющихся сил может пройти иначе и на первый план может выступить на некоторое время третья группа — мелкое крестьянство, поддерживаемое то горожанами, то аристократами в их борьбе между собой. Эта третья группа идет под реакционным, но чрезвычайно популярным в древности лозунгом восстановления «отцовского устройства», т. е. восстановления патриархальной царской власти, опорой которой служило, якобы, крестьянское ополчение, — именно так истолковывалась в народных массах вновь учреждаемая Тирания.²² «В государствах, где большинство населения имело источником существования земледелие, вовсе не было тенденции идти навстречу всем требованиям торгового оборота. Наоборот, с бедствиями, принесенными денежным хозяйством, борются паллиативами, принятыми в конце V в. в аристократических

²² Комический поэт Евполид, выводя в комедии «Демы» великих мужей древности, выходящих из преисподней, называет Писистрата «царем» (basileus).

тивными мерами — часто очень наивными и не приносящими устойчивого результата» (Эд. Мейер). Изучение законодательных мер, проведенных Тиранами, приводит к поразительному выводу: их тенденция та же, что и в только что разобранных законах Залевка и Харонда. По законам Питтака действительны только те торговые договоры, которые заключены в присутствии царя и высших должностных лиц; такой закон, несомненно, препятствовал развитию торговых оборотов.

Особенно интересно процентное право этого времени. Совершенно ясно, что организация кредита, как существенного элемента торгового оборота, была возможна только при материальной заинтересованности кредиторов, т. е. при наличии процентных сделок. Тем не менее законодательство греческих государств совершенно так же, как это было у других народов древности, оказавшихся в этом положении (например, у евреев и римлян), борется со всякого рода процентными сделками. Уже у Гесиода в его «Работах и днях» мы читаем: «С соплеменника бери только ссуженные деньги» (следовательно, без процентов).²³ В законах Харонда долговые (процентные) обязательства признавались недействительными. Очевидно, на такой же закон опирался мегарский народ, когда он постановил взыскать обратно со всех кредиторов полученные ими с должников проценты.

Таким образом, в эпоху Тирании даже в государствах Малой Азии и островов, менее связанных с традицией, можно наблюдать момент сознательной реакционности. Еще резче выступают эти явления в знаменитейших Тираниях материка, в Коринфе и Сикионе.

В Коринфе при Тирани Кипселе, который сам происходил из знатной семьи, были изгнаны аристократы; конфискация их имущества дала в руки властителей большой земельный фонд; имущество это было, как можно заключить из источников, использовано для наделения землей беднейшего населения — крестьян, освобожденных от зависимости. Недаром реакционный мегарский поэт Феогнид восклицает:

Лучшие люди в изгнаны, а городом подлые правят.
Ох, если б Зевс навсегда род Кипселидов сгубил.

Кипселиды (главным образом Периандр) принимают все меры против стечения сельчан в город, воспрещают им выселяться из деревень, запрещают гражданам приобретать рабов: каждый должен сам работать; никто не должен ходить без дела. Не забудем, что эти меры принимаются в эпоху формирования рабовладельческого общества и в самом крупном рабовладель-

²³ Ср. еврейский закон во «Второзаконии»: «...У соплеменника своего не должен ты брать процентов ни за продукты, ни за деньги, ни за что иное, что дается под проценты».

ческом центре — Коринфе. Может ли быть сомнение в том, что запрещение владеть рабами в Коринфе в VI в. носит реакционный характер и направлено против передовых торгово-ремесленных слоев городского населения?

Этими реформами Кипселиды вовсе не хотели ослабить или поработить крестьянство; для того чтобы крестьяне могли принять участие в управлении государством, Периандр организует в районе, населенном крестьянами, наряду с городским советом (буле), окраинный совет (boule ep' eschaties). Наконец, крестьянский культ Диониса переносится в город и становится государственным культом.

Ту же картину мы имеем и в Сикионе. Крестьянский культ Диониса и здесь становится государственным культом и переносится в город; и здесь создаются препятствия для въезда крестьян в город; освобожденные от кабалы крестьяне имеют здесь те же внешние признаки, что позже в Афинах — отороченное мехом платье («катонака») и дубину; это указывает на чрезвычайную близость этого государственного устройства со строем Писистрата, о котором мы будем говорить ниже.

Тем не менее фактически эта Тирания повела к усилению городского торгово-ремесленного класса, и прежде всего потому, что Тираны вели беспощадную борьбу со старой родовой аристократией. Так, коринфский Тиран Кипсел (традиционная дата: 657—627) изгоняет знатный род Бакхиадов, захвативших в свои руки всю власть в государстве. Еще большее значение имела деятельность его сына Периандра (627—585).²⁴

О том, какое большое международное значение имела династия Кипселидов и какой популярностью они пользовались у современников, говорит ряд фактов: Периандр, наряду с его современниками — Солоном афинским, Питтаком митиленский, Хилоном спартанским, Биантом из Приены и др., считается одним из семи мудрецов, которые, согласно легенде, якобы собиравались вместе и вели беседы по вопросам нравственности;²⁵ когда разгорелась война между афинянами и Митиленой за Сигей в Троянской области, обе стороны выбирают третейским судьей Периандра; Периандр находился также в близких отношениях с милетским Тираном Фрасибулом. Уже около 650 г. Коринф принял еврейскую монетную систему, господствующую на Эгейском море, несмотря на то, что во всех прочих государствах Пелопоннеса и в Афинах в это время была в ходу аргосско-эгинская монетная система, введенная аргосским царем

²⁴ Рассказы о его жестокости в значительной мере преувеличены и разукрашены его противниками в ту эпоху, когда власть Тиранов уже ощущалась как препятствие для дальнейшего развития рабовладельческих государств.

²⁵ Исключение Периандра из числа семи мудрецов относят впервые ко времени Платона.

Фидоном.²⁶ Периандр построил прекрасные гавани и на Коринфском и на Сароническом заливах и создал на обоих морях по флоту; пошлины с ввозимых товаров давали большой доход его государству. Он пытался даже прорыть канал через Коринфский перешеек, но это предприятие ему не удалось довести до конца.

Не меньшее значение для торгово-ремесленного класса имела его внешняя политика. Керкира в это время совершенно отделилась от Коринфа и пытается даже с ним конкурировать; попытки покорить ее не дали прочного результата. Зато Периандру удается организовать несколько колоний на острове Левкаде и на побережье Акарнании; с другой стороны, на Эгейском море ему удается захватить на Халкидике в сфере влияния Халкиды Палленский перешеек, и он основывает здесь, как мы говорили уже, колонию Потидею. Он поддерживает хорошие отношения с Афинами и роднится с одним из знатнейших афинских родов — с Филаидами. В центрах греческого международного объединения — в Дельфах и Олимпии — он играет большую роль и приносит в эти храмы богатые приношения. Его преемник носил имя Псамметиха; это заставляет предположить, что у него были близкие сношения и с Египтом, где царствовал Псамметих II, по имени которого и назван этот Тиран.

Большое международное значение имела и строительная деятельность Периандра, привлекавшая в Коринф большое количество иностранцев. Он группировал вокруг своего двора выдающихся поэтов и музыкантов (например, при его дворе жил поэт Арион из Мефимны на Лесбосе).

Проведенная Периандром реформа государственного управления также была наиболее выгодной городскому классу. В Коринфе аристократия группировалась в особых родовых организациях, считая себя потомками чистокровных дорян, а народные массы — потомками эолийцев. Периандр вместо старых родовых фил вводит новые, территориальные филы.

Сикион был в большей мере земледельческим государством, чем Коринф, однако деятельность наиболее блестящего представителя династии Орфагоридов — Клизфена (начало VI в.) и здесь шла в значительной мере на пользу городскому классу. Он подобно Кипселидам решительно борется с аристократией. Здесь, как и во всех дорийских странах, население делилось на три дорийских филы: Гиллеев, Диманов и Памфилов. Но в эти филы здесь была включена только аристократия, считавшая себя потомками дорян; вся остальная масса населения считалась потомками ионийцев и в эти филы не входила. Клизфен образует из этого остального населения четвертую филу и дает ей

²⁶ Так как аргосская монета (статер) была в 1 1/3 раза тяжелее евбейской, то коринфяне разбивают евбейский статер не на две драхмы, как в Аргосе и в Эгине, а на три; четыре коринфские драхмы равны эгинскому статеру. В Коринфе, таким образом, могли свободно обращаться монеты обеих систем.

название Архелаев, т. е. «владык народа», тогда как три аристократические филы он издевательски переименовывает в «свиных», «поросятников» и «ослятников». Так как аристократия вела свои родословные от гомеровских героев и от аргосского героя Адраста, он запрещает декламацию гомеровских поэм и культ Адраста. Запрещает он также культ общедорического героя Геракла, заменяя его культом другого Геракла — критского бога.

И во внешних отношениях роль Клизфена была весьма значительной. Он сблизается с знатным афинским родом Алкмеонидов и пытается вместе с этим родом приобрести влияние в Дельфийском святилище. Когда по постановлению пилейской амфикионии Дельфы объявили войну соседнему городу Крисе, взыскивавшему пошлины с паломников, на помощь Дельфам и на защиту интересов международной торговли явились афинянин Алкмеон и Клизфен со своими войсками и флотом. Криса была разрушена. Несколько позже Клизфен выдал свою дочь Агаристу за сына Алкмеона, Мегакла.²⁷

Мегарский Тиран Феаген, живший во второй половине VII в., также выступил против аристократии: он начал с того, что потребовал себе личную охрану, как впоследствии Писистрат; затем по данному им сигналу беднейшие граждане бросились на стада богачей, перерезали скот и разделили его между собой. По предположению Глотца, это произошло в момент жестокого голода, вследствие отсутствия подвоза хлеба (Мегара была страной неурожайной и своего хлеба здесь сеялось мало). Как мы увидим позже, Феаген пытался сделать своего зятя Килона Тираном в Афинах, но это ему не удалось.

Однако наиболее блестящим из Тиранов, и притом опиравшимся, по-видимому, на торгово-ремесленный класс, был самосский Тиран Поликрат. Самос достиг к концу VI в. блестящего расцвета; это видно по дошедшим до нас остаткам керамики, живописи и скульптуры. Самосскую керамику находят при раскопках в различных частях Греции (исключая лишь район Черного моря и Халкидики, куда самосцев не пускали милетяне и коринфяне) — именно на Родосе, Кипре, в Египте, Сицилии, Италии и Карфагене. Это свидетельствует о наличии широких торговых связей и сильного флота. Поликрат, захвативший власть в 537 г. при содействии афинского Тирана Писистрата и наксосского Тирана Лигдамида, еще более усиливает этот флот, пользуясь тем, что малоазиатские города были ослаблены после по-

²⁷ Свадьба была отпразднована по старинному обряду, засвидетельствованному также у индусов и воспетому Пиндаром в одной из его од: Клизфен созвал женихов из всех греческих государств, устроил между ними состязание в танцах, пении и остроумном разговоре и отдал дочь победителю в состязании (разумеется, он уже заранее решил, кого объявить победителем). Эта пышная свадьба немало содействовала международной популярности Клизфена.

кореня Малой Азии Персией. Флот Поликрата господствует на море и наносит сокрушительные поражения милетянам и лесбосцам; враги Поликрата обвиняли его в пиратстве, но надо думать, что пиратские акты были направлены против государств, не пожелавших заключить с ним договор. Полиkrat был в хороших отношениях с египетским фараоном Амасисом и киренским царем Аркесилаем II. Город Самос в правление Поликрата был одним из самых красивых, многолюдных и богатых городов Эллады. На базаре в Самосе можно было найти товары со всех концов греческого мира. Несмотря на наличие очень большого количества рабов, Полиkrat организует общественные работы для свободного населения: он строит прекрасную гавань и длинный мол перед ней.

Архитектор Евпалин из Мегары строит первый в мировой истории туннель в 350 м длины, сохранившийся до нашего времени (этот туннель служил для водопровода). Храм Геры, построенный архитектором Рэком, с замечательными картинами художника Мандрокла, считался одним из чудес света. Дворец Поликрата также отличался неслыханной роскошью.

Ко двору Поликрата стекались знаменитые ученые (например, врач Демокед из Кротона) и поэты (Анакреонт из Теоса и Ивик из Регия). В то же время Полиkrat боролся с аристократической партией.²⁸ Аристократический философ Пифагор был изгнан из Самоса.

По преданию, когда коринфский Тиран Кипсел пришел в Дельфийский храм, Пифия прорекла ему:

Много прославлен Кипсел, в мое входящий жилище,
Сам и дети его; но только лишь дети, не внуки.

Такова была судьба не только коринфской Тирании. Тирания, как демократическая диктатура, была переходной властью, обеспечившей наилучшим образом свержение аристократии и расширение социальной базы греческого полиса, так как она шла под знаменем восстановления исконной «демократической» царской власти и, считаясь с косной психикой крестьянства, сумела объединить под своей властью и мелкое крестьянство, и наиболее передовые городские элементы. Однако, как только власть аристократии была сокрушена, городские элементы стали ощущать Тиранию как пережиток, мешающий развитию рабовладения, свободного торгового оборота и демократических учреждений. Блок городского торгового класса с мелким крестьянством стал ощущаться как противоестественный. По справедливому замечанию Эд. Мейера, для того, чтобы Коринф мог стать крупнейшим торговым центром, средоточием торговли

²⁸ Геродот сохранил нам прекрасную новеллу, героем которой является Полиkrat («Поликратов перстень»). Она переложена в стихи Шиллером и переведена на русский язык Жуковским.

с Западом и Востоком, чтобы его собственная продукция могла достичь пышного расцвета, необходимо было прежде всего уничтожить Тиранию. Лишь когда внутренние отношения стали устойчивыми и богатые торговцы и ремесленники получили власть в свои руки, Коринф занял свое позднейшее положение.

И в Афинах, и в Коринфе, и в других местах городской торгово-ремесленный класс приходит к власти только по свержении Тирании. Но Тирания, опирающаяся в значительной мере на мелкое крестьянство, продержалась бы, может быть, еще несколько десятилетий, так как в большинстве случаев она была свергнута не в результате партийной борьбы, а в результате интервенции. В начале VI в. спартамцам удалось окончательно превратить прежде свободное, а затем закабаленное беднейшее население в особый тип рабов — в илотов. Основной целью спартанцев стало удержание этих илотов в повиновении. Всякое демократическое государство, а тем более демократическое государство в Пелопоннесе, опирающееся на крестьян, освобожденных от кабалы, служило очагом заразы и увеличивало опасность восстания илотов. Поэтому лакедемоняне с особой энергией уничтожают и без того ослабевшие уже тирании в греческих городах.

Эфор Хилон и полководец Анаксандрид совершают ряд походов и изгоняют Кипселидов из Коринфа и Амбракии, Лигдамида — из Наксоса, Гиппия — из Афин, потомка Клисфена, Эхина, — из Сикиона, Симмаха — из Фасоса, Алкида — из Фокиды, Аристогона — из Милета. Они пытались изгнать и Поликрата из Самоса, но безуспешно: здесь их дело довершили персы, не желавшие терпеть рядом с собой сильное греческое государство.

5. КУЛЬТУРА АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Старинная религия, служившая идеологической основой греческого аристократического государства, также претерпевает серьезные изменения под влиянием новых социальных отношений.

В официальной греческой религии основное значение имел культ небесных божеств, причем главным источником для представлений об этих, так называемых олимпийских, божествах, служила мифология гомеровских поэм. Подобно тому как наука, литература и искусство средневековья имели одним из главных источников Библию и Евангелие, так и античная наука, литература и искусство архаической эпохи имели отправным пунктом гомеровскую мифологию. В связи с ростом международных отношений гомеровские боги все более теряют характер покровителей отдельных городов и людей и, соответственно новым общественным формам, становятся покровителями различных общественных группировок, ремесел и искусств. Так, бог Посей-

дон становится, с одной стороны, покровителем коневодства и аристократии, с другой — покровителем мореходства; Афина — покровительницей демократии, науки и гончарного дела; Арес уже в гомеровское время был богом войны; Гермес, продолжая нести старые функции проводника душ умерших, становится богом торговли и сухопутных путешествий; Гефест — богом кузнечного и горшечного ремесла; Артемида — богиней охоты; Аполлон — богом искусства и т. д.

Эти боги являются государственными божествами, а соблюдение культа их — государственной обязанностью каждого гражданина. Богов чтут в храмах, далеко превосходящих своей роскошью все прочие строения в городах. Особого греческого сословия в Греции не было; поскольку культ был государственным делом, жрецы, жрицы, прорицатели и прислужники были государственными чиновниками, назначавшимися на должность государством. Впрочем, ввиду косности религии, жрецы даже и в более позднюю демократическую эпоху выбирались из аристократов, часто из определенных знатных семей. Предметами поклонения в храмах были статуи богов (почти исключительно человекообразные) и алтари, на которых жрецами приносились жертвы от имени как государства и его подразделений, так и частных людей. Кроме того, в храмах находились различные священные предметы и реликвии. Богослужение состояло, кроме жертвоприношений, также из общественных молитв, песнопений и т. д. В праздничные дни из храмов выходили торжественные процессии, несущие различные священные предметы. В ряде храмов находились оракулы. Предсказания давались путем вытягивания жребиев, по шелесту листьев священного дуба (в Додоне); в Дельфах предсказательница (Пифия) садилась на треножник, расползшийся над отверстием в скале, из которого выходили дурманящие газы; под их действием она произносила бессвязные слова, которые жрецы затем истолковывали как предсказание будущего.

Главной составной частью греческих празднеств были масовые угощения. По греческим религиозным представлениям мясо разрешалось есть только в обществе бога. Заклание животного совершалось на алтаре, и отдельные части жертвы отдавались богам, которые считались незримо присутствующими и поедающими их. Обычно это заклание совершалось в храмах, причем и жрецы получали некоторые части жертвы. Часто жертвоприношение совершалось на счет государства, причем все граждане получали свою долю в жертве.

Каждый храм имел свои храмовые легенды, т. е. свой цикл рассказов о «страстях божиих», о судьбах и переживаниях храмового божества и его приближенных. В определенные праздничные дни эти «страсти божи» изображались в лицах. Обычно это было олицетворенное изображение борьбы сил природы, мешающих и содействующих произрастанию хлебных зла-

ков и т. п. Из этих религиозных действий, в которых часто принимали участие все верующие, впоследствии выросли театральные представления, причем случайные актеры были заменены специалистами.

Эта олимпийская религия, сформировавшаяся еще в гомеровскую эпоху, сохранила целый ряд представлений, казавшихся греку VI в. уже безнравственными. Каждый греческий аристократ возводил свой род к тому или иному божеству. Это возможно было только тем путем, что бог сходился со смертной женщиной, родоначальницей того или иного рода. Так как знатных родов и их родоначальниц в Греции было очень много, а олимпийских богов немного, то приходилось каждому богу приписывать очень большое количество любовниц. Поэтому олимпийские боги оказались еще более развратными, чем они были в поэмах Гомера. Гомеровские боги, отражая общественные отношения древнейшей эпохи, обманывают друг друга, дерутся и даже крадут²⁹ и убивают. Вдобавок мифы, возникшие в различных греческих государствах или в различных кругах общества, часто противоречили друг другу и даже друг друга исключали. Между тем религия уже тогда в руках аристократии была могущественным средством для удержания народных масс в подчинении. Поэтому сами аристократы принимают энергичные меры, чтобы спасти религию от дискредитации и поднять на уровень новых нравственных взглядов. Вместе с записью законов происходит и запись мифов, причем наиболее безнравственные, а также противоречащие друг другу рассказы по возможности устраняются. Такая работа была проделана, например, беотийским поэтом VIII в. Гесиодом, написавшим поэму «Происхождение богов» («Феогония»).

Еще более расширяется кругозор греков под влиянием путешествий, когда они пришли в соприкосновение с другими греческими и в особенности негреческими племенами. Наибольшее впечатление на греков произвели оргиастические культы, т. е. культы, сопровождающиеся священным умоисступлением. При этом «одержимые богом» совершают нелепые телодвижения, кричат, беснуются, даже ранят себя ножами и т. д. Такой характер носил фракийский культ Диониса и малоазиатский культ Матери богов. Дионис был включен в число богов официальной религии и стал одним из самых популярных божеств Греции; изображения «страстей» (страданий) Диониса были одним из главных источников трагедии; Дионису же теперь была посвящена и комедия.

Эти театральные представления были «литургиями»; это означало, что все расходы и всю заботу по организации представления брал на себя богатый аристократ, называемый хорегом. В древнейшее время он делал это добровольно, а затем хорегия

²⁹ Так, бог Гермес проявил себя уже в колыбели как искусный вор.

стала государственной повинностью. Непосредственное руководство представлением поручалось особому лицу, называемому дидакалом. Он был и автором пьесы, и композитором (каждая пьеса обязательно сопровождалась пением и танцами), и режиссером, и первым актером. Театральные представления первоначально происходили под открытым небом, причем публика сидела на склоне горы, затем стали вырубаться (или сооружаться) ряды ступеней, расположенные амфитеатром. Актеры первоначально передевались в палатке (по-гречески палатка — «скене»; отсюда слово сцена); затем стало строиться для передевания особое сооружение, сохранившее название «скене». На передней стене этой «скене» была нарисована декорация, перед которой выступал актер. Перед «скене» находилась круглая площадка (орхестра) для танцев и пения хора. В Афинах хор состоял из двенадцати человек, разделенных на две части, певших и танцевавших поочередно. Первоначально пение и танцы составляли главную часть представления, а весь диалог происходил между единственным актером и руководителем (корифеем) хора; впоследствии (в Афинах V в.) число актеров было увеличено и главной частью представления стал диалог. Декорация была очень примитивной, зритель должен был ее дополнять воображением. Актеры выступали в пышных плащах, масках и носили башмаки на очень высоких каблуках (котурны). Эти представления, изображавшие смерть божества или героя, носили серьезный, мрачный характер и назывались трагедиями. Наряду с ними в середине VI в. и веселые карнавальные (масленичные) шествия крестьян, сопровождавшиеся песнями, также получили характер государственных богослужений и стали называться комедиями. Комедии и трагедии ставились на сцене во время определенных праздников (в Афинах три раза в году). Спектакль начинался рано утром и продолжался до захода солнца. Высший государственный чиновник выбирал из всех представленных пьес три наилучшие, и затем между ними происходило состязание. Они ставились одна за другой, и особые судьи присуждали первую и вторую награду авторам.³⁰

Соприкосновение с людьми другого языка и культуры невольно заставляло греков сравнивать свою культуру с культурой их соседей. Они были совершенно беспристрастны, когда считали египетскую культуру выше эллинской (так и было в то время); наоборот, сравнение своей культуры с культурой фракийцев или фригийцев приводило греков к заключению о превосходстве их культуры и наполняло их национальной гордостью. Греки из различных городов жили небольшими кучками среди чуждых им людей с непонятными обычаями и непонятным языком; естественно, что у них появлялось ощущение бли-

³⁰ О театральных представлениях вне Афин нам для древнейшей эпохи почти ничего неизвестно.

зости всех греков друг к другу. Людей, говорящих на понятном им языке, стали называть эллинами; людей, издающих непонятные звуки, стали называть звукоподражательно: «бар-бар», «барбарос» («варвар»).³¹ Таким образом впервые появилось разделение всего человечества на эллинов и варваров.

Однако, это деление вплоть до середины V в. ни в малейшей степени не имело расового характера. Это деление прежде всего имеет в виду язык, а затем культуру. Скиф или фракиец, усвоившие греческий язык и культуру, тем самым становились эллинами и даже могли стать знаменитыми греческими мудрецами (как, например, скиф Анахарсис),³² Насколько мало при этом считались с расовым фактором, видно из того, что смешанные браки в городах фракийского и малоазиатского побережий были обычными — особенно в аристократических семьях, бывших главными носителями религиозных и бытовых традиций. Легкое усвоение обычаев восточных народов, в том числе и религиозных установлений, свидетельствует также об отсутствии национальной исключительности у греков VII—VI вв.

Знакомство с негреческими культурами имело, однако, еще и другой результат. Греки увидели, что те боги, которых они чтит, и те обряды, которые они совершали, кажутся ненужными и нелепыми другим людям; что те люди имеют своих богов и свои обряды, не схожие с греческими. Невольно возник вопрос: какой же бог сильнее? какие обряды вернее гарантируют успех в жизни?

Начинают с того, что обогащают олимпийскую религию рядом новых представлений, взятых из народной религии, из негреческих религий и из учений отдельных религиозных реформаторов. Таковы орфизм, культ бога винограда Диониса и культ богини Деметры. Для этих новых религий характерны таинственные обряды, доступные только посвященным (мистерии), часто носившие изуверский характер. Победенная аристократия и отсталая часть крестьянства пытаются уйти от реальной жизни в мечту о гибели грешного мира и о наступлении золотого века, царства правды, о переселении душ, о счастливой загробной жизни. Эти так называемые орфикифигорейские учения имеют целью примирить землевладельца и крестьянина с развалом привычного для них жизненного уклада; они сформировались под влиянием религии Диониса и Деметры и пифагореизма.

Однако наиболее передовые слои греческого народа были настроены оптимистически и склонны были не к мечтам, а к реальным действиям. Это были торгово-ремесленные элементы в передовых городах Малой Азии. Они достигли власти в тяжелой борьбе с господствовавшей прежде в этих городах старой земельной аристократией, и в их интересах было развенчать все

³¹ Ср. русское народное выражение «болботать».

³² Правда, на некоторые греческие состязания не допускались «варвары», но на них же часто не допускался и целый ряд греческих племен.

то, на чем основывалась власть их противников. А в это время религия была теснейшим образом связана с господством аристократии: эта религия доказывала божественное происхождение аристократических родов; с другой стороны, жреческие должности обычно замещались членами виднейших аристократических семей. Люди из торгового класса сами создали свое положение, не считаясь с земными авторитетами, поэтому им представляется, что и в природе все происходит по внутренним имманентным законам, без вмешательства каких-либо небесных сил. Ведя широкую торговлю со странами Востока, эти передовые элементы греческого общества освобождаются от национального самомнения и исключительности. Они заимствуют из науки Востока, которая тогда стояла значительно выше греческой, все, что им кажется полезным. Но это их уже не удовлетворяло. При более внимательном изучении религиозных представлений религия неизбежно оказывается клубком нелепостей, так как она по самой своей сущности нелогична. Понятно, что деятели науки пытаются теперь при объяснении природы обойтись вовсе без богов, в обычном смысле слова. По этому пути действительно пошли ученые самого большого и самого передового торгового города греческого мира Милета. Живший здесь в начале VI в. ученый Фалес видит во всех предметах природы лишь видоизменение одного основного элемента — воды (здесь сыграло некоторую роль то, что для греков-предпринимателей море было главным источником их существования). Его ученик Анаксимандр позволяет себе утверждать, что люди не созданы богами, а произошли из особой породы рыб, из которых человек вылез, как стрекоза из личинки. Если орфики и всякого рода мистики говорили о приоритете духовного над материальным, о бесплотной душе и т. д., то эти милетские натурфилософы, в противоположность им, последовательно придерживались примитивного материализма и отрицали какие бы то ни было нематериальные сущности; даже душа, по их мнению, материальна. Под душой они понимали причину движения, и потому утверждали, что все тела имеют душу, в особенности же магнит.

Эти новые взгляды оказали влияние и на выдающихся людей из старой аристократии. Так, Гераклит из Эфеса, потомок древнего царского рода, пытался осмыслить те социальные сдвиги, которые произошли на его глазах. Он доказывает, что по законам природы все изменяется, нет ничего абсолютного и неизменного: «все течет». «Мир — единый, возникший из совокупности всех вещей. Он не создан никем из богов и никем из людей. Он был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма», говорит по поводу этого величественного учения Ленин.³³

³³ Ленин В. И. Философские тетради// Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1963. С. 311.

Гераклит отвергал с негодованием народную религию. Еще дальше пошел в этом направлении Ксенофан из Колофона, живший в конце VI и в начале V в. Его возмущают боги Гомера, которые крадут, прелюбодействуют и обманывают друг друга. Он приходит к выводу, что не бог сделал человека по своему образцу, но наоборот — человек создал бога по своему образцу. Если бы быки и львы имели руки, говорит он, то львы изображали бы своих богов в виде львов, а быки — в виде быков. Не удивительно, говорит он, что негр представляет себе богов черными и курносыми, а фракийцы — белокурами и голубоглазыми. Поэтому он отрицал, что боги дали людям все необходимое для жизни. «Люди сами искали и постепенно находили все лучшее и лучшее».

Эта перемена во взглядах отразилась и в области практических наук. Появляются медицинские школы, строящие науку на основе философских теорий и опытных наблюдений. До этих пор лечение находилось в руках жрецов бога медицины Асклепия; эта медицина была основана в очень небольшой степени на наблюдении и гораздо в большей степени на шарлатанстве и суеверии. Мы можем заключить это из широковещательных надписей — реклам, найденных на развалинах храма Асклепия в Эпидавре. Здесь говорится о чудесном исцелении слепых, не имевших даже глазных яблок, о снятии у больного головы и возвращении ее на прежнее место и т. д. Светская медицина боролась с этим шарлатанством с большим успехом.

То же явление наблюдаем мы и в области математики и астрономии. До этого времени астрономией занимались жрецы. Принятый в Греции лунный календарь значительно отличался от солнечного; для того, чтобы этим календарем можно было пользоваться для сельскохозяйственных работ и мореходства, необходимо было вставлять лишний месяц. Этим делом заведовали жрецы, которые часто злоупотребляли этой вставкой месяцев в своих личных целях. Теперь и астрономия переходит в руки светских ученых; уже упомянутый Фалес так хорошо усвоил вавилонскую астрономию, что правильно предсказал солнечное затмение 585 г. Впрочем, его астрономические представления были еще очень примитивны; он представлял себе землю в виде большого диска, плавающего на мировом океане, и землетрясение объяснял волнением этого океана. Этот же Фалес принес в Грецию учение о подобных треугольниках, имевшее практическое применение в мореходстве. Математические познания позаимствовал у египтян также философ Пифагор из Самоса, переселившийся затем в италийский Кротон. Но главным делом жизни Пифагора было основание реакционной философской школы в Кротоне, проповедовавшей прежде всего переселение душ и воздержание от мясной пищи. По этому учению, душа проходит в наказание за грехи ряд тел животных и людей прежде, чем возвращается на небо; чем более грешен человек,

тем в более низкое животное его душа переселяется. Поэтому, поедая животное, мы можем по ошибке съесть нашего покойного родственника или даже отца.

Переворот в религии и науке привел, таким образом, к тому, что грек не хочет подчиняться традиционным мнениям, а противопоставляет им свои собственные, независимые научные взгляды. Такое же явление мы имеем и в литературе; место религиозных песнопений и эпических поэм заступает индивидуальное творчество. Прежде творцы эпической литературы считали совершенно недопустимой всякую попытку оставить на своих творениях следы своей личности или отразить свои личные переживания. Каждый старался внести свою лепту в общее дело: одни поэты соединяли и переделывали народные былины, преобразуя их в большие эпические поэмы, другие дополняли, изменяли и улучшали их в течение ряда поколений. Так возникли «Илиада», «Одиссея» и ряд других не дошедших до нас поэм так называемого гомеровского цикла. Так возникли и гомеровские гимны в честь Аполлона, Афродиты, Гермеса и Деметры. Живший в самом начале архаической эпохи беотиец Гесиод еще творит в том же духе, рассказывая о богах и божественном происхождении аристократических родов. Точно также его поэма «Работы и дни», содержащая ряд стихотворных рецептов для сельского хозяина, по-видимому, является только продолжением такой же более древней литературы. Но здесь мы уже слышим новые ноты: Гесиод рассказывает о своей личной жизни, сообщая о своем отце, который безрезультатно ездил в Малую Азию, в Киму, в погоне за торговой наживой, о своем ленивом брате Персе, который, подкупив продажных аристократических судей («басилеев»), оттягал у Гесиода принадлежавший ему участок земли, а затем вследствие лени и нерадения потерял этот участок. По поводу этих злоупотреблений аристократических должностных лиц Гесиод рассказывает саркастическую басню, древнейшую в греческой литературе.

„Басню владыкам скажу, хоть и сами смекают прекрасно“, —
Некогда так говорил соловью дивнозвучному ястреб,
В цепких когтях уносивший его в поднебесные тучи.
Жалости бедный просил; глубоко искривленные когти
В нежное тело впились... И надменно сказал ему ястреб:
«Что же ты, глупый, кричишь? Над тобою ведь ныне владыка,
Много знатнейший, чем ты, и хотя ты певец знаменитый,
Всюду за мной полетишь, моему подчиняясь капризу.
Коль захочу — проглочу, захочу — и верну тебе волю».
Так говорил ему ястреб крылатый, проворная птица.
Тот, кто захочет тягаться с сильнейшим, — безумец, лишится
Он и победы желанной и муки потерпит позора.

Содержание поэмы Гесиода очень разнообразно. Это и практический календарь для земледельца с указанием срока выполнения отдельных сельскохозяйственных работ, и сборник практических нравственных советов (таков, например, совет иметь

лишь одного сына для сохранения и умножения своего богатства). Ряд практических советов Гесиода мы привели уже выше, говоря о географии Эллады.

Еще более боевой характер имеет поэзия передовых ионийских городов. Приведем все поэмы в стиле Гомера вызывают резкую реакцию у насмешливых ионян, и появляется целый ряд шуточных стихотворений, пародирующих эти поэмы. Такова, например, «Война мышей и лягушек», забавно пародирующая войну между греками и троянцами.³⁴ Но действительным зачинателем нового направления был Архилох из Пароса (середина VII в.), сыгравший в поэзии ту же роль, что Фалес в науке. Он впервые стал касаться тем, бывших до того запретными в поэзии. Его творчество насквозь индивидуально: он говорит о своих странствованиях, о своей любви, цинично издеваясь над священнейшими для греков представлениями; он рассказывает, как он бросил щит в сражении; он осыпает бранью девушку, отказавшую ему в любви, и ее родителей. В своих баснях Архилох жестоко и остроумно бичевал вождей демократических масс. Этот гениальнейший поэт античности (от произведений которого, к сожалению, дошли до нас только отрывки) уже знает, что его читателя больше интересуют даже сомнительные в нравственном отношении факты из жизни и переживаний смелого авантюриста, чем великие подвиги героев древности.

Такой же индивидуальный характер носило творчество поэтов из Митилены на острове Лесбосе, живших на рубеже VII и VI вв. Стихотворения Сафо посвящены, главным образом, любви; Алкей, кроме любовных стихотворений, написал целый сборник под названием «Песни мятежа». Будучи приверженцем аристократической партии, он жестоко бичует в этих стихотворениях демократию и ее вождя Питтака, ликует по поводу смерти вождя демократов Тирана Мирсила, призывает своих единомышленников к энергичной борьбе — как открытой, так и подпольной. Его сравнение государства, раздираемого партийной борьбой, с кораблем, застигнутым бурей в море, осталось классическим до наших дней. К Алкею и Сафо близок Анакреонт из Теоса, живший при дворе афинского Тирана Писистрата. В своих песнях он воспевал вино и любовь.³⁵

В связи с политическими переворотами, происходившими на материке Греции в VI в., политическая поэзия достигает и здесь большого развития. Афинский поэт и государственный деятель Солон оправдывает и мотивирует свою реформу, спорит со своими противниками, предостерегает своих сограждан от гря-

³⁴ Такие пародии засвидетельствованы, впрочем, уже для древнего Египта. До нас дошло изображение крепости кошек, осаждаемой мышами.

³⁵ От стихотворений Анакреонта до нас дошли только жалкие отрывки. Дошедший до нас сборник «Анакреонтических стихотворений» написан в эллинистическую эпоху.

душей Тирании и призывает их к завоеванию Саламина. Крайний реакционер Феогнид, переживший в Мегарах демократическую революцию и бежавший из отечества, бичует простонародье словами ненависти и презрения и призывает своих единомышленников к жестокой расправе над ними:

Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо!
Нет, под всевидящим солнцем нет в мире широко народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ...
Голову гордо поднять не умеет рожденный для рабства,
Клонится шея его. Согнут затылок раба.
Как не родятся на диком волчке гиацинт или роза,
Так и свободным не быть, Кирн, порожденью рабы.

И он, подобно Алкею, уподобляет государство кораблю, застигнутому бурей, но его стихотворения проникнуты гораздо более острой ненавистью к демократии.

Вижу, куда мы стремимся, спустив белоснежные снасти,
Морем Мелийским глухим, сквозь чернотонную ночь.
Черпать они не желают, и хлещет соленое море
Вот через оба борта: как тут от смерти уйти?
Что вы творите, безумцы? Убит вами доблестный кормчий.
Кормчий, что зорок и мудр, крепкую стражу держал,
Силой добро расхищаете вы, уничтожен порядок...
Грузчики властвуют ныне, и добрыми подлый владеет.
Как бы, страшусь, кораблю зыби седой не испить.

Таковыми же чисто гражданскими мотивами проникнута и поэзия спартанского поэта Тиртея. Он рисует бедствия, переживаемые страной на рубеже VII и VI вв. вследствие гражданской войны и неудач на первых порах Мессенской войны. Он учит спартанцев быть храбрыми в бою и ведет в своих стихах пропаганду за реформу, имевшую место в Спарте в начале VI в. Подробнее мы скажем о Тиртее ниже; пока мы отметим, что его поэзия всецело стоит на службе у политики. Приведем для примера начало одного его стихотворения.

Сладостно жизнь потерять, среди воинов доблестных павши,
Храбром мужу в бою ради отчины своей.
Город покинув родной и цветущие нивы, быть нищим —
Это, напротив, удел всех тяжелейший других.
С матерью милой, с отцом-стариком на чужбине блуждает
С малыми детками трус, с юной женою своей.
Будет он жить ненавистным для тех, у кого приютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой,
Род свой позорит он, вид свой цветущий стыдом покрывает,
Беды, бесчестье за ним всюду летят по следам.
Если же вправду ни теплых забот не увидит скиталец,
Ни уваженья к себе, ни состраданья в нужде,
Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.

Таким образом, поэзия в эту эпоху не оторвана от жизни, а чутко отзывается на все ее запросы. И эмансипация челове-

ческой личности от сковывавшего ее окоченевшего родового общества, и политическая борьба в греческих городах, и война — все это находит отражение в поэзии VII и VI вв.

Необходимо обратить внимание и еще на один характерный момент. Появление научного естествознания — хотя бы самого примитивного — возможно было только при условии разрыва с традиционным религиозным мирозерцанием. Это могло произойти только в колониях греческого Востока, где религиозно-аристократические традиции не были так сильны, и где греки вступили в оживленные сношения с культурами Передней Азии. Поэзия и изобразительное искусство не требуют такого радикального разрыва с традицией; наоборот, эта традиция — прежде всего традиция мифологическая — является для них основной питательной средой. Не удивительно поэтому, что основными центрами развития поэзии и искусства были не только торговые города Малой Азии, но и Пелопоннес, а с начала VI в. — и Аттика и Сицилия.

Основные стимулы для развития изобразительных искусств в разбираемую нами эпоху были те же, что и для развития наук и поэзии. Ломка старого окоченелого аристократического строя повела к соответствующей ломке и в искусстве: схематические рисунки геометрического стиля и безобразные «бретасы» богов, представляющие собой часто обрубки дерева с еле намеченными чертами лица, могли пользоваться благоговением только пока аристократия и возглавляемый ею строй пользовались слепым почитанием; стоило взглянуть на это искусство непредубежденными критическими глазами, и оно вызывало только смех. Так, некто Пармениск из итальянского города Метапонта, богатого художественно выполненными храмами и другими произведениями искусства, прибыл, как сообщает Афиней, на остров Делос, чтобы поклониться Латоне. «После того, что он видел в Дельфах в святилище Аполлона, он ожидал, что он увидит замечательную статую матери Аполлона. Но он увидел безобразный кусок дерева и от неожиданности расхохотался». Такой же характер носили и другие архаические статуи. Бывшая ключом общественная жизнь богатых торговых городов требовала роскошных и художественно оформленных общественных зданий — прежде всего храмов; возросшая роль отдельных личностей требовала разнообразия и дифференциации художественных типов. Второй причиной прогресса было и в этом случае знакомство с художественными образцами Востока, проникшими благодаря торговле в большом количестве в Грецию. Если греческие торговцы желали конкурировать с восточными, им необходимо было придать своим изделиям художественное оформление, не уступающее восточным образцам. Не меньшее впечатление должно было произвести на греческих путешественников и торговцев знакомство с храмами и дворцами Востока.

В изобразительном искусстве архаической Греции, как и в других областях, начинают с прямого усвоения, иногда рабского копирования искусства Востока: это так называемый восточный стиль. Находят в большом количестве изделия из бронзы, терракоты, фаянса и слоновой кости, которые лишь с трудом можно отличить от их восточных оригиналов; в других случаях (например, на керамических изделиях) восточные мотивы (изображения растений, животных и фантастических чудовищ) причудливо перемешиваются с орнаментом геометрического стиля. Точно так же статуи этой эпохи первоначально копируют безжизненные египетские статуи. В основу здесь положен, как и в искусстве древнего Востока, принцип фронтальности, состоящий в следующем: «... эти статуи строились всегда по принципу равномерного распределения тяжести тела между обеими ногами. Это имело своим последствием скованность членов и внутреннюю неподвижность фигуры. Вытянувшись совершенно прямо, фронтом к зрителю, она как бы боялась отклониться от своей средней оси, чтобы не нарушить равновесия» (М. И. Максимова). От этого «принципа фронтальности» грекам удалось освободиться только в следующую эпоху, эпоху расцвета. Такое же влияние Востока (прежде всего Египта) заметно и в живописи: лица людей и животных первоначально изображаются всегда в профиль, а глаза — анфас.

Однако греческое искусство не остановилось на этом подражании и стало быстро самостоятельно развиваться. Уже в VI в. греческое искусство настолько перегнало восточное, что греческих мастеров приглашают ко двору восточных владык. Мощным импульсом для развития изобразительных искусств явилась богатая греческая мифология; стремясь как можно натуральнее изобразить эти мифы в живописи, рельефе и объемной скульптуре, греческие мастера постепенно преодолевают встречающиеся трудности и достигают все большего совершенства. Если прежде один и тот же человек был и ремесленником (каменщиком, гончаром) и разрисовщиком, то теперь разрисовка и художественное оформление поручаются специалистам-художникам, выделившимся из среды мастеров-ремесленников. Более того, появляется целый ряд известных во всем греческом мире знаменитых художников и вокруг них — ряд конкурирующих между собой школ, имеющих каждая свою манеру.

В области архитектуры выделяются два резко отличающихся друг от друга стиля или ордера: дорийский и ионийский.

Центром дорийского храма было помещение для статуи бога — продолговатая прямоугольная целла; она была окружена колоннадой. Колонны состоят из ствола и капители; дорическая капитель состоит, в свою очередь, из подушки (эхина) и четырехгранной плиты (абака). Между капителями колонн и крыши находится горизонтально расположенная часть здания — антаблемент. Важнейшая часть антаблемента — фриз, состоя-

щий из выступающих частей, на каждой из которых три вертикальные полосы (триглиф), и из гладких частей (метопов), покрытых рельефами мифологического содержания. Треугольник, образующийся на фасаде под крышей (фронтон), также покрывался художественной композицией мифологического содержания.

Дорийский храм производил впечатление грузности и массивности. Гораздо более легким и стройным был ионийский храм. Колонны были тоньше и стояли на основаниях (базах). Подушка закручивалась на обоих концах (волюта). Фриз гладкий, метопы и триглифы отсутствуют. Колонны обычно расположены в два ряда. Храмы эти больше по величине и богаче; нередко они строятся сплошь из мрамора.

Храмы VI в. имеют чрезвычайно торжественный, парадный вид; желая свидетельствовать о величии богов, обитающих в них, они фактически говорят о богатстве и могуществе создавших их общин, воплощением которых и было, прежде всего, населяющее их божество.

Трудность обработки камня мешала быстрому прогрессу круглой скульптуры; как мы уже говорили, перелом в этой области произошел лишь в следующую эпоху. Однако этот перелом был всецело подготовлен тем прогрессом в скульптуре, который имел место в течение VI в. Пусть статуи в течение всего разбираемого времени подчинены закону фронтальности и лишены движения; пусть на лице их неизменно играет глупая манерная улыбка; пусть волосы их искусственно завиты, а одежда покрыта неестественными, как бы выутюженными, гофрированными складками, — в течение интересующей нас эпохи плоская каменная глыба, анатомически неграмотно сделанная и еле стоящая на ногах, превращается в живой человеческий организм, с анатомически правильными пропорциями.

Более значительный прогресс имел место в живописи, известной нам, главным образом, по росписи на керамике. Чистый силуэт геометрического стиля под влиянием восточной живописи превращается в рисунок. В более древнее время следовали манере геометрического стиля: черные фигуры рисовались на красном фоне глины и покрывались блестящим лаком. Но теперь внутри черных силуэтов намечались линии контура. Этот стиль, преобладающий в первой половине VI в., носит название чернофигурного. Во второй половине этого века мы замечаем дальнейший прогресс: теперь черным лаком покрывается только фон, а фигуры остаются незакрашенными; это дает неограниченные возможности для их разрисовки и раскрашивания. Фигуры совершенно освобождаются от восточной скованности: они изображаются и анфас, и в три четверти, и в профиль, и со спины, в самых смелых позах и поворотах. Отдельные типы дифференцируются и характеризуются очень ярко. Теперь художники активно участвуют в дальнейшем развитии мифов.

**АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА (ПРОДОЛЖЕНИЕ).
РЕВОЛЮЦИЯ VI ВЕКА В АФИНАХ**

Впрочем, ряд условностей сохранился в течение всей этой эпохи; таково, например, отсутствие перспективы, изображение мужчин темным, а женщин светлым цветом и т. п.

6. Источники

Для истории VIII и VII вв. с источниками дело обстоит очень плохо. Мы принуждены собирать отдельные указания у позднейших историков, часто весьма сомнительной достоверности, дополняя и исправляя их при помощи археологических памятников, обратного умозаключения от пережитков и т. д. Большое значение для этой эпохи имеют дошедшие до нас отрывки из произведений поэтов, о которых мы говорили выше, целый ряд сведений у поздних писателей заимствован из недошедших до нас стихотворений этих поэтов. Только для эпохи Тиранов (начиная с последних десятилетий VII в.) наши сведения становятся более разнообразными. Эти рассказы, сохраненные нам Геродотом и более поздними историками, черпавшими свои сообщения у историка IV в. Эфора (таковы Диодор, Страбон, Николай из Дамаска и др.), восходят частью к устной традиции, частью к местным хроникам и содержат ценный исторический материал. Последний, однако, искажен в двух направлениях: во-первых, эти устные рассказы были обработаны новеллистически, по фольклорным шаблонам; во-вторых, позднейшая концепция Тирана как кровожадного насильника и угнетателя отразилась на переработке этих рассказов. Такой же характер носят и сообщения «Политики» Аристотеля.

Письменность в эту эпоху только еще начинала распространяться: надписи, относящиеся к этой эпохе, малочисленны; однако они позволяют иногда делать интересные выводы — например, хиосские законы, начертанные на каменной призме «аксоне», близкой к тем призмам, на которых начертаны законы Солона, дают нам возможность составить представление о совете Солона. Здесь впервые в истории упомянут «народный совет». Не менее интересны и надписи греческих наемников в Верхнем Египте.

Наконец, немаловажное значение для этой эпохи имеют и монеты, особенно Лидии, малоазиатских городов, Персии и Эгины.

Кое-какой интерес для истории Греции представляют, как мы видели, ассирийские надписи VIII—VII вв.

I. АФИНЫ ДО СОЛОНА

Позднейшая традиция приписывает учреждение демократического строя в Афинах царю Тезею, жившему еще до Троянской войны. Как и другие аналогичные легенды, и эта легенда имеет историческое основание: раскопки показали, что в Афинах находилось одно из поселений микенской эпохи. Во всем прочем легенда о Тезее не заслуживает того внимания, которое ей уделяется.

Тезею приписывается учреждение в Афинах демократии, разделение населения на три почти равноправные группы — евпатридов (аристократов), геоморов (крестьян) и демиургов (ремесленников)—и, наконец, синойкизм (т. е. соединение всей Аттики в одно государственное образование). Все это, однако, вопиющий анахронизм для досолоновской эпохи: ремесленники, как особая компактная группа, вероятно, появляются в Афинах только в VIII в. Особой политической группой они становятся только после Солона. Ни о какой демократии в Афинах также не может быть речи до Солона. Наконец, синойкизм Афин очень постепенный процесс, внешне закончившийся присоединением Элевсина только к концу VII в. и по существу продолжавшийся еще до времени Писистрата, которому пришлось бороться с сепаратизмом отдельных локальных групп, возглавляемых аристократами. Любопытно, что изображения Тезея появляются на афинских вазах впервые в эпоху Писистрата: поэтому Эд. Мейер, О. Группе и ряд других исследователей указали уже на то, что сообщения о демократических реформах Тезея проецируют в прошлое демократические преобразования Писистратидов. Мне удалось привести ряд новых доказательств в пользу этого положения.¹

¹ Так, группы евпатридов, геоморов и демиургов засвидетельствованы как раз для 582 г., накануне прихода к власти Писистрата. Не менее характерны для эпохи Писистрата герб Тезея и дубина, которой он был вооружен. Точно так же типична для этой эпохи борьба с аристократами, имеющими опору в различных селениях Аттики. Все те греческие города, в которых, согласно хроникам, протекала деятельность Тезея, были теми пунктами, которые Писистрат либо захватил, либо поставил под протекторат Афин. Изгнание Тезея и уход его сыновей в Евбею отражает такие же события из жизни Писистрата. Наконец, интервенция спартанцев, которые заявили, что они идут освободить Афины от Тирана, тогда как в действительности Тезей был другом народа, несомненно проецирует в прошлое такую же интервенцию спартанцев в 510 г.

Поэтому, говоря о досолоновских Афинах мы вправе игнорировать так называемую конституцию Тезея как поздний тенденциозный политический роман.

В гомеровскую эпоху Афины были еще, по-видимому, чисто земледельческой общиной, и торговое значение их было ничтожно. Афинское государство в это время охватывало, как мы говорили уже, только так называемую Педию с Афинами в центре. В течение IX и VIII вв. шло, по-видимому, последовательное присоединение² различных районов Аттики: сперва была присоединена Паралия, и культ местного бога Посейдона был перенесен на Акрополь, затем началась борьба с Диакрией, крупнейшие поселения которой к этому времени объединились в союз — Четырехградье. Отсюда был перенесен в Аттику культ Тезея, старинного героя типа Геракла, которого легенда впоследствии превратила в древнего царя — объединителя Аттики. Элевсинскую область с ее знаменитым храмом Деметры в Элевсине не удалось так легко присоединить: как мы узнаем из гимна в честь Деметры, приписываемого Гомеру (VII в.), во время его написания Элевсин был еще независимым государством и вел, по словам автора гимна, ожесточенную борьбу с Афинами в течение многих лет. Остатки стены, отделявшей территорию Элевсина от Аттики, сохранились до наших дней.

По-видимому, уже в VIII в. афиняне делали попытки совершать морские путешествия и военные набеги и за пределы Аттики. От этого времени сохранилось много обломков ваз с изображениями грубо-первобытного стиля (так называемого геометрического или дипилонского; он назван так по Дипилонским воротам, близ которых найдена значительная часть этих обломков). Одной из обычных тем этих изображений были корабли и морские сражения. Изображения вооруженных воинов со щитами, трупов на судах и под судами и острые металлические бивни на носу кораблей, несмотря на всю беспомощность и примитивность рисунков, не оставляют сомнения в том, что афиняне уже в это время совершали военные набеги. Разумеется, речь не могла еще идти об экспедициях с целью захвата новых территорий; вероятно, мы имеем дело с пиратскими набегами на соседние области (например, Саламин, Эгину, Мегары, Беотию) с целью увода скота и людей и ограбления сокровищ, а также обороны Аттики от таких же нашествий. Однако такие набеги всегда служили толчком и к развитию торговых отношений.

Эти военные предприятия были одной из причин усиления знати, имевшей в это время, как мы видели, руководящее зна-

2 Последовательность этого присоединения установлена В. А. Шеффером, С. Сольдерсом и Э. Корнеманом на основании расположения в Афинах храмов божеств, перенесенных из других мест Аттики: древнейшие еще нашли место в акрополе, перенесенные позже разместились вне акрополя.

чение в военном деле. Внутри самой знати начинается расслоение: по-видимому, только знать, сохранившая и усилившая свое экономическое значение, выделяется в особое сословие под названием евпатридов.

Из этого сословия оказались выброшенными те разорившиеся аристократы, которые лишились земельных участков и не могли себе приобрести даже щит и панцирь: они смешались с массой бедняков из простого народа, носивших название «фетов» («наемников», «поденщиков»; с точки зрения Ахилла в «Одиссее», быть поденщиком — самый ужасный удел, который может постигнуть аристократа на земле). Так как в это время главное значение еще имели сражающиеся на колесницах и конях, то полноправными аристократами являлись только всадники (hippeis). Аристократы, которым их земельный участок позволял только приобрести тяжелое вооружение, были ограничены в правах. Они получили название «зевгитов»; как я показал в другом месте, это слово означает «приспешник», «младший аристократ». В несколько более позднее время и внутри всадников произошло расслоение на более богатых, получающих 500 медимнов (260 гектолитров) зерна в год, так называемых «пентакосиомедимнов», и более бедных; высшие должности³ в государстве были оставлены только за пентакосиомедимнами.

Верховный орган родовой общины, совет на Ареопаге («холме Арея»), состоявший первоначально из старейшин всех родов, становится чисто аристократическим органом, члены которого занимают должность пожизненно. У царя — басилея, сохранившего, вероятно, еще с микенских времен верховную власть и в военной, и в административной, и в судебной, и в религиозной области, постепенно отнимаются аристократией все его важнейшие функции: для руководства войной и пиратскими набегами выделяется особый военный специалист из рядов аристократии — полемарх («военачальник»); затем у царя было отнято и фактическое управление государством: оно было передано «правителю» — архонту; наконец, и судебные функции царя были переданы шести фесмофетам («выносящим постановления», «законодателям»). Последним шагом к ограничению царской власти был выбор царя из всей аристократии и ограничение срока его правления. В конце концов он стал избираться на год и стал лишь одним из высших должностных лиц с чисто религиозными функциями, игравшими, впрочем, в это время еще очень видную роль в государстве.

3 То что здесь за единицу оценки принят «медимн», мера зернового хлеба, показывает, что и эта реформа произошла тогда, когда еще преобладающей сельскохозяйственной культурой был хлеб, а не виноград и олива, т. е. еще до VI в.; это подтверждает указание Аристотеля, что имущественный класс пентакосиомедимнов существовал еще до Солона Термин «зевгит» обычно понимался либо как «владелец двух быков», либо как «гоплит». К. Цихориус и автор этой книги показали в своих статьях лингвистическую невозможность такого толкования.

Таким образом, афинское государство стало возглавляться аристократической коллегией из девяти лиц: архонта, царя, полемарха и шести фесмофетов; главой этой коллегии считался не царь, а архонт, по имени которого назывался год и который поэтому стал называться архонтом-эпонимом («дающим имя году»). Все эти девять магистратов избирались на год ареопагом, и все стали носить название архонтов.

Основной земельный фонд в Аттике был в это время еще в принципе коллективной собственностью, поделенной между фратриями, родами и семьями. Мы видели выше, что уже в раннее время повсеместно в Греции аристократия нашла способы сосредоточить в своих руках большое количество земли. Земля в это время не могла быть ни продаваема, ни вообще отчуждаема за пределы рода — во всяком случае не мог отчуждаться клер, полученный в свое время данным родом из общинной земли.⁴

Такой клер получал каждый член общины; этим обеспечивалась его способность приобрести оружие и выступить на поле битвы. Боеспособность, владение земельным участком и политические права были в это время теснейшим образом связаны между собой.⁵

В Афинах, как и в других греческих государствах, роды, как мы видели, не были чисто аристократическим учреждением. Каждый полноправный гражданин обязательно входил в какой-нибудь род. Это видно из того, что еще в позднее время, когда афинянин хотел перейти в другой дем (селение в Аттике или район в Афинах), он должен был быть записан в одну из «трид-

⁴ Следы такого положения вещей сохранялись даже в IV в. В тех случаях, когда афинянин умирал, не оставив родных детей, и передавал свой клер чужому человеку, усыновленному им, еще в эту позднюю эпоху сохранилось положение вещей, бывшее до Солона: участок назывался клером не его владельца, а покойника; владелец мог передавать этот участок только родному сыну; в случае если владелец умирал бездетным, участок возвращался в род усыновителя. О таком случае рассказывается в речи Демосфена против Леохара, где участок прямо назван участком покойника и говорится, что он не принадлежит владельцу. «Ты собираешься распоряжаться этим участком, как если бы это было твое собственное имущество, а не имущество того, кто на основании закона окажется ближайшим к покойнику». Из сообщения о Солоне, сохранившегося у Плутарха, мы видим, что Солон впервые ограничил такой способ наследования случаев усыновления: до него этот закон действовал во всех случаях, и земля (по крайней мере клер) не была собственностью владельцев.

⁵ Еще в V в. (как мы узнаем из одной надписи) полноправными гражданами считались те, которые были внесены в список владельцев земельных участков (*lexiarchikon grammateion*). Эти же люди являются и тяжеловооруженными (гоплитами) в войске. Список владельцев земельных участков есть в то же время список граждан данного дема (района), и только этими гражданами и руководит глава дема — демарх; легковооруженные афиняне стоят вне этого списка. И наоборот: упомянутый Леохар в речи Демосфена пытается осуществить свои политические права в деме, чтобы доказать свое право на владение земельным участком.

цаток» (т. е. родовых объединений — *triakades, gene*) данного дема, подобно тому, как лица, вступившие в афинское гражданство, должны были вступить в одну из фратрий. Название «не входящий в тридцатку» (*atriakastos*), как и выражение «не входящий в фратрию», означает «лишенный всех прав в общине», или, как сообщает автор позднейшего античного словаря, «не имеющий земельного надела».

Тем не менее знатные имели целый ряд привилегий. Они возглавляли роды и фратрии, бывшие в то время основными государственными делениями. Только они могли занимать государственные должности.

Еще и в более поздние времена, наряду с незнатными членами дема Бутадов, мы встречаем знатный род Этеобутадов, т. е. «настоящих Бутадов», и оратор Эсхин впоследствии гордится тем, что его род принадлежит к фратрии, совершающей жертвоприношения на тех же алтарях, что и Этеобуталы, из которых выбираются верховные жрецы. Точно так же, как мы узнаем из одной надписи, высшие должностные лица фратрии Демотионидов выбирались только из знатного рода Декелеев, наряду с которыми существовали и незнатные жители дема Декелей. Конечно, в VI в. привилегии знатного рода внутри фратрии относились только к религиозной области. Но религиозная область наиболее консервативна, и поэтому можно быть уверенным, что в древнейшее время знатный род возглавлял фратрию и в политическом отношении, играя по отношению к другим членам фратрии примерно такую же роль, как в Риме патроны к клиентам.

Вероятно, и на поле битвы в афинском войске существовало такое же деление, которое засвидетельствовано, как мы видели, для гомеровского войска: войско делилось на филы, филы на фратрии; во главе каждой фратрии стояли те же знатные афиняне, которые возглавляли ее в мирное время.⁶ Возможно, что и в тех случаях, когда в народном собрании производилось голосование, оно производилось по фратриям, а мнением фратрии было фактически мнение ведущего ее рода, которому вряд ли кто-либо из простонародья решился бы противоречить.

Как велико было значение родов, видно из того, что когда афиняне стали чеканить монету, они поручили руководство этим делом аристократическим родам; в те годы VI в., когда у власти стоит аристократическая партия, на афинских монетах изображается герб того аристократического рода, руководитель которого в данном году стоит во главе монетного дела (и, вероятно, государства вообще). С другой стороны, обычай этого времени возлагал на аристократов обязанность помогать бедным членам своего рода или фратрии; знатные считали себя в изве-

⁶ Соответственно этому и после реформы Клисфена войско делилось на филы, но это было разумеется, новые, локальные филы.

стной мере обязанными в случае нужды кормить их, давать им одежду, устраивать похороны, торжественные празднества с угощением и всякого рода развлечениями, организовывать народные процессии, заботиться о ряженных, угощать их и т. д. Такие сообщения сохранились еще относительно Писистрата, а реакционный аристократ Кимон сохранил этот обычай еще в V в. Так, например, Писистрат и Кимон не огораживали своих садов, а позволяли рвать в них плоды всем членам своего рода или фратрии (позже дема). Впоследствии афинский народ превратил это угощение народа и устройство народных празднеств богачами в обязательную государственную повинность («литургию»).

Выход из афинской бухты был закрыт островом Саламином, принадлежавшим в это время Мегарам; здесь же в Сароническом заливе находился большой торговый город Эгина, имевший значительный флот. В Афинах в это время ходили эгинские деньги, а когда афиняне начали чеканить свои деньги, они чеканили деньги не того веса, который был принят среди торговых государств Эгейского моря (так называемая евбейская валюта), а того веса, который был принят на Пелопоннесе и на Эгине и был введен аргосским Тираном Фидоном. Это показывает, что афиняне еще не принимали участия в крупной международной торговле и находились в отношении торговли в известной экономической зависимости от Эгины. Нам известно, также, что Афины в древнейшее время были членом калаврийской амфикионии, с центром на острове Калаврии в Сароническом заливе. В эту амфикионию входили также Эпидавр, Аргос и лаконская гавань Прасии. Таким образом, в эту древнейшую эпоху Афины в экономическом отношении еще ориентировались всецело на связь с Пелопоннесом.

Для того чтобы получить хоть какую-нибудь свободу действий, афинянам необходимо было завладеть принадлежащим Мегаре островом Саламином, закрывавшим выход в открытое море. И действительно, в течение VII в. афинянам удалось, благодаря вновь организованному флоту, о котором мы скажем ниже, по крайней мере на непродолжительное время овладеть Саламином. В это время Афины постепенно начинают завоевывать себе некоторое значение в международных отношениях. Афины входят в более тесные отношения с близкими с ними по языку ионянами Малой Азии и принимают оживленнейшее участие в празднествах, происходящих при храме Аполлона на Делосе, в этом важнейшем религиозном центре ионян. Может быть к этому времени относится и появление имени афинян в гомеровских поэмах. Отдельные предприимчивые аристократы начинают принимать участие и в международной торговле; так, основатель могущественного рода Алкмеонидов, Алкмеон, по сообщению Геродота, вывез свои несметные богатства из Лидии; это было, правда, уже незадолго до Солона, но вряд ли Алкмеон

был пионером в этом деле. Далее, производство так называемых дипилонских ваз, о которых мы говорили уже выше (они найдены в небольшом количестве даже в Малой Азии и в Египте), указывает не только на развитие гончарного производства и начало вывоза, но и на начало разведения оливы, так как эти сосуды служили вместилищем для оливкового масла; впрочем основной отраслью земледелия было в это время еще хлебопашество. Наконец, любопытно, что уже в это время Аттика разделялась на 48 округов, навкрарий, каждая из которых должна была выставить для государства в полной боевой готовности один корабль. Каждый такой округ возглавлялся особыми должностными лицами, «командирами кораблей», «навкрарами», а вся эта организация возглавлялась «пританами (начальниками) навкравов». Речь шла, вероятно, в ряде случаев не о постройке кораблей, так как специальных военных кораблей в эту эпоху, наверное, еще не существовало, а о приведении частновладельческих кораблей в боевое состояние; беднейшее население округа, не имевшее таких кораблей, по-видимому, несло натуральные повинности работой по оснащению корабля и службой на нем в качестве матросов и воинов; командирами кораблей были навкравы, которые и несли материальные расходы и выставляли двух всадников от каждой навкрарии. «Это учреждение, — говорит Энгельс, — подрывало родовое устройство двояким образом: во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по проживанию на одной территории?»

Тем не менее большого значения в международной жизни Афины еще не имели.

Древнейшим известным нам событием истории Афин является заговор афинянина Килона, имевший место около 640 г. Сведения об этом заговоре настолько отрывочны, что мы уже не в состоянии судить, в интересах какого класса или какой группы Килон пытался произвести переворот. Нам известно, что Килон был победителем на Олимпийских играх. По древнейшим представлениям победа на такого рода состязаниях давала право на царскую власть. С другой стороны, нам известно, что Килон был женат на дочери мегарского Тирана Феагена, оказавшего Килону помощь в его перевороте. Это вполне обычное явление, так как мы имеем целый ряд других указаний на тесную связь между Тиранами различных государств. Поэтому естественно было бы видеть в Килоне представителя

⁷ Из фрагмента закона Солона мы узнаем, что навкрария была литургией.
⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи...//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 114.

интересов мелкого крестьянства или вновь нарождающегося городского ремесленного класса. Однако против этого говорит то, что, по словам Фукидида, против Килона выступили афиняне всем народом, причем руководил ими род Алкмеонидов, принадлежащий к торговым кругам. Решающими, однако, эти свидетельства считаться не могут: Килон мог, как и ряд других тиранов, пытаться опереться на закрепощенное крестьянство, лишённое политических прав, а под «народом» у Фукидида, несомненно, разумеются полноправные граждане, т. е. независимые крестьяне и горожане; вдобавок, были ли Алкмеониды представителями торговой группы аристократов уже до Алкмеона, нам неизвестно.

Килону удалось захватить Акрополь с помощью войск, посланных Феагеном, но народное ополчение осадило его в Акрополе. По Геродоту, осаждающими руководили пританы навкратов, захватившие в это время всю власть в Афинах; Фукидид, очевидно, полемизируя с этими словами Геродота, утверждает, что осадой руководили девять архонтов и что именно им принадлежала в это время вся власть в Афинах. Несомненно, Фукидид прав с юридической точки зрения; правительством Афин были в это время архонты, тогда как пританы навкратов несли чисто финансовые функции. Но, с другой стороны, совершенно невероятно, чтобы Геродот выдумал эту подробность (в его время упоминание навкратов в солонском законе было лишь мало понятным пережитком), — очевидно, он основывается на заслуживающей уважения информации, по которой в виду общей растерянности фактическая власть в момент Килонова переворота оказалась в руках пританов навкратов; возможно, что часть архонтов оказалась сама замешанной в перевороте.

Как бы то ни было, осада затянулась; положение осажденных скоро стало безнадежным, и они сели просителями у алтаря богини Афины.⁹ Алкмеонид Мегакл, руководивший осаждающими, разрешил осажденным выйти из крепости и удалиться в изгнание, гарантируя им жизнь. Килону удалось скрыться, а его приверженцы, чтобы не лишиться покровительства богини Афины, прикрепили нитку к ее алтарю и, держась за эту нитку, двинулись через город. Однако нитка порвалась (может быть, это было подстроено их противниками); тогда Мегакл со своими приверженцами бросился на противников и перебил их всех до последнего.¹⁰ Все сторонники Килона были изгнаны из Афин.

Эти внутренние смуты не могли не ослабить военной мощи Афин. Вероятно, в это время Саламин был снова завоеван мо-

⁹ Лица, припавшие к алтарю богини (гикеты, просители), тем самым получали ее покровительство: таких людей нельзя было убивать — им необходимо было разрешить уйти беспрепятственно за пределы страны. Нарушение этого обычая считалось кощунством.

¹⁰ Из того факта, что порвалась нитка, делали вывод, что Афина лишила просителей своего покровительства.

гущественным мегарским Тираном Феагеном. В результате продолжительной внутренней борьбы возглавляемая Алкмеонидами партия, стоявшая, быть может, за широкую внешнюю политику, потерпела поражение. Противникам Алкмеонидов удалось добиться того, что через много лет после заговора было организовано судилище из трехсот граждан аристократического происхождения. Это судилище обвинило род Алкмеонидов в кощунстве. Участники убийства килоновцев к этому времени уже умерли: их трупы были вырыты из гробов и выброшены за границы Аттики. Изгнаны были из Афин и все члены рода Алкмеонидов. Впоследствии (в 508 и 431 гг.) противники Алкмеонидов вспоминали об этом событии с целью добиться их нового изгнания; этому обстоятельству мы обязаны тем, что заговор Килона — единственное событие из истории Афин VII в., о котором нам хоть что-нибудь известно.

Если афинянам не повезло с Саламином, то значительно больший успех они имели в другом месте. В это время изобретенные лидянами деньги получают широкое распространение. Афиняне постепенно втягиваются в торговую жизнь. Об улучшении ремесленной техники в это время нам приходится судить прежде всего по обломкам ваз, так как текстильные и металлические изделия не сохранились.¹¹ В Афинах появляются целые кварталы, сплошь населенные ремесленниками и торговцами. В обмен на аттические изделия афиняне впервые получают хлеб из-за границы. Вследствие этого аттические землевладельцы считают уже невыгодным сеять в большом количестве хлебные злаки и переходят к долголетним и трудоемким культурам оливы и винограда. Это вызывает необходимость обеспечить постоянный подвоз хлеба из северного Причерноморья, и афиняне начинают стремиться к захвату какого-либо пункта у входа в Геллеспонт. Афинский флот захватывает Сигей в бывшей Троянской области. Сигей принадлежал в это время городу Митилене на Лесбосе. Война между Афинами и Митиленой велась долго и упорно. Обе стороны в доказательство своих прав на Троянскую область ссылались на свои исторические права — и афиняне и митиленцы утверждали, что по окончании Троянской войны эта область была присуждена им, в доказательство чего ссылались на свидетельства эпических поэм. Произошел ряд сражений; во главе митиленцев стоял демократический вождь Питтак, он победил в единоборстве афинского богатыря

¹¹ От дипилонских vaz геометрического стиля с крайне примитивными и грубыми рисунками афиняне переходят к подражанию коринфским вазам с рисунками на мифологические темы. К глине прибавляется теперь сурик, привозимый с острова Кеоса, отчего сосуды получают приятный оранжевый оттенок. На эти сосуды рисунки наносятся черным лаком. Возникает новый, так называемый чернофигурный стиль; афинские вазы и по изяществу и по реализму изображений оставляют далеко позади себя коринфские и начинают вытеснять их с рынка.

Фринона. В конце концов обе стороны решили обратиться к третьей стороне — Периклу. Перикл присудил Троянскую область митиленцам, но Сигей он оставил афинянам.

Это расширение международного значения Афин, ввоз хлеба и переход к трудоемким культурам оливы и винограда коренным образом изменили внутренние отношения в Афинах. При замкнутом натуральном хозяйстве крупному землевладельцу часто некуда было сбывать свои излишки; он сплошь и рядом тратил их на дела благотворительности, щедро помогал своим бедным сородичам, чтобы добиться популярности, увеличить свою клиентелу и усилить свою власть. Теперь новая мода требует, чтобы знатный и богатый человек носил одежду из привозной материи, убирал свое жилище ввозными предметами роскоши и т. д. Афинские аристократы вкладывают все свои излишки в большие торговые операции; часто им нужно было даже больше денег, чем они могли получить со своих земельных участков. С другой стороны, и крестьянин переходит теперь от хлебных злаков к более выгодной культуре винограда и оливы. Он нуждается в оборотном капитале, так как виноградная лоза и олива приносят плоды только через несколько лет после посадки. Он обращается к богатому соседу-аристократу, но тот согласен теперь давать деньги только под хороший процент и надежное обеспечение, так как ему необходимо как можно больше денег для покупки предметов роскоши или для участия в морской торговле. Единственным ценным достоянием крестьянина была его земля, но земля эта, как мы видели, была родовой собственностью и не могла быть отчуждаема. Однако землевладельцы-ростовщики придумали следующую уловку: они давали крестьянину деньги под залог земли¹² и на заложенном участке ставили столб с обозначением имени займодавца. Если крестьянин не уплачивал долга с процентами в срок (а это бывало очень часто), то кредитор-земледелец отбирал дом, весь инвентарь и другую движимость, а фактически и землю, хотя юридически она оставалась собственностью крестьянского рода. Крестьянин продолжал работать на своей бывшей земле, но уже не на себя, а на хозяина, в качестве кабального, зависимого человека. Эти крестьяне назывались «пелатами» или «шестидольщиками» (гектеморами). Так назывались эти крестьяне потому, что с получаемого урожая они должны были пять шестых отдавать хозяину и только одну шестую часть оставлять себе.¹³

¹² «Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и закладная на землю (ибо афиняне изобрели уже и ипотеку) не считались ни с родом, ни с фратрией». (Энгельс Ф. Происхождение семьи... // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 111).

¹³ Некоторые авторы позднейшей эпохи, по-видимому, считали невероятной такую жестокость, и поэтому толковали слово «шестидольщики» в том смысле, что эти крестьяне отдавали одну шестую часть землевладельцу.

Разумеется, нельзя представить себе, что все сословие «гектеморов» возникло из неисправных должников: здесь могла иметь место и «добровольная» отдача себя под власть сильного аристократа (клиента), и психологический шантаж, и даже прямое физическое принуждение.

Надо думать, что семена для посева давал шестидольщику хозяин; иначе при скудном аттическом урожае крестьянину бы вовсе ничего не оставалось на пропитание. Но и в этом случае крестьянину хватало только на жизнь впроголодь, и положение его было ужасным, мало чем отличающимся от положения раба. Древние источники, употребляющие слово «раб» в очень широком смысле, даже прямо называют шестидольщиков рабами.¹⁴ Если теперь шестидольщику не хватало его урожая и он принужден был взять у хозяина новый заем, то он брал его уже не под залог земли, а под залог собственного тела и тела своих детей: если он не уплачивал новой ссуды в срок, то хозяин мог продать в рабство за границу и его самого и его семью (владеть рабами из числа свободных афинских граждан внутри самой Аттики считалось, по-видимому, безнравственным). В результате этих сделок значительная часть земли оказалась в руках немногих богатых землевладельцев; положение разорившегося мелкого крестьянства стало совершенно невыносимым. Среди крестьян начинается брожение; они требуют нового предела земли и признания недействительными процентных долгов.

Такой же процесс имел место и в ряде других государств. В земледельческих государствах, на Крите, в Спарте и Фессалии, он привел к настоящему закреплению беднейшего крестьянства, положение которого мало чем отличалось от положения рабов (илоты и пенесты); в торговых государствах, где утверждалась демократическая диктатура — так называемая Тирания, кабальные отношения были отменены, а в Мегаре, соседнем с Афинами государстве, как мы видели, ростовщики даже были сурово наказаны. Афины должны были пойти или по тому, или по другому пути, но можно уже заранее предвидеть, что Афины пойдут по пути других торговых государств, так как и здесь все большее влияние приобретал торговый класс, совершенно не заинтересованный в эксплуатации крестьян, но зато чрезвычайно заинтересованный в ущемлении землевладельческой аристократии, держащей в своих руках всю политическую власть.

Но такие условия аренды были бы с точки зрения античных взглядов совершенно исключительно выгодными для производителя, а все тексты единогласно свидетельствуют об ужасающей эксплуатации крестьянства.

Таким образом в Афинах возникало примитивное рабство древневосточного типа, основным источником которого была долговая кабала и продажа в рабство детей.

Как и в других государствах, первым шагом для успокоения народного волнения была запись законов, которые до этого времени передавались аристократическими судьями в виде устной традиции. Такая запись, с одной стороны, гарантировала народные массы от бесконтрольного произвола аристократических судей; с другой стороны, эти законодатели, даже если они желали записать нормы, действующие с незапамятных времен, невольно должны были считаться с изменениями в правовой психике, обычаях и толковании законов, происшедшими к их времени.

Драконт составил в 621 г. свод уголовных законов. Из этих законов до нас дошли только законы о непредумышленном убийстве, действовавшие в Афинах вплоть до III в.¹⁵ Законы о преднамеренном убийстве не дошли, так как либо эти случаи до Солона вовсе не входили в компетенцию государственных учреждений и разрешались сородичами (кровавая месть), либо они были заменены впоследствии соответствующими законами Солона. Не дошли до нас и законы о других преступлениях (например, о воровстве), но нам известно, что эти законы, подобно другим древнейшим законам, были чрезвычайно суровы, и что смертная казнь применялась здесь очень широко.

Дела по обвинению в умышленном убийстве разбирал ареопаг, а дела о неумышленном — особые судьи, эфеты.

Эти судьи в числе 51 человека выбирались еще в IV в. исключительно из знати. В зависимости от характера преступления они судили в различных помещениях. В Палладионе они судили по делам о непредумышленном убийстве и о покушении на убийство. Виновные в этих преступлениях изгонялись на не-

¹³ По постановлению афинского правительства, в 409 г. были снова начертаны на камне законы Драконта о непредумышленном убийстве, так как доски со старыми законами, имевшие более чем двухсотлетнюю давность, пришли в полную ветхость; эта надпись (в поврежденном виде) дошла до нас. Кроме того, эти законы сохранились в рукописях речей Демосфена.

Французский историк Глотц, чрезвычайно преувеличивающий значение отдельных великих людей в истории, видит в этом законодательстве большую личную заслугу Драконта. Действительно, по законодательству Драконта, кровавая месть между родами в случае непредумышленного убийства запрещена. Ближайшие родственники убитого обязаны возбудить перед государственным судом дело против убийц. Однако в этом невозможно видеть личную заслугу Драконта. В эпоху расширяющихся торговых сделок, трудно представить себе, что случайное, непредумышленное убийство могло повлечь за собой последовательное убийство всех членов враждующих родов или по крайней мере одного из враждующих родов, тогда как просто было искупить грех уплатой крупной денежной виры. И действительно, из законов Драконта мы видим, что «сострадание» (aidesis), т. е. принятие денежного выкупа за прекращение кровавой мести, было в ту эпоху господствующим обычаем. Драконт, наоборот, борется с этим обычаем, считая его безнравственным: он допускает принятие виры только в том случае, если все родственники единогласно согласятся на это. Если есть хоть один возражающий против принятия виры, то дело передается в государственный суд.

которое время из Аттики, но имущество их не конфисковалось. В Дельфинионе они судили по делам о «справедливом убийстве», т. е. об убийстве злодея, присужденного к смертной казни и скрывающегося от правосудия, об убийстве в целях самообороны, об убийстве грабителя, об убийстве любовника жены, о нечаянном убийстве во время состязаний. Обвиненные в таком убийстве присуждались только к совершению религиозных обрядов. Оба эти судилища, как и судилище на ареопаге, происходили под открытым небом, так как считалось большим грехом находиться под одной кровлей с убийцей. Наконец, в Фреатто, у моря, на границе Аттики, эфеты судили тех, кто, находясь в изгнании за убийство, обвинялись в совершении там нового убийства. Эти люди не могли ступить на аттическую почву и потому должны были оправдываться с лодки. Если обвинение подтверждалось, то их временное изгнание превращалось в пожизненное. Но наиболее интересен самый древний суд, в Пританее. Здесь судили, как в глубочайшую старину, царь и цари Фил — филобасилеи. Судили они животных, камни и металлические орудия (ножи, топоры, мечи) по обвинению в убийстве. Если вина была доказана, то животное убивалось, а неодушевленные преступники выбрасывались за границу Аттики. Впрочем, до Солона они судили и людей за убийство, мятеж и захват власти, но в каких случаях — неизвестно.

Из всех этих примеров мы видим, что основной целью процессов об убийстве не была общественная безопасность; в основу здесь положены религиозно-мистические соображения. Па представлению греков, души убитых незримо блуждают среди ближайших родственников и среди других сограждан; они садятся им на шею и душат их, насылают на город чуму и другие несчастья до тех пор, пока убийство не будет отомщено и души убитых не найдут успокоения в могилах. Поэтому государство заинтересовано в том, чтобы во что бы то ни стало разыскать виновника, наказать и удалить его из страны, хотя бы это были топор или копье. Эти же суеверные соображения сыграли большую роль и в разобранном выше процессе Алкмеонидов.¹⁶

¹⁶ В «Афинской политике» Аристотеля Драконту приписывается еще составление новой политической конституции Афин, которая излагается довольно подробно в IV главе этой книги. Эта конституция явилась совершенной неожиданностью для всех исследователей, когда в 1891 г. «Афинская политика» была найдена, так как тот же Аристотель в ранее уже известном его сочинении «Политика» говорил: «Драконту принадлежат законы, но он их составил для существовавшей уже конституции. Ничего особенного, что заслуживало бы упоминания, в этих законах нет, разве что суровость их вследствие величины наказания». Помимо этого противоречия, в приводимой Аристотелем конституции Драконта есть целый ряд черт, совершенно немислимых для VII в. В основу деления на имущественные классы здесь положен не натуральный, а денежный ценз, тогда как еще в законах Солона установлен ценз натуральный. Чтоб быть избранным

Таким образом, государственный строй Афин к VIII—VII вв. стал чисто аристократическим, а от старинной военной демократии остались только пережитки. Одним из наиболее устойчивых пережитков военной демократии было, как и во всех греческих государствах, народное собрание.

В Афинах народные суды (дикастерии) сохранили до середины V в. архаическое название «гелиэя фесмофетов».

Гелиэя — это старинное название народного собрания в различных греческих государствах. Будучи созвано архонтом и под его председательством, оно называлось «гелиэей архонта» и занималось политическими делами; созданное басилеем и под его председательством — религиозными делами («гелиэя бацилея»); под председательством полемарха — военными делами («гелиэя полемарха»); наконец, гелиэя фесмофетов под председательством фесмофетов занималась судебными делами. Гелиэя ко времени Солона почти потеряла какое бы то ни было реальное значение; ее вытеснила «эκκλeσιa» — собрание вызванных (архонтами) лиц из числа знати или более зажиточных людей. Описывая положение, бывшее до него, Солон противопоставляет «демосу», горожанам, участвующим в народном собрании, «бедняков». Очевидно, в его время фактически созывался для обсуждения государственных вопросов только один вид народного собрания — эκκλeσιa, в котором бедняки и простые люди не могли участвовать. «Гелиэя фесмофетов» превратилась теперь в простое «окружение», в людей, присутствующих на суде шести фесмофетов, в Umstand, употребляя выражение Энгельса, заимствованное из быта древних германцев.

архонтом или государственным казначеем, необходимо иметь очень небольшое имущество, стоящее 10 мин, а чтобы быть избранным стратегом, надо иметь имущество в 100 мин. Между тем в VII в. стратегов или вовсе не было, или они не играли никакой роли, тогда как архонты были высшими правителями государства. Стратеги впервые засвидетельствованы в наших источниках при Клисфене, и еще в 490 г. в Марафонской битве они подчинены архонту-полемарху. Только с середины V в. они становятся правительством афинского государства; в так называемой конституции Драконта порядок, существовавший в V в., некритически переносится в VII в. На прочие должности по этой конституции могут избираться все граждане, имеющие тяжелое вооружение, тогда как еще по законам Солона на государственные должности могли выбираться только аристократы. Далее, все должностные лица выбираются только по жребию, тогда как жребий при выборе архонта был введен в Афинах только в 487 г. Наконец, совет 401, избираемый из всех граждан, нечто совершенно невероятное для VII в. Столь же невероятен для этого времени штраф для граждан, пропускающих заседания совета или народного собрания: по сообщению «Политики» Аристотеля, это оштрафовка, характерная для олигархов конца V и начала IV в.

Поэтому исследователи единогласно пришли к выводу, что «Конституция Драконта» выдумка олигархов конца V в., проецирующих для большей убедительности в VII в. свои чаяния и пожелания. Аналогичных примеров можно привести много: например, уже разобранную конституцию Тезея, повесть о детстве Кира Старшего (Киропедию) Ксенофонта и т. д.

2. СОЛОН И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В АФИНАХ

Мы уже видели, что широко применявшиеся в Аттике захват крестьянской земли и отдача денег под проценты были даже юридически незаконными.¹⁷ Закабаленные крестьяне роптали и жили мечтой о перевороте; им было хорошо известно, что в соседних государствах — Мегарах, Коринфе, Сикионе — такие крестьянские восстания уже произошли и кончились полной удачей — учреждением диктатуры демократических масс в форме так называемой тирании. Вдобавок, замечание Аристотеля, что вся земля в это время была в руках немногих лиц, представляет собой несомненное преувеличение. С одной стороны, существовали зажиточные крестьяне, которые впоследствии составили основное ядро класса зевгитов, с другой — в горной Диакрии сохранилось еще свободное бедное крестьянство, да и в других местах Аттики было, вероятно, немало крестьян, которым еще только предстояло попасть в положение гектемов; именно эти группы были застрельщиками революционного движения.

Дело дошло до вооруженной борьбы между партиями; обе партии стояли друг против друга лагерем. Крестьяне требовали уничтожения долгов и передела всей земли с предоставлением всем гражданам равных участков (chreon apokore и ges anadasmos).

При таком положении вещей в 594 г. и был выбран архонтом Солон, принадлежавший к одному из лучших аристократических родов: его считали потомком древних афинских царей. Но он не был очень богат и для увеличения своего состояния принужден был отправиться в торговые путешествия в Ионию и ряд других мест. Это расширило его кругозор и дало возможность познакомиться с политическим устройством других государств, в которых уже произошли демократические перевороты. Солон был одним из знаменитейших поэтов VI в. и древнейшим в Афинах, и в своих стихах описывал не только свои личные переживания, но и политическую борьбу в его родном городе. Принадлежа к той группе землевладельцев, главным источником существования которой были торговые операции, он, как и вся его группа, не был заинтересован в эксплуатации крестьянства. Но, с другой стороны, будучи прирожденным аристократом, он с детства впитал в себя все предрассудки своего класса и поэтому вовсе не был склонен лишать землевладельческую знать ее первенствующего положения в государ-

¹⁷ «...Старый родовой строй не знал ни денег, ни ссуды, ни денежных долгов. Поэтому в результате все шире распространявшегося денежного владычества знати было выработано также новое обычное право для того, чтобы обеспечить кредитора против должника, чтобы освятить эксплуатацию мелких крестьян владельцами денег». (Энгельс Ф. Происхождение семьи... // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 111).

стве. Этой знати, прекрасно вооруженной и имеющей за собой большие массы слепо преданных клиентов, разумеется не трудно было бы справиться с движением темных забитых крестьян, как справились с ними землевладельцы в Спарте и Фессалии. Но, в отличие от этих государств, в Афинах вырос для аристократии новый враг — демиурги, крупные ремесленники, разбогатевшие на массовом производстве и вывозе аттических изделий. С ними были теснейшим образом связаны экономическими интересами торговцы, вывозившие по морю их продукты. Морской торговлей занимались в это время не столько разбогатевшие удачники из простонародья, сколько одна из групп аристократов, к которой принадлежал и Солон. Они ввозили в Аттику хлеб и тем самым обесценивали хлеб, производимый землевладельцами: таким образом, создавался антагонизм между двумя группами аристократов. Эти вновь образовавшиеся группы до известного предела поддерживали начавшееся движение, так как оно ослабляло их противников. Таким образом, раскол проник в среду самой аристократии. Аристократии старого типа грозили изоляция и верная гибель в случае неприятия своевременных мер самозащиты. Примеры Сикиона, Коринфа и соседней Мегары были налицо. Только своевременное удовлетворение требований крестьянства, основанных на вековой традиции, могло спасти аристократию от гибели. Несомненно, более дальновидные из среды самих землевладельцев поддерживали Солона.

С другой стороны, положение в Афинах не было еще безнадежным для аристократии; торговый класс был еще слишком молодым и слишком пестрым по своему составу, чтобы сразу броситься в решительную борьбу против привилегий по происхождению, а земледельческий класс был еще достаточно силен для того, чтобы путем необходимых уступок удержать за собой власть. Если Солон в ряде своих реформ нарушил интересы правящей аристократии, то это было не его гениальным измышлением, а результатом реального соотношения сил. Солон избрал архонтом не для того, чтобы он занимался политическим прожектерством; его задачей было так или иначе удовлетворить насущнейшие требования крестьян и городского класса, по возможности не меняя старых законов и внося в них только то, что было абсолютно необходимо для мирного сожительства борющихся групп.

Вероятно, одним из первых мероприятий Солон было издание закона об амнистии. По этой амнистии возвращались на родину все изгнанники, за исключением тех, которые были осуждены за устройство кровавого переворота и стремление к Тирании. Таким образом, Алкмеониды получили возможность вернуться в Аттику, а килоновцы остались в изгнании.

Солон и не подумал удовлетворить полностью требования оставшегося народа. Народных вождей, требовавших передела

земли, он называет «вышедшими на грабеж» и говорит, что он не может

.. в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.

Вообще он считал своей задачей восстановление старого «законного» порядка, а не нарушение его в пользу бедных.

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен:
Не сократил его прав, не дал и новых зато,
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, чтоб никаких им не чинилось обид...
Тот, кто знатней и с большей силой, должен бы
Меня хвалить и другом сделать бы своим.

Стремясь найти среднюю линию, Солон, по его собственным словам «вертелся, словно волк среди стаи псов».

Мера, проведенная Солоном, носит название «сисахфии» («сложение бремени»). Он признал недействительными все процентные долги¹⁹. Точно так же он признал незаконным захват крестьянской земли под видом залога и сбросил стоявшие на крестьянских участках закладные столбы. Пелаты и гектеморы были освобождены от кабальной зависимости и получили назад свои участки. Солон разыскивал крестьян, проданных за границу в рабство, и выкупал их на государственный счет. Он со справедливой гордостью замечает:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабьяня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул назад я многих, в рабство проданных,
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую — странников таков удел,
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил. А этого достиг
Закона властью, силу с правом сочетав,
И так исполнил все я, как и обещал.

¹⁸ Т. е. тех прав, которые, по мнению Солон, принадлежали народу с древнейших времен и были у него отняты его порабощателями.

До этой реформы афинские суды исходили из господствовавшего в античности принципа: «Все то, о чем добровольно договорятся стороны и что будет надлежаще оформлено, имеет законную силу», т. е. договаривающиеся могут добровольно отказываться от защиты закона; такое положение вещей выгодно, конечно, угнетателям. Впрочем, сам же Солон указывает, что он освободил тех, которые были обращены в рабство, «кто кривдой, кто по праву», — значит были нередки и такие случаи, где даже такой юридической видимости не было, а обращение в рабство было результатом злоупотребления или физического насилия.

На будущее время лишение свободы за долги было раз навсегда воспрещено. Переворот, произведенный Солоном, несмотря на то, что он опирался на старинное традиционное правосознание, был несомненно переворотом революционным: фактически крестьянская земля уже принадлежала землевладельцам, а крестьяне были лишены свободы, так что Солон ломал сложившиеся общественные отношения, сложившееся обычное право. После солоновского переворота вся структура афинского общества стала иной. Но из того, что мероприятия, поддержанные Солоном, являются объективно революционными, нельзя утверждать, что сам Солон был революционером. Если мы сравним то, что дал Солон, и то, чего требовали революционные группы, то убедимся, что данное им было минимумом, вырванным у аристократии, и что не дать этот минимум в эпоху Солона было уже невозможно — начавшаяся революцию нельзя было остановить. Характерно в реформах Солона то, что он на будущее время в духе новых торговых отношений разрешает в тех случаях, когда у гражданина нет законных сыновей, свободное распоряжение землей: «он превратил владение в собственность», как говорит Плутарх. Равным образом, он разрешил законом на будущее время беспрепятственное взимание любых процентов.

Таким образом, основной исторической заслугой Солона было юридическое оформление на будущее время принципа частной собственности на землю и процентных сделок, т. е. именно тех принципов, на борьбе с которыми была построена его сисахфия. Он ликвидировал внеэкономическое принуждение свободных граждан, открыв широкий простор экономическому.

Более или менее рассудительным людям из среды землевладельцев, по существу дела, нечего было жаловаться на реформы Солона. Пусть они потеряли часть своих земель, фактически бывших уже их собственностью, и большое количество даровых рабочих рук. Но до сих пор земля принадлежала землевладельцам в силу сделок, ощущаемых всеми как правонарушение; теперь им представлялась возможность получить назад эти земли, а вместе с ними и дешевые рабочие руки. Правда, крестьяне получили назад свои участки, но скот и сельскохозяйственный инвентарь были движимым имуществом, — и никакой старинный закон не воспрещал отчуждать их. Инвентарь и скот, конечно, стали собственностью землевладельцев и должны были быть возвращены им освобожденными от кабалы крестьянами. С другой стороны, на будущее время было разрешено отчуждение земли, и кредиторам было предоставлено право взимать любой процент за даваемые в ссуду деньги. Крестьянин получил, таким образом, свой карликовый участок, которого не хватало для прокормления; не имея ни скота, ни инвентаря, ни денег на покупку их, ему ничего не оставалось, как заложить снова свой участок или даже продать его. Однако теперь эти

сделки совершались на основе ясного и недвусмысленного писанного закона, так что никакой протест не мог уже иметь места.

Значительно более эффективными были меры, принятые в интересах городского торгово-ремесленного населения. Освобождение крестьян без денег и инвентаря уже само по себе могло быть выгодно богатым владельцам мастерских, получившим дешевые рабочие руки. Крупным морским торговцам в виду огромного спроса на афинский товар выгодно было увеличение числа ремесленников-специалистов в Афинах. В их интересах лицам, изгнанным навеки из своих родных государств, в случае если они решат поселиться в Афинах, разрешено было получать здесь гражданские права (очевидно, путем усыновления афинскими гражданами и введения во фратрии и роды); в этих случаях они были ближе связаны с новой родиной, чем с их бывшим государством, и поэтому не было оснований сомневаться, что они будут хорошими патриотами. Но, кроме того, лицам переселившимся в Афины со всей семьей навсегда для занятия здесь ремеслом, Солон также предоставил гражданские права.

Несомненно, эти меры вызвали приток огромных масс народа и быстро превратили Афины из земледельческого государства в государство с развитым торговым и ремесленным классами. По другому закону, изданному Солоном, родители, не обучившие своего сына ремеслу, не имеют права требовать, чтобы он их поддерживал в старости. Эта мера также должна была увеличить число ремесленников. Наконец, запрещение вывоза хлеба из Афин должно было вызвать падение цен на хлеб, что было невыгодно зажиточным крестьянам и аристократам земледельческого типа, но очень выгодно торговцам и ремесленникам, потреблявшим его.

Не менее важное значение для торговых интересов Афин имело изменение веса монеты. От эгинской монетной единицы Солон перешел к евбейской: 100 новых драхм равнялось 70—73 старым.²⁰ Это чрезвычайно облегчило торговые операции между Афинами, Евбеей, Малой Азией и другими странами, где была принята евбейская валюта, и содействовало быстрому выдвиганию Афин на одно из первых мест в мировой торговле.²¹

²⁰ Указывалось еще на то, что в евбейской системе существовали более дробные монетные единицы: введение таких дробных единиц увеличивало число монет, находящихся в обращении, и тем самым облегчало и ускоряло переход к денежному хозяйству.

²¹ Возможно, что «закон о бездельниках» (*nomos argias*), наказывавший людей, не занимавшихся ничем и слонявшихся без дела на городской площади, имел одной из задач заставить возможно большее число людей заниматься ремеслом. Но основная цель его, как я думаю, другая. Хождение без дела по агоре, где были устроены особые колоннады для прогулок — стои, было любимым времяпрепровождением афинских аристократов, и смешно было бы думать, что Солон хотел заставить каких-нибудь высоко-

Для расширения политических прав афинского народа Солон сделал значительно меньше, чем может показаться с первого взгляда. Ценовые классы внутри аристократии существовали и до Солона. Уже до Солона появляется необходимость привлечь новых богачей к общественным повинностям (например, в навкратиях). Пришлось включить в ценовые классы и не-аристократов, хотя бы в качестве неполноправных членов. Ценз был в основном земельным; эта мера, по-видимому, имела в виду включить в состав привилегированных тех, которые, разбогатев на торговых делах, приобретали под тем или иным видом землю и становились «порядочными людьми» — землевладельцами. Такое понимание этой меры основывается на параллельных явлениях в других государствах: по старинному финансовому закону принимать участие в государственных делах мог только тот, кто «в течение последних десяти лет не занимался рыночными делами». Солон, включивший окончательно в ценовые классы людей простого происхождения, принимал во внимание также и владение скотом и доходы в денежной единице (1 медимн = 1 овце = 1 драхме); однако, надо думать, что основой все же служил земельный ценз и что эта расценка имела в виду лишь учет побочных доходов землевладельца: как мы видим из одной аттической надписи, еще в середине V в. люди, не имевшие земли, не вносились в число граждан трех высших классов.

«На основании оценки имущества Солон ввел разделение на четыре класса, существовавшие уже и раньше: пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. Все вообще должности он предоставил исправлять гражданам из пентакосиомедимнов, всадников и зевгитов... Каждому классу он предоставил²² должность сообразно с величиной имущественной оценки, а тем, которые принадлежат к классу фетов, дал участие только в народном собрании и судах. К пентакосиомедимнам должен был

чтимых Филаидов или Бутадов, владеющих огромными пространствами земли, заниматься ремеслом. Но в это время разбогатевшие удачники из простонародья также позволяли себе, ничего не делая, гулять по агоре, затмевая роскошью нарядов представителей старой знати. Эти люди давали за дочерью гораздо более богатое приданое и устраивали более пышные похороны, чем старые аристократы. Не удивительно поэтому, что меры против «бездельников», против слишком большого приданого и пышности похорон мы встречаем в это время в законодательстве различных государств, а в Афинах они приписываются уже Драконту. Они несомненно имели целью оградить аристократов от «высокомерия» вновь разбогатевших людей из простонародья. Такой же смысл имело вероятно, и установление земельного максимума. Нельзя себе представить, что Солон хотя бы частично решил конфисковать у высшей афинской знати их огромные наследственные родовые имения. Речь идет, разумеется, о благоприобретаемой земле, т. е. закон этот препятствовал проникновению выскочек из торгово-ремесленного класса в ряды самых крупных землевладельцев.

²² Так, например, архонты и государственные казначеи выбирались только из пентакосиомедимнов.

принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов, к всадникам — получающие 300 мер; к классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные — к классу фетов, и эти последние не имели доступа ни к какой государственной должности» (Аристотель).

Должностные лица при Солоне остались те же, что были до него: коллегия архонтов, пританы навкратов, государственные казначеи, коллегия одиннадцати по уголовным делам и даже колакреты, «разрезыватели мяса на части» (при всенародных угощениях), получившие к этому времени уже финансовые функции. Но неперменным условием для занятия всех этих должностей осталось знатное происхождение: по словам Аристотеля, «все должности, по закону Солона, должны были замещаться лицами знатного происхождения и обладающими в то же время имущественным достатком, именно из классов пентакосиомедимнов, зевгитов и всадников». Справедливость этого замечания Аристотеля подтверждается тем фактом, что еще через двенадцать лет после Солона, в 582 г., идет борьба за допущение некоторого количества незнатных лиц к должности архонта наряду с евпатридами.

Вся высшая власть в государстве была в это время в руках архонтов; архонты делились властью с советом на Ареопаге,²³ составлявшимися в свою очередь из архонтов, отбывших срок своей службы. Вся политическая власть оставалась, таким образом, в руках аристократии. Наиболее демократической из мер, проведенных Солонем, было право апелляции на решения аристократических должностных лиц в общенародное учреждение, в «гелию фесмофетов». К разбору апелляций на приговоры должностных лиц, вероятно, и сводились по конституции Солона функции гелиэи. Солон расширил состав экклесии, включив в нее всех, имеющих хотя бы небольшой клочок земли, и сделал ее решающим политическим органом. Однако вряд ли она могла иметь большое политическое значение в эту эпоху, так как голосование, вероятно, производилось по фратриям, в которых распоряжались аристократы. Вместе с тем, само собой понятно, что народное собрание, состоящее из многих тысяч человек и собирающееся на открытом воздухе, не может самостоятельно вести законодательную деятельность и что решающее значение должна иметь та небольшая коллегия, которая предварительно рассматривает проекты постановлений. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы эта предварительная инстанция также носила демократический характер: Клисфен впоследствии позаботился о том, чтобы всякое вносимое в народное со-

²³ О существовавшем тогда же совете четырехсот см. следующее примечание.

брани предложение предварительно рассматривалось в демократическом совете пятисот.

Чрезвычайно оригинален (но до сих пор не объяснен надлежащим образом) следующий закон Солона: кто во время уличной политической борьбы не станет с оружием в руках в ряды той или иной из борющихся сторон, лишается политических прав.

Как сообщают источники, Солон учредил совет четырехсот, по сто из каждой филы. Феты, как мы видели, имели право принимать участие только в народном собрании и судах; следовательно, в совет четырехсот могли выбираться только граждане первых трех классов — очевидно, не только из аристократов.²⁴

Таким образом, вы вправе сделать следующий вывод: в области экономики сам Солон не выдумал никакого спасительного политического рецепта, а только, в согласии с наиболее дальновидными людьми из правящего класса, удовлетворил минимум требований оппозиционных групп. Еще меньше лично им было сделано в области политических реформ: солоновские Афины, возглавляемые чисто аристократическим советом на Ареопаге и аристократическими должностными лицами, сохранившие деление на четыре родовые филы, в которых всем распорядилась аристократия, а простой народ мог играть только роль статистов, были еще старыми аристократическими Афи-

²⁴ По словам Плутарха, этот совет был учрежден с целью обуздать кичливость и дерзость народа, развившиеся в нем под влиянием отмены долгов; отсюда также мы вправе сделать вывод, что совет четырехсот выбирался из высших имущественных классов. С другой стороны, Плутарх говорит, что государство, по мнению Солона, было при двух советах — совете четырехсот и совете на Ареопаге, как корабль, стоящий на двух якорях. Это место, по-видимому, представляет собой пересказ соответствующего стихотворения самого Солона (метафора «государство — корабль» была в большой моде в его время, — ср., например, Алкея и Феогнида). Два якоря заставляют предположить, что речь идет о двух началах, склоняющих государство в противоположные стороны: отсюда ясно, что совет четырехсот, в противоположность совету на Ареопаге, не состоял из аристократов. Высказывавшееся сомнение в существовании совета четырехсот не обосновано: надпись, найденная на Хиосе, показывает, что уже около 600 г. здесь, наряду с аристократическим советом, существовал народный совет из двухсот человек, избранный по пятидесяти человек от каждой филы и имевший широкие функции, в том числе судебные и контрольные; поэтому нельзя сомневаться, что такой же совет мог существовать и в Афинах. Однако трудно доверять сообщению Плутарха, будто «этот совет составлял предварительные решения для народа и не допускал вносить в народное собрание каких-либо предложений без предварительного обсуждения их в его составе», т. е. будто бы Клисфен не внес здесь ничего нового, а только увеличил число членов с четырехсот до пятисот. Против этого говорит следующее. Надписи с эпохи Клисфена начинаются так: «Постановил совет и народ» и датированы по секретарю совета. Надписи до Клисфена начинаются словами: «Постановил народ» (совет не упоминается) и датированы по архонту. Отсюда, мне кажется, ясно, что обязательное участие совета в законодательной процедуре впервые было введено Клисфеном.

нами. Конечно, ломка старого уклада, начавшаяся при Солоне в 594 г., знаменует коренной переворот и является одной из важнейших вех в революции VI в. Но сам Солон не был ее вождем и ни в какой мере не направлял государственного корабля.

Сам Солон видел свою заслугу в том, что, избрав среднюю линию, он спас государство от кровавого переворота и Тирании и повел его по мирному пути:

Но если бы не я, а кто другой,
Своекорыстный и бесчестный по душе,
Взял в руки бич — ему б народа не сдержать...

Другой, по мнению Солона,

Народа б не сдержал и не отстал бы сам,
Пока не сбил бы масла, снявши с молока.

В действительности, ожесточенная борьба, начавшаяся до Солона, не прекращалась и после 594 г. и уже через 33 года окончилась тем, чего Солону удалось, по его мнению, избежать, — Тиранией. Конечно, если он отсрочил эту развязку на 33 года, то это существенная заслуга перед имущими классами Афин, но я не убежден, что и эту отсрочку следует объяснять таким образом.

3. ТИРАНИЯ В АФИНАХ

После 594 г. в Афинах борются между собой три группы. Называть их политическими партиями было бы неправильно, так как в это время родовой и локальный принципы еще имели не меньшее значение, чем разногласия по вопросам политики. Ядром каждой из этих групп являлись жители определенного района Аттики; по этим районам и назывались группы: педиэи, жители плодородной равнины близ Афин (эта группа выражала интересы реакционных землевладельцев), паралии, жители полуострова, расположенного к югу от Афин, преимущественно моряки и торговцы (эта группа выражала интересы торговой части аристократии и зажиточных городских элементов), и диакрии, жители гористой местности в северо-восточной части Аттики со скудной каменистой почвой (эта группа выражала интересы мелкого крестьянства, освобожденного Солонем от кабалы, и городской бедноты). Как все объединения, существовавшие до этого времени, так и эти объединения возглавлялись каждое знатным аристократическим родом; во главе педиэев стояли Этеобутады и их вождь Ликург, во главе паралиев — Алкмеониды, вождем которых был к 561 г. Мегакл, и, наконец, во главе диакриев спустя некоторое время после реформ Со-

лона стоял Писистрат. Писистрат был также аристократом. Род Писистратидов в это время обеднел, чем и объясняется жгучая ненависть Писистрата к педиям, послужившая, по словам Аристотеля, причиной доверия к нему народных масс. Население города Афин разделялось между всеми тремя группами. Богатые аристократы, владельцы больших земельных угодий, шли за педиями; из торгово-промышленных элементов более богатые шли за паралиями, более бедные — за диакриями. За диакриями же шли и иностранцы, получившие право гражданства по законам Солона; очевидно, реакционные группы хотели снова исключить их из числа граждан, считая предоставление им гражданских прав противозаконным.

Установленный Солоном мирный порядок просуществовал только четыре года. Уже на пятый год радикальные группы стали добиваться того, чтобы на должность архонта могли избираться и не-евпатриды. В результате этой борьбы на должность архонта не оказался выбранным никто и в Афинах целый год не было верховного правителя (была «анархия», т. е. отсутствие архонта). То же произошло еще через четыре года. Еще через четыре года избранный в архонты Дамасий, по-видимому, представитель аристократической реакции, не сдал должности по окончании срока и правил два года и два месяца; очевидно, педии понимали, что, как только он уйдет, снова станет ребром вопрос о выборе архонта из среды незнатных.

Дамасия пришлось удалить силой. Ввиду непримиримости позиций борющихся групп, пришлось прибегнуть к компромиссу: вместо одного архонта была избрана коллегия из десяти лиц — пяти евпатридов, трех крестьян и двух ремесленников.²⁵

На следующий год верх взяла, по-видимому, снова аристократическая партия. Эти аристократы были, по словам Аристотеля, недовольны, прежде всего, отменой долгов, разорившей многих из них, а затем расширением прав простого народа, казавшимся им подрывом государственного порядка. Монеты этого времени также показывают, что власть снова захватила аристократия: если на монетах эпохи Солона изображался сосуд с вином, эквивалентом которого являлась монета, то теперь на монетах чеканится герб того аристократического рода, представитель которого в данном году занимал верховную власть архонта. В частности, мы знаем, что в 566 г. архонтом был избран Гиппоклид из рода Филаидов, принадлежавшего к реакционной группе педиев.

²⁵ Здесь мы имеем поразительное сходство с аналогичным явлением в римской истории: и в Риме плебеи добивались допущения их к должности консула; и здесь в качестве компромисса в 444 г. до н. э. вместо консулов была учреждена коллегия «военных трибунов с консульской властью», в которую могли быть избраны и патриции и плебеи. Однако революционное напряжение в Афинах было гораздо сильнее, чем в Риме. В Риме эта коллегия просуществовала 77 лет, в Афинах — только год.

Новый захват власти аристократией показал всю безнадежность компромиссного пути. Революционный переворот оказался совершенно необходимым. К счастью, партию диакриев возглавлял человек, вполне подходящий к роли народного вождя. Мы уже видели из истории других греческих государств, что наиболее подходящими кандидатами на эту роль считались люди, прославившиеся военными подвигами: Орфагор в Сикионе, Питтак в Митилене, Фрасибул в Милете и др. Писистрат также был блестящим полководцем, оказавшим Афинам неоценимые услуги.

Мы уже видели, каким важным препятствием для развития афинской торговли в Эгейском море был остров Саламин, закрывавший выход из афинской гавани. Этот остров принадлежал Мегарам; афинянам удалось завладеть им на короткое время, но после Килоновой смуты и связанного с ней ослабления Афин он был снова потерян.

Вернувшийся в Афины из странствования Солон начал энергичную агитацию за новый поход на Саламин; в это время Солон был еще в дружественных отношениях с Писистратом.²⁶

В своем агитационном стихотворении Солон говорит, что он стыдится называть себя афинским гражданином, гражданином государства, которое не могло удержать в своих руках Саламин, и обращается к народу с призывом:

**На Саламин поспешимте, сразимся за остров желанный,
Чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять.**

Эта экспедиция была, несомненно, организована торговой партией паралиев, к которой принадлежал Солон. Но во главе отряда, посланного на Саламин, был поставлен Писистрат, известный своей военной доблестью. Писистрату удалось не только отвоевать Саламин у Мегары, но и захватить гавань Мегары Нисею, что ставило Мегары в экономическую зависимость от Афин.

Конечно, Мегары не могли примириться с таким положением. После долгой борьбы обе стороны решили обратиться к посредничеству наиболее влиятельного тогда греческого государства — Спарты. Как и в борьбе за Сигей, обе стороны ссылались на свои «исторические права», обосновывая их текстом го-

²⁶ По преданию, после неудач в борьбе с Мегарами законом было запрещено поднимать вопрос о новом завоевании Саламина. Солон, якобы, прикинулся безумным, явился на площадь, имея на голове войлочную шляпу и в одежде глашатая, и вместо речи запел песню. Все это, очевидно, домыслы, основанные на том, что Солон в своей элегии, посвященной Саламину, употребляет метафорическое выражение «глашатая» и говорит, что он принес вместо ораторской речи песню:

Сам я глашатаю к вам с Саламина желанного прибыл;
Песнь, украшение слов, вместо витийства принес.

меровских поэм, по-видимому, специально исправленным для этой цели.²⁷

Пять спартанских судей присудили Саламин Афинам, а Нисея, по их решению, должна была быть возвращена мегарцам.

Перед походом на Саламин, для того чтобы поднять бодрость духа у отправлявшихся туда пятисот добровольцев, был принят закон, по которому, в случае завоевания, земля на острове будет передана во владение этих добровольцев. Успех Писистрата, несомненно, чрезвычайно усилил позиции диакриев. Дошедшее до нас постановление о саламинских клерухах (поселенцах) уже отражает установки этой партии:

«Постановил народ: разрешить саламинским клерухам жить в Саламине постоянно, разве что они окажутся не в состоянии исполнять повинности гражданские и военные; в других же случаях им не (разрешается) сдавать землю в аренду. Если клерух не будет жить там, а землю сдаст в аренду, то пусть заплатит и арендатор и сдающий в аренду в казну (столько-то драхм) штрафа».

Нам неизвестно точно, когда был принят этот декрет. Запрещение клерухам сдавать землю в аренду имело целью воспрепятствовать новому разорению крестьян и скоплению их земли под видом аренды в руках богачей. Одновременно это обеспечивало военную мощь клерухов.

Конечно, аристократическая партия не могла спокойно смотреть на усиление влияния партии диакриев. Организуется покушение на Писистрата; он был ранен, но сумел спастись. Его противники, конечно, уверяли, что никакого нападения не было, что раны нанес себе он сам с целью озлобить народ против аристократов. Тем не менее народ был глубоко возмущен, и партия диакриев решила перейти к более энергичной политике. Аристион выступил в народном собрании с предложением дать охрану Писистрату. Этот Аристион был, конечно, членом группы диакриев, но в то же время аристократом, так как в ту пору выступать в народном собрании с предложениями могли только аристократы.²⁸ Предложение Аристиона было принято.

Данный Писистрату отряд был вооружен дубинами, характерным крестьянским оружием; такие же «дубиноносцы» поддерживали Тиранию и в Сикионе. С помощью этих «дубиноносцев» Писистрат захватил в 560 г. акрополь.

²⁷ В самом деле в «Илиаде» читается:

Мощный Эант Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оними стал, где стояли афинян фаланги.

Это неуместное замечание, не похожее по стилю на другие части «Каталога кораблей», — несомненно позднейшая афинская вставка.

²⁸ До нас дошло надгробие Аристиона VI в. с изображением аристократа в военных доспехах. Возможно, что это тот самый Аристион, который внес указанное предложение.

Однако, Писистрат продержался у власти недолго. Паралии с Алкмеонидами во главе и педиэи, включавшие в себя весь цвет афинской аристократии, всех «потомков богов», всех «владельцев князей» в отдельных демах, соединившись вместе, оказались такой силой, которой не мог противостоять и Писистрат, — настолько велика была еще косность афинского народа и привычка к традиционному аристократическому строю. Писистрату пришлось бежать из Афин. Его имущество было конфисковано и куплено с торгов одним из наиболее знатных афинян Каллием, близким к кругам Солона и Алкмеонидов.

Писистрат со своими «дубиноносцами» отправляется во Фракию. Сюда отправлялись в то время искатели счастья из различных греческих городов.²⁹

Целый ряд фракийских колоний был основан с целью эксплуатации лежащих поблизости золотых и серебряных приисков — это давало возможность быстро разбогатеть, а в ту эпоху быстрого роста денежного обращения это доставляло большое могущество и позволяло вербовать наемническую войско. Так, Миркин являлся удобной базой для эксплуатации серебряных рудников на Пангее, Фасос и Маронея — для эксплуатации золотых россыпей на соседнем фракийском побережье.³⁰

Писистрату удалось завладеть Пангейскими рудниками. Он начеканил здесь серебряные деньги и нанял наемников; в то же время им велись дипломатические переговоры с различными государствами, относившимися враждебно к аристократическому правительству в Афинах.

К нему примкнула партия всадников, господствовавшая тогда в Эретрии, на Евбее, одна из партий в Аргосе и в Фивах, влиятельный наксосец Лигдамид, часть фессалийцев. Писистрат направляется в Эретрию, где он составляет вместе со своими сыновьями план нападения; сюда же прибывают его союзники.

Особенно на руку Писистрату было то, что в Афинах в партии паралиев в это время произошло расслоение. Алкмеонид Мегакл, вероятно, с небольшой группой единомышленников, разошелся с паралиями и решил сблизиться с Писистратом;

²⁹ Уже в VII в. жители Пароса обосновались на острове Фасосе близ фракийского побережья, жители Хиоса — в Маронее. В VI в. теосцы основали здесь Абдеры. Позже Мильтиад захватывает фракийский Херсонес, а милетские Тираны Гистий и Аристагор — Миркин на Стримоне.

³⁰ После захвата Миркина Гистием Мегабаз говорит Дарию: «Ты позволил ему построить город во Фракии, где есть много серебряных рудников, а вокруг живет много эллинов и варваров, которые, став под его начальство, будут выполнять его приказы в любое время дня и ночи» (Геродот. V, 23). Фасос и Маронея вели между собой ожесточенную борьбу за золотые прииски.

он послал к нему доверенных людей на Евбею, предлагая Писистрату свою дочь в жены.³¹

Опираясь на помощь этих групп Писистрат двинулся в Аттику. Он считал своей небесной покровительницей богиню Афину, культ которой приобретал в это время все более демократический характер; как богиня-покровительница оливы, главного сельскохозяйственного растения в это время, она была любимой богиней крестьянства; с другой стороны, она носила прозвище «Эргана» («занимающаяся ремеслом») и считалась также покровительницей городских ремесленников, возглавляемых Алкмеонидами, часть которых была теперь в союзе с Писистратом. Аристократы же считали своим небесным покровителем бога Посейдона.

Писистрат разбил ополчение противников у храма Афины при Паллене, и это должно было казаться особой милостью этой богини. Вслед за Солоном Писистрат мог сказать, что

Великодушная наша защитница, дева Афина,
Дочь Громовержца, свою руку простерла над ним.

После этого было организовано триумфальное вступление Писистрата в Афины: Писистрат въехал в город на колеснице; рядом с ним стояла красивая, статная девушка, изображавшая небесную покровительницу Писистрата, богиню Афину; она была, разумеется, соответствующим образом наряжена. Перед нами — такое же религиозное «действие», как и всякое другое религиозное представление, где люди играют роль богов, например, как сценические действия в честь Диониса. Геродот и Аристотель, жившие в гораздо более позднее, рационалистическое время, видели в этом простое одурачивание наивных афинян. В действительности, об одурачивании здесь не может быть речи: актер, играющий бога, воспринимается как воплощение бога, хотя зрители прекрасно знают, что роль бога исполняется человеком. Вполне понятно и то возвешение, которое делали глашатаи, шедшие перед триумфальной колесницей Писистрата: «Афиняне, примите с добрым чувством Писистрата, его сама Афина почтила больше всех людей,³² и вот теперь возвращает его в свой акрополь».

Для политики Писистрата характерна и вычеканенная им (по-видимому, впрямь, еще во время пребывания во Фракии) монета. Он не помещает на ней, подобно своим предшественникам,

³¹ Обычно вслед за Геродотом и Аристотелем принимают двукратное изгнание Писистрата. Но еще М. О. Гершензон показал, что здесь мы имеем дело с дублированием одного и того же изгнания; на эту же точку зрения стали Белох, Эд. Мейер и ряд других ученых. У. Вилькен обратил внимание на то, что и из античных писателей Полиэн считал, что изгнание было однократным. Я также в моем изложении буду исходить из этой точки зрения.

³² Даровав ему победу при Паллене.

своего герба: это общеафинская государственная монета — на ней изображены Афина, богиня города (в двух образах — в старом, териоморфическом образе совы и в новом образе деды), и ветвь посаженного впервые Афиной дерева, оливы — символ аттического крестьянства.³³

Достигнув власти, Писистрат приступил к массовому изгнанию противников: по словам Геродота, «одни пали в сражении, другие были изгнаны из отечества вместе с Алкмеонидами». Все это были владельцы крупных земельных участков, составлявших значительную часть территории Аттики. По афинским законам, земли изгнанных конфисковывались; надо думать, что Писистрат разделил их как государственную землю (*ager publicus* в Риме) между беднейшими крестьянами на тех же основаниях, что и территорию Саламина, т. е. с запрещением продавать, закладывать и сдавать в аренду.³⁴

Некоторые из аристократических родов остались, однако, в Аттике, подчиняясь и угождая Писистрату. Это была не торговая знать, не Алкмеониды, ставшие с этого момента до самого времени их возвращения к власти заклятыми врагами Писистратидов, а знать старого землевладельческого типа — прежде всего род Филаидов.

Это вполне понятно. Писистрату не трудно было разорить и обесилить земельную аристократию, но, даже изгнав Алкмеонидов, он не мог нанести чувствительного удара по торговой партии, все богатство которой находилось на море. Изгнанные из Афин, Алкмеониды имели и вне их достаточно зависимых людей, торговых компаньонов и контрагентов, друзей и богатств, чтобы спокойно жить, вызывая зависть окружающих и хладнокровно и настойчиво подготавливая свое возвращение в Афины. Единственным эффективным способом борьбы с ними было открытие новых, более выгодных рынков. Писистрату, действительно, удалось захватить ключ к хлебу — Сигей на Геллеспонте.

Представим себе теперь положение части афинской земельной аристократии, которая не скомпрометировала себя открытым участием в восстании и поэтому сохранила свои земли. Как ни ухудшилось ее положение вследствие новой администрации и новых судов, — ей приходилось мириться с созданным положением. За границей положение этих аристократов

³³ Вернув себе власть, Писистрат, согласно условию, заключенному с Мегаклом, женился на его дочери. Мегакл достигал при этом того, что его потомки будут править Афинами. Но Писистрат вовсе не хотел, чтобы родовое проклятье, тяготевшее над Алкмеонидами после убийства килоновцев, тяготело и над его потомками. Поэтому он не имел детей от дочери Мегакла. Мегакл, узнав об этом, был кровно оскорблен и порвал с Писистратом.

³⁴ Такое запрещение существовало на Лемносе, колонизованном в эпоху Писистратидов; и здесь делалось исключение для инвалидов.

оказалось бы очень тяжелым; у них не было ни торговых навыков, ни торговых связей. Вдобавок малоазиатская торговля была давно захвачена их политическими противниками, торговой аристократией, державшей здесь в руках все торговые нити: всякий новичок рисковал потерей своего состояния. У них было только два выхода: или остаться в Аттике под властью Писистрата, продолжая заниматься сельским хозяйством и глубоко затаив свое недовольство, или пытаться искать удачи на новых рынках — во Фракии или на Геллеспонте. Но эти новые рынки были в руках Писистрата, и сюда нельзя было проникнуть, не будучи в ладах с Тираном.

Таким образом, экономические интересы властно предписывали этой группе полную лояльность по отношению к Писистрату. Действительность превзошла все ожидания. Если, как сообщает Геродот, Мильтиад, сын Кипсела, глава известного уже нам первого по знатности в Афинах рода Филаидов, входил в ряды Писистратова правительства, то, конечно, он должен был уже до этого времени дать Писистрату доказательство своей преданности новому порядку. Его брат Кимон идет еще дальше: победив на олимпийских состязаниях, он провозгласил победителем не себя, а Писистрата.

Точно так же Аристотель в «Афинской политике» (20, 1) сообщает о вожде реакционных аристократов Исагоре, бывшем впоследствии реакционным противником Клисфена, что он был «сторонником Тиранов». То, что существовала большая группа реакционных аристократов, прекрасно уживавшихся с тиранами, видно из следующих слов оратора Андокида (II, 26): «Мой прадед Леогор, как сторонник демократии, был политическим врагом Тиранов, и, несмотря на то, что он имел возможность, прекратив борьбу с Тиранами и став близким им человеком, принять участие в руководимом этими людьми управлении государством, он предпочел быть изгнанником.

Леогор примкнул, таким образом, к Алкмеонидам, не пожелав идти по пути прочей землевладельческой аристократии.

Как представитель партии диакриев, Писистрат в первую голову занялся улучшением положения мелкого крестьянства. Мы уже видели, что он значительно расширил крестьянский земельный фонд, наделив крестьян участками (клерами) из конфискованных земель аристократии в самой Аттике, а также (он и его сыновья) на Саламине, на Лемносе, а вероятно, и в других владениях Афин (на фракийском Херсонесе, в Сигее, в Рэке и т. д.), причем он принял специальные меры, чтобы эти земли не сосредоточивались снова в руках богатей. Чтобы эти меры дали, в противоположность реформам Солона, прочные результаты, он щедро выдает вновь наделяемым крестьянам из казенных сумм ссуды и пособия на покупку скота, орудий, инвентаря и на необходимые расходы.

Далее, одной из причин быстрого разорения крестьянства в досолоновскую эпоху было то, что суды находились в городе, в самом гнезде аристократии, и состояли из аристократов, тогда как крестьянина, ничего в законах и судах не понимавшего, легко было обмануть и обобрать. Писистрат переносит суды (разбиравшие, вероятно, чаще всего земельные споры, возникавшие на почве переделов последних лет) в деревню и, конечно, назначает разъездных судей из верных адептов крестьянской партии. Эти судьи, вероятно, были мало осведомлены в тонкостях старого законодательства, но зато готовы охотнее пожертвовать интересами землевладельца, чем крестьянина. С другой стороны, Писистрат стремился развить в крестьянах чувство самоуважения и сделать их солью аттической земли. Он лично объезжает крестьянские хозяйства; подобно Периандру, он превращает в важнейший государственный праздник крестьянский праздник Диониса и официально предписывает крестьянам носить их старинный национальный костюм — «катонаку», которого они под влиянием новой городской моды, по видимому, начали уже стыдиться. И он, подобно Периандру, пытался остановить стихийный процесс переселения разоренных крестьян в город наложением наказания на крестьян, слоняющихся по городу в поисках заработка.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что экономическая политика Писистрата имела целью защиту интересов беднейшего крестьянства. Наделив крестьян землей, приняв меры против скупки ее богатыми людьми, снабдив крестьянина оборотными средствами и инвентарем, освобождая от налогов беднейших крестьян, покровительствуя разведению олив и, наконец, препятствуя уходу крестьян со своих участков в город, он стремился лишь к одному — к созданию жизнеспособного мелкого крестьянства.³⁵

Внешняя политика Писистрата была особенно блестящей: он явился в этом отношении предшественником Фемистокла и деятелей Афинского морского союза. Он направил свое внимание прежде всего на Делос, религиозный центр всех ионян. Он всячески хотел (как и Солон) подчеркнуть, что Афины (жители которых несколько отличались по языку от ионийцев, хотя и были близки к ним) не только ионийский город, но и глава всех ионян. Он выкопал все трупы, захороненные в районе храма на Делосе, и перенес их в другую часть острова, так как

³⁵ Впоследствии зажиточный крестьянин V в., торговавший на рынке и постоянно появляющийся в городе, не понимал уже, каково было соотношение сил в Афинах VI в.; в наказаниях, налагавшихся на крестьян, слонявшихся без дела по городу, он видел проявление рабства, от которого их освободил Клисфен. В таком тоне говорит о времени Писистрата Аристофан. Однако в широких кругах афинского населения еще сохранилось воспоминание о времени Писистрата как об эпохе Кроноса (эпоха, когда, по преданию, царили общее равенство, мир и первобытный коммунизм).

присутствие трупов оскверняло священную территорию, — очевидно, он получил возможность здесь распоряжаться. Далее, он высадился с войском на Наксосе и овладел городом, посадив здесь Тираном наксосца Лигдамида, помогшего ему в походе на Афины. Таким образом, Наксос оказался в фактической зависимости от Афин. Благодаря Лигдамиду власть на Самосе удалось захватить Поликрату; очевидно, и с ним Писистрат поддерживал дружественные отношения.

Но наибольшую важность для Писистрата имело обеспечение пути к хлебу, идущему из Северного Причерноморья. Аттический крестьянин быстро переходил от хлебных культур к более выгодным культурам оливы и винограда; поэтому он стал нуждаться в ввозном хлебе. Нуждался Писистрат и в новых колониях, куда можно было бы сбывать излишек населения. Таким образом, уже в интересах крестьянства необходимо было держать в своих руках путь в Черное море, но, конечно, еще важнее это было для городских торговцев и ремесленников, которым эта торговля сулила большие выгоды; население Северного Причерноморья особенно охотно покупало аттическую художественную посуду, металлические изделия и т. д.; равным образом, афинские мастера, поселившись здесь, могли рассчитывать на большие заработки.

Вероятно, путем дипломатических переговоров Писистрат устроил так, что долонки, мирное фракийское племя, жившее на фракийском Херсонесе и терпевшее от постоянных нападений живших к северу от них воинственных фракийцев, обратились к Дельфийскому оракулу с просьбой указать им, кто мог бы им помочь в их несчастье. Оракул (несомненно, заранее подготовленный к этому) посоветовал им обратиться к знатному афинянину Мильтиаду, сыну Кипсела. Этот Мильтиад был вождем рода Филаидов и родственником коринфского Тирана Кипсела; однако этот род, как мы видели, примирился с господством Писистрата, и Мильтиад даже занимал при нем один из руководящих постов. Долонки обратились к Мильтиаду за помощью, и Мильтиад охотно отправился к ним, так как ему, гордому аристократу, разумеется, было не очень приятно жить под властью Писистрата.

Писистрат дал Мильтиаду корабль и отряд афинян. Высадившись на Херсонесе, Мильтиад стал чеканить собственную монету и держать себя как настоящий царек по отношению к местному фракийскому населению, сохраняя, однако, зависимость от Афин. Перешеек на Херсонесе он отгородил высокой стеной и таким образом обезопасил Херсонес от нападений с севера. С другой стороны, ему удалось наладить дружественные отношения с лидийским царем Крезом.³⁶

³⁶ Город Лампсак на Геллеспонте не мог примириться с тем, что афиняне распространяют свое влияние на проливы; лампсакцам удалось взять в плен

Выше мы уже говорили о борьбе афинян с митиленцами за Сигей. В тяжелые годы кровавой классовой борьбы в начале VI в. афиняне снова потеряли Сигей. Теперь Писистрат опять захватывает этот пункт и сажает сюда Тираном своего сына Гегесистрата. Таким образом афиняне утвердились на обоих берегах Геллеспонта.

Для обеспечения пути до Геллеспонта афиняне имели в своих руках область у Пангея во Фракии. Кроме того, Мильтиад отправляется из Херсонеса на остров Лемнос, населенный в это время этрусским племенем. Он захватывает этот остров, и сюда выводится афинская колония.³⁷

Огромное количество аттических ваз эпохи Писистрата, а также монет и металлических предметов, найденных в Северном Причерноморье, особенно в Ольвии, показывают, насколько оживленным был товарообмен с Атикой в это время. Эти товары шли далеко вверх по Днепру, откуда, вероятно, в обмен на них получали янтарь. Но этим не ограничивались торговые связи Писистрата: художественную посуду эпохи Писистрата находят в Египте (в Навкратисе) и в Этрурии (Италия). С этим вполне согласуется то, что, по свидетельству одного из источников, египетский фараон Амасис прислал в Афины корабли с хлебом.

Культурная деятельность Писистрата в известном смысле была частью его международной политики, так как, между прочим, имела целью привлечь к Афинам внимание иностранцев. Писистрат построил ряд прекрасных храмов и статуй, например, храм Афины (Гекатомпедон); соорудил водопровод. Писистрат приглашает в Афины рапсодов (исполнителей Гомера) и заставляет их по порядку декламировать «Илиаду» и «Одиссею», а писцам записать эти поэмы. Возможно, что при этом были сделаны небольшие вставки в текст в интересах Афин. Далее, Писистрат и его сын Гиппарх приглашают в Афины самых выдающихся поэтов своего времени: Анакреонта из Теоса, Ласа из Гермियोны, Симонида из Кеоса.

Меньше всего было сделано Писистратом в области политического устройства Афин. Политический строй, как известно, интересовал больше всего городской торгово-ремесленный класс. Крестьянина, жившего вдали от города и не имевшего возможности часто посещать народные собрания, заботили прежде всего экономические вопросы. Поэтому и Писистрат, как вождь мелкого крестьянства, обратил свое внимание прежде

Мильтиада. Однако Крез пригрозил им, что он уничтожит всех до последнего человека, если Мильтиад не будет выпущен, и его пришлось освободить.

³⁷ По Геродоту, захват Лемноса был совершен не этим Мильтиадом, а его племянником — сыном Кимона, победителем в Марафонской битве. Но в эпоху распространения персидской власти на Фракию захват Мильтиадом Лемноса совершенно невероятен. Очевидно, здесь, как и в других случаях, смешиваются между собой два Мильтиада.

всего на вопросы экономики. Что касается политического строя этого времени, то нам известно только, что он сохранил без изменения законы и учреждения Солона, принимая меры лишь к тому, чтобы все ответственные места занимали его родственники и сторонники. Фактически, конечно, при режиме диктатуры значение демократических учреждений было ничтожным. Однако один тот факт, что собрания фратрий и народные собрания происходили без участия значительной части аристократических вождей фратрии, которые были изгнаны, убиты в сражениях и казнены, не мог не увеличить влияния простого народа на государственные дела.

Писистрат настолько укрепил свою власть, что в 527 г., после его смерти, власть без всяких потрясений перешла к его сыновьям Гиппию и Гиппарху, продолжавшим править в том же духе, что и их отец. Фактическим руководителем государства был Гиппий; интересы Гиппарха лежали, главным образом, в области литературы и искусства.

О Писистратидах нам известно только, что они заботились о внешнем благоустройстве Аттики: запрещали строить дома в Афинах так, чтобы выступающие части их занимали часть улицы — виновных в этом штрафовали; на дорогах ставили столбы с изображением бога Гермеса, на которых обозначалось, куда ведет дорога, и помещалось моральное изречение.

В правление Писистратидов в Афинах начали среди аристократии и торгового класса формироваться группы, враждебные существовавшему режиму. Общие причины непродолжительности режима Тираний показаны нами выше; они были такими же и для Афин: мелкое крестьянство, в интересах которого проводились реформы, было экономически обреченным классом; передовой городской класс мог мириться с Тиранией только до тех пор, пока она уничтожала его главного противника — аристократию; когда эта задача была Тиранией выполнена, диктатура стала ощущаться городским классом как помеха его свободному развитию. Вдобавок, в первую половину правления Писистрата городской торгово-ремесленный класс еще не играл ведущей роли в Афинах; в эпоху Писистратидов, в связи с открытием новых рынков, его значение возрастает, и он уже начинает претендовать на то, чтобы руководители государства всецело отражали его интересы.

В Афинах Тирания была более устойчива, чем в других местах, так как она до 513 г. обходилась без террора и превратила Афины в богатейшее и влиятельнейшее государство Греции. Недаром Тиранию называли «золотым веком», «веком бога Кроноса». Очевидно, для возникновения сильной оппозиции должны были существовать еще и особые причины недовольства.

В свое время Э. Штерн обратил внимание на то, что в Северном Причерноморье в большом числе находят обломки ваз

старого краснофигурного стиля, характерного для эпохи Писистрата; с другой стороны, здесь много обломков ваз и так называемого свободного стиля первой половины V в. Обломков же ваз переходного стиля, характерного для двух последних десятилетий VI в., здесь почти не найдено. Как мы увидим ниже, как раз к этому времени относится захват проливов персами, что лишило афинский демос регулярного подвоза хлеба. Необходимость получать хлеб из Египта или из третьих рук (через посредничество финикийских и малоазиатских купцов) или из Сицилии и Италии (через посредничество, например, Коринфа) создавала перебои в снабжении и поднимала цены на хлеб. Это должно было вызвать недовольство даже среди беднейших крестьян и горожан, искусно использованное врагами тирании.

Аристократия организует ряд покушений на правителей. Заговор Кедона остается безрезультатным. Тогда организуется новое покушение, осуществленное в 513 г. Гармодием и Аристоклитом, которые были лично обижены правителями. Заговорщикам не удалось убить Гиппия, но они убили Гиппарха. Естественно, что Гиппий после этого начинает более энергичную борьбу с враждебными ему элементами, и режим становится более суровым: многие были казнены и изгнаны. В то же время Гиппий завязывает дружественные отношения с персами. Оппозиционные группы обращаются к изгнанникам-эмигрантам, только и мечтавшим о возврате на родину. Во главе их стояли Алкмеониды. Был предпринят ряд попыток интервенции. Первая армия эмигрантов, возглавляемая Алкмеонидами, была разбита при Липсидрии. Еще долго спустя распевали застольную песню:

Ах, Липсидрий, ах, друзей предатель,
Ты каких воителей отважных
Погубил там — знать-то все какую,
Впрямь они там род свой оправдали...

Спартанцы в это время были озабочены свержением Тираний во всем греческом мире, и поэтому лишь после долгих колебаний они решились принять участие в свержении Писистратидов.

Спартанская интервенция была ускорена еще следующей случайной причиной. Род Алкмеонидов, возглавляемый Клисфеном, был уже с давних пор в близких отношениях с дельфийцами и дельфийским храмом: уже в начале VI в. оба деда Клисфена, афинянин Алкмеон и сикионский Тиран Клисфен, пришли в Дельфы с войсками и помогли дельфийцам уничтожить их главного соперника, город Крису. Теперь Алкмеониды, взявшись с подрядом построить храм Аполлона в Дельфах, построили его значительно более пышным, чем были обязаны по договору; вместо известняка они построили его из мрамора.

В благодарность за все это дельфийцы вели агитацию за интервенцию против Писистратидов, и дельфийский оракул неоднократно приказывал спартанцам освободить Афины от тиранов.

Спартанцы отправили против Гиппия отряд под предводительством Анхимолия, но отряд этот был разбит наголову, а Анхимолий убит. Тогда против Гиппия отправляется во главе войска сам спартанский царь Клеомен; ему удается, наконец, разбить отряды Гиппия и его союзников фессалийцев и запретить Гиппия в акрополе. Но и этот поход грозил окончиться неудачей: спартанцам надо было возвращаться на родину, а Гиппий имел с собой достаточно припасов. К счастью для осаждающих, им удалось захватить в плен сыновей Гиппия, пытавшихся незаметно уйти из акрополя. После этого Гиппий согласился оставить Афины (510 г.), оговорив себе и своим близким личную неприкосновенность; он отправился в Сигей, завоеванный его отцом и находившийся теперь под властью персов, где и правил под протекторатом персидского царя. Так окончилась эпоха Тирании в Афинах.

Эта долгая борьба показывает, насколько велики были симпатии к Писистратидам среди афинян; интервенция сильнейшего государства в Греции, Спарты, привела к низвержению Гиппия лишь ценой очень долгих усилий. Но после этого Спарта не достигла своей цели: она стремилась, разумеется, поставить у власти в Афинах спартанофильскую аристократию, возглавляемую Исагором; между тем, народные массы не хотели об этом и слышать и в сложившейся обстановке поддерживали крупных торговцев и ремесленников, возглавляемых Алкмеонидом Клисфеном. Исагору пришлось вторично пригласить Клеомена, который потребовал, чтобы был удален из Афин род Алкмеонидов как оскверненный (за 130 лет до этого) убийством сторонников Килона. Под видом «очищения от скверны» он изгнал целых 700 семейств — очевидно, всех видных сторонников Клисфена. После этого власть в Афинах была передана олигархическому совету трехсот. Усиление аристократии выразилось и в том, что на афинских монетах снова чеканятся гербы родов.

С этим никак не могло примириться аттическое крестьянство. Крестьяне сбегаются в город со всех сторон и осаждают Клеомена, Исагору и их сторонников в акрополе. Старики-крестьяне у Аристофана вспоминают об этой борьбе за свободу в таких словах:

Ведь помнишь, даже Клеомен,
Здесь засеяв когда-то,
При всей лаконской спеси все ж
Отсюда целым не ушел:
Он выдал все оружие нам
И прочь, оборванный, пошел,

Вонючий и нестриженный,
Лет шесть уже немыйтый...
С каким ожесточеньем мы лаконца осаждали,
Стояли мы под стенами семнадцатью рядами,
И спали на сырой земле...

Выпущены были только спартанцы; Исагору и еще нескольким его приверженцам удалось бежать, остальные его сторонники были перебиты.

Спартанцы не могли примириться с мыслью, что в Афинах останется демократия, и к тому же после того, что произошло, явно враждебная им. Клеомен собрал ополчение из спартанцев и членов Пелопоннесского союза и двинулся в Аттику, требуя передачи власти Исагору; на помощь ему спешили с севера войска халкидян и беотийцев, где в это время у власти стояли аристократы.

Находясь в таком тяжелом положении, Клисфен обратился к самому сильному государству в мире — к Персии — с просьбой о помощи. Когда послы явились в Сарды, от них потребовали взамен обещанной помощи, как и следовало ожидать, «земли и воды», т. е. признания верховной власти персидского царя над Афинами, и послы согласились на это. Мы уже видели, что основные торговые интересы Алкмеонидов находились в Малой Азии, бывшей в это время под властью персов; в последующее время Алкмеониды также всегда были сторонниками персофильской политики.³⁸

Однако афиняне напрасно поторопились признать верховную власть персов. Во время похода на Афины второй спартанский царь и коринфяне раздумали и ушли назад; после этого и Клеомену ничего не осталось, как вернуться. Тогда афиняне двинулись против халкидян и беотийцев и разбили их наголову. Многочисленные пленники были закованы в цепи и брошены в тюрьму (впоследствии их выкупили за большие деньги); халкидская аристократия — «гиппоботы» (взрачивающие коней) — была изгнана из своей страны; в Халкиду было выведено четыре тысячи клерухов (колонистов), и между ними были поделены земли гиппоботов, по выделении теменосов богам. Эти участки были сданы в аренду, вероятно, местным жителям (клерухи сами не работали и получали от обрабатывающих землю арендную плату). Здесь мы видим коренную разницу между политикой Писистрата и Клисфена: Писистрат, стремясь сохранить мелкое крестьянство, запрещал сдавать землю в аренду и предписывал обрабатывать ее собственными

³⁸ После персидских войн этот поступок считался позорным и им попрекали Алкмеонидов; поэтому Геродот, близкий к Алкмеонидам, старается изобразить дело так, будто послы это сделали на собственный риск, и прибавляет ничего не говорящее замечание, что «афиняне по возвращении послов осуждали их». Однако афиняне на основании этого соглашения вскоре попросили помощи у персов; значит договор не был дезавуирован Клисфеном.

руками; Клисфен же, нисколько не заботясь о том, что большие пространства земли могут сосредоточиться в одних руках, предписывает сдавать ее в аренду, чтобы афинские клерухи не заманились физическим трудом, а могли всецело посвятить себя гарнизонной службе.

Через некоторое время после этого Клеомен, во главе Пелопоннесского союза, организует новый поход против Афин. На этот раз он договорился с Гиппием и потребовал у афинян, чтобы они восстановили во власти Гиппия, но и этот поход разстроился.

508 год, когда это произошло, является одним из важнейших рубежей в истории Афин. У власти впервые становится рабовладельческая демократия, опирающаяся на городской торгово-ремесленный класс. С утопическими (и по существу реакционными с точки зрения общественного развития того времени) попытками Тиранов базировать производство на свободном производителе-крестьянине было покончено навсегда. Принципом этой демократии до середины V в. было: предоставление политических прав всему свободному гражданскому населению; активное участие всего этого населения в политической жизни; невмешательство государства в развитие экономических отношений.

4. КЛИСФЕН

Будучи представителем торгово-ремесленных групп, заинтересованных прежде всего в свободе оборота и свободном развитии рабовладения, Клисфен не издал никаких законов для улучшения экономического положения бедноты. Все его законы касаются социальных взаимоотношений и государственного устройства, но в этом отношении им сделано очень много: он завершил работу Солона и Писистрата, как бы подвел итог революции VI в. и создал тот строй, который, с небольшими изменениями, продержался до тех пор, пока афиняне оставались независимыми.

Клисфен прежде всего уничтожил последние остатки родового деления. При Солоне гражданское население делилось на родовые филы, фратрии и роды, руководимые аристократами. При Писистрате влияние аристократов значительно уменьшилось, но переворот 510 г., руководимый Исагором, показал, что силы аристократии еще не подорваны окончательно. Поэтому Клисфен решил прежде всего покончить с родовыми объединениями. Однако Клисфен меньше всего желал вводить новшества в области религии: религиозное значение старых фил и фратрий он сохранил полностью, но лишил их всякого значения в государственной системе. Вместо четырех старых, он разделил Аттику на десять новых фил. Эти филы были территориальными.

«По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята^ во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться... на место старой организации по родам».³⁹

Так как старые роды были особенно сильны в тех местах Аттики, где находились усадьбы их представителей, он включил в каждую филу по одной трети («триттии») из различных мест Аттики: одну треть из города Афин, другую из внутренней равнины (Месогеи), третью — из прибрежной полосы.⁴⁰ Эти филы получили преимущественно патриотические названия по древним афинским героям: Тезеида, Эгеида, Пандионида, Эреффеида и т. д. (Тезей, Эгей, Пандион, Эреффей — афинские цари). В каждой филе было, примерно, одинаковое число жителей; триттии каждой филы часто далеко отстояли друг от друга. Филы делились, далее, на демы; на первых порах их было по десяти в каждой филе, затем их число увеличилось. Демом называлось в Аттике с древнейших времен каждое отдельное селение, но теперь дем стал административной единицей; в некоторые демы входило несколько селений; большое селение Браурон состояло, наоборот, из трех демов, а в Афинах каждый квартал города был демом. Демы имели известное самоуправление, вели списки живших в них граждан. Во главе дема стоял демарх, бывший казначеем дема, имевший полицейские функции и взыскивавший налоги. Целый ряд демов сохранил название тех знатных родов, которые здесь имели свои усадьбы (например, дем Бутады, дем Филаиды). Члены одного и того же дема назывались демотами.

Высшим законоподготовительным органом, как бы президиумом народного собрания, стал совет пятисот (буле). Кандидаты в совет выбирались по демам жребием, по особому расписанию, пропорционально числу жителей в демах: были демы,

³⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи...//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21, С. 170.

⁴⁰ Это деление — нечто совершенно иное, чем деление на Педию, Паралию и Диакрию. В Педию входил и город Афины; Паралия и Диакрия заключали обе как прибрежные, так и внутренние части.

выбравшие одного кандидата, тогда как дем Ахарны выбирал 22 кандидата. Число кандидатов было в два раза больше числа мест; старый совет проверял каждого кандидата и устранял недостойных. Всего на каждую филу приходилось пятьдесят булевтов (членов совета); пятьдесят булевтов, избранных от одной и той же филы, руководили советом в течение десяти части года; каждый из них назывался пританом, а все вместе — пританией; пританией же называлась десятая часть года. Пританы собирали совет ежедневно (кроме праздничных дней), а народное собрание первоначально не реже одного раза в пританию. Совет утверждал кандидатов в члены нового совета, проверял отчеты должностных лиц, наблюдал за постройкой флота и доков и имел большую административную власть. Во времена Клисфена он имел право налагать штраф, заключать в тюрьму, а в некоторых случаях даже казнить.

Но основной функцией совета была пробулевма. Ни один закон, ни одно предложение не могло быть внесено в народное собрание без пробулевмы, т. е. без рассмотрения в совете и его резолюции. Вполне понятно, что в народном собрании, состоящем из 10—20 тысяч человек, невозможно обсуждать дела, если они не обдуманы и не подготовлены заранее небольшой коллегией. Пока такая подготовка производилась ареопагом или архонтами, они фактически, очевидно, имели решающее влияние на все государственные дела. Теперь эта предварительная подготовка оказалась в руках демократического органа — совета. Архонты сохранили роль правительства Афин и при Клисфене, но роль их была значительно ограничена. Характерно, что до Клисфена постановления народного собрания датируются по архонту; теперь имя архонта не упоминается, и они датируются по секретарю первой притании совета. Равным образом, и ключами от городской кассы теперь владеет не архонт, а совет. Архонт-полемарх сохраняет значение верховного военачальника; но он теперь является только председателем коллегии из десяти стратегов, избираемых с 502 г. (поднятием рук) по одному от каждой филы.

Возможно, впрочем, что эта коллегия получила фактическое влияние уже при Писистрате. Действительно, Писистрату и его сыновьям для укрепления своей диктатуры были необходимы особые отряды, частью состоявшие из преданных ему крестьян «дубиноносцев», частью из иностранцев-наемников. Руководители этих отрядов и назывались, быть может, стратегами. Из рисунков на вазах мы видим, что в войске Писистрата большую роль играли скифы.

Эти стихийно возникшие учреждения Клисфену необходимо было оформить. Стратеги в его конституции получают характер военачальников, выбираемых по одному из каждой организованной им филы; скифские стрелки становятся государственными рабами и играют с этого времени в Афинах роль поли-

цейских. Энгельс делает по этому поводу следующее остроумное замечание:

«Афиняне учредили, таким образом, одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников... Но эта жандармерия формировалась из *рабов*. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом. В этом сказывался еще образ мыслей древнего родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было еще молодо и не пользовалось еще достаточным моральным авторитетом, чтобы внушить уважение к занятию, которое бывшим членам рода неминуемо должно было казаться гнусным».⁴¹

Писистратиды не теряли надежды вернуть себе власть, тем более что их поддерживали Спарта и, как мы еще увидим, персидский царь. В Афинах они также имели немало сторонников. Для того чтобы предупредить возможность возврата к тирании, Клисфен ввел новое установление — остракизм («остракон» значит «черепок»). В народном собрании ставится вопрос: нужно ли подавать черепки? Если вопрос разрешался утвердительно, то собиралось особое народное собрание для «черепкования» под председательством девяти архонтов и пританов; в него должно было входить не менее 6000 граждан. Каждый гражданин писал на черепке имя того общественного деятеля, которого он считал опасным для спокойствия государства, и подавал его закрытым. Получивший большинство голосов подлежал изгнанию. Такое изгнание, однако, не наносило никакого бесчестия: гражданин не лишался прав, имущество его не конфисковывалось. Он должен был только покинуть Афины на десять лет, по истечении какого-либо срока мог возвратиться.

С родовыми привилегиями было, таким образом, покончено раз навсегда. Граждане именовались официально уже не по отчеству (хотя и это наименование осталось в употреблении), а по дему; например, Перикл Холаргский, Фемистокл Фреарийский и т. д. Целый ряд иностранцев, фактически получивших гражданские права при Писистрате, теперь официально получили эти права и были включены в филы и фратрии. Правда, аристократический ареопаг сохранил свои права по надзору за законодательной деятельностью, учреждениями и отдельными лицами, но его влияние было значительно уменьшено благодаря совету пятисот. Зато имущественные привилегии Клисфен сохранил полностью: в клисфеновский совет, как и на все другие должности, могли быть избираемы только граждане выс-

⁴¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи... // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 118—119.

ших трех классов от тридцати лет — правда, теперь независимо от происхождения.

«Новая аристократия богатства окончательно оттесняла на задний план старую родовую знать... И наряду с этим разделением свободных на классы в соответствии с имущественным положением происходило... громадное увеличение числа рабов, принудительный труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества».⁴²

Как мы видели, Клисфен признал верховный протекторат Персии над Афинами. В силу этого признания персидский сатрап Малой Азии Артаферн, желая, чтобы власть в Афинах была в надежных руках, требует (примерно в 501—500 гг.), чтобы афиняне вернули власть Гиппию. Афиняне на это пойти не могли; по-видимому, в связи с этим Клисфен и его партия лишаются власти. Это означало разрыв с Персией.⁴³

Попробуем теперь дать краткую характеристику революции VI в. В начале VI в. еще не может быть речи об афинском государстве: перед нами родовая община, находящаяся уже, правда, в стадии далеко зашедшего разложения. Родовые деления — род, фратрия, фила — являются в то же время политическими делениями: аристократы, руководящие отдельными родовыми группировками, в то же время руководят и всей общественной жизнью. Крестьянин закабален; богатый горожанин, хотя и несет уже повинности в навкратиях, но не пользуется никакими правами. Земля является неотчуждаемой родовой собственностью. Рабов (кроме закабаленных долгами крестьян) еще немного, и это рабство носит еще патриархальный характер.

В результате революции, завершенной Клисфеном, Атика в политическом отношении делится уже на локальные единицы; родовые объединения лишаются всякого политического значения и сохранились только для религиозных целей, хотя «моральное влияние, унаследованные взгляды и образ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях, которые отмирали только постепенно».⁴⁴ Богатые горожане пользуются теми же привилегиями, что и богатые аристократы; к участию в управлении допущены все свободные граждане; кабала и рабство за долги отменены. Возникает государство с широким применением рабского труда и со сложной системой демократических учреждений. Итак, «...возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться

⁴² Там же. С. 167.

⁴³ У власти становится патриотически настроенная аристократическая партия (быть может, возглавляемая доблестным полководцем Лакратидом из знатного рода Евмолпидов; он был архонтом между 500 и 497 гг.; этот род и впоследствии боролся с Алкмеонидами).

⁴⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи...//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 118.

на свободных и рабов, на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков,— общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами... Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы».⁴⁵ Наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными, обусловленное новым разделением труда новое разделение общества на классы.

Родовая община переходит в классическое рабовладельческое демократическое государство. Государство и в этом случае оказалось, таким образом, силой, происшедшей из общества, но ставшей себя над ним, все более и более отчуждающей себя от него: «...государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»»⁴⁶

«В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство соответствовало новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами... Возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего... с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества...».⁴⁷ Здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества.

Конечно, эта революция не была делом рук одного Клисфена. Она началась вооруженным выступлением демоса в начале VI в. Ряд уступок новым общественным силам принужден

⁴⁵ Там же. С. 168—169.

⁴⁶ Там же. С. 170.

⁴⁷ Там же. С. 119.

был сделать, как мы видели, уже Солон; затем Писистрат, поддерживавший обреченное на гибель мелкое крестьянство, нанес тяжелый удар земельной аристократии и завоевал ряд новых пунктов для вывода крестьян-колонистов и ввоза необходимого крестьянам хлеба; обе эти меры, однако, чрезвычайно усилили городской торгово-ремесленный класс. На долю Клизфена выпало создать продуманную систему демократических учреждений и закрепить законодательным путем меры, проведенные его предшественниками.

5. ИСТОЧНИКИ

Об источниках для истории VI в. мы уже говорили выше (см. гл. II, § 6). Однако для Афин VI в. мы располагаем гораздо большим числом источников, чем для других современных им государств. Ученые V и IV вв. еще располагали стихотворениями Солона, описывавшего проведенную им реформу; к счастью, до нас они сохранили в виде цитат отрывки, казавшиеся им наиболее важными с исторической точки зрения. Эти ученые еще имели в руках свод законов Солона; правда, по самому характеру такого свода в него вошли, с одной стороны, старинные законы, бывшие в ходу до Солона и не отмененные им, с другой — более поздние добавления. До нас дошли лишь немногие из этих законов. Далее, древние еще видели ряд надписей, уже не дошедших до нас. С середины V в. появляются «Афинские хроники», так называемые «Аттиды»; наиболее известными авторами «Аттид» были Гелланик из Лесбоса (V в.), Андриотий (IV в.), Филохор (III в.). Эти «Аттиды» не дошли до нас. Ряд сообщений, относящихся к нашей эпохе, находим у Геродота, очень немного — у Фукидида. Позднейшие сообщения Аристотеля и еще более поздних авторов имеют источником, главным образом, «Аттиды» и Эфора. Из них наиболее важное — «Афинская полития» Аристотеля, найденная в 1890 г. в песках Египта; первая часть этой книги посвящена истории афинских государственных учреждений (к сожалению, начало книги оборвано — она начинается заговором Килона, но краткое изложение содержания этой книги сохранилось у позднего автора — Гераклида Понтийского). Любопытный материал содержится также в «Политике» того же Аристотеля и в биографии Солона, написанной Плутархом. Главный недостаток всех этих работ тот, что они, во-первых, смешивают исторический и новеллистический-легендарный материал, характерный для устной традиции о VI в.;⁴⁸ во-вторых, они некритически использовали олигархические памфлеты конца V в., описывающие демо-

⁴⁸ Таковы, например, рассказы об участии Солона на съездах семи мудрецов и о встречах Солона с лидийским царем Крезом, жившим значительно позже его.

кратическую революцию VI в. в извращенном виде с целью ее дискредитировать.⁴⁹

Надписи VI в., несмотря на их малочисленность, позволяют сделать интересные выводы для истории этой эпохи — например, народное постановление о выводе клерухов на Саламин; не менее важны и монеты того же столетия, особенно монеты аристократических родов (историческое значение этих монет впервые установлено Сельтманом в 1924 г.); значительный интерес представляют также археологические памятники (прежде всего обломки ваз), причем важны не только самые рисунки на вазах, но и места их нахождения; они дают нам представление о границах и характере афинской торговли.

⁴⁹ Образцом олигархического памфлета является анекдот, содержащийся у Аристотеля и Плутарха, согласно которому друзья Солона, Конон, Клиний и Гиппоник, узнав, что Солон собирается признать недействительными все долги, скупили большое количество земли в долг; затем эти земли остались за ними бесплатно. Этот анекдот был пущен в оборот, несомненно, олигархами конца V в. с целью дискредитировать демократию и руководивших ею в конце V в. Конона, Алквиада и Каллия, предками которых были указанные друзья Солона.

ГЛАВА IV

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ПРИМИТИВНО-РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

Афины представляют собой пример греческой общины, которой угрожала непосредственная опасность превращения в примитивно-рабовладельческое государство, т. е. в такое государство, в котором основной массой производителей являются собственные граждане, поработанные путем долговой кабалы. Такой тип общества нам хорошо известен из истории древнего Востока (см. с. 25—26). В Афинах процесс порабощения беднейших граждан был ликвидирован в последнюю минуту, и здесь благодаря коренной ломке общественных отношений закабаленные крестьяне стали свободными гражданами. Причина этого лежит отнюдь не в какой-то особенной гуманности афинского народа. Дело в том, что к VI в. достигла уже большого развития другая, более совершенная форма рабства, при которой рабы приобретаются за границей, преимущественно из негреческого населения; вследствие незнания местных обычаев и отчужденности от местного населения, из-за разницы в языке и религии они представляют собой гораздо более удобный объект для эксплуатации, чем собственные закабаленные сограждане.

Но в некоторых отсталых земледельческих государствах Греции, живших замкнутым хозяйством и не принимавших участия в международном торговом обороте, а следовательно, и не ввозивших рабов, произошло именно то, чего избежали Афины: здесь развился особый тип рабства, основанный на эксплуатации прикрепленных к земле коренных жителей страны.

Поэтому нам представляется весьма убедительным выставленное рядом крупных исследователей предположение, по которому на Крите, в Спарте и в Фессалии основным орудием порабощения были также долговая кабала, продажа бедными гражданами своих детей в рабство и прямое физическое принуждение со стороны обладателей внушительной военной силы (в Фессалии такие рабы назывались пенестами, «бедняками»).

1. КРИТ VI—V ВЕКОВ

Государственное устройство критских городов является наиболее поучительным, так как здесь древнейшие греческие учреждения сохранились дольше, чем в других местах. Чрезвычайно интересно для историка и близкое сходство критских

учреждений со спартанскими, на что обратили внимание уже древние.

Крит был разделен на ряд небольших самостоятельных полисов (в эпоху Гомера их было девяносто) с очень сходным государственным устройством. Самыми крупными были Кнос, бывшая столица Миноса, и Гортина. Из Гортины до нас дошла надпись V в., содержащая очень древний свод законов; кроме того, до нас дошли интересные надписи из Дрера и Кидонии.

Чрезвычайно архаическим было земельное устройство Крита. В то время как в остальных частях Греции от общинной собственности на землю остались только пережитки (обычно общине, как целому, принадлежали только пастбища, а культивируемая земля была поделена между семьями или небольшими объединениями семей — ойкосами), на Крите сохранились огромные пространства обрабатываемой общинной земли, а прочая земля была поделена на большие «жеребьи» — клары, принадлежавшие большим родовым объединениям, возглавлявшимся аристократическими родами (так же было в Фессалии).

Все население резко делилось на два антагонистических класса — аристократов-воинов (to machimon) и зависимых земледельцев (to georgun). Выше мы приводили застольную песню, сочиненную критскими аристократами. Такая песня была бы невозможной, если бы эти земледельцы испокон века сидели на своих участках и привыкли к своему положению: из этого стихотворения мы видим, что власть критских аристократов над земледельцами держится на их военной силе; только благодаря этому оружию им удается заставлять земледельцев отдавать свои продукты; только из страха перед оружием аристократов эти крестьяне — частью добровольно, частью принудительно — отдаются под их покровительство и признают их своими владыками. Очевидно, мы имеем дело со свежим процессом, еще незакончившимся в то время, когда песня была составлена.

О национальной или расовой противоположности между аристократами и земледельцами не может быть речи еще и потому, что здесь господствующий класс был не чисто дорийского, а крайне смешанного происхождения. Уже Гомер говорит о чрезвычайной смешанности различных племен — греческих и негреческих — на Крите. В городах Крита основным делением населения является деление на филы, и уже эти филы делятся на группы, соответствующие упомянутым выше кларам. Часть этих фил носит названия фил, свойственные всем дорийцам (Гиллеи, Диманы, Памфилы); другие носят заведомо недорийские названия; тем не менее все эти филы вполне равноправны.

Зависимые крестьяне делятся на две группы — на мноитов, обрабатывающих общинную землю, и на кларотов, обрабатывающих клары отдельных родовых объединений. Эти зависи-

мые крестьяне часто называются у древних рабами, но это рабство имеет все те черты, которые мы считаем характерными для рабства примитивного или древневосточного.

1. Эти рабы не «одушевленные вещи», а обладают известными, хотя и ограниченными, правами: они дают показания не под пыткой, как рабы в передовых греческих государствах, и их присяга принимается во внимание; они имеют собственное имущество, которое не может быть у них отнято; за нанесенный им ущерб виновные подвергаются наказанию, хотя и меньшему, чем за нарушение прав свободных людей; закон признает их браки (они могут жениться и на свободных) и защищает их семью.

2. Закон ограничивает право хозяина распоряжаться этими рабами. Право продажи этих рабов ограничено; закон защищает их от оскорблений и издевательств со стороны хозяина; хозяин не может принуждать рабыню к сожительству с собой.

Целый ряд критских учреждений классической эпохи несомненно восходит еще к микенскому времени. Таковы, прежде всего, возрастные классы и мужские союзы, упоминание о которых имеется уже в поэмах Гомера и которые мы еще встретим и в Спарте. Мне удалось обнаружить такие союзы также в Милете, бывшем одним из центров микенской цивилизации. Такие союзы засвидетельствованы и для ряда первобытных племен нашего времени; их характеризуют следующие черты: 1) мужское население делится на классы по возрасту (чаще всего три класса — юношей, взрослых и пожилых), причем переход в высший класс связан с особыми посвящениями и испытаниями; 2) мужчины обедают вместе в общем помещении и вне семьи; 3) дети также воспитываются совместно вне семьи и подвергаются ряду истязаний; чаще всего они участвуют в общих трапезах взрослых, получая остатки от их пищи.

Все эти черты характерны для общественного устройства критских городов. Как мы узнаем из Гортинской надписи, население этого города делилось на три возрастных класса — несовершеннолетних юношей (аноров), не бежавших взрослых (аподромов) и бегунов (дромеев). Отсюда мы видим, что попасть в высший класс могли только участники состязаний в беге.

Полную аналогию этим учреждениям имеем мы в Милете: и здесь три возрастных класса, из которых один юношей, другой — носителей венков или певцов (мольпов), т. е. участников состязаний в пении.

Взрослые мужчины разделены на обеденные товарищества, называемые (как у Гомера) гетериями. Они обедают (как в Милете) в общем мужском доме, — на Крите этот дом так и называется: «мужской дом» (андрейон), причем продукты доставляло государство. Юноши служивали взрослым во время этих обедов (так же было в Милете).

Юноши на Крите воспитывались не дома, а в особых отрядах или «стадах» (агелах); они вместе занимаются военными упражнениями и вместе спят. Однако эти первобытные учреждения здесь видоизменились в связи с аристократическим строем общества. Это выразилось не только в том, что все эти учреждения имеют в виду только аристократов, а никак не зависимых крестьян: среди этих аристократов задает тон высшая аристократия. Во главе каждой агелы стоит сын одного из знатнейших аристократов, который подбирает себе товарищей по собственному выбору, создавая нечто вроде свиты или клиентов.

Не менее показательно и государственное устройство критских городов. Здесь, как и в Афинах, уже очень рано были устранены цари (басилеи) и заменены аристократической коллегией из десяти космов, имеющих много сходства с афинскими архонтами эпохи господства аристократии. Как и в Афинах, во главе коллегии стоит косм-эпоним. Подобно афинскому архонту-полемарху один из космов предводительствовал на войне; но в то время, как в Афинах тот же архонт-полемарх ведал и дела иностранцев, здесь этими делами заведовал особый косм-ксений. Наконец, космы, подобно афинским фесмофетам, были и судьями.

Вспомним, что в Афинах каждый определенный промежуток времени во главе государства стояли представители одной из фил — пританы. Судя по названию («пританы» — вожди), эти демократические должностные лица сменили высших аристократических сановников государства, также представляющих одну из фил. Как раз такое устройство мы имеем на Крите: все десять космов избираются одной из фил, причем филы чередуются друг с другом в управлении. В космы могут быть избраны, как в архонты в древнейших Афинах, лишь представители высшей знати.

«Советниками» космов были члены высшего аристократического родового совета — «бола» — или «старейшины» (прейгистой). Так же, как афинский ареопаг, эта бола составлялась из отбывших срок службы космов.

Наконец, в государствах Крита существовало и народное собрание (агора). Подобно спартанскому народному собранию (и несомненно также афинскому до Писистрата), это был только «Umstand».¹ члены собрания не могли выступать с речами и вносить предложения. Право выступлений в собрании и законодательной инициативы принадлежало исключительно космам и старейшинам; народу оставалось только голосовать.

На примере критских учреждений мы можем лишней раз убедиться, что государственное устройство греческих городов не выдумывалось мудрыми или гениальными законодателями.

¹ См. выше, с. 186.

В общем эти учреждения и весь строй различных греческих государств были сходны между собой; если бы мы имели больше сведений из этой эпохи, то несомненно обнаружилось бы еще большее сходство.

2. ДРЕВНЕЙШАЯ СПАРТА

Спартой, или Лакедемоном, называлась община, владевшая плодородной долиной реки Еврота. Эта долина — Лакония — с запада была отделена от Мессении высоким хребтом Тайгетом, достигавшим снежной линии; к северу на высоком плоскогорье, лежала Аркадия; береговая полоса не имела удобных гаваней.

Пройти в Аркадию можно было только по узкой тропинке вдоль берега Еврота. Аркадянам при желании не стоило большого труда занять высоты, господствующие над этой дорогой, и сделать путь непроходимым. На востоке от Лаконии лежит область, почему-то называвшаяся Кинурией («собачий хвост»); она принадлежала в древнейшее время Аргосу и отделялась от Лаконии хребтом Парнон, переходящим на юге в низкую каменистую гряду. Это было единственное место, где выход из Лаконии был более или менее легок; во всех других направлениях переход через горы был сопряжен с значительными трудностями.

В микенскую эпоху Лакония, как и смежная Аргонида, была заселена ахейцами. Конечно, спартанский царь Менелай и его супруга Елена относятся к области мифологии, — скорее всего это древнейшие спартанские божества, впоследствии, с изменением религиозных воззрений, низведенные до положения героев. Однако сама обстановка событий в гомеровских поэмах в основе своей историческая. Согласно «Каталогу кораблей» во II песни «Илиады», в Лаконии находилось двенадцать полисов, в том числе Лакедемон, Амиклы и Спарта; все они были подчинены Менелая, который почти равноправен со своим братом Агамемноном, великим царем Микен. В самом деле, в Амиклах в классическое время находилось святилище Гиакинфа, самая форма имени которого показывает, что мы имеем дело с божеством микенского времени. Здесь же находились святилища Агамемнона, Клитемнестры (жены Агамемнона) и Александры, отождествленной с дочерью троянского царя, Приама, Кассандрой. Вблизи Амикл действительно найдены замечательные погребения микенской эпохи (в них находился, например, знаменитый кубок из Вафью с изображением укрощаемых быков). В другом селении, Терапнах, в классическое время находилось святилище Менелая и Елены-Древесницы. Приношениями Елене служили цветы; вообще культ Елены сходен с тем культом древесной богини, который изображен на критских рисунках. Думают, что гомеровская Спарта находилась как раз на

месте позднейших Терапн. Близ Терапн находилось и святилище двух спартанских богов-братьев, Кастора и Полидевка, именуемых Диоскурами. Это были главные боги спартанской государственной общины еще в микенское время; в классическую эпоху два спартанских царя считались их земными воплощениями.

Мы говорили уже о союзах мужчин на Крите и в Милете. Не менее характерны эти союзы и для Спарты.

С семи лет начинается общественное воспитание ребенка, так называемая «агоге», бывшая необходимым условием для получения гражданских прав. Здесь ребенок постепенно, после ряда испытаний и посвящений, переходит из низшего возрастного класса в высший. Он вырван из семьи и живет в казарме, в особых отрядах детей, называемых «буами», или «илами», и руководимых особыми «буагами» или «илархами», выбранными из детей старшего возраста. Дети в этих отрядах подвергаются кровавому бичеванию у алтаря Артемиды Орфии; они должны бестрепетно переносить эти пытки. Каждый возрастной класс имеет особое название; некоторые из этих названий уже не имели смысла в греческом языке, так как восходили к глубочайшей древности. Как и в соответствующих возрастных классах нынешних примитивных народов, дети должны были ходить босиком, едва одетыми во всякое время года, спать на жестком ложе из тростника и получать очень скудную пищу, часто остатки от стола взрослых.

Это коллективное воспитание детей в казармах продолжалось с семилетнего до двадцатилетнего возраста. После этого спартанец женился и жил с собственной семьей, но обязан был обедать не дома, а вместе с другими мужчинами, объединенными с ним в одну обеденную палатку. Такие обеды назывались фидитиями. Каждый участник фидитии должен был доставлять для обеда определенное количество припасов.

Положение женщины в спартанском обществе также восходит к чрезвычайно древней эпохе. В противоположность другим греческим государствам, здесь женщины занимаются гимнастическими упражнениями наравне с мужчинами. Женщинам в Спарте разрешалось свободно отлучаться из дому, куда им вздумается. К чрезвычайно древней допатриархальной эпохе относятся и следующие установления: женщине (исключая жену царя) не вменялась в обязанность супружеская верность; для Спарты засвидетельствовано, кроме того, многомужество и временный обмен женами.²

² У спартанцев, отмечает Энгельс, «брачные отношения во многом еще более архаичны, чем даже те, которые изображены Гомером. В Спарте существует парный брак, видоизмененный в соответствии с принятыми там воззрениями на государство и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 500 лет до н. э.), имевший бездетную жену, взял вторую и вел два хозяйства;

Несомненно, к микенской эпохе восходит и спартанская царская власть. Царей здесь было двое — из разных домов. Каждый гражданин обязан был отдавать царям определенную часть урожая и приплода; имуществом единственной наследницы, не имеющей братьев, также распоряжался царь, назначая ей мужа по своему усмотрению; подобно тому, как после смерти спартанца в частном доме на некоторое время закрывался доступ в помещение, где он жил, так по смерти царя закрывался доступ на городские площади и улицы — очевидно, они считались его собственностью. Из этого видно, что некогда в Спарте (так же, как, например, в Египте) царь считался собственником всей земли.

Ряд других пережитков показывает, что некогда власть спартанского царя была неограниченной, и он считался божественным существом. По спартанскому закону в случае единогласия между двумя царями их распоряжения считались имеющими безусловную силу. Ряд пережитков показывает, что цари некогда считались земными богами. Они назывались «архагетами»; такой титул, кроме них, прилагался только к богам: их называли *theotimetoí* (чтимые, как боги). Цари из дома Еврипontiдов считали себя рожденными от связи их матерей не с их земным отцом, а с героем (первоначально богом) Астрабаксом (о параллельных представлениях в древнем Египте и на Крите мы говорили выше, на с. 67—69). При возвращении царей из похода их встречали почти божескими почестями. Как и в Египте, принимались особые меры, чтобы предохранить труп царя от разложения: царей хоронили в меду. Наконец, царей считали земными воплощениями небесных богов Тиндаридов: пока оба царя вместе выступали в поход, за ними несли примитивную двойную деревянную икону с изображением Тиндаридов; когда вышел закон, что в поход должен выступать только один царь, икону распилили пополам и вместе с царем стал выступать в поход только один Тиндарид. Все эти установления позднейшей Спарты восходят к глубочайшей старине.

около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение, как выразился бы Бисмарк, здорового «жеребца», даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который помогает ее любви, можно заключить, согласно Шёману, даже о еще большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности — измена жены за спиной мужа — было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашнего рабства, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женами. Естественно, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков» (Энгельс Ф. Происхождение семьи...// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 66—67).

В XII—XI вв. в Пелопоннес вторгаются дорийские племена. Они захватывают Мессению, Лаконию, Аргос. Что касается местного ахейского населения, то часть бежала в горы, в Аркадию, где сохранила до исторического времени древний ахейский язык, часть эмигрировала за море, часть была перебита или обращена в рабство. Но некоторой части удалось, несомненно, удержаться в своих укрепленных поселениях; дорийские пришельцы завязали с ними мирные сношения, стали заключать с ними браки и отчасти усвоили их религию и культуру, стоявшую, несомненно, выше религии и культуры пришедшего дикого племени.

Так было и в Лаконии. Дорийцы пришли сюда, по-видимому, через узкое ущелье Еврота, приведшее их с севера, из Аркадии: на той территории, где они первоначально обосновались, в северной части Лаконии у города Спарты не найдено никаких остатков микенской культуры. Они заняли северную и среднюю часть долины Еврота, затем разрушили микенскую Спарту, но взять укрепленный микенский город Амиклы не могли. Южная часть Лаконии на первых порах, по-видимому, оставалась в руках ахейцев.

Вслед за завоеваниями в Лаконии наступило мирное сближение с местным населением и заимствование местной культуры. Мы уже указали на ряд микенских черт в спартанском государственном устройстве; необходимо отметить, что не только два спартанских рода, Эгиды и Талфибиады, считали себя в позднейшее время потомками ахейцев, но и сами спартанские цари из династии Агиадов, как сообщает Геродот, считали себя не дорийцами, а ахейцами, т. е. потомками додорийских царей Спарты.

Пришедшие дорийцы жили примитивным патриархальным родовым строем. Они делились на три филы: Гиллеев, Диманов и Памфилов, а каждая фила делилась на фратрии.

Плодородие почвы Лаконии вело к быстрому росту населения, а этот быстрый рост при экстенсивном хозяйстве и небольшой территории, ограниченной со всех сторон горами, должен был быстро вести к перенаселению. Вероятно, уже в древнейшее время спартанское государство пыталось бороться с перенаселением. Так, спартанские старейшины получили право убивать новорожденных детей, если они имели какие-либо физические недостатки. Если несколько братьев имели только один земельный надел, то они должны были сообща иметь лишь одну жену. Но, разумеется, такие паллиативы не могли помочь, и Спарте уже в очень раннее время пришлось с оружием в руках расширять свою территорию. Примерно к концу IX в. удалось, наконец, одержать верх над ахейскими Амиклами. До этого времени спартианцы наряду с делением на три родовые филы делились на четыре локальные единицы — обы (Питана, Месоя, Киносура и Лимны). Теперь к ним присоединилась пя-

тая оба — Амиклы; очевидно, ахейские жители Амикл были включены в спартанское государство на равных правах с прочим населением. Затем удалось покорить и всю остальную Лаконию до морского берега. Теперь спартанское государство достигло своих естественных границ — горных хребтов и моря.

Возможно, что к этому времени относится древнейшая конституция спартанского государства. Плутарх сохранил древнюю «большую ретру», содержащую³ краткое изложение основ этой конституции в форме оракула.

Здесь мы читаем: «Соорудив святилище Зевса Силлания и Афины Силлании, сохранив филы и разделив на обы, учредив совет старейшин (герусию) из тридцати человек, включая архагетов, собираться на народное собрание между Бабиной и Кнакионом в установленные сроки. Так вносить предложения и так отклонять их. Власть же пусть принадлежит народу».⁴

Из этой «конституции» ясны основные черты спартанского устройства: два царя архагета во главе государства — пережиток царей микенской эпохи; они уже потеряли свое первоначальное значение и входят, как рядовые члены, в герусию, т. е. совет из тридцати родовых старейшин, «геронтов». Эти родовые старейшины пользуются большим почетом, и в их руках, несомненно, находится судебная и административная власть. Но в эту древнейшую эпоху они еще не могли быть представителями какой-либо особенной изолированной аристократической группы: Спарта, как мы видим из ретры, еще патриархальная военная демократия, вся власть принадлежит апелле, т. е. народному собранию, которое принимает и отклоняет по своему усмотрению вносимые предложения.

В пользу большой древности этой ретры говорит тот факт, что в классическую эпоху уже ничего не знали о богах Зевсе и Афине Силланийских, и никто уже не знал, что за местности Бабики и Кнакион. Так как в этой ретре говорится об установлении новых обы, то, может быть, она современна включению Амикл как пятой обы спартанского государства; может быть, Зевс был богом дорян, а Афина — богиней ахейцев, — тогда совместный культ этих божеств знаменует собой соединение Спарты с Амиклами. Но все это, разумеется, только догадки.

На какие общественные группы делилось самое население в эту эпоху, нам неизвестно. Во всяком случае государственного рабства, илотии, в том виде, как оно существовало в классическое время, в это время еще существовать не могло; она, по

³ В более позднее время в ней видели предсказание дельфийского оракула, но, по-видимому, она значительно древнее той эпохи, когда Спарта вступила в сношения с дельфийским святилищем. Если она первоначально и была сформулирована как изречение оракула, то это был древний спартанский оракул Пасифаи в Таламах.

⁴ Перевод двух последних фраз можно дать только приблизительный на основе пересказа ретры у Тиртея, так как текст ретры испорчен.

нашему мнению, есть продукт Мессенских войн и революции VI в. Зато, может быть, уже к этому времени относится образование класса периэков. Периэками назывались жители пограничных областей, частью жившие уже здесь к моменту их покорения, частью специально сюда переселенные. Вследствие отдаленности этих мест от политического центра жители их не могли являться на народное собрание и осуществлять свои политические права. Это фактическое положение было впоследствии узаконено: периэки сохранили свободу и гражданские права; они именовались, как и спартиаты, «гражданами» и «лакедемонянами», вне страны их положение мало чем отличалось от положения спартиатов. Но в самой Спарте они не имели политических прав. Зато их поселения пользовались известным самоуправлением. Такой процесс расслоения гражданства засвидетельствован и для ряда других греческих государств.

Может быть, к этому же времени относится и колонизационная деятельность спартанцев. Спартанцами за всю их историю были высланы только две колонии: на остров Мелос и в Тарент (в южной Италии).

Дальнейший рост населения заставил спартанцев выйти за естественные границы Лаконии. Как мы видели, легче всего было перейти в южную Кинурию, и спартанцы шаг за шагом начинают отвоевывать эту область у аргосцев. Затем спартанцы переходят Тайгет и завоевывают или вновь основывают ряд поселений в южной Мессении, населенной родственным им дорийским племенем. Переход через Тайгет открывает им возможность сношений с лежавшей к северу от Мессении Элидой, где находился знаменитый храм Зевса Олимпийского. В самом деле, до 736 г. в списке победителей на Олимпийских состязаниях встречается много мессенцев, но ни одного спартанца. После 736 г. мы встречаем уже значительное число спартанцев.

Таким образом, спартанцы вступили в непосредственную близость с сильным мессенским государством; завязавшаяся борьба не могла не быть очень тяжелой и длительной. Спартанцы не останавливались в своем наступательном движении: спартанская община переживала теперь тяжелый внутренний экономический кризис. Старинное распределение земли между всем населением на клеры, т. е. участки одинаковой величины, было теперь грубо нарушено: военные победы, как правило, ведут к выделению аристократической верхушки, обладающей конем и лучшим вооружением и соединяющей в своих руках большие богатства и большое количество земли. Аристократия начинает наступление на права народного собрания. В конце VIII в., в правление царей Полидора и Феопомпа, к большой ретре делается такая многозначительная прибавка: «Если же народ предпочтет кривое решение, то отклонителями его да будут геронты и архагеты», — иными словами аристократия (ор-

ганом которой теперь стала герусия) вправе отменять любое решение народного собрания, если оно ей не понравится.

Мессенцы, руководимые мужественным царем Аристодемом, не могли спокойно смотреть на распространение спартанского могущества в Мессении. Начинается ожесточенная война, так называемая первая Мессенская, продолжавшаяся 19 лет (по преданию, 742—734 гг.) и окончившаяся взятием главной мессенской крепости Итомы и покорением значительной части Мессении: к Спарте была присоединена чрезвычайно плодородная территория, а уцелевшее население обращено в тяжелое полурабское положение, дав начало образованию нового класса — класса илотов.

Сообщения о первой Мессенской войне (например, сообщения у писателя II в. до н. э. Павсания) носят большую часть легендарный характер; они имеют источником разукрашенную патриотическую традицию позднего Мессенского государства (Риан). Единственное исторически достоверное свидетельство — отрывок из стихотворения спартанского поэта Тиртея, жившего на рубеже VII и VI вв., которое мы приводим:

Силой великой царя, любимца богов Феопомпа,
Взяли Мессению мы, край беспредельных полей,
Здесь — благодать для хлебов, благодать для плодовых деревьев.
Двадцать без малого лет бились за эту страну
Храбро, отважно, не ведая страха, в могучих десницах
Копья сжимая, отцы наших почтенных отцов.
Но на двадцатый лишь год, покинувши тучные пашни,
Враг побежал, побросав башни в Итомских горах.

Покоренные жители, по словам Тиртея, были

Точно ослы, что влекут груз непосильный с трудом,
И отдавали владыкам под гнетом тяжелой неволи
Впредь половину того, что приносили поля.

Таким образом, даже спартанский аристократический поэт должен был признать, что положение покоренных мессенцев, отдававших половину урожая своим спартанским господам, было очень тяжелым.

Класс илотов, однако, комплектовался не только из мессенцев — значительная часть илотов жила в Лаконии. Мы уже говорили, что есть основание постулировать здесь тот же процесс обращения в долговую кабалу и порабощения богатыми землевладельцами бедных крестьян, что и в Афинах. Может быть, в этот же класс были включены и потомки того населения, которое попало в зависимое положение или было уже в зависимом положении при покорении дорянами Лаконии. Но большого процента эти «ахейцы» составлять не могли, и антагонизм между спартиатами (полноправными спартанцами) и илотами никак нельзя, вслед за буржуазными учеными, объяснять национальными противоречиями.

Образование особого угнетенного класса илотов обусловило необходимость образования особой магистратуры для защиты интересов аристократии. Уже с древнейших (вероятно, с микенских) времен в Спарте существовали особые должностные лица, «звездоглядцы», «наблюдатели» (эфоры). У ряда первобытных народов «божественные цари» или «цари-жрецы» выбираются на определенный срок; но затем их власть может быть, по совершении определенных религиозных обрядов, продлена на такой же срок. Так и в Спарте каждые восемь лет эфоры уходили в святилище Пасифаи и наблюдали за небом: если падающая звезда пронесется в определенном направлении, это означало, что царь должен быть смещен. Естественно, что во время смут эти «звездоглядцы» могли приобрести большое значение; как сообщает Плутарх, цари на время отсутствия поручали им свои судебные функции. Теперь эти эфоры приобретают все более ответственные функции — и административные и судебные. Они выбираются в числе пяти человек, но одному от каждой общины. Свое «звездоглядство» они используют для устранения нежелательных им царей. С другой стороны, царские дома постоянно враждовали друг с другом: в случае разногласия между царями, естественно, мнение эфоров стало приобретать решающее значение.

По своим функциям эти эфоры вполне соответствуют тем разнообразным аристократическим магистратам, которые ограничили власть царей в других греческих государствах (например, архонты в Афинах, космы на Крите). И вообще, как мы говорили уже, Спарта в эту эпоху мало отличалась от других греческих государств. То же закрепощение крестьянства путем долговой кабалы, та же борьба групп внутри аристократии, как и в других греческих государствах.

Спарта имела замечательных поэтов, каковы, например, Терпандр, Тиртей и Алкман. Терпандр и Алкман прибыли из Малой Азии; отсюда видно, что в это время Спарта находилась в оживленных сношениях с передовыми культурными центрами восточной Греции. Спарта занимала первое место в Греции по музыке.

Раскопки в Спарте обнаружили ряд художественных вещей, изготовленных от VIII до начала VI в. (ваз, рельефов, миниатюр, статуй, бронзовых украшений, камней, резьбы по золоту, бронзе и слоновой кости); в это же время здесь соорудились замечательные храмы, причем один из них (храм Афины Халькиойкос) строил архитектор спартанец Гитиад. В это время спартанцы играли ведущую роль на Олимпийских состязаниях: до 578 г. из 81 победителя на Олимпийских состязаниях 46 были спартанцы. Раскопки показали, что в эту эпоху Спарта была очень богата золотом. Как мы уже видели, Спарта активно участвовала в колонизации. Спарту постоянно посещали иностранцы, и, несомненно, сами спартиаты путешествовали по

эллиническому миру. Наконец, в эту эпоху не существовало казарменной муштры в том виде, в каком она нам известна в классическую эпоху. Как мы видим из Алкмана, спартанского поэта VII в., богатые люди в его время едят «отборные кушанья», тогда как сам он предпочитает вкусы простого народа и с удовольствием ест бобовую кашу. Очевидно, в эту эпоху об общих обедах, фидитиях, с их неизменной «черной похлебкой» не было и речи.

3. ПЕРЕВОРОТ НАЧАЛА VI ВЕКА

Мы видели, что даже спартанский поэт Тиртей считал положение покоренных мессенян чрезвычайно тяжелым. Возмущение против Спарты было, несомненно, всеобщим во всех смежных со Спартой государствах: и аргивяне, и аркадяне прекрасно понимали, что в случае дальнейшей агрессии Спарты им угрожает такая же участь, как та, которая постигла уже Мессению. В тесном союзе со Спартой была только Элида, которая вела такую же агрессивную политику, как и Спарта, и в руках которой находилось олимпийское святилище; этим, вероятно, и объясняется большое число победителей спартанцев на Олимпийских состязаниях в эту эпоху.

Сплочению антиспартанских сил в значительной мере содействовала и внутренняя классовая борьба, начавшаяся в это время в Спарте. Вновь присоединенные территории в Мессении попали, очевидно, также в руки богатых людей, а разорение и обнищание бедноты продолжалось с той же быстротой. Часть бедноты, вероятно, попала в положение илотов, другая часть еще сохранила личную свободу, но была уже накануне полного разорения.

При таких условиях во второй половине VII в. мессенцы подняли восстание. Это — так называемая Вторая мессенская война. С восставшими мессенцами соединились аркадяне и аргивяне; элидцы не могли прийти на помощь спартанцам, так как в это время жители Писы восстали против них и захватили олимпийское святилище. Спартанцы потеряли ряд территорий, частью даже в самой Лаконии. Это еще более увеличило разорение и недовольство бедноты: как мы узнаем из Тиртея, в это время в Спарте лозунгом бедноты (как и в Афинах) был новый передел земли. Однако Спарта пошла по иному пути, чем Афины: закабаленные и порабощенные крестьяне навсегда остались в этом положении, и, вероятно, уже в это время были приняты энергичные меры против возможного их восстания. Зато среди сохранившего свободу населения были действительно проведены радикальные реформы в духе восстановления уже почти исчезнувшего первобытного коммунизма; все привилегии аристократии были отменены; земли и илоты равномерно поделены

между гражданами. Одновременно с этим была проведена реформа и в военном строе; до этого времени решающую роль в спартанском войске играли *promachoi* — «передовые бойцы». Это были аристократы, вооруженные огромным щитом, покрывавшим воина с головы до ног. Эти воины выбегали вперед на врага, причем щит каждого такого аристократа служил защитой и для бедняков-легковооруженных, прятавшихся за этим щитом и бросавших из-за него камни и дротики. Теперь вводится новый строй: ни один воин не должен «выбегать вперед» со своего места — каждый обязан до смерти сохранять свое место в строю. Все вооружены одинаково панцирем, шлемом и небольшим круглым щитом. Это тот самый непроницаемый гоплитский строй, который дал грекам впоследствии победу в борьбе с персами.

Благодаря этим реформам внешнего и внутреннего характера спартанцам после многолетней борьбы удалось одержать верх над мессенянами и завоевать всю территорию Мессении. Части мессенцев удалось бежать в различные концы греческого мира — на Родос, в Аркадию, в южную Италию. Огромному большинству пришлось снова стать илотами, а земля была снова поделена между спартанцами. В то же время и союзникам спартанцев элидцам удалось отобрать назад у писатов олимпийское святилище.

Борьба с Аргосом велась очень долго, так как, по-видимому, как раз в ту эпоху, когда Спарта находилась в наиболее тяжелом положении, Аргос достиг наивысшего расцвета. Это произошло при царе Фидоне, которому удалось на некоторое время даже захватить в свои руки руководство олимпийскими состязаниями, получившими в это время уже широкое международное значение. Этот Фидон был, вероятно, одним из руководителей калаврийской амфиктионии, о которой мы говорили выше: Аргос вел уже в это время морскую торговлю. Введенная Фидоном система мер и весов была, по-видимому, в ходу во всей этой амфиктионии; во всяком случае нам известно, что она была в ходу на торговой Эгине и в Афинах до Солона. Лишь после долгой войны, уже после смерти Фидона, спартанцам удалось к началу VI в. отобрать у Аргоса Кинурию и остров Киферу. После этого спартанцы двинулись против другого союзника Мессении, против аркадского города Тегеи. И эта долгая борьба велась с переменным счастьем — спартанцам пришлось испытать тяжелые поражения. Однако, в конце концов, и здесь им удалось одержать верх. Этот успех совпал с коренной внутренней реформой, реформой государственного строя в Спарте. Следствием этой реформы было, по-видимому, то, что спартанцы не покорили Тегеи, а заключили с ней договор. Судя по аналогии с рядом других однообразных договоров, заключенных впоследствии Спартой с пелопоннесскими государствами и еще позже с Афинами, основное содержание этого договора,

по-видимому, сводилось к следующему: 1) каждая сторона должна явиться на помощь другой в случае, если она станет жертвой нападения третьего государства, и 2) тегейцы обязаны явиться на помощь спартамцам, если против них восстанут илоты. Далее, нам известно, что тегейцы обязались изгнать из своей области бежавших сюда мессенцев и не казнить никого за сочувствие Спарте.

Во внутренней жизни Спарты после окончания Мессенских войн (первая половина VI в.) произошел коренной переворот, начало которого надо, по-видимому, относить уже ко времени самой войны. Весь государственный аппарат был преобразован так, чтобы служить для быстрого, энергичного подавления возможных восстаний илотов, а в связи с этим, для пресечения самой возможности проникновения демократических идей из-за границы, спартамцам запрещается под страхом смертной казни выезжать за пределы государства. Наоборот, иностранцы периодически изгоняются из Спарты («ксенеласия»). Так как участие в торговых оборотах влекло за собой с неизбежностью разложение старых общественных форм и проникновение новых взглядов, в том числе и демократических идей, то ввоз золота и серебра в Спарту был воспрещен и спартиатам было предписано обходиться исключительно железной монетой. Для оплаты дорого стоящих товаров такую монету пришлось бы отгружать возами; ясно, что она делала невозможными торговые сделки. Единственным видом доблести теперь считается умение стоять на своем месте в военном строю, не отходя ни на шаг ни назад ни вперед от товарищей и не страшась смерти. Все другие виды атлетики рассматриваются теперь как нечто недостойное спартамца; на олимпийских состязаниях с 548 по 400 г. из двухсот победителей только двенадцать — спартамцы. Старинные вымирающие учреждения — союзы мужчин — видоизменяются так, что государство превращается в вооруженный лагерь; каждый гражданин с раннего детства проходит тяжелую вооруженную муштру. Государство вмешивается во все стороны личной жизни гражданина, отбирая у него и уничтожая новорожденных, если из них не могут вырасти хорошие солдаты, заставляя граждан разводиться и жениться в интересах государства и т. д. Граждане не могут заниматься ничем, кроме военного дела. Результатом этого была некультурность, а часто и неграмотность спартиатов, отсутствие в их среде ученых, поэтов, художников и полное исчезновение художественной архитектуры, живописи и поэзии. Они должны были носить бороду, брить усы, есть за обедом невкусную «черную похлебку». Жилище спартамца должно быть построено исключительно при помощи пилы и топора; следовательно, запрещается применение рубанка, и жилище приобретает, таким образом, примитивный, архаичный вид. Наконец, запрещаются письменные законы; законы должны передаваться только устно.

Но особенно крупную роль в новом государственном устройстве, естественно, должна была играть организация нового класса — илотов.

В советской науке очень энергично дебатировался вопрос о происхождении илотов и о том, к какой группе населения их надо отнести. В конце V и в IV в. в Греции были весьма распространены попытки оправдания рабства, исходящие из расовых различий: раб — варвар, варвары якобы существа низшей структуры — полулюди, полуживотные, созданные для подчинения, и потому, по мнению этих идеологов рабства, вполне правомерно, что греки обращают варваров в рабство. По тем же причинам и в критских мноитах, и в спартамских илотах, и в фессалийских пенестах удобно было видеть остатки додорийского населения страны. Самое слово «илот» производили от селения Гелос в Лаконии. К сожалению, эта теория бытует до сих пор и в советской науке. Между тем мы имеем целый ряд несомненных свидетельств, доказывающих, что и лаконские и мессенские илоты говорили «на том же языке, что и спартамцы» (Фукидид). Однако всюду угнетенное население, живущее, подобно илотам, обособленно среди людей другого языка, как правило, сохраняет свой язык. А ведь можно заключить, что не только мессеняне, но и лаконские илоты были по происхождению такими же дорийцами, такими же «потомками Геракла», как спартамцы. А если это так, то совершенно естественно предположить по аналогии с Афинами, Сиционом и другими греческими государствами, что основным источником образования рабства в Спарте было рабство за долги, тем более что слово «илот» в греческом языке может иметь и такой смысл. Любопытно, что в некоторых государственных богослужениях илоты должны участвовать совершенно так же, как свободные, — например, во время траура по царю; это показывает, что илоты когда-то были спартамскими гражданами, так как религиозные учреждения более косны, чем светские, и часто отражают общественные отношения прошлых эпох.⁵

⁵ В Лаконии на мысе Тенаре находился храм Посейдона, который назывался не Poteidan (дорийская форма), а Pohoïdan (видоизмененная на спартамский лад ахейская форма). Храм Посейдона служил убежищем для илотов; здесь же отпускали на волю рабов. Поэтому в Посейдоне Тенарском видели специфического бога илотов, а в форме Pohoïdan — доказательство ахейского происхождения илотов. Но это рассуждение несостоятельно: храм Посейдона (как и храм Елены, Менелая и т. д.), несомненно, восходит к ахейскому времени, однако Посейдон был и оставался богом всей общины, в особенности богом аристократии; в Кирене и Таренте, в колонии Спарты, культ Посейдона, занесенный с Тенара, был одним из главных государственных культов. «Асилню» (право убежища) представляли в древности самые различные храмы, точно также и отпущение рабов на волю производилось в самых различных храмах. Но если бы даже этот бог почитался более других илотами, то это доказывало бы только то, что в эпоху, когда культ Посейдона уже процветал, илоты были еще полноправными и не были закабалены.

Разумеется, покоренные войной и порабощенные народы также были обращены в зависимое, близкое к рабству, положение, а впоследствии вошли в класс илотов — примером этого является Мессения; но и в этих случаях часто в рабство обращались низшие классы покоренного населения, а привилегированный класс сливался с победителями.

Положение илотов существенно отличалось от положения рабов в других греческих государствах — нередко в литературе они противопоставляются рабам; подобно земельному участку и илот был здесь государственной собственностью, лишь предоставленной в пользование отдельному спартиату. Спартиат не мог ни убить, ни продать илота за пределы своего клера, не мог требовать с илота больше того, что было установлено государством, т. е., по-видимому, больше половины его дохода. Илот жил со своей семьей на своем сельском участке, расположенном вдали от Спарты, где жил его господин — спартиат. По уплате оброка илот мог свободно распоряжаться своим имуществом; среди илотов были довольно богатые люди. Когда хозяин вступал в непосредственное общение с илотом, илот обязан был беспрекословно повиноваться ему, но в такой же мере он обязан был повиноваться и любому другому спартиату — в противном случае он мог быть жестоко избит. Илотам было запрещено, находясь внутри страны, носить оружие.

Все это вынуждает нас провести резкую грань между илотами и греческими рабами обычного типа. Поэтому Энгельс был, по существу, совершенно прав, когда называл илотов крепостными: эта примитивная форма рабства имеет ряд черт сходства с крепостной зависимостью и рабством.

Вполне понятно, что илоты, живя компактными группами и будучи потомками коренного свободного населения Лаконии и Мессении, делали непрерывные попытки свергнуть с себя ненавистное иго. Как мы увидим, весь V в. наполнен восстаниями илотов. Поэтому, как замечает Фукидид, «всегда у лакедемонян большинство их предприятий направлено было к ограждению от илотов». Однако просто убивать илотов было невозможно, потому что, как мы видели уже, илот не был просто рабом, или «одушевленным имуществом». Когда хотели обуздать революционные элементы среди илотов, последним от имени государства объявлялась война; после этого уже по праву войны их можно было безнаказанно убивать. Эти убийства назывались «криптиями» («тайными предприятиями»): молодые спартиаты отправлялись в илотские поселения со списками подозрительных в политическом отношении илотов, прятались в укромных местах и, неожиданно выскакивая оттуда, убивали этих людей. Илотам было предписано носить особую одежду; ежегодно в определенный день они подвергались побоям без всякой вины, «чтобы они никогда не разучились чувствовать себя рабами». Господа должны были подвергать их наказа-

ниям за малейшие провинности, а тех из господ, которые обращались с илотами слишком гуманно, закон наказывал. В походе и во время сражения илоту давали в руки оружие, кроме лишь копий, но спартиаты никогда не выпускали из рук копья, чтобы иметь возможность немедленно убить илота, как только он попытается взбунтоваться. Дом спартиата представлял собой настоящую крепость: чтобы уберечься от нападения илотов ночью во время сна, устраивались особые хитрые запоры. По сообщению поклонника Спарты, афинского Тирана Крития, «и во время еды, и во время сна, и во время хождения по некоторым другим делам страх перед рабами заставляет спартиатов быть всегда настороже».

В это же время окончательно определилось и правовое положение периеков. Как мы увидим ниже, Спарта в это время прекратила политику агрессии; в целях внешней безопасности ей особенно важно было создать вдоль морского побережья и сухопутных границ ряд поселений и укрепленных пунктов со свободным населением. Жителями этих поселений и были периеки, пользовавшиеся личной свободой и правом гражданства («лакедемоняне»), но не имевшие политических прав в Спарте. Они обладали известным самоуправлением, но под надзором должностного лица, присылаемого из Спарты. Основным занятием периеков было также земледелие, но их земля, в противоположность земле спартиатов, могла быть отчуждаема. Беднейшие из них (не служившие в армии гоплитами) занимались также ремеслами, торговлей и мореходством.

Положение спартиатов мы охарактеризовали уже выше. Они жили в городе Спарте, занимаясь исключительно военными упражнениями. Средством для их существования был оброк, присылаемый илотами из деревни. Так как земельные участки спартиатов в эту эпоху были в общем одинаковыми по величине и в то же время неотчуждаемыми, то в первое время после реформы разницы между богатыми и бедными в среде спартиатов вовсе не могло быть — они назывались «равными» («гомеями»). О казарменной жизни спартиатов было сказано уже выше; в VI в. потребительско-коллективистические элементы были искусственно усилены в целях укрепления военной мощи и для борьбы с илотами. Принцип общности имущества выражался в том, что спартиат, оказавшись (например, во время охоты) на чужом участке, мог, не спрашивая у хозяина, пользоваться его припасами, лошадьми и рабами.

Государственные учреждения Спарты также остались в принципе теми же, чем были в старину. Во главе государства по закону стоят два царя — один из рода Еврипонтидов, другой — из рода Агиадов. Эти цари в случае единодушия были полновластными владыками государства, но они издревле ненавидели друг друга; вдобавок эфоры принимали все меры к тому, чтобы этого единодушия никогда не было.

Обычно цари из дома Еврипонтидов защищают интересы спартиатов и идут заодно с эфорами; цари из дома Агиадов, в древнейшие времена защищавшие интересы аристократии внутри спартиатов, теперь, по уничтожению этой аристократии, делают попытки опереться на периэков, илотов и демократические силы вне Спарты.

Эфоры теперь выбираются народным собранием, но способ их избрания был, по словам Аристотеля, совершенно детским; поэтому правящая группа всегда могла добиться избрания своих ставленников. Функции эфоров были судебными и полицейскими. Кроме того, они надзирали за частной жизнью отдельных граждан. Фактически они были владыками страны. Они могли требовать объяснения от царей, и после троекратного вызова цари обязаны были явиться на объяснение к эфорам. Они созывали народные собрания и герусию и председательствовали в них; руководили финансами и международной политикой. В случае несогласия между царями (а это несогласие было правилом) эфорам принадлежала и верховная власть в государстве. Несмотря на то, что царям принадлежала неограниченная власть в войске, эфоры добились влияния и в военном деле.

4. ИСТОЧНИКИ

О государственном устройстве Крита писатели V в. не говорят почти ничего. Разрозненные сообщения содержатся в «Законах» Платона и в «Политике» Аристотеля. Целый ряд сообщений находим у поздних авторов (Страбона, Полибия, Афиней, Поллукса и других); по большей части они имеют источником историка IV в. Эфора, собравшего очень много сведений о Крите.

У Афиней же содержится и застольная песнь Гибрия с Крита (см. выше, с. 143) — свидетельство совершенно исключительного значения.

Основным источником являются надписи — особенно гортинский судебник V в. и договор кносцев с тилисийцами. Интересны для историка также монеты критских городов.

Столь же отрывочный и недостоверный характер носят и сведения из истории Спарты.

Подробное изложение древнейшей спартанской истории, начиная с «возвращения Гераклидов» и кончая Мессенскими войнами (наиболее полное изложение у Павсания в III книге его «Описания Эллады», посвященной Лаконии, и в VI книге, посвященной Мессении), оказалось мифом с рядом ходячих фольклорных сюжетов; только список царей и несколько основных фактов, например переселение дорян, основаны на достоверном историческом предании: данные гомеровских поэм и данные археологии и языка (сходство языка аркадян с языком Кипра) показывают, что, примерно, с XII—X вв. на месте носителей микенской культуры, говоривших на диалекте, близком

к аркадскому («ахейском»), появляются менее культурные племена, говорившие на дорийском диалекте, что эти племена пришли в Лаконию с севера и что они в значительной мере (в области государственного устройства и в области культуры и религии) унаследовали быт предшествующей микенской эпохи.

С V в. Спарта с ее поработанными производителями и культом военной муштры стала идеалом для реакционеров всей Греции; появляется обширная панегирическая литература, тенденциозно извращающая факты и изображающая как создание мудрого законодателя Ликурга крайне архаическое устройство Спарты, восходящее в ряде черт частью к родовому, частью к микенскому обществу. В Спарте не было писаных законов, и все, что касается государственного устройства Спарты, хранилось, как сообщает Фукидид, в строгой тайне от иностранцев. С другой стороны, спартанские государственные деятели и их клеветы за границей пытались по-своему восстановить древнейшую историю Спарты с целью обосновать собственные политические планы. Такие сочинения (от которых до нас дошли, в лучшем случае, жалкие отрывки) писали спартанский царь Павсаний, спартанские полководцы Лисандр и Фиброн, афинский олигарх Критий. На этом недоброкачественном материале и построены как «Лакедемонская полития» Ксенофонта, так и биография Ликурга у Плутарха, содержащие, тем не менее, ряд ценных фактов из области пережитков, сохранившихся в более позднее время, и отдельные древние документы. Наиболее достоверны и ценны сообщения Аристотеля в его «Политике»; ряд интересных указаний содержится также у Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора и в Плутарховых биографиях Лисандра, Агесилая и, прежде всего, в его биографии спартанских реформаторов III в., царей Агиса и Клеомена. Спартанские надписи относятся к более позднему времени и дают лишь небольшой материал для обратных умозаключений; наоборот, археологические данные, при скудости литературной традиции, получают особенно большое значение.

Особенно ценны, конечно, современные событиям свидетельства, сохраненные в произведениях более поздних авторов: это — отрывки из списков царей и эфоров; так называемая «большая ретра» (подтверждение спартанской конституции в форме оракула), относящаяся самое позднее к началу VIII в., с интересным дополнением эпохи Первой мессенской войны; стихотворения поэта Тиртея, жившего на рубеже VII и VI вв. Отрывки из этих стихотворений дошли до нас, главным образом, в цитатах, но не так давно (в 1921 г.) был опубликован новый большой интересный отрывок из Тиртея, сохранившийся на одном папирусе, раскопанном в Египте. Сомнения в подлинности большой ретры и интересующих нас стихотворений Тиртея мне кажутся лишними какого бы то ни было основания.

ГЛАВА V

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

1. ИОНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Малоазиатские греческие колонии, прежде всего Милет, достигли в первой половине VI в. высшего торгового и культурного развития. В это время здесь находился торговый и культурный центр всей Греции; сюда ездили афиняне, желавшие разбогатеть. Малоазиатские колонии вели широкую посредническую торговлю между Передней Азией и Северным Причерноморьем, с одной стороны, и материковой Грецией — с другой. Они господствовали на море (финикийский флот потерял в это время прежнее значение) и поэтому достигли высокого экономического и культурного благосостояния. Здесь, как мы видели, был также центр науки и поэзии. В это время государства Передней Азии еще стояли в торговом и культурном отношении значительно выше Греции.

Развитию этого благосостояния уже с начала VII в. в большой мере содействовало образовавшееся в северо-западной части Малой Азии сильное лидийское государство. Монета, впервые изобретенная лидянами, получила широкое распространение среди ионийских греков, и они стали также чеканить монету того же состава и веса, что и лидийская; благодаря этому торговые обороты чрезвычайно расширились и стали более оживленными.

С Лидией ионянам¹ удалось завязать наилучшие отношения и получить львиную долю участия в лидийской торговле. Лидийцы не имели своего флота, и потому вся морская торговля осуществлялась ими через греков. Внешним выражением этой торговой связи между лидийцами и греками было то почитание, которое лидийцы воздавали дельфийскому святилищу: не забудем, что Дельфийский храм был не только религиозным центром, но и торговым, а также международным банком, и, разумеется, лидийцы приезжали сюда не только для того, чтобы молиться.

¹ Вообще, одним из лучших свойств ионийцев было их исключительное умение уживаться с местным негреческим населением, проникаясь его взглядами и обычаями и создавая смешанную культуру. Со своими соседями карийцами греки постоянно заключали браки; даже наиболее знатные и известные малоазиатские греки, как, например, Геродот, сын Ликса и племянник Паниассия, и Фалес, сын Эксамия, произошли от таких смешанных браков: их родители носят карийские имена.

Правда, развитие отношений между греками и лидийцами не протекало так гладко, как это можно было бы заключить из сказанного. Лидийские купцы захватили в свои руки один из важнейших путей торговли с государствами Передней Азии, проходивший через Лидию. Путь этот оказался закрытым для греков. Но греков это не останавливает: милетяне проникают в Черное море, строят в тылу у лидийцев города Синоп и Трапезунт и, таким образом, устанавливают морскую связь с государствами Передней Азии, минуя Лидию.

Лидийские цари пытаются подчинить себе один за другим греческие города. Особенно энергичным был в этом отношении Алиатт. Он вел многолетнюю осаду Милета, но это ни к чему не приводило, так как на море властвовали греки и имели возможность подвозить хлеб в неограниченном количестве. Милет, руководимый Тираном Фрасибулом, остался независимым; зато Алиатту удалось взять и разрушить значительный ионийский город Смирну.

Больших успехов Лидия достигла в правление самого блестящего из своих царей — Креза. Его щедрые дары в Дельфийский храм и, что еще важнее, его руководящая роль в малоазиатской греческой торговле были причиной того, что дельфийские жрецы прославляли его как любимца богов и справедливейшего царя и толкнули его на борьбу с Персией, предвещая ему победу, а впоследствии сочиняли легенду о его близости к богу Аполлону. Крезу удалось покорить почти все малоазиатские города; только Милет и в его время оставался независимым. Впрочем, протекторат Лидии не был тяжелым — дело, по-видимому, ограничивалось взысканием дани; для греческой торговли этот протекторат был, во всяком случае, очень выгоден. Крез поддерживал дружественные отношения со Спартой и, по-видимому, с афинскими Тиранами.

Подвоз хлеба из Черноморья находился всецело в руках греков, поскольку у лидян не было своего флота.

Около 550 г. персу Киру, наместнику индийского царя в Персии, удалось подчинить себе все индийское государство и стать непосредственным соседом Лидии и малоазиатских греческих колоний. Кир немедленно же предложил греческим городам вступить с ним в союз против Лидии и подчиниться ему на тех условиях, на которых они подчинялись Лидии; но греческие города отклонили его предложение, — только Милет оказался более дальновидным и заключил с ним союз. Казалось бы, Крез имел все шансы одержать победу в борьбе с Киrom: он располагал колоссальными средствами и имел союзниками, кроме греков, обоих крупнейших восточных властителей Востока — вавилонского царя и египетского фараона. Вдобавок Дельфийский оракул предсказал ему, что, перейдя со своим войском восточную границу Лидии, реку Галис, он «разрушит великое царство» — имелось в виду, конечно, персидское. Крез,

действительно, начал эту войну, но был разбит наголову и взят в плен Кирум; дельфийским жрецам не оставалось ничего лучшего, как заявить, что под «великим царством» Аполлон разумел царство самого же Креза. Покорив в 546 г. Лидию, Кир приступает к завоеванию греческих народов. Кир и его преемник Камбиз ведут правильную осаду греческих городов, окружая их высокими насыпями.² Греки были в ужасе: персы разрушили Приену, а затем осадили Фокею, бывшую тогда первым малоазиатским городом после Милета. Положение фокейцев было безнадежным — им ничего не оставалось, как сесть всем народом на корабли и отплыть в Италию.³ Таким образом Киру и его преемнику Камбизу удалось покорить всю малоазиатскую Грецию и Карию. Только жители островов остались независимыми, так как, по замечанию Геродота, «финикияне не были еще подчинены персам, а сами персы не занимаются мореплаванием». Именно это и было, по-видимому, причиной того, что Кир, нуждаясь в греках, несмотря на покорение их силой оружия, лишь незначительно ухудшил те условия, на которых они подчинялись лидянам. Поэтому мы ничего не слышим о восстании греков против власти Кира и Камбиза.⁴

Камбиз впервые приходит к мысли создать флот, чтобы не быть в зависимости от греческих мореходов. После того как Финикия подчинилась добровольно персам, Камбиз принимает меры к усилению финикийского флота, который стал основой морской силы Персии; остальная часть персидского флота состояла, главным образом, из кораблей финикийско-греческого населения Кипра. Так как наиболее сильным морским государством Греции был Самос, то персы теперь приняли меры для его ослабления. Персидскому сатрапу Орету удалось заманить Поликрата на материк и убить его.

Пока персидская держава раздиралась внутренними войнами и персидские цари вели борьбу за консолидацию этой державы, они не могли осуществить решительный натиск на греческие города.

² Приведенные в ужас ионяне обратились за помощью к Спарте, но Спарта, верная своей политике, о которой мы говорили выше, помощи им не оказала. Говорили, что она послала к Киру посла с требованием оставить ионян в покое, но это вызвало только улыбку у Кира, и он будто бы пригрозил спартанцам: «как бы им вскоре не пришлось болтать о своих собственных делах, а не о делах ионян».

³ Когда после этого представители ионян собрались на общее совещание в Панионии (общеоийском храме), приенский Тирани, мудрец Биант, предложил всем грекам поступить так, как поступили фокейцы. Любопытно, что и дельфийский оракул теперь переменял ориентацию и советовал грекам (например, жителям Книды) не сопротивляться персам.

⁴ Более того, во время похода Камбиза в Египет с ним пошло значительное количество воинов из малоазиатских греков. Усиление персов заставило и островных греков ориентироваться на них; например, Поликрат Самосский послал на помощь Камбизу в его походе на Египет сорок кораблей.

Существенно изменилось положение, когда, после короткого периода смут, в 521 г. на персидский престол вступил Дарий, окончательно завершивший эту консолидацию. Обеспечив тыл, он мог уже перейти в прямое наступление на запад. Обладая собственным финикийским флотом, Дарий носится с мыслью о покорении всего известного тогда мира. Даже в своей официальной титулатуре, как видно из дошедших до нас надписей, Дарий именует себя «царь всего мира», «царь всех стран», «царь всех четырех стран света», «царь всей необъятной земли по эту и по ту сторону моря»; очевидно, господство персидского царя над всем миром было официальной догмой персидской монархии.

Как мы узнаем из Геродота, Дарий посылал разведчиков даже в Италию и Сицилию; возможно, что уже он, подобно его сыну Ксерксу, вел переговоры о союзе с карфагенянами. Но главным жизненным нервом греков были Причерноморье, Гелеспонт и Фракия, откуда они получали хлеб и корабельный лес. Это и было, вероятно, причиной, побудившей Дария двинуться походом на Скифию.

В малоазиатских греческих городах оставался тот же строй, который был и до Дария, т. е. Тирания, охарактеризованная нами уже выше. Дарий, несомненно, позаботился о том, чтобы Тиранами были преданные ему люди; однако из сообщений Геродота мы видим, что за этими персофильскими Тиранами в некоторых городах шли и широкие народные массы. Как это объяснить?

Геродот и другие античные авторы не ставили себе целью дать картину классовую борьбу в малоазиатских городах в конце VI в.; нам приходится строить свои выводы на разрозненных противоречивых указаниях. Из этих указаний, во всяком случае, ясно видно, что о дружном объединении различных демократических групп для совместного отпора персам не может быть и речи: в одних случаях персы поддерживают аристократию против демократии, в других — «Тиранию» против аристократии и демократии, в третьих — свергают Тиранов и вводят демократию, в четвертых — беднота стоит за подчинение персам, а «имущие» предпочитают бросить свои дома и уехать в Италию, чтобы только не быть в подчинении у персов.

Вопрос, почему персы поддерживали то те, то другие группы, разрешить не трудно: до внутреннего устройства греческих городов персам не было дела — они готовы были поддержать любую группу, которая гарантировала бы им исправную уплату дани и выставление контингентов в войско. Объяснить надо другое: почему одни группы греческого населения ориентировались на подчинение Персии, другие — на борьбу с нею. Самая пестрота в этих отношениях показывает, что объяснение надо искать не в национальных противоречиях между

греками и персами, а в сложном сплетении экономических интересов различных общественных групп в греческих городах.

1. В малоазиатских городах и на прилежащих островах в VI в. кое-где еще сильны были группы, занимавшиеся хлебопашеством и не нуждавшиеся в ввозном хлебе — как землевладельцы-аристократы, так и зажиточные крестьяне.⁵ Потеря проливов мало задевала их; больше всего они боялись разорения их хозяйств персидским войском и усиления налогового бремени. Эти группы, несомненно, были против борьбы с Персией.

2. Среди купцов малоазиатских городов — как аристократов, так и выскочек из простонародья — были и такие, которые вели торговлю с внутренней Азией (через Персию) и с материковой Грецией, но не имели связей с Черным морем; это были те группы, с которыми были связаны, например, Алкмеониды в Афинах. К ним примыкали и ремесленники, работавшие на те же рынки. И эти группы, были, конечно, против борьбы с Персией.

3. Беднейшее население малоазиатских городов, не работавшее на массовый вывоз и не занятое торговым посредничеством, часто не было в такой мере заинтересовано в сохранении за греками морского пути к черноморскому хлебу, как люди, жившие с этой торговли: при условии подчинения Персии эта беднота могла на худой конец приобретать этот хлеб и из внутренних районов Азии и с финикийских кораблей.

Поэтому и эти группы часто высказывались за подчинение Персии (например, на Самосе), особенно если их политические противники из зажиточных слоев ориентировались на борьбу с Персией и можно было при помощи Персии поживиться на обложениях и конфискации их имущества.

4. Ведущими группами торгово-ремесленного класса (они также обычно возглавлялись аристократическими родами) были группы, заинтересованные в торговле с Причерноморьем и с Фракией. В самом деле, из приведенного выше сообщения об осаде Милета и из дошедших до нас надписей мы знаем, что целый ряд городов Малой Азии и островов питался ввозным хлебом; это был самый необходимый продукт, и поэтому производство ремесленных изделий на вывоз в хлебородные районы и торговля этими изделиями были наиболее выгодными. Эти группы возглавляли демократию ионийских городов (об

⁵ Характерно, что из всех монет Малой Азии и островов земледельческие девизы мы находим только в Наксосе, Теносе (виноград) и в Магнесии на Меандре (хлебное зерно). Из этих городов в первых двух была сильная персофильская аристократическая партия; а третий все время оставался верен Персии. Точно так же и о Лампсаке Фукидид сообщает, что до середины V в. этот город был «наиболее богат вином», — и здесь персидская власть продержалась приблизительно до 460 г.

античном значении этого термина см. ниже с. 264). Для них переход Геллеспонта в руки персов (а следовательно, пути к черноморскому хлебу в руки финикийян) был настоящим крахом. Не удивительно, что эти группы пропагандировали восстание, отложение от Персии и борьбу до победного конца, до утверждения полной независимости от персов и до окончательного отвоевания у них проливов.

Поход Дария на скифов, относящийся, примерно, к 515 г., Геродот рассматривает как тяжелое поражение персов, ибо им не удалось покорить скифов. В действительности ученые уже давно обратили внимание на то, что Дарий, может быть, и вообще не ставил себе такой задачи. Но если он и ставил целью подчинить себе Северное Причерноморье, то, очевидно, ему даны были неправильные географические указания и средств его оказалось недостаточно. Во всяком случае, и то, что он сделал, было крупным успехом для персов, так как он укрепил власть персов на обоих берегах Геллеспонта и в прилегающих к ним местах.⁶

По окончании похода персидские полководцы Мегабаз и Отан покорили Геллеспонт — в частности Византии и Халкедон; затем Мегабаз идет во Фракию. Ему удается покорить все фракийское побережье вплоть до Стримона. На Стримоне строится крепость Миркин; здесь оставляется сильный греческий отряд во главе с преданным персам милетским Тираном Гистием. После этого один из персидских отрядов движется в Македонию и заставляет македонского царя Александра дать «землю и воду», т. е. признать персидское господство. Александр выдает свою сестру замуж за одного из знатных персов.⁷

⁶ По сообщению Геродота, афинским ставленником на Херсонесе Мильтиадом было сделано предложение разрушить мост на Дунае, по которому Дарий переправился в Скифию, и таким образом сделать его возвращение невозможным и обречь его на гибель в скифских степях. Мильтиад при этом якобы действовал заодно с вождями скифов; прочие греческие Тираны оставались, однако, верными персам, и мост не был разрушен. Этот рассказ маловероятен, так как Мильтиад и после этого в течение десяти лет оставался Тираном Херсонеса под верховной властью Персии, а это было бы невозможно, если бы он открыто выступил как враг персов. Поэтому думают, что весь этот рассказ был выдуман в Афинах для доказательства патриотизма Мильтиада, когда впоследствии (в 493 г.) он был привлечен к суду по обвинению в Тирании. С другой стороны, разницу в поведении Мильтиада и других ионийских Тиранов можно было бы объяснить тем, что захват персами проливов влек за собой гораздо более тяжелые последствия для Афин, чем для Малой Азии.

⁷ Геродот сообщает патриотическую легенду о насилиях персов в Македонии и о том, как Александр перерезал все персидское посольство; Впрочем, и по Геродоту этот поступок никаких последствий не имел, и Македония осталась под властью персов. Несомненно, эта легенда была сочинена впоследствии, когда македонские цари прилагали все усилия, чтобы показать, что они и по происхождению и по духу настоящие греки.

Покорив материк, персы подчиняют острова Лемнос и Имброс, лежащие на морском пути к Геллеспонту. Таким образом, греки — и прежде всего афиняне — лишились подвоза хлеба и корабельного леса; соответственно в это же время прекращается вывоз аттических ваз в Северное Причерноморье.

Одновременно с покорением Геллеспонта и Фракии персы приступили и к покорению островов, лежащих у берегов Малой Азии. Здесь они использовали борьбу партий внутри греческих государств. Они завладели Хиосом и отняли флот у лесбосцев, поставив Лесбос, таким образом, в зависимое положение. Полководец Отан взял Самос. По не совсем достоверным сообщениям при этом было истреблено такое множество народа, что в состав граждан пришлось включать иностранцев и даже тех из рабов, которые могли внести пять статов за свое освобождение. Тираном здесь был поставлен Силосонт, брат Поликрата.

После этого наступает некоторое затишье, примерно на пятнадцать лет. Около 500 г. персы вмешиваются во внутренние дела острова Наксоса, очень плодородного и богатого пшеницей, оливой, вином, а также предметами роскоши и рабами. Богатые граждане на Наксосе были изгнаны своими противниками демократами; согласно сказанному выше, эти богатые (дословно «толстяки») — скорее всего аристократы-землевладельцы (незадолго до этого спартанцы изгнали из Наксоса друга Писистрата, Тирана Лигдамида, опиравшегося на широкие народные массы, и поставили у власти этих людей). Изгнанные аристократы бежали в Милет. Здесь был Тираном Аристагор, зять прежнего Тирана Гистиэя. Гистиэй, как мы видели, уехал из Милета во Фракию, в Миркин; отсюда он был отозван ко двору Дария, в Сузы, где и жил в качестве царского советника. Наксосские аристократы обратились за помощью к Аристагору. Аристагору удалось при посредстве сатрапа Артаферна уговорить Дария снарядить большой флот из ионийских кораблей для завоевания Наксоса, Пароса, Андроса и Евбеи. Однако взять Наксос флоту не удалось; Аристагор не выполнил своего обещания, понапрасну израсходовав царские деньги. Вдобавок Гистиэй скучал в Сузах, где царь, по словам Геродота, держал его в почетном плену. Это, по мнению Геродота, и побудило Гистиэя и Аристагора поднять ионийское восстание.

Геродот относился к восстанию ионян против персов крайне несочувственно. Он считал его блажью, глупостью, упрямством, началом всех бед для варваров и эллинов. Поэтому и начало восстания он объясняет мелкими личными мотивами двух авантюристов. О причинах внезапно вспыхнувшего недовольства против персов мы из его книги не узнаем, как не узнаем и того, что представляли собою группы, боровшиеся в греческих городах, и как каждая из них относилась к персидскому господ-

ству. Нам приходится цепляться за отдельные намеки, но уже и эти намеки показывают неправильность распространенного школьного взгляда, будто персы поддерживали всегда аристократию, а их врагами были демократы; далее, совершенно произвольно утверждение, будто Тираны, на которых опирались персы, нечто принципиально иное, чем Тираны в греческих городах, о которых мы говорили выше, т. е. будто здесь они возникли не как носители диктатуры, направленной против знати и богачей.

Разумеется, к концу VI в. Тирания, как форма народной власти, уже значительно устарела. Тираны выполнили важную задачу, нанеся смертельный удар старой родовой аристократии, — поэтому их до поры до времени терпели городские торговые-ремесленные группы. Теперь наиболее богатые и влиятельные представители этих групп сами захватывают власть; не только эти богатые люди, но и более широкие слои народа освоились с демократическим аппаратом и уже не нуждаются в опеке Тиранов. Не удивительно, что теперь эти Тираны в борьбе с вновь возникшими демократическими группами ищут опоры у персов, но в этой политике их поддерживают, как мы видели, различные группы населения — в том числе и значительная часть беднейших граждан. Понятно также, что первым шагом восставших греков было свержение Тираний во всех малоазиатских городах.

В эпоху Пелопоннесских войн, в угоду националистическим чувствам, принято было много говорить о религиозных притеснениях, чинимых персами, о надругательстве над святынями. Геродот не мог не сказать об этом; но он не упускает случая особо отметить, что в уничтожении храмов повинны обе стороны, и даже считает греков зачинщиками. Документальные источники показывают, что персы относились с особой шепетильностью к религии подчиненных им народов, в частности греков, и без нужды не оскорбляли их религиозного чувства.⁸

⁸ Так, Дарий в Бехистунской надписи с гордостью говорит, что он восстановил храмы, разрушенные самозванцем Гауматой; Кир в Вавилоне принимает местную титулатуру и заботится о восстановлении культа. Египетский сановник Уджагорресент пишет о Камбизе: «Я составил его титулатуру в имени его, как царя Верхнего и Нижнего Египта Месут-Ра», т. е. Камбиз стал фараоном, восприняв весь комплекс египетских религиозных представлений о царской власти. Кир восстановил храм и богослужение в Иерусалиме. Во всех храмах совершаются жертвы от имени персидского царя; персы покровительствуют жрецам и всячески стараются заручиться расположением всех местных богов. Отношение Дария к греческим богам видно из рескрипта Дария сатрапу Гадату начала V в.: «За то, что ты пренебрегаешь моим приказом относительно богов, ты испытываешь гнев моей оскорбленной души, если ты не переменишься: ты взыскал подать со священников Аполлона, ты приказал запахать священную землю, не зная, как относились мои предки к этому богу, который предсказал персам всю правду».

В 500—499 гг. началось восстание против персов. Был создан постоянный общесоюзный орган, собиравшийся в Панионии, и стала чеканиться однообразная монета; персофильски настроенные Тираны были изгнаны. К восстанию примкнули и соседи греков — карийцы.

Перспективы восстания с самого начала не были блестящими. Впоследствии, во время нашествия Дария и Ксеркса на Элладу, греки материка могли видеть в Персии чуждых им и пришедших издалека поработителей, стремившихся уничтожить их автономию и свободу. Поэтому в ряде городов мы можем наблюдать высокий патриотический подъем; справедливая война спланирует людей самых различных направлений, как, например, в Афинах — от консервативных аграриев Мильтиада и Аристиды до вождя радикальной демократии Фемистокла. Другое дело — в Малой Азии. Ионяне уже пятьдесят лет находились под властью персов и сжились с ней; целый ряд групп были связаны кровными интересами с персидским владычеством и энергично противились восстанию. К этой борьбе внутри городов присоединилось соперничество между государствами. Не было единства и общего руководства; наконец, чувствовался острый недостаток в деньгах, тогда как средства персов были неограниченны. Историк Гекатеи из Милета, один из руководителей повстанцев, предложил воспользоваться богатыми сокровищами храма Аполлона в Бранхидах близ Милета, которыми, в противном случае, все равно воспользуются персы, но суеверный страх помешал ионянам последовать этому совету.

В таком положении союзникам ничего не оставалось, как обратиться за помощью к государствам материка. Аристарх сам отправился с этой миссией. Спартанцы остались верными своей политике — по возможности не посылать большого числа спартанцев далеко за пределы родины, особенно когда они поняли, что обезопасить себя от персов можно только совершив поход в Персию, а для этого надо три месяца идти по суше.

Дельфийский храм держался персидской ориентации, и персы, придя в Грецию, не разграбили его, несмотря на то, что в нем находились бесценные сокровища. Правда, недавно найдена в Персеполе надпись Ксеркса, в которой он рассказывает, что в начале его царствования начались восстания в некоторых провинциях; эти восстания были усмирены. При этом кое-где были разрушены «капища чертей» и на их месте учрежден культ Ахурамазды. Французский ученый Леви без достаточного основания увидел здесь указание на разрушение афинских храмов несмотря на то, что поход Ксеркса в Грецию произошел вовсе не в начале его правления. Из сопоставления этих слов с Геродотом (III, 67) и Бехистунской надписью Дария (I, 14) я (как и все наши востоковеды) заключаю, что здесь речь идет о внутриперсидских делах и что к делам Греции это место отношения не имеет: нет ничего удивительного, что Ксеркс разрушал храмы богов, которые открыто выступали против него или в защиту других претендентов на трон Персии.

В Афинах сложилась гораздо более благоприятная для ионян обстановка. Изгнанный Гиппий интриговал при персидском дворе и добился, наконец, того, что персы (примерно в 501—500 г.) потребовали от афинян, поскольку те за девять лет до этого признали верховную власть Персии, принять к себе Тираном Гиппия, «если они желают продолжать существовать». Теперь это требование вызвало, однако, негодование народных масс: мы видели уже, что одной из важных причин свержения Гиппия был захват проливов персами, а отсюда — невозможность получать сколько-нибудь регулярно хлеб из Понта. К тому же в Афинах городская промышленность, а также в значительной мере и сельское хозяйство работали на вывоз, и закрытие проливов угрожало жизненным интересам широких народных масс. Приход к власти персидского ставленника Гиппия означал протекторат Персии и, следовательно, полный отказ от надежды на возвращение к блестящему прошлому; и для широких народных масс становилось все более понятно, что регулярный подвоз из Понта — важнейший жизненный вопрос: Афины не имели, подобно малоазиатским городам, примыкающего к ним азиатского «хинтерланда», и, пока Персия господствовала на море, их снабжение всецело зависело от произвола персов. В результате происшедшего партия Алкмеонидов, как виновница унижения перед персами, была устранена от власти. Верх взяла партия, не признававшая верховной власти персов, несмотря на данную Клисфеном «землю и воду». Требование персов было отвергнуто. Однако, как видно из дальнейших событий, партийная борьба продолжалась с переменным успехом, и стоявшая у власти партия не была достаточно сильна, чтобы вести решительную антиперсидскую политику. Поэтому, по-видимому, и было принято решение послать на помощь союзникам только двадцать кораблей. Это была, в сущности, не помощь, а демонстрация разрыва с Персией. Партия Алкмеонидов и теперь и позже (Перикл), несомненно, считала как самое ионийское восстание, так и эту посылку помощи безумием; недаром близкий к Алкмеонидам Геродот замечает: «Легче провести многих, нежели одного: Аристарх не мог провести одного Клеомена, тогда как провел тридцать тысяч афинян», и считает отправку этих кораблей «началом всех бед для эллинов».

Из других греческих государств только Эретрия на Евбее, имевшая тесные торговые связи с Милетом, послала еще пять кораблей.

Персы не теряли времени и в ответ на восстание осадили руководивший восстанием город Милет, где в это время Аристарх добровольно сложил с себя власть Тирана и было введено демократическое устройство, т. е. господство ведущих торгово-промышленных групп. Союзникам удалось поднять против персов все малоазиатское побережье, захватить ряд горо-

дов на Геллеспonte и присоединить к союзу греческие города на Кипре. В 498 г. объединенные силы союзников, включая Афины и Эретрию, собрались у Эфеса. Чтобы отвлечь персидские силы от Милета, был предпринят сухопутный поход на Сарды. Взять эту крепость не удалось; занят был только богатый нижний город. Большинство домов здесь было из глины с крышами из тростника. Когда по неосторожности одного из воинов загорелся один из домов, сгорел весь город вместе с дворцами и храмами. Этот пожар был крайне невыгоден для самих греков, тем более, что он озлобил против них местное население. Однако основная цель похода была достигнута: персы сняли осаду Милета и двинулись навстречу грекам. Близ Эфеса персы нанесли поражение грекам, но это поражение не имело решающего значения, так как и после него война продолжается с неослабевающей энергией и к повстанцам даже присоединяются новые союзники; с другой стороны, союзники совершают победоносный поход в Геллеспонт и захватывают, наконец, также и Византий.

Значительно ухудшили положение союзников события в Афинах. К этому времени обе персофильские группы, Алкмеониды и Писистратиды, объединились; быть может, на почве неудач восстания им удалось свергнуть противников и стать у власти. Это было в 497 г.; на следующий, 496 год им даже удалось провести в архонты Гиппарха, родственника Писистрата. Понятно, что с приходом их к власти афинский вспомогательный отряд был немедленно отозван из Малой Азии.

Чрезвычайно важное значение имел остров Кипр, один из крупнейших островов Средиземного моря, где находились богатые медные рудники и откуда персы получали значительную часть флота. Между находившимися на острове греческими городами, самым значительным из которых был Саламин, и финикийскими, из которых самым значительным был Китий, шла постоянная борьба. Тираны греческих городов стояли на стороне союзников, а Тираны финикийских городов — на стороне персов. Союзнический флот подошел к Кипру, но не вступил в сражение, считая целесообразным выждать результата сухопутного боя. Однако в сухопутном бою вследствие измены одного из Тиранов греки были разбиты, и союзнический флот, считая положение безнадежным, отплыл без боя. Несмотря на отчаянное сопротивление, Кипр был покорен персами. После этого персы направили свои силы против карийцев; карийцам с помощью греков даже удалось однажды одержать победу над персами, но это ничего не решило, так как человеческие ресурсы персов были неисчислимы. Персы прекрасно понимали экономическое значение Геллеспонта для греков, и потому посылают Давриса захватить Геллеспонт. Вслед за Геллеспонтом персы покорили Клазомены и Киму; подсланный персидским царем из Суз Гистиэй захватывает Лесбос и пытается склонить

к отложению от союза Хиос и Фасос; он образует пиратское государство, с виду независимое, но фактически подготавливающее почву для персов.

Таким образом, положение союзников стало очень тяжелым. Понимая бесперспективность обложения греческих городов только с суши, персы направляют огромный флот из финикийских, греческих, египетских, киликийских и кипрских кораблей к Милету. Греки были вынуждены принять морское сражение. Несмотря на опасность положения, между представителями отдельных греческих государств начались внутренняя борьба и соперничество. В персидском лагере находился бывший самосский Тиран Эак, изгнанный с Самоса в начале восстания. Через своих агентов он ведет агитацию среди греческого флота, обещая от имени персидского царя тем, которые перейдут на сторону персов, полное помилование. Сам Геродот считал, что при создавшемся положении такой переход на сторону персов был бы наиболее правильным, а греков, не пожелавших слушать Эака, он обвиняет в «глупом упрямстве». Пропаганда Эака имела успех. Когда недалеко от Самоса при острове Ладе произошло сражение (494 г.), из шестидесяти самосских кораблей, составлявших лучшую часть ионийского флота, сорок девять ушло с поля сражения в самом начале боя, вследствие чего поражение стало неизбежным. Разбив греческий флот, персы осадили Милет со всех сторон, и он был взят. Значительная часть этого величайшего в то время города Греции была уничтожена; все оставшиеся в живых были уведены в плен или проданы в рабство.

Ужасная судьба Милета, жители которого были связаны с афинянами тесными личными и торговыми сношениями, не могла не вызвать скорби и ужаса в Афинах. Здесь к этому времени образовалась радикальная демократическая группа, возглавляемая Фемистоклом.

Будучи хорегом в 494 г.,⁹ он поставил трагедию Фриниха «Взятие Милета», первую греческую трагедию, посвященную событиям текущего момента. Вся публика рыдала, как один человек, видя на сцене судьбу милетян. Это было демонстрацией против господствующей персофильской партии и выпадом против Персии; поэтому на Фриниха был наложен штраф в 1000 драхм. Этим, однако, господствующая партия не могла спасти своего положения.

На следующий, 493 год персофильские группы лишились власти: архонтом был избран Фемистокл.

На Самосе группа, возглавляемая племянником Поликрата, Тираном Эаком, и большинством военачальников,

⁹ Хорегами назывались богатые граждане, которые обязаны были в виде государственной повинности нести издержки по представлению пьес тогда или иного автора и руководить этими представлениями.

стояла за подчинение персам: наоборот, как сообщает Геродот, «богатые самосцы сильно не одобряли образа действий своих военачальников относительно персов»: они сели на корабли и уплыли в Сицилию. В этом случае беднота, несомненно, стояла за подчинение Персии. Конечно, было бы нелепо видеть в персах защитников бедноты: они готовы были поддержать любую партию, которая ориентировалась на них и обращалась к ним за помощью (так, на Наксосе они пытались поддержать богатых). Но мы видели, что закрытие проливов сильнее ударило торговые круги, чем бедноту: поэтому не удивительно, что в ряде мест именно торговые круги были руководителями восстания.

Персы довершают покорение Ионии. Один за другим подчиняются ионийские города. Об этом покорении впоследствии ходили легендарные рассказы, сохраненные нам Геродотом: рассказывали, что персы становились поперек каждого острова от моря до моря, держа в руках огромный невод; затем с этим неводом они двигались вдоль острова, так что ни один человек не мог от них убежать.

Византий, который попытался стать независимым и взыскивать пошлину с проходящих кораблей в свою пользу, был окончательно покорен персами, а значительная часть его населения покинула город и переселилась в Месембрию на Черном море. Персы, таким образом, принимают серьезные меры к прочному овладению Геллеспонтом как ключом к хлебу; афинянин Мильтиад, бывший Тираном на Херсонесе, принужден был бежать в Афины. Здесь Алкмеониды возбудили против него процесс за то, что он на Херсонесе властвовал как Тиран над афинскими гражданами (после изгнания Писистратидов в Афинах был принят общий закон об изгнании Тиранов), но Мильтиаду удалось оправдаться.

Отношение различных общественных групп материковой Греции к персам мало чем отличалось от отношения к персам соответствующих общественных групп в малоазиатских греческих городах. Земледельческие по преимуществу общины — Фессалия, Беотия, Локрида, Аргос и другие, возглавляемые землевладельческой аристократией, стояли за подчинение персам. Другие государства стояли за борьбу с персами, но и здесь, как сообщает Геродот, «широкие массы населения не желали вести войну и сильно сочувствовали персам».

Иная группировка сил была, однако, в Афинах, в Спарте и в тяготевавших к Спарте государствах Пелопоннесского союза. Почему широкие демократические массы афинских торговцев и ремесленников, руководимые Фемистоклом, стояли за борьбу с Персией вплоть до овладения проливами, мы говорили уже выше. Не нуждается в особом объяснении и то обстоятельство, что на Персию ориентировались, подобно другим Тиранам, Писистратиды, а также Алкмеониды, торговые связи которых

вели через малоазиатские города в Персию и вообще в Переднюю Азию, а никак не в Понт, открытый для афинской торговли Писистратом. Труднее понять поведение патриотической группы афинских аристократов-землевладельцев и зажиточных крестьян, руководимых Мильтиадом: в то время как крупные землевладельцы в перечисленных выше государствах материка (и, несомненно, в Малой Азии) стояли за подчинение персам, они вместе с спартиатами стояли за борьбу с Персией. Эта позиция землевладельцев никак не может объясняться тем, что они были заинтересованы в новых рынках или проливах: эти группы были только за сухопутную, следовательно оборонительную, войну и противодействовали ведению войны на море, которая одна только могла вести к овладению проливами. Однако нет ничего ошибочнее, чем сводить всякое общественное движение непосредственно к экономике. В Афинах ждали нашествия персидских полчищ, чуждых афинянам по языку и культуре; от них ожидали всяких ужасов. Война ощущалась афинянами как справедливая война — не удивительно, что группа, бывшая в это время носительницей афинской культуры, возглавила патриотический подъем, объединивший представителей всех групп. Кроме того, можно указать еще на следующее:

1. Спартиаты не могли допустить появления в Пелопоннесе внешней силы, тем более если она была дружественной с заклятым врагом Спарты Аргосом. Появление в Пелопоннесе сильной иностранной армии (как показали позднейшие события) вызвало бы попытку сближения с ней со стороны периеков и илотов и восстание последних. Таким образом, антиперсидскую ориентацию спартиатов можно понять. Ведущие круги афинской аристократии всецело опирались на союз со Спартой — Эллинский союз был только расширенным Пелопоннесским союзом. Не удивительно, что и эти афинские аристократы стояли за борьбу с Персией.

2. Агентами персов в Афинах были заклятые враги всех этих аристократов — Писистратиды и Алкмеониды. Если бы Афины подпали под власть персов, то персы, как свидетельствует Геродот, передали бы власть этим группам, а аристократы, руководимые Мильтиадом, лишились бы всякого влияния. Наоборот, возглавив антиперсидское движение, они приобретали руководящую роль и, с другой стороны, могли успешнее противодействовать попыткам усиления флота, означавшим также и усиление демократии.

Однако за Мильтиадом шли далеко не все аристократы-землевладельцы. Плутарх, описывая персофильский заговор (479 г.),¹⁰ характеризует его участников так: «Люди из знатных домов и имевшие большие средства, но ставшие бедняками

¹⁰ Во время битвы при Платеях (см. ниже, с. 268).

вследствие войны и потерявшие вместе с деньгами всякое влияние и популярность в государстве». Эвакуация из Афин во время нашествия персов в Аттику, как мы увидим, была произведена очень удачно, и все афиняне, обладавшие движимым имуществом (в деньгах, драгоценностях и т. д.), имели полную возможность беспрепятственно вывезти его. Бедняками из богачей стали во время нашествия персов только землевладельцы, все имущество которых было в виноградниках, садах и усадьбах. Таким образом, и часть аристократов-землевладельцев в Афинах была настроена против борьбы с персами; как следует из Плутарха, эта группа была сравнительно многочисленной, хотя, вероятно, менее многочисленной, чем группа, руководимая Мильтиадом и ориентированная на войну с Персией.

Итак, и землевладельцы, и крестьяне, руководимые Мильтиадом, и широкие массы торговцев и ремесленников с Фемистоклом во главе объединяются для организации отпора Персии. Для каждого было ясно, что персы пойдут на Афины: в 509 г. Афины признали верховную власть Персии, а затем отпали и приняли участие в восстании.

Персы, действительно, тщательно готовили поход на Афины. Для этого им прежде всего нужно было обеспечить тыл, устранив основные причины недовольства ионян. Одним из величайших бедствий для греков были постоянные войны между греческими государствами, делавшие невозможным правильный торговый обмен. Сатрап Сард Артаферн приглашает к себе представителей всех подвластных персам греческих городов и заставляет их заключить между собой договоры, по которым все конфликты между греческими государствами и их гражданами должны разрешаться третейским судом, и греки обязуются не идти войной друг на друга. Затем Артаферн, точно определив территорию каждого греческого государства, обложил их соответственно податью. Подать эта оказалась настолько справедливой и умеренной, что и впоследствии ее в тех же размерах взимали афиняне, когда образовался Афинский морской союз. Это было осенью 493 г., а весной 492 г. Мардоний лишил власти Тиранов во всех греческих городах и ввел демократическое устройство. Этими мерами персы обеспечили себе расположение влиятельных групп ионян.

Летом 492 г. Мардоний с морским и сухопутным войском перешел через Геллеспонт и двинулся во Фракию. Чтобы напугать греков, он распустил слух, будто идет в Грецию. В действительности, основной целью похода было обеспечить за Персией богатое фракийское побережье и создать себе здесь опорные пункты для будущего похода в Грецию. Персидский флот, дойдя до Афонского мыса на Халкидике, потерпел большой урон от бури, так как берег здесь очень скалистый. В то же время и сухопутная армия понесла некоторые потери при

столкновении с фракийским племенем бригов. Однако эти неудачи не были настолько серьезными, чтобы быть причиной возвращения Мардония: как мы видим из Геродота, идти на Грецию он и не собирался; очевидно, достигнув Пангейских серебряных рудников и тех мест, которые снабжали Грецию лесом, и захватив их, он считал свою миссию выполненной.

На захваченном персами фракийском побережье находились золотые прииски, принадлежавшие острову Фасосу. Потеря этих приисков, естественно, вызвала недовольство и брожение на Фасосе. Дарий посылает вестника в Фасос и заставляет фасосцев скрыть городские стены и передать весь свой флот Абдерам, главному сопернику Фасоса и верному союзнику персов.

Затем Дарий посылает послов в Грецию с требованием «земли и воды». Целый ряд греческих государств (например, Фивы, Аргос, Эгина) признали верховное главенство Персии, но в Афинах и Спарте военные настроения были настолько сильны, что персидские послы были брошены в пропасть.

2. ПОХОД ДАРИЯ НА ГРЕЦИЮ

В Афинах обе партии — и землевладельческая, возглавляемая Мильтиадом, и демократическая торгово-промышленная, возглавляемая Фемистоклом, — были против подчинения и за борьбу с Персией. Но эту борьбу они себе представляли по-разному. Аграрии хотели довольствоваться сухопутной обороной Аттики в тесном союзе со Спартой. Фемистокл и его группа прекрасно понимали, что если бы даже удалось разбить персов в Аттике, то положение Афин от этого немногим бы улучшилось, так как Геллеспонт был в руках персов, и подвоз хлеба в Афины был отрезан. Господство на море для захвата проливов было, таким образом, для афинской бедноты вопросом жизни и смерти. Поэтому Фемистокл, став архонтом в 493 г., развивает широкую деятельность: он строит новую гавань в Фалере, приспособленную для глубокосидящих судов, и добивается постройки военных судов нового типа — триэр.

Мы уже видели, что в древности усиление значения той или иной части населения в армии ведет и к усилению ее в политической жизни. Переход от гомеровской боевой тактики к тяжелому гоплитскому строю привел к предоставлению политических прав зажиточному крестьянству. Так и теперь перенесение решающей роли в войне на флот означало увеличение политического значения бедноты, поскольку матросам и кормчим не надо было иметь тяжелого вооружения, и они вербовались из широких слоев населения.

Тем не менее на морскую программу Фемистокла пришлось пойти и его противникам, так как нельзя было мириться с таким положением, когда Эгина, постоянный соперник Афин, за-

квяущая им выход в открытое море, имела лучший и более современный флот, чем Афины; в это время, с падением Милета и Самоса, Эгина стала сильнейшим морским государством Греции.

Прекрасным предлогом для борьбы с Эгиной явилось то, что она дала «землю и воду» персам. По наущению Афин Спарта, как общепризнанный вождь Эллады, в лице царя Клеомена из династии Агиадов требует от эгинцев, чтобы они дали заложников афинянам в обеспечение того, что Эгина не станет на сторону персов в случае нашествия последних. Правда, второй спартанский царь Еврипонтид Дамарат, следуя традиционной политике своего дома, не пожелал содействовать ослаблению аристократической Эгины и усилению демократических Афин; однако он был, по принятому в Спарте трафарту, удален с престола как незаконнорожденный и бежал к персам, после чего эгинцы были вынуждены дать афинянам заложников.

В 490 г. большой флот, перевозивший персидское войско, двинулся из Малой Азии под начальством Датиса и Артаферна, племянника Дария. Флот поплыл прямым путем вдоль островов. Прежде всего персы высадились на Наксосе, на единственном острове, оставшемся еще не покоренным Персией. Однако большая часть населения бежала в горы; персам пришлось удовольствоваться сожжением города и порабощением случайно оставшихся жителей. Затем персы пристали к Делосу, главному центру ионян, совершили здесь жертвоприношение и, продемонстрировав перед греками свое благоговение перед греческими богами и уважение к жителям священного острова, поплыли к Евбее. Афинские колонисты из Халкиды бежали в Аттику; Эретрия была сожжена, а жители ее обращены в рабство. Затем персидский флот переправился в Аттику, и персы высадились близ Марафона в месте, наиболее удобном для маневрирования персидской конницы. Персы привезли с собой Гиппия, который, по тайному соглашению с оставшимися в городе Писистратидами и Алкмеонидами, должен был стать правителем в Афинах. К афинянам пришли на помощь только ближайшие соседи и друзья — платейцы. Был послан гонец и в Спарту с просьбой о помощи. Но спартанцы, следуя своему постоянному обычаю, сослались на религиозный предрассудок, мешавший им якобы выступить до наступления полнолуния, и поэтому пришли в Марафон, когда здесь все уже было кончено.

Афинское войско двинулось в Марафон. Ужас перед нашествием варваров был так велик, что афиняне включили в состав армии даже рабов, которым для этого была дарована свобода, а в случае победы, по-видимому, были обещаны гражданские права: это видно из того, что после победы павшие воины-рабы были похоронены на государственный счет

вместе с платейскими союзниками. Афиняне не могли выступить против персов на открытой равнине, где те расположились, так как у персов была прекрасная конница. Поэтому они сосредоточили свои силы в узкой теснине, недоступной для конницы, и ждали наступления врага. Но и персы не собирались наступать. В городе в это время шла партийная борьба, и персы ждали, пока их сторонники, Писистратиды и Алкмеониды, подготовят в городе переворот и подадут им условный знак шитом, чтобы они выступили из Марафона в Афины.

Во главе афинского войска стоял архонт-полемарх Каллимах, но практическое руководство осуществлялось одним из десяти стратегов, чередовавшихся ежедневно. Однако фактическим руководителем операций у афинян был искусный в военном деле Мильтиад. Благодаря тайным сношениям с ионянами, сражавшимися на стороне персов, Мильтиаду было известно, что персы собираются сесть на суда, чтобы захватить Афины. Так как для афинян страшнее всего была персидская конница, то он сговорился с ионянами, что они подадут сигнал: «Нет всадников», как только вражеская конница будет посажена на суда и на суше останется одна пехота. И в самом афинском войске начиналось уже брожение, — когда, наконец, этот сигнал был дан. Тогда афиняне бросились бегом на врага. По причине малочисленности афинян персам вначале удалось прорвать центр, но затем афиняне ударили на персов с обоих флангов и нанесли им существенный урон, прежде чем те успели сесть на корабли для отплытия в Афины. Афинянам удалось даже, подбежав к морскому берегу, завладеть семью неприятельскими кораблями. Но в общем эта стычка имела преимущественно моральное значение. Она разрушила создавшееся после ионийского восстания представление о непобедимости персов. Военное же значение ее было незначительно; персы сохранили и живые силы, и флот, и боевой дух и спокойно двинулись вокруг мыса Суния к Афинам.

Но афинянам был прекрасно известен замысел персов: они пустились бегом по суше по прямой дороге и прибыли в Афины раньше, чем сторонники персов могли осуществить предательство. Когда персы подошли к Фалеру, город уже был в надежных руках, и им не оставалось ничего иного, как, постояв немного в виду города, уйти обратно в Азию.

Таким образом, на этот раз Афины избавились от опасности. Но всякому здравомыслящему афинянину было понятно, что это столкновение ничего не решило и что следует ожидать нового, более страшного нашествия.

Сам Дарий, во всяком случае, не считал себя побежденным при Марафоне. В надписи, начертанной сыном Дария Ксерксом после вступления на престол, перечислены племена, которые подчинены его власти; и здесь, наряду с «ионянами» и «ионянами с островов» названы еще «ионяне, живущие по ту

сторону моря», т. е. материковые греки в первую очередь. Ксеркс продолжал считать их своими подданными и после Марафонской битвы.¹¹ Разумеется, не заслуживает доверия рассказ Геродота, будто с момента Марафонской битвы персы только и думали о том, как бы отомстить афинянам: весь марафонский поход, несомненно, представлялся персам только одной из многочисленных экспедиций против взбунтовавшихся подданных. У персов было в эти годы достаточно хлопот кроме греков: в 486 г. восстал Египет; в том же году умер Дарий и на престол вступил Ксеркс. Смена царей всегда сопровождалась на Востоке смутами; в частности, о наличии второго претендента на персидский престол и о восстаниях, происшедших в Персии после вступления на престол Ксеркса, нам рассказывают Геродот и надпись Ксеркса, найденная недавно в Персеполе. По усмирении Египта Ксерксу пришлось еще усмирять восстание вавилонян. Только после этого Ксеркс мог взяться за Грецию.

3. ПОХОД КСЕРКСА И БИТВЫ ПРИ САЛАМИНЕ И ГИМЕРЕ

Известия о приготовлениях Ксеркса вызвали в Греции естественное беспокойство и ужас. Казалось бы перспектива вражеского нашествия и необходимость признать верховным властителем персидского царя, чуждого греческому укладу и греческой культуре, должна была вызвать у всех греков, без различия группировок, готовность забыть прежние распри и отстаивать свое отечество до последней капли крови. Предъявленное Дарием к Афинам требование принять правителем Гиппия показывало, что персы при случае не задумаются вмешаться и во внутренние дела греческих государств, если они найдут это для себя полезным и необходимым. Тем не менее в Греции царил полнейший разброд: целый ряд греческих государств с самого начала ориентировались на Персию, как, например, Фивы и Аргос; в других была сильная персофильская партия, как, например, в Афинах. Решение вопроса, на чью сторону стать, иногда принималось на основании мелочных интересов текущей минуты — оно определялось желанием сделать неприятность соседнему государству, стать сильнее его и т. д.

Судьбу Греции решило поведение двух сильнейших государств, Афин и Спарты. Мы уже видели, что для Афин непосредственное овладение путем в Черное море было вопросом жизни и смерти: здесь удалось подавить персофильские настроения. Спарта охотно не вязывалась бы вовсе в войну

с Персией, поскольку принципом ее политики было не выселять спартиатов из Пелопоннеса. Но, с другой стороны, Спарта не могла не понимать, что персы стремятся покорить всю Грецию и что если они разобьют все прочие греческие государства, то покорение Спарты для них уже не составит труда. А в случае появления персов в Лаконии немедленно же восстанут илоты, и весь «Ликургов» строй пойдет прахом. Коалиция с Афинами была необходимостью для Спарты, но в то же время ей надо было лавировать так, чтобы как можно меньшее число спартиатов было вне Пелопоннеса. Нашествия персов с суши можно было избежать, перегородив Истм высокой стеной, но это имело смысл только в том случае, если персы не смогут проникнуть в Пелопоннес морем. Спартиаты не имели своего флота; лучшим флотом в Греции был афинский. Поэтому союз с Афинами был необходимостью, несмотря на всю антипатию к Афинам правящего класса в Спарте.

Дельфийский храм был общенациональным святилищем, местом, куда стекались эллины из самых различных, даже воюющих между собой государств. Естественно было ожидать, что Пифия¹² возглавит национальное движение. Но Пифия оказалась всецело в руках персофильских элементов. Она всегда поддерживала восточных властителей; так, именно здесь была создана легенда, идеализирующая Креза, и, как замечал Дарий в письме к сатрапу Гадату, персидские цари «всегда были расположены к Аполлону, так как он изрек персам всю истину». И теперь, как и во время ионийского восстания, Пифия отговаривала отдельные греческие племена присоединиться к борющимся грекам (например, критянам), а афинянам предвещала всякие ужасы, говоря, что ничего не уцелеет от Афин, что все исчезнет, и предлагая им сделать то, что уже сделали многие жители ионийских городов и о чем постоянно говорили и в Афинах, — «покинуть свои жилища и спастись на окраины земли», т. е. в Италию. Афиняне продолжали умолять Пифию дать более благоприятное для них предсказание, но она оставалась непреклонной, говоря, что Паллада не может умиловать Зевса, что Афины будут разрушены и что «единственное спасение для афинян — это деревянные стены». Под деревянными стенами Пифия, несомненно, разумела те же корабли, которые должны были отвезти афинян на запад; впоследствии для реабилитации Пифии в это предсказание было задним числом вставлено упоминание о Саламине.

Вскоре после Марафонской битвы Мильтиад, будучи смелым и предприимчивым человеком, задумал совершить на собственный риск и страх поход на Парос. Это был, по существу, обыкновенный пиратский поход с целью обогащения. Мильтиад даже не нашел нужным сообщить афинянам о цели своего пу-

¹¹ На персидских рисунках, изображающих бой грека с персом, победителем неизменно изображается перс.

¹² Так называлась пророчица Аполлона, провозглашавшая оракулы бога.

тешества, а попросил у них, как бы взаимобразно, десять кораблей и денег, а также право вербовать войска с тем, что затраченные суммы будут возвращены им с барышом по окончании предприятия. Авторитет Мильтиада был так велик, что ему дали эту сумму, не требуя никаких гарантий. Мильтиад двинулся против Пароса под тем предлогом, что Парос был на стороне персов, и потребовал уплаты ста талантов штрафа. Паросцы отказались уплатить этот штраф, а взять Парос Мильтиаду не удалось. Более того, при осаде он получил рану в колено, которая не заживала и причиняла ему нестерпимую боль. По возвращении Мильтиада отец Перикла, Ксантипп, зять Алкмеонидов, возбудил против него процесс, требуя его смертной казни за то, что он обманул афинян. Между тем в ноге у Мильтиада образовалась гангрена, и он был принесен на суд в постели. Ввиду выдающихся заслуг Мильтиада перед афинским народом он не был казнен, а приговорен к огромному штрафу в 50 талантов. Вскоре Мильтиад умер, а штраф уплатил его сын Кимон.

Алкмеонидам не удалось добиться казни Мильтиада; в момент, когда угрожала новая опасность варварского нашествия, их выступления против вождей народной обороны вредили национальному делу, будучи по существу персофильскими происками. Поэтому народ, руководимый Фемистоклом, начинает планомерно изгонять вождей Алкмеонидов и Писистратидов. В 487 г. изгоняется Писистратид Гиппарх, в 486 г. Алкмеонид Мегакл, в 485 г. — уже упомянутый Ксантипп.

В 483 г., после подавления Ксерксом ряда восстаний в самой Персии и восстания в Вавилоне, всем стало ясно, что новое нашествие персов приближается. Афинянам необходимо было в первую очередь позаботиться об усилении флота. К этому представлялся удобный случай. На юге Паралии находились Лаврийские серебряные рудники, разрабатывающиеся с очень давних времен. В 483 г. была обнаружена особенно богатая жила, и государство получило большое количество серебра. По существовавшему в Афинах обычаю это серебро должно было быть распределено между всеми гражданами, но Фемистокл внес в народное собрание предложение, чтобы серебро это не распределялось, а пошло на постройку флота. Ввиду угрожающей опасности предложение это было принято. Благодаря энергии Фемистокла в течение двух лет было выстроено 180 триэр — такого числа кораблей до тех пор не имело ни одно государство.

В 481 г. целый ряд греческих государств как материка, так и островов образовали Эллинский союз для борьбы с персами. Этот союз постановил, что все те греки, которые добровольно станут на сторону персов, подвергнутся после войны суровому наказанию: все их имущество должно быть конфисковано, причем десятая часть его должна поступить в храм Аполлона

Дельфийского; всякие войны между членами союза на ближайшее время были запрещены. До сих пор единственным большим союзом государств был Пелопоннесский союз; вновь основанный Эллинский союз мыслился только как расширение Пелопоннесского союза путем включения в него государств, лежащих за пределами этого союза. Поэтому считалось само собой подразумевающимся, что руководство как на суше, так и на море должно было принадлежать Спарте.

Ксеркс начал с того, что в 480 г. послал в Грецию послов с требованием «земли и воды». Ряд греческих городов выполнил это требование. После этого выступил в поход и сам Ксеркс. Приготовления к походу были чрезвычайно тщательными, все было обдумано заранее. С карфагенянами был заключен договор; для того, чтобы сицилийские греки не могли прийти на помощь метрополии, было условлено, что в то время, как Ксеркс нападет на материковую Грецию, карфагеняне нападут на Сицилию. Заблаговременно на всем пути вдоль побережья Фракии были устроены склады продовольствия; во всех районах необъятного царства были набраны войска; через Геллеспонт было перекинута два понтонных моста.¹³ Поход Ксеркса, как и поход Мардония в 492 г., был комбинированным: часть войска шла по суше, часть по морю.

Так как корабли Мардония в 492 г. потерпели крушение у мыса Афона, то Ксеркс, заблаговременно собрав большие массы народа, заставил прокопать узкий перешеек, отделявший Афон от материка; по этому каналу корабли могли пройти в полной безопасности.

Сухопутная армия Ксеркса, по Геродоту, состояла чуть ли не из 1 700 000 человек; однако, как уже давно было указано исследователями, это явное преувеличение; вряд ли в этой армии, включая очень сильную конницу, было многим более двухсот тысяч воинов. Армия шла вдоль берега Фракии. Рядом шел флот, состоявший, по Эхилу, из 1207 кораблей. Однако из этих кораблей только 207 были быстроходными, а значительная часть представляла собой транспортные суда. Из этих судов около трехсот были выставлены греками, жителями Малой Азии и островов.

Итак, Ксеркс по всем расчетам мог, по-видимому, быть уверен в полной победе. В Греции, наоборот, царило глубокое

¹³ Геродот сообщает, что первоначально построенный мост был разбит бурей и что рассерженный Ксеркс приказал бросить в море цепи в знак того, что море становится его пленником. Однако такое кощунство было совершенно не в духе персидских царей; по остроумному предположению французского ученого Соломона Рейнака, бросание цепей в море должно было символизировать обряд венчания Ксеркса с морем (как раз такой же обряд впоследствии справлялся венецианскими дожами); такой же смысл имело, по-видимому, и бросание в море кольца самосским Тираном Поликратом.

уныние. Значительнейшие из греческих государств (если не считать Спарты и Афин)—Фессалия, Беотия, Аргос — признали верховное господство персов; Керкира с ее большим флотом держалась выжидательной политики и готова была присоединиться к тому, кто возьмет верх; сицилийские греки не могли прийти на помощь, так как им угрожали карфагеняне, и, наконец, даже в тех государствах, которые решили вести войну, существовало сильное персофильское течение. Простой народ в большинстве этих городов был против войны с персами: «отказавшие персам в земле и воде были в большом страхе, потому что в Элладе не было достаточно большого числа кораблей для того, чтобы выдержать нападение врага, ибо широкие массы населения не желали вести войну и сильно сочувствовали персам» (Геродот). Исключение составляли, вероятно, лишь приморские города, жившие ввозным хлебом, — здесь народные массы были кровно заинтересованы в победе над персами.

Навстречу персам весной 480 г. вышло союзное греческое войско. Оно двинулось в Фессалию. Фессалийцы не решились оказать ему сопротивление и обещали оказать грекам поддержку, если тем удастся помешать персам вторгнуться в Фессалию. Союзное войско заняло первоначально Темпейский проход, ведущий из Македонии в Фессалию; однако вскоре обнаружилось, что эти позиции грекам не удастся защитить, и пришлось отступить к Фермопильскому проходу, отделявшему Фессалию от южной Греции. Тем самым вся Фессалия с ее плодороднейшими пашнями и пастбищами была отдана во власть персов, а фессалийская конница — лучшая конница во всей Греции — усилила персидскую армию.

Фермопильский проход был проходом, наиболее удобным для обороны во всей северной Греции. Высокие горы здесь круто опускаются почти к самому берегу моря, оставляя лишь узкую дорожку для передвижения. Если занять высоты, то можно сделать невозможным проход армии, как бы многочисленна она ни была. Поэтому здесь численность греческих войск не имела большого значения: проход был занят греческой армией только в семь тысяч человек, из которых четыре тысячи — жители средней Греции. Лучшим отрядом в этом войске был отряд из трехсот спартиатов, руководимый царем Леонидом, бывшим в то же время начальником всего войска. Неподалеку от этой сухопутной армии у северной части острова Евбеи, у так называемого мыса Артемисия, расположился и греческий флот; этот флот должен был действовать координированно с сухопутной армией: Спарта не могла не понимать, что единственный шанс на победу давало наличие у греков сильного флота; надежд на победу на суше было чрезвычайно мало. Соответственно этому был построен и весь план борьбы. Начальником всего флота был спартанец Еврибиад, но боль-

шую роль играл и командующий афинской эскадрой Фемистокл, так как из 271 триэры, находившейся здесь, 127 были афинские. Персидский флот, прибывший сюда же и расположившийся к северу от афинян в Пагасейском заливе, был значительно многочисленнее несмотря на то, что уже на пути сюда он сильно пострадал от бури. На случай неудачи 53 афинских корабля были оставлены в Еврипе; они должны были в случае нужды прикрывать отступление флота. Персы, желая лишить греков возможности отступления, послали 200 кораблей для обхода вокруг Евбеи, чтобы напасть на греков с тыла. Однако этот отряд был разбит бурей. Эллины ввиду своей малочисленности не решались нападать на персов, но при попытке напасть на греков персам пришлось отступить назад с большим уроном. Таким образом, битва, продолжавшаяся три дня, не дала никакого результата, хотя греки и считали себя победителями; во всяком случае о том, чтобы подойти с моря к Фермопилам и оказать помощь сухопутному войску, не могло быть и речи. Точно так же и позиция у Фермопил не дала возможности задержать персидское войско; кроме Фермопильского прохода, через горы вели тропинки.¹⁴ Через несколько дней после безуспешных попыток прорваться через Фермопильский проход персам удалось обойти расположение греков по горным тропинкам и зайти им в тыл. Дальнейшее сопротивление было бесполезно. Однако по спартанскому закону воин не мог ни при каких обстоятельствах оставить место, на котором он стоит, и отступить. Спартанцы, нарушившие этот закон, носили презрительную кличку «задрожавших» (*tresantes*); они были предметом всеобщих насмешек и лишились политических прав. Поэтому царь Леонид отпустил всех своих союзников (только феспийцы добровольно остались с ним) и решил бороться с персами до последнего издыхания. Лишь ценой огромных потерь персам удалось, наконец, перебить спартанцев до последнего человека и проложить себе дорогу через Фермопильский проход. Моральное впечатление, произведенное этим подвигом, было громадным. Впоследствии Симонид начертал на могиле погибших при Фермопилах следующие слова:

О чужестранец, поведай спартанцам о нашей кончине:
Верны законам своим, здесь мы костями полегли.

После того как персы прошли через Фермопилы, дальнейшее пребывание греческого флота у Артемисия стало лишеным смысла и даже вредным. Флот поспешно двинулся через Евбейский пролив к Аттике. Теперь вся средняя Греция вплоть до Коринфского перешейка оказалась открытой для нападения

¹⁴ Греки обвиняли некоего Эфиальта в том, что он показал персам одну из этих тропинок. Но можно быть уверенным, что, потратив несколько дней, персы неизбежно должны были либо найти проводника среди местных жителей, либо сами напасть на такую дорожку.

персов. По-видимому, Дельфийский храм открыто выразил свои персофильские тенденции; этим, может быть, и объясняется то, что огромные сокровища его не были разграблены персами.¹⁵

Афины в это время еще не были соединены стенами с гаванью. Не существовало такой силы, которая могла бы помешать персам подойти к Афинам и обложить их со всех сторон, а в этом случае афиняне были бы обречены на голодную смерть. Поэтому афинянам ничего не оставалось, как покинуть свой город: все мужчины, способные к сопротивлению, должны были отправиться во флот и в армию, а женщины, дети, старики и рабы — частью на Саламин, частью на Эгину, частью в Трезену на Сароническом заливе, бывшую с незапамятных времен в дружбе с Афинами. Можно себе представить, какое горе причинила аттическим крестьянам необходимость бросить на разорение персам дома, поля и возвращенные с таким трудом виноградники! Однако это выселение происходило без паники, в образцовом порядке. Ареопаг взял на себя руководство им, выдавая каждому 8 драхм на пропитание, и следил за посадкой на суда. И здесь, по-видимому, руководящую роль играл Фемистокл, бывший в это время одним из членов ареопага. Мы уже говорили, что Дельфийский оракул советовал афинянам спастись за «деревянными стенами»; выше мы указали, какой смысл имело это изречение. Фемистокл истолковал его в том смысле, что греки должны сразиться с персами на кораблях; группа афинских старцев поняла это изречение в прямом смысле и решила не уходить из города, а искать спасения за деревянными стенами Акрополя. Пришедшая вскоре армия персов опустошила Аттику, разрушила и сожгла Афины, перебив фанатических защитников Акрополя.

Персидский флот бросил якорь у афинской гавани Фалера, тогда как греки расположились со своими кораблями у острова Саламина. Общее число триэр у греков было 378, из них 180 афинских. Жители Наксоса, подобно прочим островитянам, послали свои четыре корабля в персидское войско, но корабли эти направились не к персам, а к грекам. Прибыло также судно из Италии, из Кротона. Руководителю афинского флота Фемистоклу было совершенно ясно, что если греческий флот отступит дальше и персы прорвутся в Пелопоннес, то греки неизбежно рассеются, и персы одолеют их поодиночке, тем более, что крупнейшее после Спарты государство Пелопоннеса, Аргос, было на стороне персов. Это должны были понимать и спартанцы; они спешно сооружали в это время стену через Истм, чтобы не пропустить в Пелопоннес сухопутную армию. Если бы персидскому флоту удалось проникнуть в Пелопоннес,

¹⁵ Рассказы о попытке персов напасть на Дельфы и о вмешательстве божества, наведшего ужас на персов, несомненно позднейшая выдумка с апологетической целью.

то все это сооружение потеряло бы смысл. Поэтому грекам было чрезвычайно важно заставить персов сразиться с ними, не доходя до Пелопоннеса.¹⁶

К счастью для них, и Ксеркс, рассчитывая на свое численное превосходство и уверенный в победе, решил заставить греков дать сражение в узком Саламинском проливе. Он заранее перегородил путь как со стороны Аттики, так и со стороны Мегары и высадил десант на острове Пситталии в тылу греческого флота.

Нападение врага на Аттику вызвало взрыв патриотического чувства у самых различных групп населения. Теперь, когда Афины были сожжены, а Аттика разграблена, уже не могло быть разговора о тех выгодах, которые представляло бы мирное соглашение с персами. И аристократы, и крестьяне, и торговцы, и ремесленники — все объединены теперь одним желанием: выбросить врага из родной земли. При таких условиях дальнейшее пребывание на чужбине изгнанников, устранных в разгаре политической борьбы, теряло всякий смысл. Принимается постановление о возвращении на родину изгнанников. Аристид, изгнанный в 482 г. за противодействие морской политике Фемистокла¹⁷ и находившийся в это время на Эгине, тайком пробирается мимо персидских судов на родину; при этом он сообщил, что персидские суда отрезали грекам все пути к бегству.

На следующее утро (28 сентября 480 г.) греки первые двинулись в бой против персов. В узком и мелком проливе, не зная фарватера, корабли персидского флота не могли использовать ни своей численности, ни своего превосходства в мореходном искусстве. Под натиском греческих судов они садились на мель, врезались друг в друга, и только часть из них могла принять участие в сражении. Аристиду удалось высадиться с отрядом на остров Пситталию и перебить находившийся здесь отряд персов. Битва эта кончилась полным их поражением.¹⁸

¹⁶ Геродот (и уже до него Эсхил, один из участников Саламинского боя) сообщает, что Фемистокл тайно послал своего раба к персидскому царю. Этот раб от имени Фемистокла (притворившегося настроенным сочувственно к персам) передал Ксерксу, будто в греческом войске царят полное уныние и разброд и что греки будто бы собираются бежать в различные стороны; поэтому, если Ксеркс сейчас нападет, то победа ему обеспечена. Ряд крупнейших историков — например, Эд. Мейер и Вилькен — считают этот рассказ историческим фактом. Нам, однако, кажется, что свидетельство современника для таких переговоров, которые, разумеется, совершались тайно и без свидетелей, не может служить гарантией достоверности, не говоря уже о том, что этот рассказ мог быть после битвы сочинен сторонниками Фемистокла для его прославления.

¹⁷ См. ниже. Ч. II, гл. VI.

¹⁸ Эта битва очень ярко описана в трагедии Эсхила «Персы»:

И застонал, увидя дно страданий, Ксеркс.
На крутояре, над заливом, трон царя
Стоял. Оттуда он глядел на войско все.

Тем не менее у Ксеркса осталось нетронутым огромное сухопутное войско; кроме того, у него осталось еще значительное число кораблей. Уже после Саламинского сражения он пытался соорудить понтонный мост с материка на Саламин, чтобы вынудить афинян к сухопутной битве. С другой стороны, когда греки обсуждали предложение Фемистокла двинуться вслед за персами, уничтожить мосты через Геллеспонт и лишить таким образом персов возможности вернуться на родину, это предложение было отклонено: очевидно, и морские силы персов были еще так велики, что оно казалось рискованным. Итак, Ксеркс беспрепятственно удалился, оставив в Греции большое сухопутное войско под начальством Мардония, которое должно было перезимовать и с наступлением благоприятного времени снова открыть военные действия.

Если, таким образом, персы не были еще окончательно разбиты и положение эллинов было в достаточной мере серьезно, то, тем не менее, значение саламинской победы было громадно, и именно она, по-видимому, решила судьбу Греции. Она показала, что достаточно объединения хотя бы части греческих государств, чтобы дать победоносный отпор огромной армии, составленной из всех народов Востока, и преисполнила греков уверенностью, что «демократия» во всех отношениях лучше деспотизма. Правда, демократия понималась не в том смысле, как понимали это слово греки в конце V в., т. е. не как власть, наилучшим способом обеспечивающая интересы широких немущих масс свободного гражданского населения. Под демократией в эту эпоху разумели всякую власть, лишь бы она была основана на господстве закона, с выборными должностными лицами и коллегиями и регулярно созываемым народным собранием, хотя бы она действовала в ущерб интересам бедноты. Обладание политическими правами только при наличии тяжелого вооружения, имущественные классы, ведущая роль аристократии во всех областях государственной жизни — все это с точки зрения того времени не противоречило понятию демократии: так, например, даже Спарта считалась образцом демократического государства; Солон даже противопоставлял демос (demos) бедноте (penichroi).

После победы при Саламине первой задачей Эллинского союза было обеспечить себе господство, по крайней мере, в той части Эгейского моря, которая прилегает к Греции. Крупнейшие острова из числа Киклад (например, Андрос, Парос и

Порвав одежды, Ксеркс вопил пронзительно,
Отдав приказ поспешный войску пешему,
И в гиблом бегстве потерялся.

Этот рассказ Эсхила о бегстве Ксеркса представляет собой, конечно, патристическое преувеличение. Таким же преувеличением является и сообщение Геродота, будто Ксеркс так быстро бежал назад, что до самой Абдеры ни разу не снял пояса.

Наксос) и город Карист на Евбее либо выставили свои контингента в персидский флот, либо держались дружественного по отношению к персам нейтралитета. Было насущной военной необходимостью покорить эти города, обложить их контрибуцией на дальнейшее продолжение войны и поставить во главе каждого из этих городов дружественные Афинам и Спарте группы, чтобы не надо было опасаться их отложения в дальнейшем ходе войны. Эти города и составили первое ядро будущего Афинского морского союза. О политике Фемистокла и Аристиды по отношению к этим городам мы скажем подробнее ниже.

Совместная победа над персами содействовала сближению между Спартой и Афинами, тем более, что во главе Спарты стоял в это время регент Павсаний, принадлежавший к дому Агиадов, всегда дружественно относившемуся к Афинам и стремившемуся к демократическим реформам в самой Спарте. Приезд Фемистокла в Спарту непосредственно после Саламинского боя был настоящим триумфом; спартанцы, скупые на почести и враждебные к иностранцам, не только дали ему оливковый венок, но и наградили его лучшей в Спарте колесницей; до границы провожал его отборный отряд из трехсот спартиатов. Это был, как говорил Геродот, «единственный человек, которого так провожали спартанцы». Вряд ли Фемистокл приезжал в Спарту только за этими почестями: несомненно, в переговорах между ним и группой Павсания были намечены принципы совместных дальнейших действий. Но проводимая Павсанием политика потерпела вскоре неудачу в Спарте, и эти планы не могли быть осуществлены.

Подобно тому как в материковой Греции сами же греки, борясь между собой, призвали на помощь персов (например, Клисфен в Афинах), так и в Сицилии вмешательство карфагенян в греческие дела произошло по просьбе самих же греков. Ко времени Саламинской битвы наиболее сильными государствами Сицилии были Сиракузы, где правил Тиран Гелон, и Акрагант, где правил его тесть, Тиран Ферон. Ферон пытался покорить Гимеру, на северном берегу Сицилии. Ферону, наконец, удалось изгнать Тирана Терила из Гимеры; будучи изгнанным, тот обратился за помощью к карфагенянам, бывшим в тайном союзе с Ксерксом. Сильное карфагенское войско под начальством Гамилькара, сына Магона, пришло на помощь Гимере. Карфагенянам противостояли войска Гелона и Ферона. На стороне карфагенян сражалось и одно из могущественных греческих государств запада — Кирена. В этой битве при Гимере, точная дата которой неизвестна, карфагеняне потерпели поражение.¹⁹

¹⁹ Античная традиция чрезвычайно преувеличила значение этой битвы, так как она была прославлена Пиндаром, придворным поэтом сицилийских

4. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА НАД ПЕРСАМИ

Зиму 479 г. войско Мардония провело в плодородной Фесалии. С наступлением весны 479 г. греческий флот под предводительством спартанского царя Леотихида вышел в море. Афинскими кораблями командовал Ксантипп, отец Перикла. Ионийские греки (вернее, враждебные персам группировки в ионийских городах) звали греческий флот в Малую Азию, чтобы помочь грекам освободиться от персидской власти. Но пока войска Мардония стояли в Греции, было слишком рискованно отводить флот так далеко от берегов Эллады и подвергать риску самое его существование. Поэтому греческие полководцы пошли по компромиссному пути и стояли с флотом в Делосе, на полпути между Грецией и Малой Азией.

Персы также прекрасно понимали, что после Саламинского боя быть уверенными в победе они никак не могут, но они знали и то, что им сочувствует ряд греческих государств и что даже в государствах, враждебных им, есть сильные персофильские группировки. Геродот, как мы уже видели, указывал на то, что в ряде случаев беднота была на стороне персов, а среди этой бедноты особенно популярны были демократические Афины. Однако как раз здесь беднота ориентировалась по-иному: Афины были в это время в тесном союзе со Спартой. Для персов поэтому было особенно важно оторвать Афины от Спарты и ценой любых уступок перетянуть их на свою сторону. Это казалось вполне осуществимым потому, что афиняне уже вернулись за это время в Аттику, начали восстанавливать свои дома и хозяйства, и новое нашествие персов было бы для них особенно тяжелым; вдобавок в Афинах была сильная партия, стоявшая за мир с персами. Мардоний послал в Афины сражавшегося на его стороне македонского царя Александра I с выгодными для афинян предложениями. Александр был очень подходящим для этой роли человеком, так как он до этого времени был в дружественных отношениях и с Афинами (несомненно, афиняне уже получали в это время строевой лес из Македонии). Афинянам предложены были такие условия: они получают назад свою землю и независимость и заключают равноправный союз с Персией; храмы и все то, что было истреблено, персы обязуются восстановить за свой счет. Наконец, персы обещали афинянам присоединить к их территории и другие области, если они того пожелают. Как ни заманчивы были эти условия, наиболее дальновидные афиняне не могли на них

Тиранов, а оды Пиндара были чрезвычайно популярны в Греции. Была даже сочинена легенда, будто сражение при Саламине и сражение при Гимере произошли по воле богов в один и тот же день. С другой стороны, нет основания не доверять сообщению о том, что карфагеняне выступили по соглашению с персами.

пойти; для Афин, как для государства, ввозящего хлеб, при античных международных отношениях господство на море и обладание проливами было насущной необходимостью. С другой стороны, было ясно, что если персы овладеют всей Грецией, то обещания, данные ими афинянам, потеряют всякую цену. Победа над персами, ставшая теперь при известном напряжении сил вполне осуществимой, обещала гораздо более выгодные перспективы. Поэтому миссия Александра не имела успеха.

В Спарте после саламинской победы взяла на некоторое время верх миролюбивая группировка. Через Истм была сооружена стена, благодаря чему нападение персов с суши стало невозможным. Персидского флота также уже не существовало в Греции. Поэтому казалось наиболее благоразумным не принимать ничего и выждать событий. Такое поведение Спарты не могло не усилить пацифистских настроений в афинском войске (в это время Мардоний уже снова занял Аттику, а афинское войско находилось на Саламине). Член афинского совета Ликид выступил с предложением договориться с персами, но большинство было против него, и он был даже побит камнями. После этого афинское посольство в составе Кимона, Ксантиппа и Миронида, по предложению Аристида, направилось в Спарту. Только угроза, что афиняне станут на сторону Персии, заставила Спарту перейти к решительному образу действий. Действительно, в таком случае Персия получила бы афинский флот и имела бы больший флот, чем все остальные греки, взятые вместе; положение Спарты стало бы безнадежным. Всенародное спартанское ополчение двинулось из Пелопоннеса под предводительством спартанского регента Павсания, соединилось с ополчениями других пелопоннесских государств, а по прибытии в Аттику — с афинянами и платейцами. Мардоний, учитывая, что гористая Аттика неудобна для действий его конницы, отступил в Беотию к Платее; предвзвешенно он снова сжег и уничтожил Афины.

Цифры персидского войска, даваемые Геродотом для битвы при Платеях, несомненно тенденциозно преувеличены с патриотической целью. Число воинов в греческом войске определяется Геродотом в 110 000 человек, в том числе 39 000 тяжеловооруженных; в персидском войске, вероятно, воинов было немногим больше; из них 20—30 тысяч составляли греки из северной и средней Греции (беотийцы, локрийцы, фессалийцы, фокидцы) и македоняне. Но главным преимуществом персов была их прекрасная конница, тогда как у греков конницы вовсе не было. Поэтому греки стояли на склонах гор, где конница не могла действовать, а персы — на равнине. Ясно, что обеим сторонам было одинаково невыгодно наступать; поэтому жертвы и у той и у другой стороны не давали в ловких руках жрецов благоприятных предзнаменований для наступления. Попытка

персидской конницы атаковать греческие позиции окончилась для нее тяжелой неудачей.

В таком положении персы пытались внести разложение в греческое войско, вступив в сношения с персофильскими элементами в войске. И здесь, как и во время Марафонской битвы, стали заметны персофильские настроения и готов был вспыхнуть заговор. Плутарх сообщает следующее:

«В это время вся Греция была в смятении, но наиболее тревожное состояние было среди афинян. Люди из знатных и богатых домов, превратившиеся из-за войны в бедняков, увидели, что вместе с богатством они лишились всякого влияния и популярности и что властвуют и пользуются почетом другие. Поэтому они тайно собралась в каком-то доме в Платеях и устроили заговор для свержения демократии. Если же заговор не удастся, они решили заняться вредительством и предать своих варварам. Они вели агитацию в лагере, и значительная часть войска уже подверглась разложению».

Характерно поведение Аристиды, отражающее настроение части афинских правящих кругов, враждебных Фемистоклу. Он занимает двойственную выжидательную позицию по отношению к мятежникам и из большого числа виновных арестует только восемь человек; двум вождям движения, уже ранее обвиненным в государственной измене, дает возможность бежать, а остальных выпускает якобы за недоказанность обвинения.

Мардоний имел и еще одну удачу; ему удалось засыпать ручей Гаргафию, из которого получало воду греческое войско, и грекам ничего не осталось, как перейти на другие позиции на виду у неприятеля; вдобавок между афинянами, спартамцами и тегейцами начались споры за наиболее почетные и ответственные позиции в строю. Все эти обстоятельства, казалось, давали персам надежду на победу, и они напали на спартамцев в то время, когда те переходили на новые позиции. Однако преимущества спартанской военной дисциплины сказались здесь во всем блеске: спартамцы погибали во множестве от вражеских стрел, но не отвечали на выстрелы и не покидали своих мест в строю до тех пор, пока не получили тактического преимущества. Персы сделали стену из щитов и из-за такой стены осыпали спартамцев стрелами, т. е. применили тактику сплоченного строя, в которой их враги-спартамцы не имели равных. Спартамцы устремились на персов, которые, несмотря на отчаянное сопротивление, были разбиты. В сражении такого типа играет решающую роль тяжелое вооружение, которого не было у персов: «В отваге и силе персы не уступали эллинам, но они были безоружны, неопытны (в таком бою) и по ловкости не могли равняться с противниками. Наиболее губительно для них было отсутствие тяжелого вооружения — им, легковооруженным, приходилось воевать с тяжеловооруженными» (Геродот). В бою пал и сам Мардоний. После

этого персы отступили и заперлись в укрепленном лагере. Спартамцы оказались совершенно беспомощными, так как они не умели брать крепостей; здесь решающая роль перешла к афинянам, которым и удалось овладеть персидским лагерем. После этого остатки персидского войска бежали в Азию. Греки получили богатую добычу; Платеи, на территории которых произошла битва и жители которых храбро сражались в этом бою, получили победный приз, и их территория была поставлена под особую защиту всех эллинов. Эта победа имела место летом 479 г.

Затем греческое войско двинулось к Фивам; фиванцы вынуждены были выдать главарей персофильской партии, которые и были казнены. До этого времени Фивы стояли во главе Беотийского союза. Теперь Фивы за то, что были на стороне персов, исключаются из этого союза; впрочем, этот союз в 479 г. фактически распался и стал чисто религиозным объединением самостоятельных государств. Постановление об уничтожении Фив как одного из городов, сражавшихся на стороне Персии, принятое накануне Саламинской битвы, не было, однако, осуществлено, вероятно, под давлением Фемистокла; как мы увидим, сохранение этих государств входило в его общий план.

Вслед за этим греческий флот, стоявший у Делоса, двинулся к Самосу. Персидский флот был сосредоточен против Самоса у мыса Микале. Персы не решились принять морское сражение и вытащили свои корабли на берег. Греки напали на них, осадили их позиции и нанесли им решительное поражение; остатки персидского флота были уничтожены. После этого некоторые ионийские города отпадают от персов и переходят на сторону своих соплеменников.

Таким образом, столкновение между персами и греками окончилось решительной и бесповоротной победой последних. Несмотря на запутанность внутреннего положения, на ожесточенную борьбу между отдельными греческими городами и отдельными группировками в этих городах, при появлении персидских войск в ведущих государствах Греции чувство патриотизма и стремление к свободе и автономии взяли верх, особенно там, где борьба с Персией была экономической (Афины) или политической (Спарта) необходимостью: в Афинах снабжение хлебом из Понта могло быть обеспечено только ценой победы над персидским флотом; в Спарте всякое внешнее вмешательство могло положить конец господству над илотами.

Между тем ряд греческих государств и партий стояли за подчинение персам, и Геродот дважды в своем труде дает понять, что в глубине души он считает причиной поражения персов отсутствие дипломатического таланта у их полководцев: «Пошли в их города людям влиятельным деньги: подарками ты разделишь Элладу, и они не захотят рисковать и вступать

с тобой в битву» — такой совет, по словам Геродота, дважды давался Мардонию, но он не захотел ему следовать. Однако эти слова навеяны Геродоту событиями, начала Пелопоннесской войны. В области дипломатии и подкупа персы не имели себе равных, и, несомненно, сделали все возможное для того, чтобы внести разложение в среду греков: вспомним посольство Мардония к афинянам и персофильский заговор во время Платейской битвы. Причина, очевидно, не в отсутствии дипломатического таланта у персов.

5. Источники

1. Современные событиям: отрывки из истории Гекатея Милетского. Эсхил, «Персы». Надпись, содержащая приказ царя Дария сатрапу Гадату о почитании храма Аполлона. Надпись архонта-полемарха Каллимаха с посвящением в честь маратонской победы. Надпись Гелона в честь победы при Гимере. Колонна в виде обвинившихся спиралью змей с названиями всех государств, участвовавших в Греко-персидских войнах (посвящение после платейской победы). Надпись в честь мегарцев, участников Персидских войн (элегия поэта Симонида). Надпись в честь знаменитого атлета Фаилла из Кротона, участвовавшего в Саламинской битве. «Италийская бронза» — надпись с о. Кипра, касающаяся, быть может, событий войны с персами приблизительно в 497 г.

2. Позднейшие: основной источник для истории Греко-персидских войн — Геродот, писавший через 30—40 лет после изображаемых событий, во время войны афинян со спартамцами. В это время враги Афин вели бешеную агитацию против них, обвиняя их в том, что они примирились с национальным врагом — Персией, ведут войну с эллинами и угнетают островитян и малоазиатских греков. Прежде всего агитация велась против рода Алкмеонидов и его вождя Перикла. Алкмеонидов обвиняли в том, что они уже в 509 г. дали «землю и воду» персам, что в 490 г. они пытались предать персам Афины и т. д. В том же обвиняли с еще гораздо большим основанием постоянного союзника Афин — Аргос. Наоборот, Спарту изображали как главную спасительницу общеэллинского дела, как заклятого врага Персии и организатора победы в Греко-персидских войнах, как наиболее храброе и рыцарское государство. Если фиванцы — главный союзник Спарты в средней Греции — открыто сражались на стороне Персии, то это с точки зрения апологетов Спарты и ее союзников объясняется тем, что в то время у власти стояла кучка олигархов, — фиванский народ не несет за это никакой ответственности.

Руководящая Афинами группа во главе с Периклом вела борьбу со Спартой, вела, как нам известно, тайные переговоры с Персией, и даже в 449 г. заключила с ней далеко не почет-

ный мир. Однако открытая пропаганда такой политики была бы крайне непопулярной ввиду укоренившихся «националистических» взглядов (нельзя забывать, что в эпоху войны со Спартой уже было значительно развито рабовладение, идеологической основой которого является противопоставление греков варварам). При таких условиях необходимо было внешне признать «националистическую» концепцию, проводя афинскую точку зрения лишь исподволь и незаметно. С этой точки зрения неоценимую услугу Афинам оказал труд Геродота: они могли с гордостью ссылаться на то, как рисует картину один из величайших ученых того времени и притом гражданин Галикарнасса, одного из городов, якобы угнетаемых афинянами. Геродот приписывает главную заслугу в Греко-персидских войнах афинянам — если бы не они, вся Греция подпала бы под власть персов; впрочем, он сам знает, что такой взгляд не встретит сочувствия у большинства греков.

Признавая преимущества спартанского государственного устройства и военной техники, а также роль спартамцев в Персидских войнах, он стремится, где только возможно, потихоньку развенчать их: спартамцы эгоистичны и думают только о себе, а не об эллинах; они думают одно, а говорят другое; чтобы не идти в поход, они ссылаются на государственные праздники; их полководцы (в частности, Еврибиад) продажны, нерешительны и лишены инициативы. Поведение в войне спартанских союзников — фиванцев и коринфян — Геродот старается изобразить как сплошную трусость и предательство; наоборот, для афинского союзника, Аргоса, он изыскивает всевозможные оправдания. Он замечает, что в древнейших столкновениях между греками и варварами главная вина падает не на варваров, а на греков; восстание ионийских греков против персов он называет безумием, а Греко-персидские войны — вообще величайшим несчастьем для Греции и для Персии; он относится с восхищением к религии и культуре Персии и Египта и восхищается техникой Дария; он подчеркивает, что предки греческих мудрецов и греческих аристократов (например, Фалеса) были азиатами; он всячески расписывает подвиги при Саламине Артемисии, которая была в Галикарнассе сатрапом персидского царя; он считает, что вина за разграбление храмов и святынь падает в первую голову не на персов, а на греков, что персы по храбрости не уступали грекам, а причиной победы греков в битве при Платеях было только превосходство греческого вооружения, и т. д. Все эти замечания сделаны вскользь, мимоходом, чем и объясняется, что до последнего времени ученые почти не замечали их, а видели в «Истории» Геродота только ее официальную тенденцию, стремление прославить греческое оружие и противопоставить высшую расу, греческую, низшей — варварской.

Соответственно этому и Греко-персидские войны изобража-

лись как освободительная война греческой демократии против всякого рода угнетателей: «тиранов» и аристократов внутри, персидского деспота — вовне. Развитие демократии в Афинах, с этой точки зрения, есть закономерное следствие победы в освободительной войне. Эта точка зрения была господствующей на западе до последнего времени; лишь Ж. Гобино, А. Овett, К. Ю. Белох и Эд. Мейер (в 1918 г.) впервые усомнились в ее правомерности. Односторонний характер этой точки зрения, игнорирующей как экономические факторы, так и ряд ясных высказываний Геродота, впервые показали Ф. Мильтнер и Г. Де Санктис в последние годы (ср. также работы Гейнлейна и К. Ф. Леманн-Гаупта); далее развил и углубил новую точку зрения автор этой книги.

В СССР, кроме автора этой книги и, по-видимому, В. С. Сергеева, остальные специалисты, насколько мне известно, продолжают оставаться на старых позициях, несмотря на их неприемлемость. В самом деле, Геродот даже заявляет, что в городах, сражавшихся с персами, народные массы были «ревностными персофилами»; это указание, как и другие аналогичные, ими просто игнорируется. Далее, и утверждение, что Тираны шли заодно с аристократией, противоречит фактам: как известно, Тираны в материковой Греции и Малой Азии, поскольку их внутренняя деятельность нам известна, были заклятыми врагами аристократии. Странники этого взгляда играют на двух смыслах термина «демократия»; под демократией подразумеваются и богатые торговцы и ремесленники простого происхождения, заинтересованные в античном «народоправстве», и городская беднота, часто предпочитавшая «народоправству» диктатуру, накладывающую руку на богатых. Первые были обычно настроены персофобски, вторая — персофильски. То, что Греко-персидские войны имели, якобы, результатом быстрое развитие демократии, просто извращение фактов. Развитие демократии началось с Солона и Писистрата, вылилось в особо яркие формы при Клизфене в 509 г. и получило дальнейшее развитие в 501 г. (стратегии) и в 487 г. (выборы архонтов по жребию). После 480 г. ни о каких дальнейших демократических реформах мы больше не слышим; наступает эпоха усиления ареопага, т. е. эпоха реакции. И только после 460 г., после изгнания Кимона, возглавившего борьбу с Персией, начинается эпоха новых демократических реформ, несмотря на то что для них уже во время Греко-персидских войн были созданы все предпосылки усилением значения флота и уменьшением роли гоплитов. Всячески приветствовать надо поэтому то, что в учебнике В. С. Сергеева совершенно отсутствуют эти антинаучные рассуждения и что он подчеркивает основное значение экономического фактора в этой войне.²⁰

²⁰ Далее, и характеристика Марафонской битвы у меня существенно

Произведенный мной пересмотр всего труда Геродота²¹ (результаты которого будут опубликованы в особой книге), как я полагаю, окончательно убедит в правильности этого подхода. Недаром уже в древности заклятый враг Геродота Плутарх, стоявший на позициях, с которыми я здесь полемизирую, прочел между строк истинную тенденцию Геродота и назвал его даже «варварофилом».

Другими важными источниками являются прежде всего «Библиотека» Диодора, имеющего главным источником Эфора, и Плутарховы биографии Фемистокла и Аристида.

Для оценки Геродота очень важно сочинение Плутарха «О злокозненности Геродота». Точка зрения Плутарха, жившего через 600 с лишним лет после Греко-персидских войн, вполне совпадает с точкой зрения моих противников, но его панэллинский патриотизм характерен для настроения греков, живших под римским игом, а не для событий начала V в. (см. мое введение к переводу «Избранных биографий Плутарха». М., Л., 1941).

отличается от обычно даваемой в учебниках. Я основываюсь на сообщениях Феопомпа, Плутарха и Свида, обычно не привлекаемых; эти авторы опороочивают сообщение Геродота. Развиваемый здесь новый взгляд на Марафонскую битву обоснован независимо друг от друга Гейнлейном, Леманн-Гауптом и Хьюдзоном (в 1937 г.); его необходимо принять, так как только эта трактовка объясняет, почему в Марафонском сражении не участвовала персидская конница.

²¹ Эти мои исследования были дважды изложены в виде специального курса на историческом факультете Ленинградского университета.

Часть II
КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

ГЛАВА VI

РЕАКЦИЯ В АФИНАХ (478-461 гг.)

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ПОСЛЕ ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОИН

Победы при Саламине, Платее и Микале надолго устранили опасность нового вторжения персов на материк Греции или захвата островов Эгейского моря. Первое, что надо было сделать и в чем не могло быть разногласий между ведущими государствами и различными политическими группами внутри этих государств, — это снова открыть захваченный около 512 г. путь через проливы к черноморскому хлебу. И действительно, союзный флот после победы при Микале направляется на север и после продолжительной осады завладевает городами Сестом на фракийском Херсонесе и Византием на Боспоре.

Борьба классовых группировок в греческих государствах

Дальнейшие пути участников «эллинской» войны расходились. Битва при Платее, выигранная на суше прежде всего спартамцами, окончательно устранила персидскую опасность. Даже Геродот, который при описании Саламинской битвы во что бы то ни стало старается доказать, что спартанский наварх (адмирал) Еврибиад был бездарностью, что второй крупнейший вождь пелопоннесцев Адимант, предводитель коринфян, был трусом и предателем, не может отрицать того, что битва при Платее была выиграна благодаря таланту командующего, спартанского регента Павсания и благодаря изумительной стойкости войска гоплитов, тоже прежде всего спартанского.

Все понимали также, что эта победа стала возможной лишь благодаря организации Эллинского, т. е. расширенного Пелопоннесского союза, в котором руководящую роль играли спартанцы и их друзья и сторонники в других городах Греции, представители аристократической партии: под Платеей афинянами руководил вождь этой группировки — Аристид, самое возвращение которого из изгнания в 481 г. означало усиление позиций

аристократической группы. Вот почему победоносное окончание войны имело непосредственным результатом усиление позиций аристократии. Однако и радикальная демократия, опиравшаяся на городскую бедноту, виновницу победы при Саламине, была еще достаточно сильной и, несмотря на энергичное противодействие аристократической группы, не желала сдать свои позиции. Первые годы после Платейской битвы наполнены ожесточенной классовой борьбой.

Группировки в Спарте

В Спарте окончание войны также усилило разногласия между двумя ведущими «группами»: временно снятые с повестки дня неслыханным напряжением всех сил государства и общим патриотическим порывом, они теперь снова вышли наружу. Группа, возглавляемая царским домом Агиадов, стояла, в силу исконной традиции этого царского дома, за улучшение положения перизков и илотов и за освобождение части илотов со включением их в ряды господствующего класса. Дело в том, что благодаря усилиям враждебной группы, опиравшейся на эфорат, царская власть, не ограниченная юридически, лишилась фактически всякого влияния. Искусно играя на соперничестве между двумя царскими домами и в случае нужды устрояя нежелательных им царей, спартанские эфоры фактически присвоили себе всю власть в государстве. Включение в число граждан новых людей, обязанных своей свободой группе, возглавляемой Агиадами, дало бы ей новые возможности, опираясь на народное собрание, сократить власть эфоров. Но Спарта была чисто земледельческой страной, и включение новых людей в состав спартиатов не могло не повести к уменьшению благосостояния господствующего класса. С этим бедствием можно было бы бороться только путем вывода колоний и широкого ввоза товаров и рабов из-за границы. Став у власти, «партия» Агиадов могла спокойно решиться, после соответствующего изменения конституции (запрещавшей ввоз товаров в Спарту, выезд спартиатов за границу и т. д.), на переход к широкой колонизационной и торговой деятельности. Этой группе нечего было бояться восстания илотов и перизков.

Противостоящая Агиадам группа, руководимая царским домом Еврипонтидов, была всемерно заинтересована в сохранении существующего положения. В ее интересах было, чтобы вся военная сила Спарты находилась, по мере возможности, внутри границ Лаконики, готовая в любой момент дать отпор восстанию илотов. Эта же группа была кровно заинтересована в сохранении Эллинского союза, в котором распорядилась бы Спарта, ибо этот союз был, как мы сказали, расширенным Пелопоннесским союзом, а один из пунктов договора этого союза обязывал, по-видимому, каждого союзника в случае восстания

илотов немедленно прийти на помощь Спарте. Поэтому «партия» Еврипонтидов решительно противилась всякой внешней экспансии. Она возлагала все надежды на международную дипломатию, в которой спартанцы не имели равных. Необходимо было всячески поддерживать и усиливать преданные Спарте аристократические группы в греческих государствах, — прежде всего, конечно, в Афинах, и при их помощи продолжать ту же политику, которую вела Спарта уже со второй половины VI в.: подавлять всюду всеми возможными средствами демократические движения.

Но поддерживать и пропагандировать идею Эллинского союза можно было только подчеркивая опасность, угрожающую эллинству, как целому, со стороны персов. Однако спартанцы не могли вести политику захвата областей, принадлежащих персам, не выводя на долгое время своих войск за пределы Лаконики. Оставалось только либо довольствоваться кратковременными грабительскими набегами на Персию, либо вести борьбу с Персией чужими руками, руками спартанских союзников, руководимых своей лаконофильской аристократией.

Каждая из этих двух групп имела своих союзников и за пределами Спарты: «партия» Агиадов, решившаяся пойти на освобождение части илотов, естественно была в союзе с демократической партией в Афинах, руководимой Фемистоклом; «партия» Еврипонтидов опиралась на афинскую лаконофильскую аристократию.

Персия и малоазийские греки

Персия, несмотря на тяжелое поражение, понесенное и в материковой Греции и в Малой Азии, оставалась могущественнейшим государством с неограниченными денежными и людскими ресурсами. Если спартанскому царю Клеомену в 500 г. план похода греков в глубь Персии представлялся вопиющей нелепостью, то такой же нелепостью он должен был представляться греческим деятелям всех направлений и после победы над персами. Достаточно было уже того, что самой Греции ничто не угрожало и что Эгейское море было в руках греков. В остальном надо было вернуться к старому принципу, который, по мнению Геродота, был установлен богами с древнейших времен: Европа, включая острова Эгейского моря, принадлежит грекам, Азия — персидскому царю.

Но как же быть с многочисленными греками, живущими в Малой Азии? Спартанцами (очевидно «партией» Еврипонтидов) был выдвинут проект: ввиду невозможности вести войну с Персией на ее собственной территории и содержать постоянный гарнизон в Малой Азии, переселить тех малоазиатских греков, которые отпали от Персии и приняли участие в борьбе с ней, на материк Греции; для этой цели освободить от населе-

ния и отдать им гавани тех государств, население которых была на стороне персов (согласно постановлению, принятому в 480 г., все население этих государств должно было быть продано в рабство или выселено, но осуществить его полностью не соби-
рались даже спартанцы).¹ Этот план не был утопическим, так как число малоазийских греческих государств, которые перешли на сторону греков и должны были бояться суровой кары со стороны персов, было в то время еще очень незначительным. Однако под давлением афинян это предложение не было принято, так как у афинских политических партий были другие планы.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИНСКИХ «ПАРТИЙ» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПЛАТЕЙСКОЙ БИТВЫ

Позиция аристократов

Экономическое положение Афин было естественно подорвано и разграблением города и Аттики во время двукратного вторжения персов, и невозможностью в течение двух лет заниматься производительным трудом, земледельческим и ремесленным, и расходом в течение ряда лет всех государственных ресурсов на войну. Аристократы предполагали заполнить эту брешь захватом малоазийского и фракийского побережий и систематическим ограблением персидских владений. Им не приходилось, подобно дружественным им спартанским группам, бояться восстания внутри страны. Они могли двинуть за границу все афинское войско. Поэтому они выдвигали смелые проекты продолжения больших военных действий с Персией с целью захвата значительных территорий в Малой Азии и во Фракии. Такие действия возможны были только при тесной дружбе и при идейном подчинении политическому руководству Спарты, ибо только это создавало уверенность, что во время больших походов в Персию на афинян не нападут их соседи на материке.

Афинские демократы и Персия

Противники этой группы, афинские демократы, понимали, что сохранение власти в их руках неизбежно поведет к усилению трений с аристократической Спартой. Сохранение власти демократией означало необходимость держать войска внутри Греции для того, чтобы в случае нужды дать отпор Спарте и ее аристократическим союзникам. Но, с другой стороны, эти группы не хотели отказываться от теснейшего союза с греками Малой Азии, с которыми они были связаны рядом экономических и духовных интересов. Так как борьба с Персией при на-

¹ Геродот. IX, 106.

линии опасности со стороны Спарты была невозможна, оставалось одно: вступить в переговоры с Персией, которая в результате понесенных ею поражений неизбежно должна была стать более податливой и уступчивой. Эти люди требовали у персов полного невмешательства во внутренние политические дела малоазийских городов и признания теснейшей экономической и политической связи между Афинами и городами Малой Азии, бывшими по афинской традиции древнейшими колониями афинян. За это греки должны были признать верховную власть Персии над этими городами и согласиться на взимание Персией умеренной дани с этих городов.

Такое соглашение с Персией, кроме обеспечения тыла от выступления Спарты, сулило и большие экономические выгоды.

Морская политика этой группы, руководимой Фемистоклом, в основном сводилась к двум пунктам: 1) к обеспечению вполне безопасных регулярных морских сообщений с северным побережьем Черного моря, откуда Афины получали большую часть своего хлеба и сушеную рыбу, и 2) к восстановлению старых торговых связей с Передней Азией, нарушенных разрывом добрососедских отношений с Персией. Фемистокл прекрасно сознавал, что даже в случае полного овладения торговым путем из Черноморья вся потребность в ввозе необходимых продуктов в Афинах и других греческих городах далеко не будет удовлетворена. В течение всего V в. ввоз хлеба (прежде всего ячменного), дерева, дешевого растительного масла разных сортов (дорогое оливковое масло производилось в Аттике и отсюда вывозилось), уксуса и овощей осуществлялся в больших размерах прежде всего из Финикии, Кипра и Египта. Ввиду опасностей, связанных с переездом через открытое море, наиболее удобный торговый путь из Египта шел вдоль побережья, принадлежавшего персам. Действуя в духе такой политики, единомышленник Фемистокла Павсаний, захватив Византий, немедленно вступает в переговоры с персидским правительством, демонстративно организует свою резиденцию по персидскому образцу, вводит у себя персидские обычаи, — словом держит себя, как уполномоченное лицо персидского царя, несомненно, на основании соглашения с последним. Он отпускает без выкупа захваченных персидских пленных и ведет переговоры о браке с дочерью персидского царя или высшего персидского сановника Мегабаза. Своим помощником он делает Гонгила, бежавшего из Эретрии и ставшего вассалом царя.

Эгейское море

Мирные и дружественные связи с Персией и должны были обеспечить выполнение этих основных задач афинской внешней политики. Для этого необходимо было, кроме того, еще сделать Эгейское море «внутренним морем», плавание по ко-

торому было бы свободным от всяких препятствий и опасностей. И в дальнейшем, в течение всего V в., основной задачей афинской политики было направление всего хлеба, идущего по Эгейскому морю, в Пирей, с тем, чтобы отсюда этот хлеб расходился по другим греческим государствам. По-видимому, сходную цель ставил себе и Фемистокл; для этого ему необходимо было поставить «старинные афинские колонии», т. е. города на островах и на побережье Малой Азии, в фактическую зависимость от Афин, вводя здесь демократический строй, изгоняя аристократов и облагая контрибуцией те из городов, которые сражались на стороне персов.

Западная политика

Стремление жить в ладу с Персией делало невозможной экспансию на восток; в то же время было бы недальновидным, ввиду возможности неожиданных осложнений, удовлетворяться раз и навсегда Северным Причерноморьем, как единственным независимым от персов хлебным рынком. Можно быть уверенным, что уже Фемистокл принимал все меры к усилению влияния в единственном направлении, не затрагивавшем интересов Персии — именно на запад. Подтверждение этому можно видеть и в следующем характерном факте. У древних был обычай давать детям имена, отражающие подвиги, заслуги или чаяния их отца, — так, например, Кимон назвал своего сына Лакедемонием, Писистрат, бывший в союзе с Фессалией, назвал своего сына Фессалом и т. д. Точно так же и Фемистокл назвал своих дочерей Италия и Сибарис. И действительно, нам известно, что он был в дружеских отношениях с Керкирой, державшей в своих руках путь в Италию и Сицилию и имевшей большой флот. Он был избран третейским судьей в споре между Коринфом и Керкирой за обладание Левкадой и присудил Левкаду керкирянам. Под его давлением афиняне не заключили договора с соседом и врагом Керкиры царем молоссов Адметом. Впоследствии, будучи вынужден бежать из Аргоса и отправиться в Керкиру, Фемистокл вел переговоры с Гиероном Сиракузским.

Афинская демократия и Спарта

Афинская демократия прекрасно понимала, что осуществление этой политики неизбежно должно было натолкнуться на сопротивление Спарты. Поэтому непосредственно вслед за Платейской битвой Фемистокл приступает к проведению мер, направленных против Спарты. Прежде всего вокруг Афин и Пирея под его руководством спешно возводятся стены, разрушенные персами. Непрерывно днем и ночью работали свободные всех возрастов, мужчины и женщины, метэки и рабы. Надгробные

памятники, остатки разрушенных зданий и т. п., — все складывалось вместе, скреплялось цементом, и стена росла с невероятной быстротой.

Спартанцы прислали послов с требованием прекратить постройку стен под тем предлогом, что афинские укрепления могут впоследствии, в случае нового вторжения персов, послужить для них базой. Большинство государств Пелопоннесского союза жили *kata komas*, т. е. деревнями, и не имели городов, обнесенных стенами; и позже демократические перевороты сопровождались синойкизмом, т. е. сселением крестьян в один крупный центр, который обносился стенами, и наоборот, олигархические перевороты, производившиеся под руководством Спарты, сопровождались разрушением стен и расселением по деревням — *kata komas* (Мантиней, Мегалополь и т. д.). Сама Спарта стен не имела, и, может быть, по уставу Пелопоннесского союза возведение стен позволено было только с особого разрешения — Спарта должна была служить всем ее союзникам надежным оплотом взамен стен.

В действительности, разумеется, дело было в том, что спартанцы не желали, чтобы афиняне, укрепив свой город стенами, получили возможность вести самостоятельную, независимую от Спарты политику. Так как афиняне были на суше значительно слабее Спарты, то спартанцы могли, направив свои войска в Аттику и опираясь на афинских аристократов, заставить афинян прекратить постройку стен. Поэтому Фемистокл прибег к хитрости,² устроив так, что спартанцам не оставалось ничего другого, как примириться с свершившимся фактом. В другой раз Фемистоклу пришлось выступить против Спарты на собрании Дельфийской амфикионии. Спартанцы потребовали удаления из амфикионии Фессалии, Аргоса и Фив, державшихся во время войны персидской ориентации. Фемистокл возражал против этого, так как устранение сильнейших государств — членов амфикионии усилило бы Спарту, и добился того, что предложение Спарты было отклонено.

Итак, уже здесь мы находим в зародыше все те черты, которые характеризовали политику афинской демократии в V в. Фукидид, писавший во время Пелопоннесской войны, восхищался Фемистоклом за то, что он «был вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события отдален-

² Он отправился сам послом в Спарту, предложив афинянам в случае, если придет спартанское посольство, задержать его под благовидным предлогом и не отпускать назад. Прибыв в Спарту, он сообщил, что афиняне и не собираются строить стены, и предложил отправить в Афины послов, чтобы удостовериться в этом: эти послы должны были служить заложниками в случае ареста Фемистокла в Спарте. Их задержали в Афинах, а когда стена была доведена до такой высоты, что за ней уже можно было обороняться, об этом сообщили Фемистоклу. Тогда он явился к спартанским властям и сообщил, что стена уже построена.

ного будущего». Здесь речь может только идти о событиях эпохи Пелопоннесской войны, характеризующихся борьбой со Спартой, миром с Персией и стремлением к экспансии на запад, в Сицилию и Грецию. Все это, как мы видим, намечалось в политике афинской демократии уже в годы, непосредственно следовавшие за Платейской битвой.

3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ «ПАРТИИ»

В области внутренней политики деятельность Фемистокла представляла собой последовательную защиту интересов широких кругов демократии — не только зевгитов, т. е. преимущественно крестьян, имевших тяжелое вооружение и сражавшихся в пехоте, но и фетов, т. е. главным образом городских жителей, не внесенных в списки полноправных граждан (в «списки демонов») и сражавшихся во флоте; он защищал интересы не только коренных афинян, но и иностранных поселенцев — метэков. Для всех было ясно, что усиление военной роли флота означало усиление этих общественных групп.

С 493 г. начинается широкая деятельность Фемистокла по усилению морской мощи Афин. Сначала он построил новую гавань в Фалере, приспособленную для глубоко сидящих судов, затем по его настоянию был построен большой флот из 180 триэров, и наконец была построена новая прекрасная гавань — Пирей с верфями, торговыми складами и т. д., ставшая лучшим портом в Греции. По замечанию Аристотеля жители Пирея «всегда были значительно демократичнее жителей города». Это создание больших масс моряков, не имевших недвижимого имущества и тяжелого вооружения и тем не менее сыгравших решающую роль в битве при Саламине, не могло в конечном счете не привести к усилению роли бедноты в политической жизни Афин. Фемистоклом была проведена и мера, прямо направленная к усилению этой группы населения. Как сообщает Диодор (XI, 43,3), Фемистокл убедил народ освободить от податей какие-то группы метэков и ремесленников, чтобы со всех сторон собралось много простого народа в Афины.

Наконец, важной демократической мерой был закон 487 г., по которому высшие должностные лица в государстве — архонты — стали выбираться по жребию, и поэтому в архонтат и в составленный из бывших архонтов ареопаг стали проникать зажиточные люди из простонародья. Благодаря этому архонты лишились всякого руководящего значения (Аристотель, Афинская полития, 22,5).

4. АФИНЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ «ПАРТИИ»

Тем не менее деятельность Фемистокла вызывала тревогу и беспокойство у народа, уставшего от бесконечной войны, разо-

ценного и измученного, и все указанные выше благодетельные для народа реформы не могли помешать тому, что после окончания войны влияние Фемистокла стало быстро падать. Большинству афинян должно было казаться, что как только персы снова отстроят свой флот, они опять пойдут войной на Афины, а борьбу с Персией, как показали прошедшие события, лучше всего могла организовать Спарта и ее друзья. При таких условиях трудно было решиться на разрыв со Спартой и на борьбу с ней, которая развязала бы руки Персии, да и вообще народ пугало немедленное возобновление военных действий, на этот раз со Спартой, тем более, что эти военные действия должны были происходить на суше, где спартанское превосходство в это время считалось несомненным.

Материальное благосостояние

Конечно, все эти соображения отошли бы на второй план, если бы положение бедноты в Афинах было безысходным, если бы не было приложения для рабочих рук и не было бы подвоза хлеба. Но как раз победоносное окончание войны с Персией открыло широкий путь для черноморского хлеба, хлынувшего в Грецию, и широкий сбыт для афинских ремесленных изделий, вина и оливкового масла. Рабский труд применялся в Афинах еще не слишком широко, и восстановление земледельческого хозяйства и городских построек требовало широкого применения свободного труда. Награбленная богатая добыча также значительно повысила благосостояние свободных трудящихся. К тому же и в соседних с Афинами государствах в это время не было никаких очагов революционного движения, которое могло бы оказать влияние на афинян. Вот почему острота экономических противоречий была на время снята — лозунгом дня был восстановительный труд, а война с могущественной Спартой, не угрожавшей никакой непосредственной опасностью Афинам, была крайне непопулярной.

Другие вероятные причины популярности аристократии

И в то же время каждый шаг Фемистокла показывал афинскому народу, что господство его партии означает немедленное охлаждение отношений со Спартой и с другими государствами, руководимыми аристократией (а таков был строй в подавляющем большинстве государств Эллады), и в недалеком будущем — войну с этими государствами. Не обещало ничего хорошего и стремление Фемистокла к расширению афинского влияния на западе: до этого времени Италия и Сицилия находились всецело в сфере интересов Пелопоннеса, прежде всего Коринфа, и проникновение афинян в Италию и Сицилию неизбежно должно было вызвать отпор со стороны этих государств.

Не меньше опасений должна была вызывать в Афинах и террористическая политика по отношению к ионийским грекам, жившим на островах Эгейского моря. Здесь всюду еще стояли у власти олигархические круги, несомненно искавшие теперь помощи у родственной им по духу аристократии материка, в частности — Спарты. Все видели, таким образом, что деятельность Фемистокла фактически представляла собой подготовку к новой войне со Спартой. Беспокойство и недовольство народных масс под влиянием искусной агитации аристократии все более росли.

Традиционная роль аристократии

Известное значение сыграл и психологический момент: народ привык видеть в аристократии «лучших людей» (aristoi), потомков богов и героев. Воспоминания о жестоких притеснениях и порабощении простого народа все более тускнели: их заслоняли подвиги аристократов на полях сражений, принесшие спасение Элладе.

Вот почему закон 487 г. был последним демократическим мероприятием в политической жизни Афин этого периода. Новые реформы начнутся только после 461 г., когда народные массы разберутся в создавшемся положении, и народ снова станет у власти.

Пока что афинский народ из опасения внешних осложнений принужден был на время перестать настаивать на улучшении своего положения и, несмотря на существование демократического государственного аппарата, молча наблюдать за тем, как власть переходит в руки лаконофильской аристократии. Для наступающей эпохи характерен так называемый «гражданский мир», т. е. такое положение вещей, когда под влиянием воспоминаний о нашествии врага и ловкой игры правящей партии на внешней опасности трудящиеся массы забывают о своих классовых интересах и слепо идут за господствующими группами.

Разумеется, и пришедшая к власти аристократическая «партия», если она не хотела потерять популярность в народных массах, должна была заботиться об обеспечении правильного подвоза хлеба. Но, опираясь на господствовавшие в ионийских городах аристократические партии, она имела возможность не производить здесь переворотов и добиться обеспечения безопасности морских сообщений по добровольному соглашению, на основе равноправия договаривающихся сторон. Такой образ действия привел к большой популярности вождя афинской аристократии Аристиды в этих городах. Это мы видим из дошедшего до нас стихотворения аристократического поэта Тимокреонта из Родоса, изгнанного из своей родины. Он — горячий поклонник Аристиды, не любит Алкмеонида Ксантиппа и спартанского царя Павсания, союзника Фемистокла, но более всего ненавидит Фемистокла:

Хвалишь ты, верно, Павсания иль одобряешь Ксантиппа...
Я же пою Аристиду. Среди многих пришедших
К нам из священных Афин лишь он был один наилучший.
А Фемистокла совсем ненавидит Латона:³
Лжец он, обидчик, предатель.. .

Он отплыл на гибель,
Несправедливо одних возвращая, других изгоняя,
Иных умерщвляя.

Политика Фемистокла, политика создания сильной демократической Афинской державы, владеющей всем Эгейским морем и дружественной к Персии, политика, явившаяся гениальным предвосхищением политики Афин в эпоху Перикла (см. выше замечание Фукидида, с. 280 сл.), оказалась преждевременной.

Усиление Ареопага

И во внутренней жизни Афин реакционным аристократическим группировкам необходимо было найти такие формы, при которых они могли бы вести государство по нужному им направлению, несмотря на существование созданного Клисфеном демократического аппарата.

Совет пятисот состоял в эту эпоху из членов, выбиравшихся жребием из свободных граждан, имеющих собственное крестьянское хозяйство (три первых имущественных класса); естественно — он не мог служить оплотом аристократии. Поэтому решающее значение приобретает в это время другой совет — совет на Ареопаге, — несмотря на то что его права были значительно урезаны законами Солона и Клисфена. Мы видели уже, что в тот момент, когда все руководящие органы государства перестали действовать, и все население покидало Аттику, Ареопаг взял на себя организацию этого переселения и приобрел благодаря этому большое влияние. Кроме суда по делам о преднамеренном убийстве и по некоторым религиозным преступлениям, ему принадлежал в это время надзор за нравами отдельных граждан и надзор за законностью постановлений, принимаемых народным собранием. Широко пользуясь этими правами, Ареопаг парализовал законодательную деятельность, направленную к расширению народных прав или к изменению внешней политики: он устранял нежелательных ему деятелей демократического направления под предлогом безнравственности их личной жизни.

Аристид

Руководителем враждебной Фемистоклу аристократической партии был с начала V в. вышеупомянутый Аристид, близкий к роду Филаидов. Уже в молодости Аристид был поклонником

³ Богиня — покровительница правды и ненавистница лжи.

спартанских учреждений и покровительствовал тому, что афиняне, минуя демократический суд, обращались, как в старое время, в эпоху родовой знати, к нему, имевшему репутацию «справедливого», за разбором всякого рода жалоб. По мнению его политических противников он подрывал этим авторитет демократии. Уже в 482 г. народ изгнал его остракизмом; характерно, что он бежал в аристократическую Эгину. Наконец, вспомним его поведение во время Платейской битвы, когда был раскрыт заговор аристократических групп: он дал возможность заговорщикам бежать.

Спартанцы прилагали все усилия к тому, чтобы устранить от власти в Афинах Фемистокла и его группу. В противовес Фемистоклу спартанцы выдвинули теперь (как сообщает Плутарх) наряду со стареющим Аристидом молодого Кимона, сына Мильтиада, главу аристократического рода Филаидов. Кимон был слепым поклонником спартанских порядков. Он был выдвинут на пост руководителя афинской политики также и Аристидом.

Умело организованное аристократической партией противодействие привело к тому, что демократическая деятельность Фемистокла, начавшаяся еще до Марафонской битвы, должна была теперь прерваться. Около 472 г. Фемистокл был изгнан остракизмом, и власть перешла всецело к реакционной аристократической партии.

5. ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОГО МОРСКОГО СОЮЗА

Спартанцы признают Эгейское море сферой афинского влияния

Новое направление внешней политики Афин имело результатом и новое направление внешней политики Спарты, которая должна была признать Эгейское море сферой афинского влияния. Павсания, сторонника широкой внешней спартанской политики под эгидой Персии, пришлось отозвать. Под влиянием агитации Аристиды и его партии с ссылками на кровное родство между ионянами и афинянами, ионийские союзники направляют в Спарту делегацию с жалобой (вероятно, вполне обоснованной), указывая, что Павсаний относится к ионянам с характерным для Спарты высокомерным презрением, бьет солдат и т. д. Указывали они и на его близость к персам. В Спарте прекрасно понимали, что ведение широкой международной политики потребует пребывания в Ионии большого числа лакедемонян, и притом не только перизков, но и спартиатов. Это не могло не повести прежде всего к тому, что эти люди усвоят новый, чуждый Спарте, образ жизни, новые потребности и демократический образ мысли, и таким образом окаченелое полицейское устройство Спарты окажется в опасности. Еще важнее было то, что уход больших масс спартиатов за границу облегчал восстание илотам, а на

расширение их прав группа, стоявшая теперь у власти в Спарте, никак не хотела идти. Поэтому правящая группа, руководимая геронтом Гетемаридом, решила прекратить всякое вмешательство Спарты в дела ионийских греков и отозвать Павсания и других спартанцев на родину. Это означало, что руководство союзниками перейдет к Афинам, но Спарта мирилась с этим, так как знала, что Фемистокл потерял авторитет в Афинах и что здесь руководство перешло к лаконофилам Аристиду и Кимону.

Зная коварный характер спартанской политики, можно не сомневаться, что спартанцы, принимая такое решение, руководствовались и другим, тайным расчетом. В то время никто не мог предполагать, что борьба с Персией так быстро приведет к блестящим результатам. Несомненно, спартанцы ждали, что эта война затянется на очень долгое время, потребует напряжения всех сил афинян и тяжелых жертв, будет сопровождаться разочарованиями и неудачами. Даже если когда-нибудь в Афинах снова возьмут верх враждебные Спарте демократические группы, они окажутся связанными по рукам и по ногам этой войной и не будут в состоянии вести сколько-нибудь активную политику внутри греческого материка — здесь Спарта получит возможность хозяйничать, как ей заблагорассудится.

Руководство морской политикой Афин, несомненно с благословения Спарты, было поручено теперь Аристиду. Аристид и его помощник (а затем и преемник) Кимон считали более выгодным немедленное широкое ограбление персидской территории, чем вступление на путь длительных соглашений; переход власти в руки этой группы означал новое открытие военных действий против Персии.

Но необходимость полного овладения хлебной дорогой, ведущей в Черное море, аристократическая группа понимала не хуже, чем демократическая. Однако аристократическая группа действует здесь иными путями. Она вступает на путь тесного сближения с аристократическими группами островов, гарантируя им такую организацию обороны, при которой они будут в полной безопасности от каких бы то ни было карательных экспедиций персов и их попыток восстановить былое положение на Эгейском море.

Организация союза

Аристиду была поручена организация нового морского союза, целью которого было, с одной стороны, добровольно или принудительно склонить всех греков, живущих по берегам Эгейского моря, отпасть от персов и вступить в тесную связь с Афинами, а с другой стороны, уничтожать персидские корабли при всякой их попытке появиться в Эгейском море. Центром нового союза был сделан храм Аполлона на острове Делосе, бывший уже

в VI в., как мы знаем из гомеровского гимна в честь Аполлона Делосского, общим религиозным центром ионян и афинян. Новый союз был, таким образом, поставлен под верховную защиту Аполлона и получил своего естественного небесного заступника. Это не могло не подействовать на религиозные чувства греков: отпадение от союза стало с этого времени кошунством.

Как мы говорили уже, спартанцы считали нецелесообразным включение в Эллинский союз жителей малоазийских греческих городов, лежащих непосредственно на границе Персидской державы, так как это потребовало бы, по их мнению, постоянного нахождения большого спартанско-афинского войска в Малой Азии. Они предлагали выселить малоазийских греков на материк Греции, предварительно очистив для них здесь города, стоявшие на стороне персов, а Малую Азию отдать персидскому царю. С этой мерой, конечно, не могли согласиться ни сами малоазийские греки, ни афиняне, боявшиеся усиления Спарты на материке. Однако и после ухода спартанцев на родину афиняне на первых порах не включили города Малой Азии в свой союз. Согласно свидетельству Геродота, первоначально в этот союз входили только острова Эгейского моря.

Организация союза на его ранней стадии представляет собой очень темный вопрос. Сообщения Геродота, Фукидида и Плутарха носят крайне отрывочный характер и, вдобавок, внутренне противоречивы. Если по Геродоту в союз первоначально входили только острова, то из Плутарха можно заключить, что уже с самого момента своего образования союз имел приблизительно те же границы, какие он имел к началу Пелопоннесской войны, т. е. охватывал все побережье Малой Азии и Фракии. В пользу этого говорит, как может показаться с первого взгляда, и указание Фукидида, по которому размер обложения союзников налогом на ведение войны, так называемым форосом, равнялся 460 талантам, т. е. той же сумме, которую афиняне получали в правление Перикла.

Спорные вопросы в первоначальной организации союза

Между тем тщательная работа ряда исследователей и эпиграфические находки последних лет показали, что в раннюю эпоху истории союза, кроме островов, к нему принадлежали лишь очень немногие города на малоазийском побережье. Если учесть еще, что значительная, если не большая часть городов на островах фороса не платила, то окажется, что каждый из «податных» членов союза должен был платить форос, во много раз превышающий не только афинскую раскладку при Перикле, но и прежнюю подать при персах, а это противоречит тому, что Аристид за его раскладку называли «справедливым» и его установление считали чрезвычайно умеренным. В науке было

сделано много попыток распутать эти противоречия. Мы позволим себе предложить следующее толкование источников.

Из раскладки 425 г. мы видим, что в нее включен остров Мелос, который в Афинский морской союз ни раньше, ни в это время не входил, а был впервые вынужден вступить в союз только в 416 г. Очевидно, афиняне считали возможным включить в раскладку и те города, которые в союз не входили, но в которых они видели законную сферу их влияния. С другой стороны, в мирном договоре 421 г. устанавливается, что ряд городов македонского и фракийского побережий должны платить форос в том же размере, в каком они его платили при Аристиде. Между тем относительно части этих городов можно доказать с несомненностью, а относительно других — с большой вероятностью, что они не могли входить в союз во время Аристиды. Отсюда, мне кажется, неизбежен вывод: установив общую сумму раскладки в 460 талантов, Аристид включил в свой список не только города, которые уже входили в союз, но и те, на которые афиняне только еще претендовали.

Фукидид в этом случае дает столь же точную информацию, как и во всех прочих: он не отметил только (может быть, он и не знал этого), что раскладка Аристиды имела в виду не реальную территорию союза, а ту территорию, которой он по планам афинян должен был достигнуть к концу войны. Что же касается сообщения Плутарха, жившего приблизительно через 600 лет после этих событий, то оно представляет собой результат непонимания и поздних комбинаций и никакой цены не имеет.

Но как объяснить полное отсутствие у Геродота упоминания в числе членов-организаторов морского союза каких бы то ни было жителей малоазийского побережья? Ведь, по его собственным словам, в битве при Микале на стороне греков сражались, например, милетяне. Причина, можно думать, в том, что, как нам известно, каждый член союза мог иметь свои подчиненные города: например, Милет имел Лерос, Тейхиуссу и Приену на малоазийском берегу, Самос — впоследствии — Аморг, Митилена — ряд городов на побережье Троады. Можно думать, что города на материке при подчинении их силой афинского оружия на первых порах заключали, независимо от союза, непосредственные договоры с афинянами и что лишь спустя некоторое время после организации союза отдельные города материка стали входить непосредственно в союз в качестве неполноправных членов. Но такое положение вещей создалось лишь впоследствии.

Две категории членов союза

Первоначально союз представлял собой военную симмахию, организованную на началах равноправия. Каждый член союза

мог иметь свои подчиненные города и даже воевать с соседями, он обязан был лишь посылать своих делегатов на совещания в Делосе и выставлять причитающуюся на его долю часть кораблей с экипажем во флот и сухопутных воинов для борьбы с персами. Уже очень скоро в число членов союза был включен Милет, а затем и те, первоначально немногочисленные союзники афинян в Малой Азии, которые были подчинены им непосредственно; это были в значительной части города, либо покоренные оружием, либо сдавшиеся под угрозой применения оружия. Они не вошли как равноправные союзники, а должны были уплачивать в союзную казну форос на тех же основах и в том же приблизительно размере, в котором они уплачивали дань персидскому царю по раскладке Артаферна, т. е. исходя главным образом из величины их территории. Можно думать, впрочем, что Аристид входил в положение отдельных городов и, считаясь с этим положением, вносил уточнения в распределение фороса. Союзная казна хранилась на острове Делосе, заведовали ею афинские чиновники, так называемые эллинотами («казначей Эллады»), а самая раскладка фороса устанавливалась афинским народным собранием. Таким образом, «форос» («взнос») был только благозвучным названием, фактически это та же дань, но уплачивавшаяся не персам, а афинянам. Точно так же во время военных походов командование безоговорочно принадлежало Афинам.

Таким образом, уже вскоре после образования союза члены его стали делиться на две категории: одни непосредственно выставляли свой флот, экипаж и воинов в союзную эскадру и в союзное сухопутное войско; другие — кораблей не выставляли, но вместо этого платили форос. Можно думать, что высшая, полноправная категория союзников имела право по собственному усмотрению уплачивать причитающиеся с них взносы либо натурой (т. е. кораблями и их оснащением), либо деньгами. Когда союз образовался, союзники несомненно полагали, что он имеет целью оборонительные военные действия против персов:⁴ в ближайший момент после военного разгрома персов в 479 г. нельзя было ожидать новой агрессии со стороны персов, пока они не выстроят вновь флота; взносы делались на случай нападения персов в будущем. Однако афиняне повели сверх ожидания энергичную наступательную войну, вследствие чего союзникам приходилось из года в год выставлять контингента и рисковать жизнью. Естественно, что многие из полноправных членов (особенно маленькие города с небольшим числом граждан) предпочитали отделяться денежными платежами.

⁴ «Аристид заставил союзников давать деньги на случай нападения варваров» (схолий (древний комментарий) к «Лисистрате» Аристофана, стих 653).

Мы говорили уже, что в древности от роли той или иной группы на войне зависел и ее политический вес: естественно, что члены союза, не выставившие своих континентов во флот, все более и более попадали в положение афинских подданных (*hypoteleis*).

Недовольство союзников и восстания

Делосский союз в первые годы его существования часто изображается в идиллических тонах, причем его противопоставляют афинской «архе» («державе») эпохи Перикла. Однако необходимо обратить внимание на то, что большая часть известных нам восстаний союзников произошла как раз в эту «идиллическую» эпоху, причем восставали теперь, как и позже, не злополучные плательщики флота, а как раз самостоятельные члены союза, во внутренние дела которых афиняне ни теперь, ни позже не вмешивались.

В чем причина этих восстаний? На этот вопрос источники не дают никакого ответа. Очень возможно, что военная добыча от совместных походов, которая была в эту эпоху очень велика, поступала целиком в афинскую казну, несмотря на огромные расходы союзников и проливаемую ими кровь. Вопрос о разделе добычи играл в эту эпоху огромную роль в жизни греческих государств.⁵ Но более вероятно другое: участие в постоянных походах против Персии разоряло и истощало эти государства, в то время как соглашение с Персией, ставшей после понесенного ею поражения весьма сговорчивой, сулило этим государствам большие экономические выгоды. Вспомним, что Наксосу, первым вышедшему из Делосского союза (около 470 г.), по своему географическому положению было удобнее получать хлеб из Кипра и Финикии, чем пользоваться щедротами афинян, захвативших морской путь в Черное море.

Вопрос о праве союзников выходить из союза в его уставе, по-видимому, был оставлен открытым, и потому наксосцы, выйдя из союза, считали, что они поступают вполне правомерно. Но, с другой стороны, статут союза был оформлен в виде клятвенного договора между афинянами, с одной стороны, и союзниками — с другой. «Аристид, — сообщает Плутарх (Аристид, 25) — привел к присяге греков, бросив в море кусок раскаленного железа, причем одновременно были произнесены проклятия против клятвопреступников»⁶, и такое же сообщение мы

⁵ Так, например, до нас дошел в надписи договор между городами Кносом и Тилиссом на Крите, в котором до мельчайших подробностей устанавливается, как должна распределяться добыча в будущих совместных походах этих государств.

⁶ Этот магический обряд имеет такой смысл: как раскаленное железо, брошенное на дно моря, никогда больше не «оживет» и не осветится лучами солнца, так пусть погибнут и не освещаются лучами солнца те, которые нарушат клятву.

читаем у Аристотеля (Афинская полития, 23,5). Эта взаимная клятва позволила афинянам рассматривать выход из союза как клятвопреступление. Вот почему афиняне считали себя вправе пойти походом на восставший Наксос, подвергнуть его осаде и, после покорения, лишить собственного флота и принудить платить флорос.

Это восстание Наксоса не было единственным, в 465 г. вспыхнуло восстание на Фасосе, а по сообщению Фукидида (1, 98, 4), восставали и некоторые другие союзные города, — какие именно, нам, к сожалению, неизвестно. Как бы то ни было, очевидно, что «идиллическая эпоха» Делосского союза, продолжавшаяся 17 лет, заполнена восстаниями союзников, тогда как за всю эпоху господства демократии, вплоть до сицилийского поражения, т. е. за 46 лет, как известно, было только два восстания, и оба эти восстания произошли при содействии внешней интервенции — персидской и спартанской.

6. ПОРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК В АФИНАХ И СПАРТЕ

Конец Павсания

Мы видели уже, как оба вождя демократической оппозиции — Фемистокл в Афинах и Павсаний в Спарте — лишились влияния в своих государствах. Однако они не пожелали сдаться без боя и до последней возможности продолжали вести энергичную борьбу в интересах проводимой ими программы. Переход руководства союзниками от Фемистокла к Аристиду отражал и внутренние политические изменения, происшедшие в Спарте и в Афинах. Павсаний, получив приказ вернуться на родину, прибыл в Спарту и убедился, что здесь его политика не встречает уже сочувствия. Правда, по обвинению в государственной измене он был оправдан, но командовать флотом его уже не послали. Павсаний без разрешения спартанского правительства снова отплыл в Византию и продолжал держать себя так же, как и прежде. Афиняне и их ионийские союзники осадили Византию, в котором находился Павсаний. Одновременно и спартанское правительство потребовало возвращения Павсания на родину. Но Павсаний, несмотря на это, не вернулся в Спарту, а обосновался в городе Колонах в Троянской области, находившейся тогда под властью Персии. Можно быть уверенным, что Павсаний опирался в своих действиях на все еще достаточно значительные меньшинства — на группы сторонников сближения с Персией в Спарте и в Афинах; в Афинах это была группа Фемистокла. Узнав об этом поступке Павсания, эфоры отправили к нему гонца с категорическим приказанием вернуться в Спарту. Он принужден был подчиниться, рассчитывая, по-видимому, на помощь своих единомышленников в Спарте. И действительно,

когда он был по прибытии в Спарту брошен в тюрьму, суд его оправдал. Очевидно, партия Агиадов еще имела в Спарте достаточное число приверженцев; это видно также из того, что Спарта не решается отказаться вовсе от участия в восточной экспансии, а ведет двойственную политику: после окончательного ухода Павсания из Византия сюда назначается начальником Доркид. Спартанский гарнизон продолжает и после того, как пришлось отозвать Доркида, оставаться в Византии, в этом чрезвычайно доходном пункте на пути к черноморскому хлебу. Только в 472 г. Делосскому союзу удалось захватить Византию в свои руки.

В это время в Афинах спартанофильская партия взяла уже окончательно верх; после того, как Фемистокл был изгнан остракизмом, вся власть перешла в руки Кимона и его партии. Фемистокл, однако, не сложил оружия. Он поселился в Аргосе, где в это время был введен уже демократический строй, объезжал различные города Пелопоннеса и организовывал повсюду демократические перевороты. В городах Пелопоннеса началось брожение: Аргос покорил аристократический Тиринф и присоединил его к своей территории. В Элиде произошел демократический переворот. В то же время Павсаний, действовавший в тесном контакте с Фемистоклом, вел пропаганду среди илотов и пытался организовать восстание в самой Спарте.

Все это не могло не испугать спартанское правительство. Удалось изобличить Павсания в переписке с персидским царем, которому он обещал, вероятно, большие уступки, может быть даже, подобно Клисфену, «землю и воду». Изобличенный Павсаний бежал в храм Афины Меднодомной, откуда его по античному религиозному закону нельзя было вывести силой; тогда его там заперли и измором довели до голодной смерти.

Конец Фемистокла

Вместе с тем спартанцы сообщили афинянам, что в сношениях Павсания с персами был замешан и Фемистокл, и потребовали суда над ним. Как известно, удаление остракизмом не было наказанием за преступление, а потому не сопровождалось умалением гражданских прав: в Афинах остались у Фемистокла дом, земля, семья и богатство; по истечении десяти лет, а при благоприятных условиях и раньше, он мог надеяться вернуться в Афины и занять прежнее положение. Но теперь предстоял уже настоящий суд, и Фемистокл был вызван в Афины. Он не решился явиться в суд и представил письменное объяснение. В это время афиняне уже снова вели открытую войну с Персией, а потому всякие сепаратные сношения с нею должны были рассматриваться, как государственная измена. Афиняне присудили Фемистокла заочно (скорее всего, в 464 г.) к смертной казни и конфискации имущества. Вместе со Спартой они

предъявили к Аргосу требование выдать Фемистокла. Аргос не решился отказать соединенному требованию Спарты и Афин и потребовал, чтобы Фемистокл удался. Будучи вынужденным уйти из Аргоса, Фемистокл направился в Керкиру. Однако и Керкира не решилась держать у себя Фемистокла, и ему ничего не оставалось, как бежать на материк, к царю эпирских молоссов Адмету, который, как мы видели выше, имел все основания недоброжелательно относиться к Фемистоклу. Однако по соображениям личного или политического характера⁷ Адмет дал возможность Фемистоклу переправиться в Пидну (в Македонию). Сюда прибыли к нему друзья из Афин, привезшие тайно от афинян его деньги и семью. Здесь он сел на грузовое судно и поплыл в Малую Азию, так как у него оставался лишь один выход: отправиться к персидскому царю. Персия была единственным государством, которое не боялось угроз Афин и Спарты.

Фемистокл после долгих перипетий попал к царю Артаксерксу, правившему с 464 г. Царь принял его с большой честью.

Политика Персии в Малой Азии

Персидские цари — Ксеркс и Артаксеркс — вели в Малой Азии разумную политику. На побережье Малой Азии большая часть греческих городов подпала под власть Афин. Желая внушить доверие населению этих городов и опираясь на персифильские группы, которые в ряде городов были еще очень влиятельны, персы сажают правителями крупнейших городов от Геллеспонта до Карии виднейших греческих общественных деятелей, пользовавшихся у эллинов особой популярностью. Это был прежде всего спартанский царь Демарат, изгнанный своими противниками из Спарты во время Греко-персидских войн и, вероятно, бывший кандидатом персов на руководство Европой в случае их победы; теперь он должен был возглавить греков Малой Азии. Ему царь дал Пергам, Галисарну и Тевтранию в Мисии, в районе Геллеспонта. Демарат очень подходил к такой роли, ибо его отцом считали героя Астрбака, — он признавался, следовательно, полубожественным существом. Соседние города Мисии — Гамбрий, Гриней и Мирину царь предоставил бывшему крупному общественному деятелю в Эретрии на Евбее Гонгилу, помощнику Павсания. Самому Павсанию до его вторичного отозвания в Спарту царь предоставил Колоны

⁷ По сообщению Фукидида, Фемистокл сел у очага Адмета, как «проситель» (просители — hiketai, — севшие у алтаря, пользовались по старинным греческим обычаям гостеприимства неприкосновенностью). Адмет не решился нарушить старинные законы гостеприимства или, по крайней мере, воспользовался случаем сослаться на это, чтобы не раздражать афинян и спартанцев.

в Троаде. Потомкам Писистратида Гиппия царь, как мы видели, отдал Сигей в той же Троаде.

Теперь к числу этих правителей присоединился и Фемистокл, которому царь дал там же на Геллеспонте Лампсак «на вино», крупный центр Магнесию на Меандре — «на хлеб» (она приносила Фемистоклу ежегодно дохода 50 талантов) и Миунт (близ Милета) — «на приправу».

Если мы взглянем на карту Греции, то убедимся, что эти города, управляемые видными общественными деятелями с греческого материка, по идее персидского правительства должны были быть расположены от южного побережья Малой Азии до Геллеспонта, но особенно густо они лежали у Геллеспонта, где был ключ ко всему хлебному снабжению Греции. И в этом случае, предоставив Фемистоклу верховную власть в трех пунктах, лежащих — один на юге Малой Азии, другой — в середине, а третий — на севере ее, на побережье Геллеспонта, на хлебном пути, — царь демонстративно хотел показать грекам, что ответственнейший пост по управлению греками он предоставляет популярнейшему у самих греков демократическому общественному деятелю.

Эта политика оправдала себя: в течение всего V века не прекращается тяготение афинских союзников к Персии. Поставленные ею правители были весьма популярны, прежде всего — Фемистокл. Он правил, пользуясь большим уважением местного греческого населения: в Магнесии ему был впоследствии поставлен памятник, в Лампсаке еще в конце III в. в честь Фемистокла справлялись празднества, а его потомки пользовались почетными правами. О смерти Фемистокла ходили различные легенды, но в действительности он умер в Магнесии от болезни, оставаясь на посту персидского наместника.

7. КИМОН И БОРЬБА С ПЕРСИЕЙ

Как мы видели, уже до изгнания Фемистокла власть в Афинах перешла к аристократической партии, возглавляемой Кимон. Правда, демократический строй не был изменен, и демократические учреждения функционировали по-прежнему; но тенденциозное толкование прав Ареопага давало возможность лишить силы любое народное постановление, противоречащее интересам этой партии.

Кимон

Руководитель Афин в эту эпоху, Кимон, сын Мильтиада, был верным сторонником Спарты и спартанских учреждений. На пост руководителя государства он был выдвинут происками Спарты в противовес Фемистоклу, и он не обманул надежд

Спарты. При всяком удобном и неудобном случае, в частном разговоре, в народном собрании, на суде он прославлял спартанское государственное устройство, противопоставляя его афинскому. Его любимым выражением было: «Спартанцы так бы никогда не поступили». Сам он был воспитан чисто по-спартански: он был малограмотен и не развит, но зато умел вести беседу в обществе, петь и выражаться лаконично. Его щедрость воскрешала старые дописистратовские времена: каждый желающий из его демотов (сограждан, приписанных к тому же дему) мог беспрепятственно рвать плоды в его садах, бедным демотам он давал одежду; вся эта демагогия имела целью, «чтобы (его клиенты) могли заниматься государственными делами», — иными словами, чтобы они его поддерживали на выборах и составляли его свиту. Выросший во Фракии, как сын греческого царька, правившего фракийцами (таким именно и был Мильтиад), и настоящей фракийской царевны, он и в Афинах устроил нечто вроде царского двора, окружив себя придворными поэтами. Он не жалел издержек на литургии, и они поражали своей необыкновенной пышностью. Он был спартанским проксеном в Афинах и сыну своему дал имя «Лакедемоний» («лакедемонянин»).

Завоевание фракийского побережья и Скироса

Кимон был прирожденным воином: подобно спартанцам он считал войну своей стихией. Но, конечно, он и не думал о войне с обожаемой им Спартой: его победа над Фемистоклом, стоявшим за мир с Персией, означала открытие новых военных действий против персов. Фракийское побережье, столь близкое сердцу Кимона, оставалось еще в руках персов, и это очень мешало снабжению афинян македонским лесом. Уже в 476 г. Кимон выплывает с флотом к фракийскому побережью, завоевывает ряд мелких пунктов и после долгой осады захватывает главное укрепление персов во Фракии Эйон в устье реки Стримона.⁸ В районе реки Стримона лежали серебряные рудники, поэтому захват Эйона был особенно важным делом.

Из Фракии Кимон вывез огромное количество богатств и прежде всего рабов. Затем Кимон направился против острова Скироса, жители которого занимались пиратством и делали опасной торговлю на Эгейском море. Одним из официальных поводов для нападения на Скирос было также то, что по пре-

⁸ Начальником над гарнизоном крепости был перс Богес. Кимон предложил ему сдать крепость и удалиться невредимым в Персию, но Богес отклонил это предложение и героически держался до последней крайности: «Наконец, когда съестных припасов в крепости больше не было, он велел соорудить большой костер, умертвил детей, жену, наложниц и бросил их в огонь, потом все золото и серебро, которое было в городе, бросил с крепости в Стримон и, наконец, сам прыгнул в огонь» (Геродот. VII, 107).

данию на Скиросе когда-то был убит афинский царь Тезей, бежавший сюда из Афин. Теперь афиняне шли мстить за смерть Тезея. Кимон взял остров, выселил из него всех жителей и поселил здесь афинских клерухов. Затем, следуя «указанию богов», он разыскал на Скиросе «кости Тезея» и перевез их в Афины, где все население встретило их с большим торжеством.

После всех этих успехов Кимон возвратился домой с массой сокровищ и рабов. Его встретили с торжеством, в честь его даже поставили особые столбы (гермы) с почетными надписями.

Битва при Евримедонте

Эти успехи дали возможность Кимону задумать и выполнить новую большую морскую операцию. Это было приблизительно в 468 г. Большая эскадра афинян и их союзников нанесла поражение персидскому флоту в устье реки Евримедонта в Памфилии. Персы высадились на берег и укрепились здесь, но и греки высадились вслед за ними и нанесли им поражение также и на суше. После этого афиняне выплыли в море и разбили финикийскую эскадру, шедшую на помощь персам. В общей сложности было уничтожено около 200 персидских кораблей.⁹

Покорение малоазийского побережья

Только после битвы при Евримедонте началось покорение малоазийского побережья в более широком масштабе. В это время персам еще принадлежали все города Троады и Эолиды, города на фракийском Херсонесе (покорены только в 465 г.) и часть городов на азиатском берегу Геллеспонта (например, Сигей, Лампсак). Несмотря на то что на море хозяйничали афиняне, ряд городов, лежащих далее к югу и впоследствии плативших форос афинянам (Гринея, Мирина, Эрифры, Колофон, Эфес, Миунт, Фаселид, а также дорийские города Кари и Ликии), в это время еще принадлежали персам; греческие же города, лежащие несколько дальше от берега, как, например, Пергам, Гамбрий, Магнесия на Меандре, оставались персидскими еще и в течение всего V в. В ряде городов, присоединен-

⁹ Плутарх (Кимон, 13) видел в битве при Евримедонте конец борьбы с Персией и непосредственно после этой битвы помещает Кимонов мир, по которому Персия якобы отказалась от власти над малоазийскими греками. Но Плутарх несомненно ошибается: его источник Каллисфен имел, очевидно, в виду не события 468 г., а Каллиев мир 447 г. Каллисфен указывал, что мир 447 г. фактически соблюдался уже с 468 г., так как корабли Эфиальта (ранее 460 г.) и Перикла выплывали в море, не встречая персидских кораблей; Плутарх отнес поэтому мир с Персией к 468 г.

ных в 70-х годах к Афинскому союзу, симпатии большинства населения были на стороне персов, и их удавалось подчинить только силой. Действительно, подчинение Персии открывало этим городам большой внутренний рынок; с другой стороны, персы не оказывали давления на внутреннее устройство греческих городов и довольствовались уплатой дани. Насколько сильны были симпатии к Персии во многих из этих городов, видно из следующего. Фаселид был накануне битвы при Евримедонте осажден Кимоном, но «фаселиты отказались впустить его в город и не желали отлагаться от персов» (Плутарх, Кимон, 12); только под влиянием хиосцев они решились на этот шаг. Когда вскоре после битвы при Евримедонте афинянам удалось присоединить к себе ионийские Эрифры, сторонники враждебной афинянам партии бежали к персам. Опасность отложения Эрифр к персам оказалась настолько большой, что здесь пришлось оставить афинский гарнизон и коменданта (Фрурарха); как следует из надписи с текстом афинского декрета (IGP10), эрифрейцам запрещалось изгонять кого бы то ни было и позволять вернуться бежавшим к персам без разрешения афинского народа. У них был организован совет по афинскому образцу, члены его, выбранные по жребию, утверждались афинскими разъездными наблюдателями (епископами) и комендантом. Впрочем и в городах, вошедших в самого начала в союз в качестве равноправных союзников, господство афинян ощущалось не менее тяжело: именно в этих городах раньше всего имели место попытки отложиться от Афин, что означало на практике отложиться к персам. Мы говорили уже об отложении Наксоса.

Аналогичные факты, по-видимому, произошли и в Милете, — здесь власть старинной аристократической коллегии мольпов была низвергнута Тиранами — потомками древнего царского рода Нелидов, — очевидно, в этом перевороте принимала участие Персия. В это время Милет еще имел ряд владений (Лерос, Тейхиуссу, Ассес, может быть, и Приену). Афиняне поддерживали аристократов, и власть Тиранов была свергнута, но через некоторое время эти аристократы также отпали от Афин и перерезали сторонников демократии. Власть аристократов, быть может, под давлением Персии, была снова заменена господством Тиранов из царского рода Нелидов. Сторонникам Афин удалось утвердиться только в Леросе и Тейхиуссе. Только позже, в 453 или 452 г., афинянам удалось снова присоединить к союзу Милет: как мы узнаем из одной надписи 450 г. (IGP22), здесь был учрежден совет по образцу афинского, а потомки Тиранов навсегда изгнаны и прокляты.¹⁰

¹⁰ Можно предположить, что в связи с этими событиями Милет перешел из числа равноправных союзников в число союзников, платящих форос.

Кимон и Спарта

Аристократический режим в Афинах потерял свой авторитет и был свергнут, казалось, в момент своего наибольшего блеска. Причина этого перелома в общественном мнении заключается и во внутренней и во внешней политике Кимона. Непрерывные войны в течение тринадцати лет не могли не утомить и не вызвать раздражения у афинян. Весь внутренний азиатский рынок был потерян. Но и главная цель политики Кимона — сближение и мир со Спартой — не была достигнута. Спартанцы не имели ничего против того, чтобы их верный союзник Афины, в возмещение чрезвычайных тягот войны, взятой афинянами всецело на себя, получили самостоятельную сферу влияния и военную добычу, но спартанцы никак не могли предвидеть, что борьба Афин с Персией закончится так быстро и успешно, что они захватят в свои руки и острова, и побережье Эгеиды вплоть до Македонии, где сходились сферы афинского и спартанского влияния. Пусть в Афинах господствовал умеренный, угодный Спарте режим, и у власти стояли люди, наиболее желательные для спартанцев; пусть Македония с ее корабельным лесом не представляла большого экономического значения для Спарты; пусть, наконец, как мы увидим ниже, и сам Кимон в угоду Спарте не пожелал использовать представляющуюся ему возможность завоевать Македонию. Тем не менее, Спарта решила, что международное равновесие нарушено, и соответственно повела свою дальнейшую политику.

Конечно, нельзя упускать из виду и следующего: спартанцам было ясно, что власть аристократии в государстве с демократической конституцией не может быть долговечной, а их единомышленники в Афинах сигнализировали им об уже начинающемся брожении. Все это чрезвычайно охладило дружбу между афинянами и спартанцами и побуждало спартанцев поддерживать не только недовольные элементы среди союзников Афин, но и недовольные самостоятельные государства, которым усиление Афин непосредственно не угрожало, в первую голову — Македонию.

Спартанцы злорадно следили за каждой неудачей Афин. Завоевательная политика Кимона, нарушив международное равновесие в Греции, угрожала афинянам перспективой войны на два фронта. Попытка Кимона выйти из этого положения путем унижительных для Афин и угрожающих их престижу уступок близкой ему по духу Спарте вызвала лишь досаду и неудовольствие в Афинах.

Не в меньшей мере подорвала популярность аристократической партии и ее внутренняя политика. За все время правления аристократов не было проведено ни одного мероприятия для улучшения экономического положения или расширения политических прав граждан класса фетов. Правда, привезенные Кимоном богатства на первых порах улучшили положение афинской бедноты. Но скоро обнаружилась и оборотная сторона дела: привезенные Кимоном многочисленные рабы и вновь открытые рабские рынки резко обесценили труд; свободным людям стало невозможно конкурировать с рабами, и появились большие массы безработных.

В Греко-персидских войнах 490—479 гг. тяжеловооруженная пехота, вербовавшаяся из зажиточных элементов населения, сыграла весьма важную, если не решающую роль. В непрекращающихся военных действиях 478—463 гг. вся тяжесть падала на моряков — граждан класса фетов, а между тем эти граждане не только не могли быть выбранными в совет и занимать государственные должности, но и формально даже стояли вне государственных кадров: они могли лишь участвовать в народном собрании, но не входили в организацию демов и подчинялись не демархам, а командирам легковооруженных войск.

Впрочем и зажиточные незнатные граждане не имели основания быть довольными господствовавшим режимом. Их оплотом был совет пятисот, выбранный из трех высших классов. Теперь совет на Ареопаге, пользуясь своими контрольными функциями, парализовал всякие мероприятия, направленные к укреплению или расширению прав демократии, от кого бы они ни исходили — от народа или от должностных лиц. К тому же члены всемогущего Ареопага и высшие аристократические должностные лица в сознании безнаказанности своей власти позволяли себе всевозможные злоупотребления: процветали взяточничество, протекционизм, казнокрадство; власть позволяла себе вмешиваться в частную жизнь граждан под предлогом борьбы с растущей безнравственностью, но фактически для сведения политических и личных счетов. Это давало возможность руководителям демократической партии выступить с последовательными и убедительными лозунгами: лишение Ареопага всех его политических и судебных функций, исключая дел об убийстве, которые по религиозным причинам могли разбираться только в этом освященном традицией судилище; уход Кимона и его ближайших соратников с руководящих постов в государстве; расследование злоупотреблений аристократических магистратов и возбуждение против них уголовного преследования; допущение граждан класса зевгитов к занятию всех должностей, включая архонтат; обеспечение всего гражданского населения работой и пропитанием.

Голосование в народном собрании по вопросам выбора должностных лиц производилось открыто (путем поднятия рук, «хиротония»), и поэтому трудно было рассчитывать, чтобы рядовые афиняне в большом числе стали голосовать против представителей знаменитых домов, «потомков богов», ибо в те времена

... в стратеги выбирались
Лишь те, кто всех затмить могли и родом и богатством,
Лишь представители домов отменных и высоких.
Им все молились, как богам: они и впрямь богами
Ведь были...

как говорится в одной комедии эпохи Пелопоннесской войны. Но это были не только «потомки богов», это были еще и организаторы великой победы над Персией. Поэтому более целесообразным методом борьбы была постановка вопроса об ostracism Кимона, что обезглавило и деморализовало бы аристократическую партию.

Во главе этой вновь образовавшейся демократической партии стали теперь известный своим пуританским образом жизни и неподкупностью Эфиальт и его молодой друг и помощник Перикл, двоюродный правнук знаменитого Алкмеонида Клисфена и сын Ксантиппа, победителя при Микале.

9. НЕДОВОЛЬСТВО СОЮЗНИКОВ

Восстание на Фасосе

Толчком к развязыванию событий послужило восстание на Фасосе. Мы говорили уже, как отнеслись спартанцы к чрезмерному усилению Афин, хотя Афинами и руководила дружественная и преданная Спарте аристократическая партия. В целях восстановления международного равновесия, они вступают в тайные сношения с жителями Фасоса, которые были настроены враждебно к афинянам за то, что те отобрали у них часть торговых пунктов и золотых приисков на побережье Фракии. Фасосцы отложились от афинян. Афиняне под предводительством Кимона вышли против Фасоса, разбили фасосский флот в морском бою, высадились на остров и осадили город Фасос. Лакедемоняне обещали фасосцам, что они вторгнутся в Аттику и таким образом заставят афинян прекратить осаду Фасоса. Спартанцы уже собрались в поход, но в Спарте в это время произошло большое восстание илотов, о котором мы скажем ниже, и они не в состоянии были ничем помочь фасосцам. После длительной осады Фасос был взят, укрепления срыты, флот выдан афинянам, а фасосцы отказались от владений на материке и золотых приисков и согласились платить форос.

Образование афинской «архе»

Покорение Фасоса знаменовало начало нового этапа в жизни союза. Целый ряд членов союза стал просто подданными (hypoteleis) Афин: союз («симмахия») постепенно превращается в «державу» — «архе». На решения местных судов, вероятно, уже в это время в наиболее важных случаях можно было жаловаться в Афины; государственное устройство этих городов регулировалось Афинами, особые разъездные надзиратели («эпископы») и разъездные агенты («клетеры») следили за этими городами, в ряде городов стояли афинские гарнизоны. Наконец, все эти города платили дань афинянам. Уплата дани, по-видимому, не всегда даже освобождала «союзников» от обязанности выставлять свои контингенты в войско, хотя бы война велась и не с персами.

10. ПАДЕНИЕ КИМОНА

Процесс Кимона

Естественно было ожидать, что, покорив Фасос, Кимон двинется на Македонию. Полагали, что для него при создавшемся положении не стоило бы большого труда добиться от Македонии территориальных уступок. Но он этого не сделал. Поэтому, по возвращении Кимона в Афины, Эфиальт и Перикл добились возбуждения против него процесса, обвиняя его в том, что он вошел в тайные сношения с македонским царем Александром и принял от него подарки. В своей защитительной речи Кимон отрицал факт подкупа и ссылаясь лишь на свою преданность Спарте, что и было, вероятно, действительной причиной того, что он не пошел в Македонию. Кимон был оправдан по обвинению в подкупе, но этот процесс был первым ударом по его влиянию. Обвинителем Кимона в этом процессе был Перикл.

Восстание илотов в Спарте

В Спарте в это время случилось следующее. В 465 г. во время осады афинянами Фасоса здесь произошло неслыханной силы землетрясение. Город Спарта был обращен в развалины, уцелело лишь пять домов. Царь Архидам сразу же понял, что илоты используют этот случай для того, чтобы свергнуть иго спартиатов; он выстроил уцелевших воинов в боевой порядок. Илоты действительно сбежались со всех сторон Лаконии, чтобы уничтожить ненавистных им спартиатов, но нашли их в полном боевом вооружении; так как илоты не имели тяжелого вооружения, то им пришлось удалиться. Одновременно восстали и мессенские илоты, и положение спартиатов стало отчаянным.

Мы уже говорили, что Эллинский союз, заключенный накануне Саламинской битвы, был по существу расширенным Пелопоннесским союзом, а по уставу Пелопоннесского союза все союзники должны были приходить на помощь Спарте, если восстанут илоты. При создавшемся тяжелом положении спартам не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью, наряду со всеми другими союзниками, к афинянам, несмотря на то что им было известно о начинающемся усилении демократической партии в Афинах.

О посольстве в Афины Аристофан рассказывает в следующих словах:

Сюда спартаец Периклид
Пришел когда-то бледный, в пурпурном плаще,
И именем богов, прильнувши к алтарям,
Молил прислать солдат. В тот год как раз на вас
Обрушился два удара: божий гнев —
Землетрясение; а вслед за ним еще
Мессена много вам доставила хлопот.

Поход Кимона в Мессению

Кимону стоило больших трудов заставить афинян выполнить договор.¹¹ Афинянам несомненно было известно, что Спарта собиралась оказать помощь Фасосу; демократические деятели указывали и на то, насколько выгодно было бы для Афин ослабление Спарты. К тому же широкие массы афинян несомненно сочувствовали поработанному мессенскому народу, тем более, что, по преданию, древние афинские цари были по происхождению мессенянами. Тем не менее Кимон настоял на выполнении договора, и ему разрешили отправиться с 4000 гоплитов в Лакедемон, куда он и направился (как я полагаю, в 463 г.).

В это время главные силы мессенян засели в сильной крепости Итоме, и спартамцы осаждали их без успеха. Спартамцы не умели брать укреплений, а афиняне были в этом мастера. Однако Итому, лежащую на неприступной скале, не удалось взять и афинянам. Спартамцы стали подозревать афинских воинов — справедливо или несправедливо — в тайных переговорах с осажденными итомцами и в стремлении произвести в Спарте демократический переворот. Поэтому из всех союзников спартамцы отпустили только афинян, заявив, что они больше не нуждаются в их помощи. Это было прямым оскорблением афинян.

Кимон, вернувшись в Афины, пытался, по-видимому, изобразить дело так, как будто афиняне имели большой успех в Спарте. Отголоски этой версии мы находим у Аристофана:

¹¹ По словам Иона Хиосского, он уподобил Афины и Спарту паре коней, запряженных в колесницу Эллады (эта метафора взята из «Персов» Эсхила, но там речь идет об Элладе и Азии!), и сказал, что в случае падения Спарты Эллада станет хромой (Плутарх, Кимон, 16).

Четыре тысячи гоплитов взяв с собой,
Пошел наш Кимон к вам — и спас Лакедемон.

Но эта защита не имела успеха.

Поход на Кипр и в Египет

Афиняне немедленно расторгли договор со Спартой, заключенный перед Саламинской битвой.

Чтобы поднять свой гибнущий престиж, Кимон¹² прибегнул к старому, испытанному им средству: он решил отвлечь внимание народных масс новой войной с Персией. Ливиец Инар восстал против персидского царя Артаксеркса и поднял большую часть Египта. Он обратился за помощью к афинянам: возможно, он посылал уже в Афины хлеб и был связан с ними дружбой. С большим флотом из 200 кораблей Кимон отправился против персидского царя на Кипр. Часть сил Кимона вела войну на Кипре, часть даже в Финикии, а основная масса с флотом направилась в Египет. Афинянам вместе с египтянами удалось разбить персов и осадить их в Мемфисе. Эта осада, однако, затянулась надолго.

Реформа Ареопага

Между тем, афинские демократы, возглавляемые Эфиальтом, воспользовались отсутствием вождя аристократов Кимона для нападения на Ареопаг. Эфиальт был человеком исключительной честности, чего не могли отрицать даже его политические враги. Его ближайшим помощником был Перикл. Чтобы дискредитировать Ареопаг, Эфиальт возбудил ряд процессов против его членов, затем провел закон о лишении Ареопага его права политического контроля — Ареопаг сохранил лишь право суда по делам об умышленном убийстве. С этого момента Ареопаг перестает играть какую бы то ни было роль в политической жизни страны. Возможно также, что одновременно с этим была введена плата за исполнение некоторых государственных должностей. Эти реформы так возмутили аристократов, что Эфиальт был убит из-за угла.

Изгнание Кимона

Когда Кимон вернулся из Кипра, демократический переворот в Афинах был уже совершившимся фактом. Кимон попытался восстановить старый порядок, но в 461 г. его изгнали остракизмом. Начался новый демократический период.

¹² По вопросу о дате и руководителе этого похода, вызвавшему много споров в науке, см. ниже, с. 336 сл.

11. ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО И НАУКА ПЕРИОДА РЕАКЦИИ

Лирика. Пиндар и Симонид

Реакция, упорная борьба с ней и, в конце концов, победа демократического направления характеризовали не только политическую жизнь в Афинах 479—461 гг.: этими же чертами характеризуется и литература и искусство этого времени. Если в VI в. победа городского торгово-ремесленного класса ознаменовалась победой индивидуальной лирики над героическим эпосом, то теперь реакция в политической жизни сопровождается вытеснением этой индивидуальной лирики, выдвигавшей на первый план личные переживания отдельного человека, официальной безличной хоровой лирикой, написанной по заказу и в интересах государства и его правителей. Это — торжественная ода, надгробие в честь павших героев и т. п. Виднейшим представителем этого направления был фиванец Пиндар (518—422 гг.). Он писал песни в честь победителей на Олимпийских и иных состязаниях, так как в обряд встречи возвращающихся на родину победителей входило пение особых торжественных песен. Пиндар в этих одах воспевал личную жизнь победителя и перечислял его победы; кончались эти оды обыкновенно моральными наставлениями. Центральной частью оды Пиндара является пересказ какого-либо мифа, связанного либо с предками победителя, либо с его городом, либо с ним самим. Оды Пиндара распадаются на четыре книги, из которых каждая посвящена победам на одном из общегреческих состязаний: оды Олимпийские, Пифийские (эти состязания происходили в Дельфах), Истмийские (около Коринфа) и Немейские (в северо-восточном Пелопоннесе).

Самое упоминание предков победителя и рассказ об их подвигах чрезвычайно характерны для реакционно-аристократического образа мыслей Пиндара: такую же цель иногда преследуют и включенные в оду мифы. Аристократическая «доблесть» мыслилась унаследованной от великих предков, а эти предки в свою очередь считались потомками богов, мифы о которых и рассказывались в оде. Впрочем, «доблесть» самих аристократов, которым Пиндар посвящает свои оды, прославлялась фактически за то, что они имели много денег и могли содержать конюшни беговых лошадей; непосредственно в состязаниях они не участвовали, а на их конях выезжали возницы, хотя победителями на состязаниях выкликались не эти возницы, а владельцы конюшен.

Пиндар теснейшим образом связан с Дельфийским оракулом: проповедуемые им моральные правила — «Во всем соблюдай меру» (*meden agan*) и «Знай свое место» (*gnothi seauton*) — главные принципы дельфийской мудрости.

Древние восхищались Пиндаром, но на нас его трудный и крайне искусственный язык уже не производит впечатления, тем более, что оды его рассчитаны на музыкальное сопровождение, а до нас эта музыка не дошла.

Дошедшие до нас оды Пиндара и отрывки из несохранившихся од отражают все изменения в мировоззрении Пиндара с 486 по 474 г. В 486 г. Пиндар настроен враждебно к афинскому правительству и сочувствует изгнанному из Афин Алкмеониду Мегаклу, державшемуся персофильской ориентации. Так, в VII пифийской оде он прославляет Афины и род Алкмеонидов как за то, что они великодушно перестроили на свой счет Дельфийский храм, так и за победы на национальных состязаниях, последняя из которых была одержана самим Мегаклом. «И этот новый успех радует меня немного, но больно мне видеть, как на благородные дела (сограждане) отвечают завистью».

В 480 г., когда Фивы отказались стать на сторону греков и предпочли заключить соглашение с персами, Пиндар в одной из своих «гипорхем» (песен для сопровождения танцев) подерживает эту позицию фиванского правительства:

**Мила война тем, кто ее не познал, но тот,
Кто ее вкусил,
Дрожит при приближеньи ее
Мучительно сердцем.
Тот, кто общине граждан
Счастья желает в душе,
Благородного мира пусть найдет
Пречистый лик,
А ярость войны от души
Пусть удалит навек:
Она ведь с собой нищету
И злобу приносит.**

Война с персами окончилась победой греков, и вместе с Дельфийским оракулом меняет свою позицию и Пиндар. Чистосердечно и несколько цинично объясняет он во II пифийской оде свое поведение: «Муж, умеющий говорить кстати (*euthyglossos*), имеет успех при всяком строе: и при тирании, и когда власть у жадного народа, и когда, наоборот, стражами государства являются мудрецы. Не следует спорить с божеством, которое то подымает вверх одних, то дает великую силу другим».

Несмотря на это последовательное оправдание беспринципности в вопросах отношения к персам, вызванное неожиданным поворотом событий в 479 г., относительно классовой борьбы Пиндар своей точки зрения отнюдь не меняет: для него аристократы это «мудрые стражи государства», а народ — это «жадная масса».

Вскоре после этого Пиндар прославляет уже «сынов Афин, заложивших блестящий фундамент свободы», как мы читаем

в одном из дошедших до нас его отрывков, а в I пифийской оде, написанной в 474 г., Пиндар уже преисполнен панэллинского национального чувства и прославляет Гиерона Сиракузского, благодаря заслугам которого «унижены и стонут корабли финикиян и этрусков под Кумами», когда Гиерон «сбросил в море с кораблей всех их цветущих возрастом воинов и спас Элладу от тяжкого рабства». В этой же оде он прославляет сыновей Дейномена, т. е. Гелона и Гиерона, за победу при Гимере, спартанцев — за победу при Платее и афинян — за победу при Саламине. Теперь примирение с Персией стало лозунгом демократов, а борьба с ней — лозунгом аристократов, и во имя классовых интересов аристократии бывший персофил Пиндар не задумывается проповедовать единение греков для совместной борьбы с Персией.

Современник Пиндара Симонид Кеосский особенно прославился красивыми лаконичными надгробными стихами в честь погибших героев войны. Знаменито надгробие, написанное им на могиле воинов, павших в сражении с персами при Фермопилах (см. ч. I, с. 261).

К сожалению, Симонид был известен в то же время во всей Греции своим корыстолюбием: по словам Аристофана, он был «дохода ради на рогоже плыть готов».

Трагедия. Эсхил

Развитие трагедии в разбираемую нами эпоху также теснейшим образом связано с политическими событиями этого времени. Трагедия, изображавшая первоначально страсти бога Диониса, уже до этой эпохи перешла к изображению других мифологических сюжетов, взятых главным образом из поэм гомеровского цикла (сюжеты из «Одиссеи» и «Илиады» брались редко, так как эти поэмы читались каждым ребенком в школе и были хорошо известны во всех подробностях; они вытеснили другие версии тех же рассказов, и поэтому автор был бы слишком связан в своем творчестве).

Величайшим трагическим поэтом этой эпохи был Эсхил. Эсхил родился около 520 г.¹³ и скончался вскоре после 458 г. Он происходил из Элевсина, из знатного жреческого рода и был носителем старых аристократических традиций. Однако Греко-персидские войны, в которых он принял непосредственное участие (он сражался и в Марафонской и в Саламинской битвах), преисполнили его гордостью и уважением к афинскому демократическому строю. Эти биографические факты объясняют своеобразное мировоззрение Эсхила: увлечение демократиче-

¹³ По преданию, в 480 г. в Саламинской битве Эсхил принимал участие как воин, Софокл пел в хоре юношей по случаю победы, а Еврипид как раз в это время родился. Отсюда заключают о дате рождения Эсхила.

ским строем, в котором ведущую роль играла бы старая аристократия, т. е. тем строем, который в принципе господствовал в это время в Афинах.

Возможность освещать в трагедии злободневные политические вопросы облегчалась прогрессом театральной техники. Если ранние драмы Эсхила, как мы видим из дошедшей до нас трагедии «Молящие», представляют собой еще религиозные кантаты, большую часть которых составляют песни хора, тогда как диалог корифея с единственным актером, играющим в разных сценах разные роли, занимает лишь немного места, то в более поздних пьесах диалог играет уже значительно большую роль, чем песни хора, и вводится второй, а под конец жизни Эсхила (под влиянием Софокла) — и третий актер.

Уже в «Молящих» под видом египтян, вторгшихся в аргосскую землю и творящих здесь насилия, выведены, как можно думать, персы, вторгшиеся в Элладу. Но в эту эпоху (и только в эту эпоху!) появляются и пьесы, посвященные не мифологическим сюжетам, а великим событиям из современной эпохи. В 494 г., после разрушения Милета, Фриних написал трагедию «Взятие Милета», вызвавшую слезы на глазах зрителей; Греко-персидским войнам были посвящены трагедия Фриниха «Финикиянки» и трагедия Эсхила «Персы», написанная в 472 г. и дающая эпическое описание Саламинской битвы.

Впрочем, античным поэтам удавалось откликаться на все волновавшие афинян вопросы и события и в рамках традиционной мифологической формы. Трагедия Эсхила «Прометей» появилась на сцене, по-видимому, через несколько лет после «Персов». В этой трагедии Эсхил поставил своей целью показать, что аристократию нельзя просто вычеркнуть из афинской жизни. Первая дошедшая до нас пьеса его трилогии «Прометей прикованный» ставит читателя всецело на точку зрения демократии. Правящая аристократия, воплощенная в лице Зевса и его присных, не есть «исконная» власть: это — сравнительно новая власть, сменившая «народолюбивое» и счастливое правление Кроноса. Зевс правит как тиран, своевольничая и насильничая. Олицетворяющий демократию Прометей, желающий просветить и освободить народ, терпит неслыханные муки от Зевса; из личной прихоти тиранит Зевс и несчастную девушку Ио. Как демократы его времени предсказывали близость полной гибели аристократии, так и Прометей предсказывает близкую гибель Зевсовой тирании. Бесстрашие и свободолюбие благородного Прометея так контрастно противопоставлены деспотизму Зевса и низости его свиты, что Эсхил мог быть уверен, что этой первой пьесой он окончательно завоевал сердца народолюбивых афинян. Но таково содержание только первой пьесы. Из второй¹⁴ трагедии этой трилогии «Освобожденный Проме-

¹⁴ Ни названия, ни содержания третьей пьесы трилогии нам неизвестно.

тей» (дошедшей до нас только в отрывках) публика узнавала, что тот самый Геракл, которому суждено было лишиться власти Зевса, в действительности только примиряет Зевса с Прометеем, и сам Прометей, отказавшись от своей вражды к Зевсу, признает благость, мудрость и высшую справедливость Зевсова правления; кажущееся надругательство над Ио служит источником счастья для ее потомков.

Для чего же нужны напрасные страдания праведника-народа или, соответственно, Прометея? Ответ на этот вопрос мы находим в «Орестее» — трилогии Эсхила, поставленной в 458 г., которую мы разберем с интересующей нас точки зрения в следующей главе. *Pathēi mathos*, «знание через страдание» — вот смысл Эсхиловой философии афинской истории. Для того чтобы завоеванные народом блага были прочными, они должны быть выстраданы путем долгой борьбы; демократия не есть ниспровержение исконных божеских законов, а последний естественный этап в их развитии. Эсхил преподносит нам, таким образом, своеобразную теорию политической эволюции: как Прометей в конце концов примирился с Зевсом и уразумел глубокомыслие его государственной системы, так и афинский демократ должен примириться с аристократией и не ненавидеть ее, а благодарить за те страдания, которые дали ему моральное право на новую государственную организацию.

Изобразительные искусства

Такой же характер носит и изобразительное искусство разбираемой эпохи. Характерная для всего того времени борьба с традицией и поиски новых путей прежде всего обнаруживаются в освобождении статуи от принципа фронтальности. Безжизненность архаических статуй, как и статуй народов Востока, объясняется в первую очередь тем, что тяжесть тела скульптор распределял равномерно между обеими ногами; результатом была скованность и внутренняя неподвижность фигуры. Теперь тяжесть тела переносится на одну ногу, а другая освобождается, и фигура принимает непринужденное положение. Статуя уже не может быть точно вписана в рамки прямоугольного ящика; движение стало свободным, статуя ожила. В эту эпоху искусство пытаются подчинить точным научным принципам. Поликлет из Аргоса в выпущенной им книге «Канон» («Линейка», «Мерило») устанавливал точные пропорции отдельных частей человеческого тела. Вылепленная им статуя «Дорифор» (юноша с копьем) представляет собой воплощение в жизнь его канона. Может быть, не случайно то обстоятельство, что искусство Поликлета возникло в Аргосе, остававшемся центром демократического движения в ту эпоху, когда в Афинах власть находилась в руках аристократических групп.

Новое направление нашло выдающихся приверженцев и в Афинах. Работавший в Афинах скульптор Мирон создал знаменитого «Дискобола» (атлета, бросающего диск), которого по силе сосредоточенного в нем движения справедливо сравнивают с сжатой пружиной. Немногие универсальные типы архаики уступают теперь место разнообразным и глубоко прочувствованным. Это углубление психологического момента в изобразительном искусстве Афин исходило, по всей вероятности, от великого живописца первой половины V в. Полигнота, с произведениями которого мы знакомы только по описаниям древних авторов.

Впрочем, и на статуях Поликлета («Дорифор» и «Раненая амазонка») еще лежит в известной мере печать архаической неуклюжести и благолепия. С другой стороны, необходимо обратить внимание на то, что и в этом новом стиле изображаются еще только существа, не связанные с культом: животные, юноши, атлеты и т. д. Изображения богов продолжают оставаться архаичными и лепятся в условной мертвой манере VI в. Только с победой демократии в эпоху Фидия этот новый дух проникает и в изображения героев и богов. Впрочем, и изображения людей в эпоху реакции не лишены еще архаичной «представительности» и скованности, особенно в Пелопоннесе. При всей своей богатой выразительности искусство первой половины V в. еще не смело полностью освободиться от старых навыков и сохранило строгую сдержанность и некоторую условность линий и форм.

Италийская наука периода реакции

И в развитии науки этого времени можно наблюдать аналогичные явления. Центр научной мысли переносится в это время из демократической Ионии в косную земледельческую Италию. Здесь поняли уже необходимость и важность естественных наук не только вследствие их значения для практической жизни, но и потому, что они давали возможность очистить и поднять на большую высоту старые противоречивые религиозные представления.

В этом сыграл немалую роль Ксенофан из Колофона. Ксенофан, странствуя по всей Греции, прибыл в Италию, в Элею, и стал проповедовать здесь свое учение. Но в Италии ученые были настроены сакрально-мистически. Здесь была в ходу религиозная пифагорейская наука, и учение Ксенофана в целом не могло иметь успеха. Он, вероятно, привез сюда и учение Гераклита, но и Гераклит здесь успеха не имел. Из учения Ксенофана идеалистические ученые берут только то, что их интересует. Это — учение о едином божестве, разлитом по всей природе, учение, которое сам Ксенофан называл не достоверным знанием, но предположением.

Ксенофан утверждал, что все то, что он говорит о богах,—недостоверно, что по самой сущности вопроса не может быть никаких точных знаний о сверхъестественном мире, о мире богов, что достоверно только познание природы. Вслед за другими ионийскими материалистами он показывал, как противоречивы и нелепы существующие религиозные представления.

Ионийская натурфилософия расшатывала основы религиозного мирозерцания, указывая на его внутреннюю противоречивость и безнравственность с точки зрения новых взглядов и выдвигая в противовес ему логически стройную систему природы. Ответом на это были попытки показать, что и новые научные теории логически противоречивы и внутренне несостоятельны, что только некритический ум может считать приемлемой ту картину мира, которую дают ионийские естествоиспытатели,—в этих учениях, утверждали в Италии, еще больше противоречий, чем в гомеровской религии.

Парменид и элейцы

Первым философом, подвергшим критике ионийскую физику с этой точки зрения, был Парменид (530—470) родом из Элей в южной Италии. Парменид — один из наиболее типичных для этой эпохи мыслителей. Он слушал Ксенофана или, во всяком случае, был знаком с его учением, хорошо знал учение Гераклита и пифагорейцев. Парменид полемизирует против гераклитовского отождествления бытия и небытия. Существует только одно чистое, отвлеченное бытие, небытия нет: оно немыслимо и невыразимо.

Ты ж не иди по пути, по которому люди-невежды
Бродят, чьи мысли двоятся. Беспомощность жалкая сердца
Шаткий их ум направляет: они же несутся по ветру
Молча, слепые, глухие, убогие — робкое стадо.
«Быть» и «не быть» эти люди одним и тем же считают,
Хоть в то же время различным. Во всякой решительно вещи
Путь вперед и назад для них не имеет различья...

Другая черта Парменида — принципиальное недоверие к опыту: наука не должна строиться на опыте; ее исходным путем должно быть чистое умозрение: цепь логических выводов должна строиться на интуитивных положениях. Если существует только одно бытие, а небытия нет, то бытие не возникает и не уничтожается, оно вечно. Но если бытие едино и вечно, то из этого следует, что оно всюду однородно и одинаково плотно, в нем нет никакого множества и движения. Мир бытия подобен шару. Отдельных предметов не существует, и воспринимаемый нами мир это только сон, только «домысел (поема); настоящий вечный и совершенный мир чужд и принципиально противополо-

ложен этому миру. Между совершенным миром действительности и нашим воображаемым миром представлений, миром становления и перемен, нет связующих линий.

Вся ионийская философия построена на движении и на существовании предметов, которые выделяются из материи; поэтому она, по мнению Парменида, лжива: в действительности нет ничего из того, что мы видим; все это — только обман зрения. Существует только некая однообразная масса. Следовательно, все представление о мире, на котором основана ионийская философия, покоится на коренной ошибке, — на допущении движения и существования отдельных предметов, которые в действительности не могут существовать.

Итак, все точные науки построены на песке.

Этот взгляд открывал широкую дорогу для всевозможных идеалистических спекуляций. Теория Парменида и основанной им элейской школы построена на чисто логических ошибках. Можно допускать вместе с Ксенофаном, что вселенная представляет собой единое стройное целое, что вселенная вечна, но отсюда еще не следует логически, что это целое должно быть однообразным и однородным. На этой основной ошибке была построена теория Парменида. Парменид делит мир на два мира: мир явлений и движения и мир однородный и неподвижный. Этот последний мир вполне реален, он существует в действительности, тогда как мир движения — это мир обмана, который нам только представляется.

К сходной аргументации прибегали идеалисты всех времен вплоть до жившего в XVIII в. философа Беркли. Они прилагали все усилия, чтобы доказать, что в наших точных науках — прежде всего в математике — есть внутренние противоречия. А если это так, то чем же религия хуже точных наук? И то и другое неточно, и там и здесь есть противоречия. И так как у человека есть внутренняя потребность во что-то верить, то уж лучше верить в богов. Таким образом, скептицизм расчищал дорогу для идеалистической философии, в частности, скептицизм Парменида — для пифагорейства.

Ученики Парменида — Зенон и Мелисс — пытались подвести под тезис Парменида строго научные обоснования и привести слушателя к убеждению в логической невозможности существования множественности вещей и движения. При этом они впервые ввели в науку новый метод доказательства: расчленение и доказательство от противного, приведение всех других мыслимых возможностей к абсурду.

Зенон, как и Парменид, происходил из Элеи. Мелисс был уроженцем ионийского Самоса. Не надо забывать, что связь между Самосом и Элеей была особенно тесной и что основатель реакционной италийской философии Пифагор также переселился в Италию из Самоса. На Самосе Мелисс возглавлял аристократическую партию и в 441 г. в звании стратега вел удач-

ную войну с флотом афинской демократии, действовавшей под руководством Перикла.

Зенон и критика примитивного учения математических неделимых

Зенон выступил с критикой распространенного в его время математического учения, основные черты которого таковы: первоначально всего являются материальные, но не протяженные точки; складывая точки, получаем линию; накладывая друг на друга линии, получаем плоскость; накладывая друг на друга плоскости, получаем тело. Это не мешало этим ученым, однако, в противоречии со всей их теорией признавать, что величины делимы до бесконечности.

Критика этой теории была у Зенона исходным пунктом и основой его критики понятий протяженности и множественности вещей вообще. Эти понятия Зенон считал внутренне противоречивыми и потому истинному бытию не присущими.

Чтобы понять аргументацию Зенона, необходимо принять во внимание некоторые особенности древнейшей греческой математики. Все величины делились античными математиками на две категории: протяженные и непротяженные. На этом делении основывались два положения, бывшие, по мнению древних, основными аксиомами математики: 1) сумма бесконечно большого числа любых, хотя бы и чрезвычайно малых, протяженных величин обязательно должна быть бесконечно большой; 2) сумма любого, хотя бы и бесконечно большого, числа непротяженных величин всегда равна нулю и никогда не может стать равной некоторой, заранее заданной протяженной величине. Исходя из этих аксиом, считавшихся тогда непосредственно очевидными для каждого, Зенон утверждал, что обычное представление о множественности вещей приводит к абсурду. В самом деле, первая из этих аксиом гласит, что сумма бесконечно большого числа сколь угодно малых протяженных величин бесконечно велика. Но тогда всякая величина бесконечно велика, ибо всякую величину можно разделить на бесконечно большое число частей; деление тела можно продолжать бесконечно долго; все равно каждая часть останется имеющей какую-нибудь, хотя бы чрезвычайно малую величину, и, следовательно, получится бесконечно большое число протяженных частиц, т. е. все тело, сумма их, равно бесконечности. Чрезвычайно удобным способом сделать себе наглядным такое деление является последовательное деление на два. «Прежде чем пройти путь, надо пройти его половину», прежде половины — половину от половины и т. д. Итак, мы имеем бесконечное число протяженных отрезков; следовательно, весь путь окажется бесконечным. Это положение было иллюстрировано Зеноном на примере «быстрого» Ахилла, догоняющего черепаху: пусть Ахилл находится

в точке А, черепаха в точке В. Когда Ахилл прибудет в точку В, черепаха прибудет в точку В; когда Ахилл придет в В, черепаха будет уже в Г и т. д. — словом, между Ахиллом и черепахой всегда будет некоторое расстояние, и он ее никогда не догонит. Все эти парадоксы вытекали из неверной аксиомы, считавшейся в древности самоочевидной: сумма бесконечно большого числа бесконечно малых протяженных величин бесконечно велика. Играя на противоречиях, связанных с понятием бесконечно малого, Зенон пытается также доказать, что движение вообще существовать не может. Например, он говорит, что в каждый отдельный момент летящая стрела стоит на одном месте. Если бы она в этот момент передвинулась, скажем, из точки А в точку В, то это был бы уже не один момент, а два момента: тот, в который она находилась в точке А, и тот, в который она находилась в точке В. А если стрела неподвижна в каждый отдельный момент, то, значит, она неподвижна и все время, а следовательно, двигаться не может. Такого рода ухищрениями элейцы пытались подорвать доверие к какой бы то ни было науке вообще и таким образом расчистить дорогу для всякого рода мистических и религиозных спекуляций.

Зенону удалось вскрыть противоречие, заключенное в понятии движения. Однако его «возражение *неверно...* оно описывает *результат* движения, а не *само* движение... (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито» (Ленин),¹⁵

Зенон принес большую пользу математике, показав, что она должна лучше обосновать свои исходные положения. Эту задачу выполнили, каждый по-своему, с одной стороны — Демокрит, с другой — Евдокс или его неизвестный нам предшественник. Но эта реформа математики имела место только через 20—30 лет после выступления Зенона. Пока же новые орудия математической мысли не были выкованы, возможно было одно из двух: или вовсе отказаться от отвлеченных геометрических построений или просто игнорировать возражения Зенона. По первому пути пошел Протагор, по второму — Эмпедокл и Анаксагор.

12. ИСТОЧНИКИ

Документальные источники

Восстановление истории 479—461 гг. — дело очень трудное. Источников, современных событиям, очень немного, и они не дают возможности нарисовать связную картину событий. Надписи этой эпохи по большей части касаются внутренней жизни государств, не игравших большой роли в исторической

¹⁵ Ленин В. И. *Философские тетради*// Полн. собр. соч. Т. 29. С. 232.

жизни того времени (теосцев, локрийцев и т. д.). Очень интересная надпись — договор Афин с Эрифрами, относящийся к последним годам нашей эпохи — к сожалению, пропала в конце XVIII в.; сохранилась лишь ручная копия с нее, сделанная Фовелем, беспомощным и неопытным эпиграфистом; его копия в значительной части представляет собой бессмысленный набор букв, и нужно много остроумия, чтобы понять, что скрывалось за этими буквами. Разумеется, все восстановления остаются в значительной мере проблематичными. Монеты этой эпохи дают кой-какой интересный материал лишь для истории Сицилии; из других монет очень важна только монета, чеканенная Фемистоклом около 460 г. в Магнесии на Меандре; другая монета из Магнесии, относящаяся уже к эпохе Антонина Пия, также очень интересна для разбираемого времени, так как на ней изображен памятник, воздвигнутый Фемистоклу после его смерти.

Памфлеты

Оживление партийной борьбы в разбираемую нами эпоху вызвало появление ряда антидемократических памфлетов. Таковы «Путевые записки» (*Epidemiai*) Иона Хиосского, поклонника Кимона, бывшего некоторое время его приближенным, сочинение Стесимброта Фасосского «О Фемистокле, Фукидиде (из Алопеки) и Перикле», написанное несколько позже на основании личных воспоминаний Стесимброта, и злобные стихотворения Тимокреонта Родосского, личного врага Фемистокла. Все эти авторы — представители аристократии в союзных с Афинами городах, враждебные политике Афин и потому крайне пристрастные. До нас дошли жалкие отрывки из этих произведений, главным образом в биографиях Плутарха; значительный исторический интерес имеют только отрывки из Тимокреонта Родосского.

Геродот несомненно сохранил еще воспоминания об этой эпохе, но, к сожалению, его труд заканчивается 479-м годом; более позднему времени посвящено лишь несколько отрывочных, хотя и чрезвычайно ценных, замечаний. Исторические труды Гелланика до нас не дошли. Ряд интересных намеков, относящихся к истории этого времени, можно найти у Эсхила, особенно в его «Евменидах», и у Пиндара; интересны также надгробные эпитафии Симонида.

Фукидид

Основным и почти единственным источником, дающим достоверную связную историю эпохи, являются главы 88—102 и 128—138 первой книги истории Фукидида. К сожалению, Фукидид ставит своей задачей дать только историю Пелопоннес-

ской войны, а об интересующей нас эпохе говорит по случайному поводу, в виде экскурса и очень кратко. Здесь нет даже хронологических указаний, а выбор событий произволен. Фукидид не дает в этих главах ни сколько-нибудь отчетливой картины политической борьбы в Афинах, ни истории возникновения, расширения и преобразования Делосского союза.

Позднейшие источники

Поневоле приходится дополнять рассказ Фукидида на основании более поздних и часто очень ненадежных источников. Эти источники (поскольку они не повторяют Фукидида) либо основаны в последнем счете на утраченной ныне исторической (Гелланик и др.) и памфлетной литературе (например, Тимокреонт Родосский, Ион Хиосский, Стесимброт), либо на домыслах позднейших перипатетических и александрийских авторов. В первом случае ценность этих сообщений очень велика, во втором — незначительна, так как эти поздние биографии носят подчас анекдотический и фантастический характер. Фактически приходится расценивать каждое отдельное свидетельство с точки зрения его внутреннего правдоподобия.

Из этих позднейших источников «Афинская политика» и «Политика» Аристотеля содержат лишь очень немного данных, относящихся к разбираемому периоду. Материал, содержащийся в пяти биографиях Корнелия Непота (Мильтиада, Фемистокла, Аристида, Павсания и Кимона), по большей части, анекдотический. Диодор («Библиотека», кн. XI, гл. 37—77) также дает мало нового по сравнению с Фукидидом. Кажущимся его превосходством перед Фукидидом является то, что Диодор датирует каждое событие; однако его датировка обычно подвергается резкой критике ввиду его привычки событие, данное под годом его начала, доводить здесь же до конца, хотя бы оно продолжалось несколько лет, без указания на его продолжительность. Есть у него и другие хронологические ошибки. Тем не менее некоторые из его дат представляют большой интерес, равно как и его сообщения по истории Сицилии, о чем Фукидид вовсе не говорит.

Наибольшее значение из поздних авторов имеет Плутарх (биографии Фемистокла, Аристида и Кимона; изданы под моею редакцией в русском переводе с предисловиями и историческими комментариями: «Избранные биографии Плутарха». М.; Л., 1941). Несмотря на несостоятельность его исторического метода и концепций, Плутарх сохранил ряд важных свидетельств, современных описываемым событиям.

Ввиду скудости материала большое значение приобретают также античные энциклопедии и словари и схолии к Аристофану.

ГЛАВА VII

АФИНЫ ПЕРИКЛА (460—431). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДПОСЫЛКИ РАСЦВЕТА АФИН

I. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ «ПАРТИЯ»

Что представляла собой демократическая «партия» в эпоху Перикла?

Та демократическая «партия», которую возглавил Перикл после убийства Эфиальта, является как бы переходным звеном между умеренной демократией Клисфена и радикальной демократией Клеона времени Пелопоннесской войны. Принципом политики Клисфена в области экономики было невмешательство в имущественные отношения: как известно, он, в противоположность Писистрату, не провел ни одной меры для сохранения и поднятия материального благосостояния бедноты. В его время наследственная знать и ее вековые традиционные привилегии — и в силу традиции и в силу внешней поддержки Спарты — представляли еще большую реальную опасность для молодого демократического строя; лозунгом его реформ и было окончательное уничтожение каких бы то ни было привилегий по происхождению. Истинным хозяином страны становится совет тысяч, подготовляющий все решения народа. Он избирается всем народом, но состоит только из зажиточных граждан первых трех имущественных классов; высшие же должности в государстве могли занимать независимо от происхождения только богатые граждане первых двух классов. Итак, на место аристократического принципа Клисфен последовательно выдвинул принцип тимократический (т. е. принцип имущественного ценза).

Если мы с этой демократией сопоставим пришедшую к власти в 427 г., после смерти Перикла, радикальную группу Клеона, то убедимся, что хотя она также называется демократией, но с демократией Клисфена имеет мало общего. Основным принципом этой демократии было признание за государством обязанности обеспечить каждому афинскому гражданину прожиточный минимум и полноту политических прав. К этой цели направлена вся внешняя и внутренняя политика. Не только исчезают всякие привилегии для богатых и зажиточных людей, установленные Клисфеном: этих людей стали в принципе рассматривать как добропорядочных граждан лишь постольку, поскольку они готовы в любой момент служить своим кошельком интересам афинской демократии. Эти богатые граждане не только должны в принудительном порядке участвовать в тя-

желых и обременительных обложениях, так называемых литургиях, но и всякого рода экстраординарные обложения, штрафы и т. п. падают только на этих граждан, являющихся уже в силу своего богатства политически подозрительными. Понятно, что руководителями этой демократии стали преимущественно люди простого происхождения; аристократ, ставший на сторону народа, как мы видим из псевдоксенофоновой «Афинской политики», этим самым уже навлекает на себя подозрение в неискренности и недобросовестности.

«Надгробная речь» Перикла

Демократия Перикла может быть понята только как переходная ступень между этими двумя стадиями развития. Казалось бы, о программе этой демократии мы имеем самые точные сведения из первоисточника — из содержащейся во 2-й книге труда Фукидида надгробной речи, произнесенной самим Периклом в память афинских воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны, и посвященной характеристике афинской демократии. Но мы не будем уже говорить о том, что речи у Фукидида, по его собственному заявлению, не соответствуют точно тому, что было сказано, а в них автор сообщает нам лишь о том, что, по его мнению, то или иное лицо могло бы сказать; не будем говорить и о том, что перевод этого места у Фукидида очень труден ввиду содержащихся в нем намеков, понятных лишь современникам, и нуждается в комментарии; что в традиционной похвальной надгробной речи неизбежны общие места и идеализация. Гораздо важнее то, что ясное для нас понятие «программа политической партии» еще не выкристаллизовалось в эпоху Фукидида; вместо программы демократической партии он говорит о психологическом типе афинянина-демократа. Поэтому «Надгробная речь» может дать полезный для историка материал только при учете всех этих особенностей и при сопоставлении его с другими современными ему свидетельствами и фактами.

Внутренняя политика демократии

С точки зрения Перикла и его современников вполне естественно, что во главе государства стоят и должны стоять знатные и богатые люди, «потомки богов».

Но эта роль уготована аристократам лишь в силу их заслуг, добродетели, популярности, а не благодаря тому, что люди простого происхождения лишаются права занимать государственные должности. «Мы выбираем то или иное лицо на государственные должности, — читаем мы в «Надгробной речи», — не в зависимости от принадлежности к той или иной замкнутой группе, а сообразно его общественному положению (axioma), приобре-

тенному им доброй славой в той или иной области, или сообразно добродетели». Здесь афинский строй противопоставляется строю олигархических государств, где для занятия высших должностей необходимо принадлежать к замкнутому высшему классу либо по имущественному цензу, либо по происхождению (например, в Спарте — к сословию спартиатов); но «общественное положение», «добрая слава» и «добродетель», о которых говорит Перикл, с точки зрения его времени есть, как общее правило, отличительное свойство родовой аристократии: «Благородные люди очень редко допускают бесчинство и несправедливость, но самым тщательным образом стараются соблюдать начала добродетели, тогда как простому народу свойственна величайшая необразованность, недисциплинированность и низость». Эта точка зрения неизвестного нам олигарха, жившего в начале Пелопоннесской войны (автора «Афинской политики», приписывавшейся ошибочно Ксенофону), в эпоху Перикла была еще господствующим взглядом всего культурного общества Афин, например, Геродота. Перикл (или Фукидид устами Перикла) еще не определяет демократию, как господство большинства граждан: «Этот строй называется демократией потому, что власть принадлежит здесь не кучке олигархов (дословно: не „немногим“), а большому кругу граждан». Однако и беднота имеет свое, и притом вполне почетное, место в этом государстве: с точки зрения перикловой демократии, бедняк не является «неполноценным» гражданином, как в олигархических государствах; это просто человек, временно попавший в несчастье, из которого он должен стремиться выбраться. «Сознаваться в бедности у нас не постыдно, но гораздо позорнее не стараться выбиться из нее трудом». Впрочем и оставаясь бедняком, гражданин несет соответственные его положению почетные государственные обязанности. Так, мы знаем, что по конституции Перикла феты, не имеющие своей усадьбы и не обеспеченные на завтрашний день, не имели права занимать высшие должности или быть членами совета; но они могли быть членами суда присяжных, и «скромность их общественного положения» (как не принадлежащих к знатным почтенным родам) «не мешает им приносить пользу государству, если они в состоянии это сделать». Точно так же «и в судебных процессах частноправового характера все равны перед законом». Перикл подчеркивает эти права простого народа, ибо в олигархических государствах он был вовсе лишен политических прав, а наказания по суду, правила выставления поручителей, свидетелей, защиты и т. д. были различны для людей разных сословий.

Приток рабов с востока делал безработными и часто нищими большое число свободных афинских граждан: уже демократия Перикла считает себя в принципе обязанной обеспечить всем этим людям известный минимум питания и развлечений. Характерно для взглядов и настроений V в., что Перикл у Фу-

кидида, вполне сознавая обязанность социального обеспечения граждан, лежащую на государстве, тем не менее считает дурным тоном говорить о «желудочных запросах» граждан в торжественной надгробной речи и касается только их духовных потребностей. Так, нам хорошо известно, что афинский бедняк в обычной домашней обстановке не ел мяса; как правило, он ел только жертвенное мясо на устраиваемых довольно часто афинским государством празднествах. Перикл (Фукидид) подчеркивает не эту, а другую сторону этих празднеств: «Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразный отдых от трудов». Автор псевдоксенофоновой «Афинской политики» касается обеих сторон этой проблемы: «Что касается жертв, святилищ и празднеств... то народ понял, что не по средствам каждому бедному человеку самому приносить жертвы, устраивать празднества, возводить храмы и украшать и возвеличивать город, в котором живет; поэтому государство совершает на общественный счет жертвоприношения в большем числе, а народ и пирует и получает по жребию мясо жертвенных животных. Кроме того, гимнасии и бани с раздевальнями у богатых — по крайней мере, у некоторых — собственные, народ же строит специально сам для себя многочисленные палестры, раздевальни и бани. И больше пользуется ими простонародье, чем немногие зажиточные... Им приходится справлять столько праздников, сколько ни одному из греческих государств... Праздников они справляют вдвое больше, чем остальные люди...». Той же цепи социального обеспечения беднейших граждан косвенно служили и общественные повинности (литургии) богатых граждан и суд присяжных: «Что касается хорегий, гимнасиархий и триерархий, то народ получает от них выгоду. Народ желает получать деньги за пение, и за бег, и за танцы, и за плавание на кораблях... Да и в судах он участвует не столько из заботы о справедливости, сколько радея о своем доходе». Наконец, из приводимого ниже свидетельства Плутарха мы убедимся, что и грандиозные постройки Перикла имели одной из основных задач социальное обеспечение бедноты.

Однако средства для народного питания и народных развлечений в эпоху Перикла еще не добываются путем систематических экстраординарных обложений и конфискаций имущества состоятельных граждан: предполагается, что богатые люди сами настолько сознательные граждане и добрые патриоты, что примут участие в литургиях не только в той мере, как от них требует закон, но из побуждений благородного честолюбия даже в большей степени. Нам известно, что так поступал Кимон; впоследствии, как сообщает Фукидид, «Алкивиад, выполняя хорегии и т. п., выступал с таким блеском, что возбуждал зависть в горожанах, но... эти безрассудные траты... приносили

пользу государству». Отдельные богатые граждане оказывали в широких масштабах социальную помощь той или иной группе населения Афин, своей филе или своему дему; так, Кимон снабжал своих земляков, Лакиадов, пищей, одеждой и т. п. Богатые люди устраивали на свой счет не только палестры и бани, но также кружки, занимавшиеся гимнастическими и мусическими выступлениями на праздниках.¹ Перикл в «Надгробной речи» отмечает, что культурный отдых народ получает не только на празднествах, организуемых на государственный счет, но и от «блестящих частных устройств; повседневное наслаждение, доставляемое ими, изгоняет печаль из души».

Разумеется для борьбы со все возрастающей нуждой и безработицей эти старые методы оказывались паллиативами: необходимо было идти по другому, более планомерному пути. Так, продолжается эксплуатация союзников, систематически проводившаяся уже господствовавшей до 461 г. аристократической группой Кимона; организуются в широких масштабах общественные работы и государственные раздачи хлеба; число потребителей государственных пайков сокращается путем систематической проверки списков и исключения всех тех, кто не мог доказать чистокровное афинское происхождение, — обо всем этом мы расскажем еще подробнее ниже.

Свобода быта

Одним из главных лозунгов Перикловой демократии была свобода быта. Нам трудно представить себе теперь, насколько в античных государствах старого типа человек был связан в своей личной жизни. Было строго регламентировано, как должно производиться воспитание ребенка. С семи лет он отбирался уже от родителей и воспитывался в особых детских казармах, где царил жесточайшая дисциплина. Его отношения со взрослыми имели строго установленные обычаями формы, кажущиеся нам отвратительными и безнравственными. Обычай устанавливал, как должен мальчик или юноша держать себя за столом, обедая со взрослыми, как он должен пить за столом, как сидеть, что есть (он должен был довольствоваться худшей пищей, иногда объедками взрослых). Строго регламентированы были случаи, когда женщина может и должна появляться в обществе, как она должна одеваться и т. д. За этим наблюдали особые должностные лица — гинекомы. Что же касается взрослого мужчины, то каждый шаг его жизни проходил на глазах у общины и подвергался ее критике, а иногда и суду;

¹ Впоследствии народ вынужден был отказаться от этого вида благотворительности частных лиц, так как такие кружки стали центрами антидемократической деятельности.

так, малейшее отсутствие традиционной респектабельности по отношению к родителям могло лишить его политических прав. В Спарте обычай, имевший силу закона, предписывал мужчинам обедать вместе, питаясь однообразной, строго установленной пищей, одеваться определенным образом, носить бороду, брить усы, брить волосы на голове, оставляя только чуб, вставать и уступать место старшим и т. д. Обычай предписывал даже, как должно быть построено жилище каждого гражданина.

Эти обычаи были различными в различных греческих государствах: международные сношения не могли не привести к смешению обычаев, расшатавшему устойчивость и косность старого уклада. Недаром спартанцы, боясь порчи обычаев, запрещали своим гражданам долго оставаться на чужбине, а иностранцам надолго оставаться в Спарте; они устраивали регулярные изгнания иностранцев — ксенеласии — и держали в секрете свои обычаи и установления.

Афины были одним из величайших торговых центров Эллады; они лежали на стыке ионийской и дорийской культур. Здесь поэтому уже рано имело место смешение различных обычаев, расшатывавшее старинный афинский уклад. В этом отношении показательна одежда афинянина представлявшая собой смешение дорийской и ионийской. В противоположность спартанцам афиняне всячески привлекали иностранцев в свой город, давая им возможность все осматривать и всему учиться у афинян: «Благодаря величю нашего государства, к нам со всей земли проникает все, что угодно; поэтому, тем, что считается хорошим у других народов, мы пользуемся и наслаждаемся, привыкнув к этому так же, как к тому, что у нас собственное. От наших противников... мы отличаемся следующим: государство наше мы делаем общим достоянием всех, не высылаем иностранцев, никому не препятствуем ни учиться у нас, ни осматривать наш город, так как нас несколько не тревожит, что кто-либо из врагов, увидев что-нибудь не сокрытое, воспользуется им для себя». Так с гордостью говорит об Афинах в «Надгробной речи» Перикл. Не удивительно, что у олигархического автора «Афинской политики» эти же особенности афинского строя вызывают негодование, — для него афиняне это какой-то сброд: «Из всякого наречия, какое ни приходилось слышать, они переняли от одного то, от другого другое. И в то время как каждое другое греческое племя ведет свой особый образ жизни и носит свои особые наряды, афиняне имеют все смешанное, взятое у всех греков и варваров. Афиняне завели у себя всякие способы угощения, по мере того, как завязывали сношения то с одними, то с другими».

Естественно поэтому, что демократия требовала, чтобы афинянин в частном быту пользовался большей независимостью, чем другие греки, видя во всяком вмешательстве в эти дела

2. АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ЛАКОНОФИЛЬСКАЯ «ПАРТИЯ»

Возникновение аристократической «партии»

Оппозицию демократии возглавлял политик и блестящий оратор, зять Кимона Фукидид, сын Мелесия, из аттического дема Алопеки. До этого времени в Афинах резкого противопоставления демократов аристократам не было: существовал целый ряд аристократических клубов, из которых одни были весьма близки к умеренному крылу демократии, другие являлись прямыми агентами Спарты. Фукидид впервые объединил всю эту оппозицию: «Он положил конец повсюду до сих пор положению вещей, когда люди из так называемого хорошего общества были рассеяны поодиночке и смешаны с народом... Он резко отделил их от народа и собрал всю их силу воедино...» (Плутарх).

Внутренняя политика

Как всякие реакционные группировки, и эта «партия» не имела никакой положительной программы преобразований: ее лозунгами было возвращение к досолоновскому («драконтовскому») строю и рабское копирование и перенесение на афинскую почву чуждых ей спартанских обычаев и учреждений. В области внутренней политики основной догмой этой группы было допущение к участию в управлении страной только людей, имеющих возможность жить зажиточно, с доходов от своего имущества: с одной стороны, аристократов по происхождению, с другой — богатых людей, уже в нескольких поколениях не занимавшихся торговлей или ремеслами и происходивших по мужской линии от чистокровных афинян. Остальные, с точки зрения аристократов, могли только участвовать в народном собрании и присутствовать на суде, но без права инициативы и участия в выборах: их роль сводилась только к поднятию рук или «шумному одобрению» предложений, внесенных аристократическими должностными лицами. Никакого вознаграждения за участие в народном собрании или суде, разумеется, не допускалось. Руководить государством должны, по мнению сторонников этих групп, лишь представители ведущих родов, специально подготовившие себя к этому с детства; наиболее достойное и добродетельное поведение остальных граждан — заботиться о своих личных делах и не вмешиваться в общественные; такие люди назывались «не имеющие хлопот» — *argragmones*, — слово, имевшее похвальный смысл; наоборот, люди, сующие свой нос в государственные дела, хотя их происхождение и положение в государстве не дает им на это права, назывались ругательным словом «хлопотуны» (*polyragmones*). Так называемые *banauoi*, т. е. владельцы торговых и промышленных предприя-

как должностных лиц, так и досужих моралистов нарушение свободы. «Что касается повседневного уклада, мы не относимся с подозрительностью друг к другу; мы не раздражаемся, если кто-либо из соседей делает что-либо в свое удовольствие, и на нашем лице не появляется при этом досады, хотя и безвредной, но удручающей другого... Что касается воспитания, то противники наши еще в детстве подвергаются тяжелым упражнениям, готовясь вступить в круг мужчин, мы же ведем непринужденный образ жизни» («Надгробная речь»).

Афинская демократия создала особый оригинальный тип государства, который явился в свою очередь образцом и точно до мелочей копировался всеми другими демократическими государствами Эллады, тогда как программа афинских олигархов сводилась к «лакономании» — к перенесению спартанского строя, обычаев, уклада и одежды на чужую им почву Аттики. Впрочем, сами спартанцы утверждали, что свои обычаи они заимствовали с Крита; поэтому Перикл в «Надгробной речи» с гордостью утверждает: «Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим».

Внешняя политика демократии

Демократия Перикла является переходной стадией между умеренной демократией Клисфена и радикальной Клеона и в области внешней политики. Лейтмотивом этой политики все время (за исключением перерыва в 492—479 гг.) является враждебность к Спарте и Пелопоннесскому союзу. Но, если Клисфен в отношении к Спарте довольствовался лишь обороной от нее аттической территории, то Перикл открывает эпоху прямой, ожесточенной борьбы со Спартой. Эгейское море и проливы в эпоху Перикла все более прочно удерживаются в руках афинян, пока в 447—445 гг. господство Афин в этой области не было признано и Персией и Спартой; борьба с Персией уже не является необходимым условием для поддержания афинской экономики. Однако черноморского хлебного рынка теперь уже не хватает: если о распространении афинского влияния на запад в эпоху Клисфена вообще не могло быть речи, то Перикл медленно и упорно подготавливает экономическую экспансию в Сицилию и Италию. Таким путем он фактически создавал почву для военной экспансии в эти области, осуществленной уже при Клеоне, но считал такую экспансию еще преждевременной; тем не менее эти агрессивные устремления неизбежно вели к обострению отношений с Пелопоннесом, в значительной мере питавшимся сицилийским хлебом.

Об эксплуатации союзников см. ниже, с. 364 сл.

тий, не должны были иметь права участвовать в управлении страной (в Беотии, например, эти βαπαυσοί получали право занимать должности только через десять лет после того, как они оставили торгово-ремесленную деятельность). При таком строе, разумеется, в широкой агитации не было необходимости; длинные речи вызывают осуждение; восхваляется «лаконизм», т. е. спартанская манера говорить очень кратко. Полемикой с этими взглядами и являются слова Перикла в «Надгробной речи»: «У нас одни и те же люди вправе заниматься и личными и государственными делами, да и те, кто занимается ремеслами, у нас хорошо разбираются в государственных делах: только мы одни называем людей, не принимающих участия в общественной жизни, не «неимеющими хлопот» (αργαμονες), а «беспольными гражданами»... Мы считаем вредными для дела не речи, а скорее отсутствие речей, которые могли бы вразумить людей прежде, чем они возьмутся за дело».

Как мы видим из той же речи, с точки зрения этих олигархических групп, люди бедные всегда по необходимости преступны; поэтому быть бедняком позорно. Однако традиция эллинского полиса возлагала на богатых обязанность заботиться об их бедных согражданах: при массовой безработице, возникшей к середине V в., и олигархи не могли просто отмахнуться от этой обязанности. Но они хотели, чтобы помощь бедноте осуществлялась как в VII—VI вв. — в форме частной благотворительности. Однако для того, чтобы знатные люди могли это делать в широких масштабах, надо, чтобы государство их обогащало. С другой стороны, излюбленным средством, применявшимся аристократами в борьбе с безработицей и недовольством бедноты, было «вычерпывание грязи», как они выражались, т. е. массовая высылка в колонии.

Внешняя политика

Это предопределяло и внешнюю политику олигархической партии — новые земли можно было завоевать главным образом на востоке. Поэтому лозунгом этих групп была беспощадная борьба с Персией, захват территорий для вывода колоний (например, во Фракии), массовое ограбление и ввоз в Афины богатств и рабов, которые должны были попадать только в руки богатых людей. С этим была связана и эксплуатация союзников, состоявшая в ограблении бедноты союзных городов в пользу афинских богачей, — по возможности опираясь при этом на зажиточную верхушку этих городов. Афинские богачи либо сами поселялись в союзных городах, либо поселяли в них доверенных лиц — бедных граждан или метэков, и вели здесь ростовщические операции хищнического характера, отдавая деньги в рост под залог недвижимости; конкуренция с ними была для местных ростовщиков невозможна, так как не только сами

эти афиняне, но и приехавшие сюда из Афин метэки освобождались здесь от налогов и обложений, падавших на местных жителей. Так, в договоре с Халкидой 446 г. мы читаем: «Иностранцы, поселившиеся в Халкиде, должны платить здесь подати наравне с халкидянами, за исключением тех, которые платят подати в афинскую казну или освобождены от податей афинским народным собранием». Вдобавок процессы между афинянами и жителями союзных городов разбирали афинские суды, несомненно более благоприятствовавшие афинянам, чем их союзникам.² В этом же договоре с Халкидой предусматривается, что афинские должностные лица не могут, без судебной процедуры или особого постановления народного собрания, приговаривать халкидцев к изгнанию, лишению гражданских прав, смерти и конфискации всего имущества и что процессы между халкидцами должны разбираться халкидскими судьями; значит, по делам между афинянами и халкидцами, по которым было установлено наказание меньшее, чем изгнание, афинские должностные лица могли выносить приговоры.

Из анонимной биографии, приложенной к рукописям истории Фукидида,³ мы узнаем, что сам Фукидид из Алопеки во время своего остракизма (443 г.) поселился в Эгине (изгнанные остракизмом сохраняли все права и привилегии афинских граждан) и занимался ростовщичеством: «Он выбросил за долги всех эгинян из их домов и участков». Впоследствии афинской радикальной демократии пришлось даже, по-видимому, бороться с этим видом эксплуатации союзников.

Как мы говорили уже, олигархи устраивали щедрые угощения для народа и широко благотворительствовали. Однако эта щедрость не могла гарантировать им покорности афинского демоса; поэтому для его укрощения и закабаления необходим был теснейший союз с оплотом реакции в Элладе — аристократической Спартой.

Идеологическая база (лаконофильство, объединение греков, варварофобия)

Под эту узкоклассовую реакционную политику подводилась соответствующая идеологическая база. Проповедовалось единство греков; разжигалась вражда и презрение к «варварам»,

² См. мою статью «Эксплуатация афинских союзников» («Вестник древней истории». 1947. № 2. С. 13—27). Правда, договор с Халкидой отличался особой строгостью, но из собранного мною в указанной статье материала видно, что приблизительно так же дело обстояло и в других союзных городах.

³ Перевод ее приложен к русскому переводу Фукидида под ред. С. А. Жебелева (Фукидид. История. Т. 1. М, 1915. С. XXX—XXXIII). Как уже давно замечено, весь § 7 этой биографии имеет в виду Фукидида из Алопеки и в биографию историка попал по недоразумению.

т. е. ко всем негрекам. Фактически это означало превращение всей Эллады в расширенный Пелопоннесский союз под главенством реакционной Спарты. Но народные массы часто шли за этими демагогическими лозунгами (тем более, что они давали идейное оправдание бесчеловечной эксплуатации варваров-рабов). Периклу и его единомышленникам стоило немалого труда показать, что это «единство греков» фактически означает лишение народных масс политических прав и их закабаление, что дальнейшая борьба с Персией с точки зрения интересов демократии бесперспективна и невыгодна экономически.

3. СВОЕОБРАЗИЕ АНТИЧНЫХ «ПАРТИЙ». ПЕРИКЛ

Своеобразие античных политических «партий»

При ознакомлении с историей этой эпохи у нас складывается часто впечатление, что политике обеих «партий» в это время недостает последовательности. Чем это объяснить?

В древности политических партий в нынешнем смысле слова не было; соответствовавшие им «гетерии», «политические клубы», были замкнутыми, полулегальными организациями, включавшими в себя лишь кучки наиболее интеллигентных и активных политических деятелей. Они часто называются также «синомосиями», т. е. «кружками заговорщиков». Народные массы, собиравшиеся на народные собрания в Афинах и считавшие себя хозяевами государства, были пропитаны рядом унаследованных воспитанием религиозных и других предрассудков, чем ловко пользовались в демагогических целях вожди обеих партий.

Своеобразие афинского государственного устройства и было причиной того, что афинские государственные деятели не могли в каждом вопросе твердо рассчитывать на определенное число голосов своих постоянных приверженцев. С этой особенностью афинской демократии мы еще неоднократно встретимся в нашей книге. Афинский народный вождь должен был быть поэтому не только искусным дипломатом в международных отношениях, но и ловким дипломатом во внутренней политике, — в сложном деле руководства политической линией народных собраний. Этим качеством в высшей мере обладал Перикл, вождь демократической «партии» со времени убийства Эфиальта (приблизительно с 460 г.).

Перикл

Перикл, родившийся вскоре после 500 г., был сыном того Ксантиппа, который был изгнан в 485 г., а затем в 479 г. был афинским стратегом и одержал блестящую победу в битве при Микале. Матерью Перикла была внучатая племянница Клис-

фена; после того, как вымерла прямая мужская линия рода Алкмеонидов, Перикл стал во главе этого рода.⁴ Перикл был теснейшим образом связан с родом Алкмеонидов и его традициями. Он получил прекрасное образование и, в частности, был хорошо знаком с философией своего времени. Особенно большое влияние на него оказал философ Анаксагор. Перикл обладал замечательным ораторским талантом, что для всякого политического деятеля Греции имело очень важное значение. Он не постеснялся бросить вызов общественному мнению современников: развелся со своей женой, от которой имел уже двоих детей, и женился на иностранке, не имевшей прав афинского гражданства, Аспасии из Милета. Такой брак многие считали в то время развратом; он вызвал ряд нареканий на Перикла. Аспасия мало походила на преобладающий тип афинских женщин высшего круга, бывших тюремными затворницами с крайне узким кругозором: их интересы ограничивались почти исключительно домашним хозяйством. Аспасия была широко образованной женщиной; в доме ее собирались лучшие представители тогдашней культуры — философы Анаксагор и Протагор, историк Геродот, поэт Софокл. Эти собрания посещали и афинские женщины из высшего общества, — это был такой вызов афинским нравам, что афинские филистеры обвиняли Аспасию даже в сводничестве.

Как было упомянуто, Перикл был близок к Эфиальту и, несомненно, сотрудничал с ним в реформе Ареопага. В то время Перикл еще только начинал свою карьеру.

После убийства Эфиальта (вскоре после 460 г.) молодой Перикл становится во главе демократической «партии» и остается ее главой до самой своей смерти. Его главным противником был глава олигархов Фукидид из Алопеки. После изгнания Фукидида в 443 г. Перикл становится фактически главой афинского государства.

4. БОРЬБА С ПЕЛОПОННЕСКИМ СОЮЗОМ В 460—454 гг.

Начало борьбы с Пелопоннесским союзом

В борьбе с Пелопоннесским союзом, возглавляемым Спартой, на стороне которого стояли также локрийцы и дельфийцы, Афины не были изолированы. Кроме членов Афинского морского союза, которые были союзниками Афин уже в силу устава союзов, на стороне Афин было еще одно из беотийских государств — Платеи; далее демократическим Афинам в самом Пелопоннесе сочувствовали Аргос, некоторые города Аркадии и

⁴ Точно так же в 449 г., со смертью Кимона, вымерла и прямая мужская линия рода Филаидов, и этот род стал возглавлять зять Кимона, Фукидид из Алопеки.

Элида, где уже в 70-х годах произошли демократические перевороты.

К этому же времени на сторону Афин стали склоняться и Мегары. В средней и северной Греции союзниками Афин были обычно Фокида и Фессалия. Беотия в это время раздиралась борьбой политических «партий», имевших различную внешнеполитическую ориентировку.

Из перечисленных государств заклѣтым врагом Спарты и ее союзников в самом Пелопоннесе был Аргос. Для того чтобы нанести чувствительный удар Спарте и руководимому ею Пелопоннесскому союзу, необходимо было, по примеру Фемистокла, сблизиться с Аргосом. Афиняне заключили союз с этим государством. Союз этот сулил блестящие перспективы, так как все внимание спартанцев было занято осадой Итомы, где засели восставшие илоты, и спартанцы не могли вести сколько-нибудь энергичных действий против своих соседей. На территории Арголиты находился старинный город Микены, соперник Аргоса, ориентировавшийся на Спарту. Уже в 468 г. аргосцы, после происшедшего в их городе демократического переворота, покорили аристократический Тиринф; теперь, опираясь на союз с Афинами, Аргос решил покорить и Микены. По-видимому, спартанцы пришли на помощь микенянам, а афинские добровольцы и аркадяне (тегейцы) — аргосцам; спартанцы были разбиты наголову в битве при Эное (около 460 г.).⁵

⁵ Правда, нам известно из Павсания только то, что под названием Эноя, очевидно, имеется в виду селение на дороге из Аргоса в Мантинее и что здесь произошла битва между аргосцами и афинским вспомогательным отрядом, с одной стороны, и спартанцами — с другой. Но нам неизвестен никакой другой поход, который мог бы вызвать в это время борьбу между Аргосом, Афинами и Спартой. Попытка К. Ю. Белоха, Г. Штира и др. отождествить битву при Эное с битвой при Энофитах (см. ниже) совершенно несостоятельна: из Павсания мы узнаем, что битва при Эное была важным событием аргосской истории, что аргивяне в честь этой победы сделали посвящение в дельфийский храм; между тем в битве при Энофитах аргивяне вовсе не участвовали, как не участвовали в ней и спартанцы, а только афиняне и беотийцы. Эта первая победа над спартанцами, очевидно, казалась началом новой эпохи, тем более, что она сопровождалась рядом других успехов в Пелопоннесе: поэтому-то ее и сопоставляли с победой над амазонками и с Марафонской битвой. Впоследствии увидели, что эта стычка большого значения не имела, поэтому Фукидид и нашел возможным опустить ее в своем кратком обзоре. Ввиду всего сказанного, необходимо считать, что эта битва относится ко времени борьбы за Микены. В самом деле Павсаний сообщает, что на одной из стен «Пестрой стое» была изображена эта битва, между тем «Пестрая стоя» была построена Периклом в начале его власти; все три картины стое (битва с амазонками, битва при Марафоне и битва при Эное) представляли собой одно художественное целое и показывали, как афиняне одерживали верх над своими врагами. Из другого места Павсания нам известно, что посвящение аргивян в дельфийский храм после битвы при Эное было работой художников Гипатодора и Аристоклитона. Подписи этих художников, сохранившиеся до нас, написаны столь старинным архаическим шрифтом, что более поздняя датировка невероятна. В этой битве афиняне с аргосцами одержали блестящую

Взять Микены приступом было невозможно, так как город был обнесен старинными циклопическими стенами микенской эпохи. Но вскоре голод заставил микенцев сдаться, жители были обращены в рабство, а земля поделена между жителями Аргоса. Только небольшой части жителей Микен удалось спастись бегством; им дал приют македонский царь Александр I.

Это событие нанесло удар по престижу Спарты. Известно, что члены Пелопоннесского союза, каждый в отдельности, были связаны договорами со Спартой, по которым Спарта и ее контрагенты обязывались помогать друг другу, если одна из сторон подвергнется нападению. В течение ста лет обращение к Спарте гарантировало всех жителей Пелопоннеса от нападения на их территории. Теперь оказалось, что Спарта не в силах, даже при желании, помочь своим союзникам. Это было одной из причин демократического переворота в крупнейшей из аркадских общин, в Мантинее. До сих пор Мантинее состояла из нескольких неукрепленных селений, в каждом из которых фактическими хозяевами, вероятно, были местные аристократические роды. Несмотря на усовершенствование военной техники и на обострение противоречий между государствами в V в., мантинейцы не испытывали потребности в создании укрепленного пункта, так как в случае нападения полагались на помощь Спарты. Теперь в Мантинее происходит синойклизм: мантинейцы сносят постройки в своих селениях, поселяются вместе, образуют один большой город и обносят его стенами. Таким образом, спартанцы оказались окруженными со всех сторон враждебно настроенными к ним демократическими государствами (Элида, Мантинее, Аргос), а афиняне приобрели прочную базу в Пелопоннесе. Тегея, впрочем, из-за вражды к Мантинее примкнула к Спарте.

Значение Мегар для афинской торговли. Политический переворот в Мегарах

В Мегарах, дорийском по происхождению государстве, входившем с давних времен в Пелопоннесский союз, произошел, несомненно под влиянием афинской агитации, политический переворот. Территория Мегар, неудобная для земледелия, давала скудные урожаи, и мегарцы нуждались в ввозном хлебе, а следовательно, в сбыте своей ремесленной продукции. Однако островой и малоазийский рынки находились уже всецело в руках афинян, и для слабых Мегар было бы безумием пытаться силой

победу, после чего аргосцы, очевидно, могли беспрепятственно осаждают Микены. Правда, и для взятия Микен мы не располагаем общеубедительной датировкой: Диодор относит его к 468/7 г., но в противоречие с этой датировкой говорит, что спартанцы не могли помочь микенцам вследствие несчастий, постигших их после землетрясения 464 г.; это приводит нас к событиям 460 г.

отнять у афинян эти рынки. В частности, Византий, основанный когда-то мегарцами **И** находившийся с ними в теснейшей не только религиозной, но и коммерческой связи, вошел теперь в Афинский морской союз, и, следовательно, находился в зависимости от Афин. Для того чтобы коммерческие связи Мегар с Византией можно было поддерживать и расширять, необходимо было расположить к себе Афины. Понятно, что Мегары колебались между Спартой и Афинами. Успех афинского оружия в Пелопоннесе и демократический переворот в Аргосе, Мантинее и некоторых других государствах Пелопоннеса положили конец колебаниям Мегар: крестьянству и городским торговцам и ремесленникам удалось снова, как в VI в., одержать верх над аристократией. Для Афин вхождение Мегар в сферу их влияния также имело совершенно исключительное значение. В V в. техника мореплавания еще не стояла на столь высоком уровне, чтобы обход выдающихся в море полуостровов и мысов не был сопряжен с самой серьезной опасностью. Даже перевозка хлеба из Евбеи в Афины вокруг Аттики мимо мыса Суния считалась, как сообщает Фукидид, опасной и ненадежной, а потому нерентабельной: предпочитали перегружать хлеб и везти его сухим путем из Оропа через Декелею. Еще во много раз труднее и опаснее был путь вокруг Пелопоннеса, мимо мыса Малей: ветры, водовороты и подводные камни делали этот путь, как мы узнаем из Геродота, Фукидида и Страбона, опасным даже летом и совершенно непроходимым зимой.

Практически торговля между всем бассейном Эгейского моря и Западом — Италией, Сицилией и Карфагеном — могла осуществляться только через Истм. Это и было причиной расцвета Коринфа, обогатившегося на пошлинах за перевозимые через перешеек товары. С другой стороны, необходимость платить пошлины коринфянам делала торговлю с Западом мало-выгодной для афинян, захвативших уже в это время всю торговлю на Эгейском море. Мегары владели гаванью Нисеей на Сароническом заливе Эгейского моря и гаванью Пегами на Коринфском заливе, обе гавани были соединены между собой короткой и удобной дорогой. Стоило только этим гаваням попасть в сферу влияния Афин, и афиняне получали возможность захватить в свои руки торговлю между Эгейским морем и Западом, сведя на нет коринфскую торговлю, так как на Эгейском море они были полновластными хозяевами. Понятно также, что для Коринфа, соседа Мегар с юга, недопущение афинян в Мегариду было вопросом жизни и смерти. Единственным шансом сохранить свою торговую роль было для коринфян присоединение Мегариды к территории Коринфа; такие попытки делались и ранее. Переворот в Мегарах послужил поводом для новой такой попытки. Мегары обратились за помощью к Афинам. Афиняне захватили Мегариду. «Таким образом, — замечает Фукидид (I, 103), — афиняне завладели и Мегарами и Пегами и по-

строили Длинные стены (по обе стороны дороги) из Мегар в Нисею, поставив внутри их гарнизон. С этого времени и начинается жгучая ненависть между Коринфом и Афинами». Эта ненависть засвидетельствована вплоть до начала IV в. (Аристофан). При тогдашней военной технике Длинные стены делали Мегары совершенно неприступными с суши для лакедемонян. Захват Мегар, помимо торговых преимуществ, обеспечивал афинян от неожиданного нападения пелопоннесского войска и послужил серьезным предостережением не только для Коринфа, но и для другого ближайшего соседа Афин — Эгины, которая заключила тесный союз с Коринфом.

Маленькие Мегары не могли мечтать о господстве на Эгейском море. В другом положении была Эгина. Она была очень богатым государством и имела разветвленные торговые связи в Эгейском море, все в большей мере становившемся внутренним морем Афин. На Западе Эгина не торговала: Эгейское море, по которому лежал путь в столь важный для эгинской торговли Египет, было единственным источником ее благополучия. Попытку вернуть бывшее влияние в Эгейском море Эгина должна была сделать или теперь, когда Афинам приходилось вести войну сразу на нескольких фронтах, или никогда. Эгиняне не преминули воспользоваться этим случаем.

Начало военных действий афинян в Пелопоннесе и на острове Эгине

Если в 460 г. афиняне только пришли на помощь мегарцам, подвергшимся нападению коринфян, то в следующем году афиняне уже сами начали военные действия в Галиях, в Арголиде. На суше они потерпели поражение от коринфян, зато близ Эгины афинский флот напал на соединенный флот пелопоннесцев и эгинян и одержал блестящую победу, взяв в плен 70 неприятельских кораблей. После этого афиняне осадили Эгину. Устранение коммерческой конкуренции Эгины было для афинян почти так же важно, как ослабление коммерческой мощи Коринфа: Перикл называл Эгину «бельмом на глазу Афин». В это время Эгина была, после Афин и Коринфа, сильнейшей морской державой.⁶ Она лежала при выходе из Саронического залива и могла без труда помешать выходу и входу афинских торговых судов. Не менее важно было то, что Эгина играла ведущую роль в торговле хлебом с Египтом, занимавшим тогда первое место по количеству производимого зерна, подобно тому, как Коринф держал в своих руках торговлю италийским и сицилийским хлебом. Как мы узнаем из Геродота (II, 178), только три

⁶ В начале V в., до постройки флота Фемистоклом, ее флот был значительно сильнее афинского; античные авторы говорят о «талассократии» (господстве на море) Эгины в это время.

греческих государства имели в VI в. собственные храмы в важнейшей гавани Египта Навкратисе: Милет, Самос и Эгина. Но Милет был разрушен в 494 г. и с тех пор потерял значение; Самос вошел в Афинский союз, а стало быть, и в сферу афинского торгового влияния. Оставался единственный конкурент в Египте — Эгина, и его надо было устранить. Понятно, что коринфяне были весьма заинтересованы в том, чтобы помочь Эгине. Для этого они напали с суши на Мегары, рассчитывая, что афиняне не будут в состоянии сражаться на нескольких фронтах. Однако афиняне призвали на службу граждан самых старших и самых младших призывных возрастов и с их помощью, под предводительством Миронида, одержали победу над коринфянами, причем осенью 459 г. отряд коринфян, заблудившихся на территории Мегар, был перебит афинянами до последнего человека.

Постройка Длинных стен в Афинах

Продолжая осаду Эгины, афиняне вместе с тем спешно принялись за дальнейшее укрепление своего города. Именно к этому времени относится сооружение высоких стен, соединяющих город с его гаванями. Северная стена вела к Пирею, южная — к Фалеру. Благодаря этим стенам Афины, пока они сохраняли власть над морем, не могли быть взяты с суши измором. Как и естественно было ожидать, оба врага Афин — Спарта и Персия — объединились теперь для борьбы с ними; Периклу приходилось платить за ошибку, допущенную в свое время Афинами, пославшими экспедицию на помощь восстановшему Египту. Перс Мегабаз привез спартамцам от персидского царя большую сумму денег, чтобы побудить их вмешаться в борьбу между Афинами и союзниками Спарты, Коринфом и Эгиной. Однако спартамцы в духе своей постоянной политики попытались, не открывая военных действий, действовать через своих агентов, сторонников аристократической партии в Афинах, с целью произвести здесь олигархический переворот. В это время Кимон был изгнан из Афин, но его партия, возглавляемая Фукидидом из Алопеки, готова была любой ценой свергнуть ненавистную ей власть демоса.

Сооружение Длинных стен было переломным пунктом в истории Афин. Оно означало полную неуязвимость их со стороны Спарты и окончательное перенесение центра тяжести афинской политики на море, на флот, экипаж которого рекрутировался из беднейших элементов населения, что вело к усилению демоса. С другой стороны, возведение стен означало, что, в случае нападения спартамцев с суши, землевладельцы должны будут покинуть свои участки, которые будут отданы на разграбление врагу. Интересы сельчан тем самым приносились в жертву интересам все более усиливавшегося городского

населения. Поэтому не удивительно, что демократия встретила сильную оппозицию, опиравшуюся на зажиточное крестьянство, составлявшее тогда почти половину населения Аттики.

Война в Беотии. Битва при Танагре

Постройка Длинных стен, казалось бы, должна была заставить спартамцев перейти к решительным действиям: это был удобный случай поставить в Афинах у власти реакционную группу и принудить афинян изменить их политику. Спартамцы двинулись походом на север, воспользовавшись тем предлогом, что жители Фокиды напали на небольшую горную область Дориду, считавшуюся метрополией всех дорян, и прежде всего спартамцев, тогда как фокидцы были союзниками афинян. Спартамцам удалось быстро сломить сопротивление фокидцев. На обратном пути, когда спартамцы проходили через Беотию, к ним, по сообщению Фукидида (I, 107), обратились за помощью две делегации: афинские сторонники олигархии, желавшие, «чтобы спартамцы помешали постройке Длинных стен и свергли демократию», и фиванские аристократы; Фивы, очевидно, хотели воспользоваться помощью спартамцев, чтобы восстановить утраченную власть в Беотийском союзе. Демократам остальных городов Беотии ничего не оставалось, как обратиться за помощью к афинянам. При Танагре произошло решительное столкновение между демократическими и реакционными государствами Эллады (457 г.). Бок о бок с афинянами сражались аргосцы и ионийские союзники Афин; на помощь к ним пришел также отряд фессалийской конницы, бывшей лишь случайным их союзником, ибо в Фессалии был аристократический строй. Всего в битве участвовало до 14 000 человек. Афиняне и их союзники были разбиты войском пелопоннесцев и фиванцев. Причиной поражения, по-видимому, было изменническое поведение афинских аристократов, вошедших в тайное соглашение с союзниками афинян — фессалийцами: в самый разгар боя фессалийцы перешли на сторону спартамцев и стали рубить афинян.⁷

⁷ Позднейшая историография пыталась всякими правдами и неправдами снять с афинских аристократов обвинение в государственной измене. Был измыслен рассказ о прибытии Кимона на фронт для защиты отечества и об афинских аристократах, слотившихся вокруг доспехов изгнанного Кимона и погибших до последнего человека. Это невероятно уже потому, что друзья Кимона (например, упомянутый в этой истории Евфипп из Анафлиста) принадлежали не только к другим демам, а не к дему Лакиадов, из которого происходил Кимон, но и к самым различным филам, а следовательно, по афинским законам должны были сражаться не рядом друг с другом, а в отрядах различных фил. Конечно, трудно сомневаться в том, что среди афинских аристократов были и честные патриоты, не хотевшие стать предателями своего отечества; но это, вопреки мнению Эд. Мейера, не снимает с афинских аристократов в целом обвинения в государственной измене, брошенного им таким серьезным историком, как Фукидид. Рассказ о прибытии Кимона на поле битвы и последовавшем вслед за этим досрочным возвра-

С 457 г. открываются прямые военные действия между Спартой и Афинами, продолжавшиеся до 451 г. Некоторые историки называют эту войну «Первой пелопоннесской войной».

Для политики Спарты характерно поведение ее после битвы при Танагре. Спартанцы не могли не видеть, что фиванцы, предоставленные самим себе, будут раздавлены своим более могущественным соседом. Однако принципы спартанской политики не позволяли долго держать большое количество спартиатов вдали от Спарты, за границей Пелопоннеса, ибо это могло бы способствовать восстанию илотов. Спартанцы должны были быть особенно осторожны в это время, так как осада Итомы еще не окончилась. Поэтому они, оказав помощь фиванцам, ушли назад, не причинив Афинам сколько-нибудь существенного вреда, а только опустошив недавно захваченную афинянами Мегарскую область. По-видимому, результатом спартанской победы была попытка Фив подчинить себе всю Беотию, причем вожди других беотийских городов были изгнаны. Тогда эти изгнанники, хотя они и принадлежали к аристократам, обратились за помощью к Афинам; это был первый случай, когда демократические Афины оказали помощь аристократическим группам: как справедливо указывает автор псевдоксенофоновой «Афинской политики», этот противоестественный союз должен был раньше или позже окончиться плачевно для афинян; что и случилось позже, в 446 г.

Битва при Энофитах и падение Эгины

Через 62 дня после битвы при Танагре афиняне снова выступили против фиванцев под предводительством Миронида и в битве при Энофитах (город в северной части Беотии) разбили их наголову. Однако уже очень скоро аристократия беотийских городов должна была пожалеть о том, что демократические Афины оказали ей помощь. Правда, в мелких городах Беотии, где городского демоса не было, у власти остались зажиточные люди во главе с аристократами; зато в больших городах, в Фивах и Орхомене, уже скоро аристократам, несмотря на лояльность к Афинам, пришлось уйти, и власть перешла к городскому демосу, который фактически и сделался вершителем судеб Беотии.

Этот успех афинян оказал немедленно же влияние на соседние государства. Опунтские локрийцы после того, как оба их соседа, фокидцы и беотийцы, оказались союзниками афинян, не могли уже держаться политики нейтралитета. Фокидцы были

сением его из изгнания противоречит и сообщению Платона в «Горгии» (516 d). «Измышление безвкусной истории о Кимоне показывает лишь одно: очевидно у его друзей совесть была не чиста»

друзьями афинян и охотно заключили с ними союз,⁸ локрийцы же, в наказание за их несочувствие афинянам, вынуждены были выдать им сто наиболее знатных граждан в качестве заложников и передать свою колонию Навпакт в Коринфском заливе. В таком же положении оказались и жители Эгины: после того как афиняне стали хозяевами во всей средней Греции до Фермопил, и после того как стало ясно, что спартанцы не сделают ни Малейшей попытки изменить это положение вещей, Эгине ничего не оставалось, как прекратить сопротивление и сдаться афинянам (456 г.). Жителям Эгины пришлось срыть стены, выдать корабли, заплатить контрибуцию и вступить в члены Афинского морского союза. Вслед за этим к афинянам присоединился и город Трезен в Арголиде,⁹ связанный с Афинами религиозно-мифологической традицией.

Борьба афинян в западной Греции

Афиняне и их союзники питались преимущественно хлебом, ввозимым из Северного Причерноморья, тогда как Коринф и другие пелопоннесские государства получали хлеб из Сицилии и Южной Италии. Причиной того, что Пелопоннесский союз мог позволить Афинам в 478 г. хозяйничать на Эгейском море, было как раз то обстоятельство, что сфера интересов союза лежала главным образом к западу от Балканского полуострова. Еще Фемистокл сделал первую попытку проникнуть на западные рынки и стремился прежде всего обеспечить Афинам удобную стоянку на западном берегу Греции, в Керкире — главном порту на пути в Италию. Однако Фемистоклу пришлось бежать раньше, чем планы его были осуществлены.

Перикл пошел по тому же пути, что и Фемистокл, но с гораздо большим успехом. Афины владели уже двумя гаванями в Коринфском заливе — Пегами в Мегариде и Навпактом в Этолии. Периклу удалось также склонить на сторону Афин жителей небольших городов Акарнании, а затем племя амфилохов, живших в Эпире. Для афинской торговли с Италией и Сицилией открылись теперь блестящие перспективы. Но Перикл (в 456—455 гг.) решил завоевать влияние на западе материка Греции и вооруженной силой: один из афинских стратегов Толмид отправился в объезд вокруг Пелопоннеса, имея на ста кораблях большой отряд гоплитов. Высаживаясь в различных ме-

⁸ По Диодору, спартанцы во время похода на север покорили фокидцев (XI 79); поэтому после битвы при Энофитах афинянам пришлось якобы снова покорять силой фокидцев (XI, 83). По Фукидиду (I, 107), спартанцы не покорили фокидцев, а только заставили их вернуть захваченные города. Я полагаю, что необходимо отдать предпочтение Фукидиду, и считаю сообщение Диодора ошибочным.

⁹ Любимый афинский национальный герой Тезей родился в Трезене, в Трезене же нашли приют афиняне во время Саламинской битвы.

стах Лаконии, Толмид опустошал ее, причем сжег спартанскую военную гавань Гифий.¹⁰ Как раз в это время спартамцам удалось взять Итому. По требованию Дельфийского оракула, находившегося в это время в сфере афинского влияния, они предоставили сдавшимися илотам право свободного ухода из Мессении. Изгнанников Толмид взял на свои корабли и поселил в Навпакте; этот город на Коринфском заливе стал теперь надежным, преданным союзником Афин, ибо никто так искренно не ненавидел спартанцев, как их илоты. На дальнейшем пути Толмид добился того, что Закинф и некоторые другие острова Ионийского архипелага заключили договор с афинянами. В Этолии Толмиду удалось захватить у самого входа в Коринфский залив два коринфских города. Однако нанести решительный удар Коринфу, присоединив к себе непосредственно примыкающий к нему Сикион, Толмиду не удалось, и ему пришлось ограничиться лишь тем, что, разбив вышедшее к нему навстречу сикионское войско, он предал всю область опустошению. Какова была цель всех этих завоеваний, ясно из того, что в 454—453 гг. афиняне заключили союз с Эгестой (иначе она называется Сегестой) в Сицилии и таким образом впервые вошли в соприкосновение с Великой Грецией.

5. ЕГИПЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

До 457 г. дела афинян были блестящими на всех фронтах, но удачи на Западе в 456—454 гг. сопровождались крупными неудачами на Востоке. В 457 г. большая афинская экспедиция (для перевозки войска понадобился флот почти из 200 кораблей!) находилась в Египте. Источники не дают прямых указаний по вопросу, когда эта экспедиция была отправлена в Египет: одни ученые полагают, что Перикл, несмотря на трудности войны со Спартой и ее союзниками, решил одновременно значительную часть своего войска послать на помощь египетскому фараону ливийцу Инару, сыну Псамметиха, отложившемуся от персидского царя Артаксеркса и поднявшему на борьбу большую часть Египта. Афиняне были заинтересованы в дружбе с хлебородным Египтом; по-видимому, Инар уже до восстания посылал афинянам хлеб. Эти ученые относят отправление экспедиции к 459 г. Другие исследователи (в том числе и автор этой книги) считают невероятным, чтобы Перикл, следовавший традиционной политике Алкмеонидов и бывший поэтому всегда сторонником мира с Персией, решил сразу же открыть войну на два фронта; они полагают (руководясь замечанием Плутарха, Кимон, 15, и датировкой Диодора), что эта экспедиция была

¹⁰ Если спартанцы за два года до этого, опустошив Мегарскую область, впервые открыли прямые военные действия против Афин, то теперь афиняне, предав опустошению Лаконику, впервые открыто выступили против Спарты.

отправлена еще Кимоном в 461 г.; это было вполне в духе политики Кимона, всегда стоявшего за мир со Спартой и войну с Персией. Война эта началась очень удачно: афинянам вместе с египтянами удалось разбить персов и осадить их в Мемфисе. Перикл же, придя к власти, не мог уже прекратить эту удачную и популярную войну: такой образ действий мог бы стать роковым для демократического режима.

Однако осада Мемфиса затянулась надолго. Афинянам, ведшим борьбу на трех фронтах,¹¹ трудно было послать в Египет необходимые подкрепления, в то время как Персия могла сосредоточить в Египте большие силы. В 457 или 456 г. туда прибыл из Персии с большим отрядом Мегабиз, разбил египетско-афинское войско и заставил его снять осаду с Мемфиса. Узнав об этом, афиняне послали на помощь 50 кораблей, но было уже поздно: Мегабизу удалось окружить и одолеть египтян и греков на острове Просопитиде в устье Нила; значительная часть войска была перебита, Инар попал к персам в плен и был по приказу царя казнен, уцелевшим грекам удалось спастись в Кирену и оттуда переправиться на родину. Афинский флот, посланный на помощь, был захвачен персами, и значительная часть находившихся на нем воинов уничтожена. Эгейское море стало теперь открытым для персов.

6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИНЯН В 454—445 гг.

Борьба со Спартой и ее союзниками в 454—450 гг.

После египетского поражения положение афинян на восточном фронте стало очень напряженным. Персия несомненно поддерживала связь со Спартой и Коринфом, и все время можно было ожидать с ее стороны нападения. Влияние Афин на Эгейском море настолько пошатнулось, что незадолго до 454 г. по предложению самосцев пришлось перенести союзную казну с Делоса в Афины и поместить ее на Акрополе. Тем не менее афиняне продолжали действовать энергично. В 453 г. Перикл повторил экспедицию Толмида к побережью Пелопоннеса. Он разбил сикионян; Ахайя перешла на сторону Афин. Операции в Акарнании, имевшие целью подорвать сношения Коринфа с Западом, были, однако, неудачны. С другой стороны, Перикл пытался обеспечить путь по суше к македонскому лесу и фракийскому хлебу. Беотия, Локрида и Фокида находились уже

¹¹ До нас дошел от 459 г. список из 185 человек одной только фило Эреффеиды, погибших в этом году на шести полях сражения: на Кипре, в Египте, в Финикии (о сражениях на Кипре и в Финикии нам известно только из этого источника), в Галиях, на Эгине и в Мегарах — в том числе 2 стратега и 1 прорицатель; так как погибли 2 стратега из одной и той же фило, то один из них — несомненно председатель коллегии стратегов, т. е. виднейший государственный деятель.

в сфере афинского влияния; оставалось распространить его на Фессалию, где боролись две группы: лаконофильская олигархическая партия земельной аристократии (всадников) и монархическая, опиравшаяся на более широкие массы и поэтому поддерживаемая Афинами. В 454 г. афиняне попытались произвести в Фессалии переворот в пользу второй из указанных групп, но безуспешно. При создавшихся для Афин условиях, при наличии союза между спартанцами и персами, отсутствие побед означало поражение. Значительную часть областей, захваченных на материке Греции, Перикл, по-видимому, вовсе не имел в виду во что бы то ни стало удержать во власти Афин, тем более, что хозяйничанье в районах с чисто земледельческим, враждебным Афинам населением сулило им много хлопот и мало выгод. Несомненно, Перикл видел в захваченных областях на материке Греции прежде всего залог, дающий возможность вести переговоры со Спартой и заключить с ней мир на наиболее выгодных для Афин условиях.

Как ни важно было для Перикла наладить торговые связи с Италией и Сицилией, но основной его задачей было заставить Спарту и Персию признать Афинский морской союз и монопольное право Афин на черноморский хлеб, сделать морские сообщения на Эгейском море безопасными, а подвоз хлеба в Афины — регулярным и бесперебойным. О мирном договоре с Персией, после неудачи в Египте, на первых порах не приходилось думать. С другой стороны, несмотря на все выгоды, которые получали члены союза от образования большой державы, от прекращения войн между полисами и от установления безопасности на море, прирожденная любовь к независимости в каждом маленьком государстве давала себя знать. Недовольство властью Афин росло, ресурсы их истощались, а в распоряжении спартанцев были персидские субсидии, и они могли спокойно продолжать свою обычную политику: не выводя своих войск за пределы Пелопоннеса, медленно и спокойно готовить олигархические перевороты в государствах, находящихся в сфере афинского влияния, и в самих Афинах.

Возвращение Кимона и борьба с Персией

В самих Афинах страх перед персами усилился настолько, что к концу 50-х годов, когда истек десятилетний срок остракизма Кимона и он вернулся в Афины, верх взяла руководимая им аристократическая партия. Будучи сторонником войны с Персией и мира со Спартой, он немедленно же приступил к прямым переговорам с этой последней. Но при всем своем лаконофильстве Кимон не мог обещать Спарте вернуть ей приобретения, сделанные Афинами в Пелопоннесе (включая Мегары), так как это, несомненно, вызвало бы гнев народных масс и могло подвергнуть Кимона новому остракизму. Ему пришлось

поэтому удовольствоваться заключением перемирия со Спартой на пять лет на условии *status quo*. Одним из главных условий перемирия был, по-видимому, разрыв Афин с Аргосом; Аргос, оставшийся теперь изолированным, заключил со Спартой мирный договор на тридцать лет. Таким образом, Кимон пожертвовал главным и самым блестящим успехом Перикла, союзом с Аргосом.¹² Это было наиболее тяжелым ударом для всего дела Перикла — теперь потеря остальных афинских завоеваний стала уже только делом времени. Не забудем, что пятилетний мир был заключен Спартой с Кимоном, очевидно, в надежде на то, что Афины и дальше пойдут по олигархическому спартанофильскому пути. Однако надежда эта была весьма сомнительной, и потому мир был заключен пока только на пять лет, чтобы иметь руки свободными в случае, если надежда Спарты не сбудется и возвратятся к власти демократы (чего можно было серьезно опасаться).

К этой эпохе относится окончательное превращение Афинского морского союза из союза самостоятельных государств, сообща решающих интересующие их всех дела, в Афинскую морскую державу. Для этой цели ряд самостоятельных членов Афинского морского союза был переведен в число союзников, платящих форос. Халкида и Эретрия на Евбее, Потидея на Халкидике и ряд островов Эгейского моря (Кеос, Тенос и другие), бывшие первоначально независимыми союзниками Афин, в списках фороса впервые появляются в 449—448 гг. Полноправными членами союза остаются только Митилена, Мефимна, Хиос и Самос. Очевидно, Кимон, нуждаясь в деньгах для ведения войны с персами и не вполне доверяя преданности этих союзных городов афинским интересам, перевел большую часть их в разряд плательщиков фороса.¹³

Сам Кимон с флотом в 200 кораблей отправляется в 449 г. к Кипру для борьбы с персами. 60 из этих кораблей он посылает в Египет для поддержания египетских повстанцев, повторяя в данном случае ту неудачную затею, которая позорно провалилась раньше. Прибыв к Кипру, Кимон приступил к осаде крупнейшего города на острове — Кития, но во время осады заболел и умер, и с его смертью сошел в могилу последний крупный руководитель аристократической партии в Афинах, стоявший за борьбу с Персией. После смерти Кимона в войске

¹² По-видимому, разрыв с Аргосом был одним из главнейших условий перемирия, а Аргос был крупнейшим после Спарты государством Пелопоннеса, — тем центром, откуда афиняне могли вести антиспартанскую демократическую агитацию в Пелопоннесе. Если союз с Аргосом был первым блестящим результатом изгнания Кимона в 461 г., то, вернувшись из изгнания, в интересах своей политической группы Кимон первым делом разрывает этот союз.

¹³ Плутарх (Кимон, 11), сообщая об этом мероприятии Кимона, пытается, следуя своему источнику, изобразить его, как меру, полностью отвечающую желанию самих союзников.

осаждающих начался голод; к тому же афиняне узнали о приближении к Кипру персидского флота. Все это привело к тому, что пришлось снять осаду с Кития и выступить против персидского флота. Афинянам удалось одержать при городе Саламине (на Кипре) победу сперва над неприятельским флотом, затем над бежавшим с него на берег экипажем.¹⁴ Эта победа, сопровождавшаяся огромными потерями, особых последствий не имела: покорить Кипр не удалось.

Каллиев мир

После смерти Кимона в Афинах снова перевес получили сторонники мира с Персией во главе с Периклом. Военные действия против персов были прекращены. В Сузы направились два посольства: одно из Афин, другое из Аргоса. Во главе афинского посольства стоял афинский богач Каллий, отец первой жены Перикла. Царствовавший в Персии Артаксеркс был в это время в тяжелом положении, так как против него восстали Египет и сатрап Мегабаз в Сирии. Афиняне заключили с персами мирный договор, который носит в истории название Каллиева мира (447 г.).¹⁵ По этому договору Афины отказались от всякого вмешательства в дела греков, живших под властью персов (в Кипре, Египте и т. д.), а за это персы признали власть афинян над островами Эгейского моря. Персидский царь обязался не посылать военных кораблей в Эгейское море и в Геллеспонт, сухопутная же армия персов могла подходить к берегу не ближе, чем на расстояние дневного перехода (это не могло относиться, однако, к небольшим отрядам полицейского характера). Артаксеркс обязался также признать автономии греческих городов Малой Азии, уже вошедших в Афинский морской союз, т. е. право самим организовывать свои внутренние дела под верховной властью Персии. Таким образом, афиняне принуждены были признать верховную власть персидского царя над малоазийским побережьем, власть же Афин над малоазийскими городами, входившими в союз, была признана царем лишь в той форме, что афинянам было поручено «установить размер некоторых причитающихся царю податей» (Исократ, Панегирик, 120), т. е. часть податей была временно уступлена царем афинянам. Этим объясняется значительное уменьшение фороса с городов Малой Азии после 447 г.: так как этим городам, по Каллиеву миру, снова приш-

лось платить дань царю, то понятно, что они не могли уже платить в Афинский союз столько, сколько платили до сих пор. Из городов азиатского материка, по-видимому, только города Геллеспонта никакой дани царю не платили; поэтому они продолжали платить форос в Афинский союз и после 447 г. в полном размере. Очевидно, Геллеспонт имел слишком важное значение для хлебного снабжения Афин, чтобы можно было позволить появляться здесь персидским сборщикам податей.

Позднейшая патриотическая легенда видела в этом мирном договоре признание персами полной независимости малоазийских греков. В действительности же персы и в последующее время считали себя верховными властителями малоазийских городов.¹⁶

Каллиев мир в условиях борьбы со Спартой был необходим и обеспечивал афинянам большие выгоды. Однако олигархической партией, возглавляемой Фукидидом из Алопеки, этот мир рассматривался как измена греческому делу. В результате агитации олигархической партии Каллий был обвинен в получении взятки от персов и едва спасся от смертной казни, уплатив 50 талантов штрафа. Фактически это был выпад против Перикла; однако уже через короткое время Периклу удалось добиться одобрения своей политики.¹⁷ Одновременно с Каллиевым миром Персия заключила союз дружбы с Аргосом. Отношения между Афинами и Аргосом в это время можно характеризовать как дружественный нейтралитет.

Со времени Каллиева мира между Афинами и Персией на долгое время установились добрососедские отношения. Афиняне прочно закрепили за собой торговлю с Северным Причерноморьем, с Фракией и Македонией, обеспечив безопасное плавание в Эгейском море, что давало им возможность, возобновив торговые отношения также и с Персией, поправить свое финансовое положение, расшатанное войной на два фронта.

Общезлинский конгресс

Спарта тем не менее отказывалась признавать Афинский морской союз, и это должно было, разумеется, беспокоить афинян. Убедившись, что дальнейшее расширение их власти оружием наталкивалось на непреодолимые трудности, афиняне пытались достигнуть этой цели мирными путями. Периклу удалось провести через народное собрание постановление¹⁸, призыва-

¹⁶ Взгляд А. Домашевского, по которому Каллиев мир был заключен с отдельными сатрапами без ведома царя, оставляет без объяснения ряд исторических свидетельств.

¹⁷ Мир с Персией был торжественно отпразднован; был сооружен алтарь Эйреде, богине мира.

¹⁸ Постановление это (подлинность которого никаких сомнений не вызывает) известно нам только из биографии Перикла у Плутарха. Дата его, к сожалению, не указана.

¹⁴ Как мы читаем в приводимой Диодором (XI, 62) надписи в честь победы, афиняне взяли 100 финикийских кораблей вместе с экипажем.

¹⁵ Плутарх относит этот договор к году битвы при Евримедонте (ок. 467 г.) и полагает, что его заключил Кимон после этой битвы; многие современные историки также говорят о Кимоновом мире. Но это результат путаницы: надпись в честь победы при Кипре была ошибочно отнесена историком Плутарха к битве при Евримедонте.

ющее всех греков, в каком бы месте Европы или Азии они не жили, будь то большое государство или малое, послать депутатов на общеэллинский конгресс в Афины. В задачи этого конгресса входили прежде всего вопросы религиозные, но под религиозной оболочкой проводилась мера большой политической важности. Боги были общегреческими, и поэтому забота об их храмах была общегреческим делом; когда храм бога погибал от землетрясения или от нашествия варваров, производились сборы на восстановление храма в различных греческих государствах. Перикл, опираясь на эти взгляды и обычаи, хотел поставить на конгрессе вопрос о восстановлении на общегреческий счет храмов, разрушенных персами в 480—479 гг. Так как больше всего пострадал от персов афинский Акрополь, то это фактически было планом отстроить афинские храмы (прежде всего Парфенон) в новом роскошном виде на общегреческий счет. Если бы этот план удался, Афины превратились бы в религиозный центр Греции, и, разумеется, афинянам нетрудно было бы обеспечить себе фактическое руководство этими храмами. Второй задачей конгресса было установление таких норм, при которых «все могли бы жить, не опасаясь нападения, и чтобы между всеми греками был мир». Фактически это означало превращение Афинского морского союза в общегреческий и признание афинской гегемонии на море. Афины стали бы в таком случае и религиозным и политическим центром всей Греции.

Такое руководство всей Грецией Спарта, как глава Пелопоннесского союза, считала своей неотъемлемой прерогативой. Спартанцы, кроме того, прекрасно понимали, что в случае дальнейшего усиления Афин, неизбежно должно было бы усилиться демократическое движение как среди пелопоннесских союзников, так и в самой Спарте, и что события 459—457 гг. могут повториться снова. Коринф также вряд ли мог забыть, что ему еще недавно, в связи с успехами Афин, угрожал крах; и теперь, несмотря на мир, Афины, владея Мегарами и Эгиной, были постоянной угрозой для Коринфа. Поэтому спартанцы приложили все усилия, чтобы сорвать намеченный Периклом конгресс, и это им удалось. С другой стороны, спартанцы всячески поддерживали и разжигали недовольство среди малоазийских союзников Афин; афинянам приходилось бороться не только с «самими восстающими союзниками, но и с теми из пелопоннессцев, которые были замешаны в каждом случае восстания» (Фукидид, I, 97).

Афины и союзники

Самый факт заключения мира с Персией неизбежно усиливал среди союзников брожение. В самом деле, афинский союз был основан для борьбы с Персией, а после заключения мира

с ней он, казалось, терял смысл; вносимый же членами союза форос представлялся простым вымогательством.¹⁹ Еще немного раньше 449 г. восстал Милет, может быть, по тайному соглашению с Персией. Брожение должно было еще усилиться, когда, после неудачи конгресса, афиняне осуществили первый пункт его программы и стали отстраивать афинский Акрополь на общесоюзный счет. Афинские олигархи, руководимые Фукидидом из Алопеки и не желавшие политического усиления афинской демократии, со своей стороны разжигали недовольство союзников, указывая на то, что средства, собранные для борьбы с персами, расходуются на украшение Афин. Все это не могло не вызвать тревоги в Афинах.

Около этого времени Перикл предпринял, по-видимому, с целью дальнейшего укрепления Афинского морского союза, инспекционную поездку, в частности в Херсонес Фракийский, разоряемый фракийцами. Он восстановил защищавшую Херсонес стену, построенную при Мильтиаде и впоследствии разрушенную. В наиболее опасные места, особенно там, где можно было ожидать нашествия соседей-варваров,²⁰ были выведены афинские военные колонии, клерухии. В иных случаях эти клерухии представляли просто военные поселения для предупреждения возможных восстаний. Такие колонии были высланы, например, на острова Наксос и Андрос. Основание этих колоний служило в то же время действенным средством для уменьшения в Афинах безработицы.

Военные действия спартанцев в средней Греции

В то же время спартанцы вновь перешли непосредственно к военным действиям, направленным, однако, не против афинян, а против их союзников. В 449 г. они предприняли поход в союзную с Афинами Фокиду, отобрали у фокидцев Дельфийский храм и передали его дельфийцам, вышедшим с помощью Спарты из Фокидского союза и ставшим автономными. Периклу, впрочем, удалось после ухода спартанцев восстановить власть фокидцев над Дельфами. Во время похода в Фокиду лакедемоняне завязали связи с враждебной Афинам партией в Беотии. В ее крупных городах афиняне производили демократические перевороты; однако демократическая партия, опиравшаяся на городские элементы, была очень непопулярна в Беотии с ее преимущественно земледельческим населением. Вдобавок все беотийские города были подчинены Афинам и принуждены были выставлять свои отряды в афинское войско. Теперь,

¹⁹ См. речь митиленцев у Фукидида (III, 10): «Мы энергично следовали за афинянами, но когда мы увидели, что, с ослаблением вражды к персам, афиняне стремятся к порабощению союзников, нами овладела уже тревога».

²⁰ См., например, дошедшую до нас надпись о выводе афинской колонии в Брею, во Фракии.

после ряда неудач Афин, противники их в Беотии подняли голову; разумеется, известную роль здесь сыграла и спартанская агитация. Эти антиафинские настроения объединяли все аграрные элементы, составлявшие огромное большинство населения Беотии. Во главе движения встал город Орхомен. Без разрешения афинских властей в Беотию возвратились изгнанные аристократы, большая часть беотийских городов от Афин отложилась.

Битва при Коронее и ее следствия

Как ни тяжел был этот удар для Афин, Перикл и его единомышленники понимали, что ввиду широкой популярности движения в Беотии попытка принудительного подавления восстания вызовет энергичное сопротивление и может окончиться неудачей. Необходимо было действовать дипломатическим путем и прежде всего выжидать. Однако афинский стратег Толмид и группа его единомышленников не одобряли этой медлительности Перикла; с разрешения народного собрания они организовали добровольческий отряд и вторглись в Беотию. Сначала Толмид имел успех, но затем в битве при Коронее (446 г.) потерпел тяжелое поражение. После этого афинянам, чтобы вернуть многочисленных пленников, пришлось очистить Беотию, и вся она объединилась в централизованный союз с Фивами во главе. Только Платей, верный союзник Афин, не вошли в этот союз.

Уже в битве при Коронее вместе с беотийцами принимали участие также локрийцы и изгнанники из Евбеи. Теперь Локрида, Фокида и Евбея отпали от афинян. В Гестиее на Евбее жители напали на находившихся там афинян и перебили их. Перикл с афинским войском должен был отправиться на усмирение Евбеи.

Поход Плистоанакта и восстание Евбеи

В это время окончился срок пятилетнего перемирия со Спартой, и спартанское войско пошло на Мегары, где тогда также произошел олигархический переворот, причем был вырезан афинский гарнизон. Часть афинских войск, не участвовавшая в евбейской экспедиции, двинулась на Мегары. Но этих сил оказалось недостаточно, так как вскоре в Мегарах появилось спартанское войско. Периклу пришлось оставить Евбею на произвол судьбы и двинуться навстречу спартанцам, вторгшимся уже в пределы Аттики и опустошавшим ее. Однако даже объединенная афинская армия была значительно слабее спартанской, руководимой царем Плистоанактом и эфором Клеандром. Все ждали нападения спартанцев на Афины. Но в результате каких-то тайных переговоров с уполномоченными Перикла

спартанское войско удалилось из Аттики в Спарту. Плистоанакт и Клеандр были преданы суду по обвинению в подкупе, но им обоим удалось бежать. Получили ли, действительно, спартанские царь и эфор взятку, неизвестно; по свидетельству Фукидида, в этом их во всяком случае подозревали. Сообщают, что Перикл, отчитываясь в конце года в произведенных расходах, показал сумму, потраченную им на взятку, но назвал эту статью расхода так: «истрачено на необходимое». Через 20 лет после этих событий Аристофан пародировал уже эту формулировку Перикла, поэтому трудно думать, чтобы она была просто вымыслом. Плистоанакт принадлежал к дому Агиадов, постоянно добивавшемуся союза с Афинами. В его планы вовсе не входило чересчур ослаблять Афины, тем более, что Перикл, несомненно, дал ему гарантии заключения мира на выгодных для Спарты условиях.

После этого афиняне под начальством Перикла закончили покорение Евбеи. Сторонники антиафинской партии были изгнаны из евбейских городов, и у власти были поставлены надежные люди.

С городами Евбеи были заключены договоры; только жители Гестиеи были выселены, и на их место высланы афинские клерухи. До нас дошел в надписи относящийся к этому времени договор между Афинами и Халкидой, один из любопытнейших памятников дипломатического искусства. Афинские власти клянутся в договоре не лишать гражданских прав, не наказывать и не казнить никого из граждан Халкиды. Это производит впечатление уважения к правам халкидцев, но оговорка «без постановления афинского народного собрания», по существу, лишает этот пункт всякого значения. Кроме того, афиняне отказываются вернуть халкидцам взятых у них заложников и запрещают им взыскивать подати с тех живущих у них иностранцев, которые платили подати в Афины или были в Афинах освобождены от них.²¹ Халкидцы, со своей стороны, обязуются платить афинянам форос «в том размере, какой им удастся выхлопотать у афинян».

Тридцатилетний мир

В 446 г. афинские послы прибыли в Спарту и заключили здесь мир с нею на 30 лет. По этому миру афиняне обязались очистить все пункты, занятые ими в Пелопоннесе, а также и всю Мегариду: кроме исконных членов Афинского морского союза, под афинской властью остались теперь только Невпакт и Эгина, которой афиняне обязались предоставить автономию. Спартанцы признали верховную власть афинян над членами Афинского морского союза, а афиняне — верховную власть Спарты над членами Пелопоннесского союза. Государства, не

²¹ Каков реальный смысл этих условий, мы показали уже выше, с. 325.

АФИНЫ ПЕРИКЛА (460—431). ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РАСЦВЕТ АФИН

I. ТОРГОВЫЙ РАСЦВЕТ АФИН

вошедшие к этому времени ни в тот, ни в другой союз, имели право примкнуть по своему усмотрению к одному из них. Афины получили, между прочим, право вступить в союз с Аргосом.

Заключенное в 451 г. Кимоном пятилетнее перемирие со Спартой, по которому афиняне сохраняли за собой ряд владений в Пелопоннесе, в частности — в Коринфском заливе на пути в Италию, Мегары и всю среднюю Грецию, было результатом неудач Афин и тяжелым дипломатическим поражением. Тридцатилетний мир 445 г., по которому Афины отказались от всех завоеваний на материке Греции, кроме Навпакта, был блестящей дипломатической победой Афин. Это звучит парадоксом, но так расценивали мир 445 г. уже древние. Как сказано выше, те города, которые были захвачены афинянами на материке и которые афиняне, за отсутствием сильной пехоты, имели мало шансов удержать в своих руках, в значительной мере должны были служить лишь залогом для переговоров со Спартой. И этот расчет оправдался. Афины получили то, чего они с 460 г. безуспешно добивались: официальное признание спартанцами Афинского морского союза, в частности — права афинян на взимание фороса; более того, Спарта признала за греками, еще не входящими ни в один из двух союзов, право войти в Афинский морской союз, если им это будет угодно. Господство афинян на Эгейском море и беспрепятственный подвоз черноморского хлеба были теперь обеспечены и с персидской и со спартанской стороны. Наконец, официальное признание за афинянами права заключить выгодный союз с Аргосом открывало афинянам возможность в будущем снова делать ставку на демократический переворот в Пелопоннесе. Действительно тяжелой потерей для Афин был лишь предусмотренный этим миром отказ от Мегариды, фактически означавший, что торговля между Эгейским морем и Западом в основном снова переходит к Коринфу. Но Перикл не считал Тридцатилетний мир чем-то вечным и неизменным, тем более, что афиняне позаботились о том, чтобы оставить себе возможность законным и мирным путем, не прибегая к войне, возратить утраченные позиции: Эгейское море и Малая Азия были признаны сферой афинского влияния, и здесь афиняне могли регулировать торговлю, как хотели. Даже олигархический автор приписываемой Ксенофону «Афинской политики» (II, 12) считает вполне естественным, чтобы «те, кто противодействует интересам Афин, были лишены права пользоваться морем». Но Мегары не могли существовать, «не пользуясь морем», т. е. не сбывая своих продуктов и не торгуя на Эгейском море; следовательно, можно было рассчитывать, что их всегда можно будет заставить в виде возмещения за «пользование морем» разрешить свободный провоз афинских товаров, направляющихся на Запад, через их территорию. И эта уступка Спарте не имела, следовательно, решающего жизненного значения.

В разбираемую нами эпоху Афины достигли высшего торгового расцвета. Причины этого были отчасти естественными, отчасти искусственными. Естественными причинами было то, что в Афинах ремесло достигло высокого развития и совершенства, и сюда переселялись большие массы наиболее квалифицированных ремесленников со всех концов эллинского мира; их изделия служили образцом для ремесленников всех греческих государств. Далее, Афины были главой большого союза, в который входили все торговые и промышленные города островов Эгейского моря и побережья Малой Азии и Фракии; естественно, что все нити торговых отношений сходились в Афинах, где и обособились крупнейшие морские купцы (*emporoi*), предприниматели, перепродавцы и «банкиры» (*trapezitai*). В Афинах было наиболее либеральное и считающееся с нуждами морской торговли законодательство; для разбора морских тяжб здесь даже были учреждены особые судьи — навтодики; разбором дел с иностранцами специально ведали архонты-полемархи. Конечно, и в афинских судах местный гражданин имел больше шансов на успех, чем иностранец; однако здесь не было той характерной для ряда греческих государств установки, когда иностранец принципиально рассматривался как объект, а не как субъект права. «По контрактам с союзниками мы организовали суды в нашем собственном городе на началах равенства сторон, и, тем не менее, нас считают кляузниками. Но при этом никто из хулителей не обращает внимания на то, что другие государства, имеющие подвластные области в других местах, не проявляют к подвластным городам такой умеренности, как мы, и, тем не менее, не подвергаются поношениям за это» (Фукидид, I, 77, 1). Наконец, Афины находились в самом центре греческого мира, на рубеже восточной Греции (бассейна Эгейского моря) и западной (Италии и Сицилии), и были одним из наиболее многочисленных городов Греции, к тому же с большим количеством зажиточных жителей: товарам, привезенным сюда, сбыт был в значительной мере обеспечен, а афинская монета и по высокой пробе и по полновесности была лучшей монетой Греции.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АФИН ВРЕМЕНИ ПЕРИКЛА

Начало политической деятельности афинского гражданина

Полноправным гражданином становился всякий афинянин, который по достижении 18-летнего возраста с согласия членов того дема, к которому принадлежал его отец, зачислялся в списки этого дема. Правда, в течение двух лет новый гражданин в звании эфеба должен был нести военную службу, которая состояла не только в военном обучении, но и в несении гарнизонной службы на границах Аттики. Лишь с 20-летнего возраста афинский гражданин мог фактически посвятить себя политической деятельности.

Народное собрание

Верховная государственная власть принадлежала народному собранию (экклесия), где мог присутствовать с правом голоса всякий полноправный афинский гражданин. В каждую пританию (десятью часть года) созывалось четыре очередных народных собрания; кроме того, были собрания внеочередные, поскольку это вызывалось необходимостью. Таким образом, афинский гражданин при желании имел возможность каждый девятый день посвятить себя служению государственным делам. К наиболее важным из них, разбиравшимся всегда в очередных народных собраниях, принадлежала так называемая эпихиротония должностных лиц. Она состояла в том, что на первом очередном собрании каждой притании ставился вопрос, хорошо ли исполняют свои обязанности должностные лица; в случае положительного ответа они утверждались в своих должностях на текущую пританию, а в случае отрицательного ответа сменялись и отдавались под суд; сверх того, в этом же собрании слушались доклады должностных лиц о финансовых делах, о безопасности государства, о мероприятиях, которые должны были быть предприняты против отдельных граждан в случае допущения ими тех или иных нарушений. На втором очередном собрании заслушивались просьбы о восстановлении в гражданских правах лиц, лишенных их, о сложении долгов с государственных должников. Третье собрание посвящалось вопросам, относящимся к внешней политике, четвертое — делам, касающимся религиозного культа.

Законодательная инициатива принадлежала в народном собрании не только совету пятисот, но и каждому гражданину. Однако всякое предложение, как сказано выше, предварительно должно было быть рассмотрено советом пятисот. Как проходило принятие новых законопроектов, в точности неизвестно;

Таковы были естественные причины хозяйственного расцвета Афин. Но Афины принимали и искусственные меры для подъема своего экономического благосостояния. Союзники обязаны были присылать свои делегации на главные афинские праздники; суды между гражданами союзных городов и афинянами, а также суды по важнейшим делам граждан союзных городов между собой также происходили в Афинах. Эти люди, прибывающие в Афины, старались использовать свое пребывание в Афинах для продажи своих товаров, закупок товаров в Афинах и других коммерческих дел. При этом «хорошо идут дела у тех афинян, у кого есть дом, сдающийся внаймы, или у кого есть упряжка вьючных животных или раб, отдаваемые внаймы; наконец, глашатаи получают работу вследствие приезда союзников».¹ Сюда присоединяется еще большая пошлина с товаров и судебных процессов. Но еще гораздо важнее то, что весь хлеб и ряд других товаров разрешалось вывозить только в Афины: лишь в том случае, если в них не было потребности в самих Афинах, их разрешалось по уплате установленной пошлины ввезти в другие места. При этом со второй половины V в. союзные города (за отдельными исключениями) не могли чеканить своей монеты и должны были пользоваться только афинской.

По всем этим причинам благосостояние Афин в эпоху Перикла достигло такой высоты, которой оно никогда более не достигало. Вот, что пишет по этому поводу тот же олигархический автор «Афинской политики»: «А богатство греков и варваров — афиняне одни могут иметь его у себя. Действительно, если какой-нибудь город богат корабельным лесом, куда он будет его сбывать, если не добьется согласия тех, кто господствует над морем? Если какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать это, если не заручится согласием того, кто господствует над морем? А ведь из всего этого и строятся у меня² корабли: от одного получается лес, от другого — железо, от третьего — медь, от четвертого — лен, от пятого — воск. Кроме того, тем, кто является нашим противником, афиняне не дадут отвезти куда-нибудь в другое место, и им не придется пользоваться морем. И вот я, не делая ничего, получаю все эти произведения земли по морю, а между тем никакой другой город не имеет у себя даже двух таких продуктов сразу. Притом и не бывает в одной стране сразу и лес, и лен, но там, где родится очень много льна, страна ровная, безлесная. Точно так же и медь с железом не идут из одного и того же государства, равно как и все остальное не бывает в одном и том же государстве, но в одном одно, в другом дру-

¹ Псевдоксенофонт. Афинская политика. I, 16.

² Т. е. у жителя Афин.

надо полагать, оно было обставлено различными формальностями. Во всяком случае вносимый законопроект не должен был противоречить существующим законам. Ответственность за каждое решение собрания, которым утверждался новый закон, в течение всего года лежала на том лице, по предложению которого закон был принят. Это лицо в течение этого промежутка времени могло подвергнуться «обвинению в противозаконном деянии» (*ggarthe ragapomon*), и действие нового закона приостанавливалось. Официальной целью *ggarthe ragapomon* было придание большей устойчивости существующему строю и предохранение его от легкомысленных и недостаточно продуманных попыток переустройства. Фактически, конечно, оно служило тормозом для охраны существующей конституции от всякого рода переворотов. Процессы по *ggarthe ragapomon* подлежали решению уже не народного собрания, но народного суда, *гелиеи*.

Самые постановления народного собрания делились на две категории: законы и *псефизмы*. *Псефизмами* назывались главным образом распоряжения по отдельным случаям, основанные на существующем законодательстве. Во многих случаях издание новых распоряжений было затруднено рядом формальных преград. В принципе в античных законодательствах каждый закон считался изданным навеки и находящимся под покровительством богов; часто в законах содержались специальные дополнения, устанавливающие тяжелые наказания за внесение в народное собрание предложений об изменениях или отмене этих законов, причем наказанию подвергались не только вносящие предложение, но и все их потомство. Особенно щепетильны были афиняне, когда законодательство касалось религии. В этих случаях гражданин, вносивший предложение, начинал с того, что, не внося официально закона, обращался к народному собранию с просьбой предоставить ему «безопасность» (*adeia*). Если он получал такое разрешение, он мог уже вносить закон, не рискуя подвергнуться обвинению по *ggarthe ragapomon*. Для законов, в отличие от *псефизм*, была установлена особая длительная процедура. Они должны были три раза быть рассматриваемы в народном собрании. В случае, если оно находило допустимым отмену действующего закона или замену его другим, оно образовывало особую комиссию *номофетов* («законоположников») и само определяло число членов и способ составления этой комиссии (в известных нам случаях эти комиссии составлялись из 501 или 1001 члена *гелиеи*, в их состав входили и члены совета). Обсуждение закона велось в форме судебного процесса, — сторонники отмены старого закона и введения нового выступали в роли обвинителей; для защиты старых законов народ выбирал особых защитников — *синегоров*.

Совет Пятисот

Со времени реформы *Клисфена* афинский совет состоял из 500 членов, избиравшихся жребием по 50 человек из каждой *филы*, достигших 30-летнего возраста и заявивших о своем желании баллотироваться. Избранные кандидаты подвергались так называемой *докимасии*, т. е. проверке того, что они являются полноправными афинскими гражданами и ни в чем не опорочены в своем поведении. Если кандидат не удовлетворял этим требованиям, он заменялся запасным кандидатом. При вступлении в должность члены совета приносили присягу в том, что будут исправно и сообразно с законом отправлять свои обязанности. По окончании срока службы каждый член давал отчет в своей деятельности. Если обнаруживалось, что он во время службы совершил какое-либо преступление, он мог быть арестован, после чего подвергался суду в обычном порядке.

С одной стороны, совет являлся как бы постоянным деловым президиумом народного собрания, с другой — был вполне самостоятельным правительственным учреждением, деятельность которого простиралась на все отрасли государственного управления. Совет занимался предварительным рассмотрением всех дел, поступавших в народное собрание на его утверждение, причем по каждому делу совет выносил свое суждение — *пробулевму*. На обязанности совета было также следить за тем, чтобы постановления народного собрания были приведены в исполнение. Таким образом, деятельность совета и деятельность народного собрания были тесно связаны между собой, что нашло свое выражение, с одной стороны, в основных положениях афинской конституции, гласившем: «ни одно дело не должно решаться без предварительного рассмотрения советом» (*meden aprobouleuton einai*), с другой — в *сакраментальной формуле*, с которой начинался каждый декрет: «Совет и народное собрание постановили» (*edoxe boulei kai toi demoi*). На совете лежала также забота о военной обороне государства и надзор над флотом; он вел дипломатические сношения с другими государствами, а в V в. ведал делами Афинского морского союза. Наконец, одной из важнейших сторон деятельности совета было заведование государственными финансами, причем он должен был в этом случае отдавать народному собранию отчет о государственных доходах и расходах. В делах, касающихся важных политических преступлений или злоупотреблений в денежных делах, совет имел своей властью арестовать виновного. Заседания совета были публичными, исключая обсуждение важных политических дел.

В полном составе совет, по своей многочисленности, не мог быть пригоден для быстрого решения текущих дел; поэтому для рассмотрения их были устроены постоянные комиссии. Каждая из них состояла из 50 членов совета, принадлежащих к одной

филе, которая и заведовала делами в течение десятой части года по очереди, определявшейся жребием. Эти комиссии назывались пританиями; время дежурства каждой из них продолжалось 35—36 дней (этот промежуток времени также назывался пританией). Члены такой притании заведовали текущими делами, подготовляли предложения, вносимые в совет в полном составе, созывали его, равно как и народное собрание, и руководили тем и другим. Из пританов по жребию избирался на сутки эпистат, который председательствовал в совете и в народном собрании.

Эпистат

Этот эпистат был очень важным должностным лицом. В качестве высшего представителя народа он заседал в особом круглом здании, фолосе (tholos), у него находились ключи от храмов, в которых хранились государственные архивы и вся государственная казна. Он же был хранителем государственной печати.

Так как одно и то же лицо не могло быть в течение своей жизни дважды эпистатом, как не могло быть дважды и членом совета, то почти каждый гражданин мог рассчитывать раньше или позже занять по жребию на один день пост высшего лица в государстве!

Народный суд (гелиея)

Большое значение имел в Афинах народный суд — гелиея. Ему передавались для рассмотрения вообще все судебные процессы, за исключением дел, подлежащих ведению ареопага. Гелиастом имел право быть всякий афинский гражданин, достигший тридцатилетнего возраста. Желаясь подвергнуться жеребьевке в члены гелиеи обязан был заявить об этом архонтам и принести особую присягу. После этого составляли список гелиастов (5000 и 1000 запасных), и последние распределялись по особым секциям, состоявшим каждая из 500 членов, так называемым дикастериям. В особых случаях дела разбирали коллегии, которые могли состоять из любого числа членов гелиеи (от 200 до 2000). Гелиасты должны были судить, придерживаясь буквы существующих законов, в тех же случаях, когда соответствующего закона не было, — по совести. Приговор гелиастов не подлежал ни кассации, ни пересмотру. Таким образом, гелиасты выносили свои решения, не подвергаясь за них никакой ответственности. Через гелиею проходило большое число процессов (там разбирались и дела, касавшиеся членов Афинского морского союза). Поэтому каждый гелиаст был очень занят: чтобы не подвергнуться исключению из списков,

ему приходилось участвовать по меньшей мере в ста заседаниях (всего судебных дней было 300).

Ареопаг и суд эфетов

Наряду с гелиеей, в качестве судебной инстанции продолжал функционировать ареопаг, хотя значение его, как мы видели, постепенно уменьшалось. После реформы Эфиальта за ареопагом остался только суд по делам об убийствах, но и они разбирались не исключительно им, так как такими же делами ведала и гелиея. Ареопагу были подсудны только дела о преднамеренных убийствах, о нанесении ран или увечий с целью лишения жизни, о поджогах и отравлении, повлекших за собой смерть. Ближайший родственник убитого подавал жалобу архонту-царю, который производил предварительное следствие и, в результате его, определял, какой судебной инстанции разбор дела подлежит, ареопагу или гелиее. Если разбор дела должен был происходить в ареопаге, то процедура была такая. Обвинитель и подсудимый (лично) произносили по две речи, причем в них должны были касаться исключительно обстоятельств, относящихся к делу. После первой речи обвиняемый (кроме убийцы родителей) мог избавиться от осуждения добровольным изгнанием. На третий день ареопаг выносил приговор. При равенстве голосов подсудимого оправдывали. Признанный виновным в преднамеренном убийстве приговаривался к смертной казни и конфискации имущества; виновный в умышленном нанесении ран присуждался к изгнанию и конфискации имущества.

Коллегии эфетов принадлежали четыре судебных палаты, причем в каждой из них разбирались дела только определенного содержания. Формальности судопроизводства мало известны, но, вероятно, были те же, что и в ареопаге. Эфеты разбирали дела по убийствам непредумышленным, подстрекательствам к убийству или увечью, по убийствам метэков и рабов, при самозащите, по убийствам нечаянным и справедливым и т. п.

Наконец, решением частных дел, относящихся к нарушению прав и обязанностей, занимались так называемые диэтеты, которые были и государственными и частными (третейские судьи).

Архонты

Афинское государство в пору наивысшего развития в нем демократического строя обслуживал многочисленный персонал разнообразных по своим функциям должностных лиц. Из них мы остановимся на рассмотрении характера деятельности двух, наивысших по своему значению, коллегий: архонтов и стратегов.

Во главе управления государством первоначально, как мы знаем, стояли архонты. Уже со времен Клисфена они утратили почти все свое значение и стали скорее только почетными должностными лицами, заведовавшими главным образом актами, совершавшимися от имени государства и относившимися к области религиозного культа (жертвоприношения, празднества). Из судебных полномочий за архонтами остались лишь прием заявлений и председательство в судебной палате гелиеи, которой принадлежало право вынесения приговора. Из бывших архонтов состоял и ареопаг, утративший, как мы видели, со времени реформы Эфиалта свое значение.

Входивший в состав коллегии архонтов архонт-полемарх в свое время считался представителем военного управления. Клисфен, как известно, сосредоточил военную власть в руках коллегии 10 стратегов, каждый из которых выбирался одной из фил и руководил ее войсками. Однако еще в Марафонской битве архонт-полемарх председательствует в коллегии стратегов, и ему предоставляется решение вопросов, по которым среди коллегии стратегов обнаружилось разногласие. В последующее время уже нет упоминаний о том, чтобы полемарх играл какую-либо роль как в приготовлении к войне, так и во время ее. Все функции полемарха переходят к стратегам.

Должность архонта, как одна из древнейших должностей, была чрезвычайно почетной, и поэтому, как бы ни сокращалась сфера функций архонтов, оставалась опасность, что архонты, происходящие из виднейших аристократических домов, снова захватят власть в государстве. Поэтому, вероятно, уже во время Клисфена к занятию должности архонта стали допускаться граждане второго имущественного класса (всадники) и незнатного происхождения. Однако по традиции на эти должности выбирали известнейших аристократов. Поэтому с 487 г. стали выбирать на должность архонта граждан первых двух классов, независимо от происхождения, по жребию, и с этих пор в архонты и члены ареопага стали попадать случайные богатые люди. С 456 г. к занятию по жребию должности архонта были допущены зевгиты, т. е. средние крестьяне и ремесленники, что повело к окончательному исчезновению былого авторитета архонтов.

Стратеги

Разумеется, эти выбранные по жребию люди не могли фактически руководить афинским государством. Во главе государства в эту эпоху стала избранная поднятием рук коллегия стратегов (обычно состоявшая из Перикла и виднейших его сотрудников), которая выполняла трудный долг управления Афинами при сложившейся внешней и внутренней обстановке. Ко времени Перикла стратеги стали избираться всем народным собра-

нием по одному от каждой из девяти фил (от одной филы стратег не избирался: из какой именно, решалось, вероятно, жребием); десятый стратег избирался всем народным собранием безотносительно к филам. Стратеги представляли высший военный совет и правительство Афин; во главе же отрядов отдельных фил теперь стояли особые военачальники — таксиархи.

Стратеги выбирались открытым голосованием (поднятием рук) по филам, причем в противоположность остальным должностным лицам в стратеги могло быть избираемо одно и то же лицо несколько лет кряду. Компетенция всех десяти стратегов первоначально была одинакова, постепенно же вышло так, что один из них, избираемый теперь от всего народного собрания, стал как бы председателем всей коллегии, своего рода «первым среди равных», и к нему перешло руководство всем государством. Наглядный пример такого «первого стратега» — Перикл, который будучи членом коллегии стратегов, обычно являлся в то же время фактически и руководителем народного собрания, и главой демократической партии, и руководителем всего демоса («демагогом»), а следовательно, и всего афинского государства.

Управление финансами

С денежными средствами государства стратеги имели дело постольку, поскольку это касалось приготовлений к войне или ведения самой войны. Но в расходовании денег на военные нужды стратеги, действуя без контроля, все же были ответственны перед народным собранием, которое и здесь входило во все детали и определяло, какие доходные статьи на какие расходы должны быть обращаемы; стратеги давали отчет не в конце каждого года, а когда их смещали.

Верховный надзор над финансами принадлежал Совету Пятисот. Главными казначеями со времени Клисфена были 10 аподектов, по одному из каждой филы. В их руках было заведование государственным казначейством, прием фороса и других податей и пошлин, они вели списки государственных должников, проверяли их в присутствии совета, принимали уплату долгов. Для заведования священной казной и сокровищами богини Афины были избираемы жребием по одному от филы из числа граждан первого класса «десять казначеев священных денег богини Афины». Надзору этих казначеев была вверена и государственная казна, хранившаяся в Парфеноне в виде депозита. Незадолго до Пелопоннесской войны была учреждена должность «казначей прочих божеств». Для получения фороса существовали особые «эллинские казначеи» (эллинотамии). Ежегодно избиравшиеся по одному из филы полеты отдавали на откуп государственное имущество и доходы, продавали конфискованное имущество преступников и неисправных государ-

ственных должников, следили за поступлением доходов в срок; списки поступивших доходов полеты передавали совету Пяти-сот, а полученные с откупщиков и покупателей деньги — в государственную казну.

Ряд важных расходов государства покрывался по очереди «пентакосиомедимнами» («литургии»): оснащение триеры и управление ею («триерархия»); организация и оплата хора драм («хорегия») и состязаний («гимнасиархия») и т. п.

3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФИНСКОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ВРЕМЕНИ ПЕРИКЛА

Положительные и прогрессивные черты

Афины были в это время бесспорно наиболее свободным государством в Греции. Ни один афинянин, будучи даже застигнут на месте преступления, не мог быть заключен в тюрьму без постановления суда или народного собрания, если он представил трех поручителей из своего имущественного класса. Исключения составляли лишь случаи государственной измены, заговора против государственного строя и злоупотреблений в деле взимания государственных сборов. В Афинах была широкая свобода слова: разрешалось открыто выступать (например, со сцены) против правительства. Несмотря на то что выступления против господствующей религии по закону карались смертью, фактически и в этой области существовала довольно большая свобода. Процессы по обвинению в безбожии, как, например, процессы против философа Анаксагора и софиста Протагора, относятся к концу эпохи Перикла, причем обвиняемые были иностранцы, да и самые процессы эти были вызваны политическими причинами — стремлением дискредитировать Перикла и его единомышленников.

Так как авторитет аристократии был в эпоху Перикла еще очень высок, то существовала большая опасность, что демос будет по традиции на все должности избирать аристократов (как это и было зачастую при избрании стратегов). Жребий, применявшийся при избрании должностных лиц, устранял эту опасность. Только на должности, требующие специальных знаний, выборы производились голосованием. По сравнению с другими греческими государствами, права демоса в Афинах были обеспечены лучше всего; олигархическому автору «Афинской политики», приписываемой Ксенофону, этот строй кажется крайне последовательно проведенным господством уличной бедноты (см. цитату ниже, гл. IX, с. 403 сл.).

Классовая ограниченность афинской демократии

Однако если мы обратим внимание не на юридическую, а на фактическую сторону дела, то от этого «господства бед-

ноты» ничего не останется. Даже по наиболее скромным расчетам население Аттики в это время достигало 240 000 человек, из них около 160 000 взрослых (мужчин и женщин). Полноправных граждан насчитывалось приблизительно 35 000, т. е. около 22 % всего взрослого населения.³ Нельзя не отметить к тому же, что несмотря на всю демократичность афинского государственного строя, фактическая власть в Афинах находилась либо в руках представителей аристократических родов, либо в руках наиболее зажиточных представителей демоса.

Это усугублялось тем, что беднота, составлявшая большинство афинского полноправного гражданства, состояла в значительной своей части не из производителей, а из паразитов. Огромные количества рабов, массовый ввоз которых в Афины был начат Кимоном и продолжался и после его смерти, делал работу свободных в областях, не требующих особой виртуозности, невыгодной и малооплачиваемой, так как на раба можно было расходовать ровно столько, чтобы он не умер с голоду. Как свидетельствовал Платон (Аксиох, 368 b), свободные ремесленники работали с раннего утра до поздней ночи и, тем не менее, никак не могли заработать на пропитание своей семьи. Появилась целая армия безработных, и Периклу и его сподвижникам приходилось направлять все свое внимание на то, чтобы как-нибудь доставить пропитание этим людям.

Наиболее целесообразной и полезной для государства мерой была организация общественных работ.

Строительная деятельность Перикла; борьба с безработицей

Великолепные постройки, сооруженные при Перикле в Афинах, имели огромное значение для поднятия международного престижа Афин. Эти постройки привлекали в Афины путешественников со всего античного мира, а это должно было принести афинянам большой доход.⁴ Но постройки Перикла имели и другую цель. Уже со времени побед Кимона в Афины нахлынуло большое число рабов. Так как пропитание раба стоило дешево, то цены на товары упали, и в ряде производств

³ Ср.: Энгельс Ф. Происхождение семьи//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. Изд. 2-е. С. 170: «90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов и держало их в повиновении» (цифры Энгельса относятся к более позднему времени).

⁴ При Перикле был перестроен заново также храм Деметры в Елевсине. Как мы видим из сохранившейся надписи (Dittenberger, Sylloge, ed. III, vol. I. № 83), все союзники были обязаны привозить в этот храм начатки плодов; с такой же просьбой обращаются и к государствам, не вошедшим в число членов союза. Таким образом, Перикл пытался сделать из храма Деметры общеэллинический религиозный центр.

свободный труд стал невыгодным. Появилось большое число свободных безработных граждан. Постройки Перикла, занимая большое число рабочих рук, тем самым значительно сокращали безработицу. Вот что рассказывает об этом Плутарх (Перикл, 12): «Перикл не хотел, чтобы простонародье, не сражавшееся в войсках и живущее ремеслом, оставалось без государственной поддержки, и в то же время считал нежелательным, чтобы оно получало деньги, ничего не делая и проводя время в праздности. Поэтому он поспешно вносил один за другим в народное собрание проекты больших строительных работ. Представленные им планы требовали применения труда самых различных ремесленников и притом в течение долгого времени. Благодаря этому граждане, остающиеся на родине, получали не меньшее право пользоваться своей долей казенных средств, чем плавающие на кораблях, находящиеся в гарнизонах или участвующие в военных походах. Там, где материалом служили камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево, кипарис, действовали представители тех профессий, которые обрабатывают эти материалы: плотники, скульпторы, медники, каменщики, золотых дел мастера, мастера по слоновой кости, живописцы, эмалировщики, чеканщики, затем те, кто подвозят и подносят эти материалы: по морю — купцы, мореходы и кормчие, по суше — тележники, извозчики и кучера, канатчики, ткачи льняных материй, кожевники, дорожные рабочие, шахтеры. Каждое из этих ремесел, точно полководец, имело под началом собственную армию, соединяющую в себе наемных чернорабочих из простого народа, причем эти люди служили для этих искусств как бы орудием или телом. Эти работы, если можно так выразиться, распределяли и распространяли благополучие между людьми самого различного возраста и дарования».

Диэты

Другой мерой, содействовавшей улучшению положения безработных граждан в Афинах, было введение диэт, т. е. платы за исполнение гражданских и военных должностей и за исполнение должности члена совета. Эти меры, по-видимому, относятся еще к началу правления Перикла, ко времени борьбы его с Кимонем. Реформа отвечала интересам бедноты. Бедные граждане, занятые трудом для обеспечения своего существования, не имели возможности тратить время на исполнение общественных обязанностей. Установление платы давало им эту возможность. Но реформа проводилась постепенно: по-видимому, только во вторую половину правления Перикла была установлена плата для членов гелии. В результате более 7 тыс. граждан (вместе с армией — около 20 тыс.) получали пособие из казны (плата за посещение народных собраний была установ-

лена только в IV в.).⁵ Эти расходы ложились тяжелым бременем на государственную казну. Так, члены Совета Пятисот получали каждый по пять оболов, пританы — по драхме, гелиасты — по два обола ежедневно. Возможно, что уже при Перикле введен был так называемый феорикон, деньги на посещение театральных представлений. Граждане, получившие эти деньги, могли либо истратить их на покупку входных билетов в театр, либо, не пойдя в театр, истратить их на пропитание. Не говоря уже об оплате матросов и в военное время гоплитов (от 2 оболов до драхмы в день) и всадников (драхма в день на содержание себя и коня), государство расходовало значительные суммы на выдачу пособий гражданам, изувеченным на войне, а также всем нетрудоспособным. Назначение таких пособий (от 1 до 2 оболов в день) зависело от народного собрания, а право на их получение определял совет. Сыновья граждан, погибших на войне, воспитывались до совершеннолетия на государственный счет, а затем получали от государства полное вооружение.

В неурожайные годы иногда всему народу оказывалась помощь в виде даровой раздачи или продажи по удешевленной цене хлеба, купленного за государственный счет.

Взятая государством на себя обязанность доставлять прокормление всем неимущим гражданам приводила к тому, что, с одной стороны, в круг граждан старались правдами и неправдами втереться люди, не входившие в круг гражданства, а с другой — к тому, что государство изыскивало меры, чтобы соразмерить число голодных ртов с числом имевшихся в его распоряжении средств. Одной из таких мер является закон Перикла о гражданстве.

Ограничение доступа в число афинских граждан

Характерным явлением в истории греческой демократии была борьба за ограничение круга лиц, имевших право считаться гражданами. В древнейшие времена для получения прав афинского гражданина достаточно было принятия нового гражданина в свою среду членами рода и фратрии и предоставления ему земельного участка. Как правило, афинскими гражданами были дети отцов-афинян, но это правило нарушалось тем, что,

⁵ Ряд мер, проведенных Периклом, были сознательным восстановлением реформ Писистрата, упраздненных при Клифене. Враги Перикла постоянно сравнивали его с Писистратом и утверждали, что он похож на Писистрата даже лицом и манерой говорить. Диэты, введенные Периклом, сравнивали с раздачами и ссудами Писистрата; и в том и в другом случае выдачу народу из казенных средств рассматривали как ответ на широкую благотворительность аристократических магнатов. Как и Писистрат, Перикл проявлял особую заботу об инвалидах. Перикл в 453—452 гг. восстановил знаменитое демократическое установление Писистрата — суды по демам. И наконец подобно Писистрату, Перикл широко развернул строительную деятельность в Элевсине, стремясь поднять значение святилища Деметры.

с одной стороны, в списки граждан не вносились афиняне, не имевшие земельных участков и лишённые гражданской чести, а с другой — в них вносились усыновленные афинянами иностранцы. Уже в эпоху Солона это право родов включать в свой состав иностранцев было ограничено: Солон разрешил принимать в число граждан только иммигрантов, изгнанных навсегда из своей родины, и специалистов-ремесленников, переселяющихся со всей семьёй навсегда в Афины. Вероятно, уже к сравнительно раннему времени относится запрещение принимать в число членов фратрий людей, у которых ни отец, ни мать не были афинянами.⁶ Клисфен, а за ним Фемистокл включили в число граждан определенные группы людей из числа невключённых до этого времени в списки афинян, а также из метэков: очевидно, эти люди были приняты в число граждан народным собранием, к которому с этого времени и перешли функции принятия новых граждан, тогда как фратрии могли принимать в свою среду только детей, имевших отцами афинян. Происхождение матери в это время еще не имело значения; только для того, чтобы быть избранным архонтом-царем, закон требовал в Афинах (как и в Спарте⁷ для царского сана) происхождения и от матери-гражданки.⁷ Браки со знатными иностранками были модными в афинском аристократическом обществе до 460 г. (так, например, Писистрат, Клисфен, Мильтиад, Фемистокл и Кимон были женаты на иностранках); дети от таких браков были только несколько ограничены в правах наследства.⁸

Демократическая партия, возглавляемая Периклом, выдвинула требование ограничения состава афинских граждан лицами, имеющими обоих родителей афинян; аристократическая партия, многие члены которой были связаны браками с иностранками, резко возражала против этой меры. Однако демократы не отказались от этой меры, и в 451—450 гг., когда к власти вернулся Кимон,— быть может, в противовес ему,— Перикл внес в народное собрание закон, по которому право гражданства давалось лишь тому, у кого мать и отец были гражданами. Исключенные из числа граждан могли согласно

⁶ Так, в законе о так называемых морских судьях, «навтодиках», приводимом Гарпократионом (s. v.) из собрания Кратера, сказано: «Если кто-либо, имея обоими родителями иностранцев, будет включен в список фратрии, то любой афинянин может возбудить судебное расследование... перед навтодиками». Эта формулировка закона возможна только в такое время, когда наличие хотя бы одного родителя-афинянина уже давало право на принятие в число членов фратрии.

⁷ Этот закон, разумеется, мог быть создан лишь тогда, когда происхождение от матери-афинянки не было еще требованием, предъявляемым к каждому гражданину.

⁸ При отсутствии завещания дети от брака афинян с иностранками (nothoi) имели право на наследство только при отсутствии законных сыновей.

этому закону протестовать, предъявив доказательство, что их родители — граждане, но если протест оказывался необоснованным, они подлежали продаже в рабство. Закон этот был принят.

Для того чтобы понять, как мог вождь афинской демократии предложить такой закон, необходимо уяснить себе, что античные рабовладельческие демократии вовсе не исходили из принципа равенства всех людей. В сущности, они были своеобразными замкнутыми аристократиями — не только потому, что они были основаны на эксплуатации бесправных рабов, но и потому, что жители всех городов считались в каждом греческом городе существами низшего порядка по сравнению с коренными гражданами. Античное демократическое государство, как мы только что сказали, считало себя обязанным обеспечить прожиточный минимум всем своим гражданам: поэтому-то античные граждане боялись расширения круга граждан, так как это уменьшило бы доход и преимущества каждого из них. Поучительно, что закон Перикла был фактически применен в 444 г., когда претендент на верховную власть в Египте Псамметих прислал в дар афинскому народу 40 000 медимнов пшеницы и ее нужно было поделить между гражданами. Чем меньше было бы претендентов на этот хлеб, тем больше получил бы каждый гражданин; поэтому со всех сторон посыпались доносы, и возникло множество процессов о незаконнорожденных. В результате этих процессов, если верить Плутарху, было арестовано и продано в рабство около 5000 человек; в числе граждан, имеющих право на участие в раздачах (т. е. фетов), осталось только 14 400 человек.

4. АФИНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ 445 г

После 445 г. афиняне облекли Перикла таким доверием, что до 430 г. он оставался вершителем афинской политики. Эти годы были временем полного расцвета Афинской державы, высшего расцвета афинского ремесла, торговли, науки, искусства. Фактически Афины становятся теперь ведущим государством всей Эллады.

Политика Перикла в южной Италии и Сицилии

Тридцатилетний мир вовсе не означал, что афиняне отказались от западногреческих рынков. Сам Перикл рассматривал этот мир только как передышку: он прекрасно понимал, что реакционная Спарта всегда будет центром для группировки олигархических сил в Афинах и союзных с ними городах, и,

с другой стороны, учитывал все возрастающую потребность афинян в ввозимом хлебе. Уже пункт договора, касающийся Аргоса, показывает истинные намерения Перикла. Он не оставил надежды усилить значение Афин в Сицилии и южной Италии, но хотел теперь действовать, как вождь передовых групп во всех греческих городах, опираясь главным образом на дипломатию, а не на военную силу.

Политика сближения с демократическими государствами южной Италии и Сицилии, начатая в 454 г. договором с сицилийским городом Эгестой, продолжалась и после 446 г. Чтобы обеспечить Афинам базу для сношений с Италией, афинский стратег Формион заключил договор с Акаранией; затем были заключены договоры с ионийскими городами, с Леонтинами в Сицилии и с Регием в южной Италии. Эти договоры были направлены острием против Сиракуз, важнейшего союзника пелопоннесцев в Сицилии. Главным оплотом пелопоннесцев в южной Италии был Тарент. Чтобы ослабить его, афиняне заключили союз с противником Тарента Артом, царем мессапов (в Калабрии). Перикл сделал попытку и более прочно утвердиться в южной Италии. Жители Сибариса, разрушенного кротонцами в 510 г., восстановили свой город. Теснимые кротонцами, они обратились за помощью к Афинам. Перикл немедленно воспользовался этим и вывел в Сибарис колонию из афинян и их союзников, получившую имя «Фурий»; когда исконные жители Сибариса стали требовать себе привилегий, они были изгнаны. Для руководства новой колонией были мобилизованы лучшие умы в Афинах и их колониях: историк Геродот, философ Протагор, демократический деятель в Афинах Ксенократ, архитектор Гипподам из Милета; для подведения «религиозной базы» в колонию отправился знаменитый афинский прорицатель Лампон. Гипподам распланировал город геометрически правильно: широкие улицы пересекались под прямыми углами.

В это время случилось непредвиденное обстоятельство: на 444—443 г. Перикл не был выбран стратегом. По-видимому, активная политика его на западе внушала страх афинским массам, уставшим от войны и едва успевшим спокойно вздохнуть после мирных договоров 447 и 445 гг. Руководство перешло к олигархической партии, возглавляемой уже упомянутым выше Фукидидом из Алопеки, и ему было поручено руководство устройством колонии в Фуриях. Фукидид совершенно извратил идею Перикла, под маской беспристрастия и верности «общееллинскому» делу он, работая на руку Спарте, объявил Фурии общегреческой колонией и стал приглашать все города Греции принять участие в ее заселении. Колонисты из Пелопоннеса и Беотии оказались в большинстве; во главе колонии стали спартанец Клеандрид и другие деятели аристократического направления; сама она приняла аристократические законы Залевка в

Харонда.⁹ Не удивительно, что по возвращении из Фурий Фукидид был привлечен к суду и осужден, а несколько позднее изгнан остракизмом. С политической стороны все предприятие кончилось, таким образом, неудачей для Афин.

Итак, и на этот раз мы видим, что политика олигархической партии, возглавляемой зятем Кимона Фукидидом, привела в 443 г. к такой же неудаче для Афин, как и политика самого Кимона в 449 г. Лозунги освободительной борьбы с Персией и единства эллинов производили неотразимое действие на народ, но он очень скоро убеждался в том, что теперь эти лозунги стали служить прикрытием антигосударственной эгоистической политики олигархических групп. Неудачи олигархов дорого стоили народу, но в результате вели к еще большему укреплению демократических принципов и авторитета Перикла.

5. ФУКИДИД О ПЕРИКЛЕ

Со времени изгнания Фукидида и вплоть до 430 г. Перикл не имел ни одного сколько-нибудь влиятельного противника; он становится фактически единственным правителем Афин. Историки, описывающие эту эпоху и относящиеся с недоверием и враждебностью к народовластию,— начиная с Фукидида и кончая Белохом,— рассматривают правление Перикла в 443—430 гг. как диктатуру, считая, что народоправство сохранилось лишь номинально: «Перикл, опираясь на свой авторитет и ум и будучи, очевидно, неподкупнейшим из граждан, свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею; по имени это была демократия, на деле же власть принадлежала первому гражданину» (Фукидид, II, 65). Эта картина является воплощением политического идеала Фукидида, согласно которому скромные и добродетельные массы должны добровольно и с охотой уступить всю власть в государстве «лучшим людям». Он умышленно сгущает краски, чтобы противопоставить это «доброе старое время» «лихолетью» эпохи Клеона. В действительности, Перикл все время был и оставался строго конституционным правителем; народ следовал во всем за ним, так как его противники обанкротились и лишились доверия, тогда как политика Перикла оказалась единственно правильной и возможной. Но Перикл пользовался полным доверием народа всего лишь восемь лет; уже с 435 г. начинается ожесточенная оппозиция против него, возглавляемая Клеоном; на первых порах Периклу удастся лави-

⁹ Борьба между колонистами из различных городов, между демократами и аристократами продолжалась в Фуриях в течение всей Пелопоннесской войны, причем верх взяли аристократические пелопоннесские группировки. В конце Пелопоннесской войны Фурии стояли уже определенно на стороне Спарты.

ровать и удерживать руководство в своих руках, но в 430 г. он устраняется от власти.

6. АФИНСКИЙ МОРСКОЙ СОЮЗ ПРИ ПЕРИКЛЕ

Положение союзных городов

445—430 гг.— период наивысшего развития могущества Афин. В это время Афины возглавляют «державу» («архе»), насчитывающую в своем составе более 170 городов. Почти все эти города платят Афинам форос и выставляют свои контингента в войско, но не имеют ни укреплений (афиняне заставляли жителей срывать укрепления), ни флота, не участвуют в военном командовании и в распределении взыскиваемых с них сумм. Только четыре наиболее значительных члена союза сохраняют свои стены, флот и полную автономию: Самос, Хиос и два города на Лесбосе (Митилена и Мефимна). Прочие города даже официально часто называются не союзниками, а «городами, которыми владеют афиняне». В союзных городах, под давлением афинян, происходят почти всюду демократические перевороты и вводятся учреждения, сходные с афинскими, в том числе и суды. Но компетенция этих судов ограничена: если осужденные приговорены к смертной казни или изгнанию, они имеют право апеллировать в афинскую гелиею; если один из тяжущихся — афинянин, то дело разбирается в Афинах. В особо важных случаях афиняне вызывают отдельных граждан из союзных городов на суд в Афины через особых чиновников «приглашателей» («клетеров»). Союзники обязаны присылать делегации и жертвенных животных на главнейшие афинские праздники. Ряд товаров разрешалось вывозить только в Афины, и лишь в том случае, если в данном товаре не было потребности в самих Афинах, по уплате определенной пошлины его разрешалось везти дальше. Особенно строго была регулирована перевозка хлеба: в Византии на Геллеспонте сидели особые чиновники — «сторожа Геллеспонта» (геллеспонтофилаки), которые должны были наблюдать за тем, чтобы весь провозимый хлеб шел прежде всего в Афины, и уже отсюда, по удовлетворении потребностей афинян, не больше трети ввезенного хлеба могло направляться в другие города. Ввозить непосредственно в другие места можно было только по особому разрешению народного собрания. В самих Афинах за ввозом хлеба наблюдали особые чиновники — «хлебные стражи» (ситофилаки). Так как союз представлял единое целое не только в политическом, но и в экономическом отношении, Афины ввели во всех его городах свой вес и свои меры, а потом и свою монету.

¹⁰ Совет, разделяющийся на притании, гелия и народное собрание, состоящее из всех граждан.

Большое значение имело то, что союзная казна была перенесена в 454 г. с Делоса в Афины, где и хранилась на Акрополе в храме Афины, причем 1/60 часть союзных взносов считалась собственностью богини. После заключения Каллиева мира, по видимому, возник вопрос, следует ли взимать с союзных городов форос, введенный специально для борьбы с Персией. Но Перикл настоял на том, чтобы форос продолжал взиматься, так как Афины по-прежнему гарантировали союзникам свою защиту. Была принята точка зрения Перикла, согласно которой Афины не обязаны давать союзникам отчет в расходовании вносимых последними сумм.

После 442 г. вся союзная область была разделена, как сказано выше, на 5 податных округов: Ионийский, Геллеспонтский, Фракийский, Карийский, Островной.

Принадлежность к союзу приносила его членам ряд выгод, из которых едва ли не главной было уничтожение пиратства на Эгейском море.¹¹ Устав союза не запрещал войн между его членами, но в случае их возникновения Афины немедленно вмешивались в эти столкновения в своих интересах, чтобы ликвидировать их.

Как мы говорили уже,¹² возмущение афинских аристократов (например, Фукидида из Алопеки) властью Афин над союзниками было дешевой демагогией: их возмущали лишь мероприятия демократии, которые ложились бременем на зажиточные элементы союзных городов. Так как народные массы в этих городах были при аристократическом режиме бесправны, власть афинян для них во многом оказывалась выгодной. Автор сочинения об афинском государственном устройстве, приписываемого Ксенофону, говорит: «Афиняне знают, что в Афинах власть в руках народа будет оставаться очень недолго, если в городах возьмут силу богатые и благородные; в силу этого они благородных лишают там гражданских прав, отнимают имущество, изгоняют и убивают, а простых поддерживают. Благородные из афинян защищают благородных в союзных государствах, понимая, что им самим выгодно защищать в городах людей лучших» (I, 14). Такой смысл имело и заступничество Фукидида из Алопеки и его единомышленников за угнетаемых союзников.

¹¹ Около 470 г. пиратство, как мы видим из дошедшей до нас теосской надписи, еще было широко распространенным бедствием на Эгейском море; приблизительно в это время афиняне уничтожают пиратское гнездо на Скиросе; в начале 50-х годов Перикл кладет конец пиратству на фракийском Херсонесе. В результате всех этих мер пиратство на Эгейском море было совершенно уничтожено: необходимо отметить, что, когда впоследствии спартамцам удалось уничтожить Афинский союз, пиратство снова приняло огромные размеры.

¹² Выше, с. 343; ср. ниже, с. 406, замечательное свидетельство афинского олигарха Фриниха.

Восстание на Самосе

Каков был истинный характер восстаний союзников, лучше всего видно на примере крупнейшего из этих восстаний, имевшего место на Самосе. Самос был одним из немногих союзников Афин, сохранивших свою независимость и аристократический строй до 440 г. Во время восстания Самос был самым крупным торговым городом на Эгейском море; он владел флотом в 50 триэр и был первым по могуществу на море государством после Афин. Государственное устройство было здесь, как мы уже сказали, аристократическим, в соседнем же Милете власть была в руках демократии. Самос спорил с Милетом за обладание городом Приеной (на границе Кари и Ионии). Самосцы пошли войной на Приену и нанесли поражение милетянам. Милетяне и самосские демократы обратились за помощью в Афины. Афиняне предложили самосцам решить спор третейским судом, но самосцы отклонили это предложение. Тогда афиняне в 440 г. подошли к Самосу на 40 кораблях, передали власть демократам, оставив для защиты их гарнизон, взяли заложников у самосских аристократов и отплыли обратно. После этого бежавшие с Самоса аристократы обратились за помощью к персидскому (в Сардах) сатрапу Писсуфну и к Пелопоннесскому союзу.¹³

Восстание на Самосе было, по-видимому, частью большого плана, задуманного Персией (как можно заключить из Фукидида, I, 41, 2) вместе со Спартой, так как одновременно с Самосом восстали некоторые города в Кари, Византий, Херсонес Фракийский; началось брожение на Лесбосе; вероятно, предполагалось лишить Афины морского господства и передать его Самосу, который, войдя в Пелопоннесский союз, должен был стать проводником спартанской политики. Аристократам удалось с персидской помощью снова захватить Самос, взять в плен значительную часть демократов и афинский гарнизон и увести своих заложников; затем они вместе с персами двинулись походом на Милет. Узнав об этом, Перикл спешно направился к Самосу с 60 кораблями. Ему удалось одержать победу, но в это время он получил сведения, что к Самосу идет финикийский флот. Перикл пошел ему навстречу, а тем временем самосцы нанесли чувствительное поражение афинянам. Однако обещанная спартанцами помощь не прибыла, с персами же Периклу, надо думать, удалось договориться. Персам было, по-видимому, обещано вернуть некоторые города Кари: владение этими городами было стратегически и политически очень важно для Персии, а для Афин обладание ими имело ничтожное зна-

¹³ Возможно, тайные переговоры Самоса с Персией и Спартой начались уже ранее этих событий и афиняне потому и приняли сразу столь решительные меры, что имели секретную информацию об этих переговорах.

чение. Как бы то ни было, персы остались нейтральными, и флот Перикла мог спокойно вернуться к Самосу.

Поход пелопоннесцев на помощь Самосу также не удалось осуществить — Коринф отказался участвовать в этом походе, к тому же на помощь афинянам пришли суда с островов Хиоса и Лесбоса, оставшихся независимыми союзниками. Пришла новая эскадра и из Афин. При таких условиях вторично осажденным самосским аристократам не оставалось ничего, кроме капитуляции. Они должны были выдать весь флот, срыть стены, дать заложников и уплатить огромную контрибуцию, частью в виде уступки земли клерухам, частью в форме ежегодных взносов. Вслед затем были подавлены восстания в Византии и на Херсонесе Фракийском.

7. ПРИЧИНЫ АФИНСКОЙ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ 445—431 гг.

Политика Перикла производит впечатление исключительного такта и миролюбия. Держа под протекторатом Афин все побережье Малой Азии и одержав победу над персами при Саламине Кипрском, он в 447 г. добровольно признает персидский протекторат над побережьем Малой Азии; добившись так или иначе ухода спартанцев из Аттики и имея возможность оказать серьезное сопротивление в случае нового наступления пелопоннесцев, Перикл отказывается от власти во всех владениях Афин на материке Греции, тем самым создав затруднения для афинского распространения на Запад. Всеми этими действиями, казалось бы, раз и навсегда было упрочено господство Афин на Эгейском море и бесперебойный регулярный подвоз хлеба. Действуя в духе умеренности, Перикл не применял тех террористических мер, которые в древности были обычно в ходу по отношению к подчиненным территориям, и афиняне имели полное право заявить: «Никто из наших хулителей не обращает внимания на то, что другие, имеющие подвластные области за пределами своего государства, не проявили к подвластным городам такой умеренности, как мы» (Фукидид, I, 77, 1).

Казалось, был достигнут устойчивый кульминационный пункт афинской политики, и Перикл мог почить на лаврах. В действительности, однако, это не так. Западная политика Перикла представляет собой в сущности ту же войну, только ведущуюся иными — дипломатическими и экономическими — средствами. Вмешательство в самосские дела показывает, что афиняне имели неослабный политический надзор за своими союзниками — во всяком случае, наиболее сильными из них — и готовы были в любой момент вооруженной силой подавить всякую попытку ведения самостоятельной политики.

Для чего нужна была эта агрессивность, если достигнуто было такое, как может показаться, полное благополучие и рав-

новесие? Причину этой нервозности мы никогда не поймем, если не учтем, что с привозом новых партий рабов все более росло число безработных граждан, этих государственных пенсионеров, для пропитания которых необходимо было усиливать давление на союзников и изыскивать источники для получения все новых и новых транспортов хлеба. Необходимость обеспечения этих масс явилась причиной и Архимедовой войны, о которой мы будем говорить в следующей главе.

8. ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО И НАУКА

Театр. Эсхил

Новый период греческого театра, период расцвета, открывает самое позднее произведение Эсхила, его трилогия «Орестея». Уже по своей драматургической структуре эта единственная целиком до нас дошедшая трилогия Эсхила гораздо сложнее прежних, и в ней его художественная техника достигла высшего совершенства. Здесь использован третий актер, введенный только что выступившим молодым соперником Эсхила Софоклом. «Орестея» появилась на сцене в 458 г., в момент, когда в афинской политической жизни произошли и подготавливались важные события. Как мы уже говорили, в 461 г. была проведена реформа Эфиальта, по которой Ареопаг лишился всех своих политических прав и стал исключительно судом по уголовным делам. Власть перешла в руки демократии, возглавляемой сперва Эфиальтом, а потом (после предательского убийства Эфиальта из-за угла) Периклом. Вскоре после этого началась агитация за возвращение к старым порядкам; Кимон, агитировавший за реставрацию аристократического строя, был подвергнут ostracismu.

Все эти злободневные вопросы и события нашли свое отражение в трилогии Эсхила, несмотря на то что внешне она как будто не имеет никакой связи с тем, что происходит, содержание ее взято из старинных мифов. Однако нужно различать в этой пьесе два момента: ту идею, которая уже до Эсхила была положена в основу мифа, и то, для чего эти мифы нужны самому Эсхилу.

Рассказывается здесь следующее. Агамемнон, вождь греков под Троей, возвращается на родину. Во время его отсутствия его жена Клитемнестра со своим любовником Эгисфом управляли государством. Все симпатии зрителя на стороне вернувшегося царя. Этот царь — народный вождь, который не любит роскоши, заботится о народе. Но он вызвал ненависть Клитемнестры тем, что отправляясь в путь принес в жертву богине Артемиде их дочь Ифигению, а из Трои привез с собой наложницу Кассандру, дочь Приама. Клитемнестра с Эгисфом уби-

вают Агамемнона. Сына его, младенца Ореста, увозят за пределы Микен. Таково содержание первой пьесы («Агамемнон»); Эсхил, как художник, старается здесь обнаружить психологические мотивы, толкнувшие Клитемнестру на преступление.

Во второй пьесе («Хоэфоры») Орест возвращается, чтобы согласно оракулу Аполлона отомстить за смерть своего отца и тем выполнить установленный старинным законом сыновний долг. Он убивает и мать и ее любовника. Но убийство матери — тяжчайший грех. Эриннии (богини мщения) начинают преследовать Ореста. Он впадает в безумие, бежит по Греции, не может нигде найти успокоения. С этого момента начинается третья трагедия («Евмениды»).

Богиня Афина, к которой обращается Орест по совету Аполлона, учреждает судилище из знатнейших афинских граждан — Ареопаг, который и судит Ореста. На этом суде выясняются две точки зрения. Защитник Ореста — Аполлон — говорит, что Орест не совершил никакого преступления по отношению к родным, ибо между сыном и матерью нет никакого родства. Эриннии настаивают на том, что нет ближе родства, чем между матерью и ее сыном. В результате суд оправдывает Ореста, а Эриннии отныне почитаются как «Евмениды», благосклонные богини, подательницы плодородия.

Энгельс на материале этнографии справедливо указал, что здесь отчетливо изображена борьба двух принципов: старого принципа — матриархального наследования — и нового типа общественных отношений при патриархате. В том мифе, который использовал Эсхил, центр тяжести лежал на борьбе между этими двумя принципами, но для Эсхила замена матриархальных отношений патриархальными только частный случай гораздо более общего вопроса: почему вообще одни учреждения заменяются другими? Каким образом вечные законы нравственности могут изменяться и отменяться? Эсхил хочет показать, что та же борьба между старым и новым, которая происходит в человеческом обществе, происходит и в мире бессмертных богов. У старейшей богини, Земли, святилище было отобрано и отдано Аполлону, носителю мужского начала: землерожденных Титанов и Эринний сменяют светлые олимпийские боги. Мужскому началу, как более ценному (с точки зрения того класса, к которому принадлежал Эсхил), отдается предпочтение перед женским: богиня Афина, хотя и женщина, но по своему складу ближе к мужчине, рождена прямо из головы отца и не имеет матери. Однако старый принцип не мог быть отброшен легко и безболезненно: необходима была долгая борьба (такова, например, борьба богов с Титанами) и бесконечные страдания. «Знание через страдание» (*pathei mathos*) — таков принцип прогресса, установленный испокон века: ему подчинены и боги. Орест целую жизнь страдал и только этим купил себе право на счастье.

Если разобранные нами трагедии рассматривать на фоне афинской действительности, то их политический смысл станет ясен. В аристократах религиозно настроенные люди готовы были видеть земное отображение богов (см. выше, с. 300). Но эти же аристократы в свете новых демократических взглядов оказались группой притеснителей и угнетателей. Эсхил указывал, что счастье получается ценой страданий, что притеснения аристократии были полезны народу: существование аристократии на земле было так же необходимо, как насилия Зевса над Прометеем. И афиняне подобно тому, как они продолжают чтить старых богинь, лишенных прежней власти олимпийцами, должны продолжать воздавать должный почет аристократии. В «Евменидах» устами богини Афины, которая через короткое время после Троянской войны учредила Ареопаг, поэт ведет пропаганду против дальнейшего углубления только что проведенной реформы Эфиальта, против отнятия у Ареопага его судебных функций:

**С ним (Ареопагом) благоговение
И страх да будет — брат благоговения.
Пускай блюдут здесь правду днем и в час ночной!
Пускай устав мой примесью негодною
Не подновляют граждане...
Бежать безвластия и самодержавия
Советую народу. Но спасительный
Пускай не изгоняют страх из города.**

Как видно из последних слов, Эсхил и здесь, как в «Прометее», является борцом против «господской власти» и всякого деспотизма, хотя по отношению к демократическим реформам, проводившимся группой Перикла, он занимает консервативную позицию. Его идеал: народная власть, примирившаяся с представителями старой аристократии и добровольно уступившая ей ряд почетных мест в государстве. Заключительная часть «Евменид» обращена, с одной стороны, к аристократам-эмигрантам, которых он умоляет прекратить братоубийственную войну и вернуться на родину, с другой стороны, к народу, с просьбой предоставить этим аристократам подобающий почет. Интересно неодобрение к захватническим войнам, высказываемое в «Агамемноне» и, возможно, направленное против политики Кимона.¹⁴

¹⁴ Решительно подчеркивая отсутствие родства между сыном и матерью, Эсхил, по-видимому, агитирует против требования демократов, чтобы гражданскими правами пользовались только те, кто родился от отца и матери афинян. Это требование было принято в качестве закона в 451 г. (закон Перикла о гражданстве, выше, с. 360 сл.) и было, между прочим, направлено против обычая аристократов жениться на знатных иностранках.

Второй великий трагический поэт Афин V в. — Софокл (родился около 496 г. — умер в 406 г.). Родиной Софокла был Колон, прославленное потом в его творчестве предместье Афин, где он родился в состоятельной семье (отец его был владельцем оружейной мастерской) и получил традиционное воспитание. В молодости он был близок к Кимону, и если впоследствии примкнул к Периклу, то в своей поэзии остался носителем дельфийских идеалов, которые лишь с трудом можно было примирить с идеалами Перикловой демократии. Принадлежав к кружку Перикла, Софокл стал активным государственным деятелем: он занимал должность эллинотама и стратега во время экспедиции против Самоса. По полученному им образованию он был врачом. Переворот, происходивший в умственной и политической жизни, ему представлялся слишком поспешным, и он пытался по мере сил агитировать против этого движения вперед. Даже в конце своей жизни, когда афинское общество вступило в стадию кризиса и выдвигало новые политические и идейные течения, — когда в поэзии выступил Еврипид, — Софокл оставался верен своему мировоззрению и был почти не затронут софистическим свободомыслием.

Из его пьес наиболее интересны для нас и наиболее популярны три, заимствованные из афинской мифологии: «Эдип-царь», «Эдип в Колоне» и «Антигона».

Первая пьеса поставлена на сцене, по-видимому, в 429 г., она несомненно так же живо отражает политические тенденции, как и «Евмениды» Эсхила. В Фивах царствовал царь Лаий, который в молодости совершил грех; оракул предсказал ему, что его сын убьет его и женится на своей матери. Для того чтобы избежать исполнения рокового предсказания, Лаий приказывает выбросить родившегося младенца в глухое горное место на границе между Беотией и Коринфом на съедение диким зверям. Но пастух, которому было поручено это сделать, сжалился над малюткой и передал его другому, коринфскому пастуху. У царя коринфского нет детей; он, не зная происхождения ребенка, воспитывает его и дает ему имя Эдип. Эдип воспитывается как коринфский царевич. Когда Эдип обращается к оракулу, тот предсказывает ему, что он должен убить отца и жениться на матери. Эдип не возвращается в Коринф. Он едет, куда глаза глядят, но по дороге встречает едущего на колеснице знатного старика, который надменно требует, чтобы Эдип свернул с дороги и ударяет его бичом. Вспыльчивый Эдип убивает старика, не убоившись его большой свиты. На дальнейшем пути он подъезжает к Фивам. У ворот города сидит страшное чудовище — Сфинкс и задает загадки. Того, кто не может их решить, он съедает. Эдип отгадывает загадку Сфинкса и освобождает этим город от чудовища; в награду

он получает трон вместе с рукой царицы Иокасты, вдовы убитого царя Лаия. Царь Эдип справедливо и мудро правит государством. Но вскоре начинается ужасная чума.

Вся фабула до этого места не включена в действие пьесы Софокла; она становится известной зрителю из слов действующих лиц. Лишь с известия о начале чумы начинается пьеса. Согласно верованию греков, чума есть проявление гнева Аполлона и последствие какого-либо греха, совершенного в государстве. Запрошенный оракул Аполлона указывает, что в стране живет убийца, совершивший самый страшный грех, и требует его изгнания. Эдип начинает разыскивать этого убийцу. После долгих перипетий, полных трагизма, выясняется, что этот убийца — он сам. Он выкалывает себе глаза, ибо, как отец-убийца, он не может смотреть на солнце, и уходит в изгнание со своими дочерьми Исменой и Антигоной.

В 429 г. была чума в Афинах, постигшая их, по толкованию дельфийского оракула, за давний грех предков, за родовый грех Алкмеонидов. Это делает понятной тенденцию драмы. Тенденция эта реакционна и направлена против Перикла. Спартанцы требовали его изгнания за грех, совершенный его далекими предками. Как ни справедлив Перикл, но религиозный долг требует, по мнению Софокла, ставить волю Аполлона, сочувствовавшего Спарте, выше всех других соображений. В этом сказывается характерная для Софокла, так же как и для его друга историка Геродота, двойственность между его близостью к Периклу и к идеологии демократических Афин и привязанностью к самому яркому защитнику консервативных политических и идеологических течений — дельфийскому оракулу.

Вторая трагедия, предсмертное произведение Софокла «Эдип в Колоне», имеет содержанием изгнание Эдипа, сопровождаемого дочерью Антигоной, братоубийственную войну между его сыновьями и смерть Эдипа в Афинах. В этой трагедии Софокл старается смягчить мрачную картину человеческой судьбы, данную им в «Царе Эдипе». В «Царе Эдипе» благородный и праведный человек, знаменитый подвигами, помимо своей воли оказывается преступником и причиной «скверны» для сограждан. Наоборот, «Эдип в Колоне» изображает слепого, обремененного страшным проклятием изгнанника, который умирает, став любимцем богов и источником благодати для приютившей его страны. В связи с этим проводится и политическая тенденция: восхваляется человеколюбие и справедливость афинского полиса, который в лице своего мифического царя Тезея оказывает гостеприимство скитальцу-фиванцу Эдипу, и порицается жестокость фиванского царя Креонта; этим подчеркивается жестокость и неблагодарность фиванцев, которые в самый трудный для Афин момент нападали на них с тыла, грабили и требовали их разрушения.

Самая популярная, третья трагедия из того же фиванского цикла, «Антигона», заслуженно считается характерным образцом драматургии Софокла. Антигона, дочь Эдипа, выступавшая как действующее лицо в обеих остальных трагедиях цикла, здесь является героиней драматического конфликта. В трагедии рассказывается, как после смерти в бою обоих сыновей Эдипа, Этеокла и Полиника, фиванский правитель Креонт издает закон, запрещающий хоронить изменника родины Полиника. Его сестра Антигона ставит, однако, божеский закон, предписывающий хоронить родных, выше человеческого и хоронит брата. Креонт приказывает замуровать ее в склеп, где она кончает жизнь самоубийством вместе со своим женихом, сыном Креонта.

Трагический конфликт «Антигоны», конфликт между повелением государственного «писаного» закона и истинным законом отцов был одной из проблем, которые глубоко волновали в это время афинское общество. Софокл, рисуя своих героев, как людей с ярко выраженной индивидуальностью, показывая непреклонную и волевою Антигону рядом с робкой, способной только на плаксивый героизм сестрой ее Исменой, хотя и признает субъективную правоту Креонта, соблюдавшего свои обязанности правителя, тем не менее стоит несомненно всецело на стороне Антигоны и «неписаного» права. Путь, сознательно избранный героиней, приводит ее к гибели, но смерть Антигоны становится ее победой и влечет за собой поражение Креонта. Здесь выражены и политические взгляды Софокла, советующего беречь заветы отцов, а не нарушать их и не отдавать предпочтение законам, изобретенным демократическими правителями (одним из которых был и Перикл). В знаменитом хоре «Антигоны» поэт-гуманист прославляет человеческий род в целом, силу и изобретательность его ума, покоряющего природу и создавшего общество. Но и здесь имеется предостережение: сила разума может привести и ко злу, поэтому надо придерживаться традиционной этики.

Резкое столкновение классовых интересов в Афинах не благоприятствовало успеху этих умеренных примиренческих взглядов и вело к победе индивидуализма в поэзии.

Изобразительные искусства

Пятый век, век расцвета греческой культуры вообще, был также веком расцвета греческого искусства и по праву считается одной из наиболее выдающихся эпох в истории мирового искусства, но полного и всестороннего своего развития оно достигло лишь в годы правления Перикла в Афинах.

Стремление усилить политический вес Афин, привлечь сюда иностранцев и обеспечить работой афинскую бедноту побуж-

дало Перикла украсить город великолепными постройками, дабы он и по внешнему своему виду затмил все прочие города Эллады. С другой стороны, только экономический и политический расцвет Афин V в. мог дать материальную базу для осуществления этих планов. Считая восстановление храмов богов, разрушенных персами, обязанностью всех греков, Перикл воспользовался казной Афинского морского союза; он привлек к работам целую армию художников, ремесленников и чернорабочих. Руководство он поручил своему другу, великому художнику и скульптору Фидию.

Строительная деятельность Перикла сосредоточилась главным образом на Афинском акрополе — высоком естественном холме в центре города. Перикл превратил его в парадный религиозный центр государства — скалу Афины, покровительницы афинского народа. Здесь была запроектирована и частично доведена до конца еще при Перикле постройка великолепных зданий. На самом высоком месте, на южной стороне Акрополя воздвигли храм Афины-Девы, Парфенон (parthenos — дева); на западной стороне — небольшой изящный храм постоянной спутницы Афины, богини Ники (Победы), а на северной стороне скалы несколько позднее — Эрехфейон, храм, объединивший древнейшие культы города и в том числе культ легендарного царя Афин Эрехфея. У входа на Акрополь было сооружено великолепное мраморное «преддверие» — Пропилеи — с широкой лестницей и боковыми крыльями. Большая открытая площадь между всеми тремя зданиями украсилась статуями, мраморными досками, надписями и другими приношениями божеству. Ансамбль Акрополя, сохранившийся до нашего времени в сравнительно цельном виде, является наиболее полным и художественно совершенным выражением религиозно-общественных идеалов греческого полиса, находящегося на вершине своего могущества.

Парфенон построен целиком из золотисто-розового мрамора. Центром постройки была колоссальная, в 12 м вышины, статуя Афины из золота и слоновой кости работы Фидия. Весь храм был в сущности только архитектурной оправой для драгоценной статуи: его пропорции, формы и внешние скульптурные украшения имели своей исходной точкой статую Афины и сливались с ней в единое, поразительное по своей стройности целое. В устройстве целлы, этого дорийского сооружения, допущены были ионизмы: с внешней стороны она была опоясана сплошным ионийским фризом, давшим возможность, кроме метопов и фронтонов, развернуть на стенах храма еще третий ряд скульптурных повествований во славу богини. 92 метопа Парфенона посвящены были изображениям мифических деяний богов и героев и символизировали победу светлого культурного начала над хаотическими силами природы. На фронтонах были изображены мифы, непосредственно касавшиеся Аттики

и ее главной богини,— чудесное рождение Афины из головы Зевса и спор Афины с Посейдоном из-за обладания Аттикой. Наконец, на фризе изображено было уже не мифическое, а реальное событие — процессия афинян, направляющихся через весь город на Акрополь, в храм Афины, для жертвоприношения и поднесения богине нового плаща — пеплоса. Афинский народ объединялся здесь в одном торжественном действии со своими богами и тем самым героизировался. Афина же, в блеске золота и слоновой кости, окруженная символами своей власти, с милостивой улыбкой на устах взирала на славу и счастье своего народа, на «сияющую, венчанную фиалками, воспетую в гимнах твердыню Эллады, славные Афины». Творения Фидия и его школы надолго пережили могущество Афин и имели огромное влияние на дальнейшие судьбы античного искусства. Хотя из произведений самого Фидия (Афина-Дева, Зевс Олимпийский и др.) ничего не сохранилось, тем не менее уцелевшие остатки скульптур Парфенона, исполненные под руководством и по наброскам великого мастера, позволяют судить о его стиле.

V в. ознаменовался еще одним важнейшим сдвигом в области искусства — переходом на так называемую иллюзионистическую живопись. Все ранние греческие живописцы, не исключая великого Полигнота, не сознавали еще огромного значения светописи и передавали предметы в линиях, раскрашивая их в те цвета, которые им свойственны от природы. Живопись их была, в сущности, раскрашенным рисунком. В то же время они уделяли мало внимания пространственному размещению предметов — перспективе. Между тем наш глаз никогда не воспринимает окружающей нас действительности в отрыве от пространства и освещения. Форма, размеры и цвет предметов кажутся нам различными в зависимости от удаления последних от нашего глаза и от характера освещения. Поэтому раскрашенный рисунок всегда до известной степени условен, и только передача светописи способна создать настоящую иллюзию реального мира.

Переход на иллюзионизм имел для истории живописи такое же огромное значение, как отказ от фронтальности для истории скульптуры. К сожалению, до нас дошли только имена великого новатора, «открывшего», по выражению одного античного писателя, «двери искусства» — афинянина Аполлодора (около 430 г.), его теоретического последователя — Демокрита, написавшего исследование по теории искусства, его ближайших последователей на практике — Зевксиса и Паррасия, и краткие описания некоторых из их картин. Древние писатели рассказывают любопытный анекдот о состязании Зевксиса и Паррасия. Зевксис настолько правдиво изобразил виноградные гроздья, что птицы слетались клевать их. Гордый своей победой Зевксис подошел к картине Паррасия и потребовал, чтобы художник

открыл прикрывающую ее завесу. Тогда Паррасий дал ему удостовериться, что его картина изображает завесу, и Зевксис признал себя побежденным. Этот анекдот показывает, какое значение греческие художники стали придавать воспроизведению реального мира.

Греческое искусство V в. своим богатством и совершенством отражает внешний и внутренний расцвет породившего его общества. Простота, изящество, монументальность и спокойная гармоничность форм — вот каковы его характерные черты. Следующая эпоха принесет глубокие перемены.

Наука

Успехи ионийской науки не могли не быть использованы и в аристократических полисах, например, в греческих колониях Сицилии и Италии. В полезности ионийской физики и медицины не могли не убедиться даже заядлые реакционеры; закрывать ей двери было крайне невыгодно даже для самых отсталых общин. Но в то же время на Западе были очень сильные религиозные настроения; поэтому здесь ученые делают попытку примирения идеалистических религиозных теорий с материалистической наукой. Они резко разграничивают две различные области: одна область — религия, где эти ученые верят во всякие освященные веками нелепости, другая область — наука, куда они религию не пускают. Благодаря этому разделению они создают для себя возможность верить во что угодно и в то же время заниматься наукой.

В действительности такое разделение не проводится последовательно, и религиозные воззрения в большей или меньшей степени проникают в науку.

К такому роду ученых принадлежали Эмпедокл из Акраганта и Алкмеон из Кротона.

Эмпедокл

Уже биографические особенности определяют в значительной мере двойственный характер учения Эмпедокла. Он родился в одном из самых знатных семейств города, его дед одержал в Олимпии победу в состязаниях. Но в ожесточенной партийной борьбе, которая шла в Акраганте, он принял живейшее участие, стоя во главе одной из групп, борющейся с господствовавшей аристократической партией. В своей практике он выступал как «чудотворец» и колдун, но в то же время он был врачом и принужден был исходить из данных положительной науки. Соответственно этому у Эмпедокла имеются теоретические сочинения двух типов. Одно сочинение — поэма «Очище-

ния» — мистически-пифагорейского типа: оно говорит о переселении душ, о первоначальном грехе человечества, о необходимости искупления грехов, очищения, покаяния и т. п. и проповедует вегетарианство. Другое его произведение — поэма «О природе» — естественнонаучное философское сочинение. Здесь Эмпедокл строит оригинальную систему истории мира, космогонию. Эмпедокл, как и пифагорейцы, принимает четыре элемента, «корня» — землю, воду, воздух и огонь, но кроме них он допускает еще два подвижных элемента, которые он перенес в область природы из человеческого общества: это Любовь и Вражда. Спор между элейцами и материалистами о том, является ли мир однообразной массой или состоит из различных предметов, он разрешает, перенося этот вопрос в область истории: мир поочередно становится то однообразной массой элейцев, то миром множества и движения ионийцев, причем оба мира существуют, но последовательно сменяют друг друга. Первоначально существует однообразный шар, сферос, без движения, без отдельных предметов. В этот шар проникает пятый элемент — Вражда. Вражда начинает вносить рознь между частицами отдельных элементов, которые начинают отскакивать друг от друга, причем подобные стремятся к подобным. Возникает вихревое движение, распадение на элементы, мир оживляется, но лишь до тех пор, пока не наступает противоположная крайность: полное распадение на отдельные четыре «корня» — землю, воду, воздух и огонь. Под воздействием Любви частицы различных элементов снова начинают двигаться в вихре, пока опять не получится однообразный шар, в виде которого изображают мир элейцы. Так продолжается до бесконечности: эпоха любви и эпоха ненависти все время сменяют друг друга.

В силу господства Любви и Вражды возникают живые существа. Любовь стремится соединить все предметы в гармоническое целое уже в эпоху Вражды, когда все еще разделено на элементы. Но отчетливое действие Любви начинает проявляться, когда мир представляет первобытное море, в котором плавают отдельные части животных: «голова без тел, руки без плеч, ноги без тела», отделенные друг от друга по воле Вражды. Любовь начинает снова свое дело, и эти части соединяются между собой. Однако пока Вражда сильнее Любви, это соединение происходит случайно — соединяются между собой самые неподходящие члены различных животных: появляются существа с двумя головами или двумя грудями (без спины), с головой человека и телом быка и, наоборот, с головой быка и телом человека, хвост козы с головой льва, «смешанные существа», «помесь мужчины и женщины» и т. д. Отсюда, по мнению Эмпедокла, и получилось представление о сказочных мифологических чудовищах. Эти существа не могли жить вследствие своей непригодности; они вымирали бесследно, и начиналось новое творение. Снова появлялись существа, уже более совер-

шенные, опять они погибали бесследно, пока, наконец, случайно не создался мир с существами, у которых все органы приспособлены друг к другу. Они оказались жизнеспособными, выжили, и так появились люди и животные. Это еще грубое, первобытное представление; это не теория «естественного отбора», основателем которой часто считают Эмпедокла. У него лишь ряд последовательных актов творения, все более и более совершенных. Но это — первые проблески мысли о выживании приспособленных, которые, как мы увидим, Демокрит развил в более научную теорию.

Эмпедоклова теория возникновения мира также послужила впоследствии основой для соответствующего учения Демокрита. Эмпедокл сравнивает мир с водоворотом, в котором все тяжелые элементы стремятся к центру; чем они легче, тем ближе к периферии мира они размещаются. В самый верхний слой мира поднялся тонкий воздух (эфир), из которого образовался небесный свод; следующий слой образовал огонь, и т. д., земля же, как наиболее тяжелая, попала в центр вихря. Космогония Эмпедокла была одним из самых смелых, оригинальных и передовых философских представлений античности.

Но и в основном пункте своего учения Эмпедокл стал не на сторону элейцев, а на сторону ионийских натурфилософов и был в этом случае предшественником Демокрита: в противоположность элейцам он считал, что действительный мир принципиально постижим и может быть достигнут при помощи чувств. Под влиянием элейцев Эмпедокл подчеркивал недостаточность той картины, которую нам дают чувства с их ограниченностью; но чувства не лгут, — они только узки, тупы. Разум сам по себе бессилён: всякое познание получается только путем проникновения в наше тело «истечений» от вещей, т. е. потока частиц, которые проникают внутрь нас, и благодаря этому мы можем видеть, слышать и т. д. Разум лишь приходит на помощь чувствам. Только «теория истечений», как думали тогда, давала возможность осмыслить тот загадочный факт, что предмет находится на расстоянии от нас, не вступает с нами в соприкосновение, а мы, тем не менее, знаем о его существовании.

У Эмпедокла мы находим наивное предвосхищение учения о химических элементах. Так, например, по его мнению, чтобы создать человеческую кость, нужно взять столько-то частей земли, столько-то воды, столько-то огня и смешать — получится кость. Очевидно, если взять эти элементы в другой пропорции, получится другой предмет. Качественное различие между предметами он объясняет, следовательно, различными пропорциями элементов, которые входят в эти предметы, т. е. сводит к количественным различиям.

Вся система Эмпедокла носила характер естественнонаучной гипотезы, стремящейся объяснить наибольшее число фактов, и это удалось Эмпедоклу лучше, чем его современникам.

Алкмеон

Очень интересно и учение другого западного философа Алкмеона из Кротона. Нам известно, например, как он объяснял здоровье и болезнь человеческого организма. В человеческом организме имеются различные силы: «влажное», «сухое», «холодное», «горькое», «сладкое» и т. д. Если среди этих сил в организме установилось гражданское равноправие, то человек здоров; если же одна сила «одерживает верх» над другими силами, если получается «монархия», то человек страдает. Тут отношения в гражданском обществе переносятся на объяснение физиологических явлений.

Но главная заслуга Алкмеона перед наукой не в этом. Он впервые установил, что центром психической жизни является мозг. До него греческие ученые помещали центр психической жизни в самых различных частях человеческого тела, например, в грудно-брюшной преграде, — поэтому по-гречески и ум и грудобрюшная преграда называются одним словом «френ» (ср. нынешние выражения «шизофреник» и т. д.), — в сердце, крови и т. п.

Анаксагор

Другой, совершенно отличной от западных учений попыткой примирить материалистическую науку с идеализмом явилось учение Анаксагора (приблизительно 500—428 гг.). Из своей родины Клазомен (в Малой Азии) Анаксагор переселился в Афины и примкнул там к кружку Аспасии и Перикла. Здесь и протекала вся его деятельность. Будучи материалистом, Анаксагор не хотел знать никаких богов, никакого религиозного объяснения происходящего. К народной религии он относился резко отрицательно; он строил свою физическую систему в расчете на то, чтобы она отвечала запросам мыслящего человека, и хотел нанести решительный удар всякому религиозному мирозерцанию. Однако, живя в афинской среде, у которой был ряд религиозных предубеждений, он сделал, как мы увидим, одну, с виду небольшую, уступку идеализму, включив в свою систему Разум (*ноус*), занимающий какое-то особое положение и противостоящий всем остальным элементам. По существу эта уступка была гораздо вреднее, чем то, что сделал Эмпедокл, когда он, наряду с миром науки, допускал существование обособленного мира религии: Анаксагор открыл религиозному мирозерцанию лазейку для проникновения внутрь физической системы.

По учению Анаксагора, весь мир состоит из бесконечного множества «семян». Он считал, что элементов не четыре, но бесконечное множество. Он говорил, что делить предмет можно без конца, и все равно каждая частица будет такой же разно-

образной и будет состоять из такого же количества различных элементов. Таким образом, в каждой частице заключено свое солнце и луна, свои люди, которые сеют хлеб, свои города, крепости, войны и т. д. А если из этой частицы выделить еще меньшую частичку, то в ней опять будет свое солнце, луна, города, и так до бесконечности. Поскольку малый мир частицы — это то же, что наш мир, но только в уменьшенном масштабе, — ясно, что эти частицы должны иметь не только всевозможные формы и величины любого порядка малости, но и должны обладать в такой же мере вкусом, запахом и другими свойствами, как и большие тела, данные нам в чувственном опыте. Эти частицы плотно прилегают друг к другу (никакой пустоты Анаксагор вместе со всеми учеными его поколения не признавал).

Но как в таком случае объяснить движение в мире? Давая материалистическое объяснение бесконечного разнообразия в мире, Анаксагор об источнике движения говорит как идеалист. Среди элементов мира есть, по его мнению, один, который не смешивается ни с каким другим, но который отличается бесконечной мудростью и управляет другими, это — Разум. В тех частях мира, где действует Разум, он образует вихрь частиц, в результате которого они приводятся в стройный порядок. В остальном мире господствует хаос. Впрочем, Разум понадобился Анаксагору только для образования мира, как миродвигатель. Разум произвел лишь вихрь и больше не вмешивается в дела нашего мира, за него эту работу разделения элементов и образования тел выполняет вихрь. Этот последний, однако, составляет лишь незначительную часть мироздания; за его пределами находится еще масса частиц, находящихся в покое, но которые еще будут раньше или позже захвачены вихрем. Только для объяснения первоначального движения, а также в редких частных случаях, когда Анаксагор не мог объяснить то или иное явление, ему приходилось прибегать к помощи Разума. Все остальное происходит на основании законов природы; в дальнейшем в основу мирообразования у Анаксагора положены чисто механические причины.

Вследствие вихря частицы получили вращательное движение, причем они двигались с такой скоростью и натиском, какие не встречаются у существующих теперь тел. Образовался мир, состоящий из сферического неба, внутри которого по экваториальной плоскости располагается диск земли. Между краем земли и небесной сферой находится узкий просвет; ввиду узости этого просвета воздух не имеет возможности выйти из нижней половины сферы: поэтому земля покоится на лежащем под ней воздухе и не падает вниз. Солнце и звезды — это куски камня, оторвавшиеся от земли и воспламенившиеся вследствие быстрого полета. Солнце гораздо больше, чем оно нам кажется: по величине оно во много раз

больше Пелопоннеса. Луну Анаксагор представлял себе подобной земле и населенной. Земля была первоначально в полужидком состоянии; семена живших существ, витавшие в воздухе, падали в эту грязь, и здесь из них развивались живые существа.

В вопросе о возможности достоверного познания мира Анаксагор развил и углубил учение Эмпедокла: никакого другого источника для познания истинной природы вещей, кроме чувственного восприятия, у нас нет.

Несмотря на несомненную уступку религиозно-идеалистическому мировоззрению, современники видели в Анаксагоре главу радикальной ионийской науки, и именно как вождь этой вольнодумной науки он был изгнан из Афин.

Гипподам Милетский

Интересным продуктом ионийского рационализма, осложненного пробудившимся интересом к вопросам общественной жизни и морали, был Гипподам, происходивший из Милета, но переселившийся в Афины, а оттуда в 443 г. в Фурии. Будучи архитектором по специальности, он боролся с беспорядочной, некрасивой и негигиеничной планировкой греческих городов. Он перестроил Пирей, создав здесь прямые улицы, пересекающиеся под прямым углом. Так же спланировал он и новую колонию Фурии, одним из основателей которой он был. Он был создателем первой из известных нам социальных утопий. Его идеальное государство должно было иметь 10 000 жителей и делиться на 3 резко отграниченных друг от друга класса: класс вооруженных защитников страны, класс земледельцев и класс ремесленников. На государственные должности могли избираться только «защитники». Земледельцы не имели права владеть оружием, а ремесленники не могли владеть ни оружием, ни землей, так что «оказывались почти что рабами защитников» (Аристотель). Смелый реформатор, Гипподам оказался в плену не только у сухого схематизма, но и у традиционных взглядов, считающих только аристократов способными заниматься государственными делами, а ремесленников — «неспособными к делам добродетели», «прирожденными рабами». Эта утопия несомненно оказала влияние на идеальное государство Платона.

В литературе, науке, искусстве эпохи Перикла мы наблюдаем ту же особенность, что и в политической жизни: идя по новым путям, афиняне не решаются открыто рвать с прошлым. Этот шаг будет сделан в конце V в.

Документальные источники

Документальные источники для времени 461—431 гг. значительно обильнее, чем для предыдущей эпохи. До нас дошел целый ряд надписей, интересных и для внутренней и для внешней истории греческих государств этого времени, главным образом для истории Афин. Наиболее важным документальным источником являются надписи со списками раскладки фороса; первый список относится к 454 г., остальные — к последующим; сохранились списки почти за все годы, но некоторые в очень фрагментарном состоянии. Эти списки дают возможность сделать ряд выводов по истории союза: о выходе из союза одних городов и вхождении других, о переходе их из числа независимых союзников в платящих обложение подданных, о повышении и понижении обложения, о владениях членов союза и т. д. Ряд надписей относится к финансам и хозяйству Афин, к сооружению построек и статуй; другие представляют собой надгробия воинов, павших в крупнейших битвах (в битвах 459 г. — во всех концах тогдашнего мира, в битве 457 г. — при Танагре, 446 г. — при Коронее, а также на могиле одного из участников боев несчастного 445 г.); эти надписи иногда содержат интересные исторические факты. Другие надписи регулируют отношения афинян с восставшими и усмирёнными союзниками (постановления народных собраний о Халкиде, Гестиее, Самосе, Византии, Херсонесе и т. д.), говорят о выводе колонистов-клерухов (во Фракию) или представляют собой международные договоры; так, договоры с Эгестой 454 г., с Леонтинами и Регием 433 г. иллюстрируют западную экспансию Афин. Дошли до нас и черепки, относящиеся к ostracismу 443 г.

Афинские монеты этой эпохи более многочисленны, чем в предыдущую, но значение их (исключая вопрос о монетной политике Афин) невелико.

Фукидид

Из исторических трудов первоклассным источником, почти современным событиям, является, как и для предшествующего периода, вступительный обзор у Фукидида (кн. I, гл. 104—117). Это — единственная связная история разбираемой эпохи; к ней применимо все то, что было сказано о Фукидидовой трактовке предыдущего периода; так, у Фукидида отсутствуют такие важные факты, как битва при Эное и Каллиев мир. Об отрывках из памфлета Стесимброта мы также сказали уже выше.

Почти столь же большое значение, как Фукидид, имеет и памфлет об афинском государственном устройстве, написанный около 425 г. и ошибочно приписывавшийся Ксенофону. Автор его — неизвестный олигарх, озлобленный враг демократии; однако это умный человек, понимающий настоящие причины событий; он впервые в истории выдвигает понятие классовой морали, как обоснование правильно понятых классовых интересов. Интересные разрозненные указания, относящиеся к внешней политике Афин и к партийной борьбе в эту эпоху, мы находим в трагедии Эсхила «Евмениды».

Позднейшие источники

Из более поздних источников чрезвычайно важна биография Перикла у Плутарха, воспроизводящая ценные факты из утраченных источников (например, об общегреческом конгрессе, о поездке Перикла в Черное море, о Фукидиде из Алопеки и т. д.), и соответствующие главы «Афинской политики» и «Политики» Аристотеля. Интересный материал содержат соответствующие главы Диодора (XI, 78—XII, 35) и схолии (античные комментарии) к Аристофану, — здесь использованы афинские хроники V и IV вв. — Аттиды, а также биографии историка Фукидида, в которые по ошибке попали некоторые сведения о Фукидиде из Алопеки.

Однако, несмотря на то что для этой эпохи источники обильнее и что здесь нет такой хронологической путаницы, как в истории 479—461 гг., все же и здесь, вследствие краткости и отрывочности рассказа Фукидида, целый ряд вопросов остается сомнительным и спорным. Так, начало египетского похода мы вместе с Диодором, Плутархом и многими нынешними учеными относим еще к правлению Кимона; ряд виднейших ученых относит начало этого похода к эпохе Перикла, отчего вся картина истории этой эпохи существенно меняется; взятие Аргосом Микен некоторые ученые относят (вслед за Диодором) к 468 г.; мы датируем это событие, вместе с большинством ученых, 460 г. Битву при Эное, о которой сообщает только Павсаний, мы, вместе с большинством ученых, относим также к 460 г.; другие отождествляют ее с битвой при Энофитах в 457 г.; третьи относят ее к IV в. В настоящее время, по-видимому, никто уже не считает вслед за Плутархом, что мир с Персией последовал непосредственно за битвой при Евримедонте в 470—465 гг.; его относят к 449—447 гг. Но по вопросу о его характере мнения расходятся: одни считают, что никакого мира не было, а было лишь фактическое прекращение военных действий; другие — что инициатива этого мира исходила от персов и что персы признали по этому миру неза-

висимость малоазийских греков; мы, наоборот, вслед за рядом новейших исследователей полагаем, что инициатива мира исходила от Перикла и что этим миром был признан суверенитет персов над малоазийскими греками при условии предоставления им автономии. В общеэллинском конгрессе, который соби­рался организовать Перикл, одни видят акт афинской агрес­сии, другие, наоборот, отказ от агрессии. В Тридцатилетнем мире 445 г. одни усматривают блестящую победу Перикловой дипломатии и величайший успех Афин, другие — провал всей политики Перикла и признание ее несостоятельности и т. д.

Все эти разногласия показывают, с какими большими труд­ностями связано изучение этой наиболее блестящей эпохи гре­ческой истории.

ГЛАВА IX

АРХИДАМОВА ВОЙНА

1. АФИНЫ И СПАРТА ПЕРЕД ВОЙНОЙ

«Пелопоннесская война»

Война, о которой мы будем сейчас говорить, известна под названием Пелопоннесской. Под Пелопоннесской войной обычно понимают две отдельные войны: Архидамову войну (431—421) и Декелейскую (или Ионийскую) войну (415—404). Соединение этих двух войн в одну — произвол Фукидида, ни для кого не обязательный. В самом деле, если рассматривать вооруженную борьбу между Пелопоннесом и Афинами как одну войну, то ее надо начинать с 459 г., с битвы при Галиях, и кончать миром 374 г., ибо в течение всего этого времени военные столкновения между пелопоннесцами и афинянами только затихали на некоторое время, но никогда не прекращались совершенно. С другой стороны «1-й Пелопоннесской вой­ной» называют еще и военные действия 459—445 гг. Мы этих названий будем по возможности избегать.

Два конфликта

Чтобы понять причины возникновения и дальнейший ход Архидамовой войны,¹ необходимо учесть, что она явилась раз­вязкой двух, совершенно самостоятельных конфликтов: конф­ликта между Афинами и Коринфом на экономической почве и конфликта между Афинами и Спартой на политической почве. Как ни важны были политические противоречия между Афи­нами и Спартой, но они, вероятно, были бы так или иначе ула­жены, ибо обе стороны прекрасно понимали, какими губитель­ными последствиями грозит длительная война между обоими ведущими государствами Греции. Только обострение экономи­ческих отношений между Афинами и Коринфом сделало войну неизбежной: Спарте пришлось выбирать между разрывом с Ко­ринфом (с которым был экономически связан также и ряд дру­гих государств Пелопоннеса, ввозивших хлеб) и войной с Афи­нами, и она выбрала последнее.

¹ Названной так по имени царя Архидама, руководившего военной дея­тельностью Спарты в это время.

В чем же состояли политические противоречия между Афинами и Спартой? Борьба между двумя группировками государств — Афинским морским союзом и Пелопоннесским союзом — в середине V в. превращается в борьбу между двумя общественными группами: аристократией и демократией. Промежуточные течения в момент наивысшего ожесточения в борьбе этих двух групп успеха иметь не могли: в 449 г. погиб Кимон, возвращение которого к власти было последней попыткой консервативных групп, опираясь на его огромный авторитет в народе, снова повести Афины по пути сближения со Спартой; в 445 г. из Спарты были изгнаны царь Плистоанакт и его ближайший советник Клеандрид, возглавлявшие группу, которая опиралась на царскую династию Агиадов и всегда стояла за сближение с умеренной демократией в Афинах. Теперь вся власть перешла к враждебной Афинам группе, возглавлявшейся царской династией Еврипontiдов.

Вся Греция разделилась на два лагеря: аристократический и демократический. В каждом государстве аристократическая партия сочувствовала Спарте; так, афинская аристократия готова была в любой момент предать Афины спартанцам. Наоборот, демократия во всех государствах, включая и государства Пелопоннеса, сочувствовала Афинам и ненавидела Спарту.² По свидетельству автора псевдоксенофоновой «Афинской политики», «лучшие люди», т. е. аристократы, во всех государствах враждебны афинской демократии. По словам этого автора, «если бы афиняне жили на острове, они освободились бы от опасности, что когда-нибудь их государство будет предано олигархами, что будут открыты ворота и ворвутся враги». С этой опасностью,³ очевидно, афинянам приходилось считаться постоянно.

В этой борьбе спартанцы и их союзники спекулировали на греческой раздробленности, на специфической полисной психологии, на стремлении каждого самого маленького городка к автономии и автаркии, т. е. к полной политической и экономической независимости. Это обстоятельство часто привлекало

² «Повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян, представители второй — лакедемонян» (Фукидид, III, 82).

Так, в 414 г. Аристофан говорит, как о чем-то общеизвестном («Птицы», ст. 766):

Если Писиев сыночек эмигрантам отворить
Хочет города ворота.. .

А в 411 г. олигархи действительно строили специальную пристройку к городской стене в Афинах, чтобы через потайной ход впустить в город спартанцев.

на сторону Спарты и те элементы в Афинском морском союзе, которым, вообще говоря, было не по пути с аристократией.

Спарта никогда не думала прекращать прямой или косвенной борьбы с Афинами, но при ее традиционной осторожности она готова была открыть прямые военные действия только при особо благоприятных обстоятельствах. Тридцатилетний мир 445 г., заключенный между Афинами и Спартой, не мог урегулировать их взаимоотношения. Афины продолжали в глазах греческих государств воплощать демократию и тенденции к объединению. Спарта — олигархию и стремление полисов к автаркии. Афины старались удержать за собой монополию морской торговли, Спарты, не будучи заинтересована во внешней торговле, стремилась все же противодействовать дальнейшему распространению афинского влияния. С этой целью Спарта поддерживала главного торгового соперника Афин — Коринф, входивший в Пелопоннесский союз и по своему географическому положению господствовавший над торговыми путями, ведущими в Сицилию и южную Италию, — в те области, с которыми, как мы видели, Перикл успел войти в сношения.

О причинах Архидамовой войны еще в древности ходили разноречивые суждения. Политические противники Перикла вскоре после начала войны выступили против него с обвинением, что он затеял эту войну по причинам личного характера, стремясь спасти свое пошатнувшееся положение главы афинского государства. Эта точка зрения нашла отражение в современной Архидамовой войне афинской комедии, а затем была усвоена Эфором. Против этого выступил Фукидид, который впервые в историческом исследовании высказал и развил ту мысль, что существует различие между «скрытыми поводами» и «явными причинами», приведшими к войне («скрытыми поводами» Фукидид называет то, что мы называем «внутренними причинами»).

Соображения «международного равновесия»

У Фукидида (I, 23, 5), мы читаем: «Истиннейший повод (войны), хотя открыто в речах и не высказываемый, заключался в том, как я полагаю, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам». Фукидид, один из крупнейших политических деятелей того времени, один из стратегов, стоявших во главе афинского государства, сделал в этом случае правильное наблюдение: добившись договорами 447 и 445 гг. прочного признания Афинского морского союза и со стороны Спарты и со стороны Персии, укрепив свое господство в союзе, подавив сопротивление единственного из членов этого союза, который мог конкурировать с Афинами на море — Самоса, Афины уже стали сильнее всех прочих госу-

дарств. Когда же Афины стали все энергичнее упрочивать свое торговое влияние на Западе, когда были заключены договоры с Эгестой и мессапами в Италии, а затем последовали (о чем мы скажем ниже) вмешательство в керкирские дела, невыносимое экономическое давление на Мегары и попытка окончательного устранения влияния коринфян на фракийском побережье, — «международное равновесие» оказалось резко нарушенным, и естественно, что Спарта, Коринф, Беотия и другие соседи Афин объединились, чтобы восстановить нарушенное соотношение сил.

Однако решающего значения соображения «международного равновесия» в этом случае не имели. Основных внутренних причин Архидамовой войны Фукидиду вскрыть не удалось, так как у него еще не было ясного представления о значении экономического фактора. Внутренними причинами войны Фукидид, как мы сказали, считает возросшее со времени Греко-персидских войн могущество Афин и возникшие вследствие этого опасения Спарты и ее союзников, как бы это могущество не усилилось еще более. Конфликт между Коринфом и Керкирой и связанные с этим конфликтом события Фукидид справедливо рассматривает лишь как внешние поводы войны. Но он не учел того, что война, в которую одно за другим были вовлечены почти все государства эллинского мира, была в значительной степени войной не между Афинами и Спартой, а между Афинами и Коринфом.

Экономические противоречия

Чтобы уяснить те обстоятельства, которые привели к грандиозному конфликту, именуемому Пелопоннесской войной, необходимо обратить внимание на ту обстановку, которая создавалась в Афинах и Спарте накануне ее. Перикл делал все возможное, чтобы ослабить международное напряжение и отсрочить столкновение. Однако из этого ничего не вышло. Точно также и в Спарте даже в среде господствующей «партии» Еврипонтидов большая часть ее, возглавляемая царем Архидамом, не желала войны с Афинами и пыталась ослабить влияние Афин, действуя обходным путем; Спарта настраивала против Афин Дельфийское святилище, имевшее большое международное влияние, вела агитацию среди аристократов союзных с Афинами городов, подбивая их на восстание и обещая им помощь, которой она, впрочем, фактически почти никогда не оказывала.⁴ Отношения между Спартой и Афинами были, таким образом, напряженными, но вопрос о войне решили не эти отношения, а экономические противоречия между Афинами

⁴ Так, восстания на Самосе, в Кари и Византии произошли под влиянием спартанской агитации.

и главным союзником Спарты Коринфом. Правда, после мира 445 г., по которому Афины должны были отказаться от своих завоеваний в Сароническом и Коринфском заливах, и особенно после того, как афиняне лишились ведущего влияния в италийских Фуриях, взаимоотношения между Коринфом и Афинами улучшились. Коринф, видя в этих фактах отказ Афин от проникновения на Запад, отказал в помощи Самосу, когда последний в 440 г. восстал против Афин. Но после того, как несколько лет спустя Афины вступили в союз с Акаранией, лежащей на пути в Италию, отношения между Афинами и Коринфом снова обострились.

Заметим, однако, что историю V в. до н. э. нельзя модернизировать: когда мы говорим в античности о борьбе за рынки, мы не имеем в виду борьбу торговых компаний в двух государствах, не поделивших между собой барышей. С развитием рабства в греческих городах появились большие группы голодных безработных граждан, не выдержавших конкуренции с рабами; государство считало себя обязанным обеспечить их пропитание. Конечно, и торговцы зарабатывали на ввозе, но их интересы ведущей роли тогда не играли. Античное демократическое государство считало своей обязанностью всеми средствами организовать максимальный бесперебойный ввоз хлеба, а это сплошь и рядом приводило к войнам.

Внешнее положение Афин

Положение Афин на Эгейском море далеко не было таким спокойным и безопасным, как до восстания на Самосе. Ряд городов Кари и Ликии отложился от афинян и перешел на сторону персов; афиняне не только не пытались отвоевать эти города, но есть основание предполагать, что во время Самосской войны им пришлось обещать Персии их уступить. В 445 г. управляющий Ливией Псамметих прислал в дар афинянам хлеб из Египта; это свидетельствует о каких-то переговорах между афинянами и Псамметихом, пытавшимся отпасть от Персии, и такие переговоры, конечно, не могли содействовать улучшению отношений между Афинами и Персией. Они еще более ухудшились, когда афиняне поддержали Зопира, сына сатрапа Сирии Мегабиза, отпавшего после смерти отца от персидского царя и нашедшего в Афинах приют и поддержку; в благодарность за это Зофир помог афинянам завладеть греческим городом Кавном в Кари, уступленным ими персам, по-видимому, после самосского восстания.⁵

⁵ Эти описываемые Ктесием (Persica, 49, 23; эксцерпт у Фотия) события, по-видимому, относятся к 439—433 гг., ибо до 440 г. Кавн неизменно фигурирует в списке плательщиков фороса, а в 432 г. его имя снова появляется в этом списке.

Положение на Евксинском понте тоже было не вполне спокойным. Периклу пришлось отправиться самому в Понт с большой эскадрой, устранив персофильские элементы, в частности — в Синопе, и поселить там 600 афинских клерухов. Другие клерухи были поселены в соседнем с Синопом Амисе, причем последний был переименован в Пирей. Наконец, в пределах Боспорского царства, к югу от столицы его Пантикапея, в Нимфее, был оставлен афинский гарнизон и города северного Причерноморья, по-видимому, должны были войти в Афинский союз.

Неблагоприятно для Афин сложились события и во Фракии. Нескольким фракийским племен, населявших обширную равнину от Черного моря и Геллеспонта на востоке и до Стримона на западе, от Дуная на севере до Эгейского моря на юге, объединились под руководством Тереса, царя сильного фракийского племени одрисов, обитавших на реке Гебре (ныне Марица). По свидетельству Фукидида, (II, 97, 3) «со всей земли варваров и с эллинских городов, над которыми властвовали одрисы, податей поступало им золотом и серебром почти четыреста талантов; не меньше этой суммы приносилось в качестве подарков, не считая расшитых и нерасшитых тканей и разной домашней утвари». Так как царство одрисов достигло большого могущества, то афиняне и спартанцы делали все возможное, чтобы расположить в свою пользу это государство одрисов. Подобно тому как царь варварского племени македонян Александр I был признан чистокровным эллином и даже потомком Геракла, а персидский царь — потомком грека Персея, так и Терес, царь одрисов, был признан потомком сказочного афинского царя Терее и стал, таким образом, чистокровным афинянином. Впрочем, это заискивание перед фракийцами, вызывавшее негодование среди афинской интеллигенции, долгое время не имело успеха: фракийцы, как и персы, перед началом Пелопоннесской войны сочувствовали спартанцам.

Все это непосредственно угрожало снабжению Афин хлебом и поневоле приходилось задуматься о других источниках снабжения. Одни предлагали вернуться к политике Кимона — «сделать попытку снова захватить Египет и вызвать восстания в приморских владениях царя» (Плутарх, Перикл, 20). Так были настроены более умеренные, лаконофильские элементы. Более радикальные элементы, не боявшиеся прямого разрыва с Пелопоннесом, шли по пути, предуказанному Фемистоклом, и агитировали за завоевание хлебодородной Сицилии, а, если удастся, также и Этрурии и Карфагена. Но Запад находился в сфере экономических интересов торговых государств Пелопоннеса — прежде всего Коринфа. Эта политика означала, следовательно, войну с Коринфом.

Перикл, как мудрый и осторожный политик, не поддерживал стремлений ни той, ни другой группы.

Он понимал неизбежность войны с Пелопоннесом, но старался оттянуть ее начало на возможно более поздний срок. Правда, на случай будущей войны уже в 454 г. был заключен союз с Эгейской в Сицилии; такую же цель имело и основание фурий, равно как и заключение союза с Леонтинами и Регием в южной Италии в 433/2 г.

Целью политики Перикла было мирное внедрение афинских товаров в Италию и Сицилию, не сопровождающееся войной и принуждением. Но Афины после мира 445 г. не имели удобной гавани на западном побережье Греции, а плавание вокруг Малейского мыса было в то время сопряжено с большими опасностями. Естественно, что при таких обстоятельствах внимание Афин привлекли Мегары. Мегары были бедным государством с неплодородной почвой; продукты своего ремесла мегарцы сбывали главным образом на афинском рынке и на рынках городов, входивших в Афинский морской союз — прежде всего Византия, с которым у Мегар были особенно тесные связи. Поэтому-то в 460 г., после того, как власть в Мегарах перешла к демократии, они вошли в Афинский морской союз. В 445 г., по Тридцатилетнему миру, Мегары снова отошли к Пелопоннесскому союзу, но продолжали торговать на рынках Афинского морского союза. Перикл не желал войны и избегал всяких вооруженных столкновений. Но, чтобы получить возможность торговать с Западом через мегарскую гавань Пегеи, лежавшую в Коринфском заливе, афиняне считали себя вправе произвести на Мегары экономическое давление. Первая так называемая «мегарская псефизма» (внесенная около 434 г.) запрещала мегарцам, под предлогом какого-то пограничного инцидента,⁶ торговать на афинском рынке; вторая, внесенная в народное собрание самим Периклом в 432 г., запрещала мегарцам торговать на всех рынках союза.⁷ В Мегарах неизбежно должен был начаться голод,⁸ и было ясно, что они раньше или позже уступят Афинам.

Это было бы тяжелым ударом по военной и экономической мощи Коринфа, хотя формально это запрещение было внутренним делом Афинского морского союза и ни в какой мере не касалось пелопоннесцев.

Оппозиция против Перикла

Сам Перикл перед началом Пелопоннесской войны подвергся яростной атаке своих политических противников, стоявших за войну. Не решаясь напасть на Перикла прямо, они воз-

⁶ Аристофан, Ахарняне, 515.

⁷ Диодор, XII, 39; Плутарх, Перикл, 29; ср. Фукидид, I, 67, 139.

⁸ В каком ужасном положении оказались Мегары, видно из комедии Аристофана «Ахарняне», стих 729 и сл. Мегарцам предстоит либо продажа в рабство, либо муки голода; о хлебе и овощах они и думать забыли.

будили ряд процессов против его ближайших друзей. Философы Анаксагор и Протагор были обвинены в нечестии, а Анаксагор еще и в персофильстве; оба они принуждены были покинуть Афины. Желю Перикла Аспасию за то, что в ее литературном салоне собирались мужчины вместе с женщинами, обвинили в сводничестве,⁹ и ему с трудом удалось разжалобить судей и добиться оправдания Аспасии. В распоряжении скульптора Фидия, руководившего всеми постройками на Акрополе, было большое количество золота, серебра, всякого рода ценных материалов, и ему предъявлено было обвинение в хищении. Желая увековечить себя и Перикла, Фидий придал двум из фигур, изображенных на шите статуи Афины-Девы, черты сходства с собой и Периклом; в этом усмотрели кощунство. Все это свидетельствовало о возрастающей силе оппозиции против Перикла, и, если бы Перикл не пошел навстречу домогательствам своих противников и не решился на войну, возможно, он лишился бы доверия, каким до тех пор пользовался, а она все равно началась бы.

Поводы к войне. Эпидамн

Поводом к войне послужило вмешательство Афин в дела острова Керкиры (теперь Корфу), колонии Коринфа. Лежавший к северу от Керкиры на побережье Иллирии город Эпидамн был общей колонией Коринфа и Керкиры. В Эпидамне шла тогда борьба между олигархией и демократией. Демократы обратились за помощью в Коринф, который и прислал в Эпидамн гарнизон. Тогда изгнанные олигархи обратились за помощью к Керкире. Керкирцы потребовали, чтобы жители Эпидамна вернули изгнанных олигархов и прогнали коринфян, но эпидамнийцы отказались. После этого Керкира обратилась к афинянам с просьбой принять ее в Афинский союз (433 г.).¹⁰ Керкирские послы, по словам Фукидида (I, 36, 2), особенно подчеркивали то, что «Керкира удобно расположена на пути в Италию и Сицилию». Керкира была главной гаванью на этом пути. Здесь кончалось каботажное плавание, и корабли, запасшись провизией и водой, выходили в открытое море. Вхождение Керкиры в Афинский союз имело поэтому исключительное значение для установления и расширения торговых связей

⁹ Комические поэты, желавшие показать, что Пелопоннесская война была затеяна Периклом из личных соображений, пустили в обращение грязную сплетню, будто причиной войны было похищение мегарскими юношами каких-то женщин, якобы находившихся в притоне разврата, содержимом Аспасией (грубая пародия на рассказ о причинах Троянской войны — о похищении Елены Парисом!). Упоминаю об этом только потому, что Белох позволил себе серьезно повторять эту сплетню.

¹⁰ Итак, в этом случае демократам помогает аристократический Коринф; аристократам — демократические Афины.

с городами Запада. Но руководимый Периклом афинский народ, следуя осторожной политике, хотел избежать обострения отношений и отсрочить войну. Несмотря на то что по условиям Тридцатилетнего мира афиняне имели право включить Керкиру в руководимый ими союз, ибо она была нейтральным государством, не входившим в Пелопоннесский союз, они не сделали этого и удовольствовались заключением оборонительного союза с Керкирой. После этого между керкирцами, с одной стороны, и коринфянами и их союзниками — с другой, произошло сражение при Сиботских островах (433/2 г.). Афинский флот, состоявший из десяти кораблей, подошел к месту сражения и, следуя полученной им инструкции, до последнего момента не принимал активного участия в битве, а только наблюдал; лишь в конце боя он принял участие в сражении. Но, как только на море появилось еще двадцать афинских кораблей, коринфяне оставили поле битвы. Конечно, афиняне имели возможность, как этого требовали коринфские послы, вовсе воздержаться от посылки помощи керкирцам. Но, как замечает Фукидид, война с пелопоннесцами, по мнению большинства афинян, была все равно неизбежна, и если бы Перикл выступил против этого общего мнения, он все равно ничего не добился бы.

Вмешательство афинян в керкирские дела Коринф справедливо рассматривал как проникновение их в сферу его влияния. Однако никакого юридического основания для протеста он, как мы говорили, не имел.

Потидея

Напряженные отношения с пелопоннесцами и Персией заставляли афинян принять особые меры предосторожности против возможных восстаний союзников и перехода их на сторону персов или пелопоннесцев. Ионийские города, обнесенные стенами, принуждены были уже до начала войны срыть эти стены.¹¹ Чрезвычайно опасным пунктом был также город Потидея, лежавший на узком перешейке, соединяющем полуостров Паллену с материком Фракии. Жители Паллены могли вступать в сношения с фракийцами только через Потидею и, таким образом, экономически зависели от нее. Население Потидеи было дорийским, все же прочее население Халкидики ионийским; государственный строй Потидеи был аристократическим. Кроме того, Потидея находилась как бы в двойном подданстве: она была членом Афинского морского союза, но в то же время Коринф посылал в Потидею высшее должностное лицо — эпидемиурга.

¹¹ Может быть по требованию персов, уже по Каллиеву миру (в 447 г.).

После вмешательства Афин в керкирские дела отношения Афин с Коринфом стали крайне напряженными, и, естественно, афиняне не могли мириться с таким двойным подданством Потидеи. Узнав об агитации, которую вели коринфяне в Потидее, афиняне потребовали, чтобы потидейцы подобно другим афинским союзникам, платящим форос, срыли свои стены, но только с южной стороны, вследствие чего Потидея становилась доступной для нападения афинян с моря, но оставалась недоступной для нападения фракийцев с суши. Далее афиняне потребовали от потидейцев выдачи заложников и изгнания коринфского эпидемиурга. Это было тем более необходимо, что соседи Потидеи, македоняне, бывшие до сих пор союзниками афинян, перешли теперь на сторону пелопоннесцев. В ответ Потидея в 432 г. отложилась от Афинского союза, вступив в тесный союз с халкидцами и боттиэями на материке Фракии, не признававшими власти афинян, а коринфяне немедленно послали свои войска ей на помощь; помогал потидейцам и македонский царь Пердикка. Со стороны коринфян это было уже прямым нарушением мира 445 г., по которому члены Афинского морского союза всецело находились в сфере влияния Афин. Афинянам удалось, однако, несмотря на помощь Пердикки, обложить Потидею и повести правильную осаду города.

Мегарские псефизмы

Но наиболее серьезным ударом по интересам Коринфа были уже упомянутые выше Мегарские псефизмы.

Формально запрещение торговать на рынках союза было, как мы уже говорили, внутренним делом Афинского морского союза и нисколько не касалось пелопоннесцев, но фактически оно обрекало Мегары на голод, и было совершенно ясно, что под давлением экономической блокады Мегарам придется перейти на сторону афинян, и афиняне таким образом снова окажутся непосредственными соседями Коринфа. Все это заставило Коринф обратиться к Спарте с требованием объявить от имени Пелопоннесского союза войну афинянам.

Расторжение договора 445 г. («Тридцатилетнего мира»)

В конце 432 г. в Спарте состоялось собрание представителей Пелопоннесского союза. Традиционная политика Спарты, как известно, состояла в том, чтобы в городах, находящихся в сфере афинского влияния, поднимать восстания аристократов, оказывая им, однако, только моральную поддержку; от выведения войска из Спарты господствующая в ней группа по возможности воздерживалась, опасаясь восстания илотов. Такой же политики пытался держаться и теперь спартанский царь Архидам, но коринфяне решительно заявили, что, если

спартанцы не вторгнутся в Аттику, они выйдут из Пелопоннесского союза. Афиняне требовали передачи всех спорных вопросов на решение третейского суда. Архидам находил это требование справедливым, но в среде господствовавшей в Спарте группы значительное большинство, возглавляемое эфором Сфенелаидом, стояло под давлением Коринфа за более решительную политику. Было постановлено, что Тридцатилетний мир нарушен и что надо начать войну. Таким образом, договор 445 г. был расторгнут, и открытие военных действий стало только вопросом времени.

У греков, в частности у афинян, особым авторитетом пользовались святилище и оракул Аполлона в Дельфах, находившиеся в руках аристократического Дельфийского государства. Вследствие большого международного и торгового значения этого святилища (Дельфийский храм был «банком» Эллады; здесь же периодически устраивались общегреческие ярмарки), а также вследствие собранных здесь больших ценностей обладание им давало тому, кто достигал этого, большой авторитет и силу. Поэтому за святилище постоянно шла борьба между Фокидой и городом Дельфами, причем в этой борьбе дельфийцам помогали спартанцы, фокидцам — афиняне. Так, например, в 450/49 г. спартанцы, совершив поход в Дельфы, передали святилище дельфийцам; в 448 г. в Дельфы вторглись афиняне и передали храм фокидцам; после 440 г. храм был, при содействии спартанцев, снова захвачен дельфийцами. Не удивительно, что с этого времени храмовое жречество всецело стояло на стороне Спарты и было послушным орудием в руках аристократии. Поэтому, когда спартанцы обратились к дельфийскому оракулу с вопросом по поводу предстоящей войны с Афинами, Пифия ответила, что «спартанцы победят, если будут вести войну с полным напряжением сил, и что сам Аполлон будет им содействовать, независимо от того, будет ли он или не будет призван на помощь». Опираясь на свое влияние в Дельфах, спартанцы теперь предъявили Афинам требование изгнать «запятнанных скверной», т. е. потомков тех Алкмеонидов, которые были виновниками убийства сподвижников Килона. Так как Перикл происходил по женской линии из рода Алкмеонидов, а мужская линия рода прекратилась, то здесь имелось в виду прежде всего его изгнание.¹² Кроме того,

¹² Среди афинской демократии было очень много суеверных людей, и эти религиозные доводы не только раздувались из политических целей врагами демократии, но вносили некоторое расстройство и в демократические ряды. С какой серьезностью отнеслась к этому часть афинской интеллигенции, мы видим из трагедии Софокла «Эдип-царь». Другая, более решительная группа интеллигенции просто объявила Аполлона (в духе старинных генотеистических взглядов) богом, враждебным Афинам. Так, трагедии Еврипида (правда, поставленные на сцену позже) содержат целый ряд выпадов против бога Аполлона. Аполлон изображается злым, мстительным богом, соблазняющим девушек и бросающим их и т. д. Старинные мифы,

Спарта требовала снятия осады с Потидеи, отмены Мегарских псефизм и предоставления автономии Эгине.

Афиняне прекрасно понимали, что все эти требования имеют для Спарты единственную цель — выгадать время для подготовки к войне. Тем не менее, они остроумно парировали каждый пункт предъявленных требований: они готовы, — заявили они, — изгнать потомков граждан, оскверненных «Килоновой скверной», но, со своей стороны, требуют, чтобы из Спарты были изгнаны потомки оскверненных убийством Павсания, а это были знатнейшие и влиятельнейшие спартиаты. Афиняне говорили, что они готовы предоставить автономию Эгине и независимость Потидее, если и спартанцы дадут автономию и независимость городам периэков. Точно так же афиняне изъявили готовность разрешить мегарцам торговать на всех рынках Афинского морского союза, если спартанцы упразднят «ксенеласию» (удаление иностранцев из Лаконики) и разрешат иностранцам жить и торговать в Спарте. Перикл в народном собрании указывал, что все требования спартанцев должны быть отклонены, так как война все равно неизбежна. А когда спартанцы выдвинули новое, заведомо уже неприемлемое для Афин требование — «предоставить свободу всем эллинам», иными словами, распустить Афинский морской союз, — требование, рассчитанное на то, чтобы вызвать ряд восстаний среди недовольных союзников, Перикл предложил, в соответствии с условиями мира 445 г., образовать третейский суд между Афинами и Спартой. Спарта это требование отклонила, и военные действия начались.

Вооруженные силы противников

В начавшейся войне на стороне Спарты был Пелопоннесский союз, в который входили государства почти всего Пелопоннеса, ставшие уже давно безнравственными с точки зрения новых взглядов, теперь привлекаются для чисто политической борьбы с аристократическим Дельфийским святилищем. Мы читаем, например, в «Андромахе», ст. 1161:

«Этот ужас
Явил нам бог, который судит нас,
Грядущее вещает, грех карает.
Так поступил с Ахилла сыном он,
Пришедшим к очагу его с повинной.
Как человек, и злой, припомнил Феб
Обиды старые... и это мудрость!»

Другие, как сообщает Фукидид, «ввиду тщетности своих молитв, обращений к оракулу и тому подобных действий под конец отказались от них, побежденные горем». Все это служило прекрасной почвой для распространения вольнодумных учений о богах. С другой стороны, как мы узнаем из Фукидида и Аристофана, демократия мобилизовала целый ряд старинных предсказаний, прежде всего предсказаний Бакида, созданных при дворе Писистрата и предсказывающих победу Афин. Афины буквально кишели всякого рода прорицателями и гадателями.

поннеса (кроме Аргоса и державшихся нейтралитета городов Ахайи), в средней Греции — Мегары, Фокида, Локрида Опунтская, Беотия, а также западные коринфские колонии (Амбракия, Левкада, Анакторий). На стороне Афин были союзные с ними города на островах Эгейского моря и на малоазийском побережье, часть Фессалии, Платеи, Навпакт, Акарнания и др. На суше спартанцы имели несомненное превосходство: в их распоряжении была армия около 60 000 человек. Зато афиняне господствовали на море, обладая флотом в 300 триер. Сверх этого у афинян были большие денежные средства: они получали ежегодно от членов союза до 600 талантов, на акрополе хранился резервный фонд, достигавший суммы 6000 талантов, из которых 5000 могли быть немедленно ассигнованы на войну, 1000 же талантов должны были оставаться неприкосновенным запасным капиталом на случай острой нужды в деньгах. У спартанцев был лишь ничтожный флот, а в казне почти отсутствовали деньги.

2. ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ

Стратегический план Спарты

Спартанский план войны был основан прежде всего на том соображении, что как только большая пелопоннеская армия появится в пределах Аттики, афиняне пойдут на какие угодно условия, лишь бы не допустить разорения страны (разрушения крестьянских усадеб), опасаясь вызвать тем самым возмущение, а может быть и восстание аттического крестьянства. Далее спартанцы надеялись на восстание афинских союзников: афиняне были бы в этом случае отрезаны от черноморского хлеба и обречены на голод, а флот их был бы занят покорением союзников и не мог бы угрожать берегам Пелопоннеса. Спартанцы рассчитывали также на то, что беотийцы, захватив без труда Платеи, сразу же обрушатся всей массой на Афины. Наконец, спартанцы решили завязать переговоры с Сицилией, Фракией и Персией и убедить их выступить одновременно со спартанцами против афинян.¹³

Стратегический план Афин

План Перикла был более реальным и полностью осуществился бы в первые годы войны, если бы в Афинах не началась эпидемия, чего никто не мог предвидеть. Перикл хорошо понимал, что афинская сухопутная армия слабее пелопоннес-

¹³ Они рассчитывали, вероятно, на то, что персидский царь достаточно озлоблен против Афин, постоянно поддерживавших мятежный Египет и лишь незадолго до того поддержавших Зопира, восставшего против персидского царя.

ской и что поэтому он должен вести на суше не наступательную, а оборонительную войну, перенеся центр тяжести военных действий на море. План Перикла состоял в том, чтобы собрать все население Аттики внутрь пространства, защищенного стенами, отдав Аттику на разграбление спартамцам. Так как на море афиняне господствовали безраздельно, то население Аттики могло любое время жить за этими стенами, получая продовольствие с моря. Афинский флот должен был опустошать берега Пелопоннеса и поднимать в его городах демократические восстания. В частности, Перикл рассчитывал поднять восстание илотов в самой Спарте: это было особенно легко сделать в те промежутки, когда спартанское войско находилось в Аттике. Таким образом, Перикл надеялся, опираясь на финансовое и морское превосходство Афин, довести Спарту до истощения, но он предупредил афинян не думать во время этой войны о новых завоеваниях, а стремиться лишь сохранить «достояние отцов», иными словами, сохранить Афинскую морскую державу и заставить противника раз и навсегда примириться с ее существованием. Это не означало, что он отказывался от экспансии на запад; он считал только, что время для этой экспансии наступит после победы над Спартой и выгодного мира с ней.

Но, рассчитывая на недостаток у пелопоннесцев средств для ведения войны, Перикл недооценил единства интересов антидемократических элементов во всех греческих государствах. Правда, из аристократов трудно было выжать деньги: будучи у власти в пелопоннесских городах, они обычно принимали меры к тому, чтобы обложения в пользу государства фактически были ничтожными. Но теперь, когда на карту было поставлено самое существование аристократии в Греции, им пришлось идти на жертвы. До нас дошла спартанская надпись¹⁴ со списком пожертвований на ведение войны. Эти пожертвования делались как частными лицами, так и целыми государствами — жертвовали деньгами, зерном, присылали отряды добровольцев. Аристократы, жившие в городах Афинского морского союза, жертвовали тайно, так как это могло вызвать гнев и мщение со стороны их сограждан — их имена, конечно, отсутствовали в списке. Например, сказано только: «Друзья лакедемонян из числа хиосцев пожертвовали лакедемонянам на ведение войны» столько-то, — имена этих друзей, конечно, не указаны.

Отношения воюющих сторон к варварам

С другой стороны, расчет спартамцев на помощь фракийцев и персов оказался ошибочным. Афинянам, наоборот, удалось

¹⁴ Ditt., Syll.³, I, N 84.

заручиться содействием аристократа Нимфодора, жителя Абдер, входивших в Афинский морской союз. На его сестре был женат фракийский царь Ситалк, которого Нимфодор убедил переменить ориентацию и стать на сторону Афин; афиняне торжественно даровали право гражданства «потомку древних афинских царей», сыну Ситалка Садоку, и Ситалк отправил на помощь афинянам свою конницу и легковооруженных стрелков (пелтастов). Нимфодору же удалось достигнуть того, что и македонский царь Пердикка стал на сторону афинян и помог им осаждать отпавшие города на Халкидике.¹⁵

Значение союза с Ситалком обнаружилось полностью во второй год войны, когда пелопоннесцы отправили в Персию послов — трех спартамцев, одного тегейца и одного коринфянина; вместе с ними отправился, частным образом, и один аргосский аристократ, сторонник спартанской ориентации. Послы должны были уговорить персидского царя дать денег и стать спартанским союзником. По дороге им поручено было убедить Ситалка снова перейти на сторону спартамцев и пойти походом на Потидею. Но сближение Афин с абдерским правительством и с «афинянином» Садоком дало свои плоды: Садок, по наущению Нимфодора, арестовал послов и передал их афинянам. Те отвезли их в Афины и поступили с ними так, как поступали сами спартамцы со всеми попадавшими в их руки гражданами демократических государств: казнили их, сбросив всех в пропасть. Афинянам же удалось добиться от персидских сановников обещаний денежной помощи, правда, весьма неопределенных.

Это заискивание и спартамцев и афинян перед «варварами» продолжалось в течение всей Архидамовой войны: так, в 425 г. афиняне захватили у берегов Фракии персидского сатрапа Артаферна, отправлявшегося с письмом от персидского царя в Спарту. В этом письме говорилось о многочисленных лакедемонских посольствах, приходивших за время войны в Персию. Афиняне отправили Артаферна назад к персидскому царю, но уже не со спартанским, а со своим посольством.¹⁶ Неоднократно персидские послы выступали и перед афинским народным собранием (см. «Ахарняне» Аристофана).

3. ПЕРИОД НЕУДАЧ АФИН

Первый год войны

Военные действия начались весной 431 г. нападением фиванцев на союзные с Афинами Платеи. В безлунную ночь фи-

¹⁵ В комедии Аристофана «Ахарняне» (стихи 138—168), поставленной шестью годами позже, дана замечательная по комизму сатира на афинское ухаживание за фракийцами.

¹⁶ Это посольство по получении известия о смерти царя Артаксеркса вернулось в Афины, не достигнув никаких результатов.

ванцы по сговору с платейскими аристократами ворвались в Платею и захватили город; ворвавшихся было немного, но вследствие темноты платейцы не могли определить их числа. Платея была беотийским городом, в 510 г. отпавшим от Беотии и вступившим в тесный союз с Афинами. Здесь, как и в Афинах, у власти была демократическая партия. Когда на утро платейцы увидели, что вторгшихся фиванцев было немного, они их перебили. Короткое время спустя последовало вторжение царя Архидам в Аттику и опустошение афинских полей, что, однако, не произвело того эффекта, на который рассчитывали спартанцы. Правда, афинским поселянам, укрывшимся за городскими стенами, было очень тяжело смотреть на разорение их хозяйств, и они требовали немедленного выступления против неприятеля. Но Перикл не пошел на это, и афиняне не вышли из городских стен. Зато афинскому флоту, отправившемуся к берегам Пелопоннеса, удалось одержать ряд успехов: опустошить берега Лаконики и Элиды, взять на берегу Акарнании укрепление Соллий, заставить вступить в Афинский морской союз остров Кефаллению. Все население Эгины, как ненадежное, было выселено с острова. На Эгину были выведены афинские клерухи, а в Евбейском проливе был захвачен принадлежащий Коринфу остров Аталанта.

Чума

Эти успехи афинян были прерваны неожиданной бедой: после повторного опустошения Аттики Архидамом в 430 г. из Египта через острова была занесена в Пирей какая-то опустошительная эпидемическая болезнь (обычно ее называют чумой, хотя приводимое Фукидидом описание ее заставляет скорее предполагать тиф). Болезнь из Пирея перекинулась в Афины и вследствие большой скученности населения и отсутствия водопровода в Афинах быстро охватила все население; в течение двух лет и повторной вспышки эпидемии зимой 427/6 г. погибло более трети населения Афин; болезнь быстро перекинулась и во флот. В городе начались беспорядки.

По представлениям греков, чума насыщается на людей Аполлоном за их грехи, а грехом могло считаться пребывание в городе «оскверненных». Понятно, что все это служило подходящим средством для агитации против Перикла: говорили, что предсказание Аполлона сбылось и что чума ниспослана за родовой грех Алкмеонидов. Отражение этих настроений, как показал Ф. Ф. Зелинский, мы видим в трагедии Софокла «Эдип-царь», поставленной на сцену в начале Пелопоннесской войны. Подобно тому, как спартанцы и дельфийский оракул потребовали в 431 г. изгнания мудрого и справедливого Перикла только за грех его предков, так и в этой пьесе дельфийский оракул требует убийства или изгнания «оскверненных», т. е. мудрого

и справедливого Эдипа, платящегося за грехи своих предков. И в том и в другом случае требование оракула не выполняется, следствием чего является чума. Пьеса представляет собой реабилитацию и прославление Дельфийского оракула, несмотря на то что он занимал в это время враждебную Афинам позицию.

Но и помимо суеверного страха, эпидемия и связанная с ней задержка военных действий не могли не вызвать недовольства массы, которая стала требовать мира. Однако Спарта предъявила невыполнимые требования, и война продолжалась.

Недовольство Периклом и его смерть

Теперь весь гнев обрушился на Перикла. По проискам его политических противников Перикл был привлечен к суду. От него потребовали отчета за 14 лет его пребывания в должности стратега. Он был присужден к штрафу в 50 талантов и отстранен от должности. Впрочем, очень скоро афиняне почувствовали, насколько им был необходим Перикл, и снова избрали его на 429 г. на должность стратега, тем более, что к этому времени пришло известие о капитуляции Потидеи. В это время Перикла постиг тяжелый удар: оба его законных сына умерли от чумы, и его род остался, таким образом, без наследника, так как младший сын Перикла от Аспасии по закону, изданному самим Периклом, не имел гражданских прав. Периклу пришлось возбудить особое ходатайство перед народным собранием о предоставлении гражданских прав этому сыну. В 429 г. сам Перикл умер от чумы.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ «ПАРТИИ»

Противники Перикла

При чтении Фукидида получается впечатление, что смерть Перикла была концом целой эпохи, что с 443 г. до этого момента никакой партийной борьбы в Афинах не было; вследствие заслуженного авторитета Перикл единовластно руководил политической жизнью Афин, и народные массы слепо следовали за ним; ни один представитель торгово-ремесленных групп не появляется на поверхности общественной жизни до смерти Перикла. Однако это представление неправильное. Уже говоря о событиях 450—446 г., Плутарх («Перикл», гл. 20) указывает на две группы, противодействовавшие Периклу: одни стремились возобновить войну с Персией, «захватить Египет и вызвать восстания в приморских владениях царя», другие лелеяли планы захвата Сицилии, Этрурии и Карфагена. Само собой разумеется, что первая программа предполагала мир и дружбу, а вторая — войну с пелопоннесцами. Сам Перикл противостоял обеим группам.

Перед началом и в начале войны, как мы узнаем из отрывка комедии Гермиппа,¹⁷ радикальная группа, возглавляемая Клеоном, уже открыто нападает на Перикла, обвиняя его в недостаточно энергичной военной политике:

**Стоит только тебе увидеть, как кинжал
На точильном бруске начинают вострить,
Как блестит лезвие, ты визжишь, убоясь
Молносно гнева Клеона.**

Неправы, впрочем, и те ученые, которые считают концепцию Фукидида насквозь тенденциозной и неверной. Периклу благодаря его огромному авторитету удавалось в течение ряда лет, искусно лавируя между борющимися партиями, находить некоторую равнодействующую и вести народные массы по среднему пути. За ним в последние годы его правления уже не стояла сколько-нибудь значительная группа; выдвигавшаяся им компромиссная программа была его программой, и в этом смысле Фукидид прав, говоря, что «не столько народная масса руководила им, сколько он ею». Влияние Перикла держалось благодаря его исключительному авторитету и уважению к нему; после его смерти сразу же вышли наружу резкие разногласия между борющимися партиями. Фукидид поэтому неправ, когда видит причину вспыхнувшей борьбы в эгоизме, честолюбии, корыстолюбии или недостаточной одаренности сменивших Перикла вождей.

Какие же группы боролись между собой в последние годы жизни и после смерти Перикла? Обычно на это дается трафаретный ответ: «демократы» и «олигархи». Этот ответ неверен не только потому, что «демократия» — термин, расплывчатый и менявший свое значение в разные эпохи; что слова «олигарх» и «демократ», правильно выражавшие в первой половине V в. устремления обеих партий, продолжали оставаться в употреблении и позже, когда водораздел между партиями давно переместился, и партии стали отличаться друг от друга совсем по иным признакам. Если демократы в эпоху Солона были революционерами, а в эпоху Клисфена — либералами, то во время Перикла они стали поклонниками существующего строя, ибо теперь они уже не добивались дальнейших реформ, но и не допускали, чтобы кто бы то ни было покушался на уже завоеванное. Теперь все стали «демократами», поскольку всем приходится исходить, как из непреложного факта, из существования демократии. Олигархи теперь — ничтожная кучка политических преступников, предателей родины; единственное, что они могли делать — это шептаться на тайных собраниях, интриговать и пытаться проводить «своих людей на государственные должности».

¹⁷ Это — тот же Гермипп, который незадолго до начала войны возбудил против Аспасии процесс по обвинению в сводничестве (Плутарх, Перикл, 32).

Обе борющиеся партии были в разбираемое нами время, если угодно, демократическими в политическом смысле, ибо деление идет не по политической, а по экономической линии. Неизвестный автор трактата «Афинская полития», на немногих страницах рассказывающий нам об афинском демосе больше, чем Фукидид во всем своем труде, не оперирует уже противопоставлением «демократов» «олигархам» (*hoi polloi—hoi oligoi*); он противопоставляет *demos* («простой народ»), *kakoi* («худых людей»), *poneroi* («труженников» или «подлых», по-гречески это слово имело оба смысла) «порядочным людям» (*chrestoi*), он противопоставляет «бедняков» (*penetes*) «богатым и земледельцам» (*plousioi kai georgountes*); очевидно земледельцы в его время, как правило, были зажиточными людьми, и их интересы в основном совпадали с интересами богатых.

«Партия Пирея»

Мы будем называть обе борющиеся партии так, как их часто называли современники в конце V в. (ср. например, Аристотель, Политика, V, 2, 12; Лисий, 34, 1): «партией Пирея» (*hoi ek tou Peiraios*) и «партией города» (*hoi ek tou asteos*). «Партия Пирея» или, что то же, партия Клеона, выставила своим лозунгом защиту интересов городской бедноты. Неизвестный автор «Афинской политии» считает афинский государственный строй, в том практическом осуществлении, которое ему придала эта партия, проведенным с крайней последовательностью господством уличной бедноты. «Что касается афинского государственного устройства, — говорит он, — то я не одобряю того, что афиняне выбрали нынешний образ правления; не одобряю потому, что, избрав этот образ правления, они благо простонародья поставили выше блага порядочных людей... но, поскольку принятие ими этого устройства — совершившийся факт, я считаю необходимым показать, как им удастся вполне последовательно проводить этот образ правления... и насколько естественно, что здесь беднота и простонародье претендуют на большее влияние, чем знатные и богачи: ведь люди из простонародья поставляют из своей среды корабельный экипаж, и таким образом они причина могущества государства... Именно тем, что афиняне всегда и во всем отдают предпочтение людям простого происхождения, бедным и низким перед порядочными гражданами, они спасают демократию. Если бедняки, простонародье и вообще худые люди пользуются благосостоянием, и таких людей становится много, то, конечно, демократия от этого усиливается; если же процветают богатые и порядочные люди, то простонародье усиливает таким образом своих собственных врагов. Ведь во всякой стране порядочные люди враждебны всякому демократическому

устройству. В самом деле, если бы правом выступать публично и быть членом совета пользовались только порядочные люди, то это было бы, конечно, на благо им подобным, но во вред простонародью; ныне же, когда с речью может выступить любой низкий человек, он придумывает то, что на благо ему самому и подобным ему. Мне могут возразить: откуда может подобный человек знать, что полезно для него и для простонародья? Афиняне смотрят на это иначе: они считают, что невежество и порочность этого человека, соединенные с благожелательностью к простонародью, полезнее (для этого простонародья), чем вся добродетель и мудрость порядочного человека, соединенные с враждебностью к черни».

Итак, основная доктрина «партии Пирея» состояла в признании благополучия всех полноправных граждан основной целью государства: государство обязано обеспечить каждому гражданину и прожиточный минимум и все политические права. Это благополучие не может быть прочным, если оно строится на таком шатком фундаменте, как благотворительность и честолюбие богатых людей или как общественные сооружения.

Помощь народным массам должна быть регулярной, т. е. носить характер платы за исполнение государственных обязанностей, и каждый гражданин должен быть нагружен такими обязанностями. Поскольку простой народ прежде всего несет тяжелые обязанности по охране безопасности и порядка в Эгейском море, вполне естественно, что эти обязанности оплачивают граждане союзных городов — в первую голову зажиточные граждане в форме фороса, торговых пошлин, обязанности уступать часть земли афинским поселенцам-клерухам и т. д. Внутри государства расходы на содержание народных масс несут богатые люди — «литургии», о которых мы говорили выше, становятся теперь тяжелой, обязательной повинностью. Богатые граждане считаются теперь, уже в силу своего богатства, политически подозрительными, и на них, как из рога изобилия, сыплется всякого рода обложения и штрафы.

«Партия города»

«Партия города», опиравшаяся на крестьянство и зажиточных горожан, не была заинтересована ни в обложении союзников и богатых людей, ни в системе диэт. И она стоит на почве существующего демократического строя, но требует облегчения тягот, падающих на богатых афинян и союзников, отказа от системы «диэт» (вознаграждений за исполнение государственных должностей) и соблюдения исконного принципа афинского государства, по которому гражданином является тот, кто может «помочь государству телом и деньгами», т. е.

люди, имеющие хотя бы небольшое собственное имущество и собственное вооружение.

Итак, одна из этих «партий» — пирейская — опиралась главным образом на голоса городской бедноты — мастеровых и безработных, а другая — на голоса крестьян и зажиточных горожан. Но во главе и той и другой из «демократических партий» стояли очень богатые люди. Во главе «пирейской партии» стояли владельцы крупных ремесленных и торговых предприятий, судовладельцы, купцы, ведшие торговлю с заграницей и т. д. Так, лидерами этой партии с начала Пелопоннесской войны последовательно были: канатчик Евкрат, торговец овцами Лисикл, сын владельца кожевенной мастерской Клеон, торговец лампами Гипербол, торговец лирами Клефонт и т. д., — «канатопродавец», «овцепродавец», «колбасопродавец», «лампопродавец», «лиропродавец», одним словом, как острит Аристофан, целая династия «продавцов», в подавляющем большинстве незнатного происхождения, часто даже с большой примесью неафинской крови.

Вожди враждебной им «партии города» по большей части происходили из знати, но были не в меньшей мере «деловыми людьми»: они были (если можно исходить из скудных свидетельств) не «продавцами», а «ростовщиками». Уже олигархический противник Перикла Фукидид из Алопеки, как мы говорили выше, был крупным ростовщиком, причем любопытно, что жертвами его эксплуатации были афинские союзники — эгинцы, которых он, по сообщению анонимного биографа, окончательно разорил. Люди этого же круга возглавили теперь и новую партию «города». Никий, главный противник Клеона, владел 100 талантами (около 300 000 золотых рублей), большей частью в наличных деньгах, и 1000 рабами; он занимался ростовщичеством и отдачей рабов в аренду в рудники. Большим поклонником Никия был историк Фукидид, считавший, что из всех эллинов его времени «Никий менее всех заслуживал казни, ибо во всем своем поведении следовал установленным принципам благородства». К конституции 411 г., отменившей вознаграждение за исполнение государственных должностей и ограничившей круг полноправных граждан лицами, владеющими тяжелым вооружением, т. е. осуществившей чаяния этой партии, Фукидид относится с большим энтузиазмом, заявляя, что это «наилучший государственный строй — на его, по крайней мере, памяти» (VIII, 97). Значит и Фукидида мы вправе причислить к этой же группе, а нам известно, что и он, как и Никий, был очень богатым человеком (анег рачуs, «толстосум», как его называет Аристофан), и владел, как и Никий, участками в рудниках. В этих случаях владелец не был организатором рудничного предприятия — это была чисто финансовая операция, состоявшая в отдаче в наем рабов. Итак, занятия руководителей «партии города», поскольку они нам

известны, состояли прежде и чаще всего в ростовщичестве и сдаче рабов в аренду; наряду с этим они, как аристократы, владели земельными участками.

Радикализм богатых вождей пирейской партии во внутренней политике объясняется скорее всего тем, что их потери на налогах, обложениях и т. д. с лихвой возмещались той выгодой, которую доставляли им внешняя политика их партии и возможность соответственно увеличению обложения повышать цены на производимые и продаваемые ими товары. Они были в основном оптовиками и сбывали свой товар мелким рыночным торговцам, преимущественно метэкам, негражданам. Все возмущение населения дороговизной и спекуляцией товарами им удавалось искусно направлять на этих несчастных лавочников, как мы видим из речи Лисия «О хлебных торговцах». Если земельное имущество, богатые жилища, одежда и драгоценности аристократов вследствие их широкого образа жизни были легко учитываемы — это было «явное имущество» (*ousia rhanera*), и его легко было соответственно обложить, то вожди пирейской партии, выходцы из низов, привыкли жить скромно, их деньги лежали в значительной мере в заморской торговле и вообще в товарах, являясь «неявным имуществом» (*ousia arhanes*), которое учесть было труднее; поэтому политика государственного кормления демоса затрагивала их карманы в меньшей мере, чем карманы их политических противников.

Таким же образом можно объяснить и разницу в отношении руководства той или другой партии к союзникам. Запрещение ввоза хлеба и ряда других товаров куда бы то ни было, кроме Афин, торговые пошлины, обязанность союзников являться по ряду дел в Афины и т. д. были, конечно, в высшей степени выгодны афинским торговцам и ремесленникам, так как ставили их в более выгодные условия, чем их конкурентов в союзных городах. Им же был выгоден и форос, между прочим, и потому, что, как справедливо замечал Аристофан, только часть его шла на кормление народа, а немалая доля попадала и в карманы вождей демократической «партии Пирея», стоявшей в это время у власти. Вожди «партии города» не были заинтересованы во всех этих мероприятиях и поэтому могли без вреда для своего кармана в демагогических целях агитировать против этих мер.

Но отсюда не следует, что они были врагами эксплуатации союзников вообще. Фукидид, будучи чрезвычайно добросовестным и точным историком, сохранил нам замечательные слова одного из вождей крайних олигархов Фриниха (VIII, 48, 6) «Союзники уверены, что так называемые *kaloi k'agathoi* (олигархи) доставят им не менее неприятностей, чем демократы, так как они советуют народу и приводят в исполнение те суровые меры, из которых они, главным образом, извлекают пользу для себя. Быть под властью таких людей значило бы для

союзников подвергаться без суда казням и насилиям, тогда как демократия служит прибежищем для них и уздой для олигархов. Он, Фриних, наверное знает, что (союзные) государства, наученные самим опытом, думают именно таким образом». Фукидид не стал бы, конечно, вкладывать эти слова в уста вождя олигархов, если бы дело действительно не обстояло так. Олигархи также были заинтересованы в выжимании соков из союзных городов, но другими путями. Каковы были эти пути, видно из устава II Афинского морского союза, ставившего своей специальной целью устранить несправедливости по отношению к союзникам, имевшие место в первом союзе. Кроме запрещения взимать форос, высылать гарнизоны и клерухии, вмешиваться во внутренние дела союзников и т. д., здесь специально оговорено, что в союзных городах афиняне не могут ни покупать недвижимость, ни давать деньги под залог недвижимости. Наоборот, в договоре с Халкидой, заключенном в 446 г., специально оговаривается, что халкидяне не могут облагать налогами тех, кто платит налоги в Афины или освобожден от них в Афинах, т. е. афинян и метэков, переселившихся из Афин. Если сопоставить с этим приведенное выше сообщение о ростовщических операциях Фукидида из Алопеки, то можно, по-видимому, прийти к выводу, что люди этой группы эксплуатировали союзников преимущественно тем же способом, каким впоследствии римские сенаторы провинциалов, т. е. путем ростовщичества, путем отдачи в рост денег под залог имущества, пользуясь тем, что суды были в их руках; при этом либо они сами переселялись на время в союзные города, либо действовали через своих клиентов — метэков. Вполне возможно, что радикальная демократия именно в целях борьбы с этими злоупотреблениями запрещала (например при выводе клерухий в Митилену в 427—426 г.) принимать участие в клерухии богатым гражданам; если бы эта мера объяснялась просто стремлением уменьшить конкуренцию для граждан-бедняков, то непонятно было бы, почему в клерухии могли принимать участие метэки, но не могли пентакосиомедимны и всадники.¹⁸

Таковы были «партии», боровшиеся после смерти Перикла в Афинах. Вернемся к положению на полях сражения в это время.

5. ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ. ПИЛОССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Осада Платей. Восстание в Митилене на Лесбосе

В год смерти Перикла, в 429 г., спартанцы не вторглись в Аттику из страха перед свирепствовавшей там чумой. Вместо

¹⁸ См мою статью «Эксплуатация афинских союзников» (Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 13—27).

этого войско Архидама было использовано для похода на Платей, открыто ставшие на сторону Афин в 431 г. Платейцы в награду за их заслуги в борьбе с персами и за разорение, которому подверглась их территория в 479 г., находились в особом положении: их территория была объявлена священной и неприкосновенной. Но, по мнению спартанцев, они сами лишили себя этих привилегий, нарушив строгий нейтралитет и став на сторону Афин. Платейцам было предложено расторгнуть союз с Афинами; в качестве меры, гарантирующей их нейтралитет, им было предложено «временное» занятие Спартой в залог их территории до конца войны. После того как афиняне гарантировали платейцам энергичную поддержку, они отвергли предложение Спарты. Вслед за этим, летом 429 г., спартанцы вместе с фиванцами приступили к осаде Платей. Афиняне, принужденные ограничиться морскими операциями, существенной поддержки оказать платейцам не могли.

В 428 г. по наущению спартанцев от Афин отпала Митилена на Лесбосе. Обещанной митиленцам помощи Спарта, однако, не прислала. Руководителями восстания в Митилене были аристократы, но и роль демократической партии была двойственной. С одной стороны, по свидетельству Фукидида, демократическая партия не участвовала в восстании и, получив в конце осады Митилены оружие, передала афинянам город; с другой стороны, митиленским демократам Клеон ставил в вину то, что они не перешли на сторону афинян, а «сочли для себя более надежным разделить опасность с аристократами и поэтому отложились». Свет на это противоречие проливает сообщение Фукидида о сдаче Митилены.

После годичной осады правительство Митилены решило для успешной вылазки вооружить тяжелыми доспехами беднейших граждан, служивших до этого времени, из-за недостатка средств на покупку оружия, легковооруженными. Получив вооружение, митиленцы перестали слушаться должностных лиц и, собираясь на сходки, решили: или богатые должны открыть свои запасы хлеба и разделить их между всеми гражданами, или же они одни вступят в соглашение с афинянами. Таким образом, можно думать, что вожаки демократической партии, богатые люди, увлекались мечтой о полной независимости их города, о самостоятельной роли Митилены в эгейской торговле; они шли заодно с аристократией, ведя за собой и широкие народные массы. Но когда измученные голодом и осадой народные массы получили оружие, они потребовали либо передачи им всего хлеба, либо сдачи города афинянам. Богачи предпочли сдаться на милость афинянам, лишь бы не делить хлеб с беднотой; очевидно они рассчитывали сохранить свое влияние и при афинянах. После сдачи Митилены в афинском народном собрании был поставлен вопрос, как поступить с митиленцами. Клеон требовал, чтобы для устрашения осталь-

ных союзников все взрослые мужчины в Митилене были казнены, а женщины и дети проданы в рабство. Несмотря на протесты более умеренных общественных деятелей, такое решение было принято, и афинский корабль повез этот приговор в Митилену. Однако на следующий же день афиняне передумали и постановили казнить только (!) тысячу активных участников восстания. Была послана в Митилену вторая триера, которой удалось прибыть в последнюю минуту перед казнью. В результате всего происшедшего Митилена лишилась независимости и принуждена была платить форос; у митиленцев была отнята часть земли и распределена между афинскими клерухами.

В том же 427 г. платейцы были доведены голодом до крайности; ста двадцати храбрецам удалось бежать через вражеские укрепления в Афины, остальным пришлось сдаться. Сдавшиеся были казнены.

События на севере Греции, в Малой Азии и Сицилии

В 426 г. в Спарте произошло землетрясение, и вторжение пелопоннесской армии в Аттику не состоялось. Взамен этого спартанцы попытались укрепить свое влияние на севере Греции и основали колонию Гераклею (Трахинскую) у подножия горной цепи, спускавшейся около Фермопильского прохода к морю. Эта колония должна была состоять из 10 000 боеспособных граждан. Организация колонии была освящена авторитетом дельфийского оракула, ставшего с начала Пелопоннесской войны, как мы видели, всецело на сторону Спарты. Если при основании афинянами колонии Фурии в Италии оракул дал благословение на участие в колонии выходцев из всех эллинских племен, то на этот раз оракул забыл о панэллинизме и разрешил принять участие в колонизации всем грекам, кроме «ионян и ахейцев», т. е. кроме афинян и фтиотийских ахейцев, жителей южнофессалийской области. Основание этой колонии было военным мероприятием, направленным именно против афинян и фтиотийских ахейцев: имелось в виду отрезать Афины от Евбеи, их главного источника хлебного снабжения, и включить в сферу влияния Спарты ахейцев и другие фессалийские племена, в силу вековой традиции сочувствовавшие Афинам и находившиеся в сфере их влияния. Однако этот план не удался: ахейцы, энианы, долопы и другие племена, раздраженные вторжением спартанцев в их область и захватом части их территории, совершали удачные набеги на Гераклею, и колония влачила жалкое существование.

В том же 426 г. афинянам удалось отвоевать себе город Нотий в Ионии, служивший гаванью Колофона, входившего в состав Афинского морского союза и отпавшего незадолго перед тем к персам при содействии враждебной Афинам партии.

Спартанцы все время отправляли послов к персидскому царю Артаксерксу. Но царь, по словам Фукидида (IV, 50), «не понимал, чего хотят лакедемоняне, так как каждый из множества являвшихся к нему послов говорил то то, то другое», и требовал, чтобы спартанцы «сказали что-нибудь определенное». По-видимому, царь требовал, чтобы спартанцы открыто признали его власть над малоазийскими греками, спартанцы же не решались прямо пойти на это, рискуя потерять популярность среди афинских союзников; такое признание стояло бы в явном противоречии с выдвинутым Спартой лозунгом «свободы всех эллинов».

В Сицилии дела афинян шли удачно. Сиракузы и прочие дорийские города Сицилии уже с начала войны вступили в Пелопоннесский союз и начали теснить ионийских жителей Леонтин и Регия, вступивших в начале войны в оборонительный союз с Афинами. В 427 г. в Афины прибыла делегация из Леонтин с просьбой о помощи; одним из членов этой делегации был знаменитый софист Горгий. Афиняне послали на помощь леонтинцам эскадру в 20 кораблей; этого было достаточно для того, чтобы покушения сиракузян на ионийские города прекратились. Впрочем, как справедливо замечает Фукидид (III, 86, 4), оказание помощи леонтинцам было только предлогом; действительной целью было «воспрепятствовать доставке хлеба из Сицилии в Пелопоннес, а также сделать рекогносцировку, нельзя ли будет подчинить себе Сицилию».

Первые переговоры о мире. События на Керкире

Уже пять лет тянулась война. Афиняне оставались по существу победителями; наоборот, спартанцы, поставившие целью разрушить Афинский морской союз и сблизиться с персидским царем, терпели неудачу. Вдобавок, при отсутствии денег в казне пелопоннесских государств и при чрезвычайной громоздкости аппарата Пелопоннесского союза, продолжение войны становилось для Спарты все более и более трудным, а постоянное отсутствие спартиатов увеличивало опасность восстания илотов. Действительно, среди них началось брожение. Все это было причиной того, что в 426 г. в Спарте взяла верх партия мира: царь Плистоанакт, представитель дома Агиадов, сочувствовавшего афинянам, получил разрешение вернуться из изгнания. Его прибытие ознаменовалось отпущением на волю части илотов и образованием из них особой группы неполноправных граждан, неодамонов; таким образом, теперь впервые была осуществлена часть программы группы, руководимой Агиадами, — программы, выдвигавшейся уже регентом Павсанием. Начаты были переговоры о мире. Но спартанцы при этом ставили условием возвращение Эгины ее прежним жителям. Каковы были остальные требования спартанцев, мы не

знаем; во всяком случае мирные переговоры ни к чему не привели.

Тем временем внутренняя борьба в греческих полисах становилась все более ожесточенной. Особенно длительную и тяжелую форму приняла борьба между демократами и аристократами на острове Керкире. То, что афиняне в 434 г. поддержали олигархов в Керкире и Эпидамне, было тактическим шагом, направленным своим острием против Коринфа. Упрочившись в Керкире, афиняне, разумеется, стали поддерживать здесь родственную им демократию. Ввиду большого торгового значения Керкиры Спарта и Коринф не упустили случая использовать эту борьбу партий в Керкире в своих целях. И афиняне и пелопоннесцы послали к острову свои суда. После ряда перипетий, сопровождавшихся избиениями беззащитных людей, афинянам удалось окончательно утвердить на Керкире господство демократической партии (олигархи были перебиты) и обеспечить присоединение Керкиры к Афинскому морскому союзу. Любопытно, что ожесточение борьбы дошло до того, что обе стороны — и демократы и олигархи — через глашатаев призывали в свои войска рабов, обещая им свободу; большая часть этих рабов примкнула, однако, к демократам. В связи с подробным изложением партийной борьбы на Керкире Фукидид (III, 82 сл.) дал в характерной для него психологической манере анализ того влияния, какое война оказывала на огрубение человеческих нравов:

«Вследствие междуусобиц нравственная порча во всевозможных видах водворилась среди греков, и то простодушие, которое более всего присуще благородству, подверглось осмеянию и исчезло; наоборот, широко возобладало неприязненное, полное недоверия отношение друг к другу... Так как все полагали свое превосходство не столько в прочности взаимного доверия, сколько в расчетливом способе действия, то заранее обращали внимание не на то, можно ли довериться другому, а на то, как бы не попасть в беду. Перевес бывал обыкновенно на стороне людей не особенно дальнего ума: сознавая свою недалекость и чувствуя пронизательность со стороны противников, они опасались, как бы не оказаться менее искусными в способности логически рассуждать, как бы другая сторона, при своей изворотливости, не предупредила их своими кознями. Поэтому они приступали к делу решительно. Напротив, люди, отличающиеся самомнением, воображали, что предусмотрено все, что нет нужды употреблять силу там, где можно достигнуть цели изворотливостью; поэтому такие люди не принимали мер предосторожности и гибли в большом количестве».

Захват афинянами Пилоса и Сфактерии и другие успехи

В 425 г. в ходе войны наметился некоторый сдвиг. Афинский стратег Демосфен решил использовать волнения, происхо-

дившие среди илотов, и построил на этом свой план действий, представлявший развитие замыслов Перикла. Он уговорил стратегов, стоявших во главе флота, отправившегося вокруг Пелопоннеса на Керкиру и в Сицилию, захватить город Пилос на берегу Мессении (на северном выступе нынешней Наваринской бухты), откуда легко можно было поднимать восстания мессенских илотов. Видя серьезность создавшегося положения, спартанцы направили большие силы против Пилоса — как флот, так и сухопутную армию. Отряд в 420 гоплитов, в том числе 180 спартиатов, захватил Сфакторию, — остров, лежащий против Пилоса. Афинянам удалось разбить спартанцев на море; отряд, бывший на Сфактории, не успел переправиться на берег и был осажден афинянами. Количество спартиатов в это время (ввиду того, что разорившиеся спартиаты вышли из числа полноправных граждан) было вообще невелико; убыль в 180 спартиатов была поэтому очень ощутимой. Спартанцы отправили послов в Афины, предлагая заключить мир на условиях *status quo ante bellum*¹⁹ и сверх того — договор о союзе и дружбе, но стоявшая у власти в Афинах «партия Пирея» с Клеоном во главе предъявила Спарте столь тяжелые требования, что переговоры были прерваны.

Между тем осада Сфактории затянулась. Несмотря на блокаду, спартамцам удавалось все-таки переправлять на остров съестные припасы, и поэтому осажденных нельзя было взять измором. Идти же приступом Демосфен не решался. Таково было официальное объяснение того, что блокада затягивалась, но радикальные демократы в Афинах, по-видимому, обвиняли Демосфена в том, что он смотрит сквозь пальцы на провоз продуктов и вследствие недостаточной демократичности не желает вести войну с необходимой энергией, а его единомышленников в Афинах — в том, что они не оказывают войску, стоящему под Пилосом, достаточной поддержки.

Когда Клеон в народном собрании выступил с такими обвинениями, Никий предложил самому Клеону взять на себя руководство осадой Сфактории, если он умеет лучше воевать, чем Демосфен. Это могло звучать насмешкой, так как Клеон, сын кожевника, не был, конечно, специалистом в военном деле. Фукидид рисует всю эту сцену в чрезвычайно комических тонах; однако у того, кто прочтет пилосский эпизод у Фукидида до конца, не сложится впечатление, что Клеон был трусом и хвастуном. После недолгих колебаний Клеон принял предложение Никия и отправился в Пелопоннес. Получив подкрепление, привезенное Клеоном, и, вероятно, под давлением последнего, Демосфен вынужден был перейти к более энергичным действиям. После того, как сгорел лес, служивший защитой спартамцам, осада стала делом более легким. Афиняне выса-

дили на остров десант. Лакедемоняне, окруженные преобладающим по численности врагом, сдались на милость победителя (осенью 425 г.). Их осталось всего лишь 292 человека, в том числе 120 спартиатов. Их перевезли в Афины и держали под арестом в тяжелых условиях, чтобы заставить спартанцев поскорее заключить мир. В то же время спартанцы были предупреждены, что если они снова вторгнутся в Аттику, пленные будут казнены. Действительно, вторжения спартанцев в Аттику с этого времени прекратились, и война приняла иной характер.

Таким образом, Клеон на деле доказал, что энергичная и последовательная политика в духе представляемой им радикальной демократии может привести к блестящим результатам. Афиняне решили и впредь энергично вести наступательную войну.

Внешней политике соответствовала и внутренняя. Собранный при Перикле денежный запасный фонд был израсходован. Уже во время лесбосской экспедиции пришлось прибегнуть к чрезвычайной и не пользовавшейся популярностью среди зажиточных афинян мере — повышению платимого этими гражданами налога с имущества (так называемая *эйсфора*); одна осада Потидеи обошлась в 2000 талантов. По предложению Клеона был почти удвоен форос, платимый в это время членами Афинского морского союза по раскладке: вместо 600 стало взиматься более чем 1400 талантов.²⁰ Разумеется, в основном это повышение соответствовало обычному в военное время падению ценности денег; тем не менее эта мера вызвала неудовольствие союзников.

Зато среди афинской бедноты деятельность Клеона пользовалась большой популярностью: он провел увеличение диеэ для гелиастов с двух до трех оболлов. Это привело к тому, что политический антагонизм между зажиточными гражданами и беднотой стал еще глубже. Зажиточные группы (прежде всего крестьянство) вступают теперь в тесный союз с аристократией.

Памятником этого союза и явилась написанная в 424 г. комедия Аристофана «Всадники». Здесь мы читаем и о «пилосском пироге», вырванном из-под носа у искусного повара Демосфена и поднесенном Клеоном народу от своего имени, и о процессах, штрафах и обложениях, которые Клеон обрушивает на богатых людей, и о притеснении богатых людей в союзных городах, и о кормлении народных масс.

Получив новые средства, Клеон продолжал наступательную войну. В 424 г. Никий захватил Мефану в Арголиде, остров Киферу близ Лаконики, славившуюся ловлей пурпуровых улиток и к тому же служившую главной стоянкой спартанского флота, а Демосфен — гавань Мегар Нисею, вследствие чего он совершенно отрезал Мегары от Эгейского моря.

²⁰ Надпись со ставками новой раскладки до нас дошла (Tod, Greek Historical Inscriptions. Vol. I. N 66).

Мир 423 г. с Персией

Другой большой удачей политики Клеона было заключение прочного мира с Персией (423 г.). Поддержка афинянами восстания перса Зопира, поддержка персидским сатрапом Писсуфом восстания против Афин на Самосе, отпадение к персам Кавна и Нотия, принадлежавших к Афинскому союзу, — все это хотя и не было прямым нарушением договора 447 г., но во всяком случае свидетельствовало о натянутых отношениях. Уже с 431 г. афиняне пытались избавиться от опасности возникновения второго фронта, наладив отношения с царем. Переговоры велись и через случайно попавшего к афинянам (взятого в плен на спартанском судне) перса Артаферна, и через специальное посольство, отправленное в 427—426 г. во главе с Морихом в далекие Экбатаны. Наконец, в 423 г. эти старания увенчались успехом, и с персидским царем был заключен мир на «вечное время».

6. НОВЫЕ НЕУДАЧИ АФИН

Экспедиция афинян в Сицилию и война в Беотии

Однако тот же 424 г. принес Афинам две большие неудачи. Под предлогом оказания помощи ионийским городам Сицилии афиняне решили приступить к осуществлению своего давнишнего плана — завоевания острова.

Как мы узнаем из комедии Аристофана «Всадники», в Афинах шла энергичная пропаганда за присоединение к Афинской державе не только Сицилии, но даже Карфагена. У берегов Сицилии, кроме тех 20 кораблей, которые находились там с 427 г., появилась новая афинская эскадра в 40 кораблей, посланная к союзным с Афинами Леонтинам будто бы на помощь против Сиракуз, стоявших на стороне Спарты и стремившихся к овладению всем островом. Прибытие афинской эскадры не могло не навести афинских союзников в Сицилии на подозрение об истинной цели эскадры, гораздо более многочисленной, чем нужно было для их защиты. Вдобавок и внутренние события заставили сиракузян, руководимых стратегом Гермократом, стать более уступчивыми по отношению к своим противникам в Сицилии. В Сиракузах восстали рабы. Только путем обмана удалось ликвидировать это восстание и заставить рабов вернуться к своим господам; лишь тремстам из них удалось бежать на суда стоявшей в Сицилии афинской эскадры. Гермократу при таких условиях пришлось пойти на соглашение с Леонтинами и прочими ионийскими городами в Сицилии. В результате в том же 424 г. жители различных городов Сицилии — как дорийских, так и ионийских — собрались на конгресс в Геле, заключили между собой общий мир и предло-

жили афинянам присоединиться к нему. Афинянам ничего не оставалось, как вернуться на родину.

Такая же неудача постигла афинян и при попытке расширить свое влияние в Беотии. Столкновения с беотийцами снова усилились с 426 г. Сначала они протекали для афинян удачно. Вступив в тесные сношения с беотийскими демократами, афиняне решили теперь вторгнуться в Беотию и захватить там важный стратегический пункт Делий (на границе с Аттикой), чтобы отсюда оказывать помощь демократическому движению в Беотии. Но план этот не удался, так как беотийцы были своевременно предупреждены о нем и приняли соответствующие меры. Афиняне вторглись в Беотию в 424 г., но демократического восстания здесь не произошло. Афинскому полководцу Гиппократу удалось, правда, захватить Делий, но близ города он встретился с беотийским ополчением, был разбит наголову и потерял 1000 человек. После этого и афинский гарнизон в Делий был принужден сдать, в беотийских же городах была учинена жестокая расправа с демократами.

Военные действия во Фракии

Все это подняло дух спартанцев. Ввиду отказа афинян от всяких переговоров, они решили также перейти к энергичным действиям. Противником Клеона в Спарте оказался талантливый полководец Брасид, бывший в начале войны эфором. Если афиняне решили поразить спартанцев в самое чувствительное место, захватив Пилос в Мессении, то и Брасид решил действовать против афинян тоже в их слабом месте, во Фракии.

Задача была нелегкой: для того чтобы проникнуть сухим путем во Фракию, спартанцам необходимо было пройти через Фессалию, в которой народные массы сочувствовали афинянам; что же касается южной Фессалии, так называемой ахейской Фтиотиды, то она вообще находилась под афинским влиянием. Но как мы говорили уже выше, в этой области уже в 426 г. была основана спартанская крепость Гераклея Трахинская со спартанским гарнизоном. Пройдя через дружественные спартанцам Беотию и Локриду, Брасид пробился в Гераклею, а уже отсюда, отчасти благодаря ловкой дипломатии, отчасти благодаря быстроте передвижения, смог, несмотря на протесты фессалийских должностных лиц, пройти во Фракию прежде, чем фессалийцы организовали отпор. К тому же в Фессалии большую роль играла крупная землевладельческая знать, сочувствовавшая Спарте.

Греческое население фракийского побережья было очень зажиточным. Здесь ведущей группой были торговцы хлебом и лесом, владельцы серебряных и золотых рудников. Поэтому они только по принуждению вошли в Афинский союз и всегда рады были от него отложиться; что же касается живших на

материке Фракии халкидцев и боттиэев, то они всегда были враждебны афинянам, в Афинский союз не входили, а в 432 г. поддержали восставших потидейцев. И теперь они явились главной опорой Брасида.

Среди владельцев золотых россыпей здесь немалую роль играли и богатые афиняне. Вспомним, что роды Писистратидов и Филаидов имели давние торговые связи во Фракии: Писистрат в свое время жил у Пангейских серебряных рудников и чеканил здесь монету, Филаиды (Мильтиад Старший, Мильтиад Младший и Кимон) были тиранами во фракийском Херсонесе и в течение ряда поколений роднились с фракийскими царями. Они владели золотыми россыпями (или правом на их разработку) в ряде поколений, и их потомок, историк Фукидид, унаследовал эти россыпи от них. Афинянин Фукидид сохранил личные и торговые связи с фракийскими дельцами и продолжал пользоваться большим влиянием на побережье Фракии.

Пройдя через Фессалию, Брасид появился на побережье Халкидики и повел здесь демагогическую политику: на первых порах никого не казнил и не изгонял, не производил насильственных переворотов, заявляя, что пришел для того, чтобы освободить греческие города от афинского ига. К тому же он прибыл на Халкидику как раз во время сбора винограда и жители не хотели лишиться богатого урожая. К этому надо еще прибавить замечательный военный талант Брасида. Он впервые применил наряду с гоплитами заимствованный у фракийцев род войска — пельтастов — вооруженных легкими доспехами, длинными копьями и метательными дротиками. Поэтому ряд союзных с Афинами городов — Аканф, Стагира и другие — перешли на сторону Брасида. В это время умер фракийский царь Ситалк, бывший в союзе с Афинами, но его престол занял не Садок, имевший права афинского гражданства, а Севф — враг афинян; македонский царь Пердикка также перешел на сторону Спарты. Афиняне спешно отправили во Фракию войско под руководством двух стратегов, одним из которых был историк Фукидид, посланный во Фракию в расчете на то, что он достигнет многого благодаря своему влиянию во Фракии.

Центром афинской колониальной области во Фракии стал основанный в 437 г. город Амфиполь; сюда и прибыл Фукидид со своими семью кораблями. В то время, когда Брасид подходил к Амфиполю, Фукидид случайно был в отлучке: он находился на острове Фасосе, в 25 км от Амфиполя. Прежде чем Фукидид успел вернуться в Амфиполь, город сдался Брасиду; Фукидиду удалось отстоять лишь соседний город Эйон. Так излагает дело сам Фукидид, который, судя по его рассказу, сделал все, от него зависящее. Афиняне, однако, смотрели на это дело иначе: они считали, что богатство Фукидида и его связи с местными аристократами и были

как раз причиной того, что он не пожелал проявить достаточной энергии в борьбе с Брасидом. Говоря о «толстосуме, продавшем Фракию», Аристофан (в «Осах», поставленных в 422 г.), очевидно, имеет в виду Фукидида. Афиняне обвинили Фукидида в измене и приговорили к пожизненному изгнанию, и даже амнистия 403 г., возвратившая назад всех политических эмигрантов, не коснулась Фукидида (он вернулся лишь около 400 г. по особому постановлению народного собрания).

Смерть Клеона и Брасида

Агитация Брасида за освобождение фракийских городов от афинской власти имела успех, и вслед за Амфиполем от Афин отложилось во Фракии еще несколько городов. Эти неудачи сделали афинян сговорчивее; с другой стороны, 120 спартиатов, томившихся в афинском плену, побуждали и спартанцев стремиться к миру. Весной 423 г. в Афинах у власти стала партия «городского центра», возглавляемая Никием, и было заключено перемирие на один год, но Брасид не желал считаться с тем, что постановили власти в Спарте, и продолжал агитацию среди городов Халкидики. В результате от Афин отложилось два крупных города — Менда и Скиона, поддержанные Брасидом. Афиняне справедливо увидели в этом нарушение перемирия. Им удалось путем дипломатических переговоров улучшить свое положение на Халкидике, склонив на свою сторону македонского царя Пердикку, заключившего с Афинами мир и дружбу, и часть фессалийцев: Менда и Скиона были снова покорены афинянами. В Афинах снова стала руководить делами военная партия: Клеон, избранный на 422/421 г. стратегом, во главе гражданского ополчения отправился к Амфиполю. В 422 г. в битве под Амфиполем, окончившейся неудачно для афинян, пали оба полководца, и Клеон и Брасид; по словам Аристофана, «погибли пестик и ступка, при помощи которых толкли Элладу».²¹

²¹ Представить себе истинную картину этого боя очень трудно, так как Фукидид (V, 7—12), как и во всех местах его труда, касающихся Клеона, пишет здесь в крайне раздраженном и пристрастном тоне; здесь он даже со злобой вспоминает о блестящем деле Клеона — взятии Сфактерии («способ действий Клеона был здесь тот же, что и под Пиросом, где, благодаря случайной удаче, он уверовал в свой ум»). Он обвиняет Клеона в невежестве, трусости, попытке бежать от своего войска, — об этом Фукидиду вряд ли могло быть известно. Численность войска обеих сторон была приблизительно равной (около 3500 человек с каждой стороны). Опытному полководцу Брасиду удалось искусным маневром — неожиданной вылазкой из крепости — внести расстройство в ряды противника, но Клеон ответил на это правильным военным приемом — поворотом левого крыла (Фукидид неохотно признает это; V, 10, 3: «Это только и было возможно»). Несмотря на неожиданность вылазки Брасида и смерть Клеона, афинские войска отражали неоднократные атаки противника и были побеждены лишь благодаря тому, что в войске Брасида была конница и стрелки фракийцев и фракий-

7. НИКИЕВ МИР

Несмотря на удачу под Амфиполем, спартанцы не могли рассчитывать на дальнейшие успехи, тем более, что некоторые их союзники в Пелопоннесе, в том числе коринфяне, были недовольны затянувшейся войной, а срок 30-летнего мира с Аргосом истек. Вскоре после этого начались переговоры о мире. И в Афинах и в Спарте верх взяла партия мира, хотя в Афинах «партия Пирея», во главе которой стоял тогда Гипербол, была все еще против заключения мира. Никий, ставший тогда во главе афинского правительства, отправился в Спарту, где у власти стоял дружественный Афинам царь Плистоанакт. Здесь весной 421 г. был заключен мир на 50 лет, получивший название Никиева мира.

Мир был заключен на условиях *status quo ante bellum*. Афиняне должны были отказаться от всех завоеваний в Пелопоннесе, т. е. от Пилоса, Киферы, Мефаны, а также от Аталанты, спартанцы возвращали афинянам Амфиполь. Фиванцы сохраняли за собой Платеи, но в виде возмещения афиняне получали разрешение удерживать в своих руках мегарскую гавань Нисею. Положение на Халкидике и во Фракии было урегулировано специальным соглашением: города этих областей сохраняли автономию во внутренних делах и должны были платить афинянам форо́с в размерах, установленных некогда Аристидом. Одним из условий Никиева мира был обмен пленными: афиняне должны были выдать спартиатов, взятых на Сфактерии. Важным пунктом мирного договора было обязательство афинян оказывать спартанцам помощь в случае восстания илотов.

Архидамова война, тянувшаяся 10 лет, окончилась по существу победой Афин. Спарте не удалось достигнуть своих целей. В самом деле, спартанцы выставили своим лозунгом «освобождение эллинов», т. е. уничтожение Афинского морского союза, но Афинский союз остался в неприкосновенности. Афинянам, правда, не удалось осуществить вождедений «партии Пирея», стремившейся завоевать Италию, Сицилию и даже Карфаген. Но задачи, поставленные Периклом — сохранение Афинского морского союза и признание противниками Афин этого союза, а также мир с Персией, — не только были осуществлены вполне, но афиняне приобрели еще Нисею, гавань Мегар.

ских греков, а у афинян их не было; иными словами, спартанцы здесь победили по той же причине, которая решила их поражение в бою на острове Сфактерии.

Данное Фукидидом (V, 4) описание искусного захвата Тороны Клеоном уже само по себе показывает, что, несмотря на презрительную оценку Фукидида, Клеон был незаурядным полководцем.

8. ТЕАТР

Еврипид

Бурная эпоха Пелопонесской войны, ломка старых общественных отношений, появление новых, радикальных течений в общественной мысли, — все это нашло отражение в творчестве третьего знаменитого греческого драматурга — Еврипида.

Еврипид родился по преданию в 480 г., умер в 406 г., тогда же, когда и Софокл. Еврипид — человек нового направления, знакомый со всей новейшей философией — как натурфилософией, так и софистикой; он живо интересовался философскими проблемами и непосредственно отзывался на волнующие вопросы текущей жизни. Хотя Еврипид был связан формой древней трагедии, он сумел вложить в уста мифологических героев те мысли, которые волновали афинян его дней. Радикальные новые теории (атеизм, условность общепринятой морали и т. п.), которые обсуждались на афинских площадях и улицах, выносились Еврипидом на сцену и вкладывались им в уста действующих лиц. Но, как правило, всегда оказывалось, что эти вольнодумцы в конце концов были посрамлены и торжествовала старомодная добродетель.

Тем не менее Еврипида считали очень вредным писателем. Аристофан видел в нем опасного новатора потому, что Еврипид знакомил зрителя со взглядами представителей радикальной философии и софистики, и так как он старался обе точки зрения — и радикальную и консервативную — обосновать как можно логичнее, то часто в уста безбожников он вкладывал очень убедительные доводы. Поэтому творчество Еврипида — один из источников для восстановления учений древних философов.

Сам Еврипид был человеком простого происхождения. Его отец, если верить его врагам, происходил из Беотии и настолько обеднел, что был выставлен на площади, как обанкротившийся должник. Мать поэта якобы торговала овощами на рынке; это дало Аристофану повод к многочисленным насмешкам над Еврипидом. Тем не менее сам Еврипид прошел хорошую школу и вращался в аристократических кругах; может быть, в этом причина того, что его мировоззрение носило половинчатый характер.

Еврипид был, в основном, идеологом умеренной демократии, опиравшейся на зажиточные слои городского населения. Он был все же значительно радикальнее Софокла. В противовес радикальной демократии он идеализировал мелкого крестьянина, который работает своими руками без помощи наемной силы и рабов. Такие крестьяне уже исчезли во времена Еврипида; это был чисто идеальный тип, который Еврипид прослав-

ляет, думая таким путем привить народу любовь к афинской старине.

Интересно отношение Еврипида к религии. В пьесе «Беллерофонт» (дошедшей до нас только в отрывках) Беллерофонт говорит:

**На небе боги есть... Так говорят!
Нет! Нет! Их нет! У кого крупица
Хотя бы есть ума, не станет верить
Сказаньям старым. Чтоб моих вам слов
Не принимать на веру, докажу вам.
Тиран людей без счета убивает
И грабит их добро; клятвопреступник
Подчас опустошает целый город,
Злодействуя,— и все ж живет счастливо...
Богобоязненных, но очень слабых
Немало мне известно государств:
Они дрожат, подавленные силой
Других держав — могучих, но безбожных.**

Беллерофонт решает сесть на Пегаса, крылатого коня, и полететь на небо, чтоб посмотреть, существуют ли те боги, о которых рассказывают предания. Для этого он летит на небо, но падает с высоты и разбивается. Перед смертью он признает, что боги существуют.

В трагедиях Еврипида впервые был высказан знаменитый принцип, который проник в основы раннехристианской проповеди: «не согрешись — не покаешься».

«Чистые» герои, не совершающие ошибок и прегрешений, чужды Еврипиду. Таков смысл трагедии «Гипполит», поставленной в 428 г.

Гипполит — сын афинского царя Тезея, женившегося на молодой прекрасной девушке Федре. Гипполит поклоняется богине-девственнице Артемиде, исповедует орфико-пифагорейское учение, носит белые, незапятнанные одежды. Федра, увидев Гипполита, влюбляется в него; няня Федры рассказывает ему о любви своей хозяйки. Гипполит с негодованием отвергает любовь мачехи.

Тайна Федры раскрыта, и честь заставляет ее покончить самоубийством. Чтобы отомстить гордому юноше, она пишет записку, что Гипполит пытался ее обесчестить и потому она кончает самоубийством. Тезей проклинает сына, Гипполит погибает, но тут является Артемиде и сообщает Тезею истину.

Еврипид не на стороне Гипполита. Он порицает тех, кто хочет оставаться чистым, и устами кормилицы заявляет, что тот, кто не хочет знать искушения, — недостойный гордец.

Ряд ученых держался того взгляда, что развязка пьес Еврипида была продиктована ему античной цензурой, что он сам якобы сочувствовал тем крайним течениям, о которых говорится в его пьесах, и что Аристофан не без основания поносил его.

Этот подход неверен. Если внимательно изучить творчество Еврипида, то видно, что крайние взгляды вложены им в уста детей, рабов и других «неосмысленных» существ, тогда как наиболее резкие доводы против крайних учений он вкладывает в уста самых симпатичных зрителю героев, например древнего афинского царя Тезея.

Для понимания дальнейшего творческого пути Еврипида необходимо учесть длительную и глубокую эволюцию, которую ему пришлось пройти. Еврипид — поэт кризиса старой полисной идеологии, ломки старого мировоззрения и лихорадочных исканий новых путей. Внешние и внутренние события в жизни Греции эпохи Пелопоннесской войны находили яркое отражение в его творческом пути, и ход этих событий резко влиял на смену его настроений.

В разбираемый нами первый период своего творчества, примерно совпадающий с Архидамовой войной, поэт особенно живо интересуется новым софистическим движением и теми вопросами, которые оно подняло, и одновременно сочувствует внешней политике демократической партии.

В замечательных трагедиях «Медея» (431 г.) и «Алкеста» (438 г.) Еврипид изображает столкновение новой индивидуальной нравственности со старой — коллективной, новых обычаев с прежними, поднимает вопрос о праве человека на любовь.

Ту репутацию опасного вольнодумца, которой Еврипид пользовался особенно среди единомышленников Аристофана, он снискал себе именно в эту пору. Репутация эта, однако, вряд ли справедлива, так как вольнодумные мысли Еврипид обычно декламирует со сцены для того, чтобы опровергнуть их в дальнейшем ходе действия. В этом отношении поучительна ярко-антисофистическая тенденция Еврипидовой драмы другого поэтического жанра — драмы сатиров²² «Киклоп», поставленной на сцене, вероятно, в 424—423 гг.²³ Здесь учения софистов подвергаются прямому издевательству — мораль софиста оказывается моралью людоеда. В «Киклопе» изображено пребывание Одиссея в Сицилии и его встреча с одноглазым киклопом Полифемом. Подобный рассказ есть и в «Одиссее», но у Еврипида людоед Киклоп оказывается философом-софистом самого нового толка: он излагает, например, теорию, по которой высшим благом на свете является богатство, все остальное — болтовня и побрякушки: единственный бог — это человеческое чрево, никаких других не существует.

²² Драма сатиров представляет собой средний жанр между комедией и трагедией. Хор этой драмы состоит из козлоногих сатиров (античных лесных), которым приписывалась похотливость и трусость; корифей хора — пузатый старик Силен. Комедия сатиров ставилась после трагической трилогии с целью развеселить зрителей; она была чужда разнузданности, личной и политической инвективы, свойственной комедии, но шла в веселых тонах и имела счастливую развязку.

²³ Она пародируется в «Осах» Аристофана, поставленных в 423 г.

В политических драмах, написанных в Архидамову войну («Гераклиды», «Просительницы»), Еврипид как афинский патриот выступает с поддержкой политики Афин, восхваляя Афины как страну — покровительницу угнетенных (имеются в виду члены Афинского морского союза), готовую своей грудью защитить их от преследователей и угнетателей (имеется в виду Спарта). Эти трагедии представляют собой политические памфлеты, направленные против спартанцев и тем самым одобряющие начатую Афинами против них войну, справедливую, по мнению поэта.

Аристофан

Аристофан, величайший в Элладе и во всем мире комический поэт, выступает приблизительно в то же время, что и Еврипид. В этот период не только трагедия, но и комедия достигают высшего расцвета.

Аристофан жил приблизительно с 450 до 375 г. Из большого числа написанных им комедий до нас дошло только одна — надцать.

Афинская комедия носит более острый политический характер, чем трагедия. Характерным моментом ее является спор двух противников. Первоначально, в крестьянских и народных представлениях это было просто дракой и состязанием. В классических комедиях драка нередко еще сохранялась: дрались два героя или два хора. Но чаще драка заменялась спором. Каждый из героев выдвигал свою точку зрения на текущие политические вопросы. По форме комедия — фантастическое произведение, наиболее фантастический из всех греческих жанров. Обычно берется положение заведомо невозможное, например: люди отправляются к птицам и уговаривают их построить государство в воздухе; птицы строят государство и ведут свои дела так успешно, что вскоре Зевс принужден передать им свою власть. Но при всей фантастичности этой сказки, ее подробности изложены совершенно реалистически: в царстве птиц вы видите афинян, реальную картину афинской жизни. Это резкое противоречие служит средством для усиления комизма пьесы.

Комедии Аристофана отражают идеологию зажиточного крестьянина, разоренного войной. Раннюю комедию «Ахарняне» (425 г.) Аристофан всецело посвящает борьбе за мир. Афинянин Дикеополь приходит в народное собрание рано утром. Он кричит, чешется, ругается и ждет, пока, наконец, соберутся граждане и начнется обсуждение дел. Аристофан изображает на сцене выступления афинских демагогов, персидских и фракийских послов, подчеркивая и осмеивая забавные и отрицательные стороны афинской демократии. Видя, что от собрания ничего добиться нельзя, Дикеополь от себя посылает

посла в Спарту, который приносит ему мир (в виде сосуда, с вином).²⁴ Получив мир, он устраивает свой собственный рынок. Все афиняне в это время принуждены были питаться сушеной рыбой с северного побережья Черного моря, а он покупает отборные продукты у противника.

Уже здесь Аристофан выступает как представитель интересов крестьянства, которое было больше всего заинтересовано в мире. Поставленная в следующем 424 г. комедия «Всадники» относится к тому моменту, когда крестьянская группа заключила блок с аристократией против демократии в лице ее вождя Клеона, и вся пьеса посвящена бичеванию Клеона. Два афинских полководца, Никий и Демосфен, прославившиеся под Пилосом (они представлены в виде рабов старика Демоса), тяготятся тем влиянием, которое имеет у их хозяина купленный им раб (Клеон), издевающийся над прочими рабами. Они убедились в том, что у их господина может иметь влияние лишь тот, кто наиболее нагл и безграмотен (они получили предсказание, что Клеон может быть свергнут, если найдется человек еще более наглый, чем он). Они разыскивают безграмотного колбасника Агоракрита и выставляют его в качестве противника Клеона. Кожевник Клеон и колбасник наперебой улаживают Демоса, капризного старика, который привык, чтобы ему угождали. При помощи демагогии колбасник берет верх, свержает Клеона, и управление страной вверяется колбаснику. В последней сцене Аристофан заставляет народ и колбасника переродиться. Демос из старика становится юношей, колбасник — честным и добрым.

В пьесе «Осы» (422 г.), так же как и в разобранных пьесах, Аристофан высмеивает крайнюю демократию и, в частности, то страшное орудие, при помощи которого она выкачивала из богатых людей в Афинах и особенно в союзных городах их сбережения — народный суд (гелиею). Аристофан старается доказать афинскому народу, что последний напрасно считает себя неограниченным владыкой: фактически он находится во власти демагогов, и к ним-то и попадает львиная доля тех доходов, которые афинский народ получает от союзников.

Кроме политических комедий Аристофана, большой интерес представляет поставленная на сцене в 423 г. комедия «Облака», где в собиравшем образе Сократа высмеивается вся софистическая философия.

Итак, в эту эпоху впечатлительный Еврипид всецело ставит свою лиру на службу воинственным настроениям руководящей политической группы, тогда как Аристофан, следуя традициям крестьянской комедии, ведет упорную пропаганду за мир со Спартой, который даст крестьянам возможность возвратиться в деревню к земледельческим работам.

9. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Демокрит

Во второй половине V в. античная философия и наука достигли своего кульминационного пункта в учении великого материалиста древности Демокрита.

Демокрит (460—370 гг.) был родом с фракийского побережья Эгейского моря, из города Абдер. В период Греко-персидских войн персы проходили через Абдеры; если верить сообщениям биографов Демокрита, оставленных Ксерксом в Абдерах персы в детстве учили Демокрита разным наукам; может быть, поэтому он был хорошо знаком с восточными науками. Это была главным образом вавилонская наука: персы были только передатчиками.

Демокрит жил в демократическом государстве, был проникнут взглядами этого демократического торгового города, и поэтому у него с самого детства нет уважения к авторитетам, к твердым, впитанным с молоком матери религиозно-нравственным взглядам. Он ознакомился с взглядами различных философов — как греческих, так и восточных — и мог убедиться, что эти взгляды часто противоречат друг другу: то, что для одних кажется нелепостью, для других святая истина; поэтому он пришел к выводу, что необходимо строить науку, не опираясь на традиционные авторитеты.

Основой учения Демокрита является принцип необходимости (по-гречески *ананке*). Он говорит, что все происходящее в мире происходит логично и по необходимости; ничего не происходит случайно.

Интересен подход Демокрита к религии. Он рассуждает так. Почему мы должны считать, что люди — самые мудрые из всех существ? Есть еще целый ряд других миров, условия жизни там могут быть гораздо более благоприятными, чем у нас, там должны жить существа, гораздо более разумные, чем мы. Конечно, эти существа такие же смертные, столь же подчиненные законам необходимости, как и мы, но они значительно культурнее, умнее, чем человек. Когда человек спит, во сне к нему переносятся через воздух частицы из других миров; эти частицы попадают в человека, и он часто видит во сне то, что происходит в других мирах. Отсюда появилось представление о богах.

Итак, Демокрит не решился вовсе отказаться от учения о богах, но вытравил из него все вредное для науки.

Учение Демокрита называется атомизмом, так как оно исходит из допущения неделимых частиц, атомов. При античных предпосылках очень трудно было возразить против приведенных выше (с. 312) софизмов Зенона, потому что в древности считалось аксиомой, что бесконечное число даже мель-

чайших физических частиц дает в совокупности бесконечно большой предмет. Как мы видели, Зенон на этом и построил свои парадоксы. Он разрезает любой предмет на бесконечное число частиц и приходит к выводу, что любой предмет бесконечно велик. Демокрит говорит, что разрезать предмет на бесконечное число частиц нельзя: последние частицы вовсе не нулевые, а имеют минимальную величину; тем не менее, уже дальше они не делятся. А если это так, то все доводы Зенона отпадают. С точки зрения Демокрита в конце концов между Ахиллом и черепахой остается только один атом расстояния, и когда Ахилл пройдет и это расстояние, то черепаха не пройдет никакого расстояния, так как атом неделим, и часть атома пройти нельзя.

Демокрит очень своеобразно представлял себе движение. Всем известно, как воспроизводится движение в кинематографическом фильме: мы имеем ряд отдельных кадров; на каждом отдельном кадре фигура не движется, но на двух соседних кадрах позы немного различны: на одном, скажем, рука в одном положении, на другом несколько выше; когда мы быстро просматриваем один кадр за другим, у нас получается впечатление движения.

Так объяснял Демокрит и движение в мире. Он говорит, что мы имеем ряд отдельных моментов. В каждый момент фигура неподвижна, но при смене моментов движение нам представляется непрерывным. Так и стрела в каждый отдельный момент стоит неподвижно, но так как она в каждый следующий момент стоит на другом месте, то у нас получается впечатление ее движения; в действительности движение прерывно, скачкообразно.²⁵

Атомы, из которых состоит мир, совершенно однородны, но имеют различные величины и формы: они движутся в абсолютной пустоте. Допущение существования абсолютной пустоты было смелым нововведением Демокрита: до Демокрита ни один ученый не признавал существования пустоты. Однако без пустоты очень трудно было объяснить движение. Если все наполнено, набито предметами, то как может происходить движение?

Первоначально в пространстве, «в великой пустоте», атомы всевозможной величины и всевозможных форм носились во всевозможных направлениях. Но в природе существует закон, что подобное притягивается подобным. Например, голуби всегда садятся рядом с голубями, чайки рядом с чайками, на побережье моря круглые камешки лежат рядом с круглыми,

²⁵ Учение Демокрита о движении с марксистской точки зрения не диалектично, метафизично. «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)» (Ленин В. И. Философские тетради// Полн. собр. соч. Т. 29. С. 231).

мелкие рядом с мелкими; сходные атомы стремятся друг к другу. Поэтому и с частицами, носившимися в мироздании, произошло следующее. Подобные частицы стали стремиться друг к другу; они отклонялись от своего первоначального пути, собирались вместе и получался ряд отдельных водоворотов, вихрей. Из каждого такого вихря получался отдельный мир. В этом мире тела были уже расположены в порядке, а порядок по-гречески «космос»; поэтому мир и называется космосом.

В целом ряде мест образовались такие водовороты. Что же происходило внутри этих водоворотов? Посмотрите, что бывает на городской площади, когда в середине имеется какое-нибудь увеселение, скажем, фокусник. Все стремятся подойти поближе к центру площади, к этому фокуснику, но что получается? Наиболее сильные мужчины проталкиваются вперед; более слабые тоже хотят протолкнуться вперед, но это им не удается; более сильные оттесняют их, и они остаются на краю площади. То же получается и в этом вихре. Дело не в том, что тяжелые тела стремятся к центру, а легкие от центра, — этого не бывает. Нет, и легкие и тяжелые тела стремятся к центру, — ведь все тела в большей или меньшей степени тяжелы, даже огонь стремится вниз. Но получается так, что только сильные проталкиваются и проходят к центру, а слабые остаются на краю, хотя и стремятся к центру, — им не удается пробраться вследствие недостатка сил.

Таким-то образом и оказалась в центре мира земля: частицы земли — самые тяжелые и большие, и им удалось пробиться к центру. Дальше идет вода (частицы воды не такие большие, как частицы земли), затем идут частицы воздуха, а затем самые слабые частицы — частицы огня, которые остаются на поверхности.

Так возник космос. Первоначально он был раскален от вращения и, подобно тому, как всякая горячая вещь (например, молоко) подергивается пенкой, так и он получил какую-то твердую оболочку; поэтому он не рассыпается. Эту оболочку Демокрит называет рубашкой («хитон»).

Все это, конечно, еще очень наивно, но здесь содержится целый ряд открытий: что все тела имеют тяжесть, что все тела стремятся к центру и т. д. Впоследствии Аристотель не мог этого понять: ему кажется само собой разумеющимся, что есть тяжелые и легкие тела: тяжелые всегда стремятся вниз, а легкие — вверх. На самом деле легкие предметы не стремятся вверх, но они находятся в более тяжелой среде, которая, проталкиваясь вперед, отталкивает их назад. «Верха» и «низа» в природе нет: есть только взаимное притяжение тел.

Очень интересна теория Демокрита о восприятии. Он говорит, что в действительности существуют только отдельные атомы, с которыми мы и соприкасаемся, но наши представления искажают действительность: желтого и красного цвета,

сладкого и горького вкуса объективно не существует. Те вещи, которые кажутся одному сладкими, могут другому казаться горькими, одному предмет кажется зеленым, а другому красным. Почему это происходит? В действительности существуют атомы определенной формы; они попадают в наше тело и соприкасаются с атомами нашего тела. Если форма атомов нашего тела сходна с формой этих атомов, получается одно ощущение, если нет — другое. Так как у людей в общем одинаковые атомы тела, то все люди в общем представляют себе внешние предметы одинаково, но если в теле одного человека атомы несколько иные, чем у другого, то внешние атомы производят на него совершенно другие впечатления.

Почему мы говорим, что существует «острый» вкус? Потому, что в атомах острой пищи имеются иголки, и когда мы натыкаемся на иголки, мы говорим, что вкус острый.

Сходным образом Демокрит объясняет цвета. Белый цвет состоит из шарообразных гладких атомов, а черный — из угловатых, ступенчатых. Это очень наивно, но важно то, что все сведено к одному принципу, к одним началам. Такое учение называется монистическим.

Перейдем к учению о зрении. Вслед за Эмпедоклом, Демокрит утверждал, что от каждого предмета идут истечения. От поверхности каждого предмета отделяются тончайшие оболочки, состоящие из атомов; поэтому мы видим не середину предмета, но только оболочку. Оболочка попадает нам в глаз, и мы ее видим. Но при этом оболочки сокращаются и уменьшаются в размере. От глаза идут, расходясь, лучи; передвигаясь по этим лучам, оболочки все больше уменьшаются; поэтому изображение большого предмета может попасть в маленький глаз. Если мы посмотрим в глаз человека, мы увидим там в зрачке маленькое изображение — это и есть оболочка, отделившаяся от предмета, которая вошла в глаз в уменьшенном виде. Так же объясняется и слух и т. д.

Очень интересна биология Демокрита. Демокрит не постулирует, подобно Эмпедоклу, ряд неудачных попыток создания живых, продолжавшихся до тех пор, пока не были созданы приспособленные к жизни существа. По его учению в природе происходит отбор: наиболее приспособленные к жизни существа или наиболее приспособленные отдельные органы их выживают; неприспособленные вымирают или отмирают.²⁶

Так объясняет Демокрит и происхождение человеческого общества. Он говорит, что первоначально люди были беспомощными, они должны были бояться зверей, они умирали от

²⁶ Любопытно, между прочим, что Дарвин ссылается на то место, где Аристотель полемизирует с этим учением Демокрита, но Дарвин считает это учение — учением самого Аристотеля, тогда как Аристотель здесь как раз возражает против этих взглядов Демокрита.

голода и холода, потому что у них не было ни одежды, ни жилищ, и они не умели обороняться от диких животных. Те, которые не оказались в состоянии ничего придумать для своего спасения, вымерли, а другие, которые оказались наиболее приспособленными, постепенно под влиянием нужды научились забегать в пещеры, затем жить в них, а затем и строить жилища. Сначала они накрываются случайно найденными листьями, затем уже делают себе одежду. Они научились соединяться для борьбы с дикими зверями и для целей общения выработали язык.

Главной движущей силой является при этом у Демокрита «хрейя», «нужда», борьба за существование, выживание наиболее приспособленных. Этот принцип проводится и в этом случае довольно последовательно.

Конечно, в учении Демокрита много очень наивного и примитивного с точки зрения нынешнего естествознания и много механистического, метафизического и антидиалектического с точки зрения марксистской философии; тем не менее, учение Демокрита в целом не только продуманная, эмпирически обоснованная материалистическая система: в ряде отдельных частей Демокрит явился основоположником нынешних точных наук.

Учение Демокрита теснейшим образом связано с развитием античной демократии. Так, учение о принципиально равноправных между собой и сделанных из одной и той же материи атомах отражает, как заметили уже древние, античное демократическое общество, а их постоянная борьба между собой, в которой неизменно побеждают сильнее и оттесняют более слабых, отражает ожесточенную конкуренцию в античных полисах.

Математика

В области точных наук больших успехов достигла в это время математика. С Востока были заимствованы практические формулы не только для площадей и объемов прямолинейных фигур и тел, но и для круга и тел вращения, — цилиндра, конуса и, может быть, шара. Из учения о подобии треугольников развивается теория перспективы. Эта теория получает огромное значение и в живописи, в частности — при создании театральных сценических декораций. На это указывает уже греческое название теории перспективы — «скенография».

В области элементарной планиметрии греки уже в то время нашли доказательства почти всего того, что теперь проходит в средней школе, включая вычисления площади круга и длины окружности. Это вычисление производилось атомистическим методом: предполагалось, что и поверхность и тело состоят из бесконечно малых, далее неделимых частиц (см. выше, с. 424).

При таком предположении окружность оказывалась многоугольником с очень большим числом чрезвычайно малых сторон, и площадь круга вычислялась как сумма площадей узких треугольников с вершинами в центре. Наиболее известными математиками V в. были Гиппократ Хиосский и тот же Демокрит, который таким приемом нашел объем конуса и пирамиды.

Календарь

Летоисчисление по именам архонтов и других должностных лиц отдельных городов заменяется в ученой литературе (в особенности у историков) более универсальными системами, отсчитывающими годы от одного определенного условного момента; таков был счет годов от взятия Трои. Впрочем, год взятия Трои разными греческими учеными определялся различно.

Наконец, путем более правильного исчисления длины солнечного года достигают более точного соответствия между календарем и природными условиями. Наиболее естественно считать месяцы по луне (от одного полнолуния до другого), а год — по солнцу (от самого короткого или длинного дня до следующего такого же, т. е. от зимнего или летнего солнцестояния). Затруднение заключается в том, что ни лунный месяц, ни солнечный (тропический) год не содержат целого числа дней (29,53 дня и 365,2422 дня). Приходится брать целое число дней, а время от времени вставлять дни, выравнивая накапливающуюся разницу. Так, в архаическую эпоху считали 12 лунных месяцев по 30 и 29 дней, что давало всего 354 дня. Три года из каждых восьми имели по лишнему месяцу в 30 дней. По мере развития астрономических знаний появились новые, более точные способы интеркаляции (вставки дополнительных месяцев). Наиболее известны цикл Энопида (в 59 лет, после которого календарь снова приходит в согласие с астрономическим годом) и Метонов цикл, названный так по имени афинянина Метона (V в. до н. э.). Этот цикл девятнадцатилетний и давал среднюю величину года в $365 \frac{5}{19}$ дня.

Медицина

В медицине выдающуюся роль играла школа на острове Косе. Здесь жил знаменитый врач Гиппократ. Он собрал так много наблюдений, что книги, написанные им и его учениками,²⁷ служили основным руководством по медицине вплоть до XVII в. Наряду с наивными аналогиями и суевериями, в со-

²⁷ Дошедшее до нас собрание сочинений Гиппократа написано частью в V в., частью в IV в. Какие сочинения принадлежат самому Гиппократу и кто автор каждого отдельного сочинения, теперь уже неизвестно.

чинениях Гиппократов есть целый ряд совершенно правильных замечаний, например, о влиянии диеты, климата и т. д. на здоровье человека. Гиппократ отрицает существование болезней, «посланных богами» (древние считали, например, эпилепсию «священной болезнью»), и говорит, что все болезни одинаковы священны и все они объясняются одними и теми же естественными причинами. Гиппократ знает кое-что из анатомии человеческого тела, но утверждает и ряд нелепостей: так, он не отличает нервов от кровеносных сосудов и думает, что артерии наполнены не кровью, а воздухом.

Старшие софисты

Если учение Демокрита представляет собой высшую точку развития ионийской науки и философии, в которой острейшего научного интереса направлялось на область точных наук, то для научного движения, имевшего центром Афины конца V в., характерно отсутствие интереса к точным наукам. Больше всего интересовала здесь правильная организация жизни отдельного человека. Это направление называется софистикой. Слово «софист» не имело тогда того смысла, который мы придаем ему теперь; в V в. в этом слове не было ничего отрицательного. Под софистом разумелся человек, который сделал себе профессию из философии. Философы старого типа не учили публично; у них были ученики, с которыми они никогда не расставались, которым передавали все свои знания, — это был закрытый кружок энтузиастов. Софисты же получали деньги за свое преподавание, у них не было замкнутого круга учеников, они странствовали из города в город, заранее объявляя о своих публичных докладах. Люди приходили к ним, и за большие деньги они разрешали слушать свои лекции. Ученики философов старого типа хотели стать такими же учеными, как и их учителя. Ученики софистов вовсе не хотели стать учеными, они предназначали себя для государственной деятельности; наука им нужна была для расширения кругозора, чтобы лучше управлять государством, чтобы быть интересными собеседниками в обществе. Они брали от науки только то, что им полезно, и сами софисты сообщали им только то, что может быть полезно знатному человеку в его непосредственной практике. В центре учения софистов лежало то, что нужно государственному деятелю, — ораторское искусство, эристика, т. е. искусство спорить, или умение «сделать слабое дело сильным», как говорили в древности.

Софисты излагали основы учения о государстве, о нравственных обязанностях человека, учение о счастье, т. е. учили, при каких условиях человек может стать наиболее счастливым. Что же касается точных наук, то здесь их установка была до-

вольно скептической, хотя часто они и являлись проводниками революционных материалистических учений.

Протагор

Известный софист Протагор, земляк Демокрита, с которым Демокрит постоянно полемизировал, утверждал в противовес и элейцам и Демокриту, что все, представляющееся нам, как раз в таком виде и существует для каждого в отдельности из нас. Что человеку представляется, то для него и существует. «Человек есть мера всех вещей, существующих, как они существуют, и не существующих, как они не существуют». Если мы предмет представляем себе сладким, значит, он для нас — сладкий; для другого человека тот же предмет будет кислым. Для каждого человека в отдельности существует мир — мир его представления; вне нас существует лишь некая неопределенная материя, заключающая в себе все эти миры.

Каким образом получить общее представление об объективном мире, если у каждого из нас другой мир? Здесь рецепт, рекомендуемый Протагором, очень наивен. Он предлагает все вопросы решать большинством голосов; мнение большинства и является истиной для целой группы людей. Никакой другой общеобязательной истины, кроме мнения большинства, он не признает.

Итак, даже в теорию познания, как мы видим, Протагор переносит принцип, почерпнутый из общественной жизни демократических Афин: принцип большинства голосов.

О политических воззрениях Протагора, изложенных в его не дошедших до нас трактатах «Полития» и «О первобытном состоянии», мы можем составить понятие на основании диалога Платона «Протагор». По теории Протагора, люди «сначала обитали в рассеянии, и городов у них не было. Люди погибали от зверей, так как были во всем слабее их; обрабатываемое искусство было достаточной подмогой для питания, но его не хватало для борьбы со зверями. Политического же искусства, часть которого есть искусство военное, люди не имели. Вот люди и стали пробовать собираться вместе и спасаться, строя города (т. е. образуя государства). И вот, лишь соберутся люди вместе, они, не имея политического искусства, начинают обижать друг друга...». Зевс, опасаясь за род людской, как бы ему не погибнуть, посылает Гермеса ввести к людям Стыд и Правду, причем, по воле Зевса, они должны быть внедрены во всех людей без изъятия, и установить при этом закон: «Того, кто не способен принять Стыд и Правду, убивать как язву города». Очевидно, в данном случае Протагор понимает государственное общение, как общение демократическое, поскольку Правда и Стыд должны быть распределены равномерно между всеми гражданами государства.

Теория Протагора не стояла в противоречии с существующим в то время государством, в особенности с афинской демократией, идеологом которой он был.

Протагор позволил себе одно выражение, из-за которого ему пришлось удалиться из Афин. Он сказал, что о богах он не может ничего сказать — существуют они или нет. Этому мешают трудность вопроса и краткость человеческой жизни. Такое утверждение считалось богохульством, и Протагору пришлось бежать из Афин.

Горгий

Современником Протагора был пользовавшийся большой известностью софист Горгий из Леонтин. Он много странствовал по Греции и выступал с речами на общенациональных греческих празднествах. В молодости Горгий был сторонником ионийской натурфилософии, но потом увлекся диалектикой²⁸ злейской школы. В своем сочинении (не дошедшем до нас) «О несуществующем, или о природе» Горгий выставил три скептических тезиса: 1) ничего не существует; 2) если бы было сущее, оно было бы непознаваемо; 3) если бы оно было познаваемо, такое познание не могло бы быть выражено словами. Однако Горгий уделял в своих речах внимание не только диалектике, но и риторике²⁹ и в этом отношении справедливо считался создателем греческой художественной прозы.

Антифонт

Особенно интересным для нас софистом был Антифонт. О нем до 1915 г. знали очень мало, но в 1915 г. в Египте были найдены отрывки из сочинения Антифонта «Истина». Он говорит в одном из них: «Мы делим людей на варваров и эллинов, но при этом поступаем сами, как варвары. Между людьми нет никакой разницы, все рождаются голыми, все дышат в воздух (по представлению Демокрита, люди дышат огнем, а выдыхают его в воздух. — С. Л.) и все едят руками». Поэтому разницы между людьми нет: всякие перегородки между эллинами и варварами, знатными и незнатными — только вредные предрассудки. В этих своих взглядах Антифонт вступает в резкое противоречие с идеологией рабовладельческого общества.

Очень интересен и другой отрывок из сочинения Антифонта — о суде. Суд, по его мнению, сплошная несправедливость; поэтому нужно в отсутствие свидетелей поступать так,

²⁸ «Диалектика» в греческом понимании — искусство вести спор, дискутировать.

²⁹ «Риторика» — наука об ораторском искусстве.

как человеку наиболее удобно и выгодно. Закон и суд приходят на помощь сильным и оставляют без защиты слабых. Если человек не умеет нападать, не умеет сам обвинять другого, его всегда и на суде легко обидеть. На суде, по мнению Антифонта, берет верх человек, умеющий убедительно говорить, хотя бы он был неправ. Поэтому Антифонт считает, что честный человек не должен быть судьей или свидетелем на суде или быть обвинителем. Все это очень интересно для историка, так как основано на наблюдениях над тогдашними судами.

В области изучения природы Антифонт, усвоив в общем учение Демокрита, некстати вносит в него противопоставление природы искусству (закону). Всякие искусственные видоизменения нежизнеспособны и обречены на гибель; прочно только то, что возникло по природе: «Если закопать в землю скамью и она даст случайно ростки, то вырастет то дерево, из которого сделана скамья, а не сама скамья». В области религии Антифонт отрицал божественное провидение и видел в ней такой же домысел, как и в законах.

Антифонт, в сущности, уже не принадлежит к «старшим софистам». Своим противопоставлением «природа — закон» Антифонт поднял вопрос, который был самым волнующим вопросом поколения, идеологами которого являлись младшие софисты.

10. ИСТОЧНИКИ

Фукидид

Для Архидамовой войны мы располагаем гораздо лучшими и более подробными источниками, чем для всех предыдущих эпох: это I—IV книги труда Фукидида, гениального историка, современника описываемых событий, в смысле критического отношения к своим источникам не уступающего лучшим представителям мировой историографии. Будучи мастером прагматической истории, он лишь в очень незначительной степени понял значение экономического фактора. До 30-х годов прошлого века Фукидид считался непререкаемым авторитетом для истории своего времени, абсолютно беспристрастным и беспартийным, и все его сообщения принимались без всякой критики. С 30-х годов начался перегиб в обратную сторону: Фукидида обвиняли в тенденциозном извращении фактов, в умышленной неясности, умолчаниях и т. д. Однако до сих пор не указано ни на один случай, когда бы Фукидид сообщал заведомо ложные исторические факты, — это не значит, конечно, что мы должны соглашаться с его оценкой их. Фукидид был, разумеется, человеком своего класса. Недостатком Фукидида является не только отсутствие картины античной экономики,

у него пропущен и ряд исторических фактов. Так, он ни словом не упоминает о договорах с Персией 423 г., о восстании рабов в Сицилии 424 г. и т. д. Поэтому, положив в основу исторического исследования труд Фукидида, необходимо дополнять его сообщения на основании свидетельств более поздних авторов.

Речь оратора Антифонта «Об убийстве Герода» содержит материал по истории восстания на Митилене. Много интересного материала и в других его речах.

Другие литературные источники

Для внутренней истории Афин в эту эпоху важнейшим источником являются комедии Аристофана: «Ахарняне» (425 г.), «Всадники» (424 г.), «Облака» (423 г.), «Мир» (421 г.). Аристофан очень тенденциозный писатель. Он пишет с позиций зажиточного аттического крестьянина, в эту эпоху часто очень близких к точке зрения аристократии, проповедовавшей мир со Спартой во что бы то ни стало и ненавидевшей радикальную демократию, облагавшую богатых афинян тяжелыми налогами. Однако, как ни карикатурны, как ни односторонни образы Аристофана, они дают возможность лучше понять партийную борьбу в Афинах, чем труд Фукидида, почти не затрагивающий этого рода вопросов.

Далее в трагедиях Еврипида («Гераклиды» и «Просительницы»), написанных в 431—423 гг., содержится ряд замаскированных политических выпадов; особенно интересны выпады против Спарты и дельфийского оракула. Важный материал для характеристики этой эпохи дают также и другие комедии и трагедии, а также найденные в 1915 г. отрывки из сочинения «Истина» софиста Антифонта. Сюда надо причислить еще фрагменты утраченных комедий (Кратина,³⁰ Евполида, Аристофана), частью найденные на папирусах, и отрывки из олигархических памфлетов V в., сохранившиеся главным образом в «Афинской политике» Аристотеля и у Плутарха. Только один такой памфлет — «Афинская политика», неправильно приписывавшийся Ксенофону, — дошел до нас целиком; как мы уже говорили, это памятник исключительной важности.

Надписи

Многочисленные надписи этой эпохи при всей их важности не имеют того решающего значения, как надписи предыдущей эпохи, ввиду наличия подробных исторических сообщений Фукидида и свидетельств комедий Аристофана. Тем не менее, ряд надписей этой эпохи очень интересен. Таково надгробное посвящение в честь павших при осаде Потидеи, такова над-

пись 429 г. о выводе колонистов в Потидею. Особенно важна псефизма в честь Мефоны во Фракии, в которой мефоняне в виде особой привилегии получают право вывозить хлеб из Понта. Из этой же надписи мы узнаем о специальных чиновниках геллеспонтфилаках, наблюдавших за тем, чтобы весь хлеб, вывозимый из Понта, шел в Афины. Псефизма 427 г. представляет собой развязку митиленской трагедии: здесь говорится о выводе в Митилену клерухов, которые получают землю митиленских граждан. Псефизма 425 г. содержит ставки нового фороса союзников, повышенного Клеоном до 1400 с лишним талантов. Псефизма 423 г. запрещает всем союзникам чеканить свою монету и предписывает пользоваться только афинской (то же относится к мерам и весам). Это был один из наиболее чувствительных ударов по автономии членов Афинского союза. Этот закон пародируется у Аристофана («Птицы», ст. 1040 и сл.). Сюда надо прибавить еще надписи о форосе, инвентаре сокровищниц и т. д.

Позднейшие источники

Из позднейших источников и для этой эпохи имеет некоторое значение «Афинская политика» Аристотеля, а также книга Полиэна «Стратегика» (собрание военных хитростей) и Диодор (XII, 36—76), особенно для событий в Сицилии. Гораздо более важны биографии Плутарха («Перикл» и «Никий»). Важный материал содержат также схолии к Аристофану и античные словари. О достоверности этих сообщений см. сказанное выше (с. 315).

КОНЕЦ БОРЬБЫ АФИН СО СПАРТОЙ

1. АЛКВИАД И ВОЗРОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ

Пелопоннесский союз после Никиева мира

Заклячая мирный договор, Спарта несомненно желала прочного мира с Афинами. Архидамову войну она вела главным образом в интересах своих союзников, причем для самой Спарты было только важно ослабить демократические элементы в Греции и тем самым ослабить брожение среди илотов. К чему же привела Архидамова война? Часть спартанского гражданства оказалась в афинском плену, а в Афинах у власти стала крайняя демократия; афиняне захватили пункт в Мессении, откуда они могли постоянно руководить волнениями среди илотов. Поэтому, когда у власти в Афинах стала умеренная группа, возглавляемая Никием, Спарта решила жить в мире с афинянами. Однако ей не удалось выполнить взятых на себя условий мира. Аристократия, захватившая в свои руки власть в Амфиполе, не желала подчиняться афинянам, а спартанцы, разумеется, не были склонны устраивать в Амфиполе демократический переворот. Точно так же ряд членов Пелопоннесского союза не считал для себя приемлемыми условия Никиева мира, так как в результате десятилетней войны союзники Спарты ничего не получили. Особенно недоволен был Коринф, потерявший влияние на Керкире и не получивший обратно от акарнанов перешедших к ним колоний Соллия и Анактория. Точно так же и Беотия должна была вернуть афинянам пограничное укрепление Панакт. Тем не менее в Спарте стремление к миру было так велико, что спартанцы решились, не считаясь со своими союзниками, заключить с афинянами сепаратно оборонительный союз на 50 лет, после чего пленные спартанцы, в том числе и захваченные на Сфактерии, были возвращены Спарте.

Пелопоннесские союзники Спарты увидели в этом поступке измену союзу и, по предложению Коринфа, образовали новый союз без участия Спарты. В этот союз вошел и демократический Аргос, который, вследствие постоянного соперничества со Спартой, готов был присоединиться к любому ее противнику. С другой стороны, и условия мира между Афинами и Спартой не могли быть осуществлены, так как спартанцы и теперь не в состоянии были вернуть Амфиполь афинянам, а последние не возвращали Пилос Спарте. В 420 г. в Спарте на очередных вы-

борах эфоров взяла верх (или, по крайней мере, значительно усилилась) враждебная Афинам партия. Вожди этой партии, не разрывая открыто договора с афинянами, стали тайно вести между союзниками Спарты агитацию против присоединения их к союзу с Афинами; в то же время спартанцы, вопреки договору с афинянами, заключили сепаратный договор с злейшими их врагами, беотийцами. В результате соперничество между Спартой, с одной стороны, и остальными членами Пелопоннесского союза — с другой, значительно ослабло; аристократический Коринф сблизился со Спартой, а демократический Аргос, вместе с Элидой и Мантинеей в Аркадии, начал сблизиться с Афинами.

Борьба с Гераклеей Трахинской

В северной Греции случилось событие, благоприятное для афинян. Основанная спартанцами в 426 г. в ахейской Фессалии колония Гераклея Трахинская была бельмом на глазу и у афинян и у фессалийских ахейцев; афинянам эта колония мешала получать хлеб из Евбеи, а, в случае затруднений на море, также получать хлеб и лес каботажным путем вдоль берега Фессалии. Противодействие местных племен спартанским колонистам и спартанским военным отрядам росло с каждым годом. Уже зимой 421 г. фессалийцы не позволили спартанцу Рамфию, премнику Брасида, пройти через их территорию (Фукидид, V, 13). Зимой 419/8 г. энианы, долопы, малияне и другие окрестные племена сразились с жителями Гераклеи и убили в бою их начальника лакедемонянина Ксенара (Фукидид, V, 51). Очевидно, в этом бою с гераклеяцами на стороне их противников сражались и соседи ахейцев локрийцы, что вызвало негодование дельфийского оракула, всегда сочувствовавшего спартанцам (Евсевий, Введение в Евангелие, VI, 7, 260 А и 206 В).

Афины в 421—418 гг.

В Афинах с 421 г. преобладающее влияние имела «партия города», ибо самый мир 421 г. был делом рук ее вождя Никия. Трехлетний промежуток (421—418 гг.) эта группа, чуждая каких бы то ни было агрессивных намерений, использовала для восстановления государственного хозяйства. Несмотря на то что ежегодный расход Афин все еще достигал 1000 талантов, так как содержание флота и многочисленных гарнизонов, особенно во Фракии, требовало постоянного финансового напряжения, мирные условия жизни дали возможность афинскому правительству вновь начать разработку Лаврийских рудников, восстановить правильный ход сельскохозяйственных работ (к чему, конечно, стремилось и само население Аттики) и оживить дезорганизованную торговлю.

**Начало политической карьеры Алкивиада.
Новая политическая группировка**

«Пирейская» партия, руководимая теперь торговцем лампами Гиперболом, потеряла в эти годы ведущую роль. Однако уже в 418 г. ей суждено было снова выплыть на поверхность благодаря тому, что она нашла влиятельного союзника — новую политическую группу, руководимую Алкивиадом.

Алкивиад, сын Клиния, родился незадолго до 450 г. По отцу он происходит из очень знатного рода (его считали потомком гомеровского Эанта); мать же его принадлежала к роду Алкмеонидов. Он был воспитан под руководством своего ближайшего родственника Перикла и был очень близок к философу Сократу. Плутарх в своей биографии Алкивиада сообщает ряд фактов — исторических или анекдотических — о его честности, непостоянстве, самодурстве и т. д. Сначала Алквиад был ярким афинским патриотом, сторонником самой широкой экспансии Афин, — главным образом на запад; он и лично участвовал в боях, храбро сражаясь с врагами Афин под Потидеей и в битве при Делии (вместе с Сократом). Позже Алквиад переходил то на сторону Спарты, то на сторону персов; то действовал в союзе с крайними демократами, то требовал введения в Афинах олигархического строя.

Последующая история Афин часто рассматривается с точки зрения «честолюбия», «беспринципности», «гениальности» Алкивиада. Такой подход несостоятелен. В кажущейся переменчивости Алкивиада была своя глубокая логика. Все его поведение — только маска, которую пользуется хитрый политик, чтобы скрыть свои истинные планы. Нет сомнения, что за спиной Алкивиада стояла целая большая группа: иначе трудно было бы понять, почему после ухода Алкивиада, когда его политическая карьера, казалось, была кончена, в Афинах (как мы видим из Аристофана) еще очень многие умеренные граждане мечтали о его возвращении. Если мы попытаемся охарактеризовать устремления той группы, которую возглавлял Алквиад, и будем исходить из его поступков, столь противоречивых на первый взгляд, то придем к выводу, что это та же группа, которая впоследствии в продолжение IV в. все громче и громче заявляет о своем существовании.

По словам Платона,¹ Алквиад уже в юности несколько не соблазняла мысль стать, подобно Периклу, первым человеком в Афинах. Он мечтал не более и не менее, как о соперничестве с персидским царем. Алквиаду совершенно чужды мораль или патриотизм полиса. Ему все равно, где действовать — в Афинах, в Спарте или при дворе персидского сатрапа в Малой Азии. Ему важно создать огромное государство, в котором

у власти стояли бы волевые люди, господствующие по праву сильного, а никак не аристократы и не народные массы; во всяком случае демократию Алквиад называл «общепризнанной глупостью».

Если мы вспомним, что Архидамова война затруднила сношения между греческими государствами, а частично и уменьшила безопасность сообщений на Эгейском море, и что несомненно уже в эту эпоху начинает все более увеличиваться значение окраин античного мира, прежде всего Сицилии и Египта, то мы поймем, что уже в этот период должна была начать образовываться группа владельцев крупных торговых и ремесленных предприятий, стоявших в силу своих торговых связей выше интересов отдельных полисов. Такая группа была, очевидно, заинтересована в создании единой более централизованной сильной власти, обеспечивающей безопасность путей и устойчивость экономических отношений. С другой стороны, она не могла не быть заинтересована в том, чтобы был положен конец господству крайней демократии с ее залезанием в карманы богатых людей, вносящим неуверенность и расстройство в торговые дела. От какого из греческих полисов будет исходить эта объединительная деятельность, и под каким флагом она будет проводиться — этой группе должно было быть в сущности безразлично. Наиболее типичным выразителем идеологии этой группы был впоследствии Исократ, о котором будет сказано в одной из следующих глав.

В деле свержения власти радикальной демократии естественными союзниками Алкивиада, казалось, должны были бы быть олигархические клубы. Но эти клубы опирались на родовитую аристократию с ее узкими традициями античного полиса, а во внешних отношениях слепо следовали за Спартой; поэтому Алквиад в своей борьбе с радикальной демократией мог использовать эти клубы только до определенного момента, чтобы затем порвать и вступить в борьбу с ними: он мог терпеть рядом с собой только людей безусловно преданных интересам его группы и не мог считаться с амбицией знатных родов.

Чтобы захватить в дальнейшем ходе событий власть в свои руки, Алквиаду нужно было снискать популярность народных масс. Об открытом выступлении против демократического строя пока не могло быть и речи, но почву для захвата власти он начал терпеливо и постепенно готовить уже в 416 г. По старинным греческим представлениям, победа на Олимпийских состязаниях давала право (в классическую эпоху уже только моральное) на власть в государстве: поэтому Тираны уже с VII—VI вв., с одной стороны, всячески стараются одержать победу на Олимпийских состязаниях, с другой — преследуют своих сограждан, одержавших такую победу. При этом Тираны (или будущие Тираны) обставляли свое пребывание в Олимпии большой пышностью, щедро угощали большие массы народа и,

¹ Первый Алквиад, 105 В.

наконец, одержав победу, заказывали победный гимн (эпиникий) лучшим поэтам своего времени — Пиндару, Симониду, Вакхилиду. Этот образ действий Тиранов VI в. и начала V в. точно копирует Алкивиад: на Олимпийских состязаниях 416 г. он щедро угощает собравшихся, получает первую, вторую и четвертую награду сразу (что не выпадало до него ни одному эллину), заказывает победный гимн Еврипиду, а лучшим художникам — символическое изображение своих побед: здесь он был изображен в обществе богинь. Угадывая в нем будущего диктатора Афинской морской державы, члены Афинского морского союза — Эфес, Хиос, Лесбос — привозят обильное угощение и убранство для него самого и устраиваемого им пира.

Греческие Тираны V—IV вв. старались привлечь к себе симпатии народных масс улучшением их положения, но они не шли по пути дикт и предоставления народу широких политических прав. Они производили однократные щедрые раздачи земли и денег преданной им и сражавшейся за них части демоса и рабов и составляли себе таким образом надежную гвардию. Средства на эти мероприятия они брали из конфискованного имущества своих политических противников. Так поступали, например, сицилийские Тираны; так, несомненно, собирался поступить и Алкивиад. «Бедняков и чернь Алкивиад очаровал дотаккой степени, что они страстно желали сделать его Тираном; некоторые даже говорили об избрании его при 429 г. в качестве к тому, чтобы он... ликвидировал законодательную деятельность народного собрания, удалил болтунов, которые губили государство, и управлял делами по своему усмотрению, не опасаясь доносчиков». Так характеризует Плутарх в биографии Алкивиада положение дел в 411—407 гг. Еще определеннее говорит об этом Диодор (XIII, 66): «Рабы приветствовали Алкивиада с таким же восторгом, как свободные... Зажиточные афиняне думали, что... нашли человека, способного выступить смело и открыто против власти демоса, а бедняки считали, что они в нем будут иметь наилучшего соратника в безрассудной ломке государства и в улучшении положения бедноты». Под «безрассудной ломкой государства» в Греции обычно понимали «передел земли» и «отмену долгов». Разумеется, Алкивиад хотел опираться на класс богатых людей, но это должна была быть не заносчивая и независимая знать, а выдвинутые самим Алкивиадом и преданные ему люди. Народные массы он столь же мало хотел допускать к участию во власти, как и аристократия; но для того, чтобы успокоить и привлечь к себе эти массы, он готов был пойти по пути однократной радикальной ломки существующих имущественных отношений в интересах руководимых им кругов.

Алкивиад и поддерживавшая его группа была готова, в случае неудачи в Афинах, произвести нужный им переворот в любом другом центре Эллады. Но, как афинянину, Алкивиаду

легче всего было сделать центром своей агрессивной политики Афины и морской союз, во главе которого они стояли. Для дальнейшего объединения тогдашнего мира необходимо было в первую очередь присоединить к сфере афинского влияния Пелопоннес и Сицилию. Можно не сомневаться, что, осуществив это присоединение и получив в свои руки власть и влияние, Алкивиад немедленно же устранил бы демократию с ее раздачами, обложением богатых, привлечением их к суду и т. д. Но при данных обстоятельствах боролись за власть только две указанные выше большие группы: «партия города», возглавляемая Никием и стремящаяся во что бы то ни стало сохранить существующее положение вещей, и «Пирейская партия», возглавляемая Гиперболом, мечтавшая о демократических переворотах в Пелопоннесе, о присоединении Сицилии и т. д. В это время группе, во главе которой стоял Алкивиад, было по пути с этой радикальной группой, и, как умный политик, он, не задумываясь, сблизился с ее вождем Гиперболом, несмотря на все отвращение, которое он питал к демократии.

Битва при Мантинее 418 г.

Историк И. Бранч в 1919 г. в своем сочинении «История Греции», Алкивиад в союзе с «Пирейской партией» выступил против политики Никия. Воспользовавшись борьбой, начавшейся в Пелопоннесе, он сблизился с Аргосом и примыкавшими к нему Мантинеей и Элидой, причем ему удалось заключить с этими тремя государствами оборонительный союз на сто лет.² Союзники обязывались не только общими силами отразить любого врага, напавшего на территорию одного из них, но и перенести войну на территорию напавшего, причем война могла быть прекращена только с общего согласия союзников. Для каждого было ясно, что договор этот направлен против Спарты. Спарта оказалась в чрезвычайно тяжелом положении: ее окружало теперь сплошное кольцо спаянных между собой демократических государств. Одержатъ верх над враждебной ей коалицией Пелопоннесских государств стало для нее вопросом жизни и смерти.

В 418 г. близ Мантиней ополчение союзников встретилось со спартамцами, но союзники, очевидно, переоценили свои силы: они потерпели полное поражение. Теперь Аргос был вынужден вступить в Пелопоннесский союз, и в ряде Пелопоннесских городов, в том числе в Аргосе, был введен олигархический строй. Понятно, что и в Афинах поражение в Мантинейской битве должно было привести к краху групп, стремившихся к войне, и к торжеству Никия и его группы. По афинскому обычаю, в таких случаях вождь группы, потерпевшей неудачу, подвергался

² Текст этого договора сохранился и у Фукидида (V, 47), и в подлиннике на камне (IGI 86).

остракизму. Изгнание Алкивиада казалось неминуемым — уже народное собрание приняло постановление о необходимости провести остракизм; оставалось только в новом собрании провести самое голосование.

Изгнание Гипербола

Союз группы Алкивиада с «Пирейской партией» был случайным и был вызван только общностью внешней политики. В области внутренней политики Алкивиад стоял значительно ближе к «партии города». После неудачи при Мантинее на очереди стояли вопросы внутренней, а не внешней политики. Алкивиад поэтому заключил с Никием соглашение о совместных действиях; группа Алкивиада договорилась с «партией города» голосовать за изгнание Гипербола, и в 417 г. последний был изгнан из Афин. Это — первый случай, когда человек незнатный и незначительный был подвергнут остракизму. После 417 г. остракизм в Афинах вообще не применялся.

Более всего подрывало репутацию «партии города», возглавлявшейся Никием, то, что Спарта, несмотря на договор, не возвращала Афинам Амфиполя. Так как Спарта мотивировала это тем, что она не в силах добиться возвращения Амфиполя, то попытка афинян овладеть городом собственными силами была вполне правомерной с точки зрения отношений со Спартой. Никий отправился в 417 г. па завоевание Амфиполя, но поход этот был неудачен и с военной и с дипломатической стороны: македонский царь Пердикка, бывший до сих пор союзником Афин, снова перешел на сторону Спарты. Это повело к краху «партии города» в Афинах. Алкивиад снова сблизился с «Пирейской партией», — на этот раз на почве похода в Сицилию для завоевания новых, преимущественно хлебных рынков в Сицилии, Италии, Этрурии и Карфагене.

2. СИЦИЛИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Покорение Мелоса

Одним из первых результатов сближения между группой Алкивиада и «Пирейской партией» был поход на дорийский остров Мелос, единственный остров на Эгейском море, не входивший в Афинский морской союз и дружественный Спарте. В 416 г. Мелос был взят, все взрослые мужчины перебиты, а женщины и дети обращены в рабство; самый остров заселен афинскими клерухами. Эта жестокая расправа с ни в чем не повинными людьми вызвала недовольство и волнение в умеренных кругах афинского общества, об этом можно заключить из драматического изложения этого эпизода у Фукидида и из поставленной на сцене в 415 г. трагедии Еврипида «Троянки».

Однако, с точки зрения радикальных демократов, этот поступок был вполне правомерным, — они считали все Эгейское море сферой влияния Афинского морского союза (уже при раскладке фороса в 425 г. в числе облагаемых городов упомянут Мелос!). Жители Мелоса должны были либо выселиться из района Эгейского моря, либо платить форос.³

Подготовка к походу

Агитация за поход на запад получила новый смысл вследствие событий, происшедших в Сицилии. В Леонтинах, после ухода афинян из Сицилии в 424 г., демократическая партия усилилась, состав гражданства значительно расширился (по-видимому, за счет метэков или вольноотпущенников), и демос намеревался произвести передел земли. Леонтинские олигархи обратились за помощью к сиракузянам. Последние изгнали население из Леонтин, а олигархов переселили в Сиракузы, предоставив им здесь гражданские права. Этот результат, однако, разочаровал часть леонтинских олигархов: они покинули Сиракузы и соединились с демократами, решившими обратиться за помощью к Афинам. К Афинам же снова обратилась за помощью и Эгеста, теснимая ее южным соседом Селинунтом. Послы этих городов также прибыли в Афины с просьбой о помощи. На этот раз Алкивиад не хотел повторить ошибки 427 г. и решил уже с самого начала выступить с такой эскадрой, которая давала бы шансы на покорение не только Сицилии, но при благоприятных обстоятельствах и Карфагена. Напрасно Никий предостерегал афинян от этого похода, указывая, с одной стороны, на большие территориальные размеры Сицилии, на многочисленность ее населения и ее богатые ресурсы; с другой — на тяжелое положение афинских финансов. Но афиняне, может быть, чувствовали, что существующее положение неустойчивого равновесия не может долго продолжаться и что если они не перейдут к агрессивным действиям, то к таким действиям перейдут пелопоннесцы. Ценой крайнего напряжения государственных средств был снаряжен афинянами огромный флот в 134 триеры. Оплата корабельному экипажу, ввиду дальности пути и опасности предприятия, достигала драхмы в день на одного матроса, так что общий годовой расход на войну был не меньше 1620 талантов. Всего было около 6000 воинов, из них гоплитов 5100, в том числе только 1500 афинян, остальные были набраны из союзников. Во главе флота были поставлены три

³ Поэтому доводы, влагаемые Фукидидом (V, 105) в уста афинян при осаде Мелоса и основывающиеся исключительно на праве сильного, как указал уже Дионисий Галикарнасский (О Фукидиде, 37—41, особенно 39), есть лишь продукт художественного творчества Фукидида и не могли выставляться в действительности. Афиняне могли выдвинуть гораздо более убедительные юридические доводы.

лучших афинских стратега: Алкивиад, Никий и Ламах, прославившийся своей храбростью во время Архидамовой войны.

События в Афинах перед отплытием эскадры. Гермокопиды

Когда весной 415 г. флот был готов к отплытию, в Афинах произошло неожиданное событие. На афинских улицах стояли так называемые гермы, столбы с грубо изваянными изображениями бога дорог Гермеса. В одну ночь значительная часть герм оказалась изуродованной.⁴ Афиняне увидели в этом, с одной стороны, дурное предзнаменование, с другой — выпад врагов демократии или изменников с целью помешать отправлению флота; думали даже, что это дело рук коринфян. Началось строгое расследование, которое обнаружило еще одно преступление против религии. Культ богини Деметры в Элевсине сопровождался таинствами—мистериями. К этим таинствам, как известно, допускались только посвященные, и того, что происходило во время мистерий, нельзя было разглашать. Группа афинской золотой молодежи, собравшись на пирушку, позволила себе пародировать элевсинские мистерии, — это было еще большее кощунство, чем уродование герм. В числе участников кощунства называли и Алкивиада. Алкивиад требовал, чтобы его дело разбиралось на суде до отплытия в Сицилию. Алкивиад рассчитывал при этом на свою популярность среди афинян. Но враги Алкивиада предпочитали разбирать это дело в его отсутствие, и по их настоянию народное собрание решило отложить суд над Алкивиадом до возвращения его из похода. В 415 г. афинская эскадра отправилась в путь.

Переход Алкивиада на сторону Спарты

Появление такой огромной эскадры вызвало среди демократов Запада не радость, а беспокойство: думали, что афиняне имели в виду не столько оказание помощи, сколько агрессивные цели — покорение греческих городов в южной Италии и в Сицилии. В южной Италии, куда флот первоначально прибыл, афиняне не получили никакой поддержки. Жители Тарента и Локр не впустили их ни внутрь городских стен, ни на рынки и даже не позволяли им запастись питьевой водой. Жители Регия доставили им провиант, но решили остаться нейтральными. Флот переправился в Сицилию, но и здесь, кроме Наксоса и

⁴ Это событие стало потом неиссякаемой темой для остроумия афинской комедии, которая в шутку прозвала виновников этого преступления Гермокопидами («Гермолосеверниками»). Поскольку в срыве экспедиции были заинтересованы только лаконофильствующие аристократы («Пирейская партия» была в этом вопросе заодно с Алкивиадом, и вдобавок ее сторонники были весьма суеверны), естественнее всего предположить, что кощунство было делом рук этих аристократов, хотя следствие ничего не выяснило.

Катаны, к афинянам не присоединился ни один город. В это время в Афинах якобы обнаружились новые доказательства виновности Алкивиада в оскорблении религии; постановлено было, не дожидаясь конца похода, немедленно вызвать его на суд, и за ним был послан государственный корабль «Саламиния». Алкивиад подчинился и отбыл в Афины, но на пути бежал и направился в Элиду, а оттуда, вероятно, в Аргос. Афиняне увидели в этом бегстве доказательство его вины, приговорили его заочно, как святотатца, к смертной казни и конфискации имущества и потребовали его выдачи. Алкивиад бежал в Спарту и там предоставил себя в распоряжение врагов своего отечества.

Осада Сиракуз

Между тем посланное в Сицилию афинское войско приступило к осаде Сиракуз, во главе которых стоял упомянутый уже опытный полководец Гермократ. В 414 г. афиняне, захватив расположенную к западу от Сиракуз возвышенность Эпиполы, угрожавшую Сиракузам, стали строить стену, чтобы блокировать город и с моря и с суши. Афинскому флоту удалось войти в большую гавань Сиракуз. Экспедиция, казалось, могла рассчитывать на успех. Очутившись в тяжелом положении, Гермократ обратился за помощью в Спарту, как раз в то время, когда афинский флот опустошал побережье Лаконики, что дало спартанцам и юридическое основание открыть военные действия против афинян. Спартанцы послали на помощь Сиракузам несколько кораблей и выдающегося полководца Гиlippа, сына уже упомянутого эфора Клеандрида. С помощью последнего сиракузянам удалось помешать афинянам довести до конца постройку стены и нанести им ряд чувствительных поражений; афиняне лишились теперь правильного снабжения провиантом и попали в тяжелое положение. Союзники, намеренные насильственно, стали расходиться по своим городам, рабы перебежали к неприятелю, а афиняне, отправлявшиеся за фуражом, водой и хворостом, истреблялись вражеской конницей (у афинян первоначально конницы не было). Никий, оставшийся по смерти Ламаха единственным главнокомандующим, принужден был обратиться в Афины с просьбой прислать подкрепление. В своем письме он, сгущая краски, описывал состояние своего войска: корабли приходят в негодность, войско дезорганизовано, союзники отказывают в помощи, денег нет. Однако вопреки его ожиданию он не был отозван; ему были отправлены деньги: доходы с союзников и 140 талантов из храмовых сумм. Несмотря на тяжелые события на родине, о которых речь будет ниже, у афинян хватило энергии, чтобы ценой крайнего напряжения денежных средств и военных сил послать на помощь в Сицилию еще две эскадры: одну из 10 кораблей под начальством стратега Евримедонта, другую (в марте 413 г.) — из 60

афинских кораблей и 5 хиосских под начальством стратега Демосфена; на них было 1200 афинских гоплитов и очень много союзников. Но даже и после прибытия нового афинского флота Гилиппу удалось захватить занятый афинянами мыс Племмирий на южной оконечности большой сиракузской гавани и нанести полное поражение Демосфену (июль 413 г.) в ночной схватке. Демосфен хотел после этого прекратить кампанию, но Никий протестовал, опасаясь суровой расправы с ним его врагов-демократов после возвращения. Когда Никий по прошествии нескольких недель согласился, и афинская армия села на корабли, случилось (27 августа 413 г.) полное лунное затмение, и это заставило в силу религиозных суеверий отложить отъезд на месяц.

Гибель афинской эскадры

Но еще до истечения этого месяца сиракузянам удалось одержать полную победу над афинским флотом и сухопутным войском. Афинянам пришлось искать спасение в отступлении по суше во внутренние части Сицилии. Во время этого отступления они были частью перебиты, частью взяты в плен. Оставшиеся в живых стратеги Никий и Демосфен были казнены, воины брошены в каменоломни, где от невыносимых условий работы большая часть их погибла; оставшиеся в живых были частью проданы в рабство, частью брошены в темницу.⁵ Таким образом, сицилийская экспедиция кончилась для Афин катастрофой. Главным следствием ее было начавшееся распадение Афинской державы и вмешательство Персии в греческие дела. Однако Афины, несмотря на постигшую их катастрофу, не утратили своей боеспособности. Война продолжалась. Новый период ее носит название Декелейской, или Ионийской, войны.

3. ДЕКЕЛЕЙСКАЯ, ИЛИ ИОНИЙСКАЯ, ВОЙНА

Захват Декелеи

Еще за несколько месяцев до сицилийской катастрофы спартанскому царю Агису удалось захватить укрепление Декелею в Аттике, отстоявшее на 20 км к северу от Афин. Афиняне, видевшие в Алкивиаде злого гения их государства, склонны были считать, что и этот шаг, сыгравший большое значение в войне, спартанцы предприняли по совету Алкивиада. На этот раз спартанцы держались иной тактики, чем во время Архидамовой войны. Агис со своим войском не совершал крат-

⁵ Согласно любопытному сообщению Плутарха, остались в живых те, которые знали наизусть отрывки из трагедий Еврипида, так как Еврипид был чрезвычайно популярен в Сицилии.

ковременных набегов на Аттику, а оставался в Декелее безвыходно, лишив тем самым афинян возможности получать хлеб как с полей Аттики, так и из соседней Евбеи. Кроме того, Агис, так же как в свое время афиняне под Пилосом, по-видимому, обещал свободу афинским рабам, которые перебегут к нему; 20 000 рабов перешли к спартанцам и тем привели в полное расстройство афинскую экономику; именно в обмен на продукцию рабов афиняне получали из Северного Причерноморья и других мест хлеб и сушеную рыбу, которые были так необходимы в это время. Разработку Лаврийских рудников пришлось также приостановить.

Борьба в Ионии

Сицилийская катастрофа немедленно отразилась и на положении вещей в Малой Азии, так как теперь, с гибелью афинского флота в Сицилии, все преимущества на море были также на стороне спартанцев, которые к этому времени построили флот, усиленный еще контингентами сицилийцев. В довершение всего афиняне оказали поддержку сатрапу Аморгу, восставшему против персидского царя. Этим окончательно испортили отношения с Дарием II, чувствовавшим теперь себя совершенно не связанным Каллиевым миром 447 г. и приказавшим сатрапам полностью взимать с греческих городов Малой Азии дань. Тиссаферн, персидский правитель приморской области, стремился ослабить афинян с целью совершенно подчинить себе эллинские города в Малой Азии. Спартанцы теперь могли рассчитывать на содействие персов. Казалось, окончательная гибель Афин — дело нескольких месяцев. Враждебные афинянам партии на Евбее, Лесбосе, Хиосе и в других городах Ионии отправили послов и в Декелею к Агису (евбеицы и лесбосцы), и в Спарту к эфорам (хиосцы). Прибыли в Спарту также послы от Фарнабаза, сатрапа Геллеспонтской области, и от Тиссаферна. Спартанцы решили, однако, послать свой флот не в Геллеспонт, а к Тиссаферну, у которого, казалось, было больше сил и средств.

Однако в это тяжелое для Афин время ярко обнаружилось превосходство афинского гражданского духа и стратегии. Энергичными мерами афинянам удалось предотвратить прибытие спартанской помощи к хиосцам: шедшая к Хиосу спартанская эскадра была разбита афинским флотом, а уцелевшие суда пришлось вытащить на берег близ Коринфа. Правда, прибывшему сюда спартанскому флоту под руководством Алкивиада удалось все же произвести переворот на Хиосе; после этого Хиос перешел на сторону спартанцев, как перешел также и Милет, но вызвать восстание на Самосе им не удалось — он остался верен Афинам, и у его берегов сосредоточилась афинская эскадра. Для того чтобы обезопасить остров от перехода

на сторону спартанцев, самосские демократы казнили или изгоняли аристократов, а их земли и дома делили между бедной. Принимая во внимание все это, афиняне возвратили самосцам автономию, утраченную ими в 440 г. Такой же неудачей окончились попытки спартанцев вызвать перевороты на Лесбосе, в Клазоменах и в других местах.

Договоры между Спартой и Персией

Все это показало спартанцам, что собственными силами им не удастся одолеть афинян и что для победы придется сделать серьезные уступки персам. В 412 г. спартанцы заключили договор с персидским царем Дарием II и Тиссаферном. Этот договор гласил: «Вся страна и все города, какими владеет царь и владели предки царя, пусть принадлежат царю». Дарий не дал никаких конкретных обещаний спартанцам относительно денежной помощи. Персидскому царю и его предкам, как известно, принадлежали в свое время не только ионийское побережье, но и острова Самос, Наксос и другие, а также фракийское побережье, Македония, Фессалия, вся средняя Греция, Аттика и Евбея. Персы вправе были толковать этот договор так, что все эти области должны были перейти к ним. Надо думать, что этот договор вызвал недовольство и среди ряда спартанских союзников, — во всяком случае, против него открыто выступал один из спартанских военачальников (Лихас). Поэтому через некоторое время был заключен второй договор, по которому царь обязался выдавать жалование всему спартанскому войску, находившемуся в Ионии. Затем, некоторое время спустя, был заключен, наконец, и третий договор, где формулировка была уже изменена, и царю предоставлялась власть только над землями, находящимися в Азии.

Союз спартанцев с персами повел к отпадению ряда других городов от Афин, несмотря на то, что афиняне, чтобы расположить к себе союзников, освободили их от фороса, заменив его пятипроцентной пошлиной с ввозимых и вывозимых товаров.

Неудачи в северной Греции

В это же время Афины постигла и другая неудача. Теперь, когда лакедемоняне хозяйничали на море, обеспечение сухопутного и каботажного пути вдоль фессалийских берегов было особенно важно. Афинянам удалось добиться, что на молосский трон в Эпире был посажен Тарип, воспитывавшийся в Афинах и их горячий сторонник. Они всячески усиливали авторитет Додонского оракула в ущерб Дельфийскому. Вели они энергичную агитацию и среди племен союзной с Эпиром и дружественной им ахейской Фессалии. Однако в конце 412 г. лакедемонянам удалось в первый раз нанести чувствительное поражение этим

племенам. Агис взыскал с них крупную денежную контрибуцию и заставил дать заложников; на короткое время ему удалось даже присоединить их к Лакедемонскому союзу (Фукидид, VIII, 3). Это вызвало уныние и скорбь в Афинах — Евбея оказалась под угрозой (как мы увидим, вскоре афиняне ее действительно потеряли).

Олигархические группировки в 412—411 гг.

Постигшие Афины военные неудачи не могли не отразиться и на их внутренней жизни. Если до этого времени олигархические группы могли вести только тайную заговорщическую подрывную деятельность, то теперь они начали все громче заявлять о своем существовании. Это были прежде всего реакционеры старого поколения, которые во время Архидамовой войны принуждены были скрывать свои взгляды, затаив в глубине души звериную ненависть к демократии. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились: во внутренней политике они добивались совершенного устранения от управления страной простого народа и передачи всей власти замкнутой коллегии из богатых и знатных лиц, а также перенесения в Афины спартанского строя и обычаев; во внешней политике их лозунгом было слепое, безоговорочное следование за Спартой и, следовательно, мир со Спартой на любых условиях. Они всегда были готовы на такой мир и если не заключили его сразу по приходу к власти, то потому только, что боялись взрыва народного негодования, ибо народ еще не был тогда в достаточной мере укрощен.

Но, наряду с этой олигархической партией, под влиянием агитации Алкивиада и его друзей, начинает формироваться другая олигархическая партия, ядро которой находилось в Самосе, среди части стратегов афинского флота. Как сообщает Фукидид, уже в ноябре 412 г. Алкивиад посылал доверенных людей к наиболее почетным и влиятельным афинянам, находившимся на Самосе, для переговоров о своем возвращении, причем ставил условием изменение существующего демократического порядка; он стремился «вернуться из изгнания по приглашению и при поддержке олигархических клубов и добиться изменения существующего строя» (Фукидид, VIII, 48, 3).

Однако к лаконофильской олигархии, составлявшей большинство членов этих клубов, Алкивиад относился враждебно. В это время он уже охладил к Спарте: за время своего пребывания в Спарте ему пришлось убедиться, что идеи образования великой державы не могут быть осуществлены в рамках спартанского государства ввиду косности и партикуляризма спартанских правящих кругов. Прибывший в Малую Азию со спартанскими войсками для организации переговоров между Спар-

той и Персией, Алкивиад вскоре порвал со спартамцами,⁶ сблизился с персидским сатрапом Тиссаферном и даже поселился у него. Алкивиад прекрасно понимал, что после заключения договора 412 г. между Спартой и Персией у афинян нет шансов на победу, так как им, ослабленным сицилийским поражением, не под силу бороться сразу с двумя такими врагами, как Спарта и Персия. Поэтому, с его точки зрения, сближение с Персией было единственным выходом для Афин, и в этом случае Алкивиаду представлялся удобный случай выступить в роли посредника и благодетеля. Свое требование уничтожить демократический строй он мотивировал тем, что якобы в этом случае Тиссаферн станет на сторону Афин; в действительности, это требование Алкивиада вызывалось тем соображением, что энергичное ведение отчаянной борьбы со Спартой, по мнению афинских умеренных кругов, было крайне затруднено при старых демократических формах, когда демагоги вмешивались в чисто военные дела. Это вмешательство мешало сохранению военной тайны и вследствие случайности голосования срывало единство линии военного командования, не говоря уже о том, что каждому стратегу, совершившему неудачный или непонятный народу шаг, угрожали вызов в Афины, смещение с должности и даже смертная казнь. Единоличная диктатура казалась им необходимой предпосылкой энергичной военной политики; недаром даже Еврипид, обычно симпатизировавший демократическому строку в 411 г. в своей трагедии «Андромаха» протестует против партийной борьбы и даже против правления «группы мудрецов» в минуты величайшей опасности для государства. Он требует передачи неограниченной власти одному лицу, «хотя бы и не очень высоких нравственных качеств», т. е. Алкивиаду.

К этому времени демократический строй фактически был уже в Афинах пустой формой. Внешне он, правда, еще сохранялся, но уже приблизительно в октябре 412 г. была выбрана комиссия десяти пробулов из людей преклонного возраста, исполняющих эту должность пожизненно. Эта коллегия с чрезвычайными полномочиями с самого начала нарушала нормальный законный демократический порядок и была ядром будущего олигархического правительства четырехсот. Она получила право принимать предварительные решения по всем текущим делам: самое слово «пробул» означает: «принимающий предварительное решение». К этим должностным лицам перешла, таким образом, важнейшая функция совета пятисот — пробулевма, предварительное рассмотрение вопросов и рекомендация тех или иных решений народному собранию, иными словами, — руко-

водство политической жизнью страны. Из «Лисистраты» Аристофана, поставленной не позже марта 411 г., также видно, что уже в это время пробулы фактически были, в нарушение демократической конституции, неограниченными хозяевами Афин: у них ключ от государственной казны; они, а не стратеги, заняты подавлением представленной в комедии женской «забастовки» в Афинах; они, а не пританы, дают ордер на арест преступников.

Эта коллегия престарелых реакционеров, тупых и кичащихся своим происхождением, конечно, была плохим союзником для Алкивиада в его планах; не по пути ему было и вообще с лаконофильской аристократией, возглавлявшейся Фринихом, одним из стратегов флота на Самосе. Поэтому по его наущению заговорщики на Самосе послали в Афины Писандра, бывшего в это время вождем олигархии, ориентировавшейся на Персию, и других его единомышленников из самосского флота с целью противопоставить лаконофильской группировке новую, персофильскую олигархическую группировку.

В декабре 412 г. или в начале 411 г. Писандр с товарищами прибыли в Афины; «они настаивали на возвращении Алкивиада и некотором изменении демократических форм» (Фукидид, VIII, 53, 1); с другой стороны, в противоположность своим олигархическим противникам, они требовали союза с персидским царем и более энергичной войны со Спартой. Писандр пытался перетянуть на свою сторону часть сторонников олигархии, обойдя для этой цели все олигархические клубы. Ввиду безвыходности положения народное собрание стало на сторону этой группировки и приняло постановление: «Пусть Писандр и его товарищи отправятся в путь... и ведут переговоры с Тиссаферном и Алкивиадом на условиях, какие им самим покажутся наилучшими» (Фукидид, VIII, 54, 2). Это постановление фактически означало лишение пробулов руководства афинской внешней политикой и передачу неограниченной власти в этой области Алкивиаду. В то же время было выражено недоверие лаконофильской группировке: ее вождь Фриних, ведший тайные переговоры со Спартой, был смещен с должности стратега.

Однако переговоры с Тиссаферном ни к чему не привели: выяснилось, что Тиссаферну нет дела до того, какой строй будет в Афинах, а его требование — чтобы был официально отменен пункт Каллиева мира, по которому персидским военным кораблям запрещалось появляться в Эгейском море, — означало прекращение регулярного подвоза хлеба из Черного моря; на это требование афиняне пойти не могли.

Результаты, достигнутые посланцами Алкивиада в Афинах, пошли, таким образом, на пользу его лаконофильским противникам. Надеясь на помощь персидского царя и желая видеть во главе вооруженных сил Афин Алкивиада, афинские народные массы, скрепя сердце, согласились, как мы видели, на огра-

6 Сообщение Плутарха, будто Алкивиад подвергся преследованию спартанцев, вследствие ревности Агиса, с женой которого Алкивиад якобы был в связи, ничего не стоящий позднейший анекдот (см. мой комментарий в издании: Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. С. 271).

ничение демократических свобод и диктатуру. Это положение вещей использовала лаконофильская реакционная группировка для захвата власти в свои руки; захватив ее, сторонники Спарты стали всячески бороться с Алкивиадом и преследовать его сторонников. Им, разумеется, не были по душе ни проекты переворота с крупными имущественными пертурбациями, ни политика решительной борьбы со Спартой, предлагаемая Алкивиадом: войну со Спартой они вели умышленно вяло, ища мира с ней во что бы то ни стало. С другой стороны, и Алкивиад не хотел и не мог терпеть рядом с собой коллегия из аристократов с большой амбицией и собственной программой. Поэтому в мае 411 г. Алкивиад переменял ориентацию и вступил на путь «демократии», т. е. хотя он фактически и стремился к единоличной власти, но хотел, чтобы формально она опиралась на вотум большинства афинян и была ответственна перед народом.

Когда афинские заговорщики на Самосе решили, наконец, перейти к открытым действиям, Алкивиад отказался действовать заодно с ними; тогда «заговорщики порешили между собой оставить Алкивиادا в покое и потому, что он не желал примкнуть к ним, и потому, что они вообще не считали его подходящим для олигархии» (Фукидид, VIII, 63, 3). Теперь и та олигархическая группа, возглавляемая Писандром, на которую прежде опирался Алкивиад, соединилась со своими лаконофильскими соперниками. Они платили Алкивиаду за его измену их делу жгучей ненавистью; с другой стороны, и сам Алкивиад, убедившись в том, что афинские массы его поддерживают, выступил с программной речью перед афинским войском на Самосе для того, «чтобы афинские олигархи боялись его и тем скорее были распущены олигархические клубы» (Фукидид, VIII, 81, 2), — те самые клубы, на которые он незадолго до того опирался.

Олигархический переворот 411 г.

После неудачи переговоров с Персией оставалась еще одна надежда на быстрое прекращение тяжелых бед, постигших Афины, — мир со Спартой. Полагали, что если в Афинах станет у власти лаконофильская группа, то и в Спарте возьмут верх сторонники умеренной внешней политики, и можно будет заключить мир на тяжелых, но приемлемых условиях, неоднократно предлагавшихся Спартой, т. е. на условиях status quo:⁷ не забудем, что проливы пока еще оставались в руках афинян, и такой мир во всяком случае обеспечил бы за ними бесперебойное снабжение хлебом. Поэтому Алкивиаду, несмотря на весь его авторитет, не удалось остановить уже начавшееся по

⁷ Т. е. каждая сторона удерживает те территории, которыми она в данный момент владеет.

его собственному почину движение в пользу олигархического переворота.

В Афинах олигархические гетерии продолжали действовать уже открыто и постепенно терроризовали весь народ, так как никто уже не знал, кто принадлежит к заговорщикам против демократии и кто не принадлежит. В городе начались тайные убийства. Почва для олигархического переворота была подготовлена, когда Писандр вторично (в мае 411 г.) прибыл в Афины в сопровождении на этот раз вооруженных отрядов, набранных на островах Эгейского моря. Была учреждена комиссия из 30 лиц, в число которых входили упомянутые выше 10 пробулов; ее задачей было выработать проекты для спасения отечества. В июне 411 г. было созвано народное собрание в необычайном для этого месте, в Колоне, находившемся за городской чертой.

Так как по афинским законам всякий, вносящий предложение, противоречащее существующему (в данном случае демократическому) законодательству, подлежал тяжелому наказанию по «обвинению в противозаконном предложении» (graphe paranomon), то было проведено предложение о разрешении безнаказанно вносить в народное собрание любой законопроект. Под давлением своих вооруженных отрядов олигархам удалось провести также отмену диет, допущение к участию в народном собрании только имущественно обеспеченных граждан (имеющих ценз зевгита) в числе 5000 человек и добиться, по предложению Писандра, учреждения, вместо клисфеновского совета Пятисот, «солонического» совета Четырехсот. Этот совет должен был обладать неограниченной властью и созывать народное собрание 5000 по своему усмотрению. Во главе Четырехсот стояли уже упомянутые Фриних и оратор Антифонт, честный человек, но ярый реакционер и слепой поклонник старины.

Основной причиной непрочности этого олигархического режима было то, что новые правители оказались не в состоянии выполнить ту основную задачу, для которой они были избраны. Предполагалось, что спартанцы при условии олигархического переворота охотно пойдут на тяжелый для афинян мир на условиях status quo, который сами же они ранее предлагали афинянам. Однако не было учтено, что с изменением положения на фронте враг становится требовательнее и выдвигает новые условия. Спартанцы в течение 412 г. имели ряд блестящих успехов: к ним отпали Милет, Хиос и другие наиболее влиятельные члены Афинского морского союза; предвиделось отложение и других городов; договор с персами обеспечивал спартанцев флотом и деньгами. Поэтому теперь спартанцев не удовлетворял даже позорный для афинян мир на условиях status quo — они хотели лишить Афины их экономической независимости. «Строй, возглавлявшийся четырьмястами правителями, вотирует сам народ, так как ему пояснили, что спартанцы го-

товы идти на переговоры при любом государственном строе в Афинах, но только не при демократическом... Однако, хотя переворот и был произведен, спартанцы не сделали никаких послаблений». «Четыреста» отправили посольство к спартанцам и предлагали прекратить войну на условии сохранения обеими сторонами того, чем они в то время владели. Но так как те не соглашались иначе, как при условии, чтобы афиняне отказались от власти на море, то они так и оставили свое намерение». ⁹ Это посольство, как мы узнаем из Фукидида, возглавлялось Фринихом и Антифонтом и имело поручение заключить мир на любых мало-мальски терпимых условиях. Но и этого не удалось достичь, и оно вернулось ни с чем. Очевидно, даже спартанские агенты — олигархи из правительства Четырехсот — не могли согласиться на условия, лишаящие Афины регулярного подвоза хлеба, боясь гнева народных масс.

Эта неудача лишила правителей какой бы то ни было опоры в народе; им оставалось только встать на путь террора.

Правление Четырехсот ознаменовалось убийствами, изгнаниями, конфискацией имущества их противников. Членами совета четырехсот были избраны исключительно сторонники олигархов по составленному ими списку, а народное собрание из 5000, существовавшее юридически, ими ни разу не было созвано.

В афинском войске и флоте, стоявших у Самоса, хотя и были сторонники олигархов, но руководящую роль все же играли демократы. Теперь те из командиров, которые принадлежали к олигархической партии, были отрешены от должности; на их места стратегами были избраны демократы Фрасилл, Фрасибул и др. Они не признали происшедшего в Афинах переворота и пригласили Алкивиада, включенного также в число стратегов. Прибывшим на Самос послам от Четырехсот Алкивиад сообщил, что войско не возражает против отмены диет и против ограничения числа участников народного собрания пятью тысячами, но требует восстановления совета пятисот; главным же образом не должен был даже ставиться вопрос о заключении мира со Спартой.

Падение Четырехсот

Под влиянием постигших афинское посольство на Самосе неудач среди Четырехсот образовались две враждебные друг другу партии: большинство, руководимое Фринихом и оратором Антифонтом, стояло за решительную борьбу с демократами и за мир со Спартой любой ценой, так как в этом была единственная возможность справиться с демократическим движением; меньшинство, возглавляемое Фераменом, представляло собой

восстановленную умеренно-демократическую партию «городского центра»: оно требовало созыва 5000 и готово было идти на мир со Спартой только на почетных условиях. По возвращении из Спарты Фриних был убит на агоре двумя проживавшими в Афинах иностранцами, ¹⁰ очевидно, действовавшими по поручению тайной демократической организации. Не решаясь выдать Афины открыто спартанцам, олигархи стали укреплять Ээтионею, косу, господствующую над входом в пирейскую гавань, чтобы тайно впустить оттуда в город спартанцев. Ферамен обратил на это внимание граждан, после чего собравшимся народом укрепление было срыто.

В это время афиняне постигли еще более тяжелые испытания: спартанцам удалось захватить Византий и Халкедон, а спартанский полководец Агесандрид прошел со своим флотом на виду у Афин и захватил Евбею. Таким образом афиняне лишились обоих основных пунктов, из которых шел к ним хлеб. Афиняне охватила паника, так как они были уверены, что после захвата Евбеи Агесандрид двинется на Афины, лишенные флота. Однако напасть на Афины спартанцы не решились.

Потеря Евбеи, Византия и Халкедона привела непосредственно к свержению господства Четырехсот. Народ собрался на обычном месте для собраний, на Пниксе (холме в черте города), сверг Четырехсот после четырехмесячного пребывания их у власти и вручил правление пяти тысячам, которые должны были быть набраны из числа граждан, имеющих возможность вооружиться на свой счет. Это было в сентябре 411 г. Во главе умеренного олигархического правления стал Ферамен. Вождь олигархов Антифонт был казнен (его защитительная речь найдена на папирусе во фрагментарном виде).

Возвращение Алкивиада и военные успехи афинян

В это время руководимый Алкивиадом афинский флот одержал ряд побед над спартанцами. Последние, после того как симпатии Тиссаферна стали под влиянием Алкивиада склоняться на сторону Афин, передвинули свои силы к Геллеспонту, где им мог помогать с берега персидский сатрап Геллеспонтской Фригии Фарнабаз, противник Тиссаферна, стоявший на стороне Спарты. С другой стороны, спартанцы задались целью совершенно прекратить подвоз хлеба в Афины.

Аттического и евбейского хлеба в это время афиняне также не получали вследствие захвата спартанцами Декелеи и Евбеи. Поэтому возвращение проливов было для афинян вопросом жизни. В ряде сражений, при Киносемате (на Геллеспонте),

⁸ Ксенофонт. Греческая история. II, 3, 45—46.

⁹ Аристотель. Афинская полития. 32, 2.

¹⁰ Впоследствии эти иностранцы получили за свой подвиг право гражданства и привилегии от афинского народа. Соответствующая надпись до нас дошла (Tod, I, N 86).

Абидосе и Кизике (весна 410 г.), несмотря на помощь, оказываемую спартамцам Фарнабазом, Алкивиад нанес поражения Спарте. Стоявший у Евбеи флот не мог придти на помощь спартамцам, так как был по пути разбит бурей у мыса Афона. В битве при Кизике был убит и спартанский наварх Миндар; это вызвало глубокое уныние у спартанцев.¹¹ После этого Алкивиад соорудил укрепление против Византия, обеспечивающее беспрепятственный провоз хлеба из Черного моря в Афины.

Под воздействием побед Алкивиада спартамцы в 410 г. предложили афинянам мир на условиях *status quo*. Это означало, что отпавшие союзники, в том числе Евбея, останутся потерянными для Афин. Разумеется, на это афинское правительство, возглавляемое вождем радикально-демократической партии Клеофонтом, пойти не могло.

Положение дел в Сицилии

В Сицилии в это время дела сложились также благоприятно для афинян. После несчастья, постигшего афинян в 413 г., руководитель аристократической лаконофильской партии в Сиракузах Гермократ с флотом из 22 (по другим сведениям из 35) кораблей отправился на помощь спартамцам на ионийский театр военных действий. Он оказал ценную помощь спартамцам при осаде Милета, а затем в битвах при Киносемате и Кизике. Продолжительное (412—409 гг.), отсутствие Гермократа с сиракузским флотом для защиты чужих интересов должно было вызвать недовольство на родине, где в это время (в 412 г.) произошел демократический переворот, возглавляемый Диоклом. Этот последний провел в Сиракузах демократическую реформу — избрание должностных лиц по жребию — и издал законы, долгое время пользовавшиеся популярностью как в Сиракузах, так и в других сицилийских городах. Зимой 410 г., очевидно, по его инициативе, Гермократ был объявлен изгнанником из Сиракуз.

Если Гермократ был ярым врагом карфагенян, то позиция демократа Диокла была двойственной. Бывшие матросы афинского флота, спасшиеся после сицилийской катастрофы, поступили на службу к карфагенянам, находившимся, по-видимому, в дружественных отношениях с афинянами. В это время Селинунт, союзник Сиракуз, напал на демократическую ионийскую Эгесту; Эгеста обратилась за помощью к карфагенянам. Карфагеняне отправили в Сицилию армию под начальством Ганнибала, сына Гескона, в которой сражались и бывшие афинские

¹¹ Афиняне перехватили следующее послание, отправленное спартамцами на родину и сообщающее о гибели флота: «Деревяшки погибли. Миндар приказал долго жить. Экипаж голодает. Не знаем, что делать».

наемники. Овладев Селинунтом, Ганнибал истребил его жителей; затем он выступил против Гимеры. Сиракузцы послали на помощь Гимере войско под предводительством уже упомянутого Диокла, но Диокл вел себя весьма двусмысленно: в разгар борьбы он увел сиракузские войска из Гимеры, за что впоследствии был изгнан из Сикаруз. Гимера была взята приступом и разрушена (409 г.). Как можно заключить из «Финикиянок» Еврипида, эта неудача сиракузян, причинивших столько горя афинянам, вызвала ликование в Афинах, дружественно относившихся к Карфагену, тем более, что причиной победы карфагенян были в значительной мере бывшие афинские воины.

Триумф Алкивиада

В Эгейском море театр военных действий теперь сосредоточился в области Геллеспонта. В 409 г., захватив Халкедон и Византий, Алкивиад тем самым завершил покорение Геллеспонта. Популярность Алкивиада была так велика, что он мог рискнуть возвратиться в Афины, где демократический строй с советом пятисот и гелиеей был восстановлен полностью, включая и диэты. Более того, по предложению Клеофонта, была введена так называемая «диобелия»: граждане, не занимающие государственных должностей и не получающие диэт, стали получать теперь пособие в размере двух обол в день. Чтобы дать заработок безработным, возобновлены были прерванные во время войны строительные работы в Эрехфейоне.

Алкивиад (постановление об его изгнании было отменено еще в 411 г.) был торжественно встречен в Афинах (408 г.) и назначен стратегом-автократором, т. е. стратегом с неограниченными полномочиями на суше и на море; эта должность, как показали впоследствии события в Сицилии, служила прекрасным трамплином для захвата неограниченной власти. После короткого пребывания в Афинах он с флотом из ста триер отплыл на Самос.

4. РАЗВЯЗКА ВОЙНЫ

Изменение политики Персии. Кир и Лисандр

Тем временем положение в Малой Азии изменилось к невыгоде для Афин. Тиссаферн впал у персидского царя в немилость и перестал оказывать помощь афинянам.

При дворе персидского царя взяла верх враждебная афинянам партия, возглавляемая младшим сыном царя Киrom. Кир рассчитывал по смерти отца занять персидский престол и, вероятно, превратить Персию в эллинизованное государство с гре-

ческой культурой и военной техникой.¹² У Кира была жена гречанка, которой он даже дал имя Аспасии; он опирался главным образом на греческих наемников. В своих планах коренной реформы Персидского государства он, по-видимому, имел целый ряд единомышленников в глубине Персии; вероятно, они тождественны с теми людьми, которых источник Плутарха (может быть, Ктесий) называет «смутьянами и беспокойными людьми».

Интересна речь, произнесенная Киrom в 401 г.: «О эллины, я сделал вас своими соратниками не потому, что мне нехватает варваров, но потому, что я считаю, что вы лучше и сильнее огромных полчищ варваров. Так будьте же мужами, достойными той свободы, которая досталась вам в удел и обладание которой я считаю счастьем. Знайте, что эту свободу я предпочел бы всему тому,¹³ что я имею, хотя бы оно и было увеличено во много раз». Нельзя считать, что Кир говорит это только для того, чтобы угодить грекам. В другом месте Ксенофонт отмечает, как Кир радовался, видя, что греки внушают страх бывшим в его войске персам.¹⁴

Правой рукой Кира был спартанский наварх (начальник флота) Лисандр, бывший в родственных отношениях с царским домом Еврипонтидов. Лисандр был чужд полисной психологии, характерной для большинства спартанцев; будучи искусным стратегом и ловким дипломатом, он замыслил коренную ломку спартанского строя и распространение спартанской власти на всю Элладу. Его лозунгом было: «цель оправдывает средства»; так, он говорил: «Детей обманывают костяшками (при игре в кости), а взрослых — клятвами». Он уничтожал автономию греческих государств Малой Азии и ставил у власти преданных ему людей.

Можно думать, что Кира с Лисандром и объединяли планы создания греко-персидской монархии.

В пользу этого говорит тот факт, что вожди аристократических группировок в самых различных государствах материковой Греции фактически состояли на службе у Кира и готовы были повиноваться первому его зову: таковы были Аристипп в Фессалии, Проксен в Беотии, Софэнет в Аркадии, Сократ в Ахавии. Если демократы одерживали верх в том или ином городе, аристократические вожди обращались к Киру и получали от него

¹² По нашему мнению, он был непосредственным предшественником Александра Македонского. Если немецкие историки игнорировали этот факт, то причина этого в том, что они выдвигали на первый план не культурно-исторический, а расовый фактор: создателем эллинистической мировой державы, с их точки зрения, мог быть только эллин по крови. Между тем, в действительности и Александр Македонский не был эллином; «арийцем» же он был не в большей степени, чем Кир.

¹³ Ксенофонт. Анабасис. I, 7, 3.

¹⁴ Там же. I, 2, 18.

деньги и наемников для борьбы с противниками.¹⁵ Те идеи, которые впоследствии характеризовали эллинизм, в это время носились уже в воздухе; мы видели уже, что еще раньше по этому же пути собирался вести Грецию Алкивиад, и показали, какие экономические потребности вызвали эти идеи. Плутарх сообщает, что и Лисандра поддерживали какие-то торговые круги в малоазийских городах.

В 408 г. Кир с огромной суммой в 500 талантов был отправлен в Малую Азию; полномочия сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза были значительно ограничены в его пользу; вдобавок он стал агитировать среди греческих городов за отложение от Тиссаферна и помогал им присоединяться к его области военной силой. Кир добился от царя приказа поддерживать Спарту всеми бывшими в его распоряжении средствами. Тогда же прибыл к берегам Малой Азии спартанский флот, руководимый Лисандром. Между Лисандром и Киrom сразу же установилась тесная связь. Благодаря субсидиям Кира Лисандру удалось повысить жалование морякам на спартанских судах. Это повело к переходу ряда матросов с афинских судов на спартанские.¹⁶

Поражение афинян при Нотии. Падение Алкивиада

Осенью 408 г. спартанский флот в составе 90 триер, под начальством Лисандра, стоял в Эфесе, а афинский флот в составе 100 триер, под начальством Алкивиада, — неподалеку от Колофона, у мыса Нотия. После того как Алкивиад в течение нескольких месяцев тщетно пытался вызвать на бой Лисандра, он весной 407 г. разделил свою эскадру и с частью ее отправился к северу для сбора денег с союзников (его войско не получало жалования), а другую часть оставил под командой кормчего Антиоха, которому поручил ни в коем случае не вступать в бой со спартанцами до его возвращения. Однако Антиох не выполнил этого распоряжения и, по требованию судового экипажа, сразился с Лисандром, но потерпел поражение, причем потерял 15 триер. Алкивиад по возвращении пытался вызвать на бой Лисандра, чтобы смыть позор поражения. Лисандр не принял его вызова. Эта неудача не имела военного значения; однако, когда афиняне узнали о поражении, они пришли в ярость. По предложению вождя радикально-демократической партии Клеофонта они отстранили Алкивиада от должности стратега и выбрали вместо него других стратегов. Алкивиад отплыл в Херсонес Фракийский и поселился как частный человек в принадлежавшем ему здесь укрепленном замке.

¹⁵ Там же. I, 1, 10—11.

¹⁶ В это время значительная часть моряков состояла уже из наемников.

Договор с Карфагеном

В создавшемся серьезном положении афиняне решили союзу лакедемонян с персами противопоставить другой внушительный союз с «варварами». В 407—406 гг. в Афины прибыло карфагенское посольство; оно было принято с почестями, и было постановлено послать посольство в Сицилию к карфагенским полководцам Ганнибалу и Гимилькону с просьбой о заключении дружбы и военного союза.¹⁷

Агитация в Фессалии

Наряду с этим афиняне развивали энергичную деятельность и в Фессалии. В это время Прометей и Ликофрон свергли в Ферах владычество знати, а затем обратились с воззванием к пенестам (зависимым крестьянам) соседних общин, приглашая их к освобождению и борьбе против господ, которые так долго властвовали и грабили их.¹⁸

Любопытно, что главным афинским агитатором в Фессалии был Критий: он вместе с Прометеем организовал здесь демократические учреждения и вооружил пенестов против их господ. В это время он был демократом и сторонником Алкивиада; через два года он станет во главе самой отвратительной и реакционной спартанской агентуры — правления Тридцати.

Битва при Аргинусах

В самой Спарте к деятельности Лисандра, несмотря на его победы, относились с недоверием, и на 406-й год навархом был избран Калликратид, очевидно, принадлежавший к противоположной группе. Кир, поддерживавший Лисандра, после прибытия Калликратида прекратил выдачу пособий спартанцам, ибо он поддерживал Лисандра не из увлечения спартанскими идеалами, а потому что Лисандр был замешан в его планы и мог оказать ему помощь. Калликратид был сторонником примирения с Афинами, но принужден был вести энергичную войну, пока это требовало от него государство. Он, в противоположность Лисандру, относился с уважением к автономии эллинов, и поэтому малоазийские греки охотно дали ему те деньги, в которых ему отказал Кир. Благодаря этому Калликратиду удалось нанести поражение афинянам и осадить их флот, находившийся под командой Конона в гавани города Митилены на Лесбосе.¹⁹

¹⁷ См. мою статью «Афины и Карфаген» (Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 122—125). Борьбой с карфагенянами в Акраганте руководили лакедемонянин Дексипп.

¹⁸ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. I, 2, 24.

¹⁹ Эти успехи Калликратида произвели такое впечатление на Кира, что он снова стал выдавать деньги спартанскому флоту.

При вести об этом несчастье (лето 406 г.) афинян охватило патриотическое воодушевление. Под руководством энергичного вождя радикально-демократической партии, торговца лирами Клеофонта принимается ряд энергичных мер. Этот Клеофонт уже в 410 г. убедил народ отклонить мирные предложения Спарты; после битвы при Нотии он выступил против Алкивиада с обвинением в предательстве и добился отстранения его от должности. Аристократы и умеренные демократы, как мы видим из комедии, ненавидели Клеофонта, «сына фракиянки». По его предложению, все способные носить оружие были призваны на морскую службу. В городе остались для несения гарнизонной службы лишь старики и юноши. Все золотые и серебряные предметы из храмов были перелиты в деньги и обращены на военные нужды; оставлены были только из суеверных соображений две статуи богини Победы да один золотой венок в Парфеноне. На корабли были посажены также рабы, которым была обещана свобода. Таким образом был составлен флот из 110 кораблей, к которому присоединилось еще 40 кораблей союзников. Этот флот сразился с флотом Калликратида, состоявшим из 120 триер, у Аргинусских островов в проливе между Лесбосом и материком Малой Азии. Афиняне одержали блестящую победу, сам Калликратид погиб в этом бою. Однако наступившая после битвы буря помешала афинянам подобрать упавших в море (как живых, так и трупы, которые надо было предать погребению).

По античным религиозным представлениям души непогребенных бродят по свету и мучат сородичей и сограждан. Поэтому, когда афинский флот после победы вернулся на родину, против командовавших в битве восьми стратегов было возбуждено обвинение,²⁰ причем, в нарушение закона, их судили не каждого порознь в соответствии с его индивидуальной виной, а всех огульно. Все они были приговорены к смертной казни; в их числе был и сын Перикла от Аспасии, о котором мы говорили выше. Только двоим, не явившимся на суд, удалось спастись. Один лишь Сократ, бывший в числе пританов, протестовал против незаконной процедуры.

После поражения при Аргинусских островах Спарта вновь предложила мир афинянам на тех же условиях, что и после битвы при Кизике, но по настоянию Клеофонта и это предложение было отвергнуто.

²⁰ Они обвинялись не в том, что не спасли жизнь утопающих, а в том, что оставили тела без погребения. «Часть стратегов полагала, что необходимо заняться вылавливанием (трупов) умерших, так как афиняне очень сурово относятся к тем, кто допускает, чтобы умершие остались непохороненными» (Диодор, XIII, 100, 1). Ср. с этим следующее: Никий в 426 г. пожертвовал честью победы над коринфянами только ради того, чтобы не оставить непогребенными трупы двух сограждан (Плутарх. Никий. 6).

Между тем Лисандр, не имевший права занимать два раза должность наварха, формально занял место помощника нового наварха и таким способом без труда обошел закон.²¹ Получив новую крупную субсидию от Кира и затратив ее на пополнение спартанского флота новыми кораблями, он двинулся в Геллеспонт. Лисандр направился сюда, понимая, что для победы над афинянами необходимо прекратить подвоз к ним хлеба. Афинский флот также отправился в Геллеспонт и расположился на Херсонесе у Эгоспотамах (Козьих Рек). Это было пустынное место, вдали от городского поселения и близ замка, принадлежавшего Алкивиаду. Алкивиад вышел к афинскому войску и убеждал стратегов перенести стоянку к городу Сесту, чтобы воинам не ходить на рынок на большое расстояние и не оставлять кораблей без команды. Однако афиняне его не послушали. Между тем Лисандр, воспользовавшись моментом, когда на афинских кораблях не было гребцов и воинов, так как они были рассеяны на берегу, напал на афинский флот и нанес ему решительное поражение (осень 405 г.). Из 180 афинских кораблей 120 попали в руки спартанцев, 50 погибли в бою и только 10 под начальством Конона спаслись и бежали на Кипр. Все пленные афиняне были казнены.

Год спустя после битвы при Эгоспотамах погиб и Алкивиад от руки убийц, вероятно, подсланных спартанцами.

После поражения афинян при Эгоспотамах сдались Византий и Халкедон, и Лисандр подчинил себе весь Геллеспонт; Афины оказались отрезанными от подвоза хлеба с Боспора, и им угрожал голод. Все города, принадлежавшие к Афинскому морскому союзу, за исключением Самоса, отпали, так как положение было безнадежным. Однако самосцы не только не перешли на сторону Спарты, но перебили в своем городе знать, державшуюся спартанской ориентации, и заключили тесный союз с Афинами, невзирая на то, что грядущая победа Спарты казалась несомненной. За это афиняне предоставили самосцам права гражданства.²² К сожалению, было уже слишком поздно: если бы Афины предоставили союзникам права афинского гражданства уже в 411 г., как советовал Аристофан,²³ то возможно, что весь ход дальнейшей борьбы был бы иным.

Осада Афин. Заключение мира

Спустя несколько месяцев после этого Афины были обложены пелопоннесскими войсками. Спартанский царь Агис зашел

²¹ Формально навархом был назначен Арак, а Лисандр его помощником (эпистолеем). В действительности Арак был подставным лицом, а командовал Лисандр.

²² Соответствующая надпись (Ditt. Syll. I³, N 117) сохранилась.

²³ Лисистрата. 580 сл.

со стороны Декелеи, другой спартанский царь Павсаний — со стороны Пелопоннеса; Лисандр с флотом из 150 кораблей осаждал Пирей. Афиняне отправили послов в Спарту с заявлением, что они готовы войти в Пелопоннесский союз и примириться с распадом Афинского союза, если им разрешат сохранить Длинные стены. Но спартанцы и слышать не хотели о таких условиях. Они соглашались только оставить за афинянами населенные афинскими клерухами острова Лемнос, Скирос и Имброс, лишившиеся всякого торгового значения после потери фракийского побережья и Геллеспонта; афиняне же должны были разрушить Длинные стены на протяжении 10 стадий (немногим менее 2 км). Разумеется, афинские патриоты, руководимые вождем радикальной демократии Клеофонтом, не могли пойти на эти условия и решили бороться до последней возможности. В начале 404 г. был послан к Лисандру для переговоров уже упомянутый Ферамен. Он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия. Во время отсутствия Ферамена Клеофонт по ничтожному поводу был приговорен к смерти, и радикальная демократия осталась без руководства, которое теперь перешло к олигархам. Ферамен не добился никаких результатов, так как Лисандр в конце концов заявил ему, что он, Лисандр, не считает себя компетентным вести с ним переговоры, а рекомендует ему обратиться к эфорам. Тогда в Спарту было послано третье посольство с тем же Фераменом во главе, готовое принять любые условия.

На состоявшемся собрании коринфяне и фиванцы, злейшие противники Афин, требовали полного разрушения города, своего постоянного соперника; при этом, вероятно, они рассчитывали на то, что получат часть территории Аттики. Но в планы спартанцев вовсе не входило усиливать Коринф и Фивы, поэтому предложение не было принято: спартанцы не разрушили Афин и даже внешне сохранили их независимость, предложив им мир, хотя и на чрезвычайно тяжелых условиях. Большую роль при этом сыграла партия Агиадов, возглавляемая царем Павсанием и недовольная политикой Лисандра. Афиняне должны были восстановить у себя «государственный строй отцов», вернуть изгнанных аристократов, срыть Длинные стены, лишиться всех своих владений (в том числе Лемноса, Имброса и Скироса) и флота, за исключением двенадцати кораблей. Когда эти условия были приняты народным собранием, Лисандр вошел в Пирей (24 апреля 404 г.), изгнанники вернулись, а победители-спартанцы приступили при звуках музыки к разрушению Длинных стен. В распоряжении Афин остались таким образом лишь Аттика и остров Саламин.

По условиям мира со Спартой Афины должны были установить или восстановить у себя «государственный строй отцов» (*patrios politeia*). Означало ли это восстановление конституции Клизфена, Солона или иной, более ранней, никто не знал. Фактически власть под давлением Лисандра, прибывшего в Афины с флотом летом 404 г., пришлось передать комиссии из 30 человек. Эти правители позднее получили прозвище «тиранов» за террористический режим, который во время их правления господствовал в Афинах. Сначала руководящую роль в правительстве Тридцати играла умеренная партия во главе с Фераменом, унаследовавшая традиции «партии города»; затем власть перешла к партии крайних олигархов, во главе с Критием, бывших прямыми агентами Лисандра и опиравшихся на спартанский гарнизон, стоявший на акрополе.

Критий был учеником Сократа, поэтом, историком и, если угодно, социологом, горячим поклонником Спарты; он написал сочинение о лакедемонском государственном устройстве, где называет спартиатов единственными свободными людьми в полном смысле слова. До поры до времени Критий умел скрывать свои олигархические настроения и даже в 406 г., по тайному поручению афинского правительства, находился в Фессалии, чтобы поднять пенестов против их господ. В бытность свою членом правительства Тридцати Критий прославился как инициатор казней и конфискаций имущества ни в чем не повинных людей.

Финансовое положение правительства было крайне тяжелым; с прекращением торговых сношений свелось к минимуму; потеря союзников означала прекращение главного источника дохода — фороса, нужда же в деньгах, даже с отменой диобелии (оплаты в 2 обола, см. выше с. 457) и оплаты должностных лиц, была очень большой; ко всему этому приходилось оплачивать спартанский гарнизон, состоявший из 700 человек и находившийся под начальством спартанского гармоста на акрополе. Тридцать правителей не остановились перед тем, чтобы, с одной стороны, арестовывать и казнить богатых граждан, часто очень далеких от демократии, и отбирать их имущество, с другой — беспощадно преследовать наиболее незащищенную часть населения — метэков. Было вынесено постановление, что каждый из Тридцати может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество. Ясно, что такой узаконенный произвол открывал широкие возможности для сведения личных счетов. Олигархами были арестованы богач Никерат, сын Никия, человек умеренного направления, из числа метэков — оратор Лисий, также богатый человек. Правление Трид-

цати вызвало негодование даже таких реакционно настроенных писателей, как Ксенофонт, Платон, Исократ и Аристотель.

Политика Тридцати не отличалась от той политики, которую вели ставленники Лисандра («декархии») в других городах: они опирались на кучку клеветов, прямых спартанских агентов, и грабили всех прочих богатых людей, хотя бы это были аристократы, люди реакционных убеждений. Во время Тридцати, как сообщает Исократ (XXI, 12), «больше боялся тот, кто был богат, чем тот, кто совершил преступления. Они не наказывали преступников, а отбирали имущество у состоятельных людей; они считали, что преступники их друзья, а богатые — их враги».

Только Сократ открыто отказался повиноваться распоряжению Тридцати о незаконном аресте саламинца Леонта. Всего насчитывалось до 1500 лиц, павших жертвою террора Тридцати. Когда Ферамен позволил себе протестовать против этой политики, он был по требованию Крития арестован и казнен.

6. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Борьба против олигархии

Еще до утверждения господства Тридцати, в 404 г. началось движение среди афинских эмигрантов — демократов, во главе которых встал Фрасибул и которые, несмотря на запрещение спартанцев, нашли приют в Фивах, где около 401 г. власть перешла к умеренной демократии (см. ниже, с. 497). Отправившись из Фив, группа афинских эмигрантов, руководимая Фрасибулом, заняла пограничную между Беотией и Аттикой крепость Филу, куда стали собираться сторонники демократии. Число собравшихся стало вскоре довольно значительным. Войско правительства Тридцати выступило против них, но было разбито. Правители не сочли возможным дольше жить в Афинах в атмосфере враждебности; поэтому они вырезали ненадежную часть населения города Элевсина, а затем, потерпев поражение в новом сражении с демократами при Мунихии (в этой борьбе погиб Критий), покинули Афины и переселились в Элевсин, укрепив его. В Афинах снова берет верх «партия города», т. е. та группа, которая прежде возглавлялась Фераменом. Эта группа была враждебна Тридцати, но в то же время и не желала возвращения в город радикальных демократов с Фрасибулом во главе. Радикальные демократы поэтому захватили наиболее передовый, торговый район Афин — Пирей, основную базу той «Пирейской партии», взгляды которой они разделяли.

Итак, на территории Аттики образовалось три правительства. В Пирее — правительство, опирающееся на «Пирейскую партию», в городе — умеренное правительство «партии города», в Элевсине — правительство Тридцати. Войска первых двух правительств выступили в бой и встретились на пути между Афи-

нами и Пиреем. Однако до сражения дело не дошло: борющиеся стороны послали друг к другу парламентеров, и было заключено мирное соглашение. Победе демократов помог антагонизм, который существовал между двумя партиями в Спарте, из которых одна возглавлялась Лисандром, а другая — спартанским царем Павсанием. Партия Агиадов последовательно упраздняла повсюду тирании, учрежденные Лисандром; поэтому Павсаний явился с войском в Аттику, и Лисандр, снова подвергший блокаде Пирей, должен был подчиниться его приказаниям. Павсаний выступал в качестве посредника между враждующими партиями — «Пирейской партией» и «партией городского центра» и изгнанные были возвращены в Афины. После этого в 403 г. восстановлена была демократия с советом пятисот и проведена общая амнистия. Все, кроме Тридцати и их непосредственных помощников (коллегия «одиннадцати», ведавшая тюрьмами и исполнением приговоров), получили право безнаказанно проживать в Афинах; возбуждать какие бы то ни было процессы по политическим преступлениям, совершенным до этого переворота, было запрещено. Правительство олигархов, укрепившихся в Элевсине, было вскоре после того ликвидировано.

Восстановленная демократия

Восстановленная в Афинах демократия встала перед рядом трудных и ответственных задач. Война опустошила Аттику. Земли лежали необработанными, верфи пустовали, торговля прекратилась. Потеря клерухий наполнила Афины бедняками. Государство не только не имело денег, но было обременено долгами: олигархи заняли в свое время 100 талантов у Спарты для оплаты вспомогательного наемного войска против демократов, и Спарта теперь требовала уплаты. Кроме того, и демократы, обосновавшиеся в Пирее, занимали во время борьбы за власть деньги у частных лиц: эти деньги также подлежали возврату. Естественно, что новое демократическое правительство начало свою деятельность установлением режима строгой экономии. Для пополнения казны вновь была введена эйсфора (прямой налог на доходы).

Политика Спарты по отношению к союзным с Афинами городам

Спарта в ее борьбе с Афинами, как известно, выдвинула лозунгом независимость афинских союзников и освобождение их от афинского ига. Разумеется, демократия в союзных с Афинами городах не верила спартанцам, но аристократы полагали, что спартанцы восстановят исконные аристократические порядки и отдадут власть в их руки. Однако они должны были разочароваться. На акрополях «освобожденных» городов были поса-

жены спартанские начальники («гармоствы») с гарнизоном. Передать власть аристократам Лисандр и не думал. Неограниченная власть над каждым из союзных городов была поручена коллегии из десяти человек — декархий. Члены этих декархий были либо связаны с Лисандром личным союзом гостеприимства, либо давали ему клятву, что будут его во всем слушать. Лисандр распоряжался как неограниченный монарх, и в некоторых местах ему воздавались даже божеские почести — это первый случай в греческой истории, когда божеские почести воздавались живому человеку; в эллинистическую эпоху это входит в обычай. Все города должны были платить спартанцам тяжелую дань. После упорного сопротивления был покорен и Самос, защищавший с исключительной энергией свою свободу и демократию. Обещанные спартанцами свобода и автономия оказались таким образом обманом. Если афиняне в свое время уничтожили пиратство на Эгейском море и обеспечили свободу торгового мореплавания, то спартанцы не могли сделать даже это; с 404 г. Эгейское море становится ареной действий пиратов.

7. ЛИТЕРАТУРА

Еврипид

По мере того, как затягивались события Пелопоннесской войны и положение Афин становилось все более трудным, менялись настроения не только рядовых афинских граждан, но и корифеев греческой литературы. Совершается эволюция мировоззрения Еврипида, прежде сторонника демократических взглядов и проводника (хотя и нерешительного) некоторых новых рационалистических и радикальных идей. Еврипид все более приближается к противникам демократии, пока в 411 г. не оказывается в числе сочувствующих перевороту.

В агитационной политической трагедии «Андромаха» (411 г.) Еврипид требует устранения народного правления и передачи всей власти одному человеку, «хотя бы и невысоких нравственных качеств» (подразумевается Алкивиад). В «Оресте» (408 г.) дается изображение народного собрания, причем Еврипид самыми отталкивающими чертами рисует «мерзких демагогов» и интриганов; однако после свержения Четырехсот его идеал уже не единовластие, а «средний класс», крестьянство, т. е. передача власти «имеющим собственное вооружение».

Так же как политические взгляды Еврипида, неустойчивы и истеричны его взгляды в вопросах внешней политики, постоянно меняющиеся в связи с изменением внешней обстановки. В 415 г. в глубоко пессимистической трагедии «Троянки» Еврипид возмущается надругательствами над несчастными жителями взятого города и предсказывает ужасную гибель на море победителям; в обстановке реальных событий это означало воз-

мушение зверствами при взятии Мелоса и неодобрение сицилийской экспедиции, а также призыв к сохранению мира со Спартой. Таким же дружественным актом по отношению к Спарте является и поставленная в 412 г. трагедия «Елена», излагающая миф о Менелее и Елене в официальной спартанской версии (Елены якобы не было в Трое, где находился только ее призрак; она исключительно верная жена, прекрасная мать и т. д.; Менелай — храбрый герой); очевидно, Еврипид надеялся в этом году на успех мирных переговоров со Спартой. Зато поставленная в следующем, 411 г. агитационная трагедия «Андромаха» имеет целью поднять патриотический дух в борьбе со Спартой; здесь поэт злобно издевается над спартанскими героями и политическими учреждениями и характеризует весь спартанский народ как лживых людей и негодяев. Еще более злобно он ополчается здесь против Дельфийского оракула, поддерживавшего Спарту, приписывая гнусные поступки не только святилищу, но и самому богу Аполлону. Пьеса написана непосредственно после успехов Агиса в борьбе с фессалийскими ахейцами и имеет целью прославить мифологическое прошлое эпирских молоссов и фессалийских ахейцев, чтобы привлечь их на сторону афинян. В основном это чисто агитационный памфлет.

Поставленная в 408 г. трагедия «Финикиянки», посвященная братоубийственной борьбе сыновей Эдипа Этеокла и Полиника, проникнута таким же безысходным пессимизмом, как «Троянки». Для историка здесь чрезвычайно интересен типичный софистический спор между Этеоклом и Полиником, в котором Этеокл защищает точку зрения сторонников диктатуры (в реальном плане — Алкивиада), а Полиник — точку зрения демократов; интересны также намеки на сближение афинян с карфагенянами.

С чисто литературной точки зрения необходимо отметить, что в этот период Еврипид совершает постепенный переход от героической трагедии к трогательной бытовой комедии (ее ярчайший представитель во второй половине IV в. — Менандр). Таковы его трагедии «Елена» и «Ион»; первая — драма о возлюбленном, ищущем и находящем свою верную жену с характерным моментом узнавания (*anagnorismos*), вторая — драма о подкинутом младенце, приметных знаках, найденных родителей, мнимой измене и т. д., — все это характерные черты новой комедии. Такими же бытовыми мешанскими драмами с рядовыми слабыми и большими людьми на месте древних героев являются и трагедии «Электра» и «Орест».

Аристофан

В творчестве Аристофана по сравнению с Еврипидом происходит сдвиг в обратную сторону. Для нас особенно интересны

комедии «Птицы» (414 г.), «Лисистрата», «Женщины на празднике Фесмофорий» (411 г.) и «Лягушки» (406 г.). В «Птицах» герои, которым надоели афинские порядки, отправляются к царю птиц — Удоду. Один из них, как опытный афинский политический деятель, организует птиц для совместной борьбы с людьми и с богами: они строят стену, отделяющую землю от неба; боги, лишенные дыма жертв, голодают, принуждены прислать послов в царство птиц и после ряда забавных инцидентов, передают всю свою власть птицам. В комедии пародируется афинское управление колониями, афинские сикофанты (профессиональные доносчики), чиновники, сутяги, продажные официальные поэты и т. д. В комедии «Лисистрата» женщины устраивают оригинальную забастовку, отказывая мужьям в ласках до тех пор, пока те не заключат мир со спартанцами. В пародийном плане здесь трактуется вопрос об эмансипации женщин; в целях мира восхваляется спартанское воспитание женщин, спартанская история, поются спартанские песни и т. д.

Под влиянием событий 411 г., нанесших удар привычным для Аристофана традиционным формам афинской демократии, Аристофан отходит теперь от своих олигархических союзников и становится на позиции умеренной демократии: он выступает против олигархического переворота, за сохранение старых демократических учреждений, но с отменой «общественного кормления» граждан (платы гелиастам, обложений богатых и т. д.), за включение в число афинских граждан метэков и жителей союзных городов.

Не лишена исторического интереса трагедия Софокла «Филоклет», ставящая вопрос о том, можно ли стремиться к достижению благородной цели низкими средствами.

Ораторы

В Афинах второй половины V в., в условиях горячей политической борьбы партий и ожесточенной социальной борьбы, создалась прекрасная почва для развития ораторского искусства и соответствующего жанра литературы — речей. Большую роль в развитии этого жанра, возникшего уже в середине V в. в Сицилии, сыграли софисты. Уже Протагор придавал большое значение ораторскому искусству — искусству убеждать. Платон и ряд других древних писателей обвиняют его в том, что он учил своих учеников делать слабый довод сильным, исходя из того, что по каждому вопросу есть два противоположных довода.

Особые заслуги в развитии риторики принадлежат Горгию, усовершенствованному членению и форму ораторских речей. Кроме народного собрания, афинским ораторам приходилось постоянно выступать и в народных судах. Чтобы склонить народ к тому или иному решению, необходимо было говорить красиво

и убедительно. Поэтому в Афинах, как ни в каком другом месте, ораторское искусство приобрело огромное значение. Однако в Афинах запрещалось выступать на суде вместо тяжущихся их защитникам: каждый гражданин должен был сам защищать свое дело. Поэтому ораторы писали речи для своих подзащитных, а те выучивали их наизусть и произносили в суде.

Ораторы находились на службе у обеих борющихся групп: и у аристократии и у демократов. Типом оратора-реакционера является Антифонт, один из активных участников олигархического переворота 411 г., вслед за тем казненный народом (его не надо смешивать с софистом Антифонтом). Речи Антифонта посвящены процессам об убийствах и апеллируют главным образом к религиозному чувству судей. Требуя казни для обвиняемых, он говорит о духах предков, которые, оставшись неотмщенными, будут мучить и терзать всех афинян, не исполнивших своего долга перед умершим. Совсем в другом духе написаны речи оратора-демократа Лисия. Лисий был бесправным иностранным поселенцем (метэком) в Афинах. В 404 г. он едва не был убит олигархическим правительством Тридцати; значительная часть его имущества была отобрана, хотя он и после этого остался богатым человеком. Лисий — ревностный сторонник демократии. Однако, будучи богачом, он протестует против чрезмерных обложений богатых. Он пишет скупым, но ярким языком и дает живую картину обстоятельств процесса, не запутывая ее морализированием и религиозными рассуждениями. Вникая в вопросы быта, рисуя в своих речах простых, обыденных людей, Лисий является интересной параллелью к Еврипиду в его разобранных выше поздних трагедиях и предвестником того жанра, который будет характеризовать IV в.

8. ФИЛОСОФИЯ

Младшие софисты

Характерной чертой этой эпохи (особенно в Афинах) является отход от вопросов космологии и естествознания и увлечение вопросами личного поведения человека в общественной жизни, в семье и наедине с собой. Этими вопросами занимались уже старшие софисты и Демокрит; но у младших софистов это увлечение принимает новые формы, характерные для эпохи кризиса и приближающегося эллинизма.

В политической теории Протагора, поскольку она известна, нет еще определенно выраженной формулировки той проблемы, которая занимала софистов младшего поколения, именно противопоставления понятий «природа» и «закон». Как мы видели, оно появляется ясно и четко у софиста более молодого поколения — Антифонта; точно так же у одного из современников Про-

тагора, ионийского философа Архелая, встречается такое утверждение: «Справедливое и постыдное обусловлены не природой, но законом». Софист Гиппий из Элиды, современник Сократа, высказывался в том смысле, что «мы все родственники, свойственники и сограждане не по закону, а по природе; ибо подобное сродно подобному по естественным причинам, но закон, будучи властителем людей, принуждает нас ко многому вопреки природе». Тот же Гиппий пытался, по-видимому, дать общую основу нравственности для людей путем сравнения нравов и обычаев не только эллинов, но и «варваров». Эта общая основа должна была возвышаться над законами отдельных государств, что могло бы иметь место лишь в том случае, если бы выше отдельных законов стоял общий для всех обязательный закон природы. Таким общим законом могли быть только законы неписанные, выходящие за пределы узаконений каждого отдельного полиса.

Характерные черты учения Гиппия состоят в том, что оно перешагнуло не только установления отдельных полисов, но даже и «обшегреческие законы», и тем самым могло пошатнуть главные устои греческой политической жизни. И действительно, софист Алкидамант (первая половина IV в.) провозгласил такое необычное для греческого мировоззрения положение, что «природа не сотворила никого рабом», иными словами, устами Алкидаманта один из главных устоев греческого полиса — институт рабства — был объявлен противоестественным. Другой софист младшего поколения Ликофрон называл благородство происхождения «пустым звуком», так как неблагородные ничем не отличаются от благородных. Возвращаясь к Гиппию, нужно сказать, что он, как странствующий с места на место софист, был космополитом, и не удивительно, что он видел в законе тирана, вынуждающего человека поступать вразрез с его природой.

Наряду с охарактеризованным направлением софистики, в основе которого лежит стремление найти всеобщие природные нормы, регулирующие человеческую жизнь, развивается другое направление, которое ставит во главе своих построений природу индивидуума. В основе этого направления лежит та мысль, что государство существует главным образом для защиты и удовлетворения нужд индивидуума. Эту задачу государство способно выполнить лишь в том случае, если принадлежащие к его составу лица будут связаны между собой соблюдением известных обязанностей, а это ведет к заключению между ними договора; закон или обычай и есть, по выражению софиста Ликофрона, договор между людьми, «взаимно гарантирующий права». Но если люди издали законы предпочтительно или исключительно для того, чтобы посредством их охранить свои индивидуальные интересы, то эти законы вовсе не обязательны для всех, и каждый имеет право, если эти законы не обеспечивают его интересов, действовать так, как требуют его личные интересы.

Эти радикальные и анархические учения были использованы и софистами из аристократического лагеря. Они приветствовали учения радикальных софистов, проповедовавшие неподчинение государственным законам, так как государственная власть в ряде греческих государств была в это время в руках враждебной им демократии. Из учений радикальных софистов они делали такой вывод: если нет никаких общеобязательных правил нравственности, то, очевидно, сила есть право; вдобавок, научная аргументация, виртуозно примененная, может быть использована для защиты любого парадоксального положения. Типичным представителем этой группы софистов был выведенный у Платона Калликл. С точки зрения Калликла, законы выдуманы людьми из массы, чтобы поработить и одурманить сильных людей, внушая им, что они почему-то должны иметь равную долю со слабыми. Такие взгляды являются уже провозвестниками нового эллинистического времени. Ксенофонт в «Воспоминаниях» влагает сходные взгляды в уста Алквиаду; Критий знакомил с ними публику в своей трагедии «Сизиф». Впрочем, эти общественные деятели осуществляли эти воззрения и в своей практической деятельности.

Сократ

Учение Сократа, мистически предрасположенного и благочестиво настроенного афинянина, вышедшего из народной массы, частью явилось реакцией на учение софистов, частью было их продолжением.

Как и софисты, он не интересовался точными науками, — его интересовали лишь вопросы практической жизни — как жить наиболее счастливо и правильно. Но он отличался от софистов даже внешне хотя бы тем, что денег за учение не брал. Он считал, что сам ничего не знает, а потому не может учить других: софисты же называли себя мудрецами.

О сущности учения Сократа (469—399), противника софистов, никогда ничего не писавшего, а ведшего со своими учениками и поклонниками лишь устные беседы, мы знаем только из вторых рук, — из сочинений Ксенофонта и Платона и из комедии Аристофана «Облака». Однако Аристофан дает искаженную комедийную пародию на Сократа. Ксенофонт в своих «Воспоминаниях о Сократе» оказался не в состоянии понять его, а Платон влагает в уста Сократа преимущественно свое собственное учение.

Можно даже сомневаться, была ли у Сократа разработанная им самим философская система. Причиной его широкой популярности, несмотря на его недемократические убеждения, была его исключительно привлекательная, благородная личность. Это была чрезвычайно колоритная фигура. Он ходил по улицам и площадям оборванный, босой, грязный, обращался

к кому-нибудь из граждан и заставлял отвечать на вопросы. Обычно он приставал к видным людям, например, к философам, поэтам, государственным деятелям. Он подходил к ним, скромно заявляя, что ничего не знает и просит объяснить тот или иной вопрос. Сначала ему отвечали снисходительно, но он так умело, так искусно ставил вопросы, что его собеседник через несколько минут оказывался в тупике и не знал, как ответить. Сократ заставлял собеседника в конце концов принимать подсказанные ему Сократом взгляды. Собеседник по требованию Сократа должен был давать определения тех или иных понятий, главным образом моральных; они оказывались неверными, их приходилось исправлять, пока не получался результат, нужный Сократу. В этой «диалектике», как называли такой способ ведения беседы древние, Сократ был исключительным мастером.

К государству Сократ относился не то чтобы враждебно, но так, как по античному изречению нужно относиться к огню — «не отходя слишком далеко, чтобы не замерзнуть, и не подходя слишком близко, чтобы не обжечься». Он считал, что живущий в государстве гражданин заключает договор с государством; он обязан выполнять все законы, в том числе и религиозные, поскольку в античности исполнение религиозных обрядов было одной из обязанностей гражданина; однако заниматься государственными делами рядовому гражданину не следует. Каждый человек должен заниматься своим делом. Кто занимается морским делом? — Кормчий. Кто занимается «лошадиным» делом? — Конюх. Значит, и государственными делами должны заниматься специалисты; если же все будут вмешиваться в эти дела, пользы не будет. Каждый должен думать о себе и о своем деле.

В связи с этим Сократ относился враждебно к демократии и часто это открыто высказывал. Именно в демократии проведен принцип, что каждый должен заниматься государственными делами. Порядок, существовавший в аристократиях, был более близок к идеалу Сократа, так как аристократ не должен был зарабатывать на жизнь, а потому уже с детства готовился к занятию государственными делами. Таким образом, по существу учение Сократа пропагандировало аристократический строй.²⁴

²⁴ Сократ был казнен по приговору суда в 399 г. Фактическим основанием для обвинения была проповедь учений, враждебных демократическому строю. В своей книге «Очерки по истории античной науки» (М., 1947. С. 323) я указал, что лично Сократ был благороднейшим мыслителем, но что этот приговор может быть, тем не менее, оправдан с точки зрения государственных интересов демократических Афин, только что переживших два олигархических переворота. Мое мнение встретило решительную оппозицию со стороны покойного А. В. Мишулина. В моей работе, по мнению Мишулина, «читателю предлагается какая-то иезуитская трактовка вопроса. Личной вины у Сократа не было, он к тому же «благороднейший мыслитель», но государство должно его все же казнить, и согласно взглядам автора: так ему и надо! Здесь неправильна и оценка смерти Сократа и его фило-

Моральные принципы Сократа были евдемонистическими: все то, что справедливо—полезно для человека, несправедливо—вредно. Польза и справедливость — одно и то же. Справедливость, в противоположность Гераклиту, Сократ понимал, как некий абсолют, не зависящий от тех или иных реальных условий.

Все эти теории ясно свидетельствуют о том глубоком и безысходном кризисе, в котором оказался греческий рабовладельческий полис в конце V в. Пропаганда софистов, Сократа и его последователей не привела, однако, к полной гибели античных материалистических школ. Школа Демокрита продолжала существовать и впоследствии оказала большое влияние в видоизмененном виде — в виде школы Эпикура. Большое влияние оказало учение Демокрита также на античные медицинские школы. Точно так же и физика, математика и механика IV в., хотя и возглавлялись идеалистическими учеными из пифагорейской и перипатетической (Аристотелевой) школы, тем не менее находились под сильным влиянием Демокрита.

9. ИСТОЧНИКИ

Ксенофонт

Для событий 421—411 гг. прекрасным источником являются книги V—VIII труда Фукидида.

Для событий 411—404 гг. основным источником являются две первые книги «Греческой истории» Ксенофонта.

Ораторы

К этой же эпохе относятся речи афинских ораторов, имеющие непосредственный исторический интерес, например, речи

софской деятельности» (Вопросы философии. 1947. № 1. С. 409). Это замечание А. В. Мишулина затрагивает чрезвычайно интересный вопрос — тем более жаль, что собственные взгляды моего оппонента не становятся понятными из его выступления. Надо думать, что А. В. Мишулин не расходился со мной в оценках философских и политических взглядов Сократа как реакционных. Стало быть, он считал, что реакционер Сократ не мог быть «благороднейшим мыслителем» и что смерть его не может вызывать сочувствия даже и в личном плане. Мне такое решение вопроса не кажется обязательным. Напомню, что Ф. Энгельс очень высоко ставил личное благородство многих жирондистов — «неподкупнейшую честность» Ролана, «героическую самоотверженность» госпожи Ролан и говорил, что не может «читать без глубокого волнения об ужасной преждевременной смерти госпожи Ролан или философа Кондорсе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 34—35). Это не мешало, однако, Энгельсу считать казнь этих жирондистов оправданной с точки зрения государственных интересов якобинской диктатуры. Считал ли А. В. Мишулин эти взгляды Энгельса «иезуитскими»? На мой взгляд, здесь совершенно верно противопоставляются друг другу прогрессивность и личная привлекательность исторической личности — вещи не обязательно совпадающие в классовом обществе.

Антифонта, организатора переворота 411 г.: в частности, на папирусе дошли обрывки защитительной речи на его последнем процессе, в результате которого он был казнен. Из речей другого оратора Андокида наиболее интересна речь «О мистериях», посвященная знаменитому процессу 415 г. (перед отправлением Сицилийской экспедиции). Наконец, из речей Лисия наиболее интересны для историка речь против Эратосфена, ярко изображающая правление Тридцати правителей в Афинах в 404 г., речь о хлебных торговцах, дающая яркую картину порядка снабжения Афин хлебом, взяточничества чиновников, влияния крупных оптовых торговцев, травли метэков, а также речь в защиту инвалида, иллюстрирующая права и положение инвалидов, находящихся на государственном обеспечении.

О трагедиях Еврипида и комедиях Аристофана, имеющих исключительное значение для истории этой эпохи, см. выше, в разделе «Литература».

Платон и Аристотель

Немало исторического материала по этой эпохе можно найти в сочинениях Платона; в частности, для эпохи правления Тридцати интересны «Апология Сократа» и особенно седьмое, автобиографическое письмо Платона.

«Афинская полития» Аристотеля содержит важный материал для периода 429—411 гг., так как дает подробную историю переворота 411 г. и приводит предлагавшиеся тогда проекты конституции.

Надписи

Из надписей этой эпохи особенно интересны, кроме списков фороса, знаменитый договор между Афинами, Мантинеей и Элидой, приведенный также у Фукидида, псефизма 418 г., имеющая целью придать Элевсинскому святилищу международное значение, отчеты о выдаче средств из казны на военные нужды за 418—414 гг., псефизма об организации экспедиции на Мелос в 416 г., две псефизмы об организации Сицилийской экспедиции в 415 г., описи имущества, конфискованного у Алкивиада и других гермокопидов в 414—413 гг., отчеты о займах на военные нужды из храма Афины в 411—406 гг., похвальный декрет в честь убийц Фриниха 410 г. Прибытие Алкивиада в Афины в 408 г. отразилось в двух псефизмах, внесенных им в народное собрание и сохранившихся на камнях: в честь жителей Селимбрии и жителей Клазомен, переселившихся в Дафнунт после занятия их родного города персами. Дошли до нас также декрет 407 г. в честь царя Архелая Македонского, касающийся поставки для Афин корабельного леса; вновь найденная псефизма, касающаяся переговоров Афин с Карфагеном 407/6 г.; поставлен-

ные Лисандром в Дельфах в честь победы при Эгоспотамах посвященные надписи и, наконец, последний благородный жест разбитой афинской демократии — декрет, предоставляющий гражданские права в Афинах самосцам, сохранившим последними верность Афинскому союзу.

Позднейшие источники

Из позднейших источников биографии Лисандра, Алкивиада, Фрасибула и Конона у Корнелия Непота большого интереса не представляют. У Диодора интересующей нас эпохе посвящены кн. XII, 77—XIV, 10. Здесь наиболее интересны главы, относящиеся к истории Сицилии, Италии и Карфагена. Из биографий Плутарха к разбираемой эпохе относятся биографии Никия, Алкивиада и Лисандра, значительно дополняющие рассказ Ксенофонта. Наконец, и для этой эпохи имеют большое значение схолии к Аристофану и античные словари.

1. ГЕГЕМОНИЯ СПАРТЫ

Внутренние отношения в Спарте

Спартанцы не дали эллинам обещанной во время Пелопонесской войны свободы: спартанское иго оказалось значительно более тяжелым, чем афинское. Если Афины поддерживали в греческих полисах демократию, т. е. большинство демоса, то спартанцы опирались в них на меньшинство, отдав власть в отдельных полисах даже не аристократам, а кучке преданных Спарте людей, так называемым «декархиям». Города Малой Азии спартанцы просто выдали Персии, и в них господствовали персидские сатрапы, причем положение в этих городах было значительно лучше, чем в тех, которые оказались под управлением Спарты.

Внутренние отношения в самой Спарте к этому времени претерпели крупные изменения. Известно, что по законам, действовавшим в Спарте с начала VI в., все спартанцы получали одинаковые участки земли; в Спарте запрещено было ввозить золото и серебро; единственным видом денег были тяжелые железные прутья, что делало невозможной более или менее широкую торговлю. Такое положение вещей не могло долго продолжаться. Фактически среди спартанцев рано началось расслоение. Так, например, были случаи, когда богатый человек получал в приданое за женой-эпиклерой (единственной наследницей) в дополнение к своему участку еще второй участок земли. Были и другие формы обхода закона о неотчуждаемости земли. В результате такого процесса, повторявшегося в ряде поколений, в одних руках сосредоточивалось несколько участков земли. И, наоборот, были граждане, владевшие только одним клером, но имевшие несколько сыновей, так как свободных клеров в V в. уже не оставалось, а новых переделов земли не производилось. Поэтому среди спартанцев оказалось немало обедневших.

В первые десятилетия IV в. процесс расслоения чрезвычайно ускорился. Многие спартанцы, побывавшие на Востоке, привозили с собой большие богатства. По свидетельству Ксенофонта,¹ «каждый спартиат мог делать все, что ему вздумается, в любом греческом городе», и «все греческие города безусловно повинно-

¹ Анабасис. VI, 6, 12.

вались приказаниям каждого лакедемонянина»; спартиатов засыпали подарками, и они могли в этих городах бесконтрольно хозяйничать, взыскивая с них огромные суммы. В результате этого в Спарту сразу нахлынуло много богатых людей, привыкших жить иначе, гораздо роскошнее, чем жили обычно спартиаты в самой Спарте. Правда, ввозить в Спарту золото и серебро по-прежнему запрещалось, но этот закон легко обходился. Например, спартанский полководец Лисандр хранил свои богатства в Дельфийском храме Аполлона, другие спартиаты хранили деньги в Тегейском храме Афины, откуда они могли небольшими суммами получать эти вклады, пускать их в оборот и, таким образом, увеличивать свои богатства. По свидетельству Платона, «одного только золота и серебра в частном владении во всей Греции нельзя было найти столько, сколько его было в одном Лакедемоне. В самом деле, с какого времени уже идет оно туда от всех эллинов,² нередко же и от варваров, зато отсюда никуда не выходит».

При помощи различных обходов закона стала быстро прогрессировать скупка земли. К рассматриваемому времени относится закон эфора Эпитадея, разрешившего спартиатам дарить землю и передавать ее в наследство кому угодно из полноправных спартиатов. Но в форму сделки о дарении можно было юридически облечь и продажу. То, что фактически несомненно происходило и до этого времени, теперь было закреплено законодательным путем, и земельные владения стали еще быстрее сосредоточиваться в одних руках. При этом для Спарты характерно то, что главными крупными собственниками земли стали женщины, потому что мужчинам обычай запрещал заниматься коммерческими и финансовыми делами.

Наряду с очень богатыми гражданами, среди спартиатов появились и бедные люди. Многие спартиаты не были в состоянии приобрести себе тяжелое вооружение, не могли делать взносы на совместные обеды, «фидитии». По спартанским обычаям тот, кто не прошел военного обучения, кто не был членом фидитии и не имел вооружения, автоматически лишался политических прав. И в таком положении оказалось большинство спартиатов.

Спартиаты разделились теперь на два слоя: на полноправных спартиатов, сохранивших свое имущество и называвшихся «гомеями» (homoioi), т. е. «равными» (ср. английских «pairs» — «пэров»), и на всех остальных — «гипомейонов» (hypomeiones), т. е. «меньших». Последние были лишены всяких прав, кроме только, может быть, права участвовать в народном собрании, апелле, что не имело в это время большого значения. Гипомейоны не могли быть избираемы ни в число геронтов, ни

² Алкивиад первый. 122 Е. У Платона эти слова говорит Сократ еще в эпоху Перикла, но это явный анахронизм.

в число эфоров. Теперь в Спарте мы встречаем новое учреждение — «малую экклесию». В ней участвовали только гомеи, и как раз наиболее важные дела не передаются на решение общего народного собрания — апеллы: их решает «малая экклебсия». В Спарте усиливается брожение среди обездоленных групп, и гипомейоны для общей борьбы с гомеями сближаются с перизками и илотами, стремясь добиться расширения прав обездоленных групп. Из правивших в Спарте представителей двух царских домов, Агиадов и Еврипонтидов, Агиады опирались в значительной степени на бесправные группы.

Борьба «партий»

В рассматриваемое время такой позиции, по-видимому, держался царь Павсаний. Возглавляемая им группа считала политику Лисандра губительной для Спарты, столетиями воздерживавшейся от широких международных предприятий и пытавшейся сохранить старинную простоту еще эпохи Мессенских войн. Эта партия стояла за сближение с Афинами, против угождения персам и против каких-либо насильственных переворотов в греческих городах, так как эти перевороты нарушали традиции Пелопоннесского союза.

Мы уже говорили выше о том уважении, с которым относился к автономии малоазийских греков противник Лисандра Калликратид, представитель этой партии, о его возмущении низкопоклонством перед персами и стремлении к миру с Афинами. Партия Агиадов готова была пойти частично на расширение прав илотов, начало которому положил царь Плистоанакт, освободивший в конце V в. часть илотов.

Теперь момент был особенно благоприятен для демократического переворота; царь из дома Еврипонтидов Агис скончался, а его сын Леотихид, вероятно, склонялся на сторону группы Павсания. Вышло, по-видимому, так, что оба царя — и Павсаний и Леотихид — оказались сторонниками реформ. По спартанским законам, если между царями существовало единогласие, они были самодержавны, и эфоры не могли опротестовать их постановления; поэтому группа, господствовавшая в Спарте, всегда и стремилась к тому, чтобы между царями были разногласия. Теперь, однако, положение создалось тяжелое. Группе, стоявшей против реформ, пришлось использовать старинное средство удаления нежелательного царя. Свидетели, вероятно, подложные, доказывали, что Леотихид не настоящий сын Агиса, а плод прелюбодеяния, правда, как утверждали другие свидетели, Агис перед смертью заявлял, что все слухи об измене его жены ложны, что Леотихид — его родной сын. Но с этим не посчитались, Леотихид был отстранен от престола, и царем был назначен брат Агиса Агесилай, которого выдвинул Лисандр, рассчитывавший, что Агесилай будет послушным орудием в его

руках и что при помощи Агесилая он будет господствовать в Спарте. Но Лисандр ошибся. Через короткое время Агесилай отстранил Лисандра от дел и сам стал руководить политикой Спарты.

Заговор Кинадона

Устранение Леотихида и вступление на престол Агесилая обмануло надежды всех тех обездоленных, которые рассчитывали на реформы. Вполне естественно, что они стали думать о настоящем восстании и об уничтожении правящего класса. Во главе заговора стал некто Кинадон, один из гипомейонов. Нашелся, однако, доносчик, который своевременно сообщил правящей партии о заговоре. Ксенофонт (Греческая история. III, 3, 5—9) красочно описывает эти события:

«Кто-то возбудил перед эфорами обвинение в заговоре, причем был указан и руководитель его — Кинадон; это был юноша сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев. Когда эфоры спросили, каков был план заговора, доносчик сказал, что дело произошло таким образом. Кинадон отвел его в отдельную часть агоры и приказал ему сосчитать, сколько спартиатов на агоре. Тот насчитал, кроме царя, эфоров и геронтов, еще около сорока спартиатов. — „С какой целью, Кинадон, ты приказал мне их сосчитать?“ Тот ответил: „Вот этих считай своими врагами, а всех прочих, находящихся на агоре в числе более четырех тысяч, своими союзниками“. Далее он указал ему, встречаясь по дороге с прохожими, на одного-двух врагов, а всех прочих называл союзниками. Он говорил, что во всех загородных усадьбах спартиатов есть только один враг — хозяин, а союзников в каждой усадьбе много. На вопрос эфоров, сколько было, по его мнению, соучастников в заговоре, тот ответил, что и об этом сообщил ему Кинадон: руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих и притом лишь самых надежных людей, но они хорошо знают, что их замыслы совпадают со стремлениями всех илотов, „неодамодов“ (вольнотпущенных илотов), гипомейонов и перизков; ведь когда среди них заходил разговор о спартиатах, то никто не мог скрыть, что с удовольствием съел бы их живьем. На следующий вопрос — откуда предполагалось достать оружие — он заявил, что, как сказал ему Кинадон, те из заговорщиков, которые были в рядах войска, имели собственное вооружение. Что же касается вооружения народа, то Кинадон, вместо ответа на этот вопрос, повел его в железный ряд, где показал ему много ножей, мечей, вертелов, секир, топоров и серпов. Кинадон сказал ему при этом: „Оружие такого сорта имеется у всех тех людей, которые занимаются обработкой земли, дерева или камня, да и в большей части всяких других ремесел употребляется достаточно инстру-

ментов, которые могут служить оружием для людей, не имеющих никакого другого оружия”».

Сообщение о заговоре произвело такое впечатление на правящие круги, что они не решились собрать не только народное собрание, но даже и «малую еkkлeсию», и действовали секретным путем. Они собрались на тайное совещание, вызвали Кинадона, дали ему, чтобы он ничего не заподозрил, почетное поручение, но когда он поехал его выполнять, его по дороге схватили, привели в Лакедемон и там убили. Расправившись с Кинадоном и соучастниками заговора, господствующая партия парализовала восстание.

Проекты реформ

Для описываемой эпохи характерно, что каждый политический деятель Спарты выступал со своим планом реформ. Это показывает, что государство было в тяжелом положении, что старый порядок дольше существовать не мог. Лисандру приходилось бороться с сильной оппозицией Агиадов, которые были против широкой внешней политики; поэтому он составил проект, ставший известным в полном объеме только после его смерти, когда его бумаги попали в руки спартанских властей. По этому проекту в Спарте уничтожалась власть обоих царских домов, — цари должны были отныне выбираться из всех потомков Геракла, т. е. из более широкого круга спартиатов. Можно думать, что Лисандр требовал передачи этому лицу суверенной власти, предвосхищая государственное устройство позднейших эллинистических монархий.³ Лисандр пытался провести свой проект в жизнь с помощью Дельфийского оракула, подкупив его, но это ему не удалось.

Другой характер носил проект Павсания. Павсаний выступает против законодательства Ликурга, агитирует за переход Спарты к доликурговским временам, что означало во внутренней политике отмену эфората, в области внешней политики — необходимость руководствоваться принципами справедливости, а не насилия. Наконец, Фиброн выступает с теорией, согласно которой существуют люди от природы высшей породы, наиболее сильные, и сами боги велели им командовать всеми прочими людьми.

Когда после восстановления демократии в Афинах Павсаний вернулся в Спарту, его привлекли к суду за то, что он не взял Афин; но часть граждан, сочувствовавшая Агиадам, оказалась сильнее своих противников, и Павсаний был оправдан. Одновре-

³ Лисандр добился того, что в малоазийских городах ему при жизни воздавались божеские почести и ставились алтари. В этом он является настоящим предшественником эллинистических царей, которые требовали себе такого же почитания в III—II вв.

менно была проведена отмена преданных Лисандру тираний (декархий) и в городах Малой Азии.

Внешняя политика Спарты

Существенно изменилось и положение в Пелопоннесе. Спартанцы, привыкшие распоряжаться в Лаконике и в Аттике, стремились теперь командовать во всем Пелопоннесе. Они оказали поддержку происшедшим в некоторых городах Элиды олигархическим переворотам, причем в этих городах была все же сохранена видимость их автономии. Греческие полисы вне Пелопоннеса, в отличие от членов Пелопоннесского союза, платили налог в союзную казну, и в них была введена взамен декархий умеренная олигархия, основанная на местных традициях и законах, но вполне послушная Спарте.

Насколько всемогущей была Спарта в это время, видно из приписываемой Героду «Ларисской речи», написанной неизвестным автором и относящейся к 400 г. Из этой речи мы узнаем, что Спарта во главе Эллинского союза готовилась к общегреческому походу на «варвара» — македонского царя Архелая. Архелай из страха перед Спартой хотел вступить в союз, возглавляемый Спартой, и готов был платить дань, но Спарта отказала ему в этом «как неэллину». Единственной причиной похода было то, что Архелай во время Пелопоннесской войны держался нейтралитета. Некоторые греческие государства были вынуждены примкнуть к этому походу потому, что Спарта считала нейтралитет достаточным поводом для нападения. Поход против Македонии, однако, не состоялся, так как в 399 г. Архелай был убит.

Поход Кира Младшего против Артаксеркса

Крупным событием этого времени является поход персидского царевича Кира Младшего против своего брата Артаксеркса. В 404 г. умер персидский царь Дарий II. На престол вступил его сын Артаксеркс II Мнемон (404—359), а другой его сын — Кир — остался по-прежнему наместником Персии в Малой Азии. Он стал тайно готовиться к походу на своего старшего брата с целью отнять у него престол.

Этот поход приобрел столь большое значение и оказал столь сильное влияние на дальнейшую историю Греции потому, что он не был дворцовым переворотом, обычным в Персии после смерти каждого царя. Кир выступил не из личных честолюбивых соображений, а как ставленник влиятельной группы при персидском дворе. Уже самый факт существования такой

группы, выступающей против традиционной персидской политики, говорит об ослаблении персидской монархии, о первых симптомах приближающейся катастрофы.

Военное выступление Кира было завершающим этапом борьбы, которая началась гораздо раньше. Еще при жизни Дария группа, возглавляемая его женой и матерью Кира Парисатидой, оказывала всевозможное давление на царя, чтобы добиться назначения Кира наследником престола. Это, однако, не удалось, и престол получил Артаксеркс.

После этого был организован заговор для свержения нового царя, причем можно думать, что Кир уже тогда имел в виду использовать греческих наемников. Несмотря на то что заговор был раскрыт, Артаксеркс пощадил Кира и оставил его на высоком посту: очевидно, оппозиция была еще очень сильна. Недавно вступивший на престол Артаксеркс не успел еще укрепить свою власть настолько, чтобы решительно и открыто с ней расправиться; он тайно поручает своему зятю Оронту, сатрапу Армении, пойти войной на Кира. Однако Кир победил Оронта, разоблачил козни брата и сам перешел к военным действиям.

Момент для начала похода был выбран очень удачно. Персия была занята войной с Египтом, куда была направлена значительная часть ее армии; наоборот, в Греции царил мир, и большое количество наемников не находило применения для своих сил. Формально Кир нанимал греческие войска или для борьбы с персидским сатрапом в Лидии Тиссаферном, чтобы овладеть городами его сатрапии, или для борьбы с демократическими общинами материковой Греции с целью произвести в них олигархический переворот; на самом же деле Кир готовил силы для похода против Артаксеркса. Таким образом, у Кира в различных городах и под разными предлогами составлялась армия для похода против брата.

Он щедро платил начальникам греческих наемников, ждавших только его сигнала для выступления. Рядовые воины не знали, для чего их набирали: многие из них не решились бы идти против персидского царя. В это время и в Афинах стало известно, что Кир вербует наемников. Все знали, что Кир — ближайший друг Спарты, и участие в таком походе, хотя и не было прямым нарушением лояльности по отношению к Афинам (так как ни Афины не вели войны со Спартой, ни Персия — с Киром), но при обостренном положении в Афинах все же должно было считаться актом антидемократическим. Молодой знатный афинянин Ксенофонт (это — будущий историк, позднее описавший этот поход в своем «Анабасисе») также получил приглашение от одного из друзей принять участие в походе. Ксенофонт находился в это время в тяжелом положении. Он сочувствовал аристократии; и хотя по закону об амнистии нельзя было наказывать людей за их прошлое, но положение его было

неприятным, и он решил, что гораздо удобнее ему будет уйти к Киру.⁴

Когда Кир в 401 г. начал поход против своего брата, Спарта разрешила некоторым из своих граждан принять участие в походе в качестве добровольцев. Войско Кира было во много раз малочисленнее армии Артаксеркса, но в его войске было 13 000 греков. В походе сказались все преимущества греческого военного искусства и военной дисциплины перед персидскими. Греческие наемники вместе с персидским войском Кира прошли через всю Переднюю Азию вплоть до Вавилона. У местечка Кунаксы близ Вавилона произошло столкновение между армиями Кира и Артаксеркса. Победа склонялась на сторону Кира, но исход похода решило неожиданное событие. Кир храбро сражался впереди своего войска, стремясь убить самого Артаксеркса, чтобы стать законным наследником престола: ведь даже в случае блестящей победы Кира Артаксеркс, оставшись в живых, стал бы поднимать новые и новые восстания. Поэтому, увидев своего брата с небольшой охраной, Кир бросился на него. Но телохранители Артаксеркса заметили это вовремя, и убитым оказался не Артаксеркс, а Кир. Теперь весь поход терял свой смысл.

Положение греков в глубине Азии оказалось чрезвычайно тяжелым. Они стали вести с персами переговоры, прося разрешения вернуться на родину. Тиссаферн пригласил греческих полководцев к себе для переговоров, заключил их в оковы и впоследствии казнил. Тогда, как уверяет Ксенофонт, его выбрали главным предводителем. Другие авторы отрицают это; в целях полемики с ними Ксенофонт написал продолжение своего «Анабасиса», его III—VII книги; чтобы не сказали, что он сам выступает в свою защиту, он выпустил это сочинение под псевдонимом (под именем Фемистогена из Сиракуз), а о себе говорит в нем в третьем лице. Обратный поход греческого войска — целая эпопея. Маленькое войско греков шло от Вавилона на север, по территории враждебных племен, преследуемое персидской армией, не зная дороги, и, тем не менее, ему удалось пробраться к Черному морю. В это время в Афинах произошел открытый разрыв со Спартой. За участие в походе Ксенофонт был объявлен изменником.

⁴ Он обратился к своему учителю Сократу с вопросом — следует ли ему идти, но Сократ заявил, что он рекомендовал бы ему обратиться к Дельфийскому оракулу. Дело в том, что Сократ был близко связан с Дельфийским оракулом, который провозгласил его самым мудрым человеком в Греции, и он, очевидно, имел основание думать, что оракул удержит Ксенофонта от этого шага. Но Ксенофонт схитрил. Он пошел в Дельфы и спросил не о том, следует ли ему отправиться в поход, а о том, каким богам он должен принести жертву, чтобы этот поход был для него наиболее благоприятен. Конечно, бог должен был ответить — таким-то и таким-то богам. Сократ бранил Ксенофонта за эту хитрость, но тот добился таким образом формального разрешения идти в поход.

Между тем положение Спарты осложнилось; она открыто поддерживала Кира, а так как Кир был убит и считался мстительником, то Спарта оказалась теперь врагом Персии. Незадолго до похода Кир и спартанцы обещали ряду греческих городов в Малой Азии независимость. На этом основании эти города изгнали персидские гарнизоны и перешли на сторону Кира. Теперь их ожидала жестокая расправа со стороны Тиссаферна, и они обратились за помощью к Спарте. Спарта не могла отдать их Персии через год после того, как они были торжественно объявлены независимыми (тем более, что в это дело были замешаны экономические интересы спартанцев). Таким образом, Спарта оказалась в состоянии войны с Персией. Это было чрезвычайно выгодно Афинам и всем врагам Спарты, которые получили новую возможность начать с ней борьбу.

2. СПАРТА, ПЕРСИЯ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Поход Агесилая в Малую Азию

Спарте пришлось поддерживать вооруженной силой малоазийские города и вести войну с персами, хотя это и не входило в ее планы. Спартанские полководцы Фиброн и Деркилид действовали довольно вяло; лучшей частью их войска были бывшие наемники в войске Кира. Однако персы понимали, что бороться со Спартой дело нелегкое; поэтому они тайно начали готовить флот. На службу к ним поступил афинский полководец Конон, бежавший после битвы при Эгоспотамах с немногими кораблями на Кипр; под наблюдением Конона и начал сооружаться персидский флот. Экипаж его составляли главным образом греческие наемники.

Спарта в то же время решила расширить свои действия в Малой Азии и послала туда для борьбы с персами царя Агесилая, который должен был этим походом показать, что война между Спартой и Персией — продолжение вековой борьбы между греками и варварами. По традиции Агамемнон, отправляясь в Трою, собрал свой флот в Авлиду (в Беотии) и отсюда двинулся на Трою; Агесилай решил, по примеру Агамемнона, также прибыть сначала в Авлиду (в это время потерявший всякое значение порт), принести, как Агамемнон, жертву Артемиде и отплыть в Персию (396 г.). Но когда он прибыл в Авлиду, явились беотийские власти, разбросали его жертвы, затоптали огонь и заявили, что Агесилай не имеет права приносить жертвы на территории Беотии без разрешения местных властей. Прибыв в Малую Азию, Агесилай вел успешно борьбу в течение двух лет.⁵ Персы, однако, воздерживались от серьезных сражений на

⁵ Он одерживал небольшие победы (наиболее значительная победа при Сардах). Ксенофонт раздувает эти успехи в победы решающего значения.

суше, а в те области, где строился под руководством Конона флот, Агесилаю проникнуть не удалось, хотя важнее всего для него было бы именно помешать постройке этого флота.

Начало Коринфской войны

Не желая давать решающих боев в Малой Азии, персы развернули дипломатическую деятельность в европейской Греции. Сюда были посланы персидские послы. Частью при помощи подкупа, частью при помощи агитации им удалось склонить на свою сторону ряд греческих государств, убедить их произвести у себя демократические перевороты и отложиться от Спарты. Это сделать было тем легче, что все греческие государства относились с недоверием к политике Спарты, которая угнетала греческие города, лишая их фактически самостоятельности, не говоря уже о том, что чрезмерное усиление Спарты нарушало политическое равновесие в Греции.

И вот целый ряд государств начал отлагаться от Пелопоннесского союза. Это были прежде всего Фивы и Афины, затем Коринф, Аргос, постоянный соперник Спарты, и другие. Недоставало только повода для того, чтобы они открыли военные действия против Спарты. Но и этот повод нашелся.

Фокида была постоянно театром военных действий между аристократическими и демократическими государствами. К тому же там находилось богатое Дельфийское святилище, за которое фокидцы не раз воевали с Дельфами. Теперь началась борьба между фокидцами и их соседями локрийцами. В эту борьбу вмешалась, взяв сторону фокидцев, Спарта, а на стороне локрийцев были беотийцы, обратившиеся за помощью к Афинам. Таким образом, Афины, впервые после 404 г., вступили в открытое военное столкновение со Спартой. Началась так называемая Коринфская война (395—388 гг.).

В 395 г. в Беотию вторгся Лисандр, а одновременно и второе пелопоннесское войско под предводительством царя Павсания. Неизвестно, намеренно или случайно, но Павсаний не соединился в условленный день с войском Лисандра, и последний решил собственными силами сразиться с беотийцами. Однако он был разбит под стенами беотийского города Галиарта, причем сам погиб в этом бою. После этого Павсаний не решился уже дать сражение и удалился из Беотии; за это по возвращении на родину он был приговорен к смертной казни, но убежал в Тегею.

Это так осложнило положение, что Агесилая вызвали из Малой Азии. Он переправился в Грецию, после чего все города Малой Азии перешли к персам, и все, чего Агесилай там добился, оказалось потерянным. Переправившись в Грецию, Агесилай двинулся навстречу объединенным войскам противника.

которые собрались в Коринфской области (почему вся война эта и называется Коринфской).

Битва при Книде и демократическая симмахия

В это время Конон, построивший на персидские деньги большой флот, в котором руководящую роль, кроме Конона, играл тиран города Саламина на Кипре Евагор, при Книде разбил наголову спартанский флот (394 г.). С этого времени Спарта навсегда перестает быть морской державой. Затем Конон отправился в Афины и восстановил Длинные стены и стены вокруг Пирея.

На многих островах Эгейского моря и в городах Малой Азии произошли в связи с этим демократические перевороты, и из них были изгнаны спартанские гармоствы (правители).

Образуется новый морской союз (симмахия), в который входит ряд городов, — главным образом на островах. О существовании этого союза историки, правда, ничего не сообщают, но о его существовании стало известно из нумизматики. В это время ряд греческих городов выпускает монеты с одним и тем же рисунком. Здесь изображен Геракл, удушающий змея, ставший с конца V в. символом объединения Греции и борьбы с тиранами и насильниками.⁶ Вокруг этого рисунка надпись: ΣΥΜΜΑΧΙΚΟΝ — «монета военного союза». На обороте монеты герб и название одного из городов — членов союза: Книда, Фасоса, Эфеса, Самоса, Родоса, Византия, Лампсака, Кизика, Фивы и даже Кротона. Итак, Фивы, целый ряд городов Малой Азии, островов Эгейского моря и, по крайней мере, один город в Италии (Кротон) составляли этот союз. Одним из известных нам мероприятий, связанных с организацией этого союза, и было упомянутое выше восстановление афинских Длинных стен. В этом афинянам помогли другие члены союза, а также персы, передавшие через Конона значительные суммы денег на эти работы.

События 394—386 гг.

Агесилай, переправившись в Грецию и приближаясь к Коронее в Беотии, узнал печальную новость о поражении при Книде. Он приказал гонцам, принесшим эту весть, выехать тайком назад из лагеря и вернуться с венками на головах в знак того, что победили спартанцы. Солдаты поверили, что на море спартанцами одержана победа, и им удалось при Коронее раз-

⁶ См.: Лисий. «Олимпийская речь». § 1. Таким образом Геракл, бывший до этого времени символом спартанской аристократии и ее специфической доблести, символизирует теперь борьбу демократии за освобождение. Ср. сходное переосмысление культа Геракла в Сикионе начала VI в. (ч. I, с. 115).

бить противника (394 г.). Однако эта победа ничего не решила. Демократическое движение продолжалось, и в целом ряде городов Пелопоннеса было учреждено демократическое правление, а в Афинах стала у власти крайняя демократическая партия. Восстанавливается оплата должностей: теперь была установлена даже плата за посещение народного собрания.

В это же время в Афинах появляется ряд прекрасных полководцев. Одним из них был Ификрат, проведший реформу вооружения. По примеру Брасида, он ввел более легкие доспехи, удлинив одновременно копье и меч и прибавив метательные дротики, чтобы сражаться на далеком расстоянии. В результате получил преобладание новый вид войска, «пельтасты», обеспечивший более подвижную тактику ведения боя. С таким войском, в которое он включил и наемников, Ификрат в 390 г. одержал у Коринфа победу над спартанцами: мора спартанских гоплитов (около 600 человек) была почти целиком уничтожена пельтастами Ификрата. Успешно велась также борьба в Акарнании. Флот Конона, двинувшись к берегам Фракии, в 394/3 г. снова присоединил к Афинам Лемнос, Скирос и Имброс.

Между тем спартанцы снова построили флот, руководимый ловким политиком и хорошим полководцем Антиалкидом (правильно называть его нужно именно так, а не Анталкид, как называли его прежде). Этот Антиалкид, завязав дружественные отношения с Персией, снова захватывает отпавшие от Спарты Византий и Халкедон и тем самым опять закрывает подвоз хлеба в Афины (388 г.). Это поставило Афины в тяжелое положение и сделало их гораздо более уступчивыми и склонными к миру. В результате предварительных переговоров с персами и афинянами Антиалкид отправляется в Сузы для подготовки общего мира.

Царский мир

Отношения Персии с Афинами к этому времени испортились. Афины поддержали кипрского царя Евагора, отложившегося от персов; спартанцы же приобрели теперь большое влияние при персидском дворе. Конона, энергично содействовавшего афинской мощи, персы заманили в глубь своей страны и предательски убили. Персия категорически настаивала, чтобы Афины прекратили войну, и по предложению персидского царя представители всех греческих городов съехались в начале 386 г. на конгресс в Сузы.

Персидский царь не удостоил греков своим присутствием на конгрессе. Явился только его уполномоченный с царской грамотой, который вскрыл ее при всех и прочел имевшее форму приказа предложение персидского царя. Персидский царь требовал признания его неограниченным властителем всех городов Малой Азии, включая остров Кипр и лежавший на небольшом острове

город Клазомены (между Смирной и Эрифрами); острова Лемнос, Имброс и Скирос, завоеванные Кононом в 393 г., оставались за афинянами. Прочие греческие полисы, согласно предложению царя, были признаны свободными и автономными, запрещались какие бы то ни было союзы между ними. Тем, кто не принимал этих условий, великий царь угрожал войной на море и на суше. Таким образом, был заключен так называемый Царский, или Антиалкидов, мир, по которому была провозглашена полная независимость всех греческих полисов, даже самых незначительных. Фактически это означало господство Спарты. Вопреки Антиалкидову миру, Спарта не сделала независимыми периэксские города, не говоря уже о Мессении, населенной илотами; сохранялся при попустительстве персов и Пелопоннесский союз. Напротив, основанный в 395 г. Морской островной и Беотийский союзы пришлось распустить, и каждый беотийский город стал независимым. Разрушенные в 427 г. Платеи были также через несколько лет после этого восстановлены. Все полисы в европейской Греции были предоставлены самим себе, а так как каждый из них был слабее Спарты, то ей легко было с ними справиться поодиночке, — тем более, что она взяла на себя роль наблюдателя за строгим выполнением пунктов мирных условий.

Спарта организует олигархические перевороты

Спарта не замедлила использовать создавшееся положение в своих интересах. Под ее давлением произошел ряд переворотов. Так, например, в Мантине (в Аркадии) по подстрекательству Спарты произошел аристократический переворот, причем Мантиней была разрушена, а жители ее расселились по четырем деревням. В ближайшие же годы Спарта поставила в со-⁷противлявшихся ей городах своих гармостов. Узнав, что Олинф организует союз городов на Халкидике (это имело большое значение для Греции, потому что отсюда она получала хлеб и лес, и союз имел все шансы стать могущественным государством), спартанцы пошли на Олинф и уничтожили новый союз.

По дороге к Олинфу спартанцы проходили мимо Фив, где в это время у власти была умеренная демократическая партия, боровшаяся со своими противниками — олигархами. Спартанцы не посчитались с тем, что по Антиалкидову миру каждый греческий полис получил независимость и мог иметь у себя какой угодно государственный строй. Спартанский полководец Фебид остановился у Фив и договорился с местными аристократами, которые открыли ему ворота города (382 г.). Он ввел спартанский гарнизон в акрополь Фив Кадмею, произвел переворот и поставил у власти кучку преданных Спарте тиранов, введших здесь террористический режим.

⁷ Подобный строй был введен и в других беотийских городах; Ксенофонт называет его *dynasteia* — «господство немногих властителей».

Спартанское правительство, с ведома которого Фебид, очевидно, осуществил свое дерзкое предприятие, для виду наложило на него денежный штраф, но гарнизона из Кадмеи не вывело; более того, когда главарей фиванской демократии привезли в Спарту, они были здесь казнены. Опираясь на спартанский гарнизон, фиванские тираны расправились с демократами; те из демократических деятелей, которые не успели бежать из города, были перебиты или посажены в тюрьму.

Таким же образом поступали спартанцы и в других полисах. Даже такие враждебные демократии авторы, как Ксенофонт и Платон, возмущаются поведением Спарты в этот момент; Ксенофонт считает причиной всех дальнейших неудач Спарты гнев богов на спартанцев за их насилия. Не удивительно, что в некоторых из греческих полисов такой образ действия Спарты вскоре вызвал волнения.

3. БЕОТИЯ. ОСВОБОЖДЕНИЕ ФИВ

Беотия

Вскоре после 379 г. сильнейшим государством в Греции становится Беотия. Мы позволим себе здесь поэтому дать краткий очерк исторических судеб и государственного строя Беотии в эпоху, предшествующую разбираемым нами здесь событиям.

Экономические предпосылки

Мы видели, что рост классовых противоречий в VII—VI вв. привел и в Спарте и в Афинах к насильственному перевороту. Первой стадией, предшествовавшей этому насильственному перевороту, была и в Афинах и в ряде других государств запись обычного права, сопровождавшаяся, разумеется, внедрением в старинное законодательство и некоторых норм, возникших как результат новых общественных взаимоотношений.

Беотия остановилась на этой стадии и обошлась без насильственного переворота. Причина этого лежала не в консервативном характере «беотийских свиней», как презрительно называли беотийцев их афинские соседи, а в тех экономических предпосылках, которые создали эту консервативность. Ввиду исключительного плодородия Беотии, в ней и при изменившихся экономических условиях основой народного хозяйства продолжало оставаться земледелие; в торговый оборот поступали лишь сельскохозяйственные излишки и рыба; торговля глиняными изделиями имела очень скромные размеры и большой роли не иг-

рала. Торговцы и ремесленники и теперь не задавали здесь тона. С другой стороны, почва была настолько плодородна, что в ввозе хлеба здесь никогда не было нужды, — полная противоположность Аттике, где крестьянину (вероятно, уже в эту эпоху) не хватало своего хлеба.

Конечно, и здесь новые экономические отношения на первых порах внесли расстройство в земледельческое хозяйство, содействуя быстрому экономическому расслоению и обнищанию. В особенно тяжелом положении оказались многодетные семьи. С многодетностью и разделением участков боролся, как сообщает Аристотель («Политика». II. 9,7, 1274 b3), старинный фиванский законодатель Филолай: «Филолай был для фиванцев законодателем о разных предметах и, в частности, о деторождении (эти законы фиванцы называют нормативными), и эти законы были изданы с той специальной целью, чтобы сохранилось число земельных участков». Если же в семье родится больше детей, чем находится в ее распоряжении земельных участков, то отец обязан был под угрозой смертной казни не воспитывать дитя, а передать его кому-нибудь, кто дает хоть самую маленькую сумму денег.⁸

Как мы узнаем из Фукидида (III, 62,2), до персидских войн власть в беотийских городах была в руках небольшой группы аристократов, принадлежавших к нескольким знатным семействам.

В связи с появлением новой тактики гоплитов, развитием обмена и появлением влиятельных богатых людей из среды земледельцев, не принадлежавших к знати, власть аристократии теряет свой былой характер и значение и вырождается в господство кучки взяточников и насильников.

Однако, несмотря на народное недовольство, революции здесь не произошло. Почва Беотии была настолько плодородна, что даже крестьянин — владелец небольшого земельного участка мог жить в достатке при относительно интенсивном ведении хозяйства. Наряду с аристократами-землевладельцами здесь, как мы уже сказали, появляются зажиточные крестьяне, прошедшие суровую жизненную школу и сумевшие благодаря более интенсивному ведению хозяйства и навыку в торговых делах выбиться на поверхность общественной жизни. Конечно, характерное для всей Греции VIII—VII вв. развитие морской торговли не миновало Беотию, и на первых порах, как всюду, внесло расстройство в крестьянское хозяйство. Морская торговля сопряжена была с большим риском и возможна была только при наличии запасного капитала, которого у рядового крестьянина не могло быть. Как мы видели, беотийский поэт Гесиод в поэме

⁸ Эта символическая уплата денег была рудиментом существовавшей когда-то в действительности продажи детей в рабство.

«Работы и дни» осуждает занятие морской торговлей, но так как это увлечение охватило всех, и он понимает, что его все равно не послушают, то он считает необходимым указать, при каких условиях можно торговать, подвергаясь наименьшему риску. Впрочем, к такого рода торговым занятиям, сопряженным с риском, Гесиод относится с осуждением и презрением. Беотийский зажиточный крестьянин вышел с честью из борьбы с аристократом, избежав закрепощения, несмотря на то что у знати были и почет, и власть, и деньги.

Древнейший государственный строй Беотии

Узкий круг беотийской аристократии (быть может, ценой кое-каких незначительных уступок) сумел сохранить в своих руках власть до самых Персидских войн. Эта знать правила по старинным законам, которые в наиболее развитых полисах давно уже отжили свой век. Для времени, когда еще не существовало организованного кредита и отдача денег взаймы считалась исключительной услугой, характерны законы о должниках, напоминающие своей жестокостью римские законы Двенадцати таблиц: если должник не отдавал долга, то его выводили на рыночную площадь, сажали на установленное место и ставили перед ним корзину: он должен был сидеть так до тех пор, пока брошенная в его корзину милостыня не оказывалась достаточной для того, чтобы укротить гнев кредитора. Подвергшиеся такой процедуре лишались гражданских прав (такая судьба, по преданию, постигла отца Еврипида).

Фукидид (III, 62,2) устами фиванцев так характеризует государственный строй Фив в начале Греко-персидских войн: «У нас в то время государство не было ни олигархией, опирающейся на законы, одинаковые для всех, ни демократией. Власть в государстве находилась в руках немногих лиц, что более всего противно законам и разумному государственному строю, а ближе всего стоит к тирании».

Впрочем, как мы узнаем из Геродота, эта власть в начале Греко-персидских войн встречала уже организованное сопротивление. Это объяснялось не столько экономическими противоречиями в самой Беотии, сколько внешними неудачами Беотийского союза, возглавляемого Фивами.

Существование Беотийского союза, древнейшего федеративного государства, уже в VII и VI вв. являлось причиной особенного значения древнейшей истории Беотии для истории Греции вообще.

Мы уже видели, что амфикинии, т. е. союзы соседних между собой государств, объединенных вокруг какого-нибудь популярного храма, были типичным явлением в VIII—VI вв.: они делали возможным торговый обмен, по крайней мере, между соседними государствами, парализуя непрекращающиеся граби-

тельские войны между общинами. Одной из таких амфикиний была амфикиния беотийских государств, группировавшихся сначала вокруг храма Посейдона в Онхесте, а затем вокруг храма Афины Итонии. Основными функциями этой амфикинии (как и всяких других амфикиний) были заботы о союзных святилищах (бывших в древнейшие времена центром культурного общения и торговых сношений между беотийскими государствами), о происходящих здесь празднествах и состязаниях (бывших в то же время ярмарками, где могли без страха встречаться торговцы из различных беотийских государств) и, наконец, решение споров (в особенности споров о границах) между отдельными беотийскими государствами. Кроме того, органы амфикинии здесь, как и везде, обладали карательными функциями против членов, захватывающих территорию храма или нарушающих безопасность богослужений и тем самым свободу торгового оборота или вообще не подчиняющихся решению совета амфикионов. Все эти функции остались основными функциями органов Беотийского союза до самого позднего времени: до нас дошли пограничные знаки, поставленные органами союза, ряд распоряжений о союзных святилищах и т. д.

Но органы Беотийского союза получили еще и другие функции, которых не имели другие амфикинии. Плодородная почва Беотии была предметом постоянных вождедений соседей: Беотия подвергалась нападениям со всех сторон.⁹

Внешняя политика Беотийского союза

Уже в довольно раннюю эпоху (вероятно, в первой половине VI в.) северные соседи Беотии фессалийцы пытались подчинить ее себе и вторглись с войском в Беотию, но в битве при Керессе (близ Феспий) были разбиты наголову. Далее, Беотийскому союзу пришлось выдержать трудную и длительную борьбу с его ближайшим соседом Орхоменом Минийским, бывшим в то время одним из могущественнейших государств средней Греции, обладавшим очень плодородной почвой, сильным войском и флотом. Беотийскому союзу удалось отобрать у Орхомена один за другим принадлежавшие ему города, и, наконец, в начале VI в., Орхомен был вынужден, выговорив себе известные привилегии, присоединиться к Беотийскому союзу.

Менее удачной была длительная борьба с южным соседом Беотии — Афинами. Беотийцам пришлось лишиться сначала Элевфер со старинным святилищем Диониса, а затем около

⁹ Беотийский язык представляет собой соединение разнородных эолийских и западногреческих («дорийских») элементов. Этот факт подтверждает сообщение античных сказаний о том, что Беотия была сначала эолийской, а потом была завоевана вторгшимися дорьянами. Это — древнейшее, плохо засвидетельствованное исторически вторжение в плодородную Беотию.

519 г. и всей области к югу от Асопа с Платеями во главе, а также приморского города Оропа.

Федерация беотийских государств

Успешное ведение всех этих войн возможно было только при наличии единой армии, сильного руководства и принудительного нажима на членов союза, чтобы они выставляли контингента в союзное войско. Эти функции были чужды обычным амфикинионам и способствовали тому, что Беотия из простого союза государств постепенно превращалась в древнейшее союзное государство, уже в значительной степени централизованное. Самым сильным членом союза были Фивы; они играли руководящую роль на войне, а это сделало их и политическим руководителем союза. Более того, при античных условиях это всегда вело к гегемонии, к господству наиболее сильного из членов союза и к ущемлению им независимости малых государств. Однако в Беотии не произошло синойкизма по образцу Афин, не произошло образования единого централизованного Фиванского государства. Это можно объяснить тем, что здесь издревле и с успехом функционировали органы амфикинии, и фиванцам приходилось считаться с укоренившейся традицией.

Благодаря этому Беотийский союз получил ряд функций, несвойственных другим амфикинионам. Все члены союза были обязаны выставлять свои контингента в союзные войска; численность этих контингентов устанавливалась органами союза по особой разверстке, соответственно силам каждого государства. Принадлежность к союзу не являлась уже добровольным делом каждого члена: за нарушение воинского долга, а тем более за отпадение от союза, органы союза сурово карают, отбирая территории, выселяя жителей и т. д. Так как союзных земель не существовало, то отобранные земли становились территорией Фиванского государства, которое благодаря этому делалось все более могущественным. В связи с этим понятно, что право сношений с небеотийскими полисами было отнято у отдельных беотийских государств: вся международная политика была сосредоточена в руках союза. Право чеканки монеты отдельные беотийские государства сохранили до времени Персидских войн, но они были обязаны на своих монетах помещать изображение общебеотийского герба — щита союзной богини Афины Итонии; только Орхомен сохранил право чеканить монеты с собственным гербом — хлебным колосом.¹⁰ Государственный строй отдельных беотийских государств подвергся принудительной нивелировке только после 446 г. До Персидских войн каждое беотийское государство сохраняло свои установления. Во главе большинства беотийских государств стоял

10 Такую же привилегию имел Элевсин в Аттике.

архонт, но, например, во главе Феспий находилась старинная аристократическая коллегия из 7 демухов, выбиравшихся из нескольких знатных родов; во главе Оропа стоял жрец бога Амфиарая.

История Беотии в 509—446 гг.

Аристократия, стоявшая во главе Фив, к концу VI в. выродилась в кучку насильников и угнетателей и оказалась не в силах справиться с трудностями управления. Она не только притесняла народные массы в самих Фивах, но и угнетала другие беотийские государства, вызывая ненависть даже в аристократических кругах союзных городов. Это вызвало отпадение Элевфер и Платей к Афинам; спартанские третейские судьи, разбиравшие этот конфликт, признали независимость Платей от союза, так как Спарта стояла на старой партикуляристической точке зрения и не признавала государства нового типа — союзного государства.

Эта неудача породила в Беотии сильную оппозицию против господства фиванской аристократии. Немалую роль в этом брожении сыграли реформы Клисфена в соседних Афинах. Таково было положение вещей в Беотии во время похода Ксеркса. По свидетельству Фукидида, одной из причин, побудивших беотийских аристократов встать на сторону персов, была надежда, что при поддержке персидских войск им легче удастся справиться с народным движением. Впрочем, был ряд и других причин, побудивших группы, господствовавшие в беотийских городах, стать на сторону персов. Беотия была тем государством средней Греции, куда прежде всего должны были вторгнуться персы; вражеское нашествие было особенно страшно для беотийцев, бывших по большей части земледельцами. Уже одно то, что заклятый враг беотийцев афиняне возглавляли борьбу с персами, должен был побудить беотийцев встать на сторону персов.

После персидских войн Беотийский союз был уничтожен, и каждое беотийское государство стало самостоятельным. Однако потребность в объединении была очень велика, и поэтому уже вскоре после Греко-персидских войн в Беотии восстанавливаются какие-то общесоюзные учреждения — ни состав, ни компетенция их нам не известны. Это можно заключить из дошедших до нас общесоюзных монет этой эпохи: на лицевой стороне выбито «Танагра», на обороте — «Беотия». Очевидно, руководящим центром союза стала Танагра; Фивы в этот союз не входили — они чеканили особую монету.

Новая попытка Фив подчинить себе беотийские города при поддержке Спарты окончилась в 457 г., как мы видели, поражением фиванцев при Энофитах. Беотия стала фактически в подчиненное положение к Афинам, и здесь был введен демо-

кратический строй. В 446 г. в результате освободительного движения против крайне непопулярной афинской власти произошла битва при Коронее, в которой афиняне были разбиты, а Беотийский союз восстановлен.

Организация общесоюзных учреждений по конституции 446 г. стала нам известна довольно подробно из сочинения так называемого Оксирихского историка (скорее всего Даимаха из Платеи). Оно найдено на папирусе в 1907 г. Здесь, в связи с изложением событий 395 г., описан строй, существовавший в Беотии с 446 г. Как был организован союз до персидских войн, мы не знаем, хотя есть некоторые основания предполагать, что конституция 446 г. в основном была восстановлением прежней.

Во главе союза стояли беотархи, правительство союза. Их было (по крайней мере с 427 г.) 11; более значительные члены союза выбирали по 2 беотарха (Фивы, Орхомен, Феспии), меньшие — по 1, самые малые чередовались в выборе беотарха, выбирая его раз в 3 года. Наряду с беотархами, функционировал союзный совет; каждое беотийское государство выбирало по 60 депутатов на 1 беотарха и само оплачивало расходы на этих депутатов; по такому же принципу составлялся и союзный суд. По этому же принципу составлялось войско (1000 гоплитов и 100 всадников на каждого беотарха); «пропорционально числу беотархов пользовались и общими доходами и вносили налоги и участвовали во всех выгодах и тяготах» (Оксирихский историк).

По этой конституции войны между членами союза и чеканка монеты отдельными государствами были воспрещены, государственный строй отдельных беотийских государств был точно установлен союзной конституцией. Гражданские права во всех государствах были предоставлены только тем, кто обладал гоплитским цензом. Каждое государство возглавлялось тремя полемархами и «четырьмя советами», представлявшими народное собрание всего полноправного гражданства. Заседал обычно только один из советов, т. е. 1/4 народного собрания в течение каждой 1/4 года; для утверждения наиболее важных дел все четыре совета собирались вместе и «то, что решали все четыре, получало силу закона». Это государственное устройство служило образцом для проектов афинских олигархов в 411 г.

Конституция Беотийского союза чрезвычайно интересна для историка: перед нами древнейший образец федеративной представительной государственной организации. Но на этом же примере мы видим, насколько этот федеративный строй был чужд и экономике и общественному укладу древних греков; с одной стороны, государство-гегемон стремится фактически подчинить себе самостоятельных членов союза, с другой — эти члены делают непрерывные попытки выйти из союза и стать самостоятельными.

Фактически Фивы хозяйничали в союзе, хотя внешне не нарушали конституции, действуя через союзные учреждения. Так как в их руки попадали территории членов союза, лишенных ее по постановлению союза (например, территории платейцев, отпавших от Беотийского союза к Афинам), то к концу Пелопоннесской войны Фивы сосредоточили в своих руках половину территории союза и 4 места беотархов. Достаточно было хотя бы одному из более крупных беотийских государств встать на их сторону, чтобы они имели большинство во всех учреждениях союза, и так, должно быть, обычно происходило. Поэтому руководящая в Фивах олигархическая группа в ряде беотийских государств (особенно у непосредственных соседей Фив), недовольных непрерывными покушениями на их автономию, встречала оппозицию не только среди демократических элементов, но и среди олигархов.

Хотя с 446 г. политические права получают все обладающие гоплитским цензом, но до 404 г. власть продолжает оставаться в руках партии, опирающейся на более зажиточные «всаднические» элементы. Крайняя враждебность этой партии к афинской демократии была естественной реакцией на покорение Беотии Афинами в 457 г. В 404 г. беотийцы требуют после капитуляции Афин разрушения этого города, но спартанцы не соглашаются на это, опасаясь чрезвычайного усиления Беотии.

Положение существенно изменилось с того времени, когда выяснилось, что международное равновесие нарушено в пользу Спарты и что Спарта фактически стала гегемоном Греции. Беотийский союз был одним из немногих государств, которые и в это время вели самостоятельную, независимую от Спарты политику. Беотия, бывшая одним из главных соратников Спарты в войне с Афинами, после победы 404 г. не получила тех территориальных приобретений и экономических выгод, на которые она могла рассчитывать. В результате этой неудачи вскоре после окончания Пелопоннесской войны здесь происходит демократический переворот: олигархическая «всадническая» партия должна была уступить место умеренно-демократической партии «гоплитов», опирающейся на более широкие круги населения в Фивах и на олигархическую оппозицию в провинциальных городах. Эта группа была враждебна лаконофильской аристократии и Спарте; поэтому новое правительство дало приказ оказывать помощь бежавшим из Афин демократам, а когда Спарта потребовала выдачи беглецов, отказало ей в этом.

В 395 г. Фивы вместе с Афинами, Коринфом и рядом других государств участвуют в Коринфской войне с целью сломить чрезмерно усилившееся могущество Спарты и принимают участие в направленном против Спарты морском союзе демократических государств.

Умеренно-демократический строй просуществовал в Фивах до 382 г., когда спартанский полководец Фебид был предатель-

ски введен в город открывшими ему ворота олигархическими заговорщиками. У власти была поставлена кучка преданных Спарте олигархов, управлявших путем насилия и террора и опиравшихся на спартанский гарнизон, находившийся в Кадмее (акрополе Фив).

Переворот в Фивах

Движение против Спарты началось в Фивах. Фиванские демократы с Пелопидом во главе в количестве нескольких сот человек бежали из Фив в Афины, так же, как прежде, в 404 г., афинские демократы бежали в Фивы. В Афинах был демократический строй, и здесь фиванцы могли спокойно готовить выступление с помощью своих друзей из афинян. Отсюда же фиванские демократы установили связи со своими тайными сторонниками в самих Фивах, где части фиванцев, сочувствующих в душе демократам, удалось занять некоторые видные посты при правительстве тиранов. В темный зимний вечер 379 г. фиванские демократы сумели, переодевшись в крестьянское платье, пробраться в Фивы. На случай неудачи два сочувствовавших фиванцам афинских стратега (разумеется, не без ведома афинского правительства) стали со своими отрядами на границе Беотии. В Фивах заговорщики остановились у одного из знатнейших граждан, который притворялся сочувствующим олигархии, но на самом деле был сторонником демократии. Сюда же собралось несколько десятков фиванцев, посвященных в планы Пелопида. При их помощи беглецам удалось захватить врасплох и перебить тиранов. Вслед за этим демократы призвали народ к свободе, освободили своих друзей из тюрьмы, и к утру весь город был во власти демократов. В Фивах был провозглашен демократический строй, а Кадмея, где находился спартанский гарнизон и куда сбежались спасшиеся олигархи, была осаждена восставшими. К восставшим присоединились другие группы фиванских беглецов из Афин и часть жителей других беотийских городов. Спартанский гарнизон оказался настолько трусливым, что не решился даже ждать помощи из Спарты, но просил разрешения удалиться из города. Фиванцы охотно согласились на это, но задержали и перебили часть олигархов, укравшихся в крепости.

Фивы стали независимыми; руководящая демократическая партия начала вовлекать во вновь организованный Беотийский союз другие города Беотии. Однако эта задача была нелегкой: в течение нескольких лет фиванцам приходилось отбиваться от ежегодных нашествий спартанских войск; к тому же во всех крупных беотийских городах стояли спартанские гарнизоны. Лишь через пять лет, когда эти гарнизоны вынуждены были уйти из Беотии, остальные беотийские города были постепенно

присоединены к союзу. Народные массы во всех этих городах, как говорит Ксенофонт, сочувствовали Фивам и всюду переходили на сторону Фив уже с первых лет существования демократического строя. Олигархи же, поставленные ранее спартанцами у власти, пытались оказать сопротивление и после ухода спартанцев, но сопротивление это было сломлено, и все беотийские города к 371 г. были включены в новый союз.

Как мы видели выше, по конституции конца V в. Беотийский союз представлял собой федеративное государство с народными собраниями в отдельных государствах и с союзным советом и союзной исполнительной властью, выбранной на основе пропорционального представительства. По конституции 379 г. Беотия стала централизованным государством по образцу Атики с общебеотийским народным собранием в Фивах в роли верховного органа. Исполнительная власть в союзе теперь принадлежала уже не одиннадцати, а семи беотархам, выбранным общебеотийским народным собранием. Теперь союзная конституция предоставляла права гражданства не только лицам, имеющим тяжелое вооружение, но всем гражданам вообще. Господствующей группой в народном собрании было городское население Фив, так как жителям провинциальных городов, особенно крестьянам, было трудно бросать работу и отправляться за несколько десятков километров в Фивы.

Неожиданное для других греческих государств возвышение Фив было подготовлено экономическим развитием Беотии в предшествующий период. Со времени Пелопоннесской войны здесь быстро развивается рабский труд, растет количество городских жителей — ремесленников и торговцев. Это и предопределило появление новой демократической партии, демократов городского типа, отменивших избирательные ограничения, установленные прежней фиванской конституцией. Вождем этой новой демократии и выдающимся деятелем в Фивах этого периода был представитель одной из богатейших фиванских фамилий Пелопид, но большую роль в дальнейшей истории Фив сыграл также друг Пелопида, обедневший потомок знатнейшего из фиванских родов Эпаминонд, примкнувший к демократам после переворота 379 г. Эпаминонд был одним из замечательнейших полководцев не только греческой, но и мировой истории. Высокую оценку военным реформам Эпаминонда дает Ф. Энгельс: «Эпаминонд первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке».¹¹

¹¹ Энгельс Ф. Пехота//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. М., 1959. С. 355.

После переворота между Фивами и Афинами был заключен союз. Тем не менее и объединившись оба эти государства чувствовали себя слабее Спарты. Поэтому афиняне сурово наказали стратегов, подошедших с войском к беотийской границе во время переворота, а фиванцы предложили спартанцам заключить мир, обещая остаться в союзе с ними и платить дань. Спартанцы потребовали восстановления в Фивах олигархии, на что фиванцы не могли согласиться. В это время Сфодрием, начальником спартанского гарнизона в Феспиях (в Беотии, к западу от Фив), сделана была попытка захватить врасплох Пирей. Неизвестно, была ли эта попытка совершена по усмотрению самого Сфодрия или его на это подговорила какая-нибудь группа в Спарте, но попытка не имела успеха; после этого Афины уже открыто выступили против Спарты и заключили союз с Фивами. Когда в 378 г. Агесилай вторгся в Фиванскую землю, афинский стратег Хабрий явился на защиту Фив.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ГРЕЦИИ И ПРОПАГАНДА ПОХОДА НА ПЕРСОВ¹²

Разорение Греции

Реакционное хозяйничанье спартанцев в Греции усугубило те несчастья, которые и без того возникли в результате обострения социальных противоречий и бесконечных социальных переворотов. Увеличивается число рабов, приобретенных военным захватом и покупкой, а в отсталых областях — и экономическим закабалением. Рабство становится ведущей формой производства и в тех отсталых земледельческих областях, где до сих пор основой хозяйства был свободный труд граждан. Это привело к увеличению числа безработных граждан. Вследствие уничтожения Афинского морского союза и преобладания Спарты море, как сообщает Исократ, попадает под власть пиратов; о регулярном хлебном снабжении бедноты не может быть и речи, тогда как богатые люди (ростовщики и спекулянты) обогащаются, скупая за гроши или отбирая за долги земли и скарб бедноты и приобретая хлеб и нужные им товары втридорога у пиратов. Значительные участки земли попадают в руки богатых и часто вовсе не обрабатываются, являясь лишь объектом спекуляции. Это также ведет к разорению больших масс свободных людей.

Не удивительно, что при таких условиях в ряде мест голодные массы производят насильственные социальные перевороты,

¹² См.: Миллиор Е. А. Исократ и второй афинский морской союз// Уч. зап. ЛГУ. № 39. Сер. истор. наук. Вып. 4. 1939. С. 89—134.

примеры которых даны ниже (с. 513). Эти перевороты проходят под лозунгами «передела земли» (*ges anadasmus*) и «отмены долгов» (*chreon apokore*). Олигархическими и умеренно-демократическими группами повсюду выдвигаются и по возможности проводятся меры, препятствующие таким потрясениям. Несомненно, уже к разбираемому времени относится присяга афинских гелиастов (членов суда) в том ее виде, в котором она нам известна из Демосфена (XXIV, 149). Гелиасты клятвенно обязуются, с одной стороны, не подавать голос за тиранию или олигархию (имеется в виду, по-видимому, опыт правления Тридцати), с другой — не голосовать за «отмену частных долгов и за передел земли или домов». Характерным предвестником приближающегося эллинистического времени является то, что эта формула присяги получает всеобщее распространение в Элладе. На это указывает Платон (Законы III, 684 E): «Под угрозой проклятия всюду воспрещается производить переделы земли и отмену долгов». Правильность этого замечания Платона подтверждается и случайно найденной на камне формулой присяги жителей глухого города Итания на Крите (Ditt. Syll. 1³, N526): «Я не буду производить передела земли, усадебных участков и домов или отмены долгов».

Однако эти меры были лишь паллиативами. Вследствие борьбы демократических и аристократических государств и непрекращающихся переворотов, сопровождающихся обычно изгнаниями и конфискацией имущества, по всей материковой Греции бродили шайки безработных, грабя и терроризируя население; иногда они поступали наемниками к тому влиятельному человеку или государству, которое им предложит большее жалованье. Уже Исократ, представитель богатых деловых людей, в своем «Панегирике», написанном около 380 г., говорит об этих людях, «предающих растерзанию эллинские города». Позже в «Филиппе» он рассказывал как они «блуждают, лишенные хлеба насущного, являясь угрозой для встречных». «Если мы, — предупреждает он, — не положим этому конец, то мы и не заметим, как число их до того увеличится, что они станут... ужасом для эллинов. Однако мы совершенно не беспокоимся об этом, не замечая, что созревает нечто страшное и ужасное, некое общее зло для всех нас».

Что было делать со всеми этими людьми? Участие безработных правящих городов в эксплуатации трудящихся других, подвластных им городов, стало невозможным в силу Антиалкидова мира, объявившего полную автономию каждого отдельного государства; существование паразитической свободной бедноты за счет богачей, т. е. фактически требование своей доли в эксплуатации ими рабов, стало невозможным с тех пор, как хозяйном Эллады стала Спарта, не говоря уже о том, что такого рода экономика вносила полное расстройство в жизнь Греции.

А между тем на почве рабства, ставшего всюду ведущей формой производства, получает господство и соответствующая идеология, проводящая резкую грань между эллином, созданным для господства и руководства, и варваром, созданным для притупляющего рабского труда, «одушевленным орудием». «Царствуй грек, а варвар гнися», — формулировал эту точку зрения Еврипид в конце V в. Персия была страна, сплошь населенная «варварами», а значит, сами боги предназначили эту страну для того, чтобы быть порабощенной и стать дойной коровой для эллинов.

Персия

Персия была в это время по существу очень слаба, она была колоссом на глиняных ногах. Это показал уже поход Кира. От Персии отпадали целые области; восстания сатрапов были нормальным явлением. Персидская военная техника была несравненно ниже греческой.

Несмотря на это, Персия оставалась все же самым влиятельным из государств в бассейне Средиземного моря и даже иногда диктовала свою волю грекам, как это было в 386 г. Причина состояла в том, что ища поддержки, греки втягивали персов в борьбу между собой. Играя на раздорах между греческими государствами, располагая огромными денежными ресурсами, Персия, будучи бессильной в военном отношении, все же сохраняла роль главенствующего государства.

Однако как раз около 380 г. «крах Персии казался чем-то близким и легко достижимым. Евагор, царь Саламина на Кипре, вел удачную войну с персами — он завладел всем островом Кипром и городом Тиром, на материке отложились города Фракии, Сирии и Киликии, египетский фараон Акорис воевал в союзе с Евагором и прислал на помощь ему 50 кораблей. Афины... даровали Евагору афинское гражданство и послали ему флот на помощь».¹³ Они вели тайные переговоры с Гекатомном, сатрапом Карики, собиравшимся отложиться от Персии, и с Глосом, сыном Тамоса, одним из навархов (начальников флота) Кира Младшего, бежавшего после гибели Кира со своим флотом в Египет; теперь именно Глосу персидский царь поручил борьбу с Евагором.

Идея общезллинского похода на персов

При таких условиях понятно, что в крупных деловых кругах Афин (и других городов Эллады) должна была появиться

¹³ Миллиор Е. А. Исократ... С. 97.

счастливая мысль: чтобы избавиться от беспокойных бродяг, терроризирующих Элладу, надо их собрать вместе, вооружить наилучшим образом и направить на покорение «варварской» Персидской державы! Среди этих бродяг было большое количество изгнанных демократами аристократов, с детства учившихся военному делу; при хорошей организации они должны были стать страшной силой. Так, Исократ, идейный руководитель этой группы в Афинах, выступающий как представитель богатых деловых людей, в радужных красках рисует те выгоды, которые принесет покорение Персии: «Нуждающееся в земле крестьянство... получит обширные пространства для обработки; бродяги, вместо того, чтобы терзать Элладу, найдут применение для своей деятельности в Азии, — словом, победа даст процветание тем, кто останется дома (т. е. богатым дельцам на родине.— С.Л.), и богатую добычу воинам».¹⁴ Разумеется, эллины, которые придут в Азию, останутся там такими же паразитами, какими они были в Европе: «Всех варваров надо превратить в крепостных всей Эллады в совокупности... Позор, что в домашнем быту мы пользуемся варварами в качестве рабов, а в государственном масштабе миримся с тем, что столько греков рабствуют им».¹⁵ Следует убедить греческие города эксплуатацию (pleonexia) своих сородичей заменить эксплуатацией варваров.¹⁶

5. ВТОРОЙ АФИНСКИЙ МОРСКОЙ СОЮЗ

Необходимость организации морского союза

Для того чтобы осуществить эту мечту, необходимо было провести ряд предварительных мер. Прежде всего необходимо было навести порядок в Элладе, избавиться ее и от господства «черни» с залезанием в карманы богатых, и от господства Спарты, ставленники которой, по свидетельству того же Исократа, так же бесцеременно залезали в карманы богатых, как и радикальные демагоги. Избавившись от господства Спарты, необходимо объединить Элладу на началах, дающих гарантию свободы и неприкосновенности имущества договаривающимся сторонам: только при наличии такой крепкой организации можно думать о столь трудном и опасном предприятии. И, наконец, надо снова восстановить безопасность на море и, ликвидировав пиратство, возродить международную торговлю, которая, вследствие переворотов в Элладе, пошла теперь другими — восточными — путями, разорив ремесленников, торговцев и денежных дельцов материка.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Исократ. Панегирик. § 131.

¹⁶ Там же. § 17.

Одним словом, был необходим новый Афинский морской союз, но основанный на более справедливых началах, на началах автономии, объявленной статутом Антиалкидова мира, и направленный своим острием в ближайший момент не против Персии, а против опиравшейся на нее Спарты.

Разумеется, нельзя думать, что Исократ создал и осуществил проект второго Афинского морского союза. Эта идея, несомненно, носилась в воздухе и появилась в уме одновременно у ряда государственных деятелей, совершенно независимо от идеи похода на персов; уже с 386 г. афиняне начали исподтишка возобновлять союзы с их бывшими союзниками на Эгейском море (см., например, договор с Хиосом, *Ditt. Syll. I*, № 142, — он был заключен на базе Антиалкидова мира). Но Исократ, как мастер пера, впервые убедительно изложил эту идею в своем «Панегирике».

Действительно, в 379—378 гг. афинянам удалось организовать так называемый Второй Афинский морской союз.¹⁷

Устав союза

До нас дошло на камне полностью постановление афинского народного собрания об учреждении этого союза, открыто направленного против Спарты (*Ditt. Syll. I*, № 147). Оно очень интересно. Афиняне боятся, как бы союзники не подумали, что афиняне снова будут управлять ими так, как они управляли ими в Первом морском союзе. Союзникам дается целый ряд гарантий. Афиняне клянутся, что они не будут взыскивать с союзников никакого фороса, не будут менять в их городах политическое устройство, не пошлют к ним никакого должностного лица из Афин. Более того, во время Первого союза в союзные города вводились афинские клерухи; теперь Афины обязуются не только не посылать никого в союзные города, но клянутся, что никто из них не будет ни под каким видом владеть землей и домами ни в одном из городов: все дома и земли, которые принадлежат афинянам в этих городах, должны быть у них отобраны и отданы местным жителям. Запрещается также отдача афинянами денег местным жителям под залог имущества; как мы видели выше (с. 406), это было одним из наиболее тяжелых видов эксплуатации жителей союзных городов афинскими ростовщиками. Всякий, кто внесет предложение, предоставляющее афинянам право иметь землю на территории союзников, подлежит смертной казни. Новый союз боялся испортить отношения с персами, чтобы не быть вынужденным вести борьбу на два фронта. Поэтому постановление об учреждении союза полно-

¹⁷ Союз возглавлялся собиравшимся в Афинах советом, в который вошло по одному депутату от всех союзных городов; Афины же не имели в нем своего представителя.

стью соответствовало установкам Антиалкидова мира: подвластные царю греческие города Малой Азии не имели права вступить в этот союз.

Почти все государства, которые входили в Первый морской союз, вошли в этот союз городов, а сверх того в него вошли еще Фивы, Локрида, Ясон (тиран Фер в Фессалии) и целый ряд материковых государств.

Усиление Фив

Афинянам удалось одержать несколько морских побед над спартанцами, обеспечив себе тем самым преобладание на Ионийском море (прежде всего на Керкире). Однако через некоторое время между Афинами и Фивами наступило охлаждение. Фивы, отбившись в первые годы после переворота от нападений спартанской сухопутной армии, выиграли несколько небольших сражений у спартанцев, а к 373 г. присоединили к себе уже почти всю прежнюю территорию Беотии. Это усиление соседнего государства нарушало международное равновесие и стало внушать афинянам опасения. В самом деле, фиванцы не только присоединили к себе всю прежнюю территорию Беотии, но и включили в Беотийский союз и своих соседей с севера — локрийцев. Отношения Афин с Фивами еще более ухудшились, вследствие того, что лежавшие на границе между Аттикой и Беотией Платеи, экономически и политически стоявшие в более тесных отношениях с Афинами, чем с Беотией, не желали вступать в Беотийский союз. К тому же в Платеях была сильна и олигархическая партия, выступавшая против фиванских демократов. Фиванцы неожиданным нападением взяли и затем разрушили город (373 г.). Уцелевшие платейцы укрылись в Афинах. Это вызвало еще большее обострение отношений.

Конгресс 371 г.

В 371 г. в Спарте был созван общегреческий конгресс для выработки новых условий мира. Конгрессом руководил спартанский царь Агесилай. Спарта принесла клятву от имени Пелопоннесского союза. Послы остальных государств принесли клятвы каждый за свой город. Но Эпаминонд, один из семи беотархов, хотел присягнуть за всех беотийцев. Когда он обнаружил, что в список приносящих клятву Агесилай внес не «беотийцев», а «фиванцев», он потребовал соответствующего изменения, но Агесилай заявил, что он никакого Беотийского союза не признает: фиванцы должны предоставить независимость беотийским городам. Эпаминонд был на это согласен при условии, что и спартанцы предоставят независимость городам периеков. Тогда рассерженный Агесилай вычеркнул Фивы из списка договаривающихся; все остальные государства подписали дого-

вор. Самый договор был заключен на условиях Антиалкидова мира. Существование Пелопоннесского и Второго Афинского морского союзов было признано, так как эти союзы основывались на принципе автономии отдельных членов, входивших в эти союзы. По условиям договора спартанцы вывели своих гармо-стов из городов Пелопоннеса; за Афинами было признано право на Амфиполь и фракийский Херсонес, пока еще не находившиеся в их руках. Против нарушителя договора могло выступать любое государство из числа заключивших союз, но никто не был обязан помогать ему в борьбе с нарушителем. Поэтому, когда Спарта двинулась в поход против Беотии, значительное число ее союзников, в том числе и Афины, ее не поддержали.

6. БОРЬБА БЕОТИИ С ФЕССАЛИЕЙ

В это время в северной Греции была сделана попытка образования большой греческой державы, объединяющей под своей властью весь Балканский полуостров.

История Фессалии

Фессалия, бывшая до тех пор отсталым земледельческим государством и не игравшая сколько-нибудь значительной роли в истории V в., выдвигается теперь на одно из ведущих мест. Так как до сих пор нам не приходилось говорить о Фессалии, мы позволим себе вкратце познакомить читателя с ее историческими судьбами.

Фессалия представляет собой самую большую в Элладе низменность (наибольший поперечник—120 км), ограниченную со всех сторон возвышенностями и горными хребтами: на севере — Олимпом, на западе — Пиндом, на востоке — Оссой и Пелионом, на юге — Ахейским хребтом, а вслед за ним хребтом Этой, тянувшимся параллельно Ахейскому хребту к югу от него. Фессалийская равнина орошается самой большой из рек Эллады — Пенеем; она очень плодородна и удобна как для хлебопашества, так и для скотоводства и коневодства. Вплоть до эллинистического времени в Фессалии была лучшая конница в Греции; отсюда вывозились в большом количестве хлеб и мясо. Особенностью Фессалии до позднего времени были ритуальные бои быков (*taurokathapsia*), представлявшие собой религиозное отражение роли разведения быков в хозяйстве страны. Значительная часть этой равнины была в древнейшие времена покрыта лесом; характерно, что еще в V в. старинные должностные лица, уже утратившие власть и ставшие только «эпонимами» (по ним датировался год), назывались «лесными надзирателями» (*hylorgeontes*). Между Ахейскими горами и Этой лежала другая, небольшая и не столь плодородная равнина, орошаемая рекой Сперхеем. Удобные, защищенные от ветра гавани имелись

на юге страны в Пагасейском заливе: в гомеровское время — Иолк, в более позднее — лежавшие рядом с Полком Пагасы.

Язык фессалийцев (как и беотийцев) в классическое время представлял собой смесь двух элементов: дорийского¹⁸ и эолийского. Смешанный характер языка подтверждает историческую традицию, по которой Фессалия была в Микенскую эпоху населена эолийскими племенами. В эту эпоху Фессалия была одной из ведущих культурных стран греческого материка, как показывают и данные раскопок, и та роль, которую играет фессалийский герой Ахилл в «Илиаде». Дорийское переселение, согласно традиции, происходило двумя волнами: сначала пришли беотийцы, центром которых был город Арна; затем — фессалийцы, вытеснившие беотийцев в позднейшую Беотию. Как и всюду, и здесь переселенцы захватили наиболее плодородные, низменные места; прежнее эолийское население отчасти лишилось свободы и стало в зависимые отношения к победителям, отчасти выселилось в менее плодородные, возвышенные места по границам Фессалии. Эти племена (перребы, магнеты и др.) сохранили свою территорию и свое племенное устройство, но были в зависимости от фессалийцев, выставляя контингент в их войска и платя им дань (древние писатели называют их иногда периэками).

Общественный строй Фессалии напоминает общественный строй гомеровского времени. Вся земля была поделена на клеры. В случае войны каждый клер должен был выставить 40 всадников и 80 гоплитов из свободных граждан. Ясно, что такой «клер» не имел ничего общего с теми крестьянскими наделами — клерами, которые нам известны, например, из Аттики и Лаконии, и более сходен с клерами Крита: чтобы выставить такое ополчение, каждый клер должен был занимать территорию примерно в 1600—1800 га; таких клеров могло быть во всей Фессалии только около 200. Таким образом, власть в стране принадлежала примерно 200 знатным родам; все остальное свободное население было по отношению к ним в положении клиентов, получая от них для обработки участки земли. «У фессалийцев в силу их местных обычаев было скорее господство отдельных знатных родов (*dynasteia*), чем строй, основанный на равенстве перед законом (*isonomia*)», — говорит Фукидид (IV, 78, 3). Эти аристократы (наиболее могущественными родами были Алевады в Лариссе и Скопады в Фарсале) строили для защиты от нападений крепкие замки, которые и представляли собой древнейшие «полисы» (города); лишь в классическую эпоху некоторые из этих «полисов» становятся городами в позднейшем смысле. В обычное мирное время каждый знатный род со своими клиентами представлял собой политически

¹⁸ Дорийского в широком смысле слова, т. е. так называемого «западно-греческого», — того языка, на котором говорили локрийцы, фокиды и т. д.

обособленную единицу. Однако опасность восстаний пенестов и зависимых племен, а также вторжения врагов заставили фессалийских династов уже в раннее время создать общесфессалийскую военную организацию. Как греческие басилеи во время похода на Трои составили общее войско под руководством микенского басилея Агамемнона, так и фессалийские таги¹⁹ в случае войны избирали общесфессалийского тага. В этих случаях функционировало (как для избрания тага, так и для других надобностей) общесфессалийское народное собрание, составленное из всех свободных фессалийцев; в мирное время оно почти не собиралось, и страна распадалась на объединения, сохранявшие родовую форму (ср. положение вещей в гомеровской Итаке).

Четыре (или три) филы представляли собой в древнейшее время в греческих государствах не только родовые, но и локальные деления: все граждане одной и той же филы селились вместе, имели своего филобасилея и в войске составляли особый отряд. Так было в Аттике, а судя по словам Нестора, и в гомеровском войске. Так же обстояло дело и в Фессалии. Фессалия делилась на четыре тетрархии:²⁰ Фессалиотиду, Пеласгиотиду, Гестиотиду и Фтиотиду. Во главе каждой тетрархии стоял полемарх («военачальник»), — это показывает, что деление на тетрархии было в то же время делением войска.

Население собственной Фессалии делилось на четыре группы.

1) «Династы» (*dynastai*), т. е. члены немногих знатных родов, владельцы огромных земельных территорий, фактически сосредоточившие в своих руках всю власть в Фессалии. 2) Средние и мелкие свободные землевладельцы, бывшие клиентами одного из «династов». Они служили в войске, в зависимости от имущества — всадниками или гоплитами. Они не должны были заниматься торговлей или ремеслами, — в противном случае они лишались политических прав. Поэтому они проводили время и собирались на народные собрания не на рыночной площади, как в других греческих государствах, а на особой «свободной агоре», на которой всякого рода торговля была запрещена. 3) Ремесленники и торговцы представляли собой лично свободную, но политически бесправную группу. 4) Основную массу производителей представляли собой пенесты, мало чем отличающиеся от спартанских илотов. Согласно указанию одного античного «энциклопедического словаря» (Поллукс), лакедемонские илоты и фессалийские пенесты — «нечто среднее между свободными и рабами». Пенест, как и илот, сидел на отведенном ему участке земли, владея домом и движимостью; он обязан был отдавать определенную часть урожая землевладельцу и

¹⁹ Фессалийское слово *tagos* соответствует общегреческому *basileus*.

²⁰ По преданию, эти тетрархии искусственно образованы Алевом Рыжим, но это предание не заслуживает доверия.

беспрекословно исполнять его приказания, но землевладелец не мог ни убить пенеста, ни продать его за границы его участка. Восстания пенестов, как и восстания илотов, были обычным явлением.

Остается сказать еще несколько слов о внешней истории Фессалии в древнейшее время. Вторгшись в страну, названную впоследствии Фессалией, фессалийцы не остановились в ней, но пытались двинуться далее на юг; однако, по преданию, фокидцы преградили каменной стеной Фермопильский проход и, таким образом, воспрепятствовали дальнейшему продвижению фессалийцев. Остатки стены сохранились, но, по мнению ученых, они относятся к более позднему времени (к VII—VI вв.).

В VI в. фессалийцы были одним из могущественнейших племен и играли большую роль в международной политике. В Священной войне, в которой приняли участие сиционяне, афиняне и другие государства, ведущая роль принадлежала фессалийцам. В результате этой войны Криса была разрушена, и фессалийцы с подвластными им племенами получили большинство голосов в совете Пилейской (Дельфийской) амфикистии. Точно так же в Лелантской войне (VII в.) фессалийцы сыграли решающую роль. Здесь боролись две торговые коалиции: с одной стороны — Самос и Халкида, с другой — Милет и Эретрия. Фессалийцы присоединились к Халкиде, и, благодаря фессалийской коннице, халкидцы одержали победу над противниками. Однако после этого фессалийцы были разбиты беотийцами и фокидцами (в битве при Керессе). В начале V в. фессалийцы сражались на стороне персов. Вследствие этого они в течение первой половины V в. не имели сколько-нибудь значительного политического влияния.

Фессалия представляла особенный интерес для Афин: она снабжала Афины мясом, и через нее (каботажным путем) шли в Афины хлеб и корабельный лес из Македонии и Фракии. Поэтому афиняне уже в раннюю эпоху стремились заручиться дружбой с Фессалией — эта дружба была, таким образом, старой и традиционной. Фессалийцы были союзниками афинян на поле битвы уже в эпоху Писистратидов.

В 469 г. в Фессалии, возможно, происходили какие-то народные движения. Нам известно из Геродота (VI, 72), что сюда отправился с большим войском царь Леотихид из династии Еврипонтидов; он изгнал фессалийских вождей Аристомеда и Ангела из династии Алевадов и продвигался вперед, но затем вернулся назад, не добившись никаких успехов.²¹

С этого времени в Фессалии создалось такое положение вещей, что широкие массы всегда сочувствуют Афинам, тогда как знать («династы») — аристократической Спарте. Основной причиной указанных выше движений была, по-видимому, общая

²¹ Его обвинили в получении взятки, и он был казнен.

ненависть к общему могущественному соседу — беотийцам.. Но наряду с этими мотивами не могли не играть роль и социальные (Фукидид. IV, 78). Этой социальной борьбой внутри фессалийского народа и объясняется то, что фессалийцы, хотя в битве при Танагре в 457 г. и были союзниками Афин, но вследствие предательства их знати покинули поле сражения. Полностью сочувствовала Афинам и находилась в сфере их влияния только южная, ахейская Фессалия.

В это время на стороне Афин, кроме народных масс, был еще захвативший царскую власть в Фессалии и затем лишившийся ее Орест. Союзниками афинян были также враги фессалийцев — беотийцы и фокидцы. Афиняне пошли походом на Фессалию, но не смогли справиться с конницей фессалийских династов, и поход был безуспешным, как ни важно было афинянам обеспечить этот путь.²²

В 426 г. спартамцам удалось, нанеся поражение южнофессалийским племенам, построить на их территории крепость Гераклею Трахинскую; опираясь на эту крепость, Брасиду удалось, несмотря на протест фессалийских властей, прорваться через Фессалию во Фракию. Но позже сопротивление фессалийцев возросло, и эта крепость влачила лишь жалкое существование. В 421 г. фессалийцы дали отпор спартанскому полководцу Рамфию, пытавшемуся по следам Брасида прорваться через их территорию (Фукидид. V, 13). В 419/418 г. фессалийцы сразились с гарнизоном Гераклеи и убили ее начальника Ксенара. Только в 412 г. царю Агису удалось нанести поражение южнофессалийским племенам (Фукидид. VIII, 3) и ослабить здесь афинское влияние.

Ликофрон. Ясон Ферский

В конце V в. в Фессалии начался новый расцвет. В это время здесь обострились классовые противоречия, с одной стороны, между господствующим классом и пенестами, с другой — между правящей землевладельческой родовой знатью и средним классом, хотя и свободным, но бесправным. Вместе с тем, при участии и под влиянием Афин растет демократическое движение. Отдельные фессалийские полисы экономически и политически обособляются от общесфессалийского племенного союза, к этому времени почти распавшегося. Особенно острый характер принимает демократическое движение в городе Ферах, расположенном близко от моря, и торговой гавани Пагасах, где приобретает значение торговое сословие, стоявшее во враждебных отношениях к родовой знати.

В Ферах выдвигается Ликофрон, организовавший вокруг себя партию недовольных и привлекивший на свою сторону также и пенестов. Ликофрону при помощи народного вождя Прометея и афинского агента Крития удалось свергнуть в Ферах господство знати и в качестве тирана захватить власть. Вожди движения обратились с воззванием к пенестам соседних фессалийских общин, приглашая их к освобождению и к борьбе против их господ (см. выше, с. 460). Против Ликофрона выступила знать, особенно род Алевадов в Лариссе, но ему удалось победить вождя Алевадов Медия (404 г.). После этого волнения начались и в Лариссе, где из среды знати выступил против Медия некий Аристокл. Медий обратился за помощью к Македонии, где в то время правил царь Архелай.

Ликофрон стремился распространить свою власть на всю Фессалию, но этому воспрепятствовала Македония, войско которой вторглось в Фессалию, подчинило несколько городов, в том числе, при содействии Медия, и Лариссу. Противники Медия обратились тогда за помощью в Спарту, которая еще в середине V в. стремилась подчинить себе Фессалию и теперь воспользовалась случаем вмешаться в фессалийские дела. К Спарте примкнули Феры и некоторые другие города, македонское же войско, ввиду последовавшей в то время смерти Архелая, было отозвано. Против Ликофрона снова выступил Медий во главе союзного фессалийского войска. Ликофрон тогда заключил союз с Беотией, но был отеснен в Феры. Таким образом, планы Ликофрона потерпели неудачу, но его преемнику ферскому тирану Ясону (390—370) удалось их осуществить.

Ясон объединил Фессалию на основе союза ее полисов и подчинения их своему главенству; он был провозглашен тагом, предводителем всего фессалийского ополчения. Ему удалось объединить под своей властью также Эпир и некоторые племена Этолии. Ясон организовал первоклассную наемническую армию и обладал лучшей в Греции конницей и флотом. Ему нетрудно было бы теперь овладеть Македонией и лишиться, таким образом, афинян корабельного леса. Ясон, как сообщает Ксенофонт, собирался после того, как ему удастся объединить под своей властью всю Грецию, покорить и Персию, сослаться при этом на успех похода Кира Младшего. Его план поддержал Исократ, обратившийся к нему с письмом, в котором приглашал его стать во главе греческих государств. Фивы рассчитывали на помощь Ясона в надвигающемся столкновении их со Спартой, но он оказался коварным и ненадежным союзником.

7. КОНЕЦ СПАРТАНСКОГО МОГУЩЕСТВА

Битва при Левктрах

Столкновение спартамцев с беотийцами произошло в 371 г.

22 Если надпись Ditt. Syll., 13, №55 относится к этим событиям, то можно предположить, что Орест воспользовался своим войском как мести за смерть Ликофрона, так и для восстановления афинской армии и

количественно и качественно превосходила молодую, только недавно организованную беотийскую армию. Однако Эпаминонд оказался выдающимся стратегом, введя в этой битве впервые так называемый «косой строй». Свое войско Эпаминонд построил клином, так, что наиболее сильные и лучшие бойцы стояли на левом фланге, представлявшем переднюю часть клина, его острый угол, а в отступающей назад части клина стояли более слабые бойцы. Столкнуться с врагом должна была сперва та часть, в которой стояли наиболее сильные воины. Обычно греки ставили сильных бойцов на правом фланге, а слабых на левом, так что в сражении в каждой армии побеждал правый фланг (против сильного правого фланга приходилась слабая левая сторона противника); вслед за тем оба войска нападали друг на друга с фланга. Эпаминонд же поступил наоборот: он поставил сильную часть войска не против слабой части врага, а против сильнейшей его части, чтобы сначала разбить ее и этим внести панику во вражескую армию. Наиболее сильная часть войска Эпаминонда, возглавляемая так называемым «священным отрядом» из 300 человек под командованием Пелопида, ударила по сильной же части врага и разбила ее. Удар был так силен, что спартанцы бежали прежде, чем остальная часть беотийского войска вошла в бой. Четыреста спартиатов, в том числе и командовавший войском царь Клеомброт, и большое число союзников остались на поле битвы.

Сражение кончилось полной победой беотийцев; спартанское ополчение было уничтожено почти полностью, и положение его было очень тяжелым. По спартанским законам, воины, бежавшие с поля сражения, лишались политических прав, а так как на этот раз вся спартанская армия бежала, то большую часть спартиатов, которых и так было немного, приходилось лишить политических прав. Агесилай предложил компромисс: пусть на этот день спартанские законы «спят». Таким образом, эти граждане не были лишены политических прав. Любопытна реакция афинян на победу фиванцев при Левктрах. Когда вестник прибыл в Афины с сообщением о ней, его не пригласили, как полагалось, на угощение, не устроили богослужения, не поздравляли, — настолько афиняне были недовольны усилением Фив.

Победа над спартанцами не была, однако, использована Фивами надлежащим образом. Остаткам спартанского войска дали возможность беспрепятственно уйти. В этом был в значительной мере виноват Ясон, который, прибыв в Левктры в качестве союзника фиванцев, играл двойную игру: он воспрепятствовал преследованию спартанцев. На обратном пути из Беотии в Фессалию Ясон захватил предместье города Гиамполя в Фокиде и спартанское укрепление Гераклею Трахинскую на границе Локриды и Дориды и стал готовиться к захвату Дельфийского святилища, чтобы завладеть его сокровищами. Это дало бы ему возможность стать самым могущественным властителем в Гре-

ции. Однако во время подготовки к захвату Дельф он стал жертвой террористического акта (370 г.).

После победы при Левктрах фиванцы закончили объединение всех беотийских городов и заставили большинство государств средней Греции (Фокиду, обе Локриды, Акарнанию) вступить в новый, руководимый Беотией, союз. Впоследствии к союзу примкнули также Этолия, фессалийские города долины Сперхея, города Евбеи. Союз был заключен на условиях, напоминающих учредительный договор Второго Афинского морского союза. Союзные города выставляли свои контингенты в общую беотийскую армию для борьбы со спартанцами. Союз этот под руководством Беотии существовал наряду с Афинским морским союзом.

Демократическое движение в Пелопоннесе

Поражение Спарты при Левктрах послужило сигналом к окончательному распаду Пелопоннесского союза. Союзники Спарты и раньше проявляли недовольство ее политикой: во время одного из походов в Беотию это недовольство едва не привело к распаду пелопоннесской армии. Теперь же, после битвы при Левктрах, в Пелопоннесе произошел ряд демократических переворотов; аристократы подвергались изгнанию; их имущество делилось между бедной. Аристократы устраивали заговоры и пытались силой вернуть себе власть. Борьба принимала ожесточенные формы; так, в Аргосе около 1000 аристократов были перебиты дубинами (дубина по-гречески «скитала»; отсюда это избивание носило название «скитализма»), но затем, впрочем, народ перебил и демагогов, толкнувших его на такую расправу. На стороне Спарты остались только Коринф, Сикион, Ахайя, Эпидавр, Трезен и Орхомен в Аркадии; остальные аркадские города образовали мощный демократический союз под руководством Тегеи и Мантиней. Эта последняя снова из четырех деревень объединилась в город, обнесенный стенами.

Сторонники аристократии в Тегее частью были перебиты, частью же бежали в Спарту и здесь начали агитацию за поход Спарты против демократической Аркадии. Так как Спарта стала угрожать Аркадскому союзу, члены его обратились за помощью к Афинам. Однако афиняне, не желая ослабления Спарты (это повело бы к усилению Фив), отказались помочь Аркадии. Тогда аркадяне обратились к Фивам. Фиванское правительство пришло на помощь демократической Аркадии и выслало свою армию под командованием Пелопида и Эпаминонда, чтобы бороться вместе с аркадянами против Спарты. Поход этот относится к 370—369 гг.

Беотийское войско, в котором принимали участие и контингента среднегреческих государств, прибыло в Аркадию, но не застало уже здесь спартанцев. Зато сюда явились представители лаконских периеков, сообщившие Эпаминонду, что периеки готовы отложиться от Спарты, а мессенские илоты восстали против своих угнетателей. Это сообщение заставило фиванское командование совершить вторжение в самую Лаконику. Во главе большого войска Эпаминонд подошел непосредственно к Спарте. За все существование Спарты это был первый случай, когда враг вторгся на территорию Лаконики: спартанцы до этого времени всегда вели борьбу на чужой территории.

Агесилаю удалось, тем не менее, отстоять Спарту. Он безжалостно подавил несколько заговоров, раскрытых им в самой Спарте, спартанское правительство вооружило шесть тысяч илотов, но вооруженные рабы вызывали еще больший страх у своих господ, чем фиванцы. К счастью для Спарты прибыли контингента некоторых союзных городов, оставшихся верными ей; с ними Агесилай приготовился к решительной защите города. Но как раз в это время наступила пора полевых работ, и большинство союзников Беотии разошлось.

Эпаминонд не мог взять Спарту (а может быть, это и не входило в его план). Беотийская армия выступила из Лаконики в Мессению. Плодородная Мессения, главная житница Спарты, отложилась от нее после восстания илотов. Бывшие илоты образовали собственное государство. Эпаминонд основал на месте древней Итомы большой город Мессену, укрепленный стенами,²³ и возвратил в Мессению мессенцев, бежавших еще в VI и V вв. в разные части Греции; частью он призвал сюда спартанских илотов из Лаконики и дал им права гражданства в новом государстве. Это вызывало постоянные восстания илотов в самой Спарте. После этого похода фиванцев владения Спарты ограничились одной Лаконикой; она лишилась Мессении и ряда периекских городов и потеряла всякое влияние среди греческих государств.

По-видимому, во время этой же экспедиции произошло событие, очень неприятное для Спарты. Мантинеец Ликомед составил план организации Аркадского союза с одним главным городом, который был назван Мегалополем — «большим городом». Здесь должны были засесть совет аркадских послов и народное собрание аркадян. При содействии Эпаминонда этот план был приведен в исполнение. Несколько десятков небольших городов и селений юго-западной Аркадии объединились в один большой полис. Мегалополь стал оплотом демократии,

²³ Остатки этих стен, выстроенных из тщательно отесанного камня, обнаружены археологами.

так как здесь не было и не могло быть никаких аристократических тенденций, и его строй был с самого начала чисто демократическим.

К этому времени в Афинах снова обострилась партийная борьба, причем одна из борющихся групп из страха перед растущим демократическим движением и перед усилением Беотии стояла за сближение со Спартой. Странники этой группы проводят решение о заключении союза со Спартой, и, начиная с 370 г., Афины выступают в лагере противников Фив. Эта группа возглавляется оратором Исократом. Он требует, чтобы Афины выступили в защиту интересов Спарты и чтобы спартанцам были возвращены их илоты, потому что нельзя отнимать рабов у их владельцев и поднимать против господ. Он пишет речь, влагая ее в уста спартанского царевича Архидама. В ней он угрожает, что все мужское население Спарты, если не вернут Мессению, займется разбоем: спартанцы образуют кочевой лагерь, пойдут на беззащитные города Пелопоннеса, будут их грабить и вносить расстройство в жизнь Греции, пока им не вернут Мессению (после ряда переворотов таких кочующих лагерей, как мы узнаем из того же Исократа, было немало в Греции).

Афинские демократы, наоборот, указывали, что мессенцы совершенно справедливо освобождены. Афинский оратор Алкидамант писал, как мы видели выше, что рабы и свободные — это деление искусственное, «все люди — вольноотпущенники божества», т. е. все люди созданы равными и нет среди них «лучших» и «худших».

Восстановление Мессении непосредственно вытекало из условий Антиалкидова мира, тем не менее, афинские реакционеры требовали обратного подчинения мессенцев, исходя из общих классовых интересов греческих рабовладельцев.

Следующий поход Эпаминонда в Пелопоннес летом 369 г. не принес уже таких блестящих результатов. В сражении у стен Коринфа фиванцы потерпели неудачу, главным образом вследствие помощи, оказанной союзниками Спарты афинянами, войском которых командовал Ификрат. Эта неудача Эпаминонда послужила в Фивах поводом для выступления оппозиции из рядов крайней демократии. Вождь этой оппозиции, участник переворота 379 г., оратор Менеклид привлек к суду Эпаминонда, Пелопида и других беотархов по обвинению в государственной измене. Результатом этого процесса было то, что Эпаминонд, неоднократно выступавший против наиболее решительных мероприятий фиванской демократии, не был избран беотархом на следующий 368 г.

Однако уже через год, в 367 г., Эпаминонд возглавил новый поход против фиванцев в Пелопоннес. На этот раз к союзу было присоединено северное побережье Пелопоннеса — Ахайя. Эпаминонд оставил здесь у власти аристократов, но крайняя демо-

кратия в Фивах провела отмену распоряжений Эпаминонда, и в ряде городов Ахайи произошли демократические перевороты. Это послужило поводом к гражданской войне в городах Ахайи, в результате которой большинство этих городов вскоре отложились от Фив.

В это время опять начались переговоры о мире. Все государства, участвовавшие в войне, одно за другим заключили мир с Фивами. Провозглашен был общий мир: лишь Спарта категорически отказалась идти на какие бы то ни было переговоры, пока ей не вернут Мессению. Однако Эпаминонд не желал на это пойти.

8. СМЕРТЬ ПЕЛОПИДА И ЭПАМИНОНДА

Пелопид в Фессалии. Заговор в Орхомене

В Ферах (в Фессалии) с 369 г. власть захватил Александр, который, помня об убийстве Ясона, ввел здесь террористический режим. Ряд аристократических государств Фессалии, возглавляемых Лариссой, не пожелал подчиниться Александру и обратился за помощью к Беотии. Александр со своей стороны обратился к Афинам и привлек их к себе обещанием больших экономических выгод: он обязался поставлять им хлеб и мясо по дешевой цене — 1 мину мяса за 1/2 обола (т. е. по 9 коп. золотом за 1 кг мяса). Это сближение Александра с Афинами еще более обострило антагонизм между Беотией и Афинами. Пелопид дважды приходил со своей армией на помощь фессалийским аристократам. Он прошел со своим войском в Македонию, откуда взял заложниками царевичей Филоксена и Филиппа²⁴ и пятьдесят македонских аристократов. На обратном пути из Македонии Пелопид был, однако, захвачен в плен Александром, и Эпаминонду пришлось самому пойти походом в Фессалию, чтобы его освободить. После этого Александр снова начал жестокую и беспощадную борьбу с фессалийскими городами. Пелопид в третий раз пошел походом против Александра: в этом походе, в 364 г., он пал в бою при Киноскефалах.

Во время этого последнего похода Пелопида в Фессалию в Беотии был открыт большой олигархический заговор с центром в Орхомене. Фиванское демократическое правительство казнило попавших в его руки заговорщиков, а затем объявило поход против Орхомена, который с 379 г. стал средоточием олигархических элементов в Беотии. Город был взят и разрушен, уцелевшие жители бежали в различные греческие государства.

К этому же времени относится первая попытка Фив добиться гегемонии на море. В 364 г. Эпаминонд выступил в море

²⁴ Это — будущий царь Македонии Филипп II, отец Александра Великого.

с только что сооруженным беотийским флотом из ста триер. Результатом похода было отложение ряда островов и городов, в частности — Византия, от Афинского союза. Потеря Византия была тяжелым ударом по хлебному снабжению Афин; поэтому поход Эпаминонда привел к непримиримой вражде между Афинами и Беотией.

Битва при Мантинее и смерть Эпаминонда

Между тем в среде демократических государств Пелопоннеса произошло расслоение. Демократическая часть аркадских городов продолжала настаивать на сохранении союза с Фивами и выполнении обязательств по этому союзу. Но аристократы не желали быть в подчинении у Беотии: беотийское правительство проводило демократические преобразования в городах Пелопоннеса, причем в некоторых из них, важных для Беотии в стратегическом отношении, были оставлены фиванские гарнизоны и гармоствы. Поэтому аркадские города с аристократическим строем, группировавшиеся вокруг Мантиней, после неудачной попытки организовать самостоятельное государство, заключили союз со Спартой, Ахайей и Афинами. До нас дошла афинская надпись с текстом военного договора между афинянами, с одной стороны, а аркадянами (очевидно, группировавшимися вокруг Мантиней), ахейцами, элидцами и флиунтцами — с другой, начертанная в 362 г. (Ditt. Syll. I3, № 181). Тогда беотийцы пришли на помощь союзникам. Образовалось, таким образом, два лагеря: с одной стороны, Спарта, Афины и часть пелопоннесских государств, главным образом с аристократическим и умеренно-демократическим строем, в том числе Мантиней, с другой стороны, Фивы, большая часть аркадян и все государства с радикально-демократическим строем. Наиболее важными из последних были Аргос, Мессена, Мегалополь и Тегея. Эпаминонд, явившийся в Пелопоннес во главе беотийской армии, сделал попытку взять неожиданным нападением Спарту. Однако эта попытка не удалась, и вскоре обе стороны встретились в битве при Мантинее (362 г.), причем фиванской армией командовал Эпаминонд. В этой битве Эпаминонд проявил себя замечательным полководцем. Из сообщения Ксенофонта о Мантинейской битве можно заключить, что победа была на стороне фиванцев, хотя она и не была решительной, так как обе стороны после этой битвы просили друг друга выдать трупы воинов, оказавшихся на территории врага. Между тем, по греческим обычаям, тот, кто просит выдать трупы, считается побежденным, так как тот, кто отступает, вынужден оставлять трупы своих соратников на территории врага. Но на этот раз армии столько раз двигались вперед и назад, что обе стороны просили выдать трупы, так что с формальной точки зрения обе стороны были и побежденными и победителями. Но

самым ужасным для беотийцев было то, что в битве при Мантинее пал сам Эпаминонд, ставший во главе Фив после смерти Пелопида, и Фивы остались без вождя. Смерть его так поразила фиванцев, что они не воспользовались одержанной победой. Вскоре Фивы потеряли все свои позиции в Пелопоннесе; только в средней Греции они продолжали еще в течение нескольких лет играть ведущую роль.

Мантинейской битвой Ксенофонт кончает свою «Греческую историю». Он констатирует, что после этой битвы в Греции создалось очень тяжелое положение: не было ни одного греческого государства, которое было бы сильнее всех других, царила общая растерянность, неизвестно было, на кого опереться. Произошел, в сущности, крах попыток объединения греческих полисов вокруг одного из них. Однако необходимы были новые пути объединения. По этим путям прежде всего пошли в Сицилии, где старинные полисные традиции были гораздо слабее, чем в материковой Греции.

9. ВОЕННАЯ МОНАРХИЯ В СИЦИЛИИ

Выступление Дионисия

Выше (гл. X, § 3) мы говорили о тяжелом поражении, понесенном в 409 г. (при Гимере) сиракузянами от карфагенян, вместе с которыми сражалась часть сицилийских греков и в войсках которых служили афинские наемники. Говорили мы также о том ликовании, которое вызвала эта победа в Афинах, заключивших затем в 406 г. военную симмахию с Карфагеном. В 406 г. карфагеняне нанесли Сиракузам не менее сокрушительное поражение, завладев союзным с Сиракузами Акрагантом. Один из военачальников в борьбе за Акрагант Дионисий выступил с обвинением в измене против бывших своих товарищей, в результате чего он добился того, что был назначен единственным полномочным стратегом (*strategos autokrator*), после чего захватил тираническую власть в Сиракузах.

Дионисий I в оценке историков античности XIX в.

Правление Дионисия I привлекло к себе внимание буржуазных историков античности XIX в., причем взгляды их на Дионисия в зависимости от их мировоззрения чрезвычайно расходятся. Историки старой, либеральной поры, как, например, Грот, характеризовали его как холодного злодея, не пренебрегавшего никакими путями для достижения своей личной власти, порабощавшего и уничтожавшего целые города, вымогавшего деньги, разорявшего людей и приведшего свободных греческих граждан, которых он подвергал постоянным унижениям, в состояние моральной и политической деградации.

Наоборот, реакционные немецкие ученые более позднего «бисмарковского» поколения, как, например, Белох, считают его одним из величайших людей древности — прежде всего за то, что он противопоставил эллинов семитам, а также за то, что он избавил греческие города от «язв, присущих по природе демократическому строю». Даже тот факт, что по распоряжению Дионисия в Сиракузах и других городах Сицилии подверглись погрому карфагеняне — мирные жители этих городов, проживавшие здесь с давних времен (было зверски убито множество народа, были разграблены их дома и товары), вызывает восхищение Белоха; в этой «*Semitenhetze*» — «травле семитов» он видит справедливую месть за жестокие способы ведения войны, применявшиеся карфагенянами, не считаясь с тем, что здесь речь идет не о врагах на войне, а о соседях эллинов, ни в чем не повинных.

Разумеется, и эта группа ученых не может отрицать варварского деспотизма, своеволия и жестокости Дионисия I, однако этот деспотизм рассматривается как необходимое средство для того, чтобы сковать «железной цепью» всех эллинов для отражения угрожавшей им опасности порабощения со стороны Карфагена: только благодаря замечательным политическим и военным талантам Дионисия эллины на западе были спасены. Оба эти взгляда — и либеральный и националистический — отражают лишь узость кругозора их авторов, пренебрегая основными причинами и наиболее характерными особенностями происшедшего перелома.

Сиракузы и Карфаген

Внимательное рассмотрение свидетельства Диодора (в XIV кн.) заставляет считать взгляд, по которому Дионисий обладал выдающимся военным талантом, совершенно необоснованным. Говорят, что он впервые выдвинулся за военные заслуги в борьбе за Акрагант, но эта борьба была сплошным поражением сиракузян. Правда, в борьбе 405—392 гг. с карфагенянами Дионисий отнял было у них почти всю Сицилию, но, несмотря на превосходство в военной технике (пятирусные корабли, замечательные стенобитные машины), он принужден был отступить все и отступить к самым Сиракузам, а это свидетельствует об ограниченности его военных дарований. Причиной поражения Карфагена в этой борьбе было распространение в карфагенских войсках какой-то страшной эпидемической болезни, — иными словами, Дионисий был обязан своим спасением счастливому стечению обстоятельств, а не военному таланту. Около 374 г. карфагеняне нанесли Дионисию тяжелое поражение в битве при Кронионе, причем он уплатил контрибуцию в 1000 талантов; в основном был восстановлен *status quo ante*, протерпевшийся затем вплоть до римского завоевания. Оче-

видно, такое разделение Сицилии соответствовало устойчивому соотношению реальных сил; следовательно, вся борьба Дионисия с Карфагеном никаких результатов не дала.

Неверно также, что он поднял «национальное самосознание» греков, научив их гордо противопоставлять себя варварам: это была только демагогическая декламация. В 387 г., когда Дионисий перешел на материк Италии для того, чтобы покорить Регий, не желавший ему подчиняться, он натравил на Регий варварские италийские племена и при помощи их разрушил дотла этот цветущий эллинский город; в самой Сицилии он отбирает земли у греков и отдает их варварам, своим италийским наемникам.

Нельзя согласиться также с утверждением, будто взятие Сиракуз и занятие всей Сицилии карфагенянами означали бы «гибель эллинизма на Западе». В IV в. карфагеняне были уже в значительной мере эллинизированы, и процесс их дальнейшей эллинизации шел быстрым темпом. Положение греков под властью карфагенян не было тяжелым: как мы видели, греческие демократы постоянно прибегали к помощи карфагенян, заключали с ними военные договоры и сражались в их рядах. Наш единственный источник по этому вопросу Диодор, писавший в I в. до н. э., хотя и был (как это естественно для его времени)²⁵ сторонником объединения эллинов для борьбы с варварами, тем не менее (очевидно, вслед за Тимеем), видел причину того, что Дионисий выступил против карфагенян, также в фактах, имеющих очень мало общего с борьбой за спасение эллинизма: «Дионисий, — замечает он, — видел, что некоторые из эллинов, живущих под его властью, перебегают на сторону карфагенян и переносят туда и свои города и свое имущество» (XIV, 41).

Для этого, впрочем, не нужно косвенных свидетельств. Диодор (XIV, 65—69) в речи борца за свободу Сиракуз Феодора нарисовал яркую картину положения вещей в Сицилии, дав сравнительную характеристику греческой власти (т. е. господства Дионисия) и власти карфагенской. «Карфагеняне, если даже побеждали в войне, довольствовались тем, что брали с нас умеренную дань и не мешали нам жить в нашем государстве по нашим отцовским законам; Дионисий же грабит храмы и отнимает имущество честных людей вместе с их жизнью... Все те ужасы, которые происходят при взятии городов, он учиняет в мирное время. Для нас гораздо важнее, чем положить конец войне с финикийцами, положить конец тирану, находящемуся в наших стенах». Затем Феодор перечисляет разрушенные и разграбленные Дионисием города; некоторые из них по уничтожении их греческого населения Дионисий заселил варварами.

²⁵ Ср. мое предисловие к «Избранным биографиям» Плутарха (М.; Л., 1941. С. 7—9).

В той же речи Феодора убедительно показано, что борьба «за эллинизм» «против варваров» была в руках властолюбивого и хищного Дионисия и стоявших за его спиной грабителей только демагогической фразой для отвлечения внимания народа и для подавления оппозиционных течений: «Каждый раз, как после массового убиения граждан, оставшиеся в живых, задумывали свергнуть тиранию, он снова и снова объявлял войну карфагенянам: страх перед нарушением клятвенных договоров был слабее, чем страх перед еще не уничтоженными тайными организациями (systemata) сицилийцев». Далее Феодор приводит ряд примеров, когда Дионисий в интересах партийной борьбы умышленно давал усилиться карфагенянам: «Он умышленно не пришел на помощь Мессане и позволил карфагенянам уничтожить ее дотла, не только для того, чтобы погибло как можно больше сицилийцев, но и для того, чтобы дать карфагенянам возможность отразить корабли, шедшие на помощь (сицилийцам) из Италии и из Пелопоннеса» и т. д.

Дионисий I как предшественник эллинизма

Если подойти к Дионисию с точки зрения общей линии исторического развития в эту эпоху, то его правление несомненно было прогрессивным фактом. Мы уже говорили, что развитие торговых отношений и необходимость устойчивости средиземноморской торговли были одной из причин кризиса полисного устройства и что создание больших сильных монархий было исторической необходимостью. С этой точки зрения важно то, что Дионисий создал величайшее греческое государство в первой половине IV в. Оно включило в свои пределы всю Сицилию и южное побережье Италии; Сиракузы Дионисий превратил в лучшую в мире совершенно неприступную крепость с первоклассной гаванью. Кроме того, он основал колонии на обоих берегах Адриатического моря, устроил морскую базу на Корсике, заключил союз с галлами и захватил остров Эльбу, на котором он, по-видимому, добывал железную руду. Он окружил со всех сторон Италию, по-видимому, собираясь захватить ее всю. Обладая лучшим флотом на Средиземном море (он строил не только тетреры, но — впервые в истории — огромные пентеры), он господствовал в западной части Средиземного моря и захватил здесь в свои руки всю торговлю. Несомненно, он опирался на торгово-ремесленные круги «международного», т. е. средиземноморского масштаба. Он пытался задавать тон и в политике греческого материка и вел здесь ловкую дипломатическую игру: так, он заключил тесный союз с Лакедемоном и помогал спартамцам в борьбе против Афин в 372 и против беотийцев — в 369—368 гг.²⁶ Но в то же время он поддерживал тесные связи

²⁶ Ксенофонт. Греческая история. VI, 2, 33 и сл.; VII, 1, 20'—22; Диодор. XV, 47, 7; 70, 1; XVI, 57, 2—3.

и с Афинами, посылал посольства в Афины и принимал афинские; это узнаем мы из Лисия и двух почетных декретов в честь Дионисия и его родственников от 393 и 373 гг.²⁷ В 371 г. Дионисий принимал участие в общеэллинском конгрессе, созданном в противовес Беотии на базе Антиалкидова мира. После сближения Афин со Спартой его отношения с Афинами принимают еще более дружеский характер: в 368 г. афиняне предоставили Дионисию и его потомкам права афинского гражданства, в 367 г. они заключают с ним договор о дружбе и военной помощи.²⁸ Таким образом, он поддерживал тесные отношения со всеми крупнейшими греческими государствами.

Другой отличительной чертой монархий эллинистического типа было то, что они не должны были уже опираться ни на родовую аристократию, ни на широкие слои городской демократии, ставшей в это время в значительной степени паразитической. Непосредственно они опирались на группы, оказавшиеся им полезными при создании нового политического аппарата: на приближенных правителя, участников переворота, и наемников. Правда, Дионисий распределил имущество, конфискованное у своих политических противников, между оставшимися ему верными народными массами, включив в их среду и содействовавших его успеху рабов в качестве «новых граждан»; но лучшие участки на острове Ортигии получили его приближенные, правительственный аппарат и наемники, поселившиеся здесь вместе с ним; опасаясь (как показали дальнейшие события, не без основания) восстаний этих народных масс, он отгораживает остров Ортигию от города высокой стеной, превращая свою резиденцию в неприступную крепость.²⁹ Не забудем и того, что Дионисий пришел к власти, расправившись с вождями демократии, и что Платон, ища места, где его планы аристократического переустройства Греции могли бы быть осуществлены, покинул «гнилые демократии» греческого материка и направился именно в Сиракузы, к Дионисию. Впрочем понятно, что он здесь успеха не имел, ибо новые монархии эллинистического типа были так же далеки от аристократических, как и от демократических идеалов.

От олигархических переворотов V в. перевороты, вызвавшие в свет эти новые монархии, отличаются принципиально. В олигархических переворотах центральное значение придавалось отмене демократических учреждений и введению новых или восстановлению очень древних форм, — например, учреждение Совета 400 вместо традиционного Совета 500 или коллегии пробулов вместо традиционных пританов в 411 г. в Афинах. Дикта-

торы нового типа сохраняют на бумаге совершенно нетронутым все демократическое устройство. Так, Дионисий сохранил в неприкосновенности и совет и народное собрание. Монеты выпускались не от имени Дионисия, а от имени сиракузского народа (Syrakosioi); во внешних отношениях Дионисий никогда не именовался царем, а только правителем («архонт») Сицилии. Юридической основой его господства была полученная им при приходе к власти в 405 г. очень удобная и гибкая, но вполне конституционная должность «полномочного стратега» — вряд ли случайно, что за два года до этого Алкивиад был выбран в Афинах на такую же должность «полномочного стратега». В самом деле, эта должность соединяла в себе и верховную власть над войском и флотом с правом назначения офицеров и представительство государства за границей; в Сиракузах же «стратег-автократор» являлся, кроме того, еще и председателем народного собрания. Такое разнообразие функций давало возможность, сохраняя формально неприкосновенным весь демократический аппарат, фактически стать неограниченным правителем. В этом отношении сицилийские тираны явились предшественниками не только эллинистических монархов, широковещательно заявлявших о восстановлении демократии (Деметрий Полиоркет, Полиперхонт, Птолемей), но и римских императоров, также формально бывших носителями республиканских магистратур, и сохранивших лишь форму республиканских учреждений.³⁰

10. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

К концу V в. афинская литература достигла высшего расцвета; с начала IV в. уже наблюдается начало ее упадка. Отсутствие интереса к политической жизни, любования личными переживаниями отдельных людей характерны, например, для комедии этого времени (так называемой средней комедии, которая составляет переходный этап к комедии характеров и комедии интриги, развившейся к концу IV в.). К этому типу аполитической комедии относится и комедия Аристофана «Богатство», поставленная в 388 г.

Большое развитие в этот период получают те литературные жанры, которые непосредственно отвечали на вопросы, выдвигаемые частным и общественным бытом: продолжает развиваться красноречие и создается философский диалог.

Исократ

Исократ (436—338) был одним из величайших мастеров как судебного, так и торжественного красноречия. Он продолжает

³⁰ См. сказанное выше об Алкивиаде (с. 457 сл.).

²⁷ Лисий. XIX, 19; Ditt. Syll. I³, 128, 154.

²⁸ Ditt. Syll. I³, N 159 и 163.

²⁹ Если Тираны VI в. принуждены были принимать меры против нападения на них аристократов, то тираны этой эпохи должны защищать себя? от гнева народных масс!

дело Горгия и создает такие же пышные периоды, как и его учитель, но они в значительной мере лишены тех звонких побрякушек, которые мы называем Горгиевыми фигурами (полная симметричность двух частей предложения с одинаковой расстановкой слов и со сходным звучанием в соответственных местах) и которые при неумеренном употреблении производят монотонное, а иногда даже и уродливое впечатление. Он бесконечно отделял свои речи, желая конкурировать не только с ораторской прозой, но и с поэзией. Исократ был очень высокого мнения о своем творчестве, пытаясь дать в нем некий общедоступный суррогат слишком трудной для понимания широких масс моральной философии. Он открыл в Афинах школу красноречия, взимал со слушателей высокий гонорар и, благодаря своей громкой славе, быстро разбогател. Исократ открыто выступал как идеолог богатых дельцов предэллинистической эпохи, переросших узкие рамки античных полисов. Его основная идея — объединение греков с целью завоевания Персии, куда можно выселить все беспокойные, социально опасные и паразитические элементы Эллады и где могут постоянно обогащаться деловые люди Греции. Сперва он собирается осуществить эту идею через демократическое объединение греков (Второй Афинский морской союз); затем через любого объединителя, который сосредоточил бы в своих руках единодержавную монархическую власть: через Евагора Кипрского, Ясона Ферского, Филиппа Македонского. К эпохе, которой мы сейчас занимаемся, относятся три его произведения: «Панегирик» (380) — торжественная речь, прославляющая Афины и фактически подготавливающая образование Второго Афинского морского союза, «Платейская речь», написанная в 372 г. в виде протеста против разрушения Фивами Платей, и «Архидам» (366) — протест против признания отложившейся от Спарты илотской области Мессении, ставшей самостоятельным государством. В этой речи ярче всего выявляется его классовая сущность богатого рабовладельца.

Сократовский диалог. Ксенофонт.

Диалог, как жанр философской прозы, окончательно был оформлен в школе Сократа. Ученики Сократа составляли свои сочинения в форме бесед, главным действующим лицом которых был Сократ. К числу таких авторов принадлежит и Ксенофонт. Правда, диалогическая форма ему не всегда удается, и он часто сбивается на повествование.

К этой группе сочинений принадлежит прежде всего его «Апология Сократа». Здесь описан не только процесс Сократа, но и его поведение до и после этого процесса. Ксенофонт, вслед за многими другими учениками Сократа, выступает со своим сочинением с целью реабилитации Сократа, и хотя он в значи-

тельной мере упрощает и опошляет взгляды Сократа, но он сообщает и целый ряд верных и интересных сведений из его жизни. С литературной стороны «Апология» стоит невысоко, но она включает ряд фактов, опущенных в «Апологии» Платона.

Наиболее популярным из сократовских произведений Ксенофонта являются «Воспоминания о Сократе», иначе — «Меморабии». В этой работе Ксенофонт старался показать, что обвинения, предъявленные Сократу на суде, совершенно неосновательны. Для этой цели он приводит целый ряд бесед, изречений и поступков Сократа. Книга не представляет собой единого целого, подобно платоновским диалогам, но ряд отдельных сцен, лишь чисто внешне связанных между собой; она содержит много интересного материала, которого мы не найдем у Платона, — например, о политических взглядах Сократа.

Третьим сократовским диалогом Ксенофонта является «Пир»; это, по-видимому, как и «Апология», ответ на одноименное произведение Платона. В противоположность «Пиру» Платона, здесь нет грандиозной цельной картины, развивающей единую мысль, беседа перескакивает довольно непринужденно с одной темы на другую; в этом пире, как обычно бывало в богатых домах, участвуют шут, танцовщицы, музыканты, разыгрывается любовная пантомима (бракосочетание Диониса и Ариадны). Сократ организует своеобразное состязание между гостями: каждый должен сказать, что ему нравится больше всего. Речи гостей и составляют содержание диалога.

В диалоге «Экономик» («Домострой») Ксенофонт дал картину образцового сельского хозяйства и безупречного хозяина. Наиболее интересная часть диалога — рассказ о воспитании молодой жены. Это как бы ответ консерватора и реакционера на такие «опасные» новомодные течения (отраженные, например, у Еврипида), как требование расширения умственного кругозора женщины; мы знаем, что жены почтенных афинских граждан входили в кружок Аспасии. Согласно идее «Домостроя», обязанности жены состоят в управлении домом так, чтобы в нем был образцовый порядок, в воспитании детей, во вразумлении рабов.

О популярном литературном произведении Ксенофонта «Киропедия» см. главу «Историография».

Изобразительные искусства

В области изобразительных искусств, как и в науке и литературе, начало IV в. также было началом упадка. Наряду с крупными достижениями, можно наблюдать и сознательное возвращение к старым, отжившим формам. Искусство первой половины IV в. отражает настроения сходящих с исторической сцены групп раздираемого внутренними противоречиями общества: Пракситель был певцом невозмутимого покоя, проповед-

ником удаления от общественной жизни в область тонких эстетических наслаждений; Скопас раскрыл мир острых переживаний борющегося и страдающего человека.

Дошедшая до нас в оригинале мраморная группа Гермеса и младенца Диониса дает живое представление об идейном содержании и стиле работ Праксителя. Вестнику богов Гермесу поручено было отнести к нимфам на воспитание своего брата — младенца Диониса. На пути он делает короткую передышку и играет с мальчиком, дразня его кистью винограда. Нежное и в то же время полное сил тело Гермеса моделировано с такой любовью, с таким тонким чувством к деталям, что оно переливается тысячью оттенков, живет и цветет в теплых лучах солнца. В знаменитой статуе Афродиты Книдской Пракситель, верный культу обнаженного человеческого тела, первый из античных скульпторов решился изобразить богиню без покрывал: Афродита скинула с себя одежду и приготовилась вступить в прохладную воду. Замедлив свои движения, она наслаждается дуновением ветерка, овевающего ее божественное тело.

Скопас с его бурным и пламенным темпераментом — прямая противоположность Праксителю. Он изучает человека в момент высшего напряжения душевных и физических сил. Его менада, убивающая козленка, — вершина вакхического исступления, полного самозабвения под напором бурного душевного подъема.³¹

II. ФИЛОСОФИЯ

Сократовские школы

В эпоху кризиса и мрачной реакции, наступивших после поражения афинян в 404 г., наибольшее влияние в Греции получили философские школы, возглавляемые учениками Сократа и объявившие непримиримую войну материализму. Эти школы получили название сократовских.

Один из учеников Сократа Евклид, уроженец Мегар, ставший основателем мегарской школы, пытался соединить моральные принципы Сократа с философией элеатов. Преемники Евклида перенесли центр интереса на эристику, на искусство спорить, базировавшееся на сократовской «диалектике».

Более значительными были киническая и киренская школы. Характерным различием между этими школами было то, что киники, подобно Сократу, стремились к духовной независимости, к автаркии, т. е. к столь полному ограничению потребностей, чтобы быть абсолютно независимыми от внешних условий. Противники киников киренцы считали целью жизни достижение максимума наслаждений.

³¹ Заимствую эту красивую характеристику искусства разбираемой эпохи у проф. М. И. Максимовой.

Киники

Основатели кинической школы ученик Сократа Антисфен из Афин (родился в середине V в.) и ученик Антисфена Диоген из Синопы (умер в 323 г.) вслед за Сократом считали государство и его законы безразличными для нравственного усовершенствования; поэтому, в противоположность Сократу, они считали исполнение законов необязательным. Не считали киники для себя обязательным и исполнение религиозных обрядов. Они сознательно отказывались от всех культурных завоеваний: одетые в грязные рваные плащи и истоптанную обувь, питавшиеся дешевой пищей, не имевшие постоянного угла, чтобы не быть в зависимости от того, предоставляло ли им государство «право» владения недвижимостью, или нет, киники, действительно, минимально зависели от внешних условий, могли обходиться без всяких культурных удобств, игнорировали общепринятые нравственные правила, законы и обычаи и открыто проповедовали неподчинение властям. На вопрос, какого государства он гражданин, Диоген отвечал: «Я — гражданин мира» («космополит»). Киники отрицали существование какой бы то ни было разницы между свободным и рабом. Идеальное общество их — чисто анархическое: люди должны жить, как одно стадо; государственные границы и законы должны быть уничтожены; люди должны ограничиваться удовлетворением самых необходимых потребностей, и золото, причиняющее столько бед, должно быть устранено из обихода. В этом обществе все будут бедняками; богатому не может быть в нем места, ибо богатство само по себе преступление. Семьи также не будет в этом идеальном обществе киников: половые связи будут случайными и беспорядочными.

Киренцы

Основателем киренской школы был ученик Сократа Аристипп из Кирены. Идеал Аристиппа — также независимость от внешних условий. Однако ограничение всех потребностей ведет, по его мнению, к чувству неудовлетворенности и лишает человека счастья, т. е. как раз того, ради чего и нужна независимость. Смысл жизни состоит в каждом ощущении, цель жизни — каждое переживание само по себе, в настоящее время испытываемое. Никогда не стоит поэтому ценой лишений подготавливать будущее счастье, ибо с точки зрения сегодняшнего дня сегодняшнее небольшое лишение — величина в бесконечное число раз большая, чем предстоящее в будущем большое счастье. Идеалом счастливой жизни Аристипп считал жизнь зажиточного мэтэка, не болеющего душой за судьбы чужого ему государства, а стремящегося лишь извлечь из него максимальную пользу и соблюдающего законы, чтобы не иметь неприятностей.

Киренское учение было прекрасной философией для тех зажиточных людей, которые проявили «мудрую осторожность» во время гражданской борьбы и сохранили пока свое имущество, но в обстановке постоянных кровавых переворотов не могли быть уверены в завтрашнем дне. Тонко образованный, независимый человек, живущий вдалеке от всяких городских дрязг и войны, не связанный гражданскими узами ни с каким государством, не имеющий семейных и других забот, застраховавший себя, по мере сил, от огорчений и неожиданностей и постоянно доставляющий себе маленькие удовольствия — духовные и физические, — вот идеал киренского мудреца.

Платон

Самым знаменитым учеником Сократа был афинянин Платон (427—347), и по отцу и по матери принадлежавший к чистокровной афинской аристократии. Сам Платон получил разностороннее образование; он с юности чувствовал влечение к поэзии, писал дифирамбы и лирические произведения.

Когда демократия в Афинах была свергнута и власть перешла к Тридцати, из которых многие были его родственниками или друзьями, он, как аристократ по убеждениям, был привлечен к участию в государственной жизни. Но действительность разочаровала Платона: как он сам выражается, под властью Тридцати «демократический строй стал ему казаться чистым золотом» (письмо VII), особенно после того, как правители стали преследовать Сократа за то, что он не пожелал исполнить их противозаконное приказание. После свержения Тридцати в Афинах воцарилась умеренная демократия, но Платон не нашел себе места в новом государстве; новый строй был очень далек от его идеала. Это охлаждение Платона к политической деятельности в Афинах еще более усилилось после казни его учителя Сократа; Платон пришел, по его словам, к убеждению, что все без исключения государственные организации скверны и безнравственны и что справедливое государственное устройство может быть создано только путем радикального государственного переворота. В продолжении всей последующей жизни он продолжал носиться с этой мыслью. Так как такой радикальный переворот можно было осуществить, по мнению Платона, только в монархическом государстве, то он обращался с такого рода предложениями то к македонскому царю Пердикке III, то к сицилийскому тирану Дионисию.

Платон и Сократ

Платон вложил свое учение в уста Сократа, впервые пробудившего в нем интерес к вопросам нравственности и к рациональному обоснованию морали, а форма устной передачи Со-

кратом своего учения дала толчок к интересному и оригинальному оформлению доказательства в диалогах Платона. Но во всем остальном между Платоном и Сократом мало общего. Вся богословская система Платона и его учение о переселении душ не только совершенно чужды Сократу, но и несовместимы с его учением.

К кропотливой работе натурфилософов Платон относился отрицательно. Причина такого отношения к точным наукам у Платона заключалась в том, что в связи с общей реакцией в IV в. в руководящих кругах общества, вместе с демократией, была дискредитирована и радикальная наука. Вожди реакционного направления охотно выбросили бы за борт всю радикальную натурфилософию, но этого нельзя было сделать, так как на ней тогда основывались прикладные знания, особенно военное дело, которым с таким увлечением занимались греческие аристократы. Однако основы этой натурфилософии подрывали идеалистическое мировоззрение; поэтому приходилось так или иначе переводить точные науки на идеалистические рельсы. В этом отношении предшественниками и учителями Платона были элейцы и так называемые пифагорейцы: почти вся философия точных наук Платона заимствована у них.

Вообще Платон считал допустимым научные занятия только в том случае, когда они либо непосредственно приводят к метафизическим выводам, либо необходимы для военного дела. С большим уважением Платон относился только к математике, но и здесь он считал совершенно недопустимым какие бы то ни было числовые вопросы и задачи или применение инструментов и механизмов. Эти приемы, по его мнению, превращают философа в ремесленника. Зато он считал одной из задач геометрии — обосновать необходимость неравенства среди людей: отношение между людьми должно основываться на геометрической, а не на арифметической пропорции. Даже знаменитое выражение Платона «бог всегда геометризует» Плутарх толкует в том смысле, что бог — противник демократического, «арифметического» равенства.

Хотя Платон и был хорошо знаком с рядом отделов науки своего времени, главным образом с математикой пифагорейцев, но он не может считаться самостоятельным деятелем в области точных наук. Платон знакомился с ними прежде всего с целью опровергнуть материалистическую философию Демокрита. Целый ряд высказываний Платона является полемикой с Демокритом. Но, как отмечали уже древние, Платон, упоминая почти всех своих предшественников в философии, не упоминает по имени Демокрита, даже в тех случаях, когда имеет его в виду.

Следуя за Сократом, Платон убежден, что исследование наших понятий и исправление наших определений — это единственный путь, ведущий к новому знанию. В действительности, к своим выводам Платон приходит интуитивно, они лишь про-

дукт его мистического настроения и пылкой фантазии. Вполне вероятно, что в его метафизике сказывается влияние того положения Демокрита, по которому каждому нашему представлению должна соответствовать некая реальность в одном из бесчисленных миров. Однако материалист Демокрит говорит здесь о представлениях, основанных на чувственных восприятиях, а не на отвлеченных понятиях. Конструирование абстракций — прием совершенно чуждый античному материализму и исходит из идеалистических предпосылок. Ленин говорит: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, λόγος, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) даны уже в первой³² элементарной абстракции («дом» вообще и отдельные дома).

Известно, что Платон путешествовал в Кирену, к знаменитому математику Феодору, и в Тарент, где вступил в близкое общение с пифагорейцем Архитом. «Так называемые» пифагорейцы (по терминологии Аристотеля) учили, что существуют только непротяженные идеальные точки — монады; что протяженная материя — это только видимость, результат впечатления, производимого на нас движущейся, непротяженной монадой. Эти теории навели Платона на мысль, что только общие понятия или формы (идеи), не имеющие никакой протяженности, цвета и т. д., — истинные сущности. Но эти сущности, в противоположность пифагорейским монадам, неподвижны. Здесь на помощь Платону пришло элейское учение, по которому сущностью является только неподвижное. Платоновские идеи также характеризуются неподвижностью, неизменяемостью, вечностью, тогда как представления об отдельных изменяющихся вещах лишь тень, отблеск мира идей.

Душа как нематериальное сверхчувственное начало существует вечно и неподвижна, хотя и является причиной движения. Отсюда, по мнению Платона, следует не только то, что она будет жить и после смерти тела, т. е. что существует загробная жизнь — ясно, что она должна была существовать с начала веков, т. е. еще до рождения тела; неизбежным следствием отсюда является пифагорейское учение о переселении душ, которое Платон усвоил. Наше знание об идеях может, по его мнению, иметь источником только непосредственную мистическую

³² Ленин В. И. *Философские тетради*// Полн. собр. соч. Т. 29. С. 329—330. — Убедительную критику платоновской теории идей дал Аристотель (*Метафизика*. Кн. XIII. Гл. 2); по мнению Ленина (Там же. С. 255) «критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма, как идеализма вообще».

интуицию, которая представляет воспоминания души мудреца о том времени, когда она еще не была, в наказание за грехи, вселена в смертное тело, и могла непосредственно созерцать мир идей (души простых людей таких воспоминаний, а следовательно, и такого знания иметь не могут).

В диалоге «Пир» Платон рекомендует уже с ранних лет постоянно иметь дело с прекрасным, причем красоту душевную предпочитать красоте физической. Учиться надо также только для того, чтобы узреть красоту познания.

Платон сам говорит о том, что к своему учению об идеях он пришел путем интуитивного созерцания, и обосновывает его эстетически. В основе этого умозрения лежит превращение логических категорий в конкретные сущности: в логической систематике общее понятие распадается на родовые, родовые — на видовые, видовые — на индивидуальные и т. д. Точь в точь такую же иерархию мы имеем в платоновском мире идей. Генеалогическое древо идей он мыслит в виде пирамиды, вершину которой образует высшая идея — идея добра. Подобно тому, как логические понятия представляют чистую абстракцию, так и все эти идеи не материальны, материальные же предметы — только тени их; как всякая тень, они представляют искаженное и однобокее изображение предмета.

Учение Платона о государстве

Учение Платона о государстве по существу насквозь земное, «материальное». Оно основано на всех тех предрассудках, на которых строились и другие реакционно-идеалистические теории о государстве его времени. В сущности, оно представляет собой в идеализированном виде спартанское государственное устройство или пифагорейскую аристократическую общину с их иерархией и окоченелыми общественными группами. Человеческие души, по его мнению, образуют такую же иерархическую лестницу; на верху этой лестницы стоят те души, которые в одном из своих предшествующих существований непосредственно созерцали истинный мир идей и сохранили о нем воспоминание; по искуплении греха эти души еще могут снова вернуться в этот светлый мир. На низших ступенях лестницы стоят жалкие души простых людей, совершенно погрязшие в тине чувственного мира. Поскольку земное государство должно хотя бы в малой степени отражать этот высший мир идей, на высших его ступенях должны стоять люди, обладающие высшими душами, т. е. философы. Все прочие должны подчиняться им; наоборот, сами эти правители должны в своих действиях руководиться исключительно воспоминаниями из мира идей — говоря попросту, они могут поступать по своему усмотрению, не подчиняясь никаким законам. Воспитание и обучение всякого рода наукам имеет целью пробудить в душе человека воспоминания

о ее пребывании в мире идей, так как по учению Платона — это единственный источник всякого знания. Но у человека с душой низшего сорта таких воспоминаний вообще нет; поэтому никакое воспитание и никакие науки не могут сделать из него государственного мужа. Как неизменен и вечен мир идей, так и совершенный государственный строй должен быть неизменным. Существующие же в действительности государства с их постоянными изменениями законов и переворотами настолько далеки от идеального государства, что путем постепенных преобразований к этому государству нельзя прийти. Платон, как было указано, считает необходимым резкий разрыв с существующими порядками: все граждане старше десяти лет, поскольку они уже заражены вредными государственными идеями, должны быть удалены из города в деревню и превращены в зависимых крестьян, лишенных политических прав; дети крестьян до десяти лет должны быть оставлены в городе; их будут воспитывать философы и создадут из них новое поколение граждан, не зараженных идеями современности.

Государство Платона, о котором он говорит в сочинении того же названия, лишь один из многочисленных образцов социальных утопий, распространенных в его время.³³ Как полагал Маркс, источником платоновского государства (кроме аристократических конституций в Греции) послужил Египет с его замкнутыми кастами. Известно, что Платон совершил путешествие в Египет. «Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет и для других авторов, современников Платона,³⁴ например, Исократ, был образцом промышленной страны».

Деление на резко разграниченные сословия присуще и учению Платона, но в его учении есть существенные особенности, характерные для философа: его предшественники отделяли крестьян, как более реакционную группу, от ремесленников и предоставляли им несколько больше личной свободы; Платон же в диалоге «Государство» смешивает обе эти группы в один класс «носителей низких душ»; стражи (воины) становятся вторым сословием. Носителем власти в государстве провозглашается высший класс, класс философов. Этим философам свойственна мудрость. Стражи, которым присуще мужество, посвящают себя защите государства от врагов внешних и внутренних. Единственная цель третьего класса — добывать пищу и другие предметы необходимости для граждан, т. е. прежде всего для граждан высших классов. Между первыми двумя классами

³³ См. утопию Гипподама (см. выше, с. 381).

³⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960. С. 379.

резкой границы нет, так как все они обладатели душ, созерцавших некогда мир идей; отнесение к тому или иному из этих классов зависит от личных дарований каждого. Все они живут коллективным бытом, не имея частной собственности. Семьи нет — установлена общность женщин, но особые чиновники заботятся о том, чтобы получалось полноценное породистое потомство.

На долю третьего класса оставлена только та добродетель, которая в греческих социальных теориях считалась основной добродетелью рабов: умеренность, повиновение, добросовестное исполнение обязанностей. Рабов в платоновском государстве нет, так как фактически роль рабов исполняет у него весь демос. Но этот демос должен быть «ручным»; он должен быть доволен своим положением и считать его единственно возможным и наилучшим. О благосостоянии народных масс Платону, в сущности, нет дела: «Остальные граждане, — говорит он, — это дело второстепенное; государству мало дела до сапожников, — что с ними и каковы они. Ему важны стражи; ведь цель государства не доставлять благополучие каким-то сапожникам, а собственное совершенство». Впрочем, и в платоновском государстве народ сохраняет для виду какие-то гражданские права. Иначе, по мнению Платона, в народе может возникнуть опасное брожение. Но это только видимость. «Правительству придется постоянно прибегать ко лжи и обману на благо подданных», — говорит Платон. Однако, если правитель поймает на лжи какого-нибудь ремесленника, он должен его примерно наказать.

В религии Платон видит прежде всего средство для одурманивания народных масс. Тех, кто оказался бы склонен, как это было в моде в Афинах IV в., сомневаться в самом существовании богов, нужно одурачивать рассказами, будто не было ни одного атеиста, который бы на старости лет не покаялся и не вернулся в лоно религии. Впрочем, ввиду суровых наказаний для всех, не принимающих официальной религии во всех ее подробностях, зараза скептицизма не должна была представлять большой опасности.

«Законы»

В своем сочинении «Законы», написанном в старости, Платон дает другой, по его мнению, более реальный проект государственного переустройства. В основу его были положены спартанские и отчасти древнейшие афинские законы; он также носил, следовательно, определенно реакционный характер. Так, Платон считает необходимой предпосылкой для идеального государства, чтобы оно лежало далеко от моря, чтобы в нем не было разнообразных природных богатств, заманчивых для иностранцев, чтобы в нем не было хорошего строевого леса для ко-

раблей. Он категорически запрещает отдачу денег под проценты (в «Государстве» вообще запрещается употребление денег); ремесленников и торговцев он совершенно исключает из числа граждан. Платон запрещает частную собственность на землю, причем число граждан должно оставаться неизменным. Простой народ не имеет права жить в городе. Платон тщательно изучил конституции самых различных олигархических государств в Греции, и они применены им в его проекте идеального государственного строя, изложенного в «Законах». Таково, например, разделение граждан на цензовые группы, избрание кандидатов от беднейшего класса исключительно богатыми, открытое голосование, штраф за неявку на выборы богатых, подтасовка жребия. Платон не верил в рассказы о загробной жизни с райским блаженством для праведников и муками ада для грешников, но в «Законах» он советует распространять их для запугивания народа. Он советует также распространять среди народа «полезную ложь», будто «праведники всегда счастливы, а злые несчастны». Сам он указывает, что из существующих государственных устройств к его идеалу ближе всего Спарта; ее главный недостаток лишь в том, что здесь на место познания поставлена честь.

Значение Платона

Платон оказал большое влияние на развитие идеалистической и религиозной философии. Решающее значение при этом имели, конечно, его реакционные политические взгляды и его идеалистическая мистико-религиозная система; большое впечатление производила высокохудожественная форма изложения, соединенная с аргументацией, кажущейся на первый взгляд строго логичной.

На протяжении всей дальнейшей истории человечества Платон был всегда знаменем мракобесов и богословов, тогда как Демокрит по праву считается отцом научного материализма. Ленин справедливо замечал:³⁵ «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?».

Научное значение Платона сводится к тому, что, интересуясь математикой как средством для обоснования своих метафизических и политических теорий, он покровительствовал математическим занятиям в основанной им в Афинах академической³⁶

³⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм//Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1961. С. 131.

³⁶ Она названа так по роде героя Академа, где происходили беседы Платона с его учениками.

философской школе. Ввиду большой популярности этой школы в аристократических кругах эллинского мира (сюда даже обращались аристократические государства с просьбой написать для них конституции), интерес к математике широко распространился в античном мире.

В организованной Платоном «Академии» впоследствии занимались не только философией в строгом смысле этого слова, а разрабатывались и точные науки, в частности — математика и астрономия и естественные науки, для чего пришлось в ряде вопросов вернуться к позициям Демокрита.

«Законы» Платона были бы немислимы, если бы автор не был знаком с историей Афин, если бы он не изучал историю греческого, специально афинского государственного права. Всеми этими занятиями Академии заложен был фундамент, на котором ученик Платона Аристотель продолжал, расширял и углублял дело своего учителя.

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История первой половины IV в. показывает, как глубок был кризис греческих государств. Бесконечные войны между греческими полисами (с 396 по 362 г. не было и нескольких лет мира) истощили материальные ресурсы греческих государств, отрывая большинство граждан от производительной деятельности. Недаром со времени Коринфской войны наемнические армии во всей материковой Греции все более вытесняют гражданские ополчения. С другой стороны, резкое обострение внутренней войны, борьба между богатыми и бедняками, между аристократией и демократией, сопровождавшаяся массовыми избиениями тех и других, ослабили государственный аппарат античного полиса. Господствующие классы, потерявшие свою былую роль и авторитет в результате этой постоянной войны, не могли уже управлять прежними полисными методами, не могли обеспечить безопасность крупного ремесла и торговли, опираясь на существующий аппарат принуждения.

В этой обстановке в Греции не могло найтись государства, способного возглавить и объединить остальные. Греческий полис, стремившийся к автаркии, по своей экономической природе мог создавать временные объединения только насильственным путем, как мы это видели на примере Афинской морской державы и Пелопоннесского союза. Чаще всего при этом имело место подавление одной из борющихся партий, как это было в Аркадском и Беотийском союзах. При первом чувствительном ударе, нанесенном полису-гегемону, подобные объединения распались.

Вот почему в обстановке кризиса греческих полисов в середине IV в. не было ни одного государства на материке Греции,

которое могло бы осуществить дело объединения. Это объединение пришло извне.

13. Источники

Основной источник для всей эпохи 404—362 гг. — «Греческая история» Ксенофонта, современника этих событий. Это произведение, дающее связное изложение событий эпохи, далеко не отличается той беспристрастностью, как труд Фукидида, — это не история, а исторические мемуары.

Гораздо более ярко и беспристрастно написано другое сочинение Ксенофонта «Анабасис» — наш главный источник для истории похода Кира Младшего 401—400 гг. Из других сочинений Ксенофонта много исторического материала содержится в похвальной речи «Агесилай», в сочинениях «Экономик» («Домострой») и «О доходах».³⁷ «Воспитание Кира» — исторический роман, бесцеремненно обращающийся с фактами; он интересен только, как показатель все возраставшей популярности монархии в определенных кругах греческого общества. Очень интересен также отрывок из неизвестной истории, найденной на папирусе в Оксирихе (ниже, с. 645). Из ораторов этой эпохи наиболее важен для историка Исократ; сюда относятся «Панегрик», «Платейская речь» и «Архидам». Исторический материал содержат речи Лисия и Андокида («О мире»). Для экономической истории интересна комедия Аристофона «Богатство». Важнейшими источниками по социально-экономической истории этой эпохи являются «Государство» и некоторые другие диалоги Платона.

Надписи и монеты этого периода очень важны. Так, например, учредительный статут Второго Афинского морского союза (378 г.), найденный на камне, проливает новый свет на организацию этого союза. Очень интересны также псефизма 401 г., предоставляющая гражданские права метэкам, участвовавшим в походе на Филу вместе с афинскими демократами (знаменитый оратор Лисий почему-то не подошел под этот декрет), договор афинян с беотийцами 395 г., перед Коринфской войной, декрет афинян в честь Дионисия Сиракузского и договор с ним (393 и 367 гг.), интересная и содержательная эпитафия беотийского полководца, погибшего при Левктрах (371 г.), фиванская проксения карфагенянину Ганнибалу, сыну Гасдрубала (364 г.), договор афинян с аркадянами, ахейцами, элейцами и флиунтцами перед битвой при Мантинее (362 г.).

Из монет этой эпохи особенно важна серия монет различных государств — членов морского союза 395 г. (см. выше, с. 487).

Для истории Персии этого времени, кроме «Анабасиса», важны отрывки из «Персидской истории» Ктесия, придворного врача Кира Младшего, сохраненные главным образом в «Библиотеке» византийского писателя Фотия.

Из поздних источников, кроме Диодора (XIV книга), основного источника по истории Сицилии, черпавшего материал из Филиста и Тимея, особенно важна биографическая литература: Непот (биографии Фрасибула, Конона, Ификрата, Агесилая и др.) и Плутарх (биографии Лисандра, Агесилая и Пелопида и отрывки из утраченной биографии Эпаминонда, сохранившиеся у Павсания). Чрезвычайно живое описание беотийского переворота 379 г., хотя и полное романтических подробностей, дано в сочинении Плутарха «О божественном духе Сократа»; оно имеет источником утраченное историческое сочинение IV в. Для истории Персии в эту эпоху важна Плутархова биография Артаксеркса, составленная на основании упомянутого выше источника — «Персидской истории» Ктесия.

³⁷ Принадлежность этого сочинения Ксенофону некоторыми учеными оспаривается.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В МАТЕРИКОВОЙ ГРЕЦИИ

Для экономического развития Греции в это время наиболее характерен рост денежного хозяйства и рабовладения. При этом каждая область имела свои специфические экономические особенности и не походила на другие; тем не менее можно выделить ряд черт, общих для всей Греции.

Развитие и специализация ремесленной деятельности

Существеннее всего то, что Греция окончательно становится страной, в которой сельское хозяйство все более и более отходит на второй план, и основой хозяйственной деятельности становится ремесло: Афины специализируются на производстве керамических изделий и предметов роскоши; в Мегарах производятся шерстяные ткани и т. д. Большую часть необходимого ей хлеба и целые армии рабов для мастерских Греция (и в особенности Аттика) вынуждена теперь ввозить. Основным источником хлебного снабжения продолжало оставаться Северное Причерноморье; поэтому борьба за гавани по берегам проливов и за господство на этом пути по-прежнему остается одной из основных проблем внешней политики афинской демократии.

Число рабов в отдельных мастерских (эргастериях) теперь значительно увеличивается. Так, отец Демосфена имел в своем предприятии около 100 рабов. Еще большее количество рабов было занято в Лаврийских рудниках.

Причины образования безработной бедноты

Развитие рабовладельческого хозяйства было глубоко противоречивым процессом. Как мы уже говорили, обогащение отдельных рабовладельцев благодаря эксплуатации дешевого рабского труда сопровождалось разорением массы свободных ремесленников, пополнявших ряды городской безработной бедноты.

Причиной образования этой массы городского населения, живущей за счет государства, было также и то, что разница между положением раба и наемного рабочего в значительной мере стиралась вследствие чрезвычайно низкой заработной платы последнего.

В процессе образования этих масс известную роль сыграли также причины морального порядка. Труд становится признаком рабского состояния, недостойным свободного человека. Живший в это время Аристотель заявляет в «Политике» (III, 2, р. 1277a 37 и сл.), что все не самодовлеющее (т. е. не имеющее постоянного нетрудового дохода)—не свободно. В этих словах Аристотель выразил широко распространенную в его время точку зрения. Один из античных словарей (Поллукс. III, 83) так определяет понятие наемного рабочего: «люди, вследствие бедности за деньги выполняющие рабские услуги».

Разорение ремесленников и мелких землевладельцев, общее понижение жизненного уровня массы населения коснулось не только таких промышленных областей, как Аттика. Писатель Афиней (VI, 264 e) рассказывает о ненависти, которую вызывали к себе владельцы большого количества производственных рабов в Фокиде. Одного из них, Мнасона, упрекали в том, что он лишает свободных граждан насущного хлеба.

Зажиточная верхушка. Обложение ее налогами

Параллельно с обнищанием широких масс росли богатства отдельных удачливых дельцов, в то время как общее число зажиточных людей также уменьшалось.¹

Эта кучка богачей теперь достигает в Афинах такого влияния, что добивается отмены старой системы литургий. Если прежде литургии были средством выкачивать излишки из наиболее богатых граждан, вынуждавшим их производить крупные единовременные траты в интересах государства, то с 357/6 г. выполнение литургий (из которых главной и наиболее разорительной была триерархия) возлагается на 1200 наиболее состоятельных граждан, обладавших имуществом, оцененным в 2 таланта; на них же возлагалась уплата чрезвычайного военного налога — эйсфоры. Теперь выполнение определенной литургии, прежде всего постройка корабля, возлагалась уже не на одного человека, а на целую группу лиц. Уже в 378/7 г. для уплаты эйсфоры зажиточные граждане были разделены на 20 платежных групп (симморий). Теперь такие же симмории были организованы и для выполнения триерархии; каждая симмория, состоящая из 60 человек, распадалась на синтелии, причем каждая синтелия должна была выставить и оборудовать один корабль.

¹ Размер имущества богатого человека можно определить, например, из речи «Против Фениппа», приписываемой Демосфену. Фенипп получал из своего хозяйства около 1000 медимнов (500 гектолитров) зерна, что давало основание включить его в число лиц, привлекаемых к исполнению литургий. Фенипп в доказательство своей бедности выставил свидетелей, утверждавших, что он должен им три таланта (около 9000 рублей золотом).

С виду это была мера, предпринятая в интересах казны с целью увеличить доход государства. В действительности, получилось так, что теперь все зажиточные люди, независимо от величины их состояния, стали нести равные повинности; с другой стороны, в число 1200 попали люди, которым нести эти повинности было очень трудно, тогда как другие, фактически более богатые, чем они, в списки не попадали. Наиболее богатые люди не только стали нести налоговую тяжесть, ничтожную по сравнению с их имуществом, но сверх того еще превращали траерархию в выгодную для себя аферу, так как взыскивали с членов синтелии полагающуюся сумму полностью, сами сдавали постройку триеры с торгов по гораздо более низкой цене, а разницу клали себе в карман. В то же время, ссылаясь на то, что они несут столь тяжелую повинность, как триерархию, они добивались освобождения их от участия в других литургиях.

Руководители демократии пытались всеми возможными средствами бороться с этими злоупотреблениями, но без большого результата. Получает широкую популярность существовавшая, вероятно, уже с гораздо более раннего времени процедура иска об обмене имущества — «антидосис»: всякий, внесенный в списки обязанных исполнять литургии, имел право назвать гражданина, которой не внесен в эти списки, хотя и имеет большее имущество, чем он. Гражданин, названный таким образом, обязан был либо взять на себя исполнение литургии вместо лица, указавшего на него, либо обменяться с ним имуществом; тогда лицо, получившее это имущество, исполняло литургию на вновь полученные средства. С исками об обмене имуществом мы встречаемся теперь очень часто в речах Демосфена, вождя демократической партии в Афинах, и других ораторов. Как мы узнаем из речи Исократ «Об обмене имуществом», к нему самому, поскольку он разбогател на профессии ратора (учителя красноречия), был предъявлен такой иск.

Разумеется, в эту эпоху ввиду усложнившихся экономических отношений до фактического обмена имуществом дело вряд ли когда-либо доходило.

В 340 г. для противодействия злоупотреблениям богатой верхушки симморий Демосфен провел закон, по которому участвовать в постройке триер должны были только 300 наиболее богатых граждан из числа членов симморий и притом участвовать не в равной мере: на каждого из самых богатых возлагалась обязанность снарядить по две триеры; наименее зажиточные из трехсот по-прежнему образовывали синтелии для снаряжения корабля сообща. Однако этот закон вызвал такие энергичные протесты богатей, что был в 338 г., после победы реакции в Греции, отменен или изменен в интересах богатей по предложению противника Демосфена, главы олигархической партии Эхина.

Резкое социальное расслоение изменило лицо античных городов. Жилища богатей строятся с необычайной роскошью. Демосфен (III, 29) в Третьей Олинфской речи, напоминая о былой простоте жилищ великих людей V в., например, Мильтиада и Аристида, с горечью указывает на то, что в его время некоторые богачи роскошью своих домов затмевают общественные постройки.

Международные отношения

Своеобразие античной полисной экономики было фактором, определившим всю политическую жизнь Греции. Противоречивость ее, как мы уже неоднократно указывали, заключалась в том, что античный полис был по своему происхождению и природе автаркичным, т. е. самодовлеющим и замкнутым в себе государством, которое должно было удовлетворять свои экономические потребности исключительно из собственных ресурсов. Однако уже в V в. положение изменилось настолько, что экономические нужды стали требовать тесных связей с другими государствами. В условиях рабовладельческой формации эти связи выливались в форму внеэкономического принуждения и насилия одного государства над другим; к тому же никакого международного права фактически не существовало.

Второй Афинский морской союз возник при блестящих предзнаменованиях: афиняне даже отказались от права владеть землей и домами в союзных городах, за нарушение чего налагалась большая кара; они обязались не вмешиваться во внутренние дела, не посылать своих должностных лиц и клеруков в союзные государства. Ненавистный со времени Первого Афинского морского союза термин «форос» был заменен сравнительно невинно звучащим выражением *syntaxis* (взнос).

Тем не менее, все эти самоограничения и гарантии оказались недействительными. Налоги с союзников приходилось собирать силой. Плутарх в биографии Фокиона рассказывает, как афинский стратег Хабрий приказал Фокиону снарядить 20 военных кораблей и отправиться к островам для сбора налогов. Фокион ответил, что если его посылают на войну, то предоставленных в его распоряжение сил недостаточно, если же как союзника, то ему достаточно только одного корабля. Далее Плутарх с восхищением описывает беспрецедентный случай, когда Фокиону удалось собрать налоги, не применяя насилия. Союзники, писал Плутарх, укрепляли стены, закрывали гавани и сгоняли с полей в город своих рабов, жен и детей; если афиняне отправляли свой флот под командой не Фокиона, а другого стратега, они считали в этих случаях афинский флот неприятельским.

Три момента особенно ярко иллюстрируют экономическое и политическое положение Греции в описываемую эпоху: разорение мелких ремесленников и мелких землевладельцев, ожесточенная классовая борьба в городах, в которой попеременно берут верх то олигархические, то демократические элементы, и развитие наемничества. Наемничество не было чем-то новым в античной Греции: еще в VII в. поэт Архилох искал счастья, отправившись в качестве наемника на остров Фасос. Но в IV в. это явление приобретает массовый характер.

Греческие наемники поступали на службу не только в материковую Грецию, но и за ее пределы. Уже Кир Младший имел около 13000 греческих наемников, преимущественно набранных в Пелопоннесе. Изгнанные вследствие политических переворотов и лишившиеся своего состояния граждане греческих государств нанимаются на службу к тому, кто хорошо платит. Наемники становятся основным контингентом войск даже в таких крупных государствах, как Афины. Афинские полководцы первой половины IV в. — Хабрий, Ификрат, Харет, Тимофей — набирают большие отряды и, став совершенно независимой силой, вмешиваются в политические дела различных государств. Так, афинский стратег Хабрий на свой страх и риск поддерживает восставший Египет против персидского царя, возглавив войско фараона Ахориса, а позднее флот другого египетского царя Тахоса (Диодор, XV, 29 и 92). По словам Исократ (Филипп. 96), легче было набрать многочисленное войско из бездомных бродяг, чем из оседлых граждан. Бездомные бродяги (πλανητοί), о которых говорит Исократ, стали представлять собой многолюдную группу населения. Р. Пёльман, К. Ю. Белох и У. Вилькен, отмечая это явление, неправильно понимают его классовую сущность, называя этих людей пролетариями, причем в это понятие вкладывается нынешнее значение этого слова. Такая точка зрения ошибочна. Этот выброшенный из производства слой населения ни в какой мере не тождествен с нынешним пролетариатом.

Ожесточение классовой борьбы

Появление большого числа безработных бедняков в греческом полисе влекло за собой усиление классовой борьбы. Литература IV в., в основном настроенная антидемократически, дает яркое представление о масштабах этой борьбы. Исократ в «Архидаме» (см. выше, с. 524) рисует картину социальных потрясений в следующих словах: «Врага бояться меньше, чем собственных сограждан. Богатые готовы скорее бросить свое имущество, чем отдать его бедным, а для бедных нет ничего более желанного, чем ограбить богатых. Жертв больше не при-

носят, и у алтарей люди убивают друг друга. Есть много отдельных городов, из которых теперь больше людей ушло в изгнание, чем прежде из всего Пелопоннеса» (§ 67 и сл.).

Обострение классовой борьбы послужило стимулом для появления многочисленных социальных проектов и утопий, в которых предлагались радикальные средства для «излечения» греческого общества от классовой борьбы. Наряду с этим, в среде зажиточной верхушки все большим успехом пользуется пропаганда установления централизованной власти, которая обеспечит их классовое господство, — наиболее популярной в этих кругах была монархическая форма правления.

Изменение главных торговых путей

Большое влияние на экономическую жизнь оказало и то, что главные торговые пути изменили в это время свое направление. Причины этого были различные.

Во время существования Первого Афинского морского союза все Эгейское море было в руках афинян; все товары, особенно хлеб, сначала привозили в Афины и уже с их разрешения везли дальше. Афины были для Греции мировым узловым центром торговли, и этим объясняется их огромное значение в ту эпоху.

После 404 г. Афины лишились значения гегемона в Эгейском море. Теперь нет необходимости возить товары в Афины; движение товаров сплошь и рядом минует не только Афины, но и Балканский полуостров вообще.

Другой причиной изменения главных торговых путей было то, что устойчивость в торговых отношениях теперь исчезла. Постоянные перевороты приводили к ломке экономических отношений: деньги, данные взаймы, не могли быть взысканы, солидные предприятия разорялись. Поэтому торговцы в колониях предпочитали не заключать договоров с городами Балканского полуострова и не подвергать опасности свои капиталы.

Это вызвало новый расцвет малоазийских городов и привлекающих к материку Малой Азии островов — при новых торговых путях их географическое положение оказалось во многих отношениях более выгодным, чем положение Афин и Коринфа.

Союзническая война

Особенно неблагоприятно эти экономические изменения отразились на Втором Афинском морском союзе. Здесь все более усиливались тенденции к сепаратизму, приведшие, наконец, к Союзнической войне.

К середине IV в. на малоазийском побережье образуется Кариийское государство с центром в Галикарнассе. Во главе этого

государства стоял Мавзол,² бывший вначале сатрапом персидского царя. Карийское государство занимало огромную территорию—более 25000 км²—от Ликии до Милета: «Я владел всей Карией, владел некоторыми городами Лидии, я присоединил к своим владениям ряд островов, я дошел до самого Милета, покорив большую часть Ионии», — говорит Мавзол в «Разговорах мертвых» у Лукиана (24, 1). Государство Мавзола занимало большую территорию, чем весь Второй Афинский морской союз, и из всех существовавших тогда государств уступало по величине только Персии и Египту; понятно, что Мавзол был одним из тех владык, к которому с мольбой и надежной обращались взоры богачей в греческих городах. Как мы уже говорили, ростом значения и богатства Кария была обязана тому, что торговые пути в это время передвигались все более на восток; минуя Балканский полуостров, товары направлялись вдоль владений Мавзола. Поэтому Кария, обладавшая большим флотом и бывшая в состоянии обеспечить мореплавателей от нападений пиратов, стала играть большую роль в средиземноморской торговле. Высокого расцвета достигли и такие острова, как Родос, Кос и смежные с ними, — в эпоху эллинизма эти острова (особенно Родос) становятся крупнейшими торговыми центрами.

Эти острова входили во Второй Афинский морской союз. По уставу этого союза афиняне не вмешивались во внутренние дела своих членов, но самый факт вхождения в союз создавал предпосылки, чрезвычайно благоприятные для существования демократии. Действительно, на этих островах существовал демократический строй с его характерной для античности чертой—обложением богатых людей литургиями и чрезвычайными налогами. Богатые люди на этих островах, достигшие большого влияния вследствие нового расцвета торговли, желали быть хозяевами в своих городах и тяготились демократическим режимом, опиравшимся на союз с Афинами. Естественно, что они вступают в сношения с Мавзолом. По стовору с карийским царем Родос, Хиос и Кос в 357 г. заявляют о своем выходе из союза, образуя новый военный союз; к этому новому союзу присоединяется и Византия, и, таким образом, афиняне лишаются права монопольно распоряжаться черноморским хлебом. Теперь демократия этих островов лишилась своей основной опоры — Афин. Как сообщает Либаний,³ когда впоследствии Мавзол (несомненно по стовору с родосскими богачами) «организовал заговор против родосского народа и, уничтожив демократию на Родосе, сделал город рабом небольшого числа влиятельных людей», демократические его союзники Хиос и Византия не решились даже прийти на помощь родосцам.

² Памятник на его могиле назывался *mausolleion*, откуда и наше слово «мавзолей».

³ См. его введение к речи Демосфена «О свободе родосцев».

Афины, ценой чрезвычайного напряжения своих сил, отправили к мятежным островам две эскадры — одну под начальством Хабрия, другую — под начальством Харета. При осаде Хиоса Хабрий погиб; не имея возможности продолжать осаду, афинские корабли оставили Хиос. Дальнейшие военные действия были столь же безуспешными. Недостаток денежных средств заставил афинян в 354 г. прекратить военные действия и признать независимость отпавших островов. Был заключен мир, по которому все отпавшие города были признаны автономными и, по-видимому, афинянам был гарантирован свободный провоз хлеба из Геллеспонта. Однако, пользуясь трудным положением Афин, Византий в дальнейшем часто нарушает эти условия: так, он, вопреки договору, захватывает города Калхедон и Селимбрию на фракийском побережье (Демосфен. XV, 26), предоставляя их жителям гражданство в Византии (Феопомп, 62 Якоби), а также вынуждает проплывающие мимо суда заходить в гавань Византия (Демосфен. V, 25), очевидно, для уплаты каких-то пошлин. Тем не менее, ввиду демократического строя в Византии серьезной угрозы афинской морской торговле это не представляло, и афиняне продолжали чувствовать себя на море достаточно прочно.

Евбул

В это время во главе Афин стал Евбул. Основной целью его деятельности было восстановление финансовой мощи Афин. Он старается увеличить доходы и, введя крайнюю экономию в расходование денег, уменьшить расходы. Ценой чрезвычайных усилий он достигает поставленной цели, и на короткое время бюджет Афин становится безубыточным.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И УТОПИИ

Ограниченность кругозора рабовладельца

В сочинении «О доходах» (Ρογοί) Ксенофонт в духе Евбула рекомендует прекращение всяких войн, доказывает, что войны приносят больше убытка, чем прибыли государству, как бы победоносны они ни были; приводит в пример все прошлые войны и указывает, что, если государство откажется от войн и будет вести экономную политику, то, даже не прибегая к чрезвычайным мерам, можно обеспечить всю бедноту.

Его расчет чрезвычайно интересен. Он советует государству копить средства, купить рабов и каждому гражданину дать по три раба. Тогда каждый сможет, ничего не делая, жить при помощи этих рабов, и кризис будет устранен. А гражданам он рекомендует отдавать этих рабов в аренду в государственные

рудники, они будут приносить арендную плату, и хозяева не будут иметь хлопот.

Очевидно, с этой мыслью носились в афинском обществе. Немного ранее Аристофан рекомендовал в своей поздней комедии «Богатство» (в пародическом плане) такой же рецепт. Из этого заколдованного круга греки не могли вырваться: чтобы сохранить демократию, надо увеличить число рабов; но увеличение числа рабов уменьшало оплату труда свободных.

«Киропедия» Ксенофонта

Тяжелое положение вызывает к жизни целый ряд проектов и утопических сочинений. Таково, например, уже упомянутое сочинение Ксенофонта «Киропедия». Ксенофонт преследует здесь определенную тенденциозную цель: он хочет показать, насколько монархия выше демократии и как хорошо можно организовать государство, если во главе стоит благожелательный монарх. Он мечтает превратить Грецию в единую монархию, где правитель относился бы к населению, как добрый барин, т. е. путем разных подачек и ласковых слов склонял бы народные массы к добровольному повиновению.

«Государство» Платона

В это время появляется и другое утопическое произведение, знаменитое «Государство» Платона. Платон не был человеком нового времени: его утопия с точки зрения новых условий была реакционной, потому что в это время все шло к объединению маленьких греческих государств в одно или несколько больших государств, к усилению монархии, которая не опирается ни на аристократию, ни на демократию. Этот социальный заказ выполнил Ксенофонт, тогда как Платон пытался строить свое государство на базе старого полиса, старого аристократического строя.

Об основных положениях его «Государства» мы говорили уже выше (с. 531 и сл.). «Государство» написано чрезвычайно художественно, красивым греческим языком, но это одно из самых реакционных произведений античной литературы. Платон, как теоретик, как кабинетный ученый, был очень далек от живой жизни. Его современники стояли на другой позиции.

Исократ

Мы говорили уже выше и об Исократе. Как мы видели, он впервые выдвинул принцип объединения всех греков для борьбы с Персией. Это дало возможность немецким ученым, начиная с 1871 г., прославлять Исократу. По их мнению, он был представителем расового принципа, стоял на точке зрения превос-

ходства греческой расы над персидской и требовал объединения всех греков для борьбы с людьми низшей расы.

Между тем такое толкование искажает смысл текста Исократу. Если внимательно в него вчитаться, то будет ясно, что его подход к этому вопросу различен в различные моменты. В некоторых местах его сочинений есть призывы к соблюдению Анталкидова мира, к миру с Персией, даже к объединению с определенными группами варваров. Основой у него служит не расовая, а экономическая проблема, которую он формулирует очень остро. Он говорит о безработице, о массе людей без средств к существованию, блуждающих по Греции, о безработных бедняках в городах, все время смотрящих с вожделением на карманы богатых людей. Перед ним стоит проблема, куда девать эту огромную массу людей. Исократ, как и ряд его единомышленников, отвечает: смотрите, на Востоке, под властью персов, целые области населены «варварами», т. е. людьми, созданными для рабства. Вместо того, чтобы бороться между собою, пойдем туда и покорим варваров, сделаем их рабами, наши безработные поедут туда эксплуатировать этих рабов, а мы, состоятельные люди Греции, избавимся от голодных ртов и завистливых глаз.

Этим объясняется и весь характер пропаганды Исократу. У него на первый взгляд нет последовательности, нет постоянной точки зрения, однако он последователен в одном: в желании во что бы то ни стало избавиться от голодных людей. Для этого необходимы три предпосылки: прежде всего, централизация Греции — безразлично, кто будет монархом, только не персидский царь, потому что в программу Исократу входит захватить области персов; этим монархом может быть фессалийский тиран или македонский царь, сицилийский тиран или спартанский царь — все равно; затем, необходимо уничтожить крайнюю демократию с ее переделами земли, отменой долгов и обложением богатых и, наконец, необходимо покорение Персии для завоевания новых рынков и выселения сюда безработных. Для осуществления второго и третьего пунктов необходимой предпосылкой является также централизованная монархия. Чтобы выполнить эту программу, Исократ обращается с посланиями к различным царям и тиранам, предлагая им объединить силы всех греков, прекратить междоусобные распри и возглавить общеэллинский поход против персов.

В этом отношении особенно интересно сочинение Исократу, озаглавленное «Филипп». В первой части этого сочинения Исократ говорит о необходимости установить мир между виднейшими греческими государствами. Он предлагает македонскому царю Филиппу примирить четыре государства — Афины, Фивы, Спарту и Аргос, — остальные уже сами последуют их примеру.

Вторая часть речи посвящена центральной идее Исократу — походу против Персии. По мнению Исократу, данный момент

был наиболее подходящим, так как в это время целый ряд областей отпал от Персии. Самое малое, что должен был сделать Филипп, — это завоевать все малоазийское побережье от Киликии до Синопа, переселить туда всех бродяг из Греции (*plano-mepoi*) и тем самым создать барьер для защиты Греции от варваров Востока. Все это подкрепляется ссылками на Геракла, возведенного в предки царя Филиппа.

Исократ не случайно подчеркивает те материальные выгоды, которые греки получают от этого похода. Как мы говорили уже, он выражает здесь не свое индивидуальное мнение: он выражал взгляды определенной группы богатых рабовладельцев, заинтересованных в твердой власти и колониальной экспансии.

Аристотель

Еще больший интерес представляют для нас взгляды ученика Платона Аристотеля. Аристотель несколько прогрессивнее Платона, он понимает уже, что афинянам невозможно вернуться к старой аристократии. Относясь терпимо к любой форме правления, он признает три нормальных формы: политию, т. е. умеренную демократию, аристократию и монархию. В зависимости от условий того или другого места в одном случае можно рекомендовать политию, в другом — монархию, в третьем — аристократию. Но эти формы имеют свойство вырождаться в уродливые формы: политию — в демократию, аристократию — в олигархию, монархия — в тиранию. Эти формы внешне сходны с первыми, но в действительности они являются их вырождением, так как в основу их положены не законность, а насилие. С этими формами нужно бороться.

«Вырождение» общественных форм с точки зрения Аристотеля заключается главным образом в том, что государство начинает покушаться на имущество богатых людей. «Монархия... создана для поддержки высших классов против народа... Царь следит за тем, чтобы владельцы имущества ни в чем не терпели ущерба» (Политика. V, 8, 1310 b9). Аристотель, разумеется, имеет в виду прежде всего македонскую монархию, к которой он был очень близок: он был придворным македонского царя Филиппа и учителем его сына Александра.

Аристотель, как и Платон, кабинетный ученый, но, очевидно, более близкий к реальной жизни, чем первый.

Другая интересная сторона учения Аристотеля — его учение о рабстве. Аристотель характеризует раба как одушевленное имущество или одушевленное орудие. Он говорит, что если бы наши орудия могли двигаться сами, то можно было бы обойтись без рабства. Но это невозможно: орудия должны приводить в движение люди, а нельзя свободного человека заставить выполнять физический труд, унижающий человека. Свободный человек создан для того, чтобы мыслить и управлять грубой

физической силой. Поэтому с точки зрения Аристотеля рабство неизбежно. Если мы изучим людей, то, полагает он, мы убедимся, что одни созданы от рождения для рабства, другие — для свободы. Есть целый ряд людей, которые, даже будучи обращены в рабство, оказываются в сущности свободными.

Кто же от рождения обречен на рабство? Варвары — они созданы и воспитываются для этого. Таким образом, рабство, с точки зрения Аристотеля, естественная категория. Свободные эллины должны господствовать над варварами. Аристотель был учителем Александра Македонского и в поучение ему он написал сочинение о колониях для греческих граждан, где советует ему делать греческих колонистов господами в завоеванных им областях, а всю массу местного негреческого населения превращать в рабов. Замечательно, что Александр решительно отклонил это предложение.

Впрочем и «цари природы» — эллины, с точки зрения Аристотеля, только тогда могли осуществлять свое высокое предназначение, когда имели достаточное имущество, освобождающее их от необходимости работы по найму. Всякий низкий труд (*banausia*) по существу превращает свободного в раба.

3. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Расположенная на север от Греции и долгое время не игравшая сколько-нибудь значительной роли Македония становится сильнейшим государством Греции в правление царя Филиппа (359—336).

Фальсификация истории этой эпохи

Вопрос о Филиппе долгое время являлся центральным пунктом исторической проблематики в западноевропейской, особенно немецкой исторической науке, причем каждый раз история этого периода освещалась соответственно требованиям политического момента.

В эпоху наполеоновских войн, когда Германия потеряла свою политическую самостоятельность, глава немецкой исторической школы Б. Г. Нибур в своих «Лекциях по древней истории» дал резко отрицательную оценку деятельности Филиппа, стараясь всячески превознести его политического антипода — Демосфена. Нибур беспрестанно проводил историческую параллель: Наполеон — Филипп, подчеркивая то, что Филипп отнял политическую самостоятельность у греческих государств и сыграл таким образом роковую роль в истории Греции. Эта точка зрения долго еще находила свое место в немецких работах по истории Греции. Совершенно другой взгляд на Филиппа стал высказываться после 1871 г., когда Бисмарк «железом и кровью» объединил Германию и заложил начало империи Го-

генцоллернов. Стремление исторически оправдать это событие и побудило немецких историков наперебой восхвалять Филиппа, доказывая, что объединение Греции под главенством Македонии было исторической необходимостью, что только благодаря Македонии стало возможным выполнение великой миссии распространения греческой культуры на Востоке и т. д.

Наиболее ярко эта точка зрения проводилась в трудах немецкого историка К. Ю. Белоха, открыто сближающего Филиппа с Бисмарком, а Демосфена — с вождем германской социал-демократии А. Бебелем.

В эпоху «третьей империи» этот взгляд получил свое дальнейшее развитие. Фашистский историк Гельмут Берве объясняет завоевательные походы Филиппа «инстинктивным стремлением к завоеваниям» и борьбой за «расширение жизненного пространства». Деятельность Филиппа названа у него «грандиозным стремлением к деятельности цельного по природе человека».

Этническая принадлежность македонян

Немецким ученым для прославления Филиппа нужно было прежде всего доказать, что Филипп был греком, и немецкая наука потратила большие усилия, чтобы доказать, что македоняне — самые настоящие греки. Приводились самые различные доводы, начиная с того, что царь Александр I, во время персидских войн, был допущен к участию в Олимпийских состязаниях (Геродот. V, 22). Но здесь лишь говорится, что устроители состязаний не хотели допустить его к участию в них, как царя варваров, но Александр доказал, что он и его предки-цари происходят из Аргоса; и в другом месте (Геродот. IX, 45) Александр говорит, что (лично он) по древнейшей генеалогии происходит из Греции. Отсюда ясно лишь то, что Геродот считает македонян варварами, а только их царей — греками. Однако и последнее совершенно неубедительно, так как греки в угоду различным варварским правителям охотно признавали этих правителей потомками греческих героев (так, фракийского царя Тереса считали потомком мифического афинского царя Терея, персидских царей — потомками Персея). Впрочем, сами греки не относились к этому «политическому родству» серьезно; так, известный греческий оратор V в. Фрасимах считает не подлежащим сомнению фактом, что даже просвещеннейший из македонских царей Архелай — варвар по происхождению: «Неужели мы, — говорит он, — будучи эллинами, станем рабствовать Архелаю, этому варвару» (смысл: варвары должны быть рабами эллинов, а не наоборот).

Фукидид (IV, 124, 1 и 126, 3) противопоставляет македонян эллинам и считает македонян варварами.

И, наконец, Исократ, которого никак уже нельзя заподозрить в недоброжелательстве к Македонии Филиппа, в сочинении «Филипп» (§ 107—108) противопоставляет эллинов македонянам, доказывая, что монархический образ правления совершенно чужд эллинам, но подходит для македонян.

Пытались еще доказать, что македонский язык — одно из наречий греческого языка, но сторонники этих взглядов потерпели крах — остатки македонского языка так существенно отличаются от греческого, что нельзя без натяжки признать его греческим.⁴ В этом отношении интересно свидетельство Курция Руфа в его «Истории Александра». Здесь Александр обвиняет Филота в том, что он говорит не по-македонски, а по-гречески, пренебрегая родным языком.

Другие выдвигали на первый план общественный строй Македонии, который чрезвычайно сходен со строем гомеровской Греции. Поэтому они утверждали, что македоняне не только греки, но и самые древние и самые чистокровные греки, ибо они одни сохранили старинное гомеровское устройство, а другие греки его исказили.

Какие же черты в македонском государственном устройстве сходны с гомеровскими? Прежде всего патриархальная царская власть. Царь является первым из аристократов (*basileutatos*); он — судья, администратор и военачальник, так же как в гомеровской Греции. Он сам участвует в боях, сражаясь в первых рядах. Ближайшие к нему аристократы называются «гетерами», товарищами. Это название имеется и у Гомера.

Наконец, в Македонии еще сохранились следы военной демократии: большое значение здесь имеет общая сходка войска; она решает вопрос о казнях за преступления, вопросы о войне и даже вопросы престолонаследия. Все это чрезвычайно напоминает Гомера; следовательно, македоняне — греки.

Но, разумеется, этот вывод совершенно произвольный, так как не доказано, что гомеровское общество было каким-то своеобразным изолированным обществом. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» доказал на материале Моргана, что это — типовое явление, что мы можем найти целый ряд параллелей у современных первобытных народов, например у народов Америки. Такое сходство только показывает, что македонский народ продолжал долгое время сохранять пережитки того первобытнообщинного строя,

⁴ Характерно, что македонский язык считают греческим только немецкие историки, тогда как немецкие лингвисты (например, К. О. Мюллер, А. Тумб, П. Кречмер; О. Гофман с его резко шовинистической позицией представляет собой исключение), будучи более компетентными в этом деле, считают этот язык не греческим. В самом деле, характерным отличием всех греческих диалектов является переход древнего *dh* в *th* (см. ч. I, с. 41), между тем как в македонском языке *dh* переходит не в *th*, а в *d*. Ср. также: Державин Н. С. История Болгарии. Т. I. М.; Л., 1945. С. 59.

который был у греков во времена Гомера: в странах Балканского полуострова происходила быстрая экономическая ломка, тогда как в Македонии, в стране, лежащей далеко от торговых путей, в глубине материка, законсервировалось на более продолжительное время старинное устройство.

Что касается слова «гетеры» (*hetairoi*), то мы совершенно не знаем, как этот аристократический круг назывался по-македонски. Мы имеем, очевидно, только перевод на греческий язык. Правящая аристократия в эпоху Филиппа уже давно говорила на греческом языке и для перевода македонского слова использовала соответствующий старинный термин, который бытовал в греческой литературе со времени Гомера.⁵

Македония до Филиппа. Эллинизация Македонии

Самые ранние сведения о Македонии, содержащиеся у греческих историков, относятся ко времени правления царя Александра Филэллина (приблизительно 495—445). Македония этого времени представляла собой государство с характерными пережитками первобытнообщинного строя. Эти пережитки были столь значительными, что отдельные племена Верхней Македонии (элимиоты, линкестийцы и др.) сохраняли относительную независимость (имели даже своих царей и подчинялись македонскому царю только как военачальнику).⁶ Таким же пережитком была большая роль народного собрания — вооруженного войска — имевшего также и судебные функции.⁷ На более высокой стадии развития стояла, однако, Нижняя Македония, на которую главным образом и опирались македонские цари.

Главным занятием населения было скотоводство и земледелие. Арриан (Анабасис Александра. VII, 9, 2) передает нам речь Александра Великого, обращенную к восставшим воинам; здесь дано такое изображение Македонии до Филиппа II: «Филипп, застав вас бедными кочевниками, в большинстве своем одетыми в шкуры, пасущими на горах немногочисленных овец и притом терпящими поражения от иллирийцев, дал вам вместо шкур плащи, свел вас с гор в равнины и сделал вас городскими жителями».

При Александре I Филэллине значение царской власти в Македонии усиливается. Александр энергично борется с фракийцами и захватывает ряд областей. Об усилении царской власти свидетельствует и то, что при Александре впервые выпускаются

5 Вдобавок и термин «гетеры» в Македонии до Филиппа обозначал, по всей вероятности, вовсе не знать, а личных приближенных царя: так назывались, например, афиняне Еврипид и Агафон при Архелая, ряд людей из Фессалии и других частей Греции и т. д.

⁶ Остатки этой независимости сохраняются до времени Филиппа II.

⁷ Пережиток этих функций — суд над Филотом (Арриан. III, 26, 2).

монеты с именем общемакедонского царя. При этом же царю начинается эллинизация правящей верхушки, достигшая полного завершения во время Филиппа II и Александра Великого. В Греко-персидских войнах македоняне входили в состав персидского войска (Геродот. VII, 185).

Время после Александра I хуже всего освещено в источниках. Нам известно только из Фукидида (IV, 79) об ожесточенной борьбе сына Александра I Пердикки с вождем линкестийцев Аррабеем, со своим братом Филиппом и другими соперниками. В этой борьбе принимали участие (на стороне противников Пердикки — Фукидид. I, 57) и афиняне, в это время интенсивно колонизовавшие Фракию (Амфиполь был основан в 437 г.). В Пелопоннесской войне Пердикка выступил на стороне Спарты. Однако спартанцы были опасными союзниками — они вели себя в Македонии, как в завоеванной стране. Поэтому с 423 г. Пердикка сближается с Афинами (надпись IG I² 71). Основной линией внешней политики Пердикки во время Пелопоннесской войны было сохранение независимости от обеих коалиций.

Пердикка умер вскоре после 414 г. На македонском престоле после долгой борьбы между претендентами оказался Архелай. По замечанию Фукидида (II, 100), в своей деятельности он достиг большего, чем все восемь царей до него. Он проложил ряд дорог, соорудил крепости и особенно заботился о вооружении и войске. Архелай был тесно связан с греческим миром: при его дворе в Пелле жили виднейшие греческие поэты, в том числе Еврипид, сочинивший здесь ряд драм («Вакханки», «Архелай» и др.). В Дионе (у подножия Олимпа) устраивались театральные представления, привлекавшие большое число зрителей. Внешняя политика Архелая определялась его нейтралитетом в Пелопоннесской войне при дружественных связях с Афинами, которые не были нарушены до его смерти. Поэтому спартанцы готовили общегреческий поход на Архелая. К этому же времени относится усиление союза греческих городов Халкидики во главе с Олинфом, который расширился за счет македонской территории. Аминта III, бывший царем Македонии в начале IV в., обратился за помощью к Спарте и при ее поддержке над Олинфским союзом была одержана победа.

После битвы при Левктрах (371 г.) и смерти Аминты (370 г.) усилившиеся беотийцы начинают вмешиваться во внутреннюю борьбу в Македонии. После того как сын Аминты Александр II был убит, а престол был фактически захвачен Птолемеом из Алора, приверженцы убитого царя призвали беотийцев. Однако Пелопид, командовавший беотийским отрядом, предпочел заключить договор с Птолемеом, правившим от имени двух других сыновей Аминты Пердикки (будущего Пердикки III) и Филиппа (будущего Филиппа II). Пелопид вернулся с многочисленными заложниками, среди которых был и Филипп.

Птолемей правил недолго. В 365 г. он был убит Пердиккой. Пердикка III ориентировался на Афины, опираясь на них в борьбе с Олинфским союзом. Он погиб в 359 г. в сражении с иллирийцами, вторгшимися в Македонию.

Положение Македонии и царствующей династии оказалось чрезвычайно тяжелым. Появился ряд претендентов на престол, в их числе вождь линкестийцев Павсаний, поддерживаемый фракийцами, Аргей, поддерживаемый Афинами, и др.

Но новый царь Македонии — Филипп II — оказался в силах преодолеть все эти затруднения.

4. ПЕРВЫЕ УСПЕХИ ФИЛИППА

Восшествие на престол Филиппа

В Македонии не было строгого закона о престолонаследии; поэтому после смерти каждого властелина начинались смуты. После смерти Пердикки также началась борьба между претендентами, одним из которых был 24-летний юноша Филипп, сын Аминты.

Как было уже сказано, Филипп был заложником в Беотии. Будучи любознательным мальчиком, он имел возможность познакомиться здесь не только с греческой культурой, но и с военным строем греков. Влияние Эпаминондовой военной техники на технику Филиппа не подлежит сомнению.

Реформы в военном деле

Прочно утвердившись на престоле и устранив остальных претендентов, Филипп проводит целый ряд реформ, прежде всего в военном деле.

Наиболее сильной частью македонского войска была конница, составленная из аристократов — «гетеры». Македония делилась на ряд почти автономных областей, и Филиппу принадлежит та заслуга, что он окончательно лишил власти мелких правителей, превратив их в обыкновенных подданных, служащих македонского царя. Всю конницу, которая была довольно разнородной, Филипп сделал монолитной. Он вооружил ее пиками и создал из нее настоящую кавалерию, разделив на равные отряды — илы.

Уже в самой Греции, как мы видели, в начале IV в. была проведена Ификратом реформа — замена тяжеловооруженных гоплитов пельтастами с менее тяжелым вооружением: они носили щит, в котором кожаные части были заменены полотняными, полотняные доспехи, более легкие копья, длинный меч. Эти легкие доспехи требовали специальной военной учебы, нужно было уметь лавировать. В Греции это стало возможным только тогда, когда войско стало наемное, так как, чтобы быть

пельтастом, необходимо было пройти специальный курс военного обучения.

Эту замену тяжелого вооружения более легким провел у себя и Филипп. Наиболее интересным нововведением Филиппа была так называемая сарисса — очень легкое копье, что давало возможность удлинить его. Первый ряд воинов шел с короткими сариссами, у второго они были длиннее, у третьего еще длиннее и т. д., так что они образовывали перед строем сплошной лес пик. Это сообщало македонскому строю особую силу.

Затем, крупным нововведением Филиппа было заимствование у Эпаминонда косога строя, когда атакуют одним наиболее сильным выступом фронта, разбивают главную, наиболее сильную часть врага и затем только вводят в строй более слабые части, причем вся армия расположена углом. Эту технику усвоил и Филипп: во главу угла, там, где у Эпаминонда была наиболее сильная пехота, он поместил свою конницу; и у него решал сражение, прежде всего, прекрасно выученный отряд кавалерии с пиками.

Выдающимся усовершенствованием Филиппа в области военного дела является то, что у него различные роды войск действуют вместе, как единое целое. До тех пор у греков конница действовала отдельно, пехота отдельно; теперь войско стало единой массой — все виды войск стали связаны между собой вполне гармонично, действуют под одним командованием и составляют один большой строй.

Филипп лично участвовал во всех сражениях и неоднократно получал тяжелые ранения. Он вел себя, таким образом, как царь гомеровской эпохи, и существенно отличался от других монархов, которые не участвовали сами в сражениях, а действовали через вождей наемников.

Вообще в эту эпоху, когда сходило со сцены гражданское ополчение и решающую роль стали играть наемники, появление настоящей регулярной армии, преданной своей родине, должно было сыграть, конечно, огромную роль.

В области стратегии Филипп также ввел новый принцип. Греки по окончании сражения выясняли, на чьей территории оказались чужие трупы. Противник просил о выдаче трупов, и тем признавал себя побежденным, а победитель на месте сражения водружал трофей. Этим борьба и кончалась.

Филипп усвоил впервые, что важно не водрузить трофей, а уничтожить врага. После победы он не занимался водружением трофеев, но преследовал врага до полного уничтожения, пока он не рассыплется в разные стороны и не перестанет быть военной силой.

Чрезвычайно важным нововведением Филиппа является создание «артиллерии» (если можно так выразиться). Появляются своеобразные «пушки», т. е. орудия, выбрасывающие сна-

ряды — огромные камни. Разумеется, эти камни выбрасывались не порохом, а при помощи пружинного механизма. Эти большие камни, выброшенные с огромной силой, могли разрушить стены, сложенные из глины или кирпича. При Филиппе получила развитие и техника осадных машин, таранов, которые, ударяя в стены, разрушают их. Эти громадные машины назывались покорительницами городов (гелеполидами).

Целью военной реформы Филиппа было проведение активной внешней политики, предпосылкой которой было увеличение роли царя и его независимости от знати.

Благоприятная обстановка для внешней политики

Преобразования Филиппа имели целью создать прочную базу для проведения активной внешней политики.

Момент был как нельзя более благоприятным: как замечает античный комментатор Демосфена Либаний, «Эллада была разделена на множество частей, афиняне воевали с союзниками, фиванцы с фокидцами, а спартанцы — с остальным Пелопоннесом. В этот момент Филипп и занял македонский престол».

Принципы дипломатии Филиппа

Во время своего пребывания в Фивах Филипп не только хорошо усвоил принципы новой военной техники, но и прошел прекрасную дипломатическую школу. Он узнал, что успех в войне зависит в сильнейшей мере от финансовой мощи государства и что, кроме этого, необходимо иметь своих агентов и сторонников в рядах противника, прибегая в случае необходимости и к подкупу. «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», — говорил Филипп. Мы увидим в дальнейшем, что Филипп никогда не отступал от этих принципов в своей внешней политике.

Однако было бы несправедливо полагать, что Филипп действовал только в интересах своего властолюбия и честолюбия или что его сторонники в Греции действовали только под влиянием подкупа. Твердая монархическая власть нужна была богатым людям всей Греции для того, чтобы избавиться от систематических обложений, которым они подвергались со стороны демократии. Эта власть должна была быть совершенно независимой от переменчивого большинства в народном собрании и опираться на преданную монарху армию. Уже упомянутый Исократ был наиболее подходящим идеологическим вождем для этой группы. Его профессия учителя красноречия приносила ему настолько большой доход, что он привлекался даже к исполнению триерархии. Он был типичным представителем запуганных насмерть афинских собственников, готовых иметь

любое правительство, лишь бы оно дало им возможность «сохранить имущество, имеющееся у них сейчас, и выгодно пустить его в оборот».

Филипп отвечал всем этим требованиям; вот почему богатые люди в греческих городах были ему преданны не за страх, а за совесть и были готовы ради него предать свою родину. Точно так же и сам Филипп был не только властолюбцем, но и исполнителем воли многочисленных собственников в Греции.

Взятие Амфиполя и Пидны

После того как Филипп, обезопасив свои границы от варваров, нанес ряд поражений иллирийским племенам (358 г.), он обратил свои взоры на Восток. Здесь его основными противниками оказались богатые города Халкидики (Олинфский союз) и кровно заинтересованные в этих районах Афины. Еще во время Пелопоннесской войны спартанский полководец Брасид избрал центром военных операций Амфиполь — самое уязвимое место афинской «архе». С тех пор Амфиполь приобрел самостоятельность, но Афины неоднократно пытались присоединить этот важный форпост во Фракии к своим владениям.

Филипп понимал, что у него недостаточно сил для борьбы с Афинами, господствовавшими на море. Поэтому он, захватив еще в начале своего правления в плен афинян, сражавшихся в войске одного из претендентов на македонский престол (Аргея), отпустил их без выкупа и вручил им письмо, в котором предлагал Афинам заключить военный союз (симмахию) и возобновить традиционную дружбу. Очевидно, тогда и был заключен тайный договор, по которому Филипп обещал завоевать для Афин Амфиполь в обмен на Пидну, важный морской порт на македонском побережье, находившийся в союзе с Афинами. Филипп в действительности и не думал отказываться от Амфиполя и, как только началась Союзническая война, использовал создавшуюся обстановку для нападения на Амфиполь.

Амфиполю осталось только выбирать между Афинами и Македонией. Вероятно, сторонники Филиппа имели там меньшинство; жители города прислали в Афины двух послов (Гиракса и Стратокла) с просьбой о союзе и помощи, но Филипп, приступив к осаде, прислал вновь письмо в Афины, где он уверял, что передаст им Амфиполь, как только он будет взят. Этого оказалось достаточно для того, чтобы послы получили отказ, и Филипп мог беспрепятственно вести осаду до конца (357 г.). Филипп мягко обошелся с побежденным городом. Были изгнаны только противники Филиппа, в том числе и упомянутый выше Стратокл. Соответствующее постановление амфипольского народного собрания, записанное на каменной

стеле, дошло до нас.⁸ Из него видно, что Филипп действовал «конституционным путем»: постановление об изгнании исходит не от него, а от амфипольского народа. Очевидно, причиной успеха Филиппа были в этом случае его сторонники в рядах противника. В дальнейшем эту роль берут на себя почти всегда олигархические элементы.

Захватив ключевую позицию во Фракии, Филипп стал добиваться присоединения Пидны. Здесь помогли усилия его соратников, предавших ему город.

Олинфский союз и Потидея

Блестящие успехи Филиппа не могли не настроить против него его соседей, прежде всего могущественный Олинфский союз. Филипп старался привлечь и его на свою сторону, ибо девиз *divide et impera* был одним из основных в его внешней политике.

Бывшая коринфская колония Потидея, занимавшая узкий перешеек, соединявший полуостров Паллену с материком, была давно бельмом на глазу у олинфян. Несмотря на то что у Филиппа с Потидеей был договор о союзе, он пообещал этот город Олинфу. Олинфский союз заключил с Филиппом военный союз против Афин, с которыми Филипп находился со времени взятия Амфиполя в состоянии войны.

В награду за помощь Филипп передал захваченную им Потидею Олинфу (а вместе с ней и пограничную между Олинфским союзом и Македонией область Анфемунт). Экспедиция афинян, посланная на помощь Потидее, опоздала. Затем Филипп захватил на реке Стримоне знаменитые Пангейские рудники.

Древнюю Крениду, находившуюся поблизости от этих рудников, он переименовал в Филиппы.

Огромное количество драгоценных металлов, добывавшихся Филиппом из этих рудников (до 1000 талантов в год), позволило ему провести монетную реформу и чеканить свою золотую монету. Золотая монета Филиппа имела целью вытеснить с рынков персидский золотой дарик, служивший золотым стандартом до этого времени, а серебряная — афинскую тетрадрахму. И действительно, золотые и серебряные монеты Филиппа получили репутацию самых доброкачественных и получили повсеместное хождение.

Целью этой реформы было создание средств для активной внешней политики (для содержания наемников, постройки флота и т. д.).

Честолюбивые замыслы Филиппа не ограничились достигнутыми результатами. Предлог для более серьезного вмешательства

ства во внутренние дела Греции дала ему Священная война, охватившая почти все материковые государства Греции.

5. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА И ФИЛОКРАТОВ МИР

Начало военных действий между фиванцами и фокидцами

Битва при Мантинее не сокрушила политической мощи Фив. Они продолжали играть главенствующую роль в Дельфийской амфикионии. Эта амфикиония, бывшая с древнейших времен лишь культовым объединением, в это время становится орудием политической борьбы. Входившая в число амфикиониев Фокида была старинным врагом Фив, и они готовы были воспользоваться любым предлогом для открытия военных действий. Такой предлог вскоре представился.

По предложению фиванцев совет амфикиониев наложил огромный штраф на фокидцев, правда, не на государство, а на отдельных людей, но эти люди были крупнейшими политическими деятелями Фокиды; они были обвинены в кощунстве и оскорблении Дельфийского храма. Уплатить этот штраф фокидцы не были в состоянии и, так как угроза войны со всеми членами амфикионии была совершенно реальной, они приступили к набору наемного войска. Во главе его стал некто Филомел из Ледона, человек чрезвычайно энергичный и способный, один из присужденных к штрафу амфикиониями.

Захват Дельфийского святилища

Филомел направился в Спарту, жители которой с 371 г. ненавидели Фивы. При помощи спартанских субсидий и собственных больших средств Филомел набрал большой отряд наемников и с их помощью захватил в 356 г. Дельфы, которые Фокида считала с древнейших времен частью своей территории. После этого Филомел обратился с воззванием ко всем грекам; то, что Дельфы с древнейшего времени принадлежали Фокиде, он обосновал рядом исторических доказательств, в том числе ссылкой на «Каталог кораблей» в «Илиаде». Дельфийские сокровища открывали ему широкие возможности для ведения войны, ибо в те времена во всей Греции (например в Афинах, в Беотии) казна храмов рассматривалась как запасная государственная казна, и «заем» у богов был самым обычным делом.

Впрочем, на первых порах Филомел не нашел нужным прибегать к этому средству: он пошел строго демократическим путем, призвав 5000 фокидцев на военную службу и обложив дельфийских богачей прямым налогом. Имущество рода Фракидов, главных врагов Фокиды, было конфисковано, а сами Фракиды изгнаны.

⁸ Dittenberger, *Sylloge*. Ed. III, vol. I, N 194.

Фокидцев поддержали Спарта и Афины, заключившие с ними союз. Но силы противников Фокиды — в их число, кроме Фив, вошли Фессалия, Локрида и ряд других — были весьма значительными, и Филомел был вынужден сделать заем из дельфийской казны, чтобы набрать новых наемников.

С помощью этого войска Филомел нанес ряд поражений локрийцам и фессалийцам, но в битве с беотийцами потерпел поражение и сам погиб. Это было в 354 г. Во главе войска фокидцев встал брат Филомела Ономарх, еще более талантливый полководец и дипломат, чем его брат.

Действуя гораздо решительнее, он переплавил большую часть находившегося в Дельфах золота в монету и на эти деньги набрал огромную по тем временам армию, достигавшую 20 000 человек.

Это были испытанные воины, и Ономарх оказался в состоянии нанести поражение беотийцам. После этого он двинулся в Фессалию и добился того, что тираны фессалийского города Фер перешли на его сторону.

Вмешательство Филиппа в дела Греции

Фессалийские аристократы (род Алевадов) и фиванцы призвали Филиппа, который отныне становится в позу мстителя за ограбление святилища Аполлона. Он даже приказал всем своим воинам надеть на себя лавровые венки (Юстин. VIII, 2; лавр был посвящен Аполлону Дельфийскому). Филиппу, действительно, удалось нанести поражение армии брата Ономарха Фаилла.

Узнав об угрожающей опасности, Ономарх двинулся навстречу Филиппу в Фессалию и нанес ему сокрушительное поражение в последовавших двух сражениях. Филипп был вынужден отступить в Македонию (353 г.).

Ономарх совершил ошибку, недооценив своего противника и дав ему возможность отступить. Филипп воспользовался этим и в 352 г. снова вторгся в Фессалию. Сражение произошло недалеко от Пагас, на так называемом Крокусовом (Шафранном) поле. Участь сражения решила конница Филиппа. Фокидцы были прижаты к берегу моря; 6000 погибло на поле битвы, в том числе и Ономарх; 3000 воинов, взятых в плен, Филипп приказал утопить в море как «святотатцев». В результате победы вся Фессалия была у ног Филиппа. Тираны города Фер, опиравшиеся на широкие массы населения, были изгнаны, и Филипп фактически сделал Фессалию своим владением. Единственный удобный порт Фессалии Пагасы, центр внешней торговли Фессалии, был им захвачен, и в нем поставлен македонский гарнизон.

Затем Филипп решил нанести окончательный удар по фокидцам на их собственной территории и двинулся к Фермопилам. Над Грецией нависла опасность подчинения македонскому деспоту, но на этот раз она была предотвращена: на помощь фокидцам пришли спартанцы, афиняне и ахейцы; по свидетельству Демосфена («О преступном посольстве». 84), одним афинянам отправка этого войска обошлась более чем в 200 талантов.

Филипп не захотел подвергаться риску и отступил. Как велика была опасность, грозившая Греции со стороны Филиппа, тогда понимали еще только немногие. В числе их был величайший оратор и политический деятель древности Демосфен, произнесший в Афинах пламенную речь (так называемую 1-ю Филиппику)⁹, в которой он предупреждал афинян об угрожающей им опасности и требовал энергичного ведения войны против Филиппа. Однако уставшие от войн афиняне больше всего желали мира, никто не понимал еще, как велика была угрожающая опасность, и призыву Демосфена не вняли.

Фракийский поход Филиппа

Вынужденный на некоторое время отказаться от своих планов в Греции, Филипп вторгся во Фракию (осенью 352 г.). Воспользовавшись междоусобицами, последовавшими за смертью царя Котиса, Филипп выступил третейским судьей между претендентами на престол и фактически подчинил себе всю Фракию.

Олинфская война

Халкидские города, еще не покоренные Филиппом, поняли, что их дни сочтены. Единственным шансом на спасение оставался союз с Афинами, с которыми и был в 350 г. заключен договор.

Важно отметить, что и в Олинфе у Филиппа были влиятельные сторонники — члены олигархической партии. Демосфен в 3-й Филиппике (§ 56) отмечает, что «одни граждане в Олинфе действовали в интересах Филиппа и во всем ему служивали, другие — в интересах своей родины».

Договор, заключенный союзником Филиппа Олинфом без его ведома с Афинами, вызвал ряд угроз со стороны Филиппа. Не объявляя войны, он вторгся в 349 г. в Халкидику, после

⁹ «Филиппиками» назывались тогда речи против Филиппа; теперь под этим понимают всякую боевую речь, имеющую целью сокрушить политического или идейного врага.

чего олинфские послы спешно направились в Афины с просьбой о помощи.

Во главе Афин в это время стоял Демосфен. Он руководил демократической партией, которая отстаивала полную независимость Афин как экономическую, так и политическую, и освященное веками демократическое устройство. Со свойственной ему прозорливостью он понимал, что все происшедшее таит в себе величайшую опасность для Афин. В случае победы Филиппа Афинам угрожала потеря ведущей роли на морских торговых путях, так как Филипп, по его мнению, не остановился бы на захватах греческой территории, а двинулся бы на Херсонес, как это и в самом деле произошло впоследствии.

В произнесенных по этому поводу трех олинфских речах Демосфен в ярких красках показал афинскому народному собранию опасность нерешительного поведения афинян и потребовал энергичного ведения войны. Однако для этого нужны были деньги, а афинские богачи были не очень склонны жертвовать ими. Государственная казна Афин значительные деньги тратила на раздачи гражданам так называемого феорикона, т. е. денег на оплату посещения театра. Демосфен пытался убедить афинский народ разрешить ему расходовать эти деньги на ведение войны, но его усилия остались, в конечном счете, безуспешными.

Афины послали небольшой отряд наемников и 30 кораблей на помощь Олиффу. Но эта помощь даже не успела прибыть на театр военных действий. Олифф был взят Филиппом и сравнен с землей; граждане были проданы в рабство и частично отправлены в Македонию для работы на царских рудниках. Принадлежавшие городу земли были поделены между македонскими аристократами (348 г.). При взятии Олиффа большую помощь Филиппу оказали его сторонники среди олинфян. В решительный момент олинфская конница изменила и перешла на сторону Филиппа.¹⁰

В это же время афиняне претерпели и другой тяжелый удар: одновременно с осадой Олиффа Филиппу удалось добиться отложения Евбеи, бывшей одним из источников хлебного снабжения Афин.

Македонская партия у власти в Афинах

Эта неудачная внешняя политика подорвала влияние демократической партии в самих Афинах. Перевес получают олигархические элементы, возглавляемые оратором Эсхином. Эсхин поддерживал Исократ, сочувствовавший честолюбивым замыслам Филиппа, а, может быть, в известной мере и внушав-

¹⁰ Впоследствии халкидская конница фигурирует как один из отрядов армии Александра Македонского.

ший ему принципы его политики. Под влиянием этой партии общественное мнение в Афинах все более склоняется к заключению мира.

Филипп со своей стороны не хотел открытой борьбы с Афинами. Военный флот Афин, состоявший более чем из 350 триер, представлял внушительную силу. Кроме того, можно предполагать, что как раз около этого времени Филипп стал носиться с планами обширных завоеваний, не ограничивавшихся Грецией,— афинский флот мог оказаться необходимым ему для этой цели.

Филократов мир

В 346 г. в Пеллу, столицу Македонии, прибыли послы от Афин и других греческих государств. В числе членов афинского посольства был и афинянин Филократ, внесший затем проект мирного договора в афинский совет. Мир был заключен на том условии, что каждый договаривающийся сохраняет за собой владения, которые были в его руках в момент заключения мира.

Филократов мир был блестящей удачей дипломатии Филиппа. Успех заключался не только в том, что фокидцы были исключены из мирного договора и фактически отданы на произвол Филиппа; Филипп сумел затянуть и самое заключение мирного договора и, в то время как афинские послы ожидали его в Пелле, он успел овладеть фракийским побережьем вплоть до Херсонеса.

Правда, Филипп дал туманное обещание передать Афинам Евбею и Ороп, но, тем не менее, условия мира были крайне невыгодными для Афин.

Естественно, что тотчас же после возвращения посольства на родину Демосфен возбудил против него обвинение в предательстве в знаменитой речи «О преступном посольстве». Но на этот раз враги Демосфена одержали верх. Мир был ратифицирован афинским народным собранием.

Конец Священной войны

Между тем Филипп продолжал Священную войну. Завоевав Фессалию, он вторгся в Фокиду и нанес в союзе с Фивами поражение фокидцам. Фиванцы настаивали на полном порабощении Фокиды, но Филипп не желал чрезмерно усиливать фиванцев и добивался в совете амфикионов, чтобы фокидцам была оставлена их территория, но чтобы они были исключены из числа амфикионов. Вместо них включен был Филипп, получивший два голоса. В это время Фессалия провозгласила его главным военачальником — тагом. Теперь царство Филиппа

фактически простиралось от Фермопил до Геллеспонта — подобного ему в Греции никогда не существовало.

Филипп и Демосфен

В наиболее популярных немецких трудах по истории Греции обычна оценка Филиппа как великодушного спасителя Эллады, а Демосфена — как адвоката-болтуна и предателя. Поэтому мы позволим себе привести ту характеристику этих лиц, которую мы находим в античных свидетельствах.

Филипп постоянно характеризуется как коварный и бесчестный человек, который не уважал людей и смотрел на них только как на свои орудия. Обещания связывали его только до тех пор, пока это было ему выгодно. Его царское слово не имело никакой цены. Его оружием были ложь, произвол и насилие. Он поощрял самые низкие страсти и привлекал к себе на службу продажных писателей. «Людская ненависть и глупость позволили Филиппу под видом общеэллинских интересов спокойно преследовать свои личные цели», — принужден признать Р. Пельман.

В покоренных им греческих городах он не только уничтожал демократические учреждения, но и вообще лишал их всякой независимости и жестоко издевался над ними. Так, в фессалийских городах (как некогда Лисандр) он передал власть своим ставленникам, как называет их Демосфен, «декархиям», распорядившись там по своему усмотрению. Древние авторы справедливо говорят о порабощении им греческих городов.

Греки привыкли к насилиям и надругательствам над жителями покоренных городов, но Филипп в этом отношении не имел себе равных. Мы уже говорили о 3000 фокидцах, утопленных в море в 352 г. по приказу Филиппа. В 348 г. демократы Эретрии и Орея на Евбее ушли в соседний Портмос и укрепились там. Филипп взял Портмос и перебил сбежавшихся сюда демократов. В том же году он вырезал, продал в рабство и увел на каторжные работы в царские рудники всех жителей разрушенного им Олинфа.

О Демосфене всякий непредубежденный человек легко составит себе впечатление по его речам. Прекрасную характеристику Демосфена дает Р. Ю. Виппер:

«Демосфен не имел военных талантов. Его родина была слаба и не имела союзников. Но в этом труднейшем положении Демосфен сделал все, что было в человеческих силах: неустанно открывал глаза народу на происки сторонников Македонии... сплывал разрозненные элементы оппозиции... старался привлечь другие общины к национально-демократическому делу. Если согласиться судить политика не по его успехам, а по степени его изобретательности, находчивости и на-

пряженности энергии, то Демосфена следует признать одним из величайших государственных деятелей Греции... Демосфен мог гордиться тем, что он завоевал своей убежденной речью множество новых сторонников, что республиканское настроение, померкшее было к концу безнадежной первой войны с Филиппом, вновь проснулось... и завоевало широкие круги афинского общества».¹¹

Немецкие историки, пытаясь бросить тень на нравственный облик Демосфена, ссылаются обычно на то, что в тот момент, когда Исократом и Филиппом был выставлен лозунг объединения эллинов, он вступает в союз с персами; значит он — изменник, а Филипп — носитель панэллинской идеи. На это можно возразить, что македоняне были столь же мало греками, как персы, — так относились к македонянам сами греки. Филипп неоднократно обнаруживал, что идея объединения греков была в его устах просто фразой, фактически им руководило стремление к усилению могущества и влияния Македонии.

Демосфен, действительно, вел переговоры с персами и, может быть, уже в это время получал субсидии от них для ведения антимакедонской агитации. Пытались изобразить дело так, что эти деньги были взятками, полученными им лично. Но это противоречит показаниям источников, которые в большинстве случаев прямо указывают на то, что эти деньги Демосфен получал для поддержки антимакедонского движения в Афинах и Греции. Сближаясь с Персией, Демосфен поступал как честный и дальновидный патриот, понимавший, что реальной угрозой его родине был Филипп, а не Персия.

Борьба за проливы

Ставший в 357 г. независимым Византий, несмотря на свой демократический строй, естественно видел своего конкурента в Афинах. В начале 40-х годов он даже заключил договор с Филиппом.

Если бы Филиппу, захватившему в 348 г. Эретрию и Орей на Евбее, удалось прибрать к рукам и проливы, ведущие в Черное море, хлебное снабжение Афин оказалось бы на грани катастрофы. Демосфен произнес свою знаменитую речь — третью филиппику. Было решено послать афинское войско на Евбею для борьбы со ставленниками Филиппа. Летом 341 г. афинское войско, поддержанное контингентами из Халкиды и Мегары, одержало победу над войсками Филиппа и окончательно изгнало македонян из Евбеи. Афинское народное собрание наградило Демосфена золотым венком.

¹¹ Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху (IX—IV вв. до Р. Х.). М., 1916. С. 543—544.

О другой нависшей над афинянами опасности мы читаем также в знаменитой речи Демосфена «О венке»: «Видя, что мы (афиняне) из всех людей пользуемся наибольшим количеством ввозного хлеба, и желая распоряжаться по своему произволу подвозом хлеба, Филипп прибыл во Фракию и стал уговаривать своих союзников византийцев заключить с ним союз против нас (афинян)».

Действительно, если в 352 г. Филиппу удалось стать фактически хозяином Фракии, то теперь он решил ликвидировать одрисский царский дом, формально еще владевший Фракией, и присоединить Фракию к своим владениям и де юре. Под тем предлогом, что фракийский царь Керсоблепт совершил (в 342 г.) несправедливости против греческих городов на побережье Фракии, Филипп, во главе большой армии, двинулся в его царство. Керсоблепт был свергнут с трона, а Фракия превращена в македонскую провинцию. В устье Гебра был основан новый большой город Филиппополь, ставший центром македонской власти в восточной Фракии. В 341 г. Филипп завладел Калибой близ Византия и вышел, наконец, к Пропонтиде.

Когда византийцы увидели, что Филипп хочет прочно овладеть их проливами, они охладели к нему и отказались принять участие в борьбе против Афин. В ответ на это Филипп начал готовиться к походу на Византий. Византий заключил военный союз с Афинами.

В 340 г. флот Филиппа направляется в Геллеспонт. Однако он не пошел на Византий, как ожидали афиняне, а осадил Перинф.

Все это вызвало радикальный поворот в общественном мнении Афин: если за восемь лет перед этим был заключен Филократов мир и македонская партия была сильна в Афинах, то теперь сторонники Македонии объявляются государственными преступниками, и страна начинает лихорадочно готовиться к войне с Македонией. Тут был задет вопрос хлебного снабжения, поэтому все разногласия сразу исчезли.

Теперь афиняне посылают флот из 120 кораблей против Филиппа, который, не снимая осады с Перинфа, подошел к Византию. Здесь на море, как оказалось, соотношение сил было иное, чем на суше, тем более, что теперь целый ряд государств, нуждающихся в ввозном хлебе, как, например, Мегара и Коринф, также поддерживали Афины. В 340 г. Филиппу пришлось бросить осаду Перинфа и выйти в море против афинян. Около Византия афиняне наголову разбили флот Филиппа, и Филипп убедился, что на море афиняне безусловно сильнее его.

Филипп, тем не менее, осадил Византий. Эта осада продолжалась около года (она окончилась в 339 г.) и была столь славной страницей в истории борьбы за освобождение, что ее

разукрасили всевозможными легендами. До нас дошел афинский декрет о проксении, данной одному из участников героической обороны этого города — Апеллесу (IG II² 119). Несмотря на чрезвычайные усилия Филиппа (для осады Византия им была впервые применена новая замечательная военная машина, изобретенная Полиидом), взять Византию не удалось и пришлось снять осаду.

Вести об этих победах встречались в Афинах всеобщим ликованием. Византий, Перинф и ряд городов Херсонеса, также освобожденных теперь от гарнизонов Филиппа и получивших назад «свои отчизны, законы, свободу и храмы», ликуют и принимают почетные декреты в честь своих освободителей — афинян. Византийцы предоставили им право гражданства, освобождение от всех пошлин и налогов, право сидеть в первом ряду на состязаниях и выступать в народном собрании вне очереди; на берегу Боспора были поставлены три огромные статуи, изображающие, как Византий и Перинф увенчивают Афины.

6. ПОКОРЕНИЕ ГРЕЦИИ

Новая Священная война

Вскоре после этого Филиппу представился новый случай вмешаться в греческие дела. Опять начинается так называемая Священная война — на этот раз уже не с Фокидой, а с озольскими локрами. Локры из Амфиссы запахали землю в Кресе, которая была разрушена за святотатство (см. ч. I, с. 157) и предана проклятию: эту землю запрещено было обрабатывать. Амфиктионы объявили войну локрийской Амфиссе. Никто не ожидал так быстро Филиппа, который прошел Фермопилы и неожиданно оказался в Фокиде, в Элатее, якобы затем, чтобы помочь расправиться с Амфиссой; это вызвало панику во всей Греции и перемену фронта даже в тех греческих государствах, которые поддерживали Филиппа в прежней Священной войне, — прежде всего в Фивах.

Вражда между Афинами и Фивами была настолько сильна, что Фивы всегда принципиально становились на сторону врагов Афин. Но теперь, когда греки были совершенно не подготовлены, а армия Филиппа под предлогом помощи Дельфийскому храму оказалась уже по эту сторону Фермопил, Фивы начали колебаться и, вняв просьбе Демосфена, перешли на сторону Афин. Теперь против Филиппа образовалась коалиция из всех греческих государств.

Соединенная греческая армия выступила против Филиппа. Это было в 338 г.

Мощное эллинское ополчение встретилось с армией Филиппа при Херонее в Беотии. В войске Филиппа находился его 18-летний сын Александр. Несмотря на его юный возраст, Филипп, зная его исключительные военные способности, поручил ему фактическое руководство всей этой операцией, — командование левым флангом, который врезывался прежде всего в армию врага и наносил ей решающий удар. Александру удалось нанести такой сильный удар соединенной греческой армии, что она не выдержала и бежала. Александр стоял как раз против знаменитого беотийского священного отряда в 300 человек, который никогда до сих пор не был побежден. Но Александру удалось его разбить; все 300 воинов отряда пали на поле сражения.

Как мы уже говорили, отличие тактики Филиппа от греческой тактики состояло в том, что он преследовал врага до полного уничтожения. Но в этом случае Филипп не преследовал греков. Это объяснялось не слабостью Филиппа, а тем, что он был не только замечательный полководец, но и искусный дипломат. Он понял, что теперь самый подходящий момент провить свое великодушие.

Наиболее тяжелая судьба постигла Фивы, так как с точки зрения Филиппа они совершили предательство, поскольку они были союзниками Филиппа и перешли на сторону Афин. Правда, он не разрушил Фив, но в Фивах был произведен переворот; у власти поставлены олигархи, и в крепость Фив — Кадмею — введен македонский гарнизон. Два города в Беотии — Платеи и Орхомен, некогда разрушенные Фивами, были теперь восстановлены; это были постоянные соперники Фив.

Наиболее «великодушно» держал себя Филипп по отношению к Афинам. Он не причинил им никакого зла — даже возвратил всех пленников, взятых на поле битвы. Афинам была предоставлена полная автономия. Филипп проявлял к ним предупредительность, притворяясь поклонником Афин. Действительной причиной была, как мы уже говорили, его заинтересованность в афинском флоте. Он, правда, не вернул Афинам Херсонеса, но взамен его предоставил им беотийский Ороп. Теперь в Афинах взяла верх македонская партия: сооружается статуя Филиппу, а Александру предоставляется право афинского гражданства.

Все дальнейшие действия греческих государств носили уже чисто показной характер; они знали, что фактически хозяином Эллады является Филипп, что теперь он может делать все, что ему вздумается.

Тем не менее Филипп соблюдал со свойственной ему дипломатической ловкостью все законные формы. Он делал вид, что не желает господствовать над греками, и предложил грекам самим объединиться в одно целое, в тесный союз, собрав общее совещание — синедрион. Все греки, кроме лишь Спарты, приняли в нем участие. Спарта же упорно не желала участвовать ни в каких предприятиях Филиппа.

Синедрион собрался в Коринфе в 337 г.

Договор об образовании Панэллинского союза

На Коринфском конгрессе было торжественно провозглашено основание Панэллинского союза. Филипп изображал этот акт как великодушный патриотический шаг с целью объединения Греции и организации борьбы против общенационального врага — персов. В действительности этот акт означал окончательное порабощение Греции, передачу власти в руки преданных Македонии богачей и начало грабительского Восточного похода, причем часть добычи должна была попасть в карманы крупных собственников греческого материка.

В самом деле, союз по виду был добровольным объединением греческих государств, в который Филипп официально даже не входил: он был лишь главой общегреческой армии — все дела должны были решать сами греки. Филиппу предстояло лишь исполнять приказы общегреческого союза. Фактически после победы 338 г. вхождение в этот союз стало обязательным, и только Спарта отважилась не войти в него.

Рассмотрим отдельные пункты этого договора, провозглашавшего запрещение войны между греками, ликвидацию пиратства и общегреческий поход на персов.

Прежде всего этот договор гарантировал независимость каждого отдельного греческого государства и неприкосновенность его границ. Это звучало очень красиво, но фактически означало уничтожение всяких союзов и объединений с тем, чтобы санкционировать раздробление Греции и лишить греков возможности организовать какое-либо сопротивление Македонии. В частности — отделение от Афин фракийского Херсонеса, поставленного под власть Македонии, привело Афины в экономическую зависимость от Македонии, так как из Геллесонта афиняне получали хлеб. Самому Филиппу этот пункт о независимости не помешал поставить гарнизоны во всех важных пунктах, ненадежных в политическом или стратегическом отношении, прежде всего, в Акрокоринфе, акрополе Коринфа, важнейшего экономического центра греческого материка.

По Коринфскому договору каждое греческое государство должно было сохранить неизменным тот строй, который оно имело ко времени конгресса. Это также звучало очень кра-

сиво, но в действительности после битвы при Херонее власть повсюду была передана в руки олигархий, представлявших интересы зажиточных граждан, сочувствующих Македонии. Этот строй и должен был быть увековечен. В согласии с этим было воспрещено восстанавливать разрушенные Филиппом города, а также те политические учреждения, которые Филипп объявил враждебными себе; воспрещалось также возвращать изгнанников, удаленных по воле Филиппа.

Истинная цель союза лучше всего видна из пункта, воспрещавшего во всех греческих государствах конфискации имущества, переделы земель, отмену долгов и освобождение рабов с целью переворота.¹² «Верные союзники Филиппа (олигархи) передали ему теперь исключительное право пользоваться военными силами греческих общин, взамен чего получили его содействие против революции и гарантию спокойного обладания капиталами» (Виппер).

Но наиболее циничным был последний пункт: ни один грек не должен был служить в войске, выступающем против Филиппа, или помогать его врагам, — виновные караются изгнанием и конфискацией имущества. По внешности этот пункт был направлен против греков, «предателей национального дела», которые поступают на службу к персидскому царю; в действительности этот пункт обеспечивал Филиппу монопольное распоряжение всеми военными силами Греции и делал невозможным для какого бы то ни было греческого государства вести самостоятельную внешнюю политику.

Все честные и благородные, патриотически настроенные граждане греческих государств были в величайшем унынии; они чувствовали, что после Херонейской битвы наступил конец всего того, чем они жили, что им было дорого — их культуры, их национального своеобразия, их независимости. С этого момента великой Эллады, в сущности говоря, больше не существует.

Интересна надпись, найденная при раскопках Фив на гробнице одного из современников Херонейской битвы (IG VII 2534):

Гея,¹³ как друг, заключила, Аристон, тебя в свое лоно,
Давши счастливо тебе лучшие годы прожить.
Право ж, награда пришла как раз в подходящее время:
Жизнь наша стала тюрьмой — ты же на волю ушел.

7. ЛИТЕРАТУРА

Ораторское искусство

Господствующим литературным жанром в разбираемую нами эпоху было ораторское искусство. В эту эпоху подви-

¹² См.: [Демосфен]. О договоре с Александром. 15.

¹³ Земля.

зается целая плеяда блестящих ораторов; об Исократе, Демосфене и Эсхине, как руководителях общественных групп, нам уже приходилось неоднократно говорить выше, ибо они были не только ораторами, но и крупными политическими деятелями. Об Исократе, как писателе, было сказано в предыдущей главе. Исключая Исократу, наиболее крупное значение в истории литературы имел Демосфен. Демосфен родился в 384 г. в семье богатого владельца оружейной и мебельной мастерских. Родители Демосфена умерли, когда он был еще ребенком, и доставшееся ему в наследство от родителей имущество было раскрадено опекунами. Чтобы вернуть хоть частично это имущество, Демосфену необходимо было научиться ораторскому искусству, но этому мешали природные недостатки речи. Упорной работой над собой, под руководством оратора Исея, Демосфен их преодолевает. Начав свою деятельность выступлениями против опекунов, Демосфен всецело посвящает себя судебной деятельности. Из написанных Демосфеном речей огромное большинство представляют собой речи по частным — уголовным и гражданским — делам. Эти речи являются одним из важнейших источников по истории античного гражданского и уголовного права и античного быта. Но главная причина популярности Демосфена — не в этих речах, а в его выступлениях перед советом и народным собранием по политическим вопросам, тесно связанным с его политической деятельностью. Это была эпоха усталости от политики, ухода в личные дела, оппортунизма и продажности; на афинской трибуне выступали продажные демагоги, изменники афинскому делу, агенты македонского царя. Нужно было исключительное ораторское искусство, чтобы в такой обстановке овладеть аудиторией, заечь ее и склонить к решениям, связанным с большими материальными жертвами и большой опасностью. И Демосфен обладал этими качествами: «Демосфен сочетает совершенное владение приемами ораторского искусства с пламенным пафосом борца. Он использует все выразительные средства речи, выработанные греческим красноречием, включая и прозаический ритм, и для каждого настроения он находит и соответствующий тон. В его сжатом и суровом стиле звучит страстная убежденность, и сила аргументации захватывает слушателя... В историю греческой литературы Демосфен вошел как завершитель аттического красноречия, последний и самый замечательный художник публичной речи в эпоху греческой независимости» (И. М. Тронский).

О речах против Филиппа («Филиппиках», «Олифских» и речи «О преступном посольстве») мы говорили уже выше. Самая замечательная речь Демосфена — «Речь о венке» — относится уже ко времени, выходящем за рамки разбираемой здесь эпохи (она была произнесена в 330 г.). Но она представляет большой интерес и для этой эпохи, так как здесь Демосфен

дает отчет о всей своей деятельности, показывая, что в противоположность деятельности его противников, она была истинно патриотической и единственно правильной.

Средняя комедия

Другой отраслью литературы, достигшей значительного развития в разбираемую нами эпоху, была комедия. Комедия этой эпохи носит название средней комедии. К сожалению, ни одно произведение этого жанра до нас не дошло, и мы можем судить о ней лишь по замечаниям древних и цитатам. Эта комедия была переходной стадией от политической комедии V в. к «мещанской драме», бытовой новой комедии эллинистического времени. Наиболее известными авторами этой комедии были Антифан и Алексид. Основным содержанием этих комедий было пародирование мифов и классической трагедии (прежде всего, разумеется, Еврипида). Здесь выводились типичные бытовые персонажи: гетеры, паразиты (т. е. нахлебники), кутилы, повара, врачи и т. д. Уже здесь, вероятно, большую роль играла любовная интрига.¹⁴

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее характерно для времени Филиппа то, что полисный строй Греции окончательно потерял свою жизнеспособность, хотя рабовладельческая формация в целом себя еще далеко не изжила. Разрешение основного противоречия было дано «путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом)» (Энгельс).¹⁵ В этот период готовится переход к следующей фазе, фазе эллинизма, и черты нового эллинистического времени уже ярко заметны.

9. ИСТОЧНИКИ

Ораторы

Основным источником для истории этой эпохи являются речи ораторов, которые были в то же время и ведущими политическими деятелями: Исократ, Демосфен, Эсхин. Из речей Демосфена, кроме перечисленных выше, большое значение для истории этой эпохи имеют: «За мегалопольцев» (353 г.), «Против Аристократа» (352 г.), «О мире» (346 г.), «О херсо-

¹⁴ К нашей эпохе относится начало деятельности великого философа Аристотеля. Но мы здесь говорить о нем не будем, так как в основном его деятельность принадлежит следующей, эллинистической эпохе.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1955. С. 643.

неских делах» (341 г.). Из речей Эсхина наиболее важны для историка: «Речь о преступном посольстве» (о речи Демосфена с тем же названием упоминалось выше) и речь «Против Ктесифонта»; ответом на последнюю и является речь Демосфена «О венке».

Современные историки: Феопомп, Эфор, Аристотель

Наиболее подробно история этого времени была изложена современником описываемых событий Феопомпом, написавшим «Историю Филиппа» в 58 книгах. Феопомп был горячим поклонником политики Филиппа, хотя и сообщал много фактов компрометирующих Филиппа как человека. В труде Эфора была описана история этого времени (до 340 г., до осады Перинфа) в афинофильском духе. В промакедонском духе эта история была описана еще Анаксименом из Лампсака. Все эти труды до нас не дошли, но они послужили основным источником для дошедших до нас поздних исторических трудов.

Для истории государственного устройства Афин этой эпохи мы располагаем прекрасным источником — «Афинской политией» Аристотеля.

Поздние исторические труды

Из поздних исторических произведений наиболее важна XVI книга «Библиотеки» Диодора, написанная главным образом по Эфору, но использовавшая и Феопомпа. Много материала содержится также у Юстина в его «Извлечениях из „Истории Филиппа“ Помпея Трога» и у Плутарха в его биографиях Демосфена и Фокиона.

Надписи и монеты

Надписи и монеты этой эпохи довольно многочисленны. Из надписей наиболее интересны: договор афинян с городами Евбеи и афинский декрет, посвященный тому же вопросу (357/6 г.); афинский декрет об острове Андросе того же года, посвященный делам Второго морского союза; почетный декрет Аркесины на Аморгосе в честь афинянина Андротиона (того же года); интересный для политической истории той же эпохи уже упомянутый выше (с. 557) декрет амфипольцев того же года; договор афинян с фракийским, иллирийским и пэонийским царями 356/5 г.; список пожертвований, полученных беотийцами для ведения Священной войны (355 г.); дельфийские надписи фокидцев времени захвата ими храма 356—350 гг.; афинский декрет о возобновлении союза с митиленцами 347/6 г.; особенно важный для истории юга СССР в античную эпоху афинский декрет в честь сыновей боспорского царя

Левкона, — Спартока, Перисада и Аполлония 347/6 г. в благодарность за вывоз хлеба в Афины; найденная в Митилене надпись, в которой Левкон (389—349 гг. до н. э.) устанавливает пониженную пошлину для вывоза хлеба в Митилену и др., а также чрезвычайно многочисленные дельфийские надписи.

Из монет этой эпохи интересны для историка монеты Филиппа с его портретным изображением, в частности — золотые статеры аттического веса, монеты дельфийских амфиктионов, выпущенные в 338 г. после битвы при Херонее, монеты Халкидского союза и Олинфа с изображением Аполлона и лиры, монеты Крениды во Фракии и как раз такие же монеты с надписью «Филиппы» и др.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И БЫТ ГРЕЦИИ В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ

Земледелие в Аттике

В результате деятельности Писистрата на территории Афинского государства исчезло крупное землевладение: самые богатые аристократические семьи имели не более 30 га земли.¹ Однако попытка Писистрата укрепить мелкое крестьянское хозяйство не достигла цели: к концу VI в. мелкие крестьяне снова попали в тяжелое положение; преобладающим типом селян стали зажиточные крестьяне. Сельское хозяйство принимало все более товарный характер. Иногда богатые люди из аристократии переводят даже все свое сельское хозяйство на коммерческий расчет. Перикл, например, для правильной постановки счетоводства запрещал членам своей семьи пользоваться продуктами из его имения: все, что приносило хозяйство, раб-управляющий должен был продавать на рынке, превращая в деньги. Афинский крестьянин не жил продуктами своего хозяйства: основные предметы питания — прежде всего хлеб и сушеную рыбу — он получал из-за границы по морю; на рынке же он покупал и ряд других продуктов. Мы постоянно встречаем его на базаре, продающим древесный уголь, оливки, растительное масло, вино, уксус, овощи. Крестьянин, изображенный в комедиях Аристофана, скуп, копит деньги, торгует и делает запасы. Разорвавшиеся крестьяне могли применить свои силы и навыки в так называемых клерухиях. Это были земледельческие поселения вооруженных афинских граждан, вполне надежных в политическом отношении, на территории союзников. Клерухи должны были всегда быть готовы подавить вооруженной силой восстания этих союзников. Им отводилась земля, либо отобранная у союзников в наказание за мятеж, либо уступленная союзниками в компенсацию за уменьшение налога. Иногда клерухи сами обрабатывали свои участки, а в других случаях они занимались исключительно военным делом, а землю сдавали в аренду тем же союзникам.

¹ См. сообщение Платона об Алкивиаде (Алкивиад первый, 123 с).

Рабский труд находил довольно широкое применение в сельском хозяйстве, хотя рабство носило здесь более патриархальный характер, чем в городе. Правда, рабы работали целый день от зари до наступления ночи, но их хозяин работал и ел вместе с ними и проявлял о них некоторую заботу. Более тяжелым, чем положение рабов, было положение свободных сельскохозяйственных рабочих: они не были собственностью хозяина, и их болезнь или смерть не приносили хозяину никакого убытка. Поэтому он не считал нужным о них заботиться и старался выжать из них все возможное.²

В афинском ремесле в классическую эпоху рабский труд, находил все более широкое применение. Обычным (по крайней мере, в первой половине V в.) было такое положение вещей, когда квалифицированным ремесленным трудом занимались свободные, а простым физическим трудом и черной работой всякого рода рабы. Положение этих последних было очень тяжелым: они рассматривались как рабочий скот, как «одушевленное орудие» и подвергались бесчеловечной эксплуатации. Раб мог иметь имущество только с разрешения хозяина; хозяин мог продать его и разлучить с семьей. На суде показания рабов принимались обязательно под пыткой. В некоторых греческих государствах (например в Афинах) закон сурово карал за убийство раба; но хозяин мог подвергать раба самым суровым наказаниям и, если раб умирал в результате побоев, хозяин не подвергался ответственности.

Лучше было положение «оброчных», «живущих отдельно» (*choris oikountes*). Это были главным образом рабы, занимавшиеся торговлей, или квалифицированные ремесленники, работавшие у себя на дому либо в мастерской хозяина. Такие рабы часто приносили хозяину большой доход, поэтому они чрезвычайно ценились, за них платили огромные деньги, и положение их было значительно лучше, чем положение простых рабов. Они жили отдельно от хозяина и имели собственные орудия труда, но зато платили хозяину значительный оброк. Нередко такие рабы становились богатыми людьми и выкупались на волю.

Наиболее тяжелой была работа рабов в рудниках. Для рудников закупали большие массы рабов, причем заранее учитывалась их быстрая изнашиваемость и смерть вследствие невозможных условий работы (неестественное положение тела при работе, очень длинный рабочий день, отсутствие вентиляции, скудное питание). Столь же тяжелой считалась работа на мельнице, где раб, подобно ослу или лошади, должен был вращать тяжелый мельничный жернов.

² См.: Платон. Евтифрон. 4 с—d.

Раб в принципе являлся «вещью» и не мог быть субъектом права. Поэтому с точки зрения теоретических предпосылок греческого права раба отпустить на волю нельзя: отпущенный на волю раб (точно так же, как и всякое отпущенное на волю домашнее животное) становился «ничьей вещью» (*res nullius*), и всякий желающий мог взять его себе и поработить. Однако некоторые хозяева были заинтересованы в том, чтобы отдельные рабы не только при их жизни жили с их разрешения, как свободные люди, но и после их смерти сохраняли эту свободу и не подвергались опасности быть захваченными и порабощенными наследниками рабовладельца, претендующими на его имущество, или посторонними людьми. Обещание свободы после смерти пожилого хозяина стимулировало труд раба и повышало его производительность. Этого можно было достичь только обходным путем: например раб дарился («посвящался») или продавался божеству (цену раба якобы от имени бога уплачивал сам освобожденный хозяину), а бог (т. е. фактически жрецы храма) брал на себя обязательство следить за тем, чтобы никто не поработал раба и не обижал его. Таким образом, раб фактически становился свободным, а всякое порабощение раба являлось уже кощунством по отношению к данному богу. Постепенно в передовых торговых государствах, например в Афинах, вольноотпущенники (*areleutheroi*) составили уже особую довольно многочисленную группу граждан: в юридической фикции — продаже или посвящении раба богу — становилось все меньше нужды.

Эти вольноотпущенники в правовом отношении были приравнены к метэкам с той лишь разницей, что метэк мог выдать себе «покровителем» (*prostates*) любого гражданина по собственному желанию, тогда как простатом вольноотпущенника обязательно являлся освободивший его на волю хозяин. По отношению к этому хозяину отпущенник сохранял ряд обязанностей. Иногда он должен был оставаться рабом до смерти хозяина или в течение определенного отрезка времени; такое временное рабство носило название *ragatone*. Но и после отпущения на волю отпущенник сохранял некоторые обязанности по отношению к освободившему его хозяину: он должен был являться с поздравлениями и подарками в дни семейных праздников, помогать бывшему господину в случае нужды и т. д. Нарушение этих обязанностей давало бывшему господину право возбудить против отпущенника «иск об отпадении» (*graphē apostasiou*). Если господин выигрывал этот иск, он мог снова сделать отпущенника своим рабом; если он проигрывал, отпущенник совершенно освобождался от всяких обязанностей по отношению к бывшему господину и становился метэком.

Вследствие широкого развития межполисных — прежде всего торговых — отношений, в греческих городах появляется большое число иностранцев. С точки зрения теоретических предпосылок греческого права, иностранец не пользуется в греческом государстве никакой защитой закона — его можно безнаказанно убить и ограбить. Однако уже очень рано в эти первобытные взгляды начинает вноситься ряд коррективов: если иностранец имеет покровителя (ксена, простата) из числа граждан, то обида, нанесенная иностранцу, рассматривается как обида, нанесенная его гостеприимцу; между государствами заключаются договоры о взаимной охране прав граждан одного из договаривающихся городов, проживающих в другом, и т. д. В ряде государств, в том числе в Афинах, учреждаются особые суды для разбора дел с иностранцами. Разумеется, и в этих случаях граждане оставались в привилегированном положении по сравнению с этими иностранцами.

Если иностранец решал навсегда поселиться в каком-либо городе или если он проживал в этом городе дольше определенного установленного законом срока, он переходил в сословие метэков или парэпидемов. Кроме всех повинностей, которые несли граждане (налогов, обложений, военной службы и т. д.), метэки несли еще особые специальные повинности, в частности — платили особый налог — метэкион. На суде их представляли особые представители, которых они выбирали себе из граждан — простаты.

Метэки были ограничены в ряде прав. Как и иностранцы, они не имели права владеть землей или домом (*ges kai oikias enktesis*) и должны были жить в наемных квартирах или гостиницах. По-видимому, они могли жить не во всех кварталах города (а в Афинах — не во всех демах), а только в некоторых. Хотя они платили такие же налоги, как и граждане, они получали на праздниках меньшие части жертвенного мяса, чем граждане. Некоторые обязанности метэков носили унижительный характер: так, во время праздничных процессий жены метэков должны были нести зонтики, чтобы защищать от солнца головы гражданок. Так как суды относились к метэкам с предубеждением, афинские адвокаты обыкновенно начинали свою карьеру с того, что выступали с обвинениями против метэков.

Непривилегированные группы граждан

В городах с олигархическим строем широкие массы населения часто находились в положении, которое было немногим лучше описанного положения метэков. Они не имели политических прав, за их убийство платили меньший штраф, чем за

убийство граждан из привилегированных сословий, и т. д. С развитием городского торгово-ремесленного класса привилегии по происхождению заменяются имущественным цензом, в зависимости от которого ставится пользование политическими правами (см. законы Солона). По мере демократизации государственного строя все эти ограничения исчезают, но некоторые пережитки их сохраняются. Так, в Афинах по закону Перикла (450 г.) дети, рожденные от брака гражданина с иностранкой, не получали гражданских прав; женщины, торгующие на рынках, не имели права возбуждать процесс об обесчещении и т. д.

Уравнение в правах всех свободных граждан в одних греческих государствах и закабаление свободной бедноты в других привело к резкому разграничению Греции на два лагеря: на демократический, возглавляемый Афинами, и аристократический, возглавляемый Спартой. Внутри свободного населения каждого греческого города существовало столь же резкое расслоение: беднота в аристократических государствах стремилась к революции и зачастую искала сближения с Афинами; знать и богатые в демократических государствах становились сплошь и рядом государственными изменниками, готовыми в любой момент предательски открыть ворота и впустить в город спартанские отряды.

Обострение классовых противоречий привело к безработице, к кровавой борьбе и к массовым изгнаниям политических противников. В IV в. многие граждане греческих городов, лишившиеся заработка или изгнанные с родины, составили вооруженные шайки, которые занимались грабежом или нанимались к кому угодно на военную службу. Наемные войска быстро вытеснили гражданские ополчения. Возникновение наемного войска ускорило разложение античного государства, ибо наемный воин, не задумываясь, изменял тому государству, которое его наняло, если получал большее жалованье от врага.

2. РЕМЕСЛЕННАЯ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Горное дело

Добыча и обработка металлов — серебра, железа, меди, отчасти золота — одна из главных отраслей промышленности в разбираемую нами эпоху. Типичным образцом горных разработок в классический период могут служить Лаврийские серебряные рудники, приносившие большой доход афинскому государству и частным рабовладельцам. Число рабов, занятых в этих рудниках, точно неизвестно, но есть указание, что в Пелопоннесскую войну более 20 000 рабов перебежало от афинян к спартамцам. По всей вероятности, большинство этих перебежчиков были рабы из Лаврийских рудников.

Орудия производства в рудном деле были весьма несложны и мало дифференцированы. Изготавливались они из хорошего железа, подвергнутого закалке. Для откалывания и разбивки породы служили молот, клин и кайло. Отбитую породу подбирали железной лопатой. В архаическую эпоху пользовались открытыми разработками. В VI в. до н. э. перешли к вырубке узких и невысоких (60 см — 1 м) штолен. На рубеже VI и V в. появляются шахты — колодцы (36—119 м). Освещались шахты глиняными светильниками, горевшими 10 часов и служившими также для измерения времени. О вентиляции не заботились. Переноска отколотой руды и частью подъем ее из шахт производились вручную (для подъема пользовались также деревянными воротами и бадьями).

V век характеризуется некоторым улучшением металлургической техники. Можно указать, например, на появление плавильных печей. Эти печи наполнялись рудой, дровами и флюсами, т. е. минералами, способствовавшими плавке.

Сельскохозяйственная техника

В сельскохозяйственной технике наблюдается в V—IV вв. некоторый прогресс. Совершенствуются старые и появляются новые земледельческие орудия, например, деревянная борона, молотильная доска, деревянный или каменный каток. Удобрение навозом получает более широкое применение, наряду с ним применяются зеленое и искусственное удобрение (зола, известь). К концу эпохи начинает вводиться трехпольная система севооборота (посо — овощи — пшеница). Мельницы, появившиеся в малоазийских торговых городах уже в предыдущую эпоху, теперь распространены и на материке. Мельничное дело совершенствуется. Применяется высокий двухконусный тяговый жернов довольно сложного устройства, приводимый в движение ослом. В мельничном деле проводится разделение труда: работают рабы и рабыни под руководством надсмотрщиков, причем каждому из работающих поручается определенная часть трудового процесса.

Техника ремесла

Значительное развитие имело место в ремесленной технике. Особенно большой прогресс наблюдается в керамике. Употреблявшийся для раскрашивания черный лак отличается поразительным блеском — секрет изготовления его в настоящее время утерян. Точность и тщательность отделки в V в. значительно повышается благодаря изобретению ножного гончарного круга; теперь обрабатываемый предмет уже не нужно поворачивать рукой: при движении ноги вверх и вниз весь станок получает вращательное движение.

Характерно для этой эпохи и значительное разделение труда. Ксенофонт пишет: «В больших городах... один шьет мужские башмаки, другой — женские, а бывает и так, что один кроит, другой строчит, третий прирезывает верх, а четвертый только сшивает все вместе. Естественно, что тот, кто постоянно занимается самой небольшой частью, исполняет ее превосходно. То же самое бывает и с кухней... Один варит мясо, другой — жарит, третий варит рыбу, четвертый жарит ее, пятый печет хлеб, и притом не всякий хлеб, а только одного сорта, но зато хорошо. Очевидно, что при таком приготовлении всякая пища делается с замечательным совершенством» (Ксенофонт. Киropедия. VIII, 2, 5).

Тем не менее сколько-нибудь крупных мастерских в эту эпоху не возникает. Выгоднее было иметь несколько мелких предприятий, чем одно крупное. Отличительной чертой античного ремесла оставалось преобладание мелких мастерских: мастерская с несколькими десятками рабочих считалась уже большой. Богатый человек вкладывал лишь часть своих средств в мастерскую, остальные раздавал под проценты, тратил на покупку недвижимости и т. д. Другой причиной, препятствовавшей расширению античных предприятий, было широкое развитие домашнего производства. Хотя в V и IV вв. уже получались из-за границы не только зерно, но и материи и готовые платья, хотя зерно часто мололи не дома, а возили для помола на мельницу, — все же, как правило, в каждом хозяйстве женщины ткали, пряли и шили одежды для собственного употребления, а зерно перемалывали на жернове рабыни. Однако хлеб и рыбу приходилось покупать на рынке, и для этого необходимо было продавать оливковое масло, вино, уголь и другие хозяйственные изделия.

Большим препятствием для развития техники было вызванное рабовладельческим способом производства презрительное отношение свободных людей к грубому физическому труду. Этот труд стал уделом рабов, а поскольку в улучшении условий труда рабов граждане античных городов не были заинтересованы, нельзя было ожидать какого-либо прогресса (например, каких-либо шагов к механизации производства).

Получилось своеобразное разделение труда между свободными и рабами: к числу высококвалифицированных ремесленников относятся главным образом свободные, они гордятся этим и называют себя «мудрецами» в своем искусстве. Опытные специалисты-мастера пользуются за свой опыт и знания большим авторитетом. Для ряда отраслей теперь уже необходимо знание арифметики, геометрии, начал практической механики. Хозяева мастерских были свободными людьми и в значительной части — гражданами; по свидетельствам древних авторов, именно эти «сапожники, горшечники и кожевники» решают все вопросы в народном собрании. Там, где не требуется высокая

квалификация, работают и свободные и рабы, но так как потребности раба очень низки, то конкуренция с рабами для свободных оказывается невозможной (особенно при работе на частных лиц), и свободный труд постепенно вытесняется рабским. Наконец, в качестве чернорабочих работали только рабы, свободные шли на такую работу, только находясь в безвыходном положении. На некоторые наиболее тяжелые работы свободные вовсе не допускались по закону: так, человек, который заставил бы свободного мальчика вращать мельничный жернов, подлежал смертной казни. Рабовладельческий способ производства, таким образом, не давал возможности повышать технику ремесла выше определенного, сравнительно низкого уровня: огромное большинство рабов было чернорабочими и работали под угрозой бича, под угрозой наказания; этим людям можно было, как заметил уже Маркс, давать только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, труднее всего подвергавшиеся порче: такой рабочий с особым удовольствием портил орудия, так как работал из-под палки.

Это замечание Маркса не может, однако, относиться к квалифицированным оброчным рабам, которые назывались «живущими отдельно» и находились в более привилегированном положении; они, как правило, работали своим инструментом.³

Техника военного и морского дела

Наибольший прогресс в эту эпоху произошел в военном и морском деле. Гражданское ополчение с конца V в. постепенно вытесняется войском наемников-профессионалов, посвятивших себя с юности военному делу. Они научаются так ловко маневрировать в бою, что могут обойтись без тяжелого вооружения: панцирь теперь делается из плотного холста, а щит из кожи; главным оружием становится длинный меч, дротик и длинное легкое копье. Эти воины назывались пельтастами (от греческого *pelte* — «легкий щит»). В структуре военных кораблей также наблюдается дальнейший прогресс: теперь триера совершенно вытесняет более примитивные типы военных судов; форма и оснащение морских судов значительно совершенствуется.

³ Некоторых исследователей приводило в недоумение то, что Демосфен, исчисляя стоимость двух мастерских, оружейной и кроватной, полученных им в наследство от отца, говорит только о цене работавших в этой мастерской рабов, но ни слова не говорит о цене рабочего инструмента. Это пытались объяснить тем, что рабочий инструмент был настолько примитивен и стоил так мало, что его можно было не принимать в соображение при оценке мастерских. Но это неверно: инструментарий для изготовления оружия имел значительную ценность в эпоху Демосфена. Дело вероятно объясняется тем, что рабы Демосфена были оброчными («живущими отдельно») и работали собственным инструментом.

В конце классической эпохи начинают играть большую роль различные стенобитные и метательные орудия. Метательные орудия строятся на принципе пружины, они выбрасывают огромные камни, разбивающие стены и пробивающие ворота городов.

3. ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ

Снабжение хлебом

Основные предметы питания в передовых греческих городах — хлеб и сушеная рыба — получались главным образом из других государств, и прекращение ввоза обрекало население на голодную смерть. Необходимо было поэтому обеспечить постоянный, бесперебойный подвоз хлеба. Такой подвоз могло обеспечить лишь сильное в военном отношении государство с большим флотом и с большими экономическими ресурсами. Из государств, ввозивших хлеб, это было доступно только Афинам и Коринфу, торговым центрам, к которым сходились почти все торговые пути восточной части Средиземного моря и Причерноморья (Афины) и Италии и Сицилии (Коринф).

Чтобы представить себе размах афинской торговли, попытаемся перечислить, что ввозилось в Афины и что вывозилось из них. Прежде всего, в Афины ввозились ежегодно более миллиона медимнов (50 000 т) хлеба. Ввозилась сушеная рыба из Причерноморья, соленое мясо из Фракии и Фессалии, вино с Хиоса, сыр и фрукты, железо, медь с Кипра, строевой лес из Фракии и Македонии, слоновая кость, воск, шерсть, лен, папирус из Египта, материя из Милета, Мегар и других мест, черепица из Коринфа, кровати из Хиоса и из Милета, ковры из Персии и Карфагена, восточные ткани из Египта, благовония из Аравии и т. д. В обмен на это афиняне вывозили: оливковое масло, вино, фиги, мед, тонкую шерсть, свинец, золото, мрамор, но прежде всего посуду — как простую, так и художественную — и целый ряд других художественных изделий. Наконец, из Афин вывозились в большом количестве и книги.

С точки зрения античных правовых представлений грабить за пределами государства, а тем более в открытом море можно было безнаказанно; поэтому для обеспечения безопасности торговли необходимо было образовывать союзы государств или заключать особые договоры, возбраняющие гражданам двух государств грабить друг друга. Крупнейшим из таких союзов был Первый Афинский морской союз. Не удивительно, что этот союз, первоначально созданный для отражения персидской опасности, сохранился и после того, как эта опасность миновала, и что во главе его стали именно Афины. Основной задачей Афин было: прекратить пиратство на Эгейском море, завести флот, который был бы сильнее всех флотов государств

Эгейского моря, вместе взятых, и овладеть проливами, чтобы обеспечить регулярный подвоз хлеба из Северного Причерноморья. Характерно, что после победы Спарты над Афинами и распада Афинского морского союза на Эгейском море стали снова господствовать пираты. Ряд важнейших мероприятий Афинского государства по запрещению свободного вывоза хлеба из государств — членов союза объясняется той же его целью — обеспечить подвоз хлеба.⁴ Афинские суда имели право торговли только в том случае, если на обратном пути они привезут хлеб в Афины. Даже давать деньги в долг под обеспечение морского груза разрешалось только в том случае, если обратный груз — хлеб, направляющийся в Афины. В самих Афинах принимались энергичные меры для борьбы с хлебной спекуляцией. За ввозимым хлебом наблюдали особые должностные лица. Понятно, почему во всех больших войнах Афин V и IV вв. решительные сражения происходили на пути к черноморскому хлебу, во Фракии и проливах, и почему потеря проливов обычно быстро вела к полному поражению. Первое заседание народного собрания в каждую пританию посвящалось вопросу о снабжении Афин хлебом.

Морская и сухопутная торговля

Хлеб получался главным образом из Причерноморья, Египта и Сицилии, т. е. по морю. Этим объясняется, почему морская торговля имела в Греции гораздо большее значение, чем сухопутная. Сухопутные дороги в Греции были очень плохи, возить товары приходилось главным образом вьюком на ослах и мулах, стоимость товара в результате перевозки на большие расстояния увеличивалась в несколько раз, тогда как перевозка по морю стоила очень дешево. Ряд товаров греческие города (в частности — Афины) получали из близлежащих местностей; к таким товарам относились овощи, уголь, дрова, рыба из озер, соль, скот.

Явным преувеличением является утверждение, что сухопутная торговля была в это время в зачаточном состоянии и будто бы, если не считать товаров, ввозимых по морю, греки жили замкнутым хозяйством. Подобно тому, как в афинском порту были прекрасно устроенные пристани для проходящих судов и сооружения для склада товаров, и афинский рынок был прекрасно организован. Здесь были отдельные ряды лавок для различного вида товаров: овощной ряд, рыбный, горшечный, хлебный и т. п. Действовала хорошая рыночная полиция. Особые чиновники наблюдали за доброкачественностью товаров

⁴ О гелеспонтофилаках см. выше, с. 364.

и правильностью весов, за недопущением контрабанды и т. д. Особенно тщательно была организована хлебная торговля, были особые чиновники, которые наблюдали за тем, чтобы торговцы не прятали хлеба, не спекулировали и чтобы хлеб не продавали выше установленной цены. На афинском рынке можно было видеть, кроме жителей Аттики, мегарских и беотийский торговцев, привозивших рыбу, огородные овощи, кирпич и ремесленные изделия, в частности, из Беотии — изящные терракотовые статуэтки, называемые танагрскими. Даже хлеб частью привозился не по морю, а по суше: он переправлялся из хлебородной Евбеи на грузовых баржах через узкий Еврип, а оттуда шел сухим путем по Аттике. Правда, из более отдаленных областей товаров по суше не возили, но это объясняется отчасти тем, что перевозка на большие расстояния по морю обходилась гораздо дешевле.

Продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия, прибывавшие по суше, продавались на рынке либо самими производителями, либо мелкими торговцами. Эти полунищие торговцы, зазывавшие криками покупателя и постоянно подымавшие скандалы из-за грошей, пользовались в Афинах общим презрением (особенно торговки).

В другом положении была заморская торговля.

При дальней торговле по морю покупная цена товара значительно понижалась, если товар закупался большими партиями и перевозился на больших кораблях. Поэтому купцы, ведшие заморскую оптовую торговлю, были обычно богачами; они пользовались большим весом и уважением в обществе и задавали тон в политике демократической партии.

Ведение крупной морской торговли оказывалось часто не под силу даже очень богатым людям: приходилось вступать в торговые компании, а также брать процентные ссуды под обеспечение груза. Так как морская торговля была сопряжена с большим риском, то процент в этих случаях был значительно выше обычного.

С ввозимых и вывозимых товаров греческие государства взимали пошлины, но эти пошлины не имели целью покровительства отечественной торговле, — их целью было только повысить доходы государства. Так, афинская гавань Пирей взимала 1/50 часть со стоимости всех ввозимых и вывозимых товаров. Эти пошлины, как и все другие государственные налоги, отдавались на откуп частным лицам.

Главным конкурентом Афин был Коринф, торговавший в основном с Италией и Сицилией. Афиняне делали неоднократные попытки завладеть италийским и сицилийским рынками. Со своей стороны Коринф через свою колонию Потидею на Халкидике пытался конкурировать с Афинами в северной части Эгейского моря. Это столкновение интересов и было одной из главных причин Пелопоннесской войны.

В античности денежное обращение, кредит и «банковское дело» обслуживали в основном нужды потребления, а не расширения производства. Не только не было машин, имевших какое-либо хозяйственное значение, но орудия производства вообще не играли какой-либо существенной роли в экономике и почти не было стимулов к их усовершенствованию. Поэтому античное хозяйство в основном все же носило натуральный характер.

Чем значительнее было государство, тем выше была проба и точнее вес выпускаемой монеты. Особенно славились афинские тетрадрахмы (4 драхмы) с изображением совы на одной стороне и богини Афины на другой; они имели хождение во всем античном мире. В интересах афинской торговли афиняне запрещали членам морского союза чеканить свою монету, заставляя их пользоваться только афинской монетой. Около 425 г. афиняне выпустили неполноценную медную монету (вероятно, только для внутреннего обращения), заставляя принимать ее по цене серебряной, но это был единственный, исключительный случай. Золотой монеты греки до середины IV в. почти не выпускали, валюта была серебряной. Отношение цены серебра и меди равнялось 11 1/2: 1. Золото было в ходу почти исключительно персидское; в большом ходу были монеты Кизика из электрона (смесь золота и серебра); только со времени Филиппа начинается выпуск золотой монеты на Балканском полуострове.

Кредит

В связи с развитием торговли развивается и кредит. Из литературы V и IV вв. мы узнаем, насколько обычными были в это время денежные проценты, заемные обязательства. Очень часто это были *syngraphoi*, «синграфы», исполнительные контракты, соответствующие нынешним векселям; они писались по особой форме и регистрировались официальными учреждениями: взыскание по ним производилось без обращения к суду непосредственно судебными исполнителями, «практорами», «как если бы приговор суда уже состоялся» (*kathaper ek dikas*). Насколько широк был кредит, можно заключить из того, что проценты были сравнительно невысоки: 18 % годовых для сухопутных сделок; 12 % считалось низким процентом (столько платили государства). Когда деньги давались под морскую торговлю, процент был значительно выше — до 100%, но это объясняется большим риском, связанным тогда с морской торговлей, и тем, что кредитор становится в известной степени компаньоном судовладельца.

В связи с развитием торговли расширилось банковское дело; трапезы из меняльных контор становятся банками. Большие банки часто принадлежат не отдельным лицам, а целым компаниям. Управляющим нередко бывал вольноотпущенник, пользовавшийся доверием хозяина. Функции банков были разнообразны: прием денег на хранение (не только от частных лиц, но и от государства), отдача денег под проценты, переводные операции и т. д. Банковские переводы имели большое значение, так как перевозка денег по морю была сопряжена с большим риском. Банкиры имели своих контрагентов и доверенных лиц в самых различных греческих городах. Уже к концу изучаемой нами эпохи, как мы узнаем из Демосфена, начинают входить в употребление безналичные жирообороты и документы на предъявителя, получившие широкое распространение в эллинистическую эпоху.

Наиболее крупными банками были в античности храмы. Так, в Дельфийском храме хранились капиталы Лисандра, в Тегейском — ряда других спартиатов. Из надписей, найденных на острове Делосе, мы узнаем, что Делосский храм давал деньги под проценты как делосским гражданам, так и иностранцам.

4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Все указанные особенности резко противопоставляют развитое античное общество предшествовавшему — «гомеровскому» — и последующему — феодальному. Несомненно, эти черты внешне несколько напоминают соответствующие черты в капиталистическом обществе. Это и дало повод Эд. Мейеру, Р. Пельману и другим буржуазным историкам конструировать циклическую схему — схему исторического развития с постоянно повторяющимися «капиталистическими» и «феодальными» эпохами; однако элементы внешнего сходства, вызванного различными процессами общественного развития, не дают права для такой модернизации.

В основной своей сущности античное общество имеет мало общего с капиталистическим. Определяющими моментами античного общества были наличие рабства и отсутствие машин. Существование дешевого рабского труда делало невозможным сколько-нибудь быстрый прогресс техники, а на определенных этапах делало его вообще невозможным. Свободный наемный труд играл второстепенную роль.

Несмотря на высокое развитие кредита, торговли, несмотря на сильные элементы товарного хозяйства, на разделение труда и высокую технику ремесла, отсутствовало то, что наиболее характерно для капитализма, — машины, дающие возможность

путем технических усовершенствований повышать прибавочную стоимость. Раб при отсутствии машин мог выработать только определенное небольшое количество товара, большая часть стоимости которого должна была расходоваться на пропитание самого производителя, как бы скудно оно ни было. Единственным способом увеличить доход рабовладельца была покупка большего числа рабов.

5. БЫТ

Частные жилища

В классическую эпоху частное жилище, как и в эпоху архаическую, все еще было очень простым по сравнению с общественными зданиями. Точно так же и частный быт отличался еще простотой. Только в IV в. начинает проявляться стремление к роскоши в частном быту. План жилища стал значительно сложнее. Перед входной дверью теперь строили обыкновенно ограду. Между этой оградой и входной дверью находилось свободное пространство. Стены по обе стороны от входных дверей часто покрывались рисунками, здесь же помещались изображения богини Гекаты и бога Гермеса. Направо и налево от входа помещались конюшни и лавки. Перед дверью висел тяжелый молоток; желавшие войти стучали этим молотком в дверь; на стук выходил раб-привратник, которого можно было в это время видеть во всех зажиточных домах. Пищу уже не готовят на алтаре Гестии, богини очага, а устраивают особую кухню. В богатых домах были также баня и пекарня. Обычно в эту эпоху дома имеют два этажа, в верхнем этаже либо помещаются женщины, либо он сдается внаймы. Были в Афинах также трехэтажные дома.

С IV в. богатые дома начинают художественно отделяться изнутри. Стены покрываются живописью, бронзовыми накладками и даже украшениями из золота и слоновой кости. Входят в моду ковры, мозаичный пол, портьеры, лепные украшения и пестрые потолки. Значительно совершенствуется и мебель. Повсюду появляются ложа с резными ножками в виде звериных лап с инкрустациями; на этих ложах возлежат за обедом по двое. Изящно отделываются и столы, имевшие высоту ложа. На них ставилась только пища, так как при чтении и письме папирусные свитки держали обыкновенно на коленях. С V в. входят в моду изящные масляные светильники в виде лодки.

Костюм

Резкая перемена произошла в костюме. Теперь верхняя одежда уже не обтягивала форм. Поверх хитона (рубашки) набрасывается гиматий — большой четырехугольный кусок ма-

терии, который перекидывался подобно плащу через плечо и свисал свободно. Античные франты придавали большое значение тому, чтобы плащ падал красивыми естественными складками. Гиматий делался из шерсти и был одноцветным. Более разнообразными были женские моды. Женский гиматий (так называемый пеплос) набрасывался через голову. Модницы носили платья из прозрачной ткани и фальшивые волосы: они белились, красились и носили обувь на высоких каблуках, что вызывало возмущение добродетельных мужей, желавших, подобно Ксенофону, чтобы их жены одевались «просто и прилично».

Обед

Обеды в эту эпоху в богатых домах были очень длительны и отличались роскошью. При входе гости снимали обувь, рабы омывали им ноги и подавали воду для омывания рук. Ни вилок, ни ножей, ни даже ложек не было; вместо ложек обыкновенно пользовались выдолбленной хлебной коркой. Обед состоял из нескольких блюд; затем подавали вино, орехи, фрукты. За обедом играли флейтистки, декламировались стихи, велся светский и научный разговор. В богатых домах кушанья изготовлялись специалистами-поварами. С V в. начали входить в моду теплые бани, вызывавшие возмущение у людей старого закала.

Воспитание

Значительные изменения произошли и в воспитании. По достижении совершеннолетия юноши, так называемые эфебы, проходили специальное военное обучение: учились гимнастике, стрельбе из лука, метанию дротика и т. д. Перед началом занятий эфебы приносили в храме клятву. По истечении первого года они получали в народном собрании щит и копье. В порядке дальнейшего обучения эфебы несли гарнизонную службу. Юноши из аристократических семей получают теперь высшее образование у софистов и учителей красноречия.

Жены и гетеры

Афинская женщина, воспитанная в гинекее и обученная только тканью, прядению и домашнему хозяйству, сплошь и рядом не удовлетворяла духовных запросов мужа. Теперь становится обычным фактом, что мужчины, помимо семьи, сближаются с так называемыми гетерами. Большей частью это были иностранки или рабыни, отпущенные на волю. Многие из них были богаты, изящны, остроумны и гораздо более культурны и развиты, чем афинянки. Иногда временные сближения

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

с подобными гетерами переходили в прочную связь на всю жизнь. Так, Перикл развелся со своей женой, и, бросая вызов взглядам афинского общества, женился на гетере, милетянке Аспасии. Она была исключительно образованной женщиной и стала во главе кружка, объединившего все лучшие умы Афин. Любопытно, что в кружок Аспасии входили и женщины. Это было таким неслыханным вызовом афинским общественным нравам, что Аспасию обвиняли в сводничестве.

**1. БОРЬБА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ**

Древняя Греция была не единым государством, а рядом рабовладельческих государств; отношения между отдельными ее частями складывались поэтому как «международные» (правильнее, как межполисные) отношения. Это, конечно, не исключало возможности общеэллинской солидарности между отдельными социальными группами, — явление, которое напоминает международную классовую солидарность в национальных государствах нового времени. Правда, тут необходимо сделать одну оговорку. Государства Эллады были рабовладельческими государствами; основными антагонистическими классами в них являлись рабы и свободные. Между тем случаев общеэллинских восстаний рабов, которые усилили бы классовую солидарность по этой линии, мы в классической Греции еще не встречаем: рабские восстания широкого масштаба присущи только истории Рима.

«Международная классовая солидарность» классической Греции — это солидарность между однородными социальными прослойками рабовладельческого класса в различных городах-государствах.

Уже вскоре после 479 г. спартанский регент Павсаний и его группа действуют заодно с Фемистоклом, тогда как афинский правитель Кимон сплошь и рядом руководится указаниями спартанского правительства в ущерб интересам его собственного государства. С середины V в. Греция как бы распадается на два лагеря. Аристократы в Афинах и в других демократических государствах, состоя в постоянных тесных сношениях со Спартой, тайно интригуют против своих правительств, готовые в любой момент отворить врагу ворота и впустить его в город. Они радуются, когда их государство терпит поражение, возбуждают коварные процессы против полководцев-победителей и т. д. Совершенно так же поступают сторонники демократической партии в Пелопоннесе, не говоря уже о бесправных группах населения, например, илотах, которые устраивают восстания при каждом несчастье, постигающем их государство, когда сила правительства ослаблена.

Чрезвычайное обилие материала, иллюстрирующее это положение вещей, — значительная часть его приведена во всех

предыдущих главах, — избавляет нас от необходимости сопоставлять его здесь. Сошлюсь только на двух достаточно авторитетных современников — Фукидида и автора псевдоксенофоновой «Афинской политики».

Фукидид (I, 19) пишет: «Лакедемоняне заботились только о том, чтобы у их союзников, как и у них, был олигархический строй правления». И не только у союзников: придя в сентябре 417 г. во враждебный им Аргос, «лакедемоняне свергли здесь демократию и установили любезный их сердцу олигархический строй» (V, 81). Он делает обобщение: «Повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем сторонники первой призывали афинян, а сторонники второй — лакедемонян» (III, 82, 1).

Поэтому и стала возможной попытка изображать всю античную историю, как борьбу демократии с олигархией без учета государственных границ. В таком смысле, в сущности, и трактует эту историю уже упомянутый автор «Афинской политики»: «Благородные из Афин защищают благородных в союзных государствах, понимая, что это выгодно им самим» (I, 14). «Демократы людей из народа в союзных государствах поддерживают, а их противников уничтожают» (I, 16). «Афиняне всегда находятся в опасности, что будут открыты ворота и ворвутся враги... Если поднимают восстание, восстают в расчете на помощь врагов» (II, 15). «Афиняне принимают сторону демократов в государствах, где происходит междоусобная борьба... Подобный подобному всегда друг» (III, 10). Отсюда автор делает общий вывод: «Сколько раз ни пробовали (афинские демократы) заступиться за благородных, это не шло им на пользу» (III, 11) и, наоборот, «кто, не принадлежа к простонародью, предпочитает жизнь в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (II, 20).

Разумеется, такой подход к античной истории не мог иметь успеха в традиционной академической науке XIX в., где при исследовании античных международных отношений классовая борьба заслонялась расово-национальными соображениями. Одним из немногих исключений был Германн Мюллер-Штрюбинг, эта белая ворона в лагере академических ученых — один из самых блестящих немецких филологов, испытавший холодное недоброжелательство и дружное замалчивание со стороны как немецкой, так и английской ученой касты. Мюллер-Штрюбинг пытался рассматривать всю историю V в. не как борьбу государств, а как борьбу двух социальных прослоек: демократии и аристократии. Так, например, он писал: «Нетрудно показать, что уже в Еврейском восстании, как и во всех более поздних (в восстаниях на Самосе, в Митилене и т. д.) можно про-

щупать деятельность комплота организованных во всех греческих городах и государствах групп знати, которые постоянно устраивали заговоры против афинского могущества, т. е. против демократии... Во всей афинской истории от Клизфена до архонтата Евклида (403 г.) можно обнаружить все ту же непрерывно ткущую сеть; постоянный заговор знати, свергнутой с вершины ее прежнего могущества, — вот тот ведущий, движущий момент истории, та «красная нить», которая снова и снова выступает на поверхность».

Примеры соединения классово-противоположных групп

При такой трактовке, однако, остается необъяснимым целый ряд фактов. Уже в 510 г. Спарта действует заодно с демократической группой Алкмеонидов. Тот же анонимный автор «Афинской политики» должен признать, что были случаи, когда афинская демократия поддерживала аристократов в союзных городах, например, в Милете, в Беотии, или спартанцев в 463 г. во время восстания илотов. Перед Пелопоннесской войной демократические Афины поддерживали аристократов в Керкире и Эпидамне, а аристократический Коринф — демократов. Победа беотийской демократии в битве при Левктрах в 371 г. вызвала уныние и тревогу в Афинах; с этого момента Афины все более сближаются с аристократической Спартой, и в 362 г. в битве при Мантинее они сражаются рука об руку с ней против демократической Беотии. Очевидно, объяснять античные войны только борьбой демократии с аристократией невозможно.

2. БОРЬБА ЗА ПУТИ К ХЛЕБУ И РАБОЧЕЙ СИЛЕ

Рабовладение — специфическая черта античной экономики

Эти на первый взгляд противоречивые явления объясняются прежде всего тем, что уже в V в. греческие полисы не были автаркичны, не могли сами себя обслуживать и для своего существования нуждались в ввозе предметов питания и в особенности рабов.

Греческий полис только на очень примитивной стадии развития мог существовать обособленно от остального мира и сам себя обслуживать. Уже очень рано пришлось убедиться, что проблема относительного перенаселения в ряде греческих государств со скудной почвой и ограниченными экономическими возможностями не может быть разрешена путем колонизации и систематического грабежа соседей.

I Müller-Strübing H. *Aristophanes und die historische Kritik.* Leipzig, 1874. S. 86, 239.

Когда в греческих государствах вследствие внутренних потребностей появилось ремесло, а следовательно, и ремесленная продукция (а особенно тогда, когда опыт колонизации показал, что эта продукция может иметь выгодный сбыт не только в греческих, но и в варварских государствах), получила широкие размеры международная торговля, дававшая возможность в обмен на предметы своего производства получать предметы первой необходимости — сначала только хлеб и сушеную рыбу и т. п., а затем также во все возрастающем числе и рабов. Предметами вывоза могли быть в сельском хозяйстве вино, оливковое масло и т. д., в городском хозяйстве — ремесленные изделия. И то и другое для этого должно было производиться в количестве значительно большем, чем нужно для собственных потребностей; при отсутствии усовершенствованных орудий труда и низкой его производительности это приводило к необходимости добывания рабочей силы, требующей минимальных расходов для своего воспроизводства. Все это ускорило развитие рабства в его характерной античной форме.

Ввоз хлеба

В тех греческих городах (пример — Афины), в которых население перешло к разведению трудоемких сельскохозяйственных растений и к ремесленной деятельности, естественно все меньшая часть населения продолжает заниматься хлебопашеством. Возникает необходимость в регулярном ввозе хлеба; всякого рода перебои и перерывы в этом ввозе ведут к голоду. Обеспечение регулярного ввоза хлеба становится центральной проблемой государственного хозяйства.

Для государств малоазийского побережья и Афин самым удобным хлебным районом, с которым можно было наладить правильное бесперебойное сообщение по морю, было Северное Причерноморье. Основным средством для этой цели было овладение проливами, ведущими к Черному морю. Отсюда огромное значение проливов в истории Греции разбираемого периода, и вполне оправданной является попытка дать картину международных отношений² греческой истории под углом зрения борьбы за проливы.

Борьба за проливы

Мы видели уже, что, как только Лидийское государство закрыло ионийским купцам непосредственный доступ в Перед-

² См.: Miltner Fr. *Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte// Кlio. Bd. XXVIII. 1935.* — Я обратил внимание на значение проливов и говорил об этом в своих лекциях значительно раньше появления в свет статьи Мильтнера.

нюю Азию, они, стремясь обойти эту преграду и расчистить себе путь к хлебу (в этом случае уже — к черноморскому), захватили Абидос и оттуда проникли в Пропонтиду, где основали Кизик.

В этом движении к Черному морю приняли участие самые различные греческие государства, испытывающие нужду в привозном хлебе. Мегарский Византий при входе в Черное море, прежде чисто земледельческая колония, превращается в один из ключевых пунктов античной торговли. Выступают на сцену главные конкуренты Милета: Фокея основала рядом с Абидосом Лампсак, Самос основал Перинф на северном побережье Пропонтиды.

Афиняне также уже рано начинают понимать, какое огромное хозяйственное и политическое значение имеет обладание проливами как в смысле получения хлеба, так и для постоянного подвоза рабов, необходимых для развития рабовладельческого хозяйства. Овладение обоими берегами Дарданелл было центральной проблемой внешней политики Писистрата. В середине VI в. с его помощью Мильтиад Старший захватывает значительную часть фракийского Херсонеса и удерживает его, несмотря на ожесточенное сопротивление Лампсака, сразу понявшего, какую огромную опасность для его торговли представляет растущее могущество Афин в районе проливов. Таким образом западный берег Геллеспонта был обеспечен за Афинами.

Борьба с Митиленой на Лесбосе за восточный берег Геллеспонта началась с огромным напряжением уже с начала VI в., причем в этой борьбе участвуют такие видные митиленские деятели, как Питтак и Алкей, и обе стороны мобилизуют своих ученых и поэтов для доказательства своих исторических прав на это побережье. Только к концу правления Писистрата Сигей, сторожащий подступы к этому побережью, был окончательно захвачен афинянами.

Как лидяне, так и пришедшие им на смену персы, не имевшие в первое время своего флота, не могли препятствовать свободному общению малоазийских греков и Афин с Понтом; поэтому малоазийские греки без всяких протестов признавали верховную власть сначала Лидии, а затем Персии. Положение существенно изменилось, когда Камбиз перешел к политике поддержки финикийского флота и когда Дарий занял оба берега Геллеспонта и закрыл свободное морское сообщение Малой Азии с Понтом. И не случайно ионяне, которые в течение почти двух столетий спокойно сносили чужеземное господство, наслаждаясь высоким экономическим и культурным расцветом, теперь вдруг начинают считать это чужеземное иго невыносимым и организуют большое восстание; разумеется, если бы речь шла не о хлебном снабжении, было бы во всех отношениях удобнее начать это восстание раньше, пока Персидское

государство еще не окрепло. Характерно также, что из городов материковой Греции к этому восстанию примкнули только те государства, которые были заинтересованы в проливах, — Афины, хлебное снабжение которых было поставлено под угрозу, и Эретрия, чрезвычайно близкая связанная с торговлей Милета. Не менее характерен также тот отмеченный нами факт, что одним из первых шагов восставших был захват Византия, и наоборот, в усмирении восстания особую роль играет захват лесбосских владений и Византия, для каковой цели Дарий специально отражает из Суз Гистию.

После сказанного понятно также, что после того, как грекам удалось разбить персов при Платеях и Микале в 479 г., Спарта устранилась от дальнейшего участия в войне с Персией, как она и прежде не приняла участия в ионийском восстании: она не снабжалась из Понта и не была заинтересована в проливах. Обладание Византием сразу же становится одной из главных задач Афинского морского союза. Договор 447 г. обязывает персидского царя не выплывать со своим флотом на запад — за Ласточкины острова и Фаселиду на южном берегу Малой Азии и за Кианейские скалы к востоку от северного входа в Боспор, иными словами, те пути, по которым шел хлеб в Афины — Пропонтида и оба подступа к ней, Боспор и Геллеспонт — были объявлены запретной зоной для персидских военных и полувоенных кораблей и оказались в исключительном владении афинского флота.

Какое значение придавали афиняне этому господству в проливах, видно из того, что специальные должностные лица — геллеспонтофилаки — сидели в Византии и наблюдали самым придирчивым образом за вывозом хлеба из портов Черного моря — на провоз хлеба надо было испросить у них особое письменное разрешение. С другой стороны, об этом же свидетельствуют различные торговые договоры того времени, в которых афиняне принуждали своих контрагентов идти на крайние уступки под угрозой закрытия проливов и приостановки подвоза хлеба в эти города. Так, Македония должна была доставлять весь корабельный лес в Афины, Кеос был обязан доставлять в Афины сурик, который был лучшим во всем Эгейском районе, а боспорские властители должны были предоставлять Афинам не только право первыми грузить, но также свободу от таможенных сборов для вывозимого в Афины хлеба. Афиняне могли заставить их выполнить это, хотя они и были уже должны боспорцам много денег, так как они могли при сопротивлении боспорцев просто закрыть всякий вывоз из Черного моря.

Мы видим, таким образом, что Афины достигли высшего развития своего могущества, господствуя над этой дорогой, связывающей Черное море с Эгейским. Опираясь на это исключительное положение, Афины могли во время Пелопоннес-

ской войны долгие годы сопротивляться значительно превосходившим их силам противника, хотя вся Аттика вокруг Афин была опустошена, и здесь нельзя было успешно заниматься ни земледелием, ни другими видами сельского хозяйства. Даже ужасное поражение и катастрофа в Сицилии не могли сломить силы Афин, ибо они все еще могли своими судами охранять проход через проливы. В конце концов, противники Афин обратили на это внимание и направили свои атаки именно на этот пункт. Уже в 411 г. Деркилиду удалось фактически осуществить вторжение в проливы, правда, не без щедрой персидской поддержки — и положение в Афинах сейчас же приняло опасный оборот; после этого в Афинах пошли на большие уступки. Только благодаря такому положению дел Алкивиаду удалось снова добиться в своем родном городе почета и уважения; причина этого была в том, что он в начале 410 г. опять добыл проливы своему отечеству. Как высоко этот успех расценивался в Афинах, мы можем увидеть из того, что с того момента, когда проливы были опять захвачены, афиняне перестали и думать о мире, хотя положение для них в общем было неблагоприятным: Афины имели против себя всю Элладу и Персию, государственная касса была почти исчерпана, флот в незавидном состоянии, враг стоял непоколебимо под Афинами и при всем том был готов пойти на сравнительно сносные условия мира. И тем не менее Афины чувствовали себя непобедимыми, владея дорогой в Понт.

Но когда затем Спарта после битвы при Эгоспотамах окончательно завладела проливами, Афины должны были тотчас покориться любому требованию Спарты. Афины не были побеждены после битвы при Делии, не были покорены после несчастий в Сицилии, не были принуждены к сдаче после потери фракийских и македонских владений, сила их сопротивления не была парализована и в результате отпадения союзников: падение Афин наступило лишь тогда, когда они потеряли проливы.

Византий и проливы долгие годы оставались в руках спартанцев.

Как только Афины кое-как оправались от потрясений Пелопоннесской войны, все их усилия в области внешней политики были обращены на возвращение своего прежнего положения в проливах и на приобретение Византия. Только приобретя вновь эти позиции, Афины могли в 392 г. выступить с успешным сопротивлением первой попытке Спарты добиться мира, гарантированного Персией. Однако Спарта сделала из исхода Пелопоннесской войны правильный вывод и тотчас же атаковала Афины в их геллеспонтских позициях. Когда Антиалкиду после нескольких как стратегически, так и тактически очень хорошо проведенных морских сражений удалось завладеть проливами, Афинам пришлось также присоединиться к цар-

скому миру 386 г. И этот царский мир восстановил в существенных чертах отношения в том виде, в каком они были до скифского похода Дария в 513 г. Таким образом, малоазийский берег опять оказался во владении персидского государства, европейский же в руках различных греческих государств, обособленных друг от друга, согласно пункту об автономии, сохранившемуся в царском мире.

Почти столетие борьба Афин за исключительное владение путем через проливы оказалась безрезультатной: дело снова вернулось к исходной точке. Но Афины теперь не имели уже сил, чтобы возобновить борьбу. Осторожное лавирование и осмотрительность дипломатии должны были возместить то, чего не в силах была создавать военная сила. Конечно, жизнь Афин — как культурная, так и материальная — еще в IV в. находилась на высоком уровне; однако о том расцвете, которого Афины достигли в V в., владея проливами, теперь им нельзя уже было мечтать.

Такова в несколько схематизированном виде картина борьбы за проливы, нарисованная Мильтнером. Было бы, однако, ошибочно сводить всю историю Греции в интересующую нас эпоху к борьбе за проливы и не усмотреть других явлений, которые являлись движущими причинами в международной борьбе греческих государств классического периода.

3. ПРИНЦИП «МЕЖДУНАРОДНОГО РАВНОВЕСИЯ»

Большой опыт запутанных международных отношений между древними полисами уже рано сделал очевидным, что для победы в борьбе за жизненные ресурсы государства недостаточно усилий, непосредственно ведущих к цели: все эти усилия в одну прекрасную минуту могут быть сведены к нулю агрессивным государством, которое тем или иным путем окажется сильнее остальных, вместе взятых, и сможет диктовать свою волю всем прочим. Необходимо было обеспечить себя от такого рода неожиданностей. Для этого нужно было зорко следить за другими государствами и не допускать, чтобы какое-либо из них чрезмерно усилилось. Уже в античности, поэтому, пользовался большой популярностью принцип, который мы могли бы назвать «принципом международного равновесия». Простое чувство самосохранения заставляло заботиться о том, чтобы ни одно из соседних государств не могло усилиться настолько, чтобы оказаться сильнее коалиции всех его соседей, вместе взятых; в этом случае в античности часто наступало характерное для рабовладельческих демократий явление, называемое «гегемонией», когда одно государство достигало возможности жить паразитически на счет своих соседей, вернее, — переложить бремя кормления своих безработных сограждан со своих плеч на плечи соседей. Вся греческую исто-

рию часто изображают как смену гегемоний: спартанской, афинской, беотийской и т. д. Если такое изображение и схематично, то нельзя отрицать того, что страх перед возможностью возникновения такой гегемонии имел очень большое значение в международной политике греческих государств.

Формулировка принципа «международного равновесия»

У Фукидида (I, 23, 5) читаем: «Истиннейший повод (Пелопоннесской войны), хотя открыто и не высказываемый, заключался в том, как я полагаю, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам».

Из позднейших замечаний Демосфена и Полибия, основанных на теориях классической эпохи, нетрудно убедиться, что мы здесь имеем дело не с своеобразной конструкцией Фукидида, а с общим местом античной дипломатической науки.

В самом деле, Демосфен замечает: «Я вам приведу один из общеизвестных примеров. Вы знаете, что нашему государству полезно, чтобы ни фиванцы, ни лакедемоняне не были сильными, но чтобы фиванцы имели противников в лице фокидцев, а лакедемоняне — в лице других племен, ибо при таком положении дел мы окажемся самыми сильными и сможем жить безопасно... Ведь трения между этими народами и подозрительность их друг к другу являются наилучшим и прочнейшим обеспечением безопасности из всех возможных» (Демосфен. XXIII, 102).

Отметим, что в этом месте Демосфена речь идет не о Фивах и не о Спарте, а об отдаленном Херсонесе; Фивы и Спарта приводятся только как один из популярных примеров, чтобы иллюстрировать общеизвестный принцип международного равновесия (*paradeigma gnogimon pasin*).

В другом месте Демосфен считает (с точки зрения принципов международной политики) «логичным и справедливым» (*ouk alogos oud'adikos*), чтобы афиняне в интересах международного равновесия поддерживали даже нарушителей международного права, если только они выступают против тех государств, усиление которых угрожает международному равновесию: «Я знаю прежде всего ваше настроение: вы хотите, чтобы дело окончилось благополучно для фокидцев, хотя вы и видите, что они поступили вопреки праву; что же касается фиванцев, то, какая бы беда ни стряслась с ними, вы радуетесь. И ваше озлобление против них логично и справедливо: ведь после удаче при Левктрах они не проявили умеренности» (XVIII, 18), т. е. усилились настолько, что стали угрожать международному равновесию.

Это — общее место античной дипломатической науки. Еще много времени спустя прекрасный знаток греческой историографии, эллинистический историк Полибий замечает, что

нельзя допускать, «чтобы усиливающемуся (государству) была предоставлена свободная возможность без труда осуществить свои замыслы... Никогда не следует смотреть сквозь пальцы на подобные вещи, и нельзя никому позволять достигать такого могущества, чтобы невозможно было мешать ему нарушать общепризнанные правовые нормы» (Полибий, I, 83, 4).

В свете этих мест мы должны будем по-новому подойти и к следующему свидетельству Фукидида об Алкивиаде:

«Алкивиад советовал Тиссаферну не очень торопиться с окончанием войны (между афинянами и лакедемонянами) и отказаться от желания представлять одному и тому же государству владычество и на суше и на море... но рекомендовал допустить разделение владычества между двумя государствами—тогда царь будет иметь возможность поднять одно из них против другого, если это последнее будет враждебно ему. Напротив, говорил Алкивиад, если господство на море и на суше будет в одних руках, царь... вынужден будет вступить... в решительную борьбу с большими издержками и опасностями» (Фукидид. VIII, 46).

Эти слова до сих пор обычно понимали как стремление Фукидида охарактеризовать предательство и беспринципность Алкивиада. Скорее следует думать, что Фукидид выводит здесь Алкивиада преподающим Тиссаферну азбучные истины античной дипломатической науки: нельзя дать слишком усилиться одному из соседей; в случае угрозы захвата одним из них преобладающей роли, необходимо поддерживать и разжигать вражду между ними, чтобы максимально ослаблять их.

Внешняя политика Афин в 479—362 гг.

Рассмотрим с точки зрения этого античного принципа международного равновесия внешнюю политику Афин между 479 и 362 гг.

Победа над персами в 479 г. дала явное преобладание Спарте, руководившей борьбой с врагом и бывшей главным виновником последней победы при Платеях. Союз греческих государств (Эллинский союз) стал расширенным Пелопоннесским союзом, в котором Спарта была фактически хозяином. Вся северная и средняя Греция, подчинявшаяся во время войны Персии, стала по существу сферой спартанского влияния, тем более, что большинство городов этой области не имело городских стен. Спарта запрещала этим городам возводить стены, собиралась даже выселить жителей городов, бывших на стороне Персии, и т. д. Международное равновесие было явно нарушено, и возглавляемые Фемистоклом руководящие группы в Афинах, несомненно выражавшие точку зрения широких кругов населения, начали всячески противодействовать своему бывшему союзнику и соратнику, проливавшему вместе кровь

на полях битв с персами: они, как можно думать, завязывали сношения с теми же персами, только что угрожавшими покорить себе Грецию.

Эти действия афинян произвели должное впечатление на спартанцев, и партия, игравшая одно время ведущую роль в Спарте и возглавлявшаяся геронтом Гетэмаридом,³ пошла на компромисс: был произведен раздел сфер влияния, и впервые в Греции была установлена система афино-спартанского дуализма. Спарта сохранила ведущую роль в северной и средней Греции; зато Эгейское море было признано сферой афинского влияния, и афинянам была предоставлена возможность организовать союз лежащих здесь государств под своим руководством (Делосский союз). С другой стороны, в Афинах сторонники борьбы с руководящей в Спарте группой, возглавляемые Фемистоклом, были устранены с ведущих постов; ведущая роль перешла к сторонникам и поклонникам Спарты, к аристократической группе, возглавляемой Аристидом и Кимоном.

Блестящие победы аристократа-лаконофила Кимона непомерно увеличили мощь Афин. Кимон присоединил к Афинам все фракийское побережье вплоть до Македонии, где сходились сферы афинского и спартанского влияния. В это время в Афинах господствовал умеренный, угодный Спарте режим, и у власти стояли люди, наиболее желательные для спартанцев. Македония с ее корабельным лесом не представляла большого экономического интереса для Спарты; вдобавок и сам Кимон в угоду Спарте не пожелал использовать представлявшуюся ему возможность завоевать Македонию. Тем не менее, Спарта сочла, что международное равновесие нарушено, и в 465 г. обещала Фасосу, отложившемуся от Афин, вооруженную помощь.

После нескольких лет все усиливающейся напряженности отношений в Афинах в 461—460 гг. произошел политический переворот: у власти стал враг Спарты Перикл, и началась длительная война с Пелопоннесом. Спартанцы отказывались признать Афинский морской союз; афиняне захватили среднюю Грецию и даже ряд мест в Пелопоннесе, вторгаясь в сферу влияния спартанцев. После ряда успехов и неудач той и другой стороны в 445 г. был заключен Тридцатилетний мир на основе взаимного признания тех же сфер влияния, которые были установлены в 478 г. Спарта молчаливо признала Афинский морской союз. Снова была восстановлена система афино-спартанского дуализма.

Это соглашение было, однако, временным компромиссом: между борющимися сторонами продолжала господствовать атмосфера недоверия. Попытка афинян (приблизительно

³ Диодор. XI, 50, 6—7.

в 444—443 гг.) созвать общегреческий конгресс, который создал бы организацию для мирного разрешения международных споров, встретила резкое сопротивление и была сорвана Спартой, справедливо считавшей, что фактически эта организация приведет к нарушению международного равновесия в пользу Афин. Да и рядовые афиняне, проливавшие свою кровь на полях сражений в течение четырнадцати лет, неохотно шли за своим правительством по пути нарушения международного равновесия, угрожающего новой войной. Вывод Периклом в 443 г. крайне важной политически и экономически афинской колонии Фурий в хлебодородную Италию, находившуюся фактически в сфере пелопоннесского влияния, не получил поддержки большинства народного собрания: на 443-й год Перикл не был избран стратегом, а на его место был избран лаконофил, вождь аристократов Фукидид из Алопеки. Колония была преобразована в общегреческую, преобладающую роль в ней получили пелопоннесцы, и вся затея Перикла была, таким образом, сорвана.

Однако же распространение Афин на запад и на Фракийское побережье в создавшемся положении стало уже для них экономической необходимостью. Договор с Эгестой, а затем вмешательство в керкирские дела, невыносимое для Мегар экономическое давление и попытка окончательного устранения влияния коринфян на фракийском побережье — все это резко нарушило международное равновесие и привело к Пелопоннесской войне.

В данном случае основную роль играла, конечно, борьба за рынки, но этого нельзя сказать о последующих событиях. Нарушившее международное равновесие экономическое и стратегическое усиление Афин естественно внушало наибольшие опасения соседям Афин — Беотии и Коринфу. Как мы узнаем из Ксенофонта и «Оксиринхского историка»¹ Фивы и Коринф вели войну на стороне Спарты с исключительной энергией и ожесточением, а в 404 г., после полного поражения и безоговорочной капитуляции Афин, требовали разрушения города, порабощения и истребления его жителей. Однако Спарта на это не пошла, так как уничтожение Афин и передача их территории их соседям — Беотии и Коринфу — создали бы новую систему международного равновесия: только на место Афин стали бы Беотия и Коринф, а партия, господствовавшая в Спарте, стремилась теперь уже не к равновесию, а к своему господству в Греции. Зато соображения международного равновесия легли теперь в основу политики Беотии и Коринфа и вызвали неожиданное резкое изменение их позиции; в Беотии политические правами продолжала пользоваться та же общественная группа — «тяжеловооруженные», — иными словами состоятельные землевладельцы; никаких изменений в политическом строе также не произошло. Тем не менее, руководителями стали сто-

ронники Афин и враги Спарты. Несмотря на протесты и угрозы Спарты, фиванцы дали убежище бежавшим из Афин политическим эмигрантам — демократам. Когда афиняне в 403 г., благодаря поддержке политической оппозиции в Спарте, снова получили независимость, беотийцы сблизились с ними. Сходные события произошли и в Коринфе, и в 395 г. Афины, Беотия, Коринф и ряд других государств заключили военный союз и вступили в открытую борьбу со Спартой (Коринфская война); на стороне этого союза сражались и персы, обеспокоенные нарушением международного равновесия в пользу Спарты.

Спарта вышла из тяжелого положения только благодаря тому, что и теперь (как и раньше, в 412 г.) перетянула на свою сторону Персию, признав всех малоазийских греков сферой неограниченного персидского влияния. «Царский мир» 386 г., принятый на конгрессе в Сузах под давлением Персии, внешне представлял собой торжественное провозглашение принципов международного равновесия (все государства, малые и большие, совершенно независимы; всякого рода союзы государств воспрещаются; споры должны разрешаться мирным путем), но фактически этот мир привел к резкому нарушению международного равновесия в пользу Спарты: Спарта стала теперь хозяйничать не только в Пелопоннесе, но и в средней Греции, и в Фессалии, и Халкидике: она стала производить олигархические перевороты, ставить в города свои гарнизоны. Такой переворот был произведен в Фивах в 383 г.

Это нарушение равновесия повело к новому сближению Афин с Фивами. На этот раз уже афиняне дали приют политическим эмигрантам из Фив и оказали военную помощь подготавливавшемуся революционному перевороту, происшедшему затем в 379 г. в Фивах. У власти здесь стала радикально-демократическая партия, принявшая полностью программу афинских демократов; в Беотии был введен централизованный демократический строй, копировавший афинские демократические порядки. Естественно, что оба государства тесно сблизились между собой для борьбы с всемогущей Спартой: Фивы вошли во Второй Афинский морской союз, организованный для борьбы со Спартой.

Фивы быстро усилились: они не только восстановили Беотийский союз на базе демократической централизации, но и присоединили к союзу Платеи, хотя и населенные беотийцами, но экономически тяготевшие к Афинам; жители Платей были изгнаны, а Афины дали им приют. Фиванцы совершили также опустошительный поход на дружественную Афинам Фокиду и подчинили ее своему влиянию. Вся средняя Греция, входившая во Второй Афинский морской союз, постепенно становилась фактически сферой влияния Беотии. Несмотря на близкую дружбу афинян с фиванцами и одинаковый политический

строй, афиняне чувствовали, что международному равновесию снова стала угрожать серьезная опасность, на этот раз со стороны Фив.⁴

Поэтому по почину Афин между воюющими со Спартой греческими государствами снова начинается агитация за мир со Спартой на основе «Царского мира» 386 г.⁵ Этот общегреческий мир и был заключен в 371 г. на конгрессе в Спарте; из него исключены были только Фивы, так как они отказывались распустить Беотийский союз, что, по мнению спартанцев, было нарушением «Царского мира». Спарта стала готовиться к карательному походу на Беотию.⁶

Мирный договор между Афинами и Спартой следует рассматривать скорее как превентивную меру, чем как акт, враждебный Фивам; в демократических массах Афин и среди радикальных общественных деятелей симпатии к Фивам были еще достаточно сильны; с другой стороны, спартанцы и теперь, как и прежде, пользовались заслуженным недоверием во всех слоях афинского общества, а в народных массах и радикальных кругах к ним продолжали относиться со страхом и ненавистью (это видно из речи Автокла на конгрессе в Спарте).⁷

Резко настроение в Афинах изменилось лишь после того, как беотийцы совершили дело, отнюдь не враждебное Афинам и не затрагивавшее ни их сферы влияния, ни их экономических интересов, ни их общественного строя: в том же 371 г. беотийцы разбили наголову старинного заклятого врага Афин и греческой демократии вообще — при Левктрах они одержали полную и блестящую победу над спартанцами.

Казалось бы, такая победа, окончательно устранившая опасность насильственных олигархических переворотов в Греции, должна была вызвать энтузиазм и восторг в Афинах; так думали сами фиванцы. Но вот что рассказывает Ксенофонт: «Сейчас же после сражения фиванцы послали в Афины вестника: через него они сообщили о том, какую великую победу они одержали, и просили прислать им помощь, указывая, что теперь афиняне смогут отомстить лакедонянам за все, что они претерпели от них. Как раз в это время афинский совет заседал в акрополе. Члены совета услышали сообщение вестника, и всем стало ясно, что полученное известие в высшей степени их огорчило: они даже не позвали вестника на установленный обычаям званый обед. На просьбу о помощи они вовсе ничего не ответили. Так и ушел вестник ни с чем из Афин».⁸

⁴ Ксенофонт. Греческая история. VI, 3, 1.— Разумеется, в этом случае известную роль сыграла и боязнь грядущего захвата Фивами части восточных рынков.

⁵ Там же. VI, 3, 2.

⁶ Там же. 18 и сл.

⁷ Там же. 7—9.

⁸ Там же. VI, 4, 19—20.

Некоторое время спустя беотийцы по приглашению аркадян вторглись в Пелопоннес, дошли до самой Спарты и лишили Спарту всех ее владений и сферы влияния, исключая только непосредственные окрестности Спарты, Лаконику; в результате этого похода беотийцы сделали Пелопоннес сферой своего влияния.⁹ Теперь международное равновесие было окончательно нарушено, и притом, как это отмечалось современниками,¹⁰ в пользу непосредственных соседей афинян. Афиняне пришли в крайнюю тревогу:¹¹ они заключили военный союз со Спартой,¹² ставшей с этих пор безопасной в военном отношении, и открыли военные действия против Беотии. В 362 г. на поле битвы при Мантинее афиняне сражались рука об руку со Спартой против беотийцев и их союзников.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, из всех этих фактов никто не сделает вывода, что вся античная история может быть логически выведена из какой-то отвлеченной схемы «международного равновесия» и что, изучая международную политику греческих государств, можно сбросить со счетов их экономические интересы.

Основная причина античных войн лежит в самой природе рабовладельческого государства. Помимо стремления к обогащению, свойственного имущим слоям рабовладельческого государства, т. е. стремления к захвату торговых рынков и путей, захвату рабов, плодородных территорий или областей, богатых ископаемыми, причину античных войн нужно искать еще в одном обстоятельстве, являющемся особенностью только античного общества. Распространение рабовладения вызвало к жизни бедноту, не имеющую возможности получить работу на сколько-нибудь сносных условиях. Было два пути: либо при помощи крутых принудительных мер заставить неимущих жить, как рабы, и исполнять рабскую работу,— по этому пути пошла Спарта и ряд других обеспеченных своим хлебом государств; либо кормить их на государственный счет, эксплуатируя для этой цели другие государства,— по этому пути пошли Афины. Для государств первого типа основной проблемой их существования являлось устрашение и укрощение несвободных производителей (илотов, пенестов),— как мы видели, эта необходимость часто определяла и их внешнюю политику: «всегда у лакедонян большинство их мероприятий направлено было к ограждению от илотов» (Фукидид. IV, 80, 3). Для государств второго типа основной

⁹ См., напр.: там же. VII, 1, 41.

¹⁰ Там же. VI, 5, 38 и др.

¹¹ Там же. VI, 5, 33.

¹² Там же. VI, 5, 49; VII, 1, 1—14.

проблемой их существования являлось хлебное снабжение. С другой стороны, самое существование этих государств действовало заразительно и «развращающе» на народные массы в государствах первого типа. Отсюда эта постоянная борьба между «олигархическими» и «демократическими» государствами.

Главной жизненной темой для Афин и близких им по внутреннему устройству государств было обеспечение притока рабов и хлебное снабжение; отсюда — борьба за торговые пути.

И, наконец, ни одно государство не хотело попасть в положение дойной коровы для паразитических масс или кучки олигархов государства-гегемона. Отсюда постоянная боязнь чрезмерного усиления одного государства — явление, которое мы назвали принципом «международного равновесия» в противовес одновременному стремлению отдельных государств к политической гегемонии.

Таким образом, все эти разобранные нами направления в международной политике классической Греции — только различные формы борьбы рабовладельцев и рабовладельческих государств друг с другом.

Несмотря на то что рабы в Греции, в отличие от Рима, еще довольно редко выступают в качестве активной политической силы (исключением является восстание рабов в Сицилии в 424 г.; восстание рабов в Аргосе в начале V в. — мифологический рассказ, не имеющий исторической ценности),¹³ наличие рабов — этих «говорящих орудий» — непрерывно влияет на политику государств Эллады. И античная «демократия», и античная «аристократия» — это части рабовладельческого класса; отсюда их историческое своеобразие.

1. ЛОГОГРАФЫ

Геродот — древнейший дошедший до нас историк Греции, но он имел уже ряд предшественников, сочинения которых не дошли до нас и известны нам только в цитатах древних авторов. Этих древнейших историков в наше время принято называть логографами, но название это неудачное: так Геродот называет своего предшественника Гекатея, а более поздние ученые — Геродота; этим словом хотели дать понять, что автор не историк, а рассказчик неправдоподобных басен. Сами эти писатели называли себя скорее всего *syngrapheis* — «писатели, сочинители», а свою деятельность *historia* — «расспрашивание, исследование». Основным источником для древнейших ионийских историков служил эпос, в котором они стремились устранить всякого рода несообразности и противоречия — прежде всего хронологические. Для этой цели были использованы списки царей и генеалогии знатных родов, причем длительность каждого поколения условно принималась одинаковой. Позже историки стали привлекать народные предания, списки эпонимных магистратов, списки победителей на играх и т. д. Эта работа не была только теоретическим умствованием, но имела и важное практическое значение для греческих государств, так как в те времена право на ту или иную территорию часто доказывалось ссылками на эпос или «древнейшую историю»: митиленцы доказывали таким образом свои права на Троянское побережье и Сигей, афиняне — на Саламин.

Гекатей Милетский

Наиболее известным из предшественников Геродота был Гекатей Милетский. Гекатей, живший во второй половине VI в. и в начале V в., происходил из знатного рода. Он был одним из влиятельнейших граждан своего города. Хорошо зная численность персов и их богатство, он советовал своим согражданам не начинать восстания. Когда восстание все же началось, он советовал членам Ионийского союза обратить на военные нужды сокровища храма Аполлона в Дидимах близ Милета, так как иначе они попадут в руки персов.

¹³ См. мою статью: Luria S. *Frauenpatriotismus und Sklavenemanzipation in Argos*//Klio. XXVI. 1933. S. 211—228.

Из сочинений Гекатея до нас дошли только цитаты у поздних авторов. Одно из них называлось «Генеалогии», а второе «Объезд земли» в двух книгах, одна из которых была посвящена Европе, другая — Азии. В книгу был включен ряд географических и этнологических сообщений, к ней была приложена географическая карта, *pinax* (первый такой *pinax* был вырезан на меди уже философом Анаксимандром).

Автор с первых же слов объявляет себя приверженцем новой рационалистической науки: «Так говорит Гекатей Милетский. Я написал это так, как мне казалось соответствующим действительности, ибо мнения эллинов многочисленны, разнообразны и кажутся мне смешными». Выбросить вовсе мифологический материал из истории, как это сделал впоследствии Фукидид, во времена Гекатея никому еще не могло прийти в голову, но он пытается его рационалистически осмыслить. Так, например, легендарного Кербера, техглавого адского пса, Гекатей превращает в ядовитую змею, живущую в Лаконике.

Однако и Гекатей не мог не поддаться очарованию ионийской сказки. Несмотря на рационалистическую обработку, мы находим среди его отрывков настоящие сказки.¹ Обычно отрывки, дошедшие до нас из Гекатея, написаны в деловом научном тоне; в тех случаях, когда, несмотря на рационализацию, сообщаемые им сказки остаются неправдоподобными, он сам отмечает это. Так, например, о сказочных пигмеях он рассказывает следующее: «Пигмеи живут в верхнем Египте у океана; они — прилежные земледельцы, хотя они так малы, что хлебные колосья они принуждены рубить топором. Это смешно и невероятно,— но так рассказывают».

Прибавим еще, что Гекатей писал на ионийском языке, гораздо более близком к живому языку его времени, чем искусственный язык Гомера.

Харон из Лампсака

Другим замечательным предшественником Геродота был Харон из Лампсака. Из многих сочинений, ошибочно приписываемых ему, несомненно подлинным является «Лампсакская хроника» (*Ἡστορία τῆς Λαμπσακῆς*). Это древнейшая из известных нам хроник отдельных городов. Очень возможно, что упоминаемая в числе сочинений Харона «Персидская история» (*Ἡστορία τῆς Περσικῆς*)

¹ Он рассказывает, например, как собака родила кусок дерева; этот кусок был зарыт в землю, и из него выросла виноградная лоза с множеством гроздей винограда. Так как вино по-гречески называется «ойнос», то царь этой земли и был назван в честь этого винограда «Ойней». В другом месте сохранился даже характерный сказочный стиль с прямой речью: «Кеик приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны: „Ведь я не в силах вам помочь; идите к другому народу — иначе и вы погибнете, и мне будет вред“».

sika) — только другое название одной из частей «Лампсакской хроники».

Из дошедших до нас отрывков мы видим, что легенды чисто фольклорного характера занимали очень много места в этой хронике. Здесь содержится, например, рассказ о нимфе, спасенной человеком и согласившейся стать его женой на условии супружеской верности, но затем ослепившей его; здесь же содержится типичный анекдот, рассказывающий, как жители Лампсака перехитрили жителей Пария и захватили часть территории, лежащей между этими городами. Эта легенда имеет много сходства с Геродотовой легендой о воцарении Дария.

Гелланик из Митилены

Наиболее известным из историков разбираемого нами типа был Гелланик из Митилены. Он был, можно сказать, завершителем старой исторической традиции. Его ни разу не упоминает Геродот, но на него ссылается Фукидид; отсюда можно заключить, что он несколько моложе Геродота и что его сочинения появились не раньше начала Пелопоннесской войны.

Гелланик был первым универсальным историком, написавшим ряд монографий по истории самых различных государств; он же впервые включил героическую эпоху в греческую историю. В этих отношениях он является несомненно предшественником Эфора, александрийских ученых и отчасти Аристотеля. К сожалению, дошедшие до нас отрывки из сочинений Гелланика не дают возможности заключить о направлении его писательской деятельности; однако заглавия его сочинений «Лесбосская история» (*Lesbika*), «Эолийская история» (*Aiolika*), «Троянская история» (*Troika*) показывают, что Гелланик был патриотом своего митиленского отечества; характерно, что написанное им сочинение о его маленькой родине по объему в два раза больше, чем его сочинение об Афинах.

Гелланик написал очень много книг, поражающих своим разнообразием,— как поэтических, так и прозаических. До нас дошло свыше 30 названий его сочинений. Впоследствии Эратосфен назвал его «многознайкой»; Фукидид и Эфор упрекали Гелланика в неточностях и пренебрежении хронологией; в эллинистическую эпоху он становится одним из самых популярных историков и вносится в «Канон» десяти историков.

Сочинения Гелланика разделяют на три группы: 1) мифографические сочинения (*Deukalioneia*, *Atlantias* и т. д.); 2) сочинения, имеющие заглавия этнографического типа (напр., *Aigyptiaka*, к которому, вероятно, примыкало «Путешествие в святилище Аммона»), и 3) сочинения, имеющие форму хроники («Аттида», «Жрицы Геры в Аргосе») и др.

Особенно славилась в более позднее время мифографические работы Гелланика; начиная с IV в. он считался основным

источником для истории героической эпохи. Однако то, что было причиной его славы в эллинистическое время, с нашей точки зрения вряд ли делает ему честь как историку: при помощи рационализации он механически устранил все сверхъестественное и чудесное из греческой мифологии, а остальное включил в свои работы как древнейшую страницу греческой истории; из прекрасных мифов была вытравлена вся поэзия, и они превратились в скучное подобие исторического рассказа.

Гелланик сохранял даже мелкие подробности легенды, но рационализировал их. Главной заслугой Гелланика перед историей была не эта плоская рационализация, а то, что он перенес на греческий материк исторические жанры, до его времени существовавшие в Малой Азии. Гелланику не приходилось, подобно Гекатею и Геродоту, много путешествовать по варварской территории; свои знания о народах востока он черпал главным образом из книг; зато он много путешествовал по материковой Греции. Если его предшественники давали поражающие их слушателей описания экзотических нравов варварских племен, то он присоединил сюда еще географическое и этнографическое описание и историю европейских греческих племен. В своей книге «Аттида» он дал изображение преданий, истории и обычаев Аттики: в этом случае он перенес на греческий материк тип городской хроники (Νογοί), уже задолго до этого появившейся в Малой Азии. Именно в этой области он нашел многочисленных подражателей в более позднее время; ему подражал и Эфор.

Все эти черты творчества Гелланика были характерными для всей той ионийской историографии, к которой применяют неудачный термин «логография». Ее типичные особенности: наивная рационализация мифов; широта этнографических и географических интересов; интерес к хронологии; появление хронологических систем; сухой научный язык и отсутствие художественной отделки. Из этих особенностей большая часть либо вовсе чужда Геродоту, либо сохранилась у него лишь в незначительной степени; поэтому мы и говорим о Гелланике ранее Геродота: несмотря на то что он жил позже «отца истории», он стоял на более примитивной стадии развития.

2. ГЕРОДОТ

Биография Геродота

Произведения всех перечисленных историков до нас не дошли и известны только по цитатам позднейших авторов. Древнейшим историческим трудом, дошедшим до нас, является труд Геродота. Геродот родился в начале V в. (дата рождения 484 г. основана на произвольных комбинациях). И биография

Геродота и его сочинения дают право утверждать, что Геродот родился в дорийском городе Галикарнассе в Малой Азии. В молодости Геродота тираном Галикарнасса был Лигдамид, потомок той Артемисии, которая была одним из самых славных полководцев в войсках Ксеркса и позже была прославлена Геродотом. Согласно внушающему доверие сообщению в биографии Геродота, он бежал из Галикарнасса от тирана Лигдамиды и провел долгое время на Самосе, с историей и достопримечательностями которого он хорошо знаком (он подробно описывает их в своем труде). Хотя в биографии Геродота ничего не говорится ни о его путешествиях, ни о его пребывании в Афинах, но эти факты с несомненностью устанавливаются и из труда самого Геродота, и из некоторых позднейших свидетельств.

Геродот побывал во всех тех местах к востоку от материка Греции, где находились греческие колонии: в Египте, Финикии и на побережье Малой Азии, на северном побережье Черного моря, во Фракии и в Македонии. В глубь материка, в места, где не было греков, он путешествовал только в отдельных случаях: так, он поднимался по Нилу до Элефантины, посетил Вавилон и Сарды.

Несомненно Геродот посетил ряд мест на материке Греции. Древние свидетельства сообщают о его пребывании в Коринфе и Фивах. Но особенно продолжительным было его пребывание в Дельфах. Геродот был горячим поклонником Дельфийского святилища, имел в Дельфах друзей и врагов, хорошо изучил сборники дельфийских предсказаний, вел продолжительные разговоры с местными жрецами и всецело проникся их идеологией. Путешествия Геродота должны были продолжаться не менее 8—10 лет; можно думать, что эти путешествия закончились в начале 40-х годов, после чего он прибыл в Афины. Действительно, история Афин занимает центральное место в его труде: целый ряд фактов освещен со специфически афинской точки зрения.

Нам известно, что сам Геродот называл себя в своем труде «фурийцем» (в дошедших до нас изданиях Геродота слово «фуриец» заменено словом «галикарнассец»); и биография Геродота и античные авторы сообщают, что Геродот последнюю часть своей жизни провел в Фуриях. Можно предположить, что Геродот прибыл в Фурии вместе с другими их основателями в 443 г. Вместе с ним отправился в Фурии и Протагор, с которым он был в близких отношениях. Другое не совсем достоверное известие сообщает о его близости с поэтом Софоклом. И Софокл и Протагор были членами кружка Аспасии; содержание труда Геродота дает право предположить, что и он входил в этот кружок и был близок к Периклу. Из сочинений Геродота видно, что Геродот прекрасно знает топографию Афин, их достопримечательности и историю. В сочинении Плутарха «О злокозненности Геродота» сообщается, что Геродот публично

читал в Афинах свою «Историю» и «получил от афинян много денег за свою лесть им». Если Фукидид писал впоследствии: «изложение мое, чуждое басен, не покажется столь приятным для слуха», то это, очевидно, прямой выпад против публичных чтений Геродота.

Где умер Геродот, нам не известно; скорее всего в Фуриях. Неизвестно также, посетил ли он еще раз Афины. Источники сообщают лишь о его поездке в Македонию, ко двору македонского царя Александра I. Это сообщение подтверждается самым трудом Геродота, который очень много рассказывает о македонском царском доме и проявляет особую симпатию и интерес к македонскому царю Александру, часто говоря о нем вне всякой связи и нарушая ход рассказа.

Политические взгляды Геродота

Геродот, прославивший объединенную борьбу греков против персидского агрессора, был чужд какого бы то ни было «национального» самомнения. Он очень высоко ставил и религию, и культуру, и науку восточных народов, отдавая им в ряде случаев предпочтение перед эллинскими. Египтян и вавилонян Геродот считал учителями греков во всех этих областях, а греческую культуру — очень молодой по сравнению с восточными. Это преклонение перед культурой Востока заходит у него иногда слишком далеко, и часто он приписывает восточным влияниям то, что является несомненным открытием самих греков. Это объясняется тем, что Геродот родился и воспитывался в Галикарнассе (его отцом был грек, а матерью кариянка), в городе, достигшем высокой степени благополучия и процветания под властью персов. С детства Геродот был проникнут убеждением, что Артемисия, бывшая тираном Галикарнасса по назначению персидского царя, — одна из величайших исторических личностей; что испокон веку божество отдало Азию под власть местных властителей — в его время персов, а Европу — под власть греков. Поэтому всякую попытку греков завладеть городами Азии он считал агрессией, как и наоборот, в попытке персов вторгнуться в Европу также видел агрессию. Поскольку столкновения между жителями Европы и Азии начались троянским походом, он считал первыми агрессорами в этом столкновении не персов, а греков; ему казалось возмутительным, что целый город (Троя) был разрушен из-за одной женщины (начало 1-й книги). Именно поэтому поход Ксеркса на Элладу вызывает его негодование и возмущение.

Противопоставление «варвара» «эллину» носит в его труде не расовый, а культурный характер: с его точки зрения, варвар, усвоивший греческий язык и нравы, тем самым становится эллином.

Таковы были взгляды, усвоенные Геродотом с детства в Галикарнассе; переезд его в Афины, в свою очередь, оказал глубокое влияние на эти взгляды.

Геродот прибыл в Афины, когда возглавляемые Периклом правящие круги этого города вели политику в духе сближения с Персией и отчуждения от Спарты. Необходимо было показать, что в Греко-персидских войнах честь победы по существу принадлежит афинянам, тогда как роль Спарты была двойственной, а ее наиболее сильные союзники в 40-х годах, Коринф и Беотия, были прямыми предателями. Геродот поставил свой труд, в известной мере, на службу этой афинской политике и излагает события как раз в таком духе. Вместе с тем как человек, близкий Периклу, Геродот всячески старается показать несправедливость обвинений, которые в это время выдвигались против Алкмеонидов: он старается показать, что они неповинны в убийстве килоновцев и что слухи об их близости с персами в VI в. и начале V в. неверны.

Геродот считал, что для греков наилучшим строем является демократия (*isonomia*), но то, что он понимает под словом демократия, очень далеко даже от того значения, которое мы придаем понятию рабовладельческой демократии: с его точки зрения, образцом демократического государства является Спарта (напр. V, 92a). Отличительными признаками демократии, с точки зрения Геродота, являются отсутствие неограниченного деспота, выборные должностные лица, регулярно созываемое народное собрание. Он считал, однако, что лучшими учреждениями для каждого народа являются те учреждения или те установления, которые унаследованы им от предков; в знаменитом споре персидских вельмож о лучшей форме правления (III, 80—82) отдается предпочтение монархическому строю.

Моральные взгляды Геродота²

В противоположность взглядам греков начала V в., мировоззрение Геродота проникнуто пессимизмом. Он убедился, что в окружающем его мире нет справедливости и что повседневный опыт не дает основания предполагать существование божества, руководящегося в управлении миром справедливостью и милосердием. Повседневный опыт убеждал Геродота в том, что в мире нет справедливости; он объяснял это тем, что управляющие миром боги ревнивы и завистливы; каждому человеку и каждому государству отведены богами определенная территория и строго определенное количество счастья и богатств. Каждый, кто посмеет перейти за эту предназначенную ему

² Прекрасный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота см. в предисловии Ф. Мищенко к 1-му тому его перевода Геродота: Геродот. История. 2-е изд. Т. 1. М., 1888. С. СXXXI и сл.

черту, повинен в «высокомерии» и терпит жестокое наказание от богов. К этому сводится вся философия истории Геродота: так, поход Ксеркса в Грецию в 480 г. был *hybris*, и он претерпел за это суровую кару богов. Наиболее художественным изложением этих религиозных взглядов является знаменитая новелла Геродота о перстне Поликрата.

История и композиция труда Геродота

Приступая к написанию своей книги, Геродот, по всей видимости, не имел в виду написать историю Греко-персидских войн. Его труд начинается такими словами: «Нижеследующие изыскания Геродот фуриец представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей, а также, чтобы не заглохла слава об огромных и достойных, удивления сооружений, исполненных как греками, так и варварами, а также еще и для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война». Затем он замечает (I, гл. 5), что будет одинаково говорить и о больших и о малых городах. Это — план книги того типа, который у греков назывался *Periodos* (записки о путешествии), где по поводу каждого города, который посетил путешественник, рассказывается о его истории, расположении и достопримечательностях; по такому плану написан, например, дошедший до нас поздний *Periodos* Павсания и по такому же плану написан целый ряд мест в первых четырех книгах «Истории» Геродота. Однако сам труд Геродота, по-видимому, никогда не носил характера только такого географического описания. Его книга была построена по плану восточных повестей, по которому этот *Periodos* должен был служить лишь обрамлением для ряда прекрасных новелл. Сюда присоединялась еще вторая задача: описать возникновение столкновений между эллинами и варварами с незапамятных времен. Ни одного слова о желании описать самый ход Греко-персидских войн в этом программном введении нет.

Поэтому, мы вправе предположить, что, когда Геродот прибыл в Афины, он привез с собой типичный *Periodos* со вставленными в него увлекательными ионийскими новеллами. Основным стержнем этого произведения, как видно еще и теперь из первых четырех книг труда Геродота, были вовсе не Греко-персидские войны, а история Персии, расположенная по царствованиям.

Идея написать историю Греко-персидских войн, вероятно, появилась у Геродота только в Афинах. Для этой цели он внес небольшие редакционные изменения в свой первоначальный труд, охватывающий первые 4 книги его нынешней «Истории», и добавил к ним еще 5 книг, специально посвященных истории Греко-персидских войн, написанных по совсем другому плану: если в первой части основным содержанием являются новеллы,

а связный рассказ служит только для их цементирования, то во второй части новелл очень мало, и перед нами связное историческое изложение.

В результате появилась та «История» Геродота, которая дошла до нас. Значительно позже, в александрийское время, она была разделена на 9 книг, из которых каждая посвящена одной из муз. Остатки первоначальной структуры еще сохранились довольно явственно, да и сам Геродот никогда не ссылается на эти книги, а ссылается на первоначальные составные части, посвященные отдельным народам; эти части он называет *logoi*, например, лидийский *logos*, скифский *logos*, египетский *logos* и т. д.

Первая книга посвящена истории Лидии и правлению персидского царя Кира с целым рядом вставных эпизодов, в частности — касающихся малоазийских греков. Вторая книга формально посвящена Камбизу, в действительности же представляет собой подробное описание страны, нравов и полумифической истории Египта. Третья книга посвящена концу царствования Камбиза и началу царствования Дария с целым рядом отступлений частью из древнейшей истории Греции, частью — новеллистического содержания. Четвертая книга, формально посвященная продолжению царствования Дария (поход Дария на скифов), в основном представляет собой самостоятельный скифский *logos*, являющийся основным литературным источником для древнейшей истории южной части нашего Союза.

Вторая часть труда Геродота представляет собой связную историю Греко-персидских войн: ионийское восстание и поход Мардония (V—VI книги), поход Ксеркса до битвы при Фермопилах включительно (VII книга), битвы при Артемисии и Саламине (VIII книга), битвы при Платее и Микале (IX книга).

Описание западной части Средиземного моря отсутствует в труде Геродота. Книга обрывается на незначительном эпизоде — можно думать, что работа Геродота была прервана смертью, и он не успел довести ее до конца.

Источники Геродота

В § 1 мы уже говорили о предшественниках Геродота в области историографии. Греческая письменность в эпоху Геродота была еще невелика по объему, и трудно сомневаться в том, что она вся была ему известна и, по мере необходимости, использована. Особенно много Геродот заимствовал у Гекатея в своей второй книге; так, он списал у него эпизоды о Фениксе (глава 73), о гиппопотаме (глава 71), об охоте на крокодилов (глава 70). Дважды Геродот называет Гекатея по имени; чаще употребляет неопределенные выражения, вроде: «некоторые эллины, желающие прославиться своей мудростью, говорят...».

В целом ряде других мест ученые справедливо усмотрели полемику с Гекатеем. Для вставных новелл основными источниками Геродота были как устные рассказы, так и несомненно имевшиеся уже тогда сборники народных сказаний. В некоторых случаях Геродот использовал произведения ионийской софистической литературы; использовал он и надписи на камнях. Но основным источником Геродота во всех частях его труда являются устные рассказы его собеседников. Где бы Геродот ни появлялся, он сразу же вступал в беседы с греками и с теми из варваров, которые владели греческим языком. Все эти рассказы Геродот точно записывал, подвергая их критике лишь в тех случаях, когда они казались ему явно нелепыми. Естественно, что историческая ценность этих сообщений Геродота зависит от исторической достоверности рассказов его осведомителей, а эти осведомители были людьми различного общественного положения и различной культуры. Когда Геродот беседовал с македонским царем Александром I или с Периклом, то их сообщения могли быть окрашены определенной тенденцией, но фактическая достоверность этих сообщений, поскольку речь идет о событиях, свидетелями которых они были, вряд ли внушает сомнения. Сообщения дельфийских жрецов, записанные Геродотом, имели определенную религиозно-апологетическую цель и были поэтому тенденциозно фальсифицированы; они представляют собой чрезвычайно важный исторический источник, но к ним надо подходить с большой осторожностью.

Устные рассказы, касающиеся давно прошедших времен, естественно содержат больше легендарного, чем исторического материала; особенно это верно в отношении рассказов египетских гидов Геродота. Это не только фольклорный материал, но часто плоские выдумки для объяснения того или иного памятника. Так, например, картина, изображающая фараона, триумфально шествующего по головам своих врагов, трактуется (II, 107) как изображение Сесостриса, бегущего из горящего дома по мосту, образованному телами его сыновей.

Проведенное египтологами сравнение рассказов Геродота с данными египетских памятников показало, что история Египта до VII в. представляет у Геродота невероятную путаницу и не может дать представления о действительном ходе исторических событий; зато для саисской эпохи (VII—VI вв.) рассказ Геродота имеет неопределимое значение, так как он дает нам связную историю Египта в течение нескольких столетий, от которых почти не дошло египетских памятников.

Наконец, необходимо указать на особенно важный источник труда Геродота, на автопсию (т. е. собственные наблюдения). Здесь его точность, наблюдательность и добросовестность несомненны, и эти наблюдения представляют собой особенную ценность для историка.

Если, таким образом, в наблюдательности и добросовестности Геродота не может быть никаких сомнений, то принцип, положенный Геродотом в основу своего труда (VII, 152) — сообщать все, что ему говорят, даже если он сам этому не верит, несомненно должен вызвать наши возражения, как он и вызвал уже возражения Фукидида, который предостерегал от доверия к «рассказчикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха, которые рассказывают истории, ничем не подтвержденные и за давностью событий превратившиеся в невероятные и сказочные». Этот метод представляет собой принципиальный регресс по сравнению с принципом, положенным в основу труда предшественника Геродота Гекатея.

Однако этот неправильный сам по себе принцип явился причиной того, что Геродот сохранил для нас множество вполне достоверных известий, которые при несовершенстве античной критики иначе не дошли бы до нас. Если, например, Геродот рассказывает, что в Скифии зимой ездят через реки на телегах, то он хорошо сделал, сообщив этот факт, несмотря на то, что он кажется ему явно нелепым. Точно так же приводимое им сообщение финикийян, что при объезде Африки солнце, бывшее справа от них, затем оказалось слева, кажется Геродоту нелепостью, но именно этот рассказ убеждает нас в том, что финикийские действительно пересекли экватор. Этот метод в ряде случаев предохранил Геродота от наивного рационализирования переданных ему сообщений, благодаря чему он дал нам возможность ознакомиться не только с рядом исторических фактов, но и с религиозными взглядами и фольклором его времени.

Впрочем, Геродот не всегда соблюдает этот принцип и часто подвергает переданные ему сообщения суровой критике и даже издевательствам («я смеюсь, видя...», IV, 36, в применении к Гекатею). Иногда эта критика очень остроумна. Так, например (II, 131), проводник объяснил Геродоту, рассматривавшему статуи девушек с отрубленными руками, что это служанки, которым отрубила руки царица за их преступления. Геродот замечает по этому поводу: «Однако мы сами видели, что руки у статуй отвалились от времени и еще в наше время лежали тут же у их ног». Но в других случаях он готов верить абсолютно неверным историям, например, о гигантских муравьях, хранителях золота, убивающих приближающихся путешественников.

Итак, ценность труда Геродота в различных местах различна и зависит от ценности тех источников, откуда он заимствует свои сообщения. Что касается сообщений о событиях, современником которых был Геродот, то необходимо учесть, что он не писал *sine ira et studio*. Он поставил своей целью дать апологию политики Афин, с одной стороны, и дельфийского ора-

кула — с другой; при пользовании его сообщениями необходимо учесть эту тенденцию. Во всем прочем он исключительно гуманный, наблюдательный и добросовестный свидетель, что особенно обнаруживается из его прекрасного очерка скифских древностей в IV книге, являющегося лучшим и почти единственным источником для истории южной окраины нашей страны в VI—V вв. до н. э.

3. ФУКИДИД³

Биография Фукидида

Только очень небольшой промежуток времени отделяет Геродота от афинянина Фукидида: в те дни, когда Геродот опубликовал свою историю, Фукидид был уже взрослым человеком, который мог не только прочитать и продумать книгу Геродота, но и критически отнестись к ней. Рассказ о ребенке Фукидиде, заплакавшем при публичном чтении Геродотом его книги, несомненно, легенда, преувеличивающая разницу в возрасте между двумя историками для большей патетичности рассказа.

Фукидид⁴ родился около 460 г.⁵ По своему происхождению он принадлежал к цветку афинской знати. По отцовской линии он был в ближайшем родстве со знатнейшим в Афинах родом Филаидов,⁶ из которого происходил ряд виднейших аристократических вождей (его родственником был и вождь афинских олигархов в 460—443 гг. Фукидид из Алопеки); по той же линии, через бабушку отца, Фукидид оказывался потомком фракийского царя Олора. Богатый и знатный Фукидид был очень популярен и среди греческого и среди фракийского населения. Несомненно, именно это обстоятельство послужило впоследствии причиной посылки его в качестве стратега в город Амфиполь — центр афинских владений во Фракии.

Фукидид получил блестящее образование. Нам неизвестно, кто были непосредственные учителя Фукидида, но из его сочинений можно, по-видимому, заключить, что одним из его руководителей был оратор Антифонт (казненный в 411 г.) и что влияние на него оказывали также философ Анаксагор и софист Горгий из Леонтин.

Самое раннее событие из жизни Фукидида, известное нам из его сочинения, это — чума в Афинах. Описав картину и симп-

³ Более подробно о Фукидиде см. в моей книге «Очерки по истории античной науки» (М.; Л., 1947. С. 296—317).

⁴ От древности до нас дошли три жизнеописания Фукидида. Одна краткая биография дошла до нас в словаре Свида, вторая — анонимная — в рукописях Фукидида, наконец, третья извлечена из схолий Марцеллина к Фукидиду и озаглавлена «О жизни Фукидида и свойствах его речи».

⁵ По словам самого Фукидида, в 431 г. он был уже взрослым человеком. По-видимому, Фукидид был в родстве и с родом Писистратидов.

томы этой болезни, Фукидид замечает: «Все это я отмечаю потому, что сам был болен и лично наблюдал других, страдавших той же болезнью». Таким образом, в 429 г. Фукидид находился в осажденных Афинах и заболел чумой, но это не помешало ему наблюдать за симптомами болезни и тщательно записывать их. Вероятно, уже вскоре после выздоровления Фукидид принял деятельное участие в политической жизни.

В это время началось блестящее наступление Брасида на Фракию. Центром афинских владений во Фракии был город Амфиполь близ устья Стримона. Именно сюда и были направлены стратеги Фукидид и Евкл с войсками. Однако по неизвестной причине, вместо того чтобы ожидать врага и дать ему отпор в Амфиполе, Фукидид оказался со своим флотом в 25 км от него, у острова Фасоса. В его отсутствие Брасид подошел к Амфиполю, и население добровольно сдалось ему: вернувшемуся Фукидиду удалось сохранить для Афин только соседнюю с Амфиполем гавань Эйон.

Фукидид в своем труде объясняет свою неудачу неблагоприятным стечением обстоятельств. Однако афинский демос посмотрел на дело иначе. Фукидид был признан виновным в государственной измене и осужден на пожизненное изгнание. В комедии «Осы», поставленной на сцену в 422 г., Аристофан говорит об «идущем на суд толстосуме из числа предавших Фракийскую область». В этом толстосуме справедливо усматривают Фукидида. Годы изгнания (424—404) Фукидид провел, по-видимому, во Фракии, где находились золотые прииски, которыми он владел на правах собственности или аренды.

Это время невольного отдыха от войны и политических дел Фукидид посвятил работе над своей историей, причем использовал то преимущество, что мог получать информацию от обеих сторон.

Возвращение Фукидида в Афины состоялось не по общему декрету об амнистии, а по специальному предложению некоего Энобия; отсюда ясно, что общая амнистия его не коснулась. Вскоре по прибытии в Афины Фукидид скончался, успев довести свою историю только до 411 г.

Композиция труда Фукидида

Изучение труда Фукидида показывает, что свой труд Фукидид писал, начиная с 431 г. Впоследствии он пересмотрел и переработал написанное, но кое-что осталось по недосмотру в первоначальном виде; эти недосмотры и дают нам возможность в общих чертах восстановить историю возникновения его труда. Однако предпринятые рядом ученых попытки разбить труд Фукидида на более древние и более новые слои и восстановить в деталях отдельные стадии его авторской работы кажутся нам несостоятельными.

Недописанная Фукидидом часть истории Пелопоннесской войны была впоследствии написана Ксенофонтом (первые две книги его «Греческой истории»), но в совершенно ином духе и по иным принципам, чем труд Фукидида. Посмертным редактором труда Фукидида одни считают Ксенофонта, другие — его дочь или Кратиппа.

Впоследствии труд Фукидида был разделен на 8 книг. В 1-й книге, резко отличающейся по своей структуре от остальных, Фукидид излагает то, что, с его точки зрения является причинами и поводами войны. Следует указать, что у Фукидида эти: понятия употребляются в ином смысле, чем у нас. Фукидид понимает под поводом (prophasis) неосознанную или скрытую причину, а под причиной (aitia) — осознанный и открытый повод. Начав с открытых поводов войны (Керкирский конфликт, Потидейский конфликт и т. д.), Фукидид замечает, что истинной причиной войны были не эти конфликты, а боязнь все возрастающего значения Афин. Для доказательства этого положения Фукидиду приходится вставить в свой труд большой экскурс по истории Пятидесятилетия⁷ как времени возникновения и развития афинского могущества и как первого этапа столкновений между Афинами и Спартой.

Здесь же дана гениальная попытка восстановить древнейшую историю Греции, и в частности Афин, методом обратного умозаключения. Таково содержание первой книги.

Структура дальнейших книг значительно проще и выдержаннее. Несмотря на то что для художественности рассказа было бы удобнее давать связное изложение каждого эпизода Пелопоннесской войны, он в целях научной точности и изучения взаимодействия между отдельными фронтами войны, излагает свою историю погодно и, только окончив описание всех событий одного года, переходит к следующему.⁸ II—IV книги и первая часть V книги дают историю Архидамовой войны, закончившейся в 421 г. Никиевым миром; вторая часть V книги посвящена промежутку мира между Афинами и Спартой и оканчивается покорением афинянами острова Мелоса с родственным Спарте населением: все мужчины на этом острове были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство. Это — куль-

⁷ Так греки называли промежуток 479—431 гг.

⁸ Это было особенно уместно в античности, когда война велась почти исключительно в летнее время, а зимой прекращалась, так что военные события каждого года отделены друг от друга большим перерывом. Вдобавок календарь, особенно в эпоху Пелопоннесской войны, был в чрезвычайно хаотическом состоянии, так как для согласования лунных месяцев с солнечным годом приходилось вставлять дополнительные месяцы, и поэтому один и тот же месяц в разных годах приходится на разное время. Вдобавок в каждом греческом городе года назывались по своим эпонимным магистратам. При таких условиях самым простым и научным приемом был счет годов, от начала войны и деление их на зимнее и летнее время.

минационный пункт книги, конец первой части труда, описывающей удачу Афин в войне.

Вторая часть труда Фукидида рассказывает о трагической развязке Пелопоннесской войны.

VI и VII книги представляют единое целое — описание сицилийской кампании. По художественности и драматизму, по глубокоому впечатлению, которое эта часть труда производит на читателя, — это, несомненно, лучшая часть труда Фукидида.

Наконец, последняя, VIII книга посвящена разнообразным событиям 413—411 гг. как из внешней, так и из внутренней истории Афин: включение сюда описания переворота 411 г. здесь оправдано непосредственным влиянием этого события на ход войны.

Фукидид как историк. Его источники

Фукидид достиг высокого совершенства в области установления исторических фактов. Он хорошо понимал значение совершенного им подвига: полемизируя с Геродотом, он заявлял, что его труд — «достояние навеки». В этом он не ошибся. Во все те эпохи, когда изучалась древность, Фукидид оставался на первом месте среди классических авторов; он не только считается лучшим, непревзойденным историком древности, но авторитет его часто настолько преувеличивается, что всякая попытка критиковать его рассматривается чуть ли не как кощунство.

В чем же заключается тот великий шаг вперед, который был сделан Фукидидом по сравнению со своим предшественником.

В противоположность Геродоту, предоставлявшему самому читателю судить, что правда и что ложь, Фукидид больше всего озабочен тем, чтобы в его труд не попало ни одного непроверенного факта; его цель — *zetesis tes aletheias* — «отыскание истины» (I, 20). Основным источником Фукидида были его личные наблюдения и опрос свидетелей. Литературные памятники использованы Фукидидом в небольшой степени и лишь в некоторых частях труда. Сам Фукидид следующим образом указывает на свои источники: «Тот не ошибется, кто рассмотренные мною события признает в том виде, в каком я сообщил их на основании... свидетельств. Что касается событий, имевших место в течение войны, то я не считал согласным со своею задачею записывать то, что узнавал от первого встречного (направлено против Геродота. — С. Л.), или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после возможно более точных исследований относительно каждого отдельного факта. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же не одинаково, но так, как каждый мог передавать, руководясь сочувствием к той или другой из вою-

ющих сторон или памятью. Быть может, мое изложение, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха (опять выпад против Геродота.— С. Л.); но зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем. . .» (I, 21—22).

Фукидид указывает здесь не только на свои источники, но и на тот подлинно научный метод, которым он пользовался.

В своем труде Фукидид широко использовал документальный материал, например, посвятельную надпись Писистрата, сына Гиппия, договор 423 г. о перемирии, договор о мире афинян со спартанцами 421 г. и др. Современные памятники были ему доступны как в архивах, так и на камнях в виде надписей; для событий более древних он часто располагал только надписями, случайно сохранившимися. При сличении дошедших до нас документов (надпись Писистрата и договор 420 г. между афинянами, мантинейцами, элидцами и аргосцами) мы убеждаемся в том, что Фукидид воспроизводил эти документы с величайшей точностью.

Фукидид широко использовал и археологические памятники (например, погребения), пережитки в обычаях и т. д.

Гениальным открытием Фукидида является применение палеонтологического метода (или метода обратного умозаключения) при изучении пережитков. Метод этот состоит в том, чтобы по пережиткам, сохранившимся в жизни общества, но ставшим ненужными, а иногда и вредными, умозаключать о тех временах, когда соответствующие установления были нужными и уместными. Так, например, из того, что афиняне в просторечии называют акрополь городом, Фукидид делает заключение, что когда-то весь город ограничивался пределами акрополя.

Все мифологическое, сверхъестественное, всякое вмешательство высших сил в жизнь людей Фукидид игнорирует в своем труде. Не прибегает он также и к рационализации мифов. Мы видели, что Геродот для объяснения исторических явлений привлекал оракулы и предсказания, а основную закономерность исторических явлений видел в предопределении, роке, зависти богов и т. д. Фукидид также говорит о судьбе, *tuche*, но под этим словом он понимает просто случай, не поддающийся точному расчету.

Фукидид не только никогда не ссылается на оракулы и предсказания, но в его труде можно найти ряд иронических замечаний по этому поводу. Например, в 28-й главе II книги он, по образцу старых историков, сообщает: «В новолуние солнце после полудня затмилось», но прибавляет к этому: «Как оказывается, только тогда это и возможно». В одном месте Фукидид даже прямо полемизирует с людьми, верующими в предсказания (V, 103, 2): «Не уподобляйтесь большинству людей, которые, имея еще возможность спастись человеческими средствами. . . обращаются к гаданию, предсказаниям и к прочим

подобным вещам, которые, внушая надежду, ведут к гибели». Никаких замечаний о вмешательстве богов в жизнь отдельных людей и государств в работе Фукидида не содержится.

Говоря о методе Фукидида, необходимо отметить еще следующее. Фукидид ставит себе две цели: 1) точно установить самые факты войны и 2) выяснить ее причины. Мы видели, как тщательно и критически Фукидид отбирает и проверяет сообщаемые им факты. Что же касается причин войны, то Фукидид считает достаточным привести аргументацию каждого из борющихся государств или партий, выдвигавшуюся ими публично. Фукидид никогда не сообщает читателю своей точки зрения и никаких выводов не делает. Он приводит доводы за и против, предоставляя читателю быть судьей (это не значит, конечно, что автор, группируя надлежащим образом доводы и факты, не подготавливает этого решения читателя). Это в общем — метод Геродота, но перенесенный из области фактов в область причин. Если Геродот приводил все версии, предоставляя самому читателю установить, как было на самом деле, то Фукидид в области фактов дает окончательный вывод сам, а для выяснения причин прибегает к методу Геродота.

Речи у Фукидида

Различные доводы *pro* и *contra* противопоставляются друг другу в речах, которые Фукидид вкладывает в уста политических деятелей. Эти речи не соответствуют исторической действительности. Он сам предупреждает читателя об этом: «Что касается речей, произнесенных отдельными лицами или в пору приготовления к войне или во время уже самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное в этих речах со всею точностью, — как то, что я слышал сам, так и то, что передавали мне с разных сторон другие. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного» (I, 22). Таким образом, Фукидид никого не вводит в заблуждение.

Речи Фукидида построены по всем правилам античной риторики: вступление, изложение с расчленением и краткий вывод. Иногда речи Фукидида принимают форму диалога, участники которого высказывают противоположные точки зрения (образом их являются отчасти судебные речи, отчасти аттическая трагедия). Речи играют большую роль в структуре труда Фукидида. Как мы видели, повествование ведется у него по сезонам, что препятствует выводам и обобщениям хода исторического процесса. Эти выводы и обобщения он делает часто в речах.

Самое представление об общих принципах или общих законах исторического развития Фукидиду совершенно чуждо⁹. Правда, у него можно найти несколько мест, говорящих о повторяемости исторических явлений, например, I, 22, 4: «Мое изложение сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем, могущем по свойству человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде»; именно поэтому он и считает свой труд «приобретением, которое будет иметь значение во все времена». Но что значит: «по свойству человеческой природы»? Ответ на этот вопрос мы находим в рассказе о керкирских событиях, где, описав невероятное падение нравов, жестокость и вероломство во время революции в Керкире, он прибавляет (III, 82, 2): «Вследствие междоусобиц множество тяжких бед обрушилось на государства, бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа остается тою же... Война, лишив людей житейских удобств в повседневной жизни, оказывается насильственной наставницей и делает страсти большинства людей столь же жестокими, как окружающая их обстановка». Иными словами, война сбрасывает все наносное и дает возможность выявиться внутренней, истинной, звериной сущности большинства человечества: «Не мы первые ввели такой порядок, а он существует искони,— именно, что более слабый укрощается более сильным» (I, 76, 2). «Относительно богов мы это предполагаем, относительно людей же знаем наверное, что повсюду, где люди имеют силу, они властвуют по непреклонному велению природы. Не мы установили этот закон, не мы первые применили его; мы получили его готовым и сохраняем на будущее время, так как он будет существовать вечно» (V, 105, 2). Поэтому удерживать подчиненных в повиновении может не справедливое управление, а только страх (III, 37).

Человек («в подавляющем большинстве», *hoi polloi*) по натуре — зверь; культура и блага мирной жизни только отодвигают на задний план и затушевывают эту его сущность. При соответствующих условиях эта сущность всегда проявится, каждый будет стремиться захватить ценой любой жестокости и вероломства все, что он сможет. Всегда будет так, что сильные, применяя насилие, будут господствовать над слабыми. Эта психологическая черта человека проявлялась и будет проявляться во все эпохи, и к этому только и сводится общий закон исторического развития, устанавливаемый Фукидидом.

⁹ Утверждение некоторых ученых (напр. В. П. Бузескула), будто Фукидид характеризует некий «экономический материализм», неверно. См.: Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М., 1947. С. 306.

Фукидид, конечно, хотел бы, чтобы на свете все было иначе, чтобы люди руководствовались принципами справедливости, но данные опыта неумолимы; в душе он, может быть, и верит в существование каких-то высших принципов развития или даже в божественное воздаяние, но писать об этом в научном труде, основанном на эмпирических фактах, он не считает себя вправе. Конечно, слова Фукидида, что такое же право сильного «предполагают и у богов», нельзя рассматривать, как его серьезный взгляд: это — горькая ирония с целью подчеркнуть низость человеческой души.

Эту «философию истории» лучше всего сопоставить с «Философией истории» старшего современника Фукидида, неизвестного олигархического автора «Афинской политики», приписывавшейся Ксенофону и написанной около 425 г. Этот автор — такой же пессимист, как Фукидид; то, что происходит, ему также глубоко отвратительно. Но он не оперирует с отдельными индивидуумами, нагло и бессовестно применяющими «право сильного», а с двумя классовыми группами: это, с одной стороны, «немногие», «богатые», с другой — «бедные», «масса», «многие». В реальных условиях политической борьбы он, как и Фукидид, отказывается оперировать с моральными понятиями, но, в отличие от Фукидида, выдвигает на их место принцип классовой справедливости.

Замена у Фукидида принципа классовой борьбы психологическим принципом (свойством человеческой природы захватывать как можно больше, угнетать окружающих), с нашей точки зрения,— несомненный регресс, ибо сами психологические качества только производная от общественных условий; они не представляют собой чего-то устойчивого и постоянного, а меняются вместе с общественными условиями. Правда, и у Фукидида, наряду с психологией отдельных лиц, речь идет и о психологии коллективов, но это не классы, а главными образом олицетворенные государства: Фукидид говорит о национальном темпераменте афинян и спартанцев, о страхе лакедемонян, о ненависти коринфян, об умеренности и сдержанности мегарцев и т. д., как о важнейших факторах исторического процесса.

Отсюда до исторических законов в нашем смысле чрезвычайно далеко. Своей личной точки зрения на этот вопрос он вообще не высказывает, не считая возможным в научном труде говорить о чем бы то ни было, не подтвержденном в достаточной мере эмпирически, т. е. фактами, а факты его времени говорили только о неограниченном господстве права сильного.

Однако изучение труда Фукидида в целом дает нам возможность прочесть между строк эту общую точку зрения Фукидида, хотя историк и не высказывает своих взглядов прямо, так как считает их предметом веры, а не точного знания.

Мы говорили уже об общей структуре труда Фукидида: успехи афинян в Архидамовой войне; подробно изложенный мел-

кий и не имеющий ни военного, ни политического значения инцидент — захват Мелоса, как кульминационный пункт заносчивости афинских правителей, выдвинувшихся из народной массы, и как вопиющий пример применения «права сильного»; предпринятый в духе того же «права сильного» и вследствие заносчивости афинян поход в Сицилию, обещавший неслыханную удачу, но по трагической иронии судьбы окончившийся гибелью, и, наконец, тяжелая расплата и крушение афинского могущества.

С другой стороны, важно отметить следующее. В исследованиях о Фукидиде не раз отмечалось, что личность у него якобы не играет роли. Но это касается только времени с 429 г., когда государственные деятели старались следовать за массой и угождать ее стремлениям, а не вести ее за собой; эти люди, «равные друг другу, каждый из которых, стремясь стать первым, угождал народу и предоставлял ему управление государством» (II, 65, 10; причем имеется в виду не только Клеон, но и Алкивиад), конечно, никак не являются у него великими историческими личностями, т. е. самостоятельными факторами исторического развития. Другое дело — история до 429 г. Здесь Фукидид выводит на сцену великих исторических деятелей — Фемистокла и Перикла. Правда, заслугу Фемистокла он видит главным образом в том, что тот угадывал естественный ход исторического развития на долгое время вперед и умел соответственно направлять государственный корабль: «Фемистокл неоспоримо доказал природную даровитость... С помощью присущей ему сообразительности... он после самого краткого размышления был вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего. Он заранее предусматривал лучший или худший исход предприятия, скрытый еще во мраке будущего. .. Он обладал в наивысшей степени способностью моментально изобретать надлежащий план действия» (I, 138, 3). Что же касается Перикла, то он уже определенно ведет массу за собой, не считаясь с ее хищническими инстинктами: «Перикл, опираясь на свое влияние и ум. . . свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею. . . Перикл всякий раз, как замечал в афинянах заносчивость (hybris) и, как следствие ее, несвоевременную жажду деятельности, смирял их своими речами, доводя их до страха. . . По имени это была демократия, на деле же власть принадлежала первому гражданину» (II, 65, 8-9).

Итак, хотя «право сильного», хотя «заносчивость» (hybris) и «стремление захватить побольше» (pleonexia) — вечное и общее свойство природы человеческих масс, но великие люди могут до поры до времени эти чувства обуздывать и сдерживать. В этих случаях возможно кратковременное процветание государств. Но, в конце концов, свойства человеческой природы про-

рываются наружу — особенно быстро этот процесс происходит в эпоху войн и междоусобиц: hybris достигает своего высшего пункта, и затем следует тяжкая расплата. От кого же исходит это возмездие? На это Фукидид даже не намекает — это отвлекло бы его слишком далеко от его эмпирических предпосылок, не допускающих внесения каких бы то ни было сверхъестественных причин в его труд. Но у читателя естественно должна явиться мысль, что это — некое высшее всемогущее существо, и притом существо благое, озабоченное сохранением справедливости.

Значит, и в этом случае Фукидид, выступавший против Геродота, в общем принял усвоенную Геродотом старинную схему исторического рассказа: человек или государство «зазнается», впадает в hybris, а затем терпит за это кару; однако вместо «завистливых» богов у него, кажется, можно предположить более справедливые и гуманные силы.

С этими философскими установками связаны и его политические взгляды.

Политические взгляды Фукидида

В вопросе о политических взглядах Фукидида были высказаны чрезвычайно разноречивые суждения. Исходя из художественно написанной восторженной характеристики афинской демократии, вложенной в уста Периклу (II, 64), из полного одобрения политики Фемистокла (I, 138) и Перикла (II, 65), из восхваления свободолюбия афинского народа,¹⁰ Фукидид считали единомышленником Перикла (в русской литературе эта точка зрения представлена Ф. Г. Мищенко). В пользу этого говорят и иронические выпады против спартанцев, рассеянные в разных местах труда Фукидида,¹¹ ибо реакционные элементы в Афинах благоговели перед Спартой.

Однако те исследователи, которые видели в Фукидиде сторонника олигархии, могли выставить в подтверждение своих взглядов еще более веские свидетельства. В VIII книге (глава 97), говоря о строе, введенном в 411 г. (власть тяжеловооруженных, запрещение оплаты должностей под угрозой проклятия), Фукидид прославляет это «умеренное смешение олигархии и демократии» и говорит, что «на первых порах это был наилучший государственный строй, на моей, по крайней мере, памяти». Спартанский государственный строй он, как и все афинские реакционеры, считает идеальным (I, 18, 1): «Лакедемон с давних

¹⁰ VIII, 68, 4, по поводу олигархического переворота 411 г.: «У афинского народа трудно отнять свободу, тем более, что он не только никому не покорялся, но и привык к владычеству над другими».

¹¹ I, 141, 6-7; II, 39; III, 29-33; VIII 96, 5: «Не только здесь, но и во многих других отношениях лакедемоняне оказались такими врагами, воевать с которыми афинянам было очень удобно».

пор управляется благими законами». К толпе, ее взглядам и поступкам Фукидид относился надменно-пренебрежительно.¹²

Что касается фактов, говорящих о демократизме Фукидида, то эта группа ученых считает их неубедительными: Фукидид восхваляет Перикла не за его демократические мероприятия, а за то, что, несмотря на демократический строй, Периклу удалось заставить народ вести политику умеренной группы, т. е. воздерживаться от завоевательной внешней политики и от систематических обложений богатых («не приобрел влияния неблагоприятными средствами», «не угождал народу»). «Он сдерживал народную массу. .. смирял ее своими речами, доводя до страха. .. По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому мужу». Неубедительны, по мнению этих ученых, также и выпады против Спарты, ибо Фукидид нападает на нее как раз за то, что она недостаточно энергично и умело ведет войну с афинской демократией.

Внимательное изучение текста Фукидида, как справедливо указал В. П. Бузескул, заставляет нас считать оба эти взгляда крайностями. Правда, выяснить политическую физиономию Фукидида вообще очень трудная задача — значительно более трудная, чем выяснение политических взглядов Ксенофонта или Платона. Фукидид считает особой заслугой своей истории ее деловой и объективный характер. Изложение своих взглядов на вещи, всякого рода обобщения и лирические отступления ему органически чужды.

Тем не менее, целый ряд черт мировоззрения Фукидида можно установить с несомненностью. Так, из «Истории» Фукидида можно с несомненностью заключить, что политическая линия, проводившаяся радикальной демократией, была ему глубоко чужда. О вожде демократии Клеоне, которому афиняне были обязаны захватом Пилоса и лаконских пленников и в окончательном счете почетным окончанием Архидамовой войны, Фукидид не может говорить без крайнего возмущения. В этих случаях он теряет свою исключительную объективность и осыпает Клеона бранными эпитетами. Клеон для него воплощение *hybris*.

Так, например, он замечает (III, 36): «Это был вообще наглейший из граждан, но в то время он пользовался величайшим доверием народа». По поводу отправки Клеона под Пилос Фукидид говорит: «Легкомысленные слова Клеона вызвали даже смех среди афинян; людям же благоразумным они вселили радость при мысли, что одно из двух благ будет достигнуто: либо они избавятся от Клеона, на что больше всего рассчитывали, и т. д.» (IV, 28, 5). О блестящей удаче экспедиции Клеона Фукидид считает нужным заметить: «Итак, обещание Клеона, несмотря на его сумасбродство, оправдалось» (IV, 39,

3). Рассказывая о сражении под Амфиполем, в котором смертью героев погибли и Клеон и Брасид, Фукидид считает нужным заметить, что Клеон перед смертью «стал готовиться к бегству» (V, 10, 9), что «воины Клеона... по поводу его командования сравнивали его невежество и малодушие с опытностью и отвагой его противника» (V, 7, 2). Брасида, того самого, которому он сдал Амфиполь, он осыпает неумеренными и не всегда заслуженными похвалами. «Брасид действовал справедливо и умеренно по отношению к городам» (IV, 81, 2). «Действия Брасида во всех отношениях отличались умеренностью» (IV, 108, 2). Он остается все время верен клятве не лишать бывших афинских сторонников независимости и не производить у них насильственных перемен политического строя (IV, 86; 108, 2). Фукидид подробно останавливается на почетном приеме, оказанном Брасиду в городах фракийского побережья, на культе героя, которого он удостоился в Амфиполе, и на пренебрежительном отношении амфипольцев к афинскому герою-экисту (т. е. основателю колонии, IV, 121, 1; V, 11, 1). Невольно вкрадывается сомнение в том, что Фукидид в 424 г. опоздал в Амфиполь в силу простой случайности.

Не лучше, чем к Клеону, Фукидид относится и к его преемнику Гиперболу. «Они наказали афинянина Гипербола, человека гнусного, изгнанного остракизмом. .. за порочность и за то, что он позорил государство...» (VIII, 73, 3). Да и вообще, по мнению Фукидида, «преемники Перикла стоили, пожалуй, друг друга: каждый из них, стремясь стать первым, угождал народу...» (II, 65, 10).

Интересно сопоставить эту характеристику вождя радикальной демократии Клеона с содержащейся в VIII книге (68, 1) характеристикой вождя крайних олигархов, государственного изменника Антифонта. Фукидид называет его человеком, никому из современников не уступавшим в нравственных качествах. Другого вождя олигархии Ферамена Фукидид характеризует только как «человека выдающегося по красноречию и уму»; успех переворота 411 г. Фукидид объясняет тем, что во главе его стояли многие даровитые личности. Разумеется, нет ничего невероятного в том, что в этом случае вождь демократов был негодяем, а вожди олигархов благородными и даровитыми людьми. Однако все то, что нам известно о Клеоне из самого произведения Фукидида, по-видимому, противоречит оценке, даваемой ему Фукидидом, и, наоборот, характеристика Ферамена у других авторов заставляет предположить, что Фукидид, характеризуя Ферамена, как красноречивого и умного человека, умышленно умалчивает о его непривлекательном нравственном облике.

Фукидид возмущается внутренней политикой крайней демократии (II, 65). Он с необыкновенной яркостью рисует картины внутренней партийной борьбы в греческих государствах, вызван-

¹² II, 65; IV, 28; VI, 63; VIII, 1, 4, и другие места.

ной попытками проведения в жизнь экономической и политической программы демократов. Она сопровождалась массовыми убийствами и вызвала общее озверение и крушение нравственных устоев (III, 82—83).

Однако он ни разу не говорит о том, чтобы деятели аристократической партии вели себя честнее или человеколюбивее, чем демократы: по его мнению, обе стороны стояли друг друга.¹³

Точно так же он возмущается и внешней политикой демократии, основанной на угнетении союзников. Он рисует картину потрясающей жестокости афинских радикальных демократов к жителям восставшей Митилены и покоренного Мелоса. Но при этом он считает необходимым заметить, что отношение самих олигархов к союзникам ничуть не лучше отношения демократов (VIII, 48, 6): «Союзники уверены, что так называемые *kaloî kagathoi* (аристократы) доставят им не меньше неприятностей, чем демократы, так как именно они советуют народу и приводят в исполнение суровые мероприятия, из которых они извлекают для себя пользу».

Пусть, по мнению Фукидида, конкретные представители как радикальной демократии, так и консервативной аристократии не внушали к себе симпатий и стояли друг друга. Тем не менее, те идеальные правители, которые, по мнению Фукидида, должны были «спасти» государство, несомненно, мыслились им как люди старой нравственности и знатного происхождения.

С точки зрения афинских аристократов, изложенной в Псевдоксенофоновой «Афинской политике», бедный человек низкого происхождения уже тем самым способен на подлость и преступление. Наоборот, человек аристократического происхождения, получивший соответствующее воспитание и живущий в довольстве и богатстве, если только его не съедает чрезмерное честолюбие и он не становится на опасный путь угождения демосу, уже *eo ipso* достойный и благородный человек. И несомненно, Фукидид, воспитанный в традициях одного из самых аристократических и реакционных родов Афин — Филаидов, потомок фракийских царей, разделял эти предрассудки. Вероятно, у тех же Филаидов он унаследовал и идеал объединения всех греков под главенством Спарты для борьбы с Персией и несправедливое, враждебное отношение к Афинскому морскому союзу, направленному своим острием против Спарты. Фукидид слишком точный и тонкий историк, чтобы эти его симпатии могли повести к искажению фактов. Другое дело — оценка и речи сторон, которые по самой своей сущности носят субъективный

¹³ III, 82, 8: «Одни отдавали предпочтение политическому равноправию народной массы, другие умеренному правлению аристократии; в льстивых речах они выставляли своею целью общее благо, на деле же всячески стремились к преобладанию, отваживались на ужаснейшие злодеяния и т. д.»

характер. Эта субъективность проявляется также в выборе фактов для вводной части (события 478—431 гг.), где Фукидид не был обязан и не хотел дать исчерпывающий перечень событий: вряд ли случайно он опускает и договор афинян с персами (447 г.), и поражение, нанесенное спартам афинянами и аргосцами при Эное и захват афинянами Ахайи.

Не случайно поэтому, что воплощением *hubris* у него оказываются афинский демос и его радикальные вожди — от Клеона до Алкивиада.

При всей своей гениальности и стремлении к беспристрастию Фукидид тесно связан с исторической наукой Геродота и его предшественников и в основном находится в рамках старых причинных объяснений; с другой стороны, он остается сыном своего класса и своего общества.

4. КСЕНОФОНТ¹⁴

Биография Ксенофонта

Ксенофонт родился около 430 г. в зажиточной семье, не принадлежавшей, по-видимому, к высшей афинской аристократии. Родители позаботились о том, чтобы он получил аристократические манеры и аристократический спартанофильский образ мыслей. Надо думать, что Ксенофонт сочувствовал или даже содействовал олигархическим переворотам¹⁵ в Афинах, во время которых он был уже взрослым человеком. Вместе со всей аристократической молодежью Ксенофонт интересовался учением Сократа и стал одним из его учеников. Выросший в умственно ограниченной среде лаконофильской аристократии и ее подголосков, в которой интересовались только гимнастикой, охотой, верховой ездой и амурными делами (Греческая история V, 3, 20), он не мог и не стремился понять сущность учения Сократа. Философские произведения Ксенофонта показывают, что он лишь чисто внешне использовал отдельные положения сократовской этики и новую введенную им диалектическую форму для пропаганды скучной филистерской морали, пользуясь случаем блеснуть своим красноречием.

Прежде чем Ксенофонт сколько-нибудь основательно ознакомился с учением Сократа, обстоятельства направили его сов-

¹⁴ См. введение к моему переводу «Греческой истории» Ксенофонта (Л., 1935).

¹⁵ Нельзя даже утверждать с определенностью, что Ксенофонт сочувствовал в 411—404 гг. именно умеренной, а не крайней группе олигархов: его «Греческая история», в которой он становится на сторону Ферамена против Крития, написана в 50-х годах IV в. до н. э., когда партийная борьба в значительной степени улеглась и выступление в защиту крайних олигархов не встретило бы сочувствия ни в одной группе афинского населения.

сем в другую сторону. Его друг, беотиец Проксен, предложил; ему в 401 г. принять участие в походе персидского претендента Кира против своего брата, царя Артаксеркса II, и Ксенофонт пришлось бросить философию, променяв скучную учебу на полную приключений жизнь наемника. Дело в том, что положение аристократов в Афинах после свержения Тридцати тиранов, несмотря на клятвенное обещание демоса «не быть злопамятным», становилось все более ненадежным; прямой же переход к спартанцам превратил бы Ксенофонта в государственного изменника. Поступление на службу к Киру, который, хотя и был другом и союзником Спарты, но не порвал и с Афинами, было сравнительно наилучшим выходом из положения. Вдобавок, служба в качестве наемника была весьма выгодной; хорошая физическая и военная подготовка и аристократические манеры обеспечили Ксенофонту блестящую карьеру; в случае же ожидавшейся победы Кира и вступления его на престол положение Ксенофонта могло стать и совсем завидным.

Вопреки ожиданиям, поход этот, как известно, окончился неудачей. Персам удалось хитростью заманить и перебить греческих военачальников, и грекам не оставалось ничего другого, как выбрать новых военачальников, в число которых попал и Ксенофонт, и начать на свой риск и страх трудное отступление к побережью Малой Азии. Это отступление по неизвестным местам среди вражеского окружения представляет собой одну из наиболее блестящих страниц греческой военной истории.

При возвращении из похода Кира, где Ксенофонт действовал в интересах Спарты, ему и его войску пришлось встретиться с противодействием и недоброжелательностью тех самых спартанцев, которым он поклонялся. Ксенофонт и его товарищам не дали возможности вернуться в материковую Грецию; когда он приступил к основанию военной колонии для поселения своих воинов, спартанцы властно потребовали, чтобы приготовления к постройке ее были прекращены; из Византия бывшим наемникам Кира, возглавляемым Ксенофонтом, было предложено немедленно удалиться под угрозой продажи их в рабство. Однако Ксенофонт продолжал настаивать на повиновении спартанцам, говоря, что лакедемоняне руководят всей Элладой, «и каждый отдельный спартанец может сделать все, что ему вздумается, в любом греческом городе» (Анабасис VI, 6, 12).

После долгих мытарств и унижений Ксенофонт поступает на службу в спартанскую армию: уцелевших воинов он включает в спартанское войско. Вслед за этим он был объявлен в Афинах предателем и государственным преступником и приговорен к пожизненному изгнанию. Изгнание окончательно предопределило дальнейшую судьбу Ксенофонта, навсегда привязав его к Спарте. Когда в Малую Азию прибыл занявший незадолго перед тем престол спартанский царь Агесилай и при-

нял командование войском, он дал Ксенофонту пост при своем штабе: на Ксенофонта были возложены обязанности дипломатического характера.

С этих пор Ксенофонт стал близким другом и убежденным поклонником Агесилая. Он был посвящен во все секреты иезуитской политики этого государя, в котором изумительная сила воли и властолюбие сочетались с полным отсутствием нравственных принципов, прикрывавшимся нравоучительным резонерством и напускной религиозностью. Ксенофонт не мог не видеть всех недостатков своего патрона; но, исповедуя в глубине души тот же культ силы и успеха, что и Агесилай, и видя, что в этом отношении его патрон не имеет себе подобных, он принужден был умышленно закрывать глаза на те приемы, при помощи которых Агесилай добивался усиления спартанского могущества, и настолько проникся идеями этого государя, что, читая «Греческую историю», нередко кажется, что устами Ксенофонта говорит сам Агесилай. Под влиянием последнего Ксенофонт отправил своих сыновей в Спарту, чтобы они могли получить настоящее спартанское воспитание, пройдя всю ту муштру, которой подвергалась спартанская молодежь.¹⁶

Вследствие всего этого Ксенофонт не мог испытывать угрызений совести при мысли, что ему придется поднять оружие против своего отечества. Действительно, когда разразилась война между Спартой и враждебной ей коалицией, в которую входили и Афины, и Агесилай со своим войском двинулся в материковую Грецию, Ксенофонт пошел вместе с ним и участвовал в Коронейской битве (394 г.), находясь в числе врагов своей родины. Во время последовавшей затем Коринфской войны Ксенофонт оставался в лагере Агесилая, вероятно, до самого Антиалкидова мира (386 г.).

Немного времени спустя Ксенофонт, по неизвестным причинам, пришлось бросить военную и политическую карьеру и заняться сельским хозяйством. Взамен земель, конфискованных у него в Аттике, он получил имение в Элиде близ города Скиллунта, неподалеку от Олимпии, и посвятил себя сельским занятиям и литературе. Покой этот был прерван в 370 г., когда Скиллунт оказался в полосе военных действий между Спартой и Фивами. Однако в это время афиняне были уже на стороне Спарты; поэтому Ксенофонт удалось добиться амнистии. Сам он был уже слишком стар, но сыновья его сражались в афинском войске, причём один из них — Грилл — пал даже в битве при Мантинее (в 362 г.). Обстоятельства смерти Ксенофонта нам неизвестны.

¹⁶ Спартанское государство принимало к себе детей иностранцев и давало им такое же воспитание, как и молодым спартанцам. Эти юноши образовывали в Спарте особую группу, называвшуюся «трофимами», т. е. воспитанниками.

Чтобы понять мировоззрение Ксенофонта, необходимо вспомнить основные черты политической жизни конца V в.

Вспомним, что борьба между аристократией и демократией приняла к концу V в. крайне ожесточенные формы. Борьба между Спартой и Афинами постепенно превращалась из борьбы между государствами в борьбу между классами, вернее — группировками: аристократы в демократических государствах были, как правило, государственными изменниками и не только сочувствовали, но и активно содействовали Спарте; так же поступали демократы в аристократических государствах.

Своего кульминационного пункта достигла эта борьба в эпоху Пелопоннесских войн. Действительно, стоило спартамцам приблизиться к какому-нибудь городу, как местная аристократия начинала всячески содействовать им, а где удавалось, и открыто переходила на их сторону. Правда, по учению этих аристократов, высшей добродетелью гражданина было безусловное подчинение государственным установлениям; однако при этом имелось в виду только такое государство, которое соответствовало их аристократическим идеалам; в противном случае настоящий реакционер не только имел право, но и был обязан сделать все возможное для водворения «справедливого» строя и уничтожения «зловредных демократов». В Афинах все аристократическое общество было настроено не только лаконофильски, но страдало настоящей лакономанией.

Большое влияние на характер Ксенофонта оказала и его служба в наемниках. Греческие наемники вербовались из людей, которые либо были изгнаны из своей родины, либо не могли найти применение своим силам у себя дома. В начале IV в. такими изгнанниками были преимущественно сторонники аристократии; вдобавок наемник должен был иметь хорошую спортивную и военную подготовку, а такую подготовку в греческих городах систематически получали только дети аристократов. Этим объясняется преобладание олигархических тенденций среди наемников. Впрочем, наемникам не приходилось быть нравственно разборчивыми: в этой профессии в начале IV в. предложение значительно превышало спрос, и наемники были рады, если их приглашал на службу кто бы то ни было. Стоило одной стороне предложить несколько большее жалованье, и наемники массами перебежали к ней. Нередки были случаи, когда государство или властитель, нанявшие наемников, оказывались не в состоянии им платить или рассчитывали их. Они оставались на чужбине, но оставались сплоченной массой, и у них был только один выход — грабить население соседних областей — варварское или греческое — или заниматься систематическим вымогательством. Этот наемнический быт также должен был «оставить свой печальный след на характере Ксенофонта.

Не меньшее влияние должна была оказать на Ксенофонта и продолжительная близость к правящим кругам спартанской аристократии. Спартанская дисциплина, военное воспитание, умеренность и субординация считались идеалом государственного уклада не только в олигархических, но отчасти и в умеренно-демократических кругах. Но что представляла собой Спарта, современная Ксенофону? Она не только совершенно не считалась с новыми веяниями и цеплялась за старый отживший уклад; самый этот уклад был совершенно извращен в своей основе. «Добрые» и «лучшие» граждане, которым она всюду вверяет бразды правления, теперь уже не представители старинных родов, связанные в своих действиях по рукам и по ногам традицией и общественным мнением: теперь это более богатые граждане, которые правят, открыто и цинично преследуя интересы своего класса и своих близких. Не только Лисандр, но и кумир Ксенофонта Агесилай с его «партией» стремились к безграничному увеличению спартанского могущества прежде всего потому, что в нем заключался источник их собственной власти, и для достижения этой цели они не брезговали никакими средствами.

Все эти факты — происхождение из зажиточной семьи, светское аристократическое воспитание, служба наемником у Кира, служба в свите спартанского царя Агесилая, сопровождавшаяся военным выступлением против своей демократической родины, и изгнание из Афин — вполне определяют облик Ксенофонта; по справедливому замечанию одного историка, он был «типичным и убежденным представителем реакции в литературе того времени». Однако эта реакционность сопровождается у него своеобразной демагогией (политикой «добротного барина») и ханжеским нравственно-религиозным резонерством. Наиболее искреннее чувство у этого человека — ненависть к демократии.

Анабасис

Сочинение Ксенофонта «Поход Кира вглубь (Азии)» («Анабасис») носит название, не соответствующее содержанию книги: о походе Кира в глубь Азии говорится только в первых двух книгах, а прочие книги (III—VII) рассказывают как раз об обратном возвращении 10 000 греков. Поход описан в форме путевого журнала; путь в глубь Азии изложен по отдельным дням. Книга содержит целый ряд экскурсов географического, этнографического и дипломатического содержания, написана живо и читается с большим интересом. Очень хороши с литературной стороны и представляют большой исторический интерес данные в конце II книги характеристики греческих стратегов, принимающих участие в походе Кира. Этот поход был описан и кем-то другим; так, из словаря Стефана Византий-

ского нам известно, что автором такого сочинения был упоминаемый в «Анабасисе» Софэнет из Стимфалы. Ксенофонт выпустил «Анабасис»¹⁷ под псевдонимом Фемистогена Сиракузского. Действительно, в начале III книги «Греческой истории» Ксенофонта мы читаем: «Как Кир собрал войско, как он с этим войском отправился в глубь страны против брата, при каких обстоятельствах произошла битва, как Кир погиб и как после этого грекам удалось благополучно добраться к берегу моря,— обо всем этом написано уже в книге Фемистогена Сиракузского». Здесь мы имеем точное изложение содержания «Анабасиса», вдобавок совершенно невероятно, чтобы Ксенофонт опустил в своей истории такие важные исторические факты только потому, что об этом написано у другого автора. Поэтому уже древние не сомневались в том, что «Фемистоген» только псевдоним Ксенофонта. У Диодора описание похода десяти тысяч существенно отличается от рассказа Ксенофонта; вдобавок Ксенофонт здесь не играет никакой роли, тогда как в «Анабасисе» он руководит отступлением. Поэтому представляется весьма вероятным, что Диодор (вернее — уже Эфор) имел источником Софэнета и что в труде Софэнета Ксенофонт не играл никакой роли. Вполне понятно, что, желая подчеркнуть эту роль, Ксенофонт выпустил свою книгу — для большей убедительности — под псевдонимом.

«История Греции»

Если написанная после 356 г. «История Греции» (Hellenika) по своим литературным достоинствам значительно уступает «Анабасису», то значение этой книги для истории V—IV вв. громадно. Ни Диодор, ни Плутарховы биографии не содержат такого систематического и обстоятельного изложения событий 411—362 гг., какое мы находим у Ксенофонта. Правда, в 1906 г. в Египте на папирусе найден отрывок из истории (так называемый Оксиринхский отрывок), излагающий события 394 г. значительно подробнее, чем Ксенофонт. Но и в этом случае сравнение нового памятника с Ксенофонтом показывает, что свидетельства нового автора далеко не имеют той исторической ценности, как свидетельства Ксенофонта.

Лакедемонская полиция

Большое историческое значение имеет также трактат Ксенофонта «О государственном устройстве Спарты» (Lakedaimo-

¹⁷ По правдоподобию предположению Э. И. Соломоник, две первые книги «Анабасиса» были написаны вскоре после похода без всякой особой тенденции (здесь Ксенофонт не упомянут; название «Анабасис», «Поход в глубь страны», подходит только к ним). Впоследствии к ним из апологетических целей были присоединены книги III—VII, прославляющие заслуги Ксенофонта.

nion politeia); однако историческое значение этого произведения обусловлено тем, что до нас, кроме написанных полтысячелетия спустя биографий Плутарха, не дошло ни одной работы о государственном устройстве Спарты. Трактат дает идеализированное восстановление древней спартанской конституции в том виде, как ее представляли себе спартанские консерваторы. Она написана с явно апологетической целью прославления Спартанского государства, так как в это время появился ряд сочинений как вне Спарты, так и в Спарте, с выпадами против существующих в Спарте порядков и с проектами радикального переустройства спартанского государственного строя (Фиброн, Павсаний, Лисандр). Нарисованная Ксенофонтом идеальная Ликургова Спарта очень мало похожа на Спарту его времени, и Ксенофону пришлось в заключение указать на то, что в его время Спарта перестала соблюдать законы Ликурга, и это привело ее в тяжелое положение.

Киропедия

Одним из самых любопытных сочинений Ксенофонта является «Воспитание Кира», или «Киропедия». Ксенофонт делает вид, что пишет историю, но в действительности здесь из истории взята только общая обстановка; все остальное представляет собой свободное творчество Ксенофонта, так что по существу мы в этой книге имеем древнейший в мире исторический роман. В то же время это — древнейшая греческая политическая утопия, открывающая затем целую серию подобных произведений, начиная с Феопомпа (IV в. до н. э.) и кончая Ямбулом (III в. до н. э.). Основная цель этой книги — проповедь идей монархического переустройства Греции; в образе Кира Старшего, несомненно, выведен, наряду с Агесилаем, прежде всего любимый герой Ксенофонта — Кир Младший. Немногочисленные исторические факты, сообщенные в этой книге, часто искажены до неузнаваемости из нравоучительных соображений.

«Киропедия» написана много позже смерти Кира Младшего. Поэтому остается открытым вопрос, ждал ли Ксенофонт появления какого-нибудь объединителя Эллады вроде Кира Младшего из числа персов же, подготавливая почву для такого объединения, или проповедовал объединение Греции под властью любого монарха, а инсценировка его романа в Персии имела лишь целью сделать книгу более занимательной ввиду ее экзотичности.¹⁸

¹⁸ В целях той же занимательности в «Киропедию» вставлен любовный эпизод — рассказ о Панфее, сохранившей и в плену верность своему мужу Абрадату и разделившей с ним смерть. Таким образом, в «Киропедии» мы находим и зародыш будущего греческого романа. Эта скучная нравоучительная книга более соответствовала характеру римлян, чем греков; не удивительно поэтому, что популярной она стала в I в. до н. э. (она была люби-

Кроме этих произведений, Ксенофонтом написан целый ряд морально-философских, так называемых «сократовских» произведений. О них было уже сказано выше.

Ксенофонт как историк

Приведенных выше сведений из биографии Ксенофонта достаточно для того, чтобы понять, почему повествование Ксенофонта в его основном труде — «Греческой истории», а частью и в других исторических сочинениях, подчас производит впечатление спартанской официальной версии греческой истории. Как мы видели, Ксенофонт принимал без всяких оговорок и считал верхом совершенства строй и порядки, царившие в Спарте. Далее, как мы видели, Агесилай был личным другом писателя, и Ксенофонт благоговел перед политикой этого царя. Поэтому и к историческому труду Ксенофонт предъявлял те же требования: воздействие на дух читателя при помощи изображения спартанского могущества и дисциплины, внушение любви к Спарте путем подчеркивания хороших на его взгляд сторон и умолчания дурных. Подобно тому как Агесилай ставил своей целью усиление могущества Спарты, не останавливаясь для достижения этой цели ни перед какими мерами, так и Ксенофонт поставил своей задачей апологию и восхваление этой могущественной Спарты во что бы то ни стало. Вот почему рассказ его носит определенно односторонний и тенденциозный характер.

Ксенофонт обладает исключительным умом и редким дипломатическим талантом и говорит о чем-нибудь только тогда, когда это нужно и выгодно для его дела; умолчание об одних фактах и неверное освещение других его никогда не останавливают. В большинстве случаев Ксенофонт не прибегает к простому искажению фактов: его любимые приемы — умолчание и отвлечение внимания читателя вставными второстепенными эпизодами с целью ослабить невыгодное впечатление, вызванное теми или иными поступками или неудачами спартанцев. Само собой разумеется, он постоянно недооценивает удачу врагов Спарты и преувеличивает важность и значение спартанских успехов; несмотря на то что обычно он сообщает одну только правду, впечатление получается часто как раз противоположное действительности, благодаря тому что он подолгу останавливается на несущественных для общего хода дел второстепенных событиях, а о главнейших фактах упоминает лишь мимоходом.

мой книгой Сципиона Младшего и Цицерона). В подражание «Киропедии» был написан целый ряд греческих книг: Онесикрит и Марсий написали «О воспитании Александра», Николай Дамасский — «О воспитании Цезаря».

История Ксенофонта не отличается теми достоинствами, какими отличаются труды его предшественников Геродота и Фукидида: здесь нет ни широты кругозора, ни объективности, ни стремления к истине. Мы видели, что Ксенофонт не останавливается перед систематическими умолчаниями и извращениями исторической перспективы, а иногда и фактов для достижения необходимого ему впечатления. Однако исторические сочинения Ксенофонта имеют и ряд заслуг. Его «Греческая история» является в сущности не историей, а историческими мемуарами, написанными одним из активнейших деятелей эпохи. Вдобавок это по существу единственная дошедшая до нас история этой эпохи, написанная современником: от Феопомпа, Кратиппа и Эфора до нас дошли только жалкие обрывки, а Диодор, Трог Помпей и Плутарх, писавшие через несколько столетий после этих событий, хотя и восходят частично к этим утраченным источникам, но в ряде случаев доверия не заслуживают, так как заимствуют материал из третьих рук и притом вовсе не обладают качествами, нужными для историка.

Но, кроме того, Ксенофонт как исторический писатель имеет целый ряд достоинств. Это — прекрасный знаток военного дела; с другой стороны, это весьма интеллигентный человек, к тому же стоявший в близких личных отношениях с вершителями судеб тогдашней Греции. Нелепостей или несуразностей, подобных тем, какие мы встречаем в рассказах позднейших историков о классической эпохе, он не напишет. Выдумок или прямо неверных фактов у него очень мало. Правда, как мы уже говорили, нужного ему впечатления Ксенофонт достигает другими, не вполне добросовестными приемами: умолчанием или очень кратким упоминанием о неприятных ему событиях, раздуванием нужных ему фактов, приданием им того значения, которого они не имели, отвлечением внимания читателя в опасных для его идейных построений местах всевозможными моральными рассуждениями, диалогами, своеобразным освещением и т. д. Однако все эти недостатки в известной мере уравниваются тем, что Ксенофонт — прекрасно осведомленный свидетель, точно и с пониманием дела сообщаящий читателю те факты, очевидцем которых ему пришлось быть.

5. ИСТОРИКИ IV в.

Кратипп

Труд Фукидида открыл новую страницу в греческой историографии. На первых порах вряд ли кто-либо мог решиться конкурировать с ним в описании событий 431—411 гг.; действительно, этой эпохой специально не занимался ни один из историков IV в. Тем заманчивей казалась перспектива стать преемником величайшего из историков, труд которого остался не-

законченным. Кроме Ксенофонта, за продолжение истории Фукидида берутся Кратипп и Феопомп.

Кратипп был младшим современником Фукидида,¹⁹ вероятно, значительная часть сообщений о конце жизни Фукидида и судьбе его труда заимствована из вступления к истории Кратиппа. Кратипп довел свой труд до восстановления афинских стен Кононом, т. е. до 393 г. Изложение его было очень обстоятельным. К сожалению, дошло только несколько ссылок на его труд у позднейших историков.

Ктесий

Значительно больше нам известно о другом историке этого времени, о Ктесий. Ктесий был последним и не очень удачным эпигоном ионийской историографии; он писал на ионийском диалекте в то время, когда все его современники пользовались уже аттическим. Ктесий происходил из рода Асклепиадов на Книде; медицинская профессия была наследственной в его роде. Он сделал выдающуюся карьеру в персидском плену и стал в конце концов придворным врачом при царе Артаксерксе.²⁰ В годы его юности на Книде шла ожесточенная борьба между демократами, сторонниками афинской ориентации, и аристократами, ориентировавшимися на Спарту. Ктесий, как аристократ, сочувствовал Спарте и остался лаконофилом до конца своих дней. Вместе с царем Артаксерксом Ктесий находился в лагере во время битвы при Кунаксе (401 г.) и, когда царь был ранен, оказал ему медицинскую помощь.²¹ В 398 г. Ктесий был отпущен царем и вернулся на родину.

Уже со времен Дария греческая медицина была в особом почете при персидском дворе, и царя обслуживали греческие врачи. Грек-врач, как мы узнаем из Геродота (III, 130, 133), имел доступ в царский гарем, чего не имели даже приближенные персы; не удивительно, что эти врачи либо сами вмешивались, либо их втягивали во всевозможные придворные интриги. Любители сплетен получали богатый материал для своих рассказов — правдивых или фантастических. В частности, Ктесий был в такой чести, что царь отправил его в составе посольства на Кипр к Евагору и Конону. Деяния персидских царей записывались в особую книгу; эта придворная история называлась «царскими пергаментами» (*basilikai diphtherai*). Любопытный Ктесий получил доступ и к этим книгам. По возвращении на родину Ктесий написал «Историю Персии» (*Persika*) в 23 книгах. К сожалению, эта работа до нас не дошла. В эпоху Не-

рона ученой женщиной Памфилой было сделано извлечение из этого труда (в трех книгах). Еще позже константинопольский патриарх Фотий в своей «Библиотеке» дал краткое изложение работы Памфилы. Это изложение и является основным источником нашего знакомства с трудом Ктесия. Казалось бы, что доступ к местным источникам давал возможность Ктесию получить правильные сведения об истории Персии: он с презрением говорил о Геродоте, как о человеке, не имеющем правильного представления об истории персов. Но сам Ктесий был писателем с чрезвычайно узким кругозором и, по общему мнению всех его современников, — редким фантазером и лжецом; не задумываясь, он сочинял не только отдельные факты, но даже имена царей в уверенности, что, вследствие недоступности персидских пергаментов, его никто не сможет проверить. Почти во всех случаях, где он высокомерно поправляет Геродота, правда оказывается на стороне последнего. Поэтому доверять Ктесию можно только тогда, когда он излагает современные ему факты, ставшие общеизвестными, где всякая ложь могла быть сразу же обнаружена.

Первые шесть книг «Персидской истории» касались древнейшей истории Ассирии, Мидии и Персии. Правлению Кира Старшего были посвящены целых пять книг (VII—XI); очень возможно, что из этой части «Персидской истории» Ктесия в значительной мере черпал свой материал Ксенофонт для «Киропедии» (Ксенофонт ссылается на Ктесия как на свой источник). Сравнительно кратко Ктесий изложил последующую историю до вступления на престол Артаксеркса II (XII—XVIII книги); зато правлению своего покровителя он посвящает целые три (последние) книги. Здесь была изложена довольно подробно борьба Артаксеркса с Киrom. Эта часть труда Ктесия широко использована Плутархом (в его биографии Артаксеркса) и Диодором; она являлась основным источником для истории похода Кира наряду с «Анабасисом» Ксенофонта.

Кроме «Персидской истории» Ктесий составил еще «Описание Индии» (*Indika*) в одной книге, где рассказывались чудеса об этой стране, ее растениях, животных и т. д. Это древнейшее сочинение об Индии известно нам также только из пересказа Фотия.

Риторическая школа

Характерной особенностью историографии эпохи македонского господства является то, что ею занимаются преимущественно ораторы и учителя красноречия, вследствие чего речи исторических деятелей занимают в ней все больше места, так что, наконец, несообразность этих речей начинают чувствовать и современники. Особенно возмущали современников чрезвычайно длинные речи, произносившиеся у этих авторов полководцами

¹⁹ Дионисий. О Фукидиде. 16. Попытки датировать Кратиппа другим временем неубедительны.

²⁰ Диодор. II, 32, 4.

²¹ Ксенофонт. Анабасис. I, 8, 26.

на поле битвы непосредственно перед боем. Против Эфора был даже направлен язвительный стишок: «Никто не станет болтать такую чепуху, находясь возле оружия».

Риторическое оформление было, однако, чисто внешней особенностью исторических трудов этой эпохи. Характерной чертой их является выдвижение на первый план отдельных личностей. Вспомним, что для Фукидида личность являлась только выразителем того или иного политического направления, что поэтому он не сообщает нам ни одной подробности из личной, интимной жизни своих героев. Теперь во главе вновь образующихся больших государств становятся ловкие выскочки, игнорирующие государственные установления старого полиса. Перед ними заискивают, им угождают, им воздаются даже божеские почести. Одной из любимых тем философии того времени является проблема сильного «сверхчеловека», который никому не обязан давать отчет в своих действиях. Понятно, что и в истории личная жизнь выдающихся людей, включая всевозможные сплетни и анекдоты, занимает теперь первенствующее место.

Оба крупнейших историка македонской эпохи — Эфор и Феопомп — были учениками Исократы, доведшего афинское ораторское искусство до высшего совершенства.

Эфор

Эфор родился в конце V в. Он происходил из Кимы (в Малой Азии). Эфор был автором первой всемирной истории, охватывавшей с достаточной обстоятельностью (а не в виде случайных экскурсов) все страны известного тогда мира. Это было объемистое сочинение в 30 книг. В отличие от своих предшественников (исключая Фукидида) Эфор вовсе отказывался от изложения древнейшей истории Греции, считая ее сказочной и недостоверной; он начинал свою историю с возвращения Гераклидов и кончал ее 340 г. Эфор дожил до царствования Александра; то, что он окончил свою «Историю» на таком случайном пункте, надо объяснить, по-видимому, прервавшей его работу смертью. Его «История» была продолжена до конца второй священной войны его сыном Демофилом. Древнейший период Эфор излагал кратко, посвятив большую часть труда современным ему событиям: так, события 384—362 гг. занимали у него целых пять книг и столько же события 362—340 гг.

Эфор был, как указывают древние авторы, очень добросовестным историком, стремившимся прежде всего к истине (*philalethes*); он ставил своей целью устранить из своего рассказа все сказочное и неправдоподобное. К сожалению, он не обладал критическим чутьем Фукидида. Он часто не устранял мифов совершенно, а давал их рационализацию: так, дракон Пифон, владевший некогда территорией Дельфийского святилища, превра-

щается у него в злого человека Пифона, который за свою неуживчивость получил прозвище Дракона. Если в источниках Эфор находит различные рассказы об одном и том же событии, он пытается так или иначе примирить обе версии, либо дублировать рассказ, сообщая, например, о двух сражениях в одном и том же месте или о двух одноименных героях. Будучи кабинетным ученым, он не был знаком с военным делом, и поэтому его описание сражений часто оказывались нелепыми и внутренне неправдоподобными. Очень забавляло современников стремление Эфора выдвинуть на видное место его родной город Киму, не игравший никакой роли в истории; Эфору приходилось множество раз повторять формулу: «В Киме в это время ничего замечательного не произошло».

Впрочем, недостатки Эфора несомненно сильно преувеличены традицией. Эта традиция была в общем настроена лаконофильски и аристократически, тогда как Эфор был горячим сторонником Афин. Спарту он не любил, хотя относился с уважением к ее государственным учреждениям, но особенно ненавидел выдвинувшуюся в это время на первое место Беотию. Любопытно, что Эфор относился с большим уважением к варварам и их культуре, считая, что греческая культура заимствована у варваров. Он принципиально отказывается дробить историю по полугодиям, как делал Фукидид, и, приступая к описанию события, доводит его обыкновенно до конца, а затем возвращается к более раннему времени. Подобно Геродоту, он включил в свою работу многочисленные экскурсии.

Эфор добросовестно использовал очень разнообразные источники; не прибегал он только к непосредственному наблюдению и опросу участников, так как не выходил из своего ученого кабинета. Он тщательно изучил своих предшественников, начиная от Гелланика и кончая Ктесием; из Геродота и Фукидида он заимствовал почти без изменения целые отделы. Кроме того, он широко привлек как поэтов и ораторов, так и надписи. К сожалению, критическое чутье он часто проявлял не там, где нужно; так, например, он отвергал причины Пелопоннесских войн, изложенные у Фукидида, и заменял их ничего не стоящими анекдотами, извлеченными им из афинской комедии. Кроме всемирной истории, Эфор написал еще местную историю Кимы.

Больше всего нападок вызывал в древности стиль Эфора — несколько однообразный и вялый, лишенный пафоса. Сообщался даже анекдот, будто Исократ сказал о своих учениках, что Феопомп нуждается в узде, а Эфор в биче. К сожалению, мы уже не в состоянии судить о достоинствах и недостатках Эфора, так как из его трудов до нас дошли только жалкие цитаты. Последующие историки широко использовали Эфора, считавшегося классическим историком, но, к сожалению, они в большинстве случаев не указывают своего источника. Особенно тесно при-

мыкает к Эфору Диодор: XI—XVI книги его труда в основном представляют собой пересказ Эфора. Очень много заимствовал у Эфора также Плутарх. Однако цитаты из Эфора с сохранением текста подлинника отсутствуют; поэтому мы уже не можем судить о его стиле.

Феопомп

Феопомп был политическим противником Эфора. Он вырос на Хиосе в аристократической, законофильской семье; в 376 г. был изгнан с Хиоса, сохранив на всю жизнь ненависть к демократии. Затем он долгое время жил в Афинах, и только благодаря Александру Великому ему разрешено было вернуться на родину. Некоторое время он, как ученик Исократы, занимался составлением торжественных речей, но затем всецело отдался деятельности историка.

Главнейшими сочинениями Феопомпа были его «Греческая история» (*Hellenika*) в 12 книгах и «История Филиппа» (*Philippika*) в 58 книгах. «Греческая история» представляла собой, как мы уже говорили, продолжение труда Фукидида и была доведена до битвы при Книде (394 г.). Любимым героем Феопомпа в этой книге был Лисандр; много места было отведено и вообще спартанскому государственному устройству. От «Греческой истории» до нас дошло лишь немного отрывков. Гораздо больше отрывков дошло от «Истории Филиппа», охватывавшей всю жизнь этого царя. Феопомп, придворный македонских царей, был горячим поклонником Филиппа и считал его величайшим из всех людей, которые когда-либо жили. Однако в своей любви к анекдотам и скандальным историям он не удержался от того, чтобы рассказать о безудержном пьянстве этого царя. «История Филиппа» содержала целый ряд экскурсов, не связанных непосредственно с Филиппом. Так, целые три книги были посвящены истории Сицилии, а большая часть X книги представляла собой пасквиль на афинских государственных деятелей V в., начиная с Фемистокла,— вероятно, она имела целью развенчать Демосфена и других противников Филиппа, вскрыв, так сказать, исторические корни их демократизма. В древности особенно популярно было содержащееся в VIII книге описание сказочной страны Меропиды. Это — одна из древнейших социальных утопий в мировой литературе.

Из других произведений Феопомпа (также не дошедших до нас) укажем только на краткое извлечение из Геродота в двух книгах и на сочинение «О школе Платона», представлявшее собой злостный памфлет, в котором Феопомп обвинял Платона в систематическом плагиате.

Сочинения Феопомпа были написаны живым, цветистым и остроумным слогом. Наиболее характерными для его книги были жизнеописания и анекдоты об исторических деятелях.

Феопомп отличался желчным характером и старался осветить своих героев с дурной и забавной стороны (*maledicentissimus scriptor*, как выражался о нем Непот). В позднейшее время Феопомп не только считался наравне с Эфором автором классического исторического труда, но и увлекательнейшим писателем. Вопрос о том, в какой мере Феопомп был использован Трогом Помпеем, Диодором и Плутархом, остается до нашего времени спорным.

Оксирихский историк

Целый ряд новых фактов из греческой истории 395 г. стал известным благодаря открытию в 1906 г. сравнительно большого отрывка из исторического труда на одном из папирусов, найденных в Оксирихе (в Верхнем Египте). Совершенно новым было изложение конституции Беотийского союза, до сих пор вовсе неизвестной. Это сочинение написано простым, ясным слогом без всяких риторических ухищрений; речи здесь отсутствуют, хотя в некоторых местах они могли бы быть очень уместны. Издатели этого папируса — Гренфелль и Хант (*Oxyrhynchus Papyri*, vol. V, 1908)—считали, что автором этой истории могли быть либо Кратипп, либо Феопомп. Спор между учеными в следующие затем годы касался только вопроса, кто из этих двух историков был автором отрывка. Так, Эд. Мейер, в специальном исследовании, посвященном этому вопросу (*Theopomps Hellenika*. Halle, 1909), высказался за авторство Феопомпа; другие — за авторство Кратиппа или даже Эфора. Уже самое это разногласие показывало произвольность всех этих отождествлений. В настоящее время можно считать установленным, что автором этого произведения не был ни тот, ни другой, ни третий. Предположение Ф. Якоби в его «*Fragmente der griechischen Historiker*», что автором этого произведения был Даимах из Платеи, имеет больше оснований. Во всяком случае, несомненно, что перед нами автор, очень близкий к описываемым событиям, имеющий подробную информацию, независимую от Ксенофонта. Сравнительный анализ показал, что в понимании исторических событий автор значительно уступает Ксенофону. Ни резкой спартанофильской тенденции (как у Феопомпа), ни афинофильской (как у Эфора) в его произведении усмотреть нельзя.

Филист

В связи с большим политическим и экономическим значением Сицилии и ее независимости от государств материка здесь возникла самостоятельная историографическая традиция. Древнейшим и наиболее значительным из историков Сицилии был Филист из Сиракуз. В 414 г., во время похода Гилиппа в Си-

цилию, он был уже взрослым человеком, так что мог описывать события этого времени по личным воспоминаниям.

Расцвет его жизни относится к правлению обоих Дионисиев. Он был очень богатым человеком, был женат на племяннице Дионисия Старшего и принимал живейшее участие в сицилийской политике. В 386 г. Филист был изгнан Дионисием Старшим, и только через 20 лет Дионисий Младший разрешил ему вернуться. В 356 г. он погиб, будучи полководцем Дионисия Младшего, в борьбе с Дионом.

История Филиста распадалась на две самостоятельные части: первая состояла из семи книг и была посвящена истории Сицилии до Дионисия; вторая была посвящена царствованию Дионисия Старшего (4 книги) и Дионисия Младшего (2 книги). Древние (прежде всего Цицерон) обращали внимание на большое сходство его изложения с изложением Фукидида: как и Фукидид, он писал на основании личных наблюдений, его стиль был таким же сжатым. Подобно Фукидиду, он избегал всяких отступлений. Однако, по мнению древних исследователей, он подражал Фукидиду только в его отрицательных чертах. Он всячески льстил Дионисию Старшему, желая добиться возвращения из ссылки: однако это низкопоклонство не дало результатов. Согласно указанию Феона, описание Сицилийского похода он просто списал у Фукидида. Однако это вряд ли верно, так как у Диодора и в Плутарховой биографии Никия имеются подробности, не содержащиеся у Фукидида и, по всей вероятности, через Тимея и Эфора восходящие к Филисту. Немногочисленные отрывки, дошедшие от его труда, показывают, что им были использованы также карфагенские источники.

Тимей

Из многочисленных преемников Филиста, писавших историю Сицилии и Италии, наибольшей известностью пользовался Тимей из Тавромения, ставший в римское время единственным авторитетом по истории этих стран. Тимей жил приблизительно с 346 по 250 г. Отец его был основателем и тираном города Тавромения. После захвата Агафоклом власти в Сицилии в 317 г. Тимей принужден был бежать в Афины, где прожил 50 лет. Лишь в глубокой старости он вернулся в Сицилию, где и скончался. В Афинах Тимей обучался ораторскому искусству в духе традиции Исократа. Он не был практическим государственным деятелем, и написанная им «История Сицилии» в 38 книгах основана главным образом на литературных источниках и надписях, которые он привлекал с большой любовью и тщательностью. Тимей мало считался со взглядами окружавшего его общества и, не задумываясь, отвергал и поносил общепризнанные авторитеты. Так, он интересовался философией и в бытность в Афинах познакомился с представителями перипатети-

ческой школы. Однако перипатетическая наука произвела на него самое тяжелое впечатление, и его «История» наполнена резкими выпадами против перипатетиков, главным образом против Аристотеля и Феофраста. Эти резкие отзывы о современных ему ученых и были главной причиной того, что эллинистические историки единым фронтом выступили против Тимея и создали ему самую скверную репутацию. Однако многие из их обвинений являются в наших глазах похвалами. Так, например, Тимею ставилось в вину, что он считал единственной целью историка — нахождение истины и относился к стилю, как к чему-то второстепенному. Полибий упрекает его в том, что он, подобно старухе-старьевщице, выискивает на задворках храмов стелы с надписями, декреты о проксении и т. д. Не является с нашей точки зрения недостатком и то, что Тимей включил в свой труд обширные географические и этнографические экскурсы, а также обзоры по истории философии, риторики и литературы.

Основным недостатком, вменявшимся в вину Тимею, было его чрезмерное самомнение. Так, Плутарх в начале биографии Никия дает такую характеристику Тимея: «Он вознамерился превзойти Фукидида красноречием, а Филиста представить по сравнению с собой неотесанным неучем. Мне такое состязание в слоге и зависть к другим представляются мелочностью и софистикой, а в том случае, если они обращены на неподражаемое, еще и совершенным тупоумием». Далее Плутарх обвиняет Тимея в том, что в его труде слишком большую роль играют предсказания; это — справедливое обвинение, но в устах Плутарха оно звучит весьма забавно. Такими же недостатками Тимея являются рационалистическое толкование мифов, попытки примирить противоречащие друг другу версии, наивные этимологии. Брошенное же ему Полибием обвинение в заведомом извращении исторических фактов, по-видимому, носит клеветнический характер. Те поздние авторы, которые поносили Тимея, тем не менее некритически списывали у него все те части своих трудов, которые были посвящены Сицилии. Так, обширные отделы истории Диодора, посвященные Сицилии, соответствующие места Полибия, Страбона, Трога Помпея (Юстина) и Плутарха заимствованы несомненно у того же Тимея.

История Тимея начиналась с древнейших времен и кончалась смертью Агафокла (289 г.). Кроме истории самой Сицилии, здесь довольно подробно излагалась история Карфагена и Италии; ряд экскурсов был посвящен также истории материковой Греции. Особое приложение к его «Истории» составляла «История Пирра».

В «Истории» Тимея содержалась также древнейшая версия о переселении Энея и основании Рима (в начале труда Тимея дано было подробное изложение мифов, связанных с греческим Западом). Материал был расположен в хронологическом по-

рядке, годы были обозначены не только по афинским архонтам и спартанским эфорам, но и по олимпиадам — счет по олимпиадам был впервые введен в науку Тимеем.²² Все это заставляет нас считать утрату труда Тимея одной из самых тяжелых потерь в греческой историографии.

Аттидографы

Со времени македонского владычества Афины перестали быть ведущим политическим центром Греции, сохранив лишь значение центра научных занятий, искусств и литературы. Взор афинских писателей невольно обращается к славному прошлому Афин, которое представляется теперь в романтическом свете. Не удивительно, что наряду с универсальными историями, отражающими новый универсальный характер политики и экономики (вроде трудов Эфора и Тимея), теперь появляется ряд местных историй Аттики, так называемых «Аттиды». Эти Аттиды носят скорее антикварный, чем исторический характер. Здесь с любовью описываются старинные установления, легенды и традиции Аттики. Эта отрасль литературы умышленно отказывается от риторики — рассказ ведется в безыскусственном стиле летописей. Прототипом всех Аттид явилась Аттида Гелланика, о котором мы говорили выше. Авторами этих книг в большинстве случаев были люди, близко стоявшие к аттической религии (жрецы, предсказатели и т. д.).

Наиболее известными из аттидографов были: Клитодем (около 350 г.), написавший, кроме «Аттиды», две книги религиозного содержания «Перворождения» и «Толкования», Андротион, ученик Исократы, государственный деятель, противник Демосфена (в 355 и 354 гг. Демосфен выступал против него на суде) и Филохор.

Филохор был самым известным и крупным из аттидографов; деятельность его падает на первую половину III в. Кроме «Аттиды» в 17 книгах, он написал ряд антикварных, исторических и историко-литературных трудов (например, историю Делоса, историю Эпира, об афинских праздниках, об афинских состязаниях, о мифах у Софокла). Он широко использовал не только сочинения своих предшественников, но и надписи; при этом он (несмотря на рационалистический подход к мифам) проявил большой исследовательский талант. В отличие от других аттидографов Филохор тщательно отделял стиль своих работ. Филохор был широко использован позднейшей исторической литературой; на него часто ссылаются.

²² Кроме «Истории», Тимей написал еще специальную хронологическую работу «Олимпиадики».

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Вторая половина IV — первая половина III тыс. до н. э. Культура неолита на Балканском полуострове и прилегающих островах.
 Вторая половина III тыс. Культура энеолита (меднокаменного века) переходящая в культуру бронзы.
 2000—1150. Крито-микенская эпоха.
 2000—1700. Период старых дворцов на Крите.
 Ок. 1900. Вторжение греческих племен (ахейцев) на Балканский полуостров
 1700—1400. Период новых дворцов на Крите. Линейное письмо А.
 Ок. 1550. Начало позднеэлладского (микенского) периода в Греции Шахтовые гробницы.
 Ок. 1500. Начало купольных гробниц.
 Ок. 1400. Конец критской гегемонии на море. Вторжение ахейцев на Крит Линейное письмо Б.
 XIV—XIII вв. Проникновение микенских греков в страны Леванта (Малую Азию, Сирию, Ливан, Кипр).
 Середина XIV в. Упоминания о государстве Ахивава в хеттских клинописных текстах.
 Ок. 1200. Начало великого переселения народов в Эгеиде. Дорийское вторжение в Грецию.
 1193—1183. Троянская война (по датировке Эратосфена).
 Ок. 1150. Начало ионийской и эолийской колонизации западного побережья Малой Азии.
 1150—800. Эпоха Темных веков, или гомеровское время.
 1103. Вторжение дорийцев в Пелопоннес.
 Ок. 1100. Начало железного века в Греции.
 X—IX вв. Усвоение греками алфавитного письма.
 IX в. Синоикизм в Афинах. Возникновение Спарты.
 Рубеж IX—VIII вв. Оформление гомеровского эпоса.
 800—500. Архаическая эпоха.
 776. Проведение первых Олимпийских игр.
 Середина VIII в. Начало Великой греческой колонизации. Основание Кимы в Кампании, Синопы и Трапезунта в Понте.
 Вторая половина VIII в. Первая Мессенская война.
 736. Основание Наксоса в Сицилии.
 735. Основание Сиракуз.
 Ок. 700. Основание Тарента.
 Рубеж VIII—VII вв. Творчество Гесиода.
 Первая половина VII в. Лелантская война.
 Ок. 660. Основание Византия.

657—584. Тирания Кипсела и его преемников в Коринфе.
655—555. Тирания Орфагора и его преемников в Сикионе.
Середина VII в. Основание Навкратиса в дельте Нила. Правление Фидона в Аргосе. Рождение голлитской фаланги.
Вторая половина VII в. Вторая Мессенская война.
632. Тирания Феагена в Мегарах. Килонова смута в Афинах.
Ок. 630. Основание Кирены.
621/20. Законодательство Драконта в Афинах.
Ок. 600. Основание Массалии на южном побережье Галлии. Тирания Фрасибула в Милете.
594. Реформы Солона в Афинах.
570—554. Тирания Фалариса в Акраганте (в Сицилии).
560—510. Тирания Писистрата и его сыновей в Афинах.
559—530. Правление Кира Старшего, создателя Персидской империи.
538—522. Тирания Поликрата на Самосе.
530—522. Правление Камбиса в Персии.
522—486. Правление Дария I.
514. Заговор тираноубийц Гармодия и Аристоклитона в Афинах.
513. Скифский поход Дария.
508/7. Реформы Клисфена в Афинах.
506. Победа афинян над беотийцами и халкидянами.
500—449. Греко-персидские войны.
500—494. Восстание малоазийских греков.
Ок. 495—445. Правление Александра I Филэллина в Македонии.
494. Взятие персами Милета.
493/2. Архонтство Фемистокла в Афинах.
492. Первый поход персов на Грецию под командованием Мардония.
490. Поход Датиса и Артаферна. Сражение при Маратоне.
486—464. Правление Ксеркса в Персии.
485—466. Тирания Дейноменидов Гелона, Гиерона и Фрасибула в Сиракузах.
482. Остракизм Аристиды. Начало выполнения морской программы Фемистокла.
481. Создание Эллинского союза. Соглашение Персии и Карфагена о совместном наступлении на греков.
480. Поход Ксеркса на Грецию. Сражения при Фермопилах и Саламине. Победа сицилийских греков над карфагенянами при Гимере.
479. Решающие победы греков над персами при Платеях и Микале.
478/7. Учреждение Первого Афинского (Делосского) морского союза.
471. Остракизм Фемистокла.
469. Победа греков над персами при Эвримедонте.
464. Восстание илотов в Спарте и начало Третьей Мессенской войны.
464—423. Правление Артаксеркса I в Персии.
462. Реформы Эфиальта в Афинах.
461. Остракизм Кимона. Убийство Эфиальта. Выдвижение Перикла.
460. Афинское вторжение в Египет.
457—445. Первая, или Малая, Пелопоннесская война.
457. Сражения при Танагре и Энофитах.
454. Поражение афинян в Египте. Перенос союзной казны с Делоса в Афины.
451. Закон Перикла об афинском гражданстве.
450. Победа афинян над персами у Саламина Кипрского.
449. Каллиев мир и конец Греко-персидских войн.
447. Поражение афинян при Коронее. Образование Беотийского союза.
445. Заключение Тридцатилетнего мира между Афинами и Спартой.
444—430. Перикл — первый стратег и глава Афинского государства.
444. Основание Фурий в Южной Италии.
443. Остракизм Фукидида, сына Мелесия.
440—439. Восстание на Самосе.
437. Понтийская экспедиция Перикла.
431—404. Пелопоннесская война.

431—421. Первый период Пелопоннесской войны, или Архидамова война.
430. Чума в Афинах.
429. Смерть Перикла.
428. Восстание на Лесбосе.
427. Смута на Керкире.
427—424. Первое вторжение афинян в Сицилию.
425. Захват Демосфеном Пилоса. Прибытие Клеона на помощь Демосфену. Капитуляция спартанцев на Сфактерии.
425/4. Повышение афинянами союзной подати.
424. Захват Никием Киферы. Поход Брасида на Халкидику. Поражение афинян при Делии (в Беотии). Конгресс сицилийских греков в Геле.
423—404. Правление Дария II в Персии.
422. Битва под Амфиполем и гибель Клеона и Брасида.
421. Никиев мир и конец Архидамовой войны.
420. Союз Афин с Аргосом, Мантинеей и Элидой. Антиспартанский фронт в Пелопоннесе.
418. Победа спартанцев над аргивянами и их союзниками при Мантинее.
417. Остракизм Гипербола.
416. Подчинение афинянами Мелоса.
415—404. Второй период Пелопоннесской войны.
415—413. Второе вторжение афинян в Сицилию. Процесс гермокопидов, бегство Алкивиада в Спарту и заочное осуждение его в Афинах.
414. Осада Сиракуз афинянами. Возобновление войны между Афинами и Спартой.
413—399. Правление Архелая в Македонии.
413. Занятие спартанцами Декелеи в Аттике. Поражение афинян в Сицилии.
412. Союз Спарты с Персией. Распад Афинской державы.
411. Смуты в Афинах. Олигархический режим Четырехсот. Умеренное правление Пяти тысяч. Победы афинян при Киноссеме и Абидосе (в Пропонтидах).
410. Победа афинян при Кизике. Восстановление демократического строя в Афинах.
409—405. Возобновление борьбы карфагенян с сицилийскими греками, так называемая Первая Карфагенская война.
409. Взятие карфагенянами Селинунта и Гимеры.
408. Возвращение Алкивиада в Афины, предоставление ему чрезвычайных полномочий для ведения войны на суше и на море.
407. Первая навархия Лисандра. Поражение афинского флота при Нотии. Падение Алкивиада. Путч Гермocrates в Сиракузах.
406. Битва при Аргинусских островах. Процесс стратегов-победителей. Взятие карфагенянами Акраганта.
405—367. Тирания Дионисия Старшего в Сиракузах.
405. Вторая навархия Лисандра. Поражение афинян при Эгоспотамах. Поражение Дионисия под Гелой. Заключение мира между Сиракузами и Карфагеном.
404. Осада и капитуляция Афин. Фераменов мир и завершение Пелопоннесской войны.
Ок. 404—380. Тирания Ликофрона в Ферах (в Фессалии).
404—403. Тирания Тридцати в Афинах.
403. Падение Тридцати и восстановление демократии в Афинах.
401. Выступление Кира Младшего против царя Артаксеркса II в Персии. Битва при Кунаксе (близ Вавилона) и гибель Кира. Отступление Десяти тысяч.
Ок. 400. Закон Эпитадея в Спарте.
400—394. Война Спарты с Персией.
399. Процесс и казнь Сократа.
397. Заговор Кинадона в Спарте.
397—392. Вторая Карфагенская война и создание Дионисием территориальной Сицилийской державы.

- 395—386. Коринфская война.
 394. Сражения при Коронее и Книде. Конец спартанской гегемонии на море.
 386. Антиалкидов (Анталкидов), или Царский, мир и конец Коринфской войны.
 382—379. Война Спарты против Халкидского союза.
 382. Захват спартамцами Кадмеи и установление олигархического правления в Фивах.
 Ок. 380—370. Тирания Ясона в Ферах.
 379. Демократический переворот в Фивах. Выдвижение Пелопида и Эпаминонда. Преобразование Беотийского союза в союзное государство.
 378/7. Основание Второго Афинского морского союза.
 374. Объединение Фессалии Ясоном Ферским.
 371—362. Время возвышения Фив.
 371. Победа Эпаминонда над спартамцами при Левктрах. Смуты в Пелопоннесе. Аргосский скитализм.
 370. Создание Аркадского союза. Первый поход Эпаминонда в Пелопоннес.
 369. Восстановление независимого Мессенского государства. Союз Афин со Спартой.
 367—357. Правление Дионисия Младшего в Сиракузах.
 367/6. Первое упоминание об Этолийском союзе.
 362. Битва при Мантинее. Смерть Эпаминонда и конец фиванского могущества.
 359—336. Правление Филиппа II в Македонии.
 358. Отражение Филиппом иллирийцев.
 357. Захват Филиппом Амфиполя и начало афино-македонской войны.
 357—355. Союзническая война и фактический распад Второго Афинского союза.
 356—346. Конфликт фокидян с Дельфийской амфикинией. Третья Священная война.
 353. Победа Филиппа над фокидянами в битве на Крокусовом поле. Конец тирании Ясонидов в Ферах.
 349—348. Олинфская война. Аннексия Филиппом Халкидики.
 346. Филократов мир и завершение афино-македонской войны. Капитуляция фокидян. Филипп Македонский — протектор Дельфийской амфикинии.
 344/3. Филипп — архонт Фессалийского союза.
 344—337. Деятельность Тимолеонта в Сицилии по отражению карфагенян, искоренению тираний и восстановлению республиканских порядков.
 342. Утверждение Филиппа во Фракии.
 340. Наступление Филиппа на греческие города Пропонтиды (Перинф и Византии). Образование по инициативе Демосфена нового Эллинского союза. Объявление афинянами войны Филиппу.
 339. Скифский поход Филиппа. Вторжение македонской армии в Среднюю Грецию.
 338. Сражение при Херонее и конец греческой независимости.
 338/7. Коринфский конгресс, легализация македонской гегемонии в Греции и решение о войне с Персией.
 336. Переправа македонских войск в Малую Азию. Смерть Филиппа II и воцарение Александра. Начало эпохи эллинизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

а) хрестоматии и сборники

- Античный способ производства в источниках/Под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева. Л., 1933.
 Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. (Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин) (пер. с греч.)/Под ред. К. М. Колобовой//ВДИ. 1962. № 1—4; 1963, № 1.
 Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. Хрестоматия по античной литературе. Т. 1 (греческая литература). Изд. 7-е. М., 1965.
 Жаринов Д. А., Никольский Н. М., Радциг С. И., Стерлигов В. Н. Древний мир в памятниках его письменности. Ч. II (Греция). М., 1921.
 Лурье С. Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л., 1970.
 Маковельский А. О. Досократики. Ч. I—III. Казань, 1914—1919.
 Маковельский А. О. Софисты. Вып. 1—2. Баку, 1940—1941.
 Ораторы Греции. Пер. с греч./Составление и научная подготовка текстов М. Л. Гаспарова. М., 1985.
 Фрагменты ранних греческих философов/Издание подготовил А. В. Лебедев. Ч. I. М., 1989.
 Хрестоматия по истории древнего мира/Под ред. В. В. Струве. Т. 2 (Греция и эллинизм). М., 1951.
 Хрестоматия по истории древней Греции/Под ред. Д. П. Каллистов. М., 1964.
 Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963.

б) древние авторы

- Аполлодор. Мифологическая библиотека/Издание подготовил В. Г. Борухович. М., 1972.
 Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976—1983.
 Аристотель. Афинская полития/Пер. С. И. Радцига. Изд. 2-е. М., 1937.
 Аристотель. Риторика/Пер. с греч. Н. Платоновой//Античные риторики/Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.
 Аристотель. Экономика/Пер. Г. А. Тароняна//ВДИ. 1969. № 3.
 Аристофан. Комедии/Пер. А. И. Пиотровского. Т. I—II. М.; Л., 1934.
 Геродот. История в девяти книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
 Гомер. Илиада/Пер. Н. И. Гнедича; Под ред. И. М. Троицкого. М.; Л., 1935.

Гомер. Илиада/Пер. Н. И. Гнедича; Издание подготовил А. И. Зайцев. Л., 1990.
Гомер. Одиссея/Пер. В. А. Жуковского; Под ред. И. М. Троцкого. М.; Л., 1935.
Демосфен Речи/Пер с греч. С. И. Радцига. М., 1954.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/Пер. М. Л. Гаспарова; Под ред. А. Ф. Лосева. М., 1979.
Диодор Сицилийский. Историческая библиотека/Пер. с греч. И. Алексеева. Ч. I—VI. СПб., 1774—1775.
Еврипид. Трагедии/Пер. с греч. И. Анненского и С. Шервинского. Т. I—II. М., 1969.
Исократ. Речи (пер. с греч.)/Под ред. К. М. Колобовой//ВДИ. 1965. № 3—4; 1966. № 1—4; 1967. № 1. 3—4; 1968. № 1—4; 1969. № 1—2.
Ксенофонт. Сочинения в пяти частях/Пер. с греч. Г. А. Янчевецкого. Изд. 4-е (ч. I—II)—2-е (ч. III—V). СПб.; Ревель. 1882—1895.
Ксенофонт. Анабасис/Пер. М. И. Максимовой. М.; Л., 1951.
Ксенофонт. Греческая история/Пер. С. Я. Лурье. Л., 1935.
Ксенофонт. Киропедия/Издание подготовили В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1976.
Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения/Пер. С. И. Соболевского. М.; Л., 1935.
Лисий. Речи/Пер. С. И. Соболевского. М.; Л., 1933.
Менандр. Комедии. Фрагменты/Издание подготовил В. Н. Ярхо. М., 1982.
Павсаний. Описание Эллады/Пер. С. П. Кондратьева. Т. I—II. М.; Л., 1938—1940.
Пиндар. Вахилид. Оды. Фрагменты/Издание подготовил М. Л. Гаспаров. М., 1980.
Платон. Сочинения в трех томах. М., 1968—1972.
Платон. Диалоги/Пер. с греч. С. Я. Шейнман-Тонштейн; Под ред. А. Ф. Лосева. М., 1986.
Плутарх. Избранные биографии (пер. с греч.)/Под ред. С. Я. Лурье. М.; Л., 1941.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах/Издание подготовили С. П. Маркиш, С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961—1964.
Плутарх. Избранные жизнеописания в двух томах/Составление, вступит. статья и прим. М. Томашевской. М., 1987.
Софокл. Драмы/Пер. Ф. Ф. Зелинского; Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. М., 1990.
Страбон. География в семнадцати книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
Фукидид. История/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1981.
Эсхил. Трагедии/Пер. с греч. С. Апта. М., 1971.
Эсхил. Трагедии/Пер. Вяч. Иванова; Издание подготовили Н. И. Башов, Д. В. Иванов., М. Л. Гаспаров и др. М., 1989.
Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Phillipicae»/Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек//ВДИ, 1954. № 2—4; 1955. № 1.

в) эпиграфические материалы

Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Editio tertia. Vol. I—IV. Leipzig, 1915—1924.
Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the 5th Century B. C. Oxford, 1969.
Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol. I—II. Oxford, 1946—1948.
Гинрикс Г. Греческая эпиграфика (пер. с нем.). Одесса, 1892.
Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. Ч. I. Изд. 2-е. М., 1915.

Larfeld W. Griechische Epigraphik. 3. Aufl. München, 1914.
Woodhead A. G. The Study of Greek Inscriptions. Cambridge, 1959.

г) нумизматика

Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.
Head B. V. Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics. New edition. Oxford, 1911.
Крау С. N. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley; Los Angeles, 1976.
Sellman Ch. Greek Coins. London, 1977.

Л и т е р а т у р а

а) собственно история

общие труды

Античная Греция/Под ред. Е. С. Голубовой, Л. П. Маринич А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. Т. I—II. М., 1983.
Белох Ю. История Греции (пер. с нем.). Т. I—II. М., 1897—1899.
Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909.
Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху (IX—IV вв до Р. Х.). М., 1916.
Древняя Греция/Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова М., 1956.
Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев (VII—V вв. до н. э.). М., 1971.
История древней Греции. Ч. I—II (История древнего мира/Под ред. С. И. Ковалева. Т. II—III). М., 1937.
История древней Греции/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986.
Ковалев С. И. История античного общества. Ч. I (Греция). Изд. 2-е. Л., 1937.
Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958.
Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
Морган Льюис Г. Древнее общество (пер. с англ.)/Под ред. М. О. Косвена. М., 1934.
Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения (пер. с нем.)/Под ред. С. А. Жебелева. СПб., 1910.
Радциг С. И. Введение в классическую филологию. М., 1965.
Сергеев В. С. История древней Греции. Изд. 3-е. М., 1963.
Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества (пер. с англ.). Т. I—II. М., 1958—1959.
Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община (пер. с франц.). Изд. 2-е. М., 1903.
Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I—II. Казань, 1960—1963.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, М., 1961.
Bengtson H. Griechische Geschichte. 5. Aufl. München. 1977.
The Cambridge Ancient History. Vol. I—XII. Cambridge, 1923—1939 (с 1970 г. выходит новое переработанное и расширенное издание).
Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. 3rd ed. Oxford; New York, 1986.
Starr Ch. G. A History of the Ancient World. 3rd ed. New York; Oxford, 1983.
Will Ed., Mosse C., Goukowsky P. Le Monde Grec et L'Orient. Т. I—II. Paris, 1972—1975.

- Андреев Ю. В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы, Л., 1989.
- Блаватская Т. В. Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М., 1966.
- Блаватская Т. В. Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура. М., 1976.
- Златковская Т. Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961.
- Ильинская Л. С. Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху (Сицилия и Эгеида). М., 1983.
- Ильинская Л. С. Легенды и археология (древнейшее Средиземноморье). М., 1988.
- Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957.
- Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988.
- Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма Б). М., 1978.
- Сидорова Н. А. Искусство эгейского мира. М., 1972.

Эпоха Темных веков, или гомеровское время

- Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1989.
- Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
- Маркиш С. П. Гомер и его поэмы. М., 1962.

Архаическая эпоха

- Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.
- Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.
- Козловская В. И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М., 1984.
- Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951.
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. (по данным эпиграфических источников). М., 1982.
- Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Классическая эпоха

- Бузескул В. П. Перикл (историко-критический этюд). Харьков, 1889.
- Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
- Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг. до н. э. Минск, 1975.
- Кутергин В. Ф. Античная Беотия. Саранск, 1981.
- Лурье С. Я. Беотийский союз. СПб., 1914.
- Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.
- Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.
- Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
- Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л., 1979.

- Бюхер К. Очерки экономической истории Греции (пер. с нем.) Л., 1924.
- Валлон А. История рабства в античном мире (пер. с франц.)/Под ред. А. В. Мишулина. М., 1941.
- Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980.
- Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Колобова К. М. К вопросу о судовладении в древней Греции/Известия ГАИМК. Вып. 61. Л., 1933.
- Кулишер И. М. Очерк экономической истории древней Греции. Л., 1925.
- Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира (пер. с нем.). Изд. 3-е. Пг., 1923.
- Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. I—III. Пб., 1920—1922.
- Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.

в) государство и право

- Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей (пер. с нем.). Изд. 2-е. Харьков, 1895.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I (государственные и военные древности). Изд. 3-е. СПб., 1897.

г) идеология и культура

- Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
- Блаватский В. Д. Архитектура античного мира. М., 1939.
- Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939.
- Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.
- Боннар А. Греческая цивилизация (пер. с франц.). Т. I—III. М., 1958—1962.
- Борухович В. Г. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. Саратов, 1982.
- Вернан Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли (пер. с франц.)/Под ред. Ф. Х. Кессиди и А. П. Юшкевича. М., 1988.
- Виндельбанд В. История древней философии (пер. с нем.). М., 1911.
- Вошинина А. И. Античное искусство (исторический очерк). М., 1962.
- Гомперц Т. Греческие мыслители (пер. с нем.). Т. I—II. СПб., 1911—1913.
- Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л., 1989.
- Залесский Н. Н. Очерки истории античной философии. Вып. 1. Л., 1975.
- Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Пг., 1918.
- Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Ч. I—II. Пг., 1919—1920.
- История греческой литературы/Под ред. С. И. Соболевского. Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга и др. Т. I—III. М., 1946—1960.
- Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970.
- Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. Изд. 2-е. М., 1988.
- Куманецкий К. История культуры древней Греции и Рима (пер. с польского). М., 1990.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II (богослужбные и социально-экономические древности). Изд. 2-е. СПб., 1899.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929.

Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947.

Нейхардт А. А., Шишова И. А. Семь чудес древней Ойкумены. М., 1990.

Нерсисянц В. С. Политические учения древней Греции. М., 1979.

Панченко Д. В. Платон и Атлантида. Л., 1990.

Пельман Р. История античного коммунизма и социализма (пер. с нем.)/Под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1910.

Радциг С. И. Античная мифология. М.; Л., 1939.

Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. М., 1959.

Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.

Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1989.

Фармаковский Б. В. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918.

Фролов Э. Д. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Л., 1981.

Фролов Э. Д. Огни Диоскуров (античные теории переустройства общества и государства). Л., 1984.

д) быт

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи древней Греции и Рима (пер. с польского). М., 1988.

Гиро П. Частная и общественная жизнь греков (пер. с франц.). Пг., 1915.

Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Олимпийские игры. М., 1958.
Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Как жили древние греки. Л., 1959.

Античное Причерноморье

Источники

а) хрестоматии и сборники

Древний мир на юге России: Изборник источников/Под ред. Б. А. Тураева, И. И. Бороздина, Б. В. Фармаковского. М., 1918.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I—II. СПб., 1890—1906 (новое исправленное издание — ВДИ. 1947—1949; 1950. № 4; 1952. № 2).

б) эпиграфические материалы

Latyschev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I—IV. Petropoli, 1885—1901 (vol. P—1916).

по отдельным городам

Надписи Ольвии/Под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л., 1968.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. <Ч. I>. Киев, 1964.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. <Ч. II>. Киев, 1973.

Корпус боспорских надписей/Под ред. В. В. Струве, М. Н. Тихомирова, В. Ф. Гайдукевича и др. М.; Л., 1965.

в) нумизматика

Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Зограф А. Н. Античные монеты (Материалы и исследования по археологии СССР. № 16). М.; Л., 1951.

по отдельным городам

Зограф А. Н. Монеты Тире. М., 1957.

Карышковский П. О. Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-западного Причерноморья в античную эпоху). Киев, 1988.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.). Киев, 1977.

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М., 1956.

Литература

а) Западное Причерноморье

Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952.

б) Северное Причерноморье

Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского (античная география Северо-западного Причерноморья). М., 1986.

Античные города Северного Причерноморья. Т. I/Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. М.; Л., 1955.

Античные государства Северного Причерноморья/Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М., 1984 (в серии «Археология СССР»).

Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VII—II вв. до н. э. М., 1963.

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980.

Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)/Под ред. А. Н. Шеглова. Л., 1984.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.*

Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

а) энциклопедии и словари

- Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей (пер. с нем.). Вып. 1—4. СПб., 1883—1885; другое издание — СПб., 1898.
- Мифологический словарь/Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1990.
- Словарь античности (пер. с нем.)/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1989.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. М., 1961—1976.
- Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. T. I—V. Paris, 1877—1919.
- Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I—V. Stuttgart; München, 1964—1975.
- The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1970.
- Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, 1894—1972.

б) библиографические указатели

- Прозоров П. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1982 год на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893—1895 гг. СПб., 1898.
- Воронков А. И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.). М., 1961 (продолжения указателя А. И. Воронкова публикуются регулярно в «Вестнике древней истории», начиная с 1962 г.).
- Ma rouzeau J. L'annee philologique. Bibliographie critique et analytique de l'antiquite Greco-Latine. T. 1 — Paris, 1928.

в) историографические обзоры

- Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915.
- Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. I—II. Пб., 1923—1924.
- Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. I—II. Л., 1929—1931.
- Историкография античной истории/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.

Петере Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.

Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху/Под ред. А. П. Смирнова. М., 1959.

Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических). Пг., 1925.

Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.

по отдельным городам

Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира Киев, 1985.

Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989.

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.

Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э. Л., 1988.

Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического (Херсонесский сборник. Вып. 6). Симферополь, 1961.

Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976.

Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв до н. э. М., 1959.

Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора (Мирмекий)/Под ред. А. Н. Щеглова и А. Л. Якобсона. Л., 1987.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э.// Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985.

Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949.

Шелов Д. Б. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967.

в) Восточное Причерноморье

Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968.

Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.

Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида (миф и археология). Тбилиси, 1979.

г) Южное Причерноморье

Максимова М. И. Античные города Юго-восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт). М.; Л., 1956.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

- Абрадат — 637
 Август — 67
 Автокл — 604
 Агамемнон — 50, 56, 62, 80, 83, 84, 88, 89, 99, 101, 105, 114, 153, 222, 368, 485, 508
 Агариста — 157
 Агафокл — 646, 647
 Агафон — 552
 Агесандрид — 455
 Агесилай — 237, 479, 480, 485—487, 500, 505, 512, 514, 537, 632, 633, 635, 637, 638
 Агиады — 225, 235, 236, 254, 265, 275, 276, 292, 345, 386, 410, 463, 466, 479, 481
 Агис — 237, 446, 447, 449, 450, 462, 468, 479, 510
 Агораkrit — 423
 Адимант — 274
 Адмет — 279, 293
 Адраст — 157
 Анд — 99, 123
 Академ — 534
 Акорис — 502
 Алев Рыжий — 508
 Алевады, фессалийский род — 507, 509, 511, 560
 Александр, ферский тиран — 516
 Александр I Филэллин, македонский царь — 243, 266, 267, 301, 329, 390, 550, 552, 612, 616
 Александр II, македонский царь — 553
 Александр III Великий, македонский царь — 29, 458, 516, 548, 549, 551—553, 562, 568, 642, 644
- Александра — см. Кассандра
 Алксид — 572
 Алиатт — 153, 239
 Алкафой — 104
 Алкей — 140, 167, 168, 194, 595
 Алкивиад — 217, 319, 438—447, 449—452, 454—457, 459—462, 467, 468, 472, 475, 476, 523, 575, 597, 600, 626, 631
 Алкид — 159
 Алкидамант — 471, 515
 Алкиной — 52
 Алкман — 229, 230
 Алкмеон, афинянин из рода Алкмеонидов — 157, 178, 180, 207
 Алкмеон из Кротона, философ — 376, 379
 Алкмеониды — 131, 157, 178, 180, 181, 185, 188, 195, 199—202, 207—209, 214, 242, 247, 248, 250, 251, 254, 255, 268, 270, 283, 300, 305, 327, 336, 372, 395, 400, 438, 593, 613
 Амасис, египетский военачальник — 141
 Амасис, египетский фараон — 158, 205
 Амасис, мастер-керамист — 145
 Амебих — 141
 Аменемхет III — 60
 Аменхотеп II — 61
 Аменхотеп III — 67
 Аменхотеп IV — 67
 Аминта III — 553, 554
 Аморг — 447
 Амфиарай — 495
 Анакреонт — 158, 167, 205
 Анаксагор — 313, 327, 356, 379—381, 392, 618
- Анаксандрид — 159, 223
 Анаксимандр — 164, 608
 Анаксимен из Лампсака, оратор — 573
 Анахарсис — 163
 Ангел, фессалийский предводитель — 509
 Андокид — 202, 475, 536
 Андотион — 216, 573, 648
 Антиалкид (Анталкид) — 488, 489, 501, 504—506, 515, 522, 547, 597, 633
 Антигона — 372, 373
 Антиох — 459
 Антисфен — 527
 Антифан — 572
 Антифонт, оратор — 125, 434, 453—455, 470, 475, 618, 629
 Антифонт, софист — 432, 433, 470
 Антонин Пий — 314
 Анхимолий — 208
 Апельлес — 567
 Аполлодор — 375
 Аполлон — 34, 50, 116, 123, 127, 130, 160, 166, 169, 178, 207, 239, 240, 245, 246, 257, 258, 270, 286, 287, 369, 372, 395, 396, 400, 468, 478, 560, 574, 607
 Аполлоний — 574
 Арак — 462
 Аргей — 554, 557
 Арей — см. Арес
 Арес — 123, 160, 175
 Ариадна — 57, 525
 Арион — 156
 Аристагор — 199, 244, 246, 247
 Аристид — 246, 263, 265, 267, 268, 273, 274, 283—291, 315, 418, 541, 601
 Аристион — 198
 Аристипп из Фессалии, военачальник — 458
 Аристипп из Кирены, философ — 527
 Аристокен — 159
 Аристокитон, тираноубийца — 207
 Аристокитон, художник — 328
 Аристомед — 228
 Аристокл — 511
 Аристомед — 509
 Аристон, спартанский царь — 224
 Аристон, беотийский воин — 570
 Аристокель — 48, 104, 172, 175, 185—187, 193, 196, 200, 202, 216, 217, 236, 237, 281, 291, 315, 381, 383, 426, 427, 434, 435, 465, 474, 475, 491, 530, 535, 539, 548, 549, 572, 573, 609, 647
 Аристофан — 48, 203, 208, 289, 302, 306, 315, 331, 345, 383, 386, 391, 396, 399, 405, 406, 413, 414, 417, 419—423, 434, 435, 438, 451, 462, 468, 469, 472, 475, 476, 523, 536, 546, 575, 619
 Аркесилай II — 158
 Арнувандас IV — 62
 Аррабей — 553
 Арриан — 552
 Арт — 362
 Артаксеркс II Мнемон — 293, 303, 336, 340, 399, 410, 482—484, 537, 632, 640, 641
 Артаферн — 214, 244, 252, 254, 289, 399, 414
 Артемида — 123, 160, 223, 368, 420, 485
 Артемисия — 271, 611, 612
 Архелай, софист — 470
 Архелай, македонский царь — 475, 482, 511, 550, 552, 553
 Архидам — 301, 368, 385, 387, 388, 394, 395, 399, 400, 408, 418, 421, 422, 433, 436, 439, 444, 446, 449, 515, 620, 625, 628
 Архилох — 134, 135, 152, 167, 542
 Архит — 530
 Архон — 141
 Асклепиады — 640
 Асклепий — 31, 35, 116, 165
 Аспасия, жена Перикла — 327, 379, 392, 401, 402, 461, 525, 590, 611
 Аспасия, жена Кира Младшего — 458
 Ассаргадон — 140
 Астрабак — 224, 293
 Атрей — 62, 89, 91, 114
 Атриды — 89, 105, 153
 Аттарисья — 62
 Афина — 50, 74, 98, 123—125, 160, 180, 200, 201, 205, 226, 229, 257, 292, 355, 365, 369, 370, 374, 375, 392, 475, 478, 493, 567, 586
 Афиней — 169, 236, 539
 Афродита — 46, 50, 73, 98, 122, 123, 166, 526
 Ахилл — 50, 51, 62, 88, 99, 101, 103, 175, 312, 313, 396, 425, 507
 Ахиллес — см. Ахилл
 Ахорис — 542
 Ахурамазда, персидское божество — 246
- Бакид — 396
 Бахиады — 128, 155
 Бебель А. — 550
 Беллерофонт — 120, 420
 Белох К. Ю. — 107, 200, 272, 328, 363, 392, 519, 542, 550
 Берве Г. — 550
 Беркли Дж. — 311
 Биант — 155, 240
 Бисмарк О. — 224, 549, 550

* Указатель составлен Е. В. Никитюк

- Бледжен К. — 96
 Богаевский Б. Л. — 63, 75–77, 120
 Богес — 295
 Брасид — 415–417, 437, 488, 510, 557, 619, 629
 Брисеида — 50
 Бузескул В. П. — 624, 628
 Бузольт Г. — 111, 118
 Бутады — 177, 192
 Бюхер К. — 77
- Вакхилид — 440
 Вико Дж. — 52
 Вилькен У. — 200, 263, 542
 Виппер Р. Ю. — 564, 570
 Владимир, киевский князь — 54
 Вольф Ф.-А. — 52, 53
- Гадат — 245, 257, 270
 Гамилькар — 265
 Ганнибал — 456, 460, 536
 Гармодий — 207
 Гарпократион — 360
 Гасдрубал — 536
 Гаумата — 245
 Гегель Г. В. Ф. — 530
 Гегесистрат — 205
 Гейне Г. — 73
 Гейнлейн — 272, 273
 Геката — 588
 Гекатей — 246, 270, 607, 608, 610, 615–617
 Гекатомн — 502
 Гектор — 50, 51, 99
 Гелланик — 216, 314, 315, 609, 610, 643, 648
 Гелон — 265, 270, 306
 Гера — 50, 87, 108, 124, 158
 Геракл — 157, 174, 233, 308, 390, 481, 487, 548
 Гераклид Понтийский — 216
 Гераклиды — 236, 608, 642
 Гераклит Эфесский — 164, 309, 310, 474
 Гермес — 89, 116, 123, 161, 166, 206, 431, 444, 526/588J
 Гермипп — 402
 Гермократ — 414, 445, 456
 Герод — 482
 Геродот — 58, 64, 69, 113, 115, 130, 131, 136, 138, 140, 141, 158, 172, 178, 180, 200–202, 205, 209, 216, 225, 237, 238, 240, 241, 243–247, 249–251, 253, 256, 259, 260, 263–274, 276, 287, 288, 314, 318, 327, 330, 331, 362, 372, 492, 509, 550, 607, 609–618, 621–623, 627, 631, 639–641, 643, 644
 Гершензон М. О. — 200
- Гесиод — 58, 64, 112, 123, 152, 154, 161, 166, 167, 491, 492
 Гескон — 456
 Гестия — 123, 588
 Гетемарид — 286, 601
 Гефест — 89, 115, 123, 160
 Гея — 123, 570
 Гиакинф — 222
 Гибрий — 236
 Гигес — 136, 152
 Гиеракс — 557
 Гиерон — 279, 306
 Гилипп — 445, 446, 645
 Гимилькон — 460
 Гипатодор — 328
 Гипербол — 405, 418, 438, 441, 442, 629
 Гиппарх, сын Писистрата — 205–207
 Гиппарх, Писистратид — 248, 258
 Гиппий, сын Писистрата — 159, 206–208, 210, 214, 247, 254, 256, 294, 622
 Гиппий из Элиды, софист — 471
 Гипподам — 362, 381, 532
 Гиппоклид — 196
 Гиппократ, афинский полководец — 414
 Гиппократ, врач — 429, 430
 Гиппократ Хиосский, математик — 429
 Гипполит — 420
 Гиппоник — 217
 Гистий — 199, 243, 244, 248, 596
 Гитиад — 229
 Главк — 111
 Глосс — 502
 Глотц Г. — 157, 184
 Гнедич Н. И. — 105
 Гобино Ж. — 272
 Гомер — 27, 45, 46, 49, 50, 52–57, 61, 69, 73, 80–84, 87–89, 97, 105, 111, 114, 115, 119, 120, 122, 124, 128, 161, 165, 167, 174, 205, 219, 220, 223, 551, 552, 608
 Гонгил — 278, 293
 Горгий — 410, 432, 469, 524, 618
 Горы — 116
 Гофман О. — 551
 Греиффельд Б. П. — 645
 Грилл — 633
 Грозный Б. — 61
 Грот Дж. — 54, 518
 Группе О. — 173
- Даврис — 248
 Даимах — 496, 645
 Дамарат (Демарат) — 254, 293
 Дамасий — 196
 Данаиды — 61
 Данай — 61
- Даная — 61
 Дарвин Ч. — 427
 Дарий I, персидский царь — 199, 241, 243–246, 253–257, 270, 271, 595, 596, 598, 609, 615, 640
 Дарий II — 447, 448, 482, 483
 Датис — 254
 Дейномен — 306
 Деифоб — 104
 Декелей, афинский род — 177
 Дексипп — 460
 Деметра — 35, 123, 127, 163, 166, 174, 357, 359, 444
 Деметрий Полиоркет — 523
 Демокед — 158
 Демокрит, философ-материалист — 313, 378, 424–433, 470, 474, 529, 530, 534, 535
 Демокрит, автор труда по теории искусства — 375
 Демосфен, афинский стратег — 411–413, 423, 446
 Демосфен, оратор — 176, 184, 501, 538–541, 544, 549, 550, 556, 561–567, 571–573, 582, 587, 599, 644, 648
 Демотиониды — 177
 Демофил — 642
 Деркилид — 485, 597
 Дикеополь — 422
 Диоген из Синоп — 527
 Диодор Сицилийский — 49, 58, 172, 237, 272, 273, 281, 315, 329, 335, 336, 340, 383, 435, 440, 476, 519, 520, 537, 573, 636, 639, 641, 644–647
 Диокл — 456, 457
 Дион — 646
 Дионис — 68, 135, 155, 161, 163, 200, 203, 306, 493, 525, 526
 Дионисий Старший, сиракузский тиран — 518–523, 528, 536, 646
 Дионисий Младший — 646
 Дионисий Галикарнасский — 443
 Диоскуры — 223
 Домашевский А. — 241
 Доркид — 292
 Драконт — 104, 119, 151, 184–186, 192
- Евагор — 487, 488, 502, 524, 640
 Евбул — 545
 Евдам — 141
 Евдокс — 313
 Евкл — 619
 Евклид из Афин, архонт — 593
 Евклид из Мегар, философ — 526
 Евкрат — 405
 Евмей — 52
 Евмениды — 369
 Евмолпиды — 214
 Евпалин — 158
 Евполид — 153, 434
- Евриал — 114
 Еврибиад — 260, 270, 274
 Евримедонт — 445
 Еврипид — 48, 125, 306, 371, 395, 419–423, 434, 442, 446, 450, 457, 467, 468, 470, 475, 492, 502, 525, 552, 553, 572
 Еврипонтиды — 224, 235, 236, 254, 275, 276, 386, 388, 458, 479, 509
 Евфипп — 333
 Евхенор — 89
 Елена Древесница, божество — 74, 222
 Елена, жена спартанского царя Менелая — 50, 62, 74, 81, 222, 233, 392, 468
- Жуковский В. А. — 148, 158
- Залевк — 151, 154, 362
 Зевксис — 375
 Зевс — 32, 34, 35, 50, 51, 58, 68, 69, 89, 90, 92, 98, 99, 116, 117, 122–125, 154, 226, 227, 257, 307, 308, 370, 375, 422, 431
 Зелинский Ф. Ф. — 400
 Земля, божество — 127, 189, 369
 Зенон — 311–313, 424, 425
 Зопир — 389, 397, 414
 Зундвалл И. — 72
- Ианасса — 96
 Ивик — 148, 158
 Идоменей — 104
 Иезекииль — 140
 Инар — 303, 336, 337
 Ио — 113, 307, 308
 Иокаста — 372
 Ион Хиосский — 302, 314, 315
 Ирена — 241
 Исагор — 202, 208–210
 Исей — 571
 Йемена — 372
 Исократ — 439, 465, 500, 501, 503, 504, 511, 515, 523, 524, 532, 536, 540, 542, 546, 547, 551, 556, 562, 565, 571, 572, 642–644, 646, 648
 Италия, дочь Фемистокла — 279
 Ифигения — 368
 Ификрат — 488, 515, 537, 542, 554
- Кагаров Е. Г. — 104
 Каллий — 199, 217, 296, 340, 341, 365, 382, 393, 447, 451
 Калликл — 472
 Калликратид — 460, 461, 479
 Каллимах, афинский архонт — 255, 270

- Каллисфен — 296
Камбиз — 240, 245, 595, 615
Кант И. — 530
Кассандра — 222, 368
Кастор — 81, 222
Кедон — 207
Кеик — 608
Кера — 104
Кербер — 608
Керсobleпт — 566
Киклоп — 131, 421
Килон — 157, 179, 180, 208, 216, 395, 396
Кимо — 96
Кимон, брат Мильтиада Старшего — 202
Кимон, сын Мильтиада Младшего — 178, 258, 267, 272, 279, 285, 286, 292, 294—303, 314, 315, 319, 320, 323, 327, 332—334, 336—340, 346, 357, 358, 360, 363, 368, 370, 371, 383, 386, 390, 416, 591, 601
Кинадон — 480, 481
Кипсел, коринфский тиран — 154, 155, 158, 204
Кипсел, афинянин, отец Мильтиада Старшего — 202, 204
Кипселиды — 154—156, 159
Кир Старший, основатель Персидской империи — 186, 239, 240, 245, 615, 637, 641
Кир Младший, сын Дария II — 457—460, 462, 482—485, 502, 511, 536, 537, 542, 632, 635—637, 641
Кирка — 51
Кирн — 168
Клеандрид — 344, 345, 362, 386, 445
Клеомброт — 512
Клеомен — 33, 208—210, 237, 247, 254, 276
Клеон — 316, 322, 363, 402, 403, 405, 408, 412—415, 417, 418, 423, 435, 626, 628, 629, 631
Клеофонт — 405, 456, 457, 459, 461, 463
Клиний — 217, 438
Клисфен, сикионский тиран — 156, 157, 159, 207
Клисфен, афинский реформатор — 177, 186, 193, 194, 202, 203, 207—215, 247, 265, 272, 284, 292, 300, 316, 322, 327, 351, 354, 355, 359, 360, 402, 464, 495, 593
Клитемнестра — 99, 122, 222, 368, 369
Клитодем — 648
Ковалевский М. М. — 103, 105
Кондорсе Ж. А. Н. — 474
Конон, друг Солона — 217
Конон, афинский стратег — 460, 462, 476, 485—489, 537, 640
Кора — 127
Корнелий Непот — 315, 476, 537, 645
Корнсман Э. — 174
Котис — 561
Кратер — 360
Кратин — 434
Кратипп — 620, 639, 640, 645
Крез — 136, 204, 205, 216, 239, 240, 257
Креонт — 372, 373
Кречмер П. — 96, 551
Критий — 235, 237, 460, 464, 465, 472, 511, 631
Кронион — см. Зевс
Кронос — 123, 203, 206, 307
Ксантип — 258, 266, 267, 283, 284, 300, 326
Ксенар — 437, 510
Ксенократ — 363
Ксенофан — 89, 165, 309—311
Ксенофонт — 33, 48, 186, 237, 318, 346, 356, 383, 434, 458, 465, 472, 474, 477, 480, 483—485, 490, 499, 511, 517, 518, 524, 525, 536, 545, 546, 581, 589, 602, 604, 620, 625, 628, 630—641, 645
Ксеркс — 241, 246, 255, 256, 258, 259, 263—265, 293, 424, 495, 611, 612, 614, 615
Ктесий — 389, 458, 537, 640, 641, 643
Куруниотис К. — 96
Курций Руф — 551
Лаий — 371, 372
Лакедемоний, сын Кимона — 279, 295
Лакиады — 320
Лакратид — 214
Ламах — 444, 445
Лампон — 362
Лаомедон — 116
Лас — 205
Латона — 169, 284
Лахман К. — 52
Лаэрт — 82, 114
Леви — 246
Левкон — 574
Леманн-Гаупт К. Ф. — 272, 273
Ленин В. И. — 164, 313, 530, 534
Леогор — 202
Леонид — 260, 261
Леонт — 465
Леотихид, спартанский царь — 266, 509
Леотихид, сын спартанского царя Агиса II — 479, 480
Леохар — 176
Либаний — 544, 556
Лигдамид — 157, 159, 199, 204, 244, 611
Ликид — 267
Ликомед — 514
Ликофрон, ферский тиран — 460, 511
Ликофрон, софист — 471
Лике — 238
Ликург, спартанский законодатель — 237, 257, 481, 637
Ликург, афинский политик — 195
Лимнория — 96
Лисандр — 237, 458—460, 462—467, 476, 478—482, 486, 537, 564, 587, 635, 637, 644
Лисий — 406, 464, 470, 475, 522, 536
Лисикл — 405
Лихас — 448
Лукиан — 36, 544
Мавзол — 544
Магон — 265
Максимова М. И. — 122, 170, 526
Мандрокл — 158
Мардоний — 252, 253, 259, 264, 266—268, 270, 615
Маркс К. — 107, 532, 582
Марон — 135
Марр Н. Я. — 43
Марсий — 638
Марцеллин — 618
Матьер богов, божество — 161
Мачинский — 77
Мегабаз — 131, 199, 243, 278, 332, 340
Мегабиз — 337, 389
Мегакл — 157, 180, 195, 199, 201, 258, 305
Медий — 511
Мейер Эд. — 71, 74, 75, 81, 87, 88, 154, 158, 173, 200, 263, 272, 333, 587, 645
Мелеагр — 81
Мелесий — 323
Мелисс — 311
Менандр — 468
Менеклид — 515
Менелай — 50, 51, 62, 74, 88, 89, 114, 222, 233, 468
Мермнады, лидийская династия — 136
Мернептах — 61
Месут-Ра — 245
Метон — 429
Милонас Э. — 96
Мильтиад Старший, основатель афинской колонии на Херсонесе Фракийском — 199, 202, 204, 205, 243, 250, 343, 416, 595
Мильтиад Младший, победитель персов при Марафоне — 205, 246, 251—253, 255, 257, 258, 285, 294, 295
Мильтнер Ф. — 272, 594, 598
Миндар — 456
Минос — 57, 58, 60, 64, 66, 68, 69, 92, 219
Минотавр — 57, 68, 69
Мирон — 309
Миронид — 267, 332, 334
Мирсил — 167
Мишулин А. В. — 473, 474
Мищенко Ф. Г. — 613, 627
Мнасон — 539
Морган Л. Г. — 79, 551
Морих — 414
Мурсилис II — 61
Мюллер К. О. — 551
Мюллер-Штрюбинг Г. — 592
Навская — 115
Наполеон Бонапарт — 549
Нарамсин — 64
Нелиды — 297
Нерон — 640
Нестор — 51, 55, 82, 105, 508
Нибул Б. Г. — 54, 549
Ника — 374, 461
Никерат — 464
Никий — 405, 412, 413, 417, 418, 423, 436, 441—446, 461, 464, 476, 620, 646, 647
Николай Дамасский — 172, 638
Нильссон М. П. — 81, 82, 89
Нимфодор — 399
Нич Г. В. — 52
Нот — 32
Оветт А. — 272
Одиссей — 31, 50—52, 54, 88, 89, ПО, 114, 117, 129, 421
Ойней — 608
Оксиринхский историк — 496, 602, 636, 645
О лор — 618
Онесикрит — 638
Ономарх — 560
Орест, сын Агамемнона — 99, 105, 122, 368, 369
Орест, фессалийский правитель — 510
Орет — 240
Оронт — 483
Орфагор — 153, 197
Орфагориды — 156
Отан — 243, 244
Павсаний, спартанский полководец — 237, 265, 267, 274, 278, 283—286, 291—293, 315, 396, 410, 591
Павсаний, спартанский царь — 463, 466, 479, 481, 486, 637
Павсаний, предводитель линкестийцев — 554

- Павсаний, писатель-периегет — 228, 236, 328, 383, 537, 614
Паллада — см. Афина
Памфила — 641
Пандион — 211
Паниассий — 238
Панфея — 637
Парис (Александр) — 50, 51, 62, 81, 392
Парисатида — 483
Парменид — 310, 311
Пармениск — 169
Паррасий — 375
Пасифая — 226, 229
Патрокл — 51, 125
Пегас — 420
Пелей — 88
Пелек — 141
Пелоп — 89
Пелопид — 498, 499, 512, 515, 516, 518, 537, 553
Пельман Р. — 103, 542, 564, 587
Пенелопа — 51
Пердикка II, македонский царь — 394, 399, 416, 417, 442, 553
Пердикка III — 528, 553, 554
Периандр — 133, 154—156, 182, 203
Перикл — 48, 213, 247, 258, 266, 270, 284, 287, 290, 296, 300, 301, 303, 312, 316—322, 324, 326—328, 331, 332, 335—346, 348, 354—368, 370—373, 379, 381, 383, 384, 387, 388, 390—393, 395—398, 400—402, 405, 407, 412, 413, 418, 438, 461, 478, 575, 579, 590, 601, 602, 611, 613, 616, 626—629
Периклид — 302
Перисад — 574
Перс, брат Гесиода — 166
Персей — 390, 550
Перссон А. В. — 96
Пиндар — 157, 265, 266, 304—306, 314, 440
Писандр — 451—453
Писистрат, афинский тиран — 52, 53, 138, 139, 153, 155, 157, 167, 173, 178, 195—207, 209, 210, 212, 213, 216, 221, 244, 248, 251, 272, 273, 316, 359, 360, 386, 396, 416, 575, 595
Писистрат, сын Гиппия — 622
Писистратиды — 173, 195, 201, 206—208, 213, 248, 250, 251, 254, 255, 258, 294, 416, 509, 618
Писсуфн — 366, 414
Питтак — 136, 144, 153—155, 167, 191, 197, 595
Пифагор — 158, 165, 311
Пифия — 158, 160, 257, 395
Пифон — 127, 642, 643
Платон — 58, 69, 133, 155, 236, 334, 357, 381, 431, 438, 465, 469, 472, 475, 478, 490, 501, 522, 525, 528—536, 546, 548, 575, 628, 644
Плистоанакт — 344, 345, 386, 410, 418, 479
Плутарх — 153, 176, 190, 194, 216, 217, 224, 226, 229, 237, 251, 252, 268, 273, 285, 287, 288, 290, 296, 314, 319, 323, 336, 339—341, 358, 361, 383, 401, 434, 435, 438, 440, 446, 450, 458, 459, 476, 520, 529, 537, 541, 573, 611, 636, 637, 639, 641, 644—647
Полибий — 236, 599, 647
Полигнот — 309, 375
Полидевк — 81, 222
Полидор — 227
Полиид, троянский герой — 89
Полиид, изобретатель военных машин — 567
Поликлет — 308, 309
Поликрат — 108, 157—159, 204, 240, 244, 259, 614
Поликтор — 89
Полиик — 373, 468
Полисперхонт — 523
Полифем — 51, 421
Полиэн — 200, 435
Поллукс — 236, 508
Помпей Трог, историк — 573, 639, 645, 647
Посейдон — 32, (90/96, 116, 122, 159, 174, 200, 233, 375, 493
Потасимто — 141
Пракситель — 525, 526
Прет — 120
Приам — 50, 51, 55, 99, 222, 368
Проксен — 458, 632
Прометей, мифологический герой — 307, 308, 370
Прометей, политический деятель в Ферах — 460, 511
Протагор — 313, 327, 356, 362, 392, 431, 432, 469, 470, 611
Псамметих I, египетский фараон — 141
Псамметих II — 141, 156, 361, 389
Псамметих, отец Инара — 336
Псамметих, египетский правитель — 361, 389
Псамметих, сын Феокла, греческий военачальник — 141
Псамметих, преемник Периандра — 156
Птолеми, династия царей в эллинистическом Египте — 29
Птолемей из Алора, македонский царь — 553, 554
Птолемей I, основатель царской династии в эллинистическом Египте — 523
Ра — 67, 245
Радамант — 73
Рамзес II, египетский фараон — 61, 141
Рамзес III — 61
Рамфий — 437, 510
Рейнак С. — 259
Рея — 123
Риан — 228
Роде В. — 126
Родомант — 73
Родопис — 141
Ролан — 474
Рэк — 158
Садок — 399, 416
Санктис Г. де — 272
Саргон I — 64, 140
Сарпедон — 111
Сафо — 141, 167
Свида — 273, 618
Севф — 416
Селевкиды — 29
Сельтман Ч. — 216
Сенусерт II — 60
Сергеев В. С. — 272
Сесострис — 616
Сибарис, дочь Фемистокла — 279
Силен — 421
Силосонт, брат самосского тирана Поликрата — 244
Симмах — 159
Симонид Кеосский — 205, 261, 270, 306, 314, 440
Синахериб — 140
Ситалк — 399, 416
Скилла — 51, 74
Скопады, фессалийский род — 507
Скопас — 526
Сократ из Ахайи, военачальник — 458, 461, 464, 465
Сократ, афинский философ — 423, 438, 471—474, 478, 484, 524—529, 631
Соломоник Э. И. — 636
Солон — 104, 124, 155, 167, 172—179, 185—203, 206, 210—217, 231, 264, 272, 284, 360, 402, 464, 579
Сольдерс С. — 174
Софокл — 33, 48, 306, 307, 327, 371—373, 395, 400, 419, 469, 611, 648
Софонет — 458, 636
Спарток — 574
Стесимброт Фасосский — 314, 315, 382
Стефан Византийский — 635
Страбон — 109, 172, 236, 330, 647
Стратокл — 557
Сфенелаид — 395
Сфинкс — 99, 122, 371
Сфодрий — 500
Сципион Младший — 638
Талфибиады, спартанский род — 225
Тамос — 502
Тантал — 135
Тарип — 448
Тахос — 542
Тезей — 57, 69, 81, 92, 173, 174, 186, 211, 296, 335, 372, 420, 421
Телемах — 51, 52, 82, 89
Терей — 390, 550
Терес — 390, 550
Терил — 265
Терпандр — 229
Тимей — 115, 520, 537, 646—648
Тимокреонт — 283, 314, 315
Тимофей — 542
Тиндарида — 224
Тиртей — 46, 106, 151, 168, 226, 228—230, 237
Тиссаферн — 447, 448, 450, 451, 455, 457, 459, 483—485, 600
Титаны — 369
Толмид — 335—337, 344
Толстой И. И. — 52
Тройский И. М. — 571
Тумб А. — 551
Тутмес III, египетский фараон — 60, 65
Тутхалиас IV, хеттский царь — 62
Тюменев А. И. — 153
Уджагорресент — 245
Унуамон — 150
Уран — 123
Фаилл из Кротона, атлет — 270
Фаилл, брат Ономарха, фокидский военачальник — 560
Фалес — 164, 165, 167, 238, 271
Фарнабаз — 447, 455, 456, 459
Феаген — 157, 179—181
Феб — см. Аполлон
Фебид — 489, 490, 497
Федра — 420
Фемистоген Сиракузский — см. Ксенофонт
Фемистокл — 203, 213, 246, 249, 250, 252, 253, 258, 261—265, 268, 269, 273, 276, 278—286, 291—295, 314, 315, 328, 331, 335, 360, 390, 591, 600, 601, 626, 627, 644
Феникс — 88, 615
Фенипп — 539

- Феогнид — 154, 168, 194
 Феодор из Сиракуз, политический деятель — 520, 521
 Феодор из Кирены, математик — 530
 Феокл — 141
 Феоклимен — 104
 Феон — 646
 Феопомп, спартанский царь — 227, 228
 Феопомп, историк — 273, 573, 637, 639, 640, 642—645
 Теофраст — 647
 Ферамен — 454, 455, 463—465, 629, 631
 Ферон — 265
 Ферсит — 128
 Фессал — 279
 Фиброн — 237, 481, 485, 637
 Фидий — 309, 374, 375, 392
 Фидон — 156, 178, 231
 Фиест — 89
 Филаиды, афинский род — 104, 156, 192, 196, 201, 202, 204, 284, 285, 327, 416, 618, 630
 Филипп, сын македонского царя Александра I — 553
 Филипп II, македонский царь, отец Александра Великого — 516, 524, 547—574, 586, 644
 Филлист — 537, 645—647
 Филократ — 563, 566
 Филоксен — 516
 Филолай — 109, 130, 152, 491
 Филомел — 559, 560
 Филот — 551, 552
 Филохор — 216, 648
 Фовель — 314
 Фокион — 541, 573
 Формион — 362
 Форрер Э. — 61, 62
 Фотий, константинопольский патриарх — 389, 537, 641
 Фракиды, дельфийский род — 559
 Фрасибул, тиран в Милете — 153, 155, 197, 239
 Фрасибул, афинский демократ — 454, 465, 476, 537
 Фрасилл — 454
 Фрасимах — 550
 Фрезер Дж. — 68
 Фриних — 249, 307, 365, 406, 407, 451, 453—455, 475
 Фринон — 182
 Фукидид, сын Мелесия, политический деятель, противник Перикла — 323, 325, 327, 332, 341, 343, 362, 363, 365, 383, 405, 407, 602, 618
 Фукидид, сын Олора, афинский историк — 48, 49, 56, 58, 64, 107, 113, 180, 216, 233, 234, 237, 242, 280, 284, 287, 288, 291, 293, 314, 315, 317—319, 325, 328, 330, 333, 335, 343, 345, 363, 382, 383, 385, 387, 388, 390, 392, 393, 396, 400—403, 405—408, 410—412, 416—418, 433, 434, 441—443, 449, 454, 474, 475, 491, 492, 495, 507, 536, 550, 553, 592, 599, 600, 608, 609, 612, 617—631, 639, 640, 642, 643, 644, 646, 647
 Хабрий — 500, 541, 542, 545
 Хаммурапи — 26
 Хант — 645
 Харакс — 141
 Харет — 542, 545
 Харибда — 51, 74
 Харон из Лампсака — 608
 Харонд — 151, 154, 363
 Хиан — 60
 Хилон — 155, 159
 Химера — 120
 Хрисеида — 50
 Хьюдзон Г. Г. — 273
 Цихориус К. — 175
 Цицерон — 638, 646
 Шахматов А. А. — 43
 Шекспир В. — 83
 Шёман Г. Ф. — 224
 Шеффер В. А. — 174
 Шиллер Ф. — 148, 158
 Шлиман Г. — 54—56, 58—61, 79, 80, 82, 86
 Штерн Э. — 206
 Штир Г. — 328
 Эак, отец самосского тирана Поликрата — 108, 249
 Эак, сын Силосонта, самосский тиран — 249
 Эант — 124, 198, 438
 Эванс А. — 59, 60, 62, 72
 Эгей — 57, 211
 Эгиды, спартанский род — 225
 Эгисф — 99, 368
 Эдип — 99, 122, 371—373, 401, 468
 Эксамий — 238
 Эмпедокл — 313, 376—379, 381, 427
 Энгельс Ф. — 56, 64, 77, 79, 90, 103, 104, 107, 179, 186, 213, 223, 234, 357, 369, 474, 499, 551, 572
 Эней — 104, 114, 647
 Энобий — 619
 Энопид — 429
 Эпаминонд — 499, 505, 512—518, 537, 554, 555
 Эпикур — 474
 Эпитадей — 478
 Эратосфен — 475, 609
 Эрехфей — 24, 374
 Эринии — 369
 Эсхил — 48, 259, 263, 264, 270, 302, 306—308, 314, 368—370, 383
 Эсхин, сикионский тиран — 159
 Эсхин, афинский оратор — 177, 540, 562, 571—573
 Этеобутады, афинский род — 177, 195
 Этеокл, сын Эдипа — 373, 468
 Этеокл, греческий царь — 62
 Эфиальт, афинский политический деятель — 296, 300, 301, 303, 316, 327, 353, 354, 368, 370, 371
 Эфиальт, проводник персов при Фермопилах — 261
 Эфор — 216, 236, 273, 387, 573, 609, 610, 636, 639, 642—646, 648
 Эхепол, греческий герой — 89
 Юр П. — 152, 153
 Юстин — 573, 647
 Якоби Ф. — 645
 Ямбул — 637
 Ясон, ферский тиран — 505, 511, 512, 516, 523

4. Клисфен	210
5. Источники	216
Глава IV. Архаическая эпоха (продолжение). Прimitивно-рабовладельческие общества	218
1. Крит VI—V веков	—
3. Древнейшая Спарта	222
3. Переворот начала VI века	230
4. Источники	236
Глава V. Греко-персидские войны	238
1. Ионийское восстание	—
2. Поход Дария на Грецию	253
3. Поход Ксеркса и битвы при Саламине и Гимере	256
4. Окончательная победа над персами	266
5. Источники	270

Часть II

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Глава VI. Реакция в Афинах (478—461 гг.)	274
1. Международная обстановка после Греко-персидских войн	—
2. Внешняя политика афинских «партий» в первые годы после Платейской битвы	277
3. Внутренняя политика демократической «партии»	281
4. Афины под руководством аристократической «партии»	—
5. Образование Первого морского союза	285
6. Поражение демократических группировок в Афинах и Спарте	291
7. Кимон и борьба с Персией	294
8. Банкротство аристократического режима в Афинах	298
9. Недовольство союзников	300
10. Падение Кимона	301
11. Литература, искусство и наука периода реакции	304
12. Источники	313

Глава VII. Афины Перикла (460—431). Часть первая. Предпосылки расцвета Афин	316
1. Демократическая «партия»	—
2. Аристократическая лаконофильская «партия»	323
3. Своеобразие античных «партий». Перикл	326
4. Борьба с Пелопоннесским союзом в 460—454 гг.	327
5. Египетская экспедиция	336
6. Внешняя политика афинян в 454—445 гг.	337

Глава VIII. Афины Перикла (460—431). Часть вторая. Расцвет Афин	347
1. Торговый расцвет Афин	—
2. Государственный строй Афин времени Перикла	349
3. Общая характеристика афинского рабовладельческого демократического строя времени Перикла	356
4. Афинская внешняя политика после 445 г.	361
5. Фукидид о Перикле	363
6. Афинский морской союз при Перикле	364
7. Причины афинской агрессивной политики 445—431 гг.	367
8. Литература, искусство и наука	368
9. Источники	382

Глава IX. Архидамова война	385
1. Афины и Спарта перед войной	—

ОГЛАВЛЕНИЕ

Э. Д. Фролов. Тернистый путь ученого: С. Я. Лурье и его «История Греции»	3
--	---

Часть I

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОБРАЗОВАНИЯ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

Введение	25
1. Страна и население древней Греции	29
2. Этнические предпосылки	40
3. Установление основных фактов греческой истории	47
4. Крит и его культура	63
Глава I. Микенское и гомеровское общество	78
1. Классовое и родовое общество на материке Греции	—
2. «Илиада» и «Одиссея» как источники для истории микенского общества	80
3. Микенское общество	84
4. Микенская культура. Гибель Критского государства	90
5. Разложение микенского общества. Влияние микенской культуры на греческую	97
6. Гомеровское общество	100
7. Культура гомеровской эпохи	119
8. Внутренние противоречия в позднегомеровском обществе	128
Глава II. Архаическая эпоха	130
1. Колонизация	—
2. Влияние колонизации в области экономики	142
3. Влияние колонизации в области общественных отношений	147
4. Законодатели и тираны	151
5. Культура архаической эпохи	159
6. Источники	172
Глава III. Архаическая эпоха (продолжение). Революция VI века в Афинах	173
1. Афины до Солона	—
2. Солон и начало революции в Афинах	187
3. Тирания в Афинах	195

2. Планы и перспективы войны	397	2. Борьба за пути к хлебу и рабочей силе	593
3. Период неудач Афин	399	3. Принцип «международного равновесия»	598
4. Политические «партии»	401	4. Заключение	605
5. Второй период войны. Пилосская экспедиция	407		
6. Новые неудачи Афин	414	Глава XV. Античная историография греческой истории до 362 г.	607
7. Никиев мир	418	1. Логографы	—
8. Театр	419	2. Геродот	610
9. Естествознание и философия	424	3. Фукидид	618
10. Источники	433	4. Ксенофонт	631
		5. Историки IV в	639
Глава X. Конец борьбы Афин со Спартой	436	Хронологическая таблица	649
1. Алкивиад и возобновление войны	442	Библиография	653
2. Сицилийская экспедиция	446	Указатель имен	662
3. Декелейская, или Ионийская, война	446		
4. Развязка войны	457		
5. Победа Спарты	464		
6. Восстановление демократии	465		
7. Литература	467		
8. Философия	470		
9. Источники	474		
Глава XI. Кризис IV века (401—362).	477		
1. Гегемония Спарты	~		
2. Спарта, Персия и греческие государства	485		
3. Беотия. Освобождение Фив	490		
4. Экономический кризис в Греции и пропаганда похода на персов	500		
5. Второй Афинский морской союз	503		
6. Борьба Беотии с Фессалией	506		
7. Конец спартанского могущества	511		
8. Смерть Пелопида и Эпаминонда	516		
9. Военная монархия в Сицилии	518		
10. Литература и искусство	523		
11. Философия	526		
12. Заключение	535		
13. Источники	536		
Глава XII. Конец свободной Греции	538		
1. Экономический и социальный кризис в материковой Греции	—		
2. Социальные проекты и утопии	545		
3. Возвышение Македонии	549		
4. Первые успехи Филиппа	554		
5. Священная война и Филократов мир	559		
6. Покорение Греции	567		
7. Литература	570		
8. Заключение	572		
9. Источники	—		
Глава XIII. Социально-экономическое развитие и быт Греции в классический период	575		
1. Общественные группировки	—		
2. Ремесленная и земледельческая техника	579		
3. Торговля и кредит	583		
4. Общая характеристика античной экономики	587		
5. Быт	588		
Глава XIV. Международные отношения	591		
1. Борьба рабовладельческой демократии и рабовладельческой аристократии	—		

Учебное издание

СОЛОМОН ЯКОВЛЕВИЧ ЛУРЬЕ

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

Редактор *О. Е. Хованова*

Обложка художника *Н. А. Нефедова*

Технический редактор *Е. Г. Учаева*

Художественный редактор *С. В. Алексеев*

Корректоры *Н. С. Синеникольская, К. Я. Герловина*

ИБ № 3801

Сдано в набор 13.01.92. Подписано в печать 10.03.93. Формат 60 X 90Vie. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 42,5. Усл. кр.-отг. 42,69. Уч.-изд. л. 46,33. Тираж 8000 экз. Заказ 199. Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография № 8 Мининформпечати РФ. 190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 0.